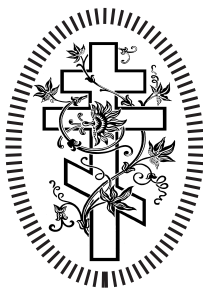

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ

РУССКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

- Русская цивилизация: история и идеология
- Слово и дело национальной России
- Экономика русской цивилизации
- Экономическое учение славянофилов
- Денежная держава антихриста
- Энциклопедия Черной сотни
- История русского народа в XX веке
- Стратегия восточных территорий
- Мировоззрение славянофилов
- Биосфера и кризис цивилизации
- Начальная история русской цивилизации
- Третий Рим против нового мирового порядка
- Энциклопедия славянофилов
- Русские монастыри и храмы
- Русские святые и подвижники Православия
- Государственно-правовой идеал славянофилов
- Россия на рубежах США, Японии и Китая
- Русская цивилизация: философия и литература
- Россия и Польша
- Славянофилы, их сподвижники и последователи
- Политическая экономия национального хозяйства
- Космология духа и циклы истории
- Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
- Синодикъ или Куликовская битва в лицах
- Русская цивилизация: экологический аспект**

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ

**РУССКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2012**

УДК 502.1
ББК 20.1 + 28.081
Е 15

Евдокимов А. Ю.

Е 15 Русская цивилизация: экологический аспект / Отв. ред.
О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации,
2012. — 672 с.

В труде доктора технических наук, члена-корреспондента РАН А. Ю. Евдокимова рассматривается история Русской цивилизации с позиций взаимоотношений общества и окружающей природной среды. Исследования взаимовлияния цивилизации и биосферы уже достаточно давно ведутся как российскими, так и зарубежными учеными, однако в них почти полностью отсутствует оценка в этом аспекте исторического процесса с православных позиций. Между тем вопрос этот чрезвычайно важен, поскольку в либеральных кругах с середины прошлого века ведется кампания по обвинению христианства в инициировании глобального экологического кризиса.

Материал в настоящем труде рассматривается с православных позиций, в контексте противостояния двух основных научно-мировоззренческих систем – атеистической и теистической (религиозной), в научном плане представленных соответственно эволюционизмом и креационизмом.

Основная цель книги – дать читателю четкое, обобщающее представление о высокой экологичности Православия как культуuroобразующей религии России, которая, таким образом, закономерно выступает гарантом духовного а, следовательно, и экологического равновесия на планете.

ISBN 978-5-4261-0020-6

© Евдокимов А. Ю., 2012

© Институт русской цивилизации, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Для России, русского народа и всех православных важнейшая задача сегодня – **устоять в Истине Православия**, ориентироваться на исконные духовные ценности Православия, вселенской двухтысячелетней религии, имеющие в нашей стране более чем тысячелетнюю традицию. Эта традиция генетически сформировала миропонимание российского общества вне зависимости от веры или неверия отдельных его представителей. Православие, таким образом, является этно-, культуро- и государствообразующим мировоззрением русской цивилизации, оно лежит в основе российской культуры, оно всегда являлось духовным средоточием воспитания и образования, оно сформировало великий народ и великое государство.

Сказанное не несет в себе идеи национального превосходства. Роль *суперэтноса*, объединяющего в единое государство другие *этноссы*, является величайшим бременем и предполагает величайшую ответственность. Кроме того, важнейшей стороной православного миропонимания является **веротерпимость**, трактуемая как **неосуждение иных религий, мировоззрений и этносов, уважение к чужой культуре, неприкосновенность этносов**, в большинстве случаев в свое время добровольно отдавшихся под покровительство Русского государства, **но ни в коем случае не означает согласия с чуждым мировоззрением и даже его похвалы**, как это иногда ошибочно полагают; ведь такое согласие предполагает отказ от собственного миропонимания. В то же время **веротерпимость не исключает объективного рассмотре-**

ния и понимания роли конкретных религий, этносов и цивилизаций в мировой истории.

На Западе, а затем и в России со второй половины XX в. отмечена тенденция к обвинению христианства как идеологического виновника глобального *экологического кризиса* – негативных изменений *биосферы* («тонкой пленки жизни на планете» по В. И. Вернадскому), *окружающей природной среды*. Рассмотрение вопроса с православных и креационных позиций дает, однако, совершенно другой вывод – Россия, как главный носитель православного миропонимания, является гарантом духовного, а следовательно, и *экологического равновесия* на планете.

В предлагаемой читателю книге, являющейся логичным продолжением предыдущего труда «Биосфера и кризис цивилизации» [2], проводится попытка опровержения ставшей, увы, «канонической» западноцентричной версии мировой истории и русской истории в частности. Духовным ориентиром в данном случае могут являться работы митрополита Иоанна (Снычева), и в первую очередь – «Самодержавие духа» [4].

Второй важнейший аспект данного труда – попытка преодоления односторонности рассмотрения исторического процесса исключительно с гуманитарных позиций. Такой взгляд разделяют, что характерно, многие либералы и *эволюционисты*.

В отечественной социальной и исторической науке преобладает тенденция социокультурного объяснения социальной организации того или иного общества, при полном игнорировании природного фактора бытия общества. Последний, однако, оказывает существенное влияние на все стороны жизнедеятельности общества и государства. Социальная организация бытия русского социума во многом определяется суровыми природно-климатическими условиями его местообитания, дефицитом плодородных земель и обширностью территории с низкой плотностью населения. Эти естественные условия обитания обусловили экстенсивный характер существования народа «с сохранением минимального объема совокупного прибавочного продукта, необходимого для поступательного

прогрессивного развития» [5]. По мысли цитируемого автора, «эти факторы стали и существенными причинами складывания в России специфической социальной организации общества: передельной общины, централизованного авторитарного государства с разветвленной низовой хозяйственной демократией и отсутствием атрибутов развития политической демократии и гражданского общества. Именно такая социальная организация российского общества позволила социуму с ограниченными ресурсами обеспечивать в течение ряда веков его выживание в экстремальных социоприродных условиях, сохранение экономической и политической самостоятельности и даже превращение в одну из сверхдержав».

В исторической науке значительно возрос интерес к изучению климата прошлого. Уже практически доказана неразрывная связь исторических событий с колебаниями климата (работы Л. Н. Гумилева [1], Э. С. Кульпина и его школы [3, 5]). В приложении к русской истории данный подход дает поразительные результаты.

Выдающийся русский православный мыслитель, митрополит Питирим (Нечаев) справедливо полагал понимание мира как «единой системы осуществления творческого замысла Создателя, который в содействии со свободной волей человека является направляющей силой мирового процесса». Мир как единая *система* не может рассматриваться изолированно ни в философской, ни в научной, ни в практической деятельности; зримый материальный мир является проекцией мира духовного, а его познание составляет целостный духовно-интуитивный процесс, объединяющий как позитивные знания и исследования фундаментальных наук, так и область внутреннего духовного проникновения в сущность явлений мира видимого и невидимого [6].

Насколько эти вопросы важны в настоящее время для России, которая в очередной раз переживает кризисный, переходный период, пожалуй, самый трудный и страшный за всю историю? Уже длительное время перед нашей страной стоит важнейшая задача выбора дальнейшего исторического пути.

Таких путей всего два – западный, либеральный, и отечественный, основанный на православном миропонимании нашего общества. Движение по первому пути означает приобщение России к современному мировому сообществу, принятие чуждых для нас духовных ценностей. Какие последствия принесет это для страны и всего мира? Всеобщее благоденствие или катастрофу в духовном (нарастание гедонистических тенденций на самом низшем своем уровне – физиологическом) и материальном (экологическом) планах? Для православного человека вопрос чисто риторический!

Несмотря на это, в настоящее время представляется необходимым подробное рассмотрение истории России именно в заявленном аспекте, поскольку, согласно народной мудрости, «чтобы верить – надо знать, чтобы знать – надо верить».

Книга снабжена кратким словарем понятий и терминов. В основном тексте термины и понятия, данные в словаре, *выделены курсивом*.

Автор

Автор выражает глубокую признательность своей ученице Ольге Игоревне Клименко (урожденной Нагибович), при участии которой написана глава о деятельности православных монастырей (явилось ее дипломной работой и в последующем – темой диссертации).

Литература:

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
2. Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
3. Кульпин Э. С. Бифуркация Запад–Восток. Введение в социоестественную историю. М., 1996.
4. Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Саратов: Надежда, 1995.

5. Олейников Ю. В. Природные предпосылки социальной организации российского социума. М.: Московский лицей, 2002.
6. Лемешев М. Я. Слово признательности владыке Питириму [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 19.02.2010. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=8339>, свободный. – Загл. с экрана.

ГЛАВА 1. ХРИСТИАНСТВО, ЭКОЛОГИЯ И СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Христианство одно только заключает в себе живую воду и может привести человека на живые источники вод и спасти его от разложения. Без христианства же человечество разложится и сгниет.

Ф. М. Достоевский

Соотношение понятий, вынесенных в заглавие данной главы, весьма тесное. **Религия** как духовный системообразующий элемент культуры и цивилизации; *экология* как наука о связях в окружающем мире (в том числе – между биосферой и цивилизацией) и **мегаэкология** как мировоззренческая и методологическая основа современного знания; **социоестественная история** как наука о взаимодействии биосферы и цивилизаций; сюда же следует отнести и так называемую «большую историю» (англ. big history) – историю человечества в контексте истории Земли и Вселенной.

Однако представляется необходимым начать изложение темы с наиболее общих и, казалось бы, хорошо известных положений, вызывающих тем не менее острые споры.

1.1. Вера и знание

Бог всегда предпочитает веру мудрости.

Святитель Иоанн Златоуст

Проблема соотношения веры и знания была важнейшей во все времена и остается таковой на сегодняшний день, когда так легко дезориентироваться в агрессивной радикал-либеральной среде, провозглашающей примат человеческой личности перед религией, народом, обществом, государством и окружающей природной средой. Такое философское положение выглядит весьма привлекательно, но это – «широкий путь», ведущий в пропасть.

Поразительным является факт неумения, а нередко и нежелания отличить веру от знания в самых широких кругах – вплоть до крупных ученых академического уровня, подчас пытающихся научно-мировоззренческие модели и гипотезы представить как чисто научное знание. В связи с этим необходимо дать четкие определения этим важнейшим понятиям.

Вера основывается на наших убеждениях, интуиции – **«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»** (Евр. 11, 1). Знание основывается на конкретных результатах научных экспериментов, которые можно повторить, воспроизвести, смоделировать, которым можно дать убедительное объяснение (постижение действительности со знанием, то есть наука).

Какова связь между верой и знанием? Издавна известна мудрость – чтобы верить, надо знать, чтобы знать, надо верить. **Знание само по себе не имеет характера добродетели**, так как оно невольно навязывается человеку при ознакомлении его с внешним миром. **Вера же есть добродетель**, так как она есть **свободное признание** существования невидимого Бога и истинности всего сообщенного нам в Откровении. Основание веры – в некоей таинственной связи нашей души с Богом: откуда мы знаем уже в младенческом возрасте, что плохо обманы-

вать, красть и т.п.? По слову апостола Иоанна, сам Дух Божий свидетельствует в нас об Истине: «...Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина» (1 Ин. 5, 6). Это – врожденное нравственное чувство, именуемое совестью, «искрой Божией» в человеке. В силу этого и язычники стремятся к Богу, как к своему первоисточнику. Ощущение существующего Бога вначале бывает неясным и нетвердым. Укрепляется оно в среде языческого мира – рассматриванием видимого творения: «Ибо, что́ можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1, 19–20), а в христианском мире – изучением Откровенного Слова. Слово это охотно воспринимается человеком правдивым, то есть внемлющим первобытному голосу в глубине души своей. Потому Христос говорит фарисеям: «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога» (Ин. 8, 47), – и Пилату: «Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18, 37). На что Пилат чисто риторически возражает: «что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям...» (Ин. 18, 38), продемонстрировав тем самым свою уверенность в отсутствии абсолютной Истины.

Тертуллиан отмечал: «Вера выше разума. Разум не в состоянии постичь истину, которая открывается вере». Известное положение Тертуллиана «credibile est quia ineptum» – «вероятно, ибо нелепо», вопреки домыслам атеистов, доказывает истинность христианства – теоретизирующий разум не в состоянии постичь истины, открывающейся лишь в акте веры; опыт, в том числе мистический, выше теории.

Святитель Феофан Затворник так говорит о вере: «Вера – целительница души, упованием окрыленная и любовью согретая». Вера требует от человека определения смысла жизни, цели своего существования. Без такого сознательного или бессознательного определения человек теряет один из существенных своих признаков, то есть перестает быть человеком.

Неверующих людей, таким образом, не существует. В Послании Всемирного саммита религиозных деятелей (2008) от-

мечается, что всякий человек «по природе своей религиозен». Атеизм, таким образом, также является верой – верой в отсутствие Бога. Признавая за начало всего материю и сообразно с этим определяя свою жизнь, атеист создает карикатуру на религию, но не в состоянии полностью устранить ее: **«Если человек перестает верить в Бога, то начинает верить во все остальное»** (Г. К. Честертон).

По мнению ряда ведущих российских ученых (президента РАН Ю. С. Осипова, президента РАО Н. Д. Никандрова, ректора МГУ В. А. Садовниченко), «атеизм не есть какое-то объективное надрелигиозное прогрессивное движение, это всего лишь одно из мировоззрений, выражающее взгляды отнюдь не большинства населения земного шара, притом не имеющее какого-либо научного обоснования» [37, с. 12].

Однако тот же Тертуллиан высказывает мысль о том, что учение Христа сделало науку излишней, человек не должен искать большего, чем изложено в Писании. С этим полностью согласиться, конечно же, нельзя, поскольку наука и религия представляют собой два основополагающих типа миропонимания, взаимодополняющих и немислимых друг без друга. С этим согласны даже либерально ориентированные ученые [18]. Вера выше разума, но не в противоречии с ним.

В древности Блаженный Августин создал онтологическое доказательство бытия Бога, **концепцию веры как предпосылки всякого знания**. В наше время профессор Бажин И. И. (Нижний Новгород) разработал доказательство существования Бога исходя из общей теории систем, трактуя Бога как внесистемную субстанцию, иерархию управленческих структур. Таким образом, мы видим отсутствие непреодолимой пропасти между наукой и религией, знанием и верой, в существовании которой нас всегда пытались убедить. Об этом говорил еще великий Ломоносов: **«Наука и вера суть две дочери Одного Великого Родителя, и в распрю зайти не могут»**; чуть позже святитель Игнатий Брянчанинов писал: «Истина Веры находится в единении с истиной нау-

ки». Уже в XX в. основатель квантовой теории Макс Планк отмечает: «Куда бы мы ни обращали наши взоры, каким бы ни был предмет нашего наблюдения, мы нигде не находим противоречия между наукой и религией; мы скорее констатируем их абсолютную гармонию в основных пунктах, особенно в области естествознания. Как религия, так и наука в конечном результате ищут истину и приходят к исповеданию Бога. Религия славит Бога в начале, наука – в конце всех мыслей. Первая представляет Его как основу, вторая – как конец всякого феноменального представления о мире».

При наличии противоречия веры и разума вера превращается в суеверие – то есть в тщетную, неразумную веру, когда от обыкновенных земных вещей ожидают таких сил и действий, какие можно ожидать только от Бога; или же от Бога ожидают, чего не следует от Него ожидать. **Суеверие** оказывает очень вредное влияние на нравственную жизнь, беспорядочно смешивая высокие истины с домыслами (рост хаоса в духовной и материальной жизни). Вспомним данную А. С. Пушкиным меткую характеристику Германа в «Пиковой даме»: «Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков».

Сам Христос отнюдь не требует слепой, безотчетной веры в Себя: «Исследуйте писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5, 39). Чем крепче вера, тем в меньших доказательствах она нуждается: «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера ваша» (1 Ин. 5, 4).

Фундаментальные познавательные установки научного и религиозного способа миропонимания пересекаются друг с другом весьма плотно. В науке существуют структуры, где присутствует аксиоматическая база, принимаемая на веру, без доказательств. Научное познание неотделимо связано с верой, сопровождается ею, более того, в значительной степени начинается с принятия на веру некоторых важнейших положений в качестве самоочевидных постулатов. Религия, с другой стороны, нуждается хотя бы в частичном подтверждении убедительности догматов при помощи принятой в науке аргументации.

Действительно, любая фундаментальная естественная наука базируется на ряде аксиом – недоказуемых, принимаемых на веру положений. Это вполне естественно, поскольку, с позиций общей теории систем, невозможно познать систему, являясь ее элементом. Блестящее доказательство этому – две теоремы о неполноте формальных систем, доказанные в математической логике К. Геделем. Гедель показал, что в достаточно содержательных системах (то есть системах, богатых информацией – мерой упорядоченности) имеются неразрешимые предложения, то есть предложения, которые недоказуемы и одновременно неопровержимы. Иначе говоря, в любой достаточно сложной непротиворечивой теории существует утверждение, которое средствами самой теории невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Эти теоремы имеют широкие последствия как для математики, так и для философии, в частности, для философии науки. **С философско-методологической точки зрения значение теорем Геделя заключается в том, что они показывают невозможность полной формализации человеческого знания.** Делать при этом утверждения о якобы доказанной неверности всего знания, естественно, нельзя.

Однако существуют принципиально различные трактовки конкретного научного знания. Научные факты, которыми оперируют ученые, придерживающиеся различных мировоззренческих систем (религиозной и атеистической), практически одинаковы. Различна логика связывания этих фактов в единое целое, в единую систему. И этим последним определяется все! Любая научно-мировоззренческая система, таким образом, становится идеологией – системой идей, принципов, объединяющих наиболее значимые ценности народа, определяемые мировоззрением всего общества. Здесь уместно вспомнить слова Ж. Бюффона: «Изучайте факты, чтобы из них получить идею».

Поэтому научно-философскую, научно-мировоззренческую систему всегда следует отличать от конкретных научных фактов. Знание, повторим, не имеет характера добродетели, а является всего лишь орудием в руках человека, и как распорядиться этим орудием, в конечном счете зависит от веры последнего.

С помощью орудия – например, топора можно без единого гвоздя построить церковь, жилой дом, а можно убить человека...

Человек может по-разному верить, но не верить ни во что он не может, пока остается человеком. Именно поэтому религия имеет неотразимое влияние на весь ход жизни человечества. Область религии – смысл и ценности человеческого бытия, его этические, нравственные и эстетические компоненты. **Религия отвечает на вопросы, восходящие к абсолютным формам миропонимания, ответов на которые нет и не может быть в науке.** И здесь нельзя забывать: в духовно-нравственном отношении определяющее значение имеет вера, в лоне которой выросла культура народа. В России это – прежде всего Православие.

Непосредственные цели науки – описание, объяснение и прогнозирование процессов и явлений действительности, то есть в широком смысле – теоретическое отражение действительности. Наука лишь пытается ответить на вопрос об устройстве мироздания, формах его существования, развития или деградации. **Любые формы нашего познания рано или поздно выходят на абсолютные характеристики, ответ на которые может дать только религия или атеизм** (как карикатура на религию). Даже суть основных субстанций Бытия – информации, материи, *энергии*, пространства и времени – наука не может объяснить однозначно. **Наука в принципе не может ответить, как возникли Вселенная и жизнь в ней, как появился человек, в чем смысл его существования.**

Наука, более того, наглядно иллюстрирует ограниченность познавательных возможностей человека. Сформулированный В. К. Гейзенбергом принцип неопределенности (соотношение неопределенностей) есть фундаментальное положение квантовой теории, утверждающее, что любая физическая система не может находиться в состояниях, в которых координаты ее центра инерции и импульс одновременно принимают вполне определенные, точные значения.

Невозможность полного постижения наукой окружающего мира хорошо иллюстрируется также в области экологии.

Любой живой организм подвержен воздействию многочисленных экологических факторов (условий существования). Закон совокупного действия факторов, сформулированный немецким агрохимиком Э. А. Митчерлихом в 1909 г., говорит о зависимости организма от всей совокупности факторов. Если действие одного фактора описывается плоской параболической функцией, то одновременное действие двух факторов можно изобразить в виде объемной фигуры в трехмерном пространстве. При одновременном действии многих факторов (реальная жизненная ситуация) задача становится неразрешимой, поскольку математический аппарат здесь бессилён вследствие трехмерности пространства.

Таким образом, наука и религия взаимодействуют по принципу дополнительности соответственно формально-рационально-познавательных и интуитивно-этических способов познания мира. В силу отмеченной выше связи души с Истиной, мы при научных исследованиях нередко как бы предчувствуем или предугадываем истину, не проходя длинных рядов рассуждений (Д. И. Менделеев, как известно, увидел свою периодическую таблицу во сне). Повторим, что вера выше разума, но не в противоречии с ним, если только разум в состоянии осмыслить свою собственную ограниченность. По мысли И. В. Гете, если какое-либо положение кажется человеку слишком темным и непонятным, следует внимательно посмотреть внутрь самого себя – а слишком ли светло там?

Наука сама по себе не является панацеей от всех бед, а ее рекомендации нуждаются в дополнительной этической и эстетической корректировке. В настоящее время – как результат глобального экологического кризиса – в науку начинает входить не только рациональное постижение действительности, но и метатеории, изучающие интуитивное и даже сверхъестественное. Именно здесь крайне важен мировоззренческий выбор человека, поскольку в отсутствие христианских духовных ценностей это – прямой путь к обожествлению сатаны. Подтверждение тому – развитие относительно нового научного направления – синергетики, базирующей на духовных ценностях

буддизма и даосизма. С чисто мировоззренческих позиций, синергетика является отражением буддийской картины мироздания, в которой отсутствует Творец, роль божества сведена к минимуму, человеческая личность отрицается как таковая, а идеалом является нирвана – отказ от всех желаний (а в идеале – и от мыслей), «вечное ничто». Со взглядами синергетики хорошо согласуется даосский принцип «у-вей», не допускающий силового вмешательства в природные процессы.

Важные интегрирующие функции по отношению к отдельным отраслям науки выполняет **философия**, которая обобщает научную картину мира; сюда же следует отнести отдельные научные дисциплины типа математики, логики, *кибернетики*, вооружающие науку системой единых методов. Философия всегда в той или иной мере выполняет по отношению к науке функции методологии познания и мировоззренческой интерпретации его результатов. Философию объединяет с наукой также стремление к построению знания в теоретической форме, к логической доказательности своих выводов. Однако весьма важно – какова философия!

В настоящее время для России, да и для всего мира необходим отказ от существующей либеральной системы ценностей, а по сути – совершение возврата к тому, что оказалось утраченным в период Ренессанса и Просвещения, – не религию следует рассматривать с точки зрения науки, но науку – с точки зрения религии. **С позиций Православия правильность научно-мировоззренческих моделей должна поверяться Священным Писанием, но не наоборот!** Необходимо признание за Священным Писанием безоговорочного приоритета, поскольку оно является Божественным Откровением. В основу знаний следует брать не пресловутые «общечеловеческие» (а по сути – западные), а православные духовные ценности.

Не забываем, что «другая сторона» также должна быть выслушана. Известный философ С. Л. Франк (первая половина XX в.) в книге «Наука и религия» ставит вопрос: противоречит ли наука религии? И «доказывает», что не противоречит и, более того, – вопрос бессмыслен, поскольку сфера действия науки

и религии различна, а поэтому и противоречие их невозможно. Согласиться с этим нельзя: религия является элементом жизни, системообразующим элементом цивилизации, а не феноменом культуры, как утверждают марксисты и либералы, – на этом зиждется советское понимание религии как отправления культа в специально для этого предназначенных помещениях и не более того, а в сущности, – вялотекущей формы шизофрении по определению официальной советской психиатрии. Вытеснение Бога из научной концепции, затем из политических и социальных концепций и из образования ведет к вытеснению Его из сознания вообще, то есть – к уничтожению этики и морали.

Рассуждения же в современной либеральной мировоззренческой системе весьма характерны: «Как и наука, религия может быть понята как **символическая картина мира**, обобщающая и по определенным принципам упорядочивающая весь опыт отношения человека к природе и космосу, к самому себе и человеческому сообществу. Как остроумно заметил Нильс Бор, «человечество сделало два величайших открытия, одно – что Бог есть, второе – что Бога нет». Это высказывание гениального ученого можно трактовать лишь как остроумную либеральную интерпретацию теоремы Геделя и не более того (недаром, при пожаловании ему дворянства, Бор в качестве символа на своем гербе выбрал символ классической китайской философии «янь/инь»). Читая далее учебник культурологии, находим: «И, возможно, не столь важно, какой из этих точек зрения придерживается каждый из нас в своем самоопределении в мире, но важно найти ту дорогу, которая приведет нас к Храму» [18, с. 193]. Остается, однако, открытым вопрос, к какому именно Храму (храму) приведет подобная позиция? Для православного человека ответ очевиден... он дан, в частности, русским мыслителем А. Н. Муравьевым еще в позапрошлом веке: «Но те, которые воспользовались плодами образования только для того, чтобы отступить от собственных преданий и, под личиною светскости, равно пренебрегать в обеих верованиях то, что им не по вкусу и мыслям, те которые таким образом плывут по бурному морю страстей, далеко от

обоих берегов, на утлом чолне самонадеянности и слепого равнодушия, – какой иной пристани могут они достигнуть, если не преисподней?» [27, с. 9–10].

1.2. Гуманитарный аспект экологического знания

Термин «экология» был предложен немецким биологом Эрнстом Геккелем в 1866 г. Экология (от греч. οἶκος – дом и λόγος – наука) в буквальном смысле – наука о местообитании живых организмов, более широко – наука о связях в окружающем мире. Последнее определение говорит о всеобъемлющем характере экологии, выходящем за рамки собственно науки. В настоящее время существует множество определений экологии (около 100!). Приведем наиболее простое и доступное: **экология – это наука о взаимоотношениях и взаимовлиянии между живыми организмами (в том числе – человеком и обществом в целом) и средой их обитания.**

Как самостоятельная наука экология оформляется в первой половине XX в. Со второй половины XX столетия экология естественным образом выходит за рамки биологии, и даже более того – становится **мегаэкологией** (большой экологией) или **метаэкологией** (межпредметной областью знания) – методологической и мировоззренческой основой всего современного знания и образования. Происходит это по причине осознания человечеством реальности глобального экологического кризиса – резкого ухудшения состояния окружающей природной среды и даже ее деградации. Суть кризиса – не только и не столько в негативных изменениях окружающей среды, сколько в подрыве способности *биосферы* к самовосстановлению и саморегуляции, которая начинает действовать и против самого человечества.

В связи с этим любая область современного знания (естественнонаучная, техническая, гуманитарная) должна рассматриваться с точки зрения взаимоотношения общества и био-

сферы – это есть **процесс экологизации знаний**. Ни один из теоретических и практических вопросов сейчас уже нельзя решать без учета связей в окружающей среде.

Экологический кризис современности является резким ухудшением взаимоотношений в системе «цивилизация/природа». Для осознания происходящего и попытки нахождения выхода из сложившейся ситуации необходимо в первую очередь установление причины резкого осложнения взаимоотношений цивилизации и окружающей природной среды – **биосферы, экосистемы высшего порядка на планете (целеустремленная совокупность живого вещества, пространства и условий его существования)**.

В деятельности отдельного человека и всего общества (социума), цивилизации, первичным является духовное начало – мировоззрение, то есть – система взглядов на мир в целом. От того, как отдельный человек и человечество в целом представляет себе окружающий мир, свое место и роль в нем, зависит и характер его деятельности.

Поэтому причиной экологического кризиса следует считать кризис духовный, то есть – либеральное, потребительское мировоззрение, предполагающее примат (первенство) личности перед религией, обществом, нацией, государством и окружающей природной средой. Именно поэтому вопросы экологии в современном мире приобрели мировоззренческий и нравственный характер.

Характерны мысли, высказанные по данному поводу видными российскими учеными: «Экологический кризис не является лишь случайным (и поэтому легко устранимым) дефектом современной технологической цивилизации. Он связан с основными идейными концепциями, на которых она покоится. Природа и современное технологическое мышление основываются на совершенно различных принципах функционирования, на разной логике». Концепция этичности для человека в современных условиях утрачена и заменена концепцией целесообразности. «Поэтому очевидно, что экологический кризис – это не технологический производственный кризис, а –

духовный. Как таковой он имеет непосредственное отношение к христианству» (И. Р. Шафаревич, Ф. Я. Шипунов).

Несмотря на это, причину глобального экологического кризиса многие ученые (в первую очередь – представители естественнонаучной области знаний) склонны видеть лишь в интенсивном *загрязнении* окружающей среды, связанном с бурным развитием промышленности со второй половины XIX века. Многие историки также согласны с этой точкой зрения.

Однако более глубокое изучение сути кризиса, рассмотрение проблемы с религиозной, философской и исторической точек зрения, говорит об изначальном противопоставлении социума и биосферы уже в период древнейших цивилизаций, многие из которых пережили региональные экологические кризисы, а некоторые – исчезли с лица планеты вследствие локальных *экологических катастроф*. Причиной таких катастроф являлось во всех случаях потребительское отношение к окружающей среде и пренебрежение законами природы, то есть плоды познания добра и зла: результат грехопадения человека.

Нельзя также отрицать, что созданная человеком *техносфера* – совокупность орудий труда, технологий, промышленности, транспорта, энергетики, сельского хозяйства и взаимоотношений, их связывающих (политика и экономика), – является источником глобального загрязнения окружающей среды и нарушения равновесия в биосфере. Но в происхождении любой техносферы (от древнейшей до современной) бесспорно, первична идея, а не материя.

Таким образом, экологические кризисы во все времена являлись следствиями кризисов духовных, а история в этом аспекте предстает как «великий учебник экологии». С точки зрения православного христианина, естественноисторический ход событий представляет собой непрерывную борьбу диавола с Богом с целью погубить человека как венец Божия творения. Ход истории определяют Божественный Промысл и свободная воля человека. Внешние проявления этой борьбы определяются законами мироздания, законами экологии.

Следовательно, **мегаэкология естественным образом включает в себя и гуманитарный аспект**. В связи с этим возникает необходимость преодоления разобщенности естественнонаучной и гуманитарной областей знания. Какова же связь экологии с гуманитарным аспектом человеческого знания? Почему затронут вопрос экологизации знания?

Экология в последние десятилетия XX в. превратилась в комплекс знаний, включающий разделы естественнонаучных, технических и гуманитарных дисциплин. По оценке ряда ученых, это – порядка 100 дисциплин (Н. Ф. Реймерс, А. А. Большаков). Самыми значительными составляющими комплекса, по Н. Ф. Реймерсу, являются биоэкология (классическая экология), геоэкология (междисциплинарное научное направление о взаимодействии *биосферы и литосферы*), антропоэкология, прикладная (инженерная) экология. Более подробная структура включает 10 основных разделов, в том числе – экологию человека, *социальную экологию*, экологию поселений и экологию культур [36]. Из этого очевидно, что **гуманитарная составляющая экологического знания занимает около половины всего объема**. Появляется даже термин «гуманитарная экология».

Здесь необходимо отметить существенную опасность для науки пойти по пути откровенного люциферинства. Конец XX века отмечен растущим осознанием ограниченности рационализма и ньютоновско-картезианской парадигмы, особенно в гуманитарном познании. Если физика, претерпев в начале XX в. глубокие и радикальные изменения, преодолела механистическую точку зрения на мир и все базисные допущения ньютоновско-картезианской парадигмы, то остальные области науки, в том числе гуманитарные, до сих пор не преодолели механистическое мировоззрение. Традиционный механицизм мешает синтезу естественных и гуманитарных наук, на что справедливо обращает внимание Н. Н. Моисеев. Хотя тяготение к такому синтезу существует как в западной (Тейяр де Шарден), так и в российской науке (от русских космистов до В. С. Соловьева и В. И. Вернадского).

На сегодняшний день либеральная направленность гуманитарной составляющей мегаэкологии очевидна. Этот факт вполне естественен – любая система стремится к состоянию с наименьшей потенциальной энергией, а говоря словами Писания: «...широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7, 13).

Несмотря на это, представляется целесообразным все же рассмотреть эти направления более подробно, поскольку необходимо знать, с чем мы не согласны с позиций Православия. Кроме того, ряд добросовестно изложенных научных положений, цитируемых ниже, особых возражений не вызывает. **В науке важна именно добросовестность, неизбежно приводящая к правильным выводам вне зависимости от миропонимания автора.** По ходу книги мы не раз столкнемся с таким явлением.

Антропозология изучает экологию «биологического и социального ряда структур, составляющих человечество» (Н. Ф. Реймерс, цит. по [3, с. 48]), **объединяя в себе экологию человека и социальную экологию.** В научном сообществе до сих пор четких структур в этом плане не сложилось.

Согласно представлениям ведущих в этой области ученых (В. П. Казначеев, А. А. Келлер, Н. Ф. Реймерс, А. Л. Яншин), экология человека в современном научном мире представлена такими разделами, как «Биологическая экология человека» (эволюционная, физиологическая, морфологическая, генетическая, молекулярная, экология репродукции и онтогенеза), «Социальная экология» (экология политики, экономики, науки, культуры, религий, демографии, личности, семьи, экология этническая), «Прикладная экология человека» (промышленная, технологическая, промысловая, сельскохозяйственная, ветеринарная, урбозэкология, видеоэкология, аудиоэкология, охрана окружающей среды, медицинская экология).

По определению Н. Ф. Реймерса: «социальная экология – объединение научных отраслей, изучающих связь общественных структур (начиная с семейных и других малых социальных групп) с природой и социальной средой их окружения», экология человека – «комплекс дисциплин, исследующих взаимодей-

ствие человека как индивида (особи) и личности с окружающей его природной и социальной средой» (Реймерс, цит. по [3, с. 48]). В целом антропоэкология – «это научная область, исследующая общие структурно-пространственные, функциональные и временные законы взаимоотношения биосферы планеты и антропосистемы (ее структурных уровней, от всего человечества до индивида), а также интегральные закономерности внутренней биосоциальной организации человеческого общества».

Проблемы экологии естественным образом затрагиваются и в *культурантропологии* [34]. Формирующаяся с середины XX в. ветвь неоэволюционизма носит разные названия: **экологическая антропология**, культурная география и др. Известные культурные антропологи Э. Вайда и Р. Раппопорт назвали это направление **культурной экологией** и первые этап его развития отнесли к появлению работы Дж. Стюарда «Теория изменения культур: методология многолинейной эволюции» (Steward J. Theory of Cultural Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana, 1955). Исследования такого рода связаны с изучением процессов адаптации социокультурной системы к окружающей природной среде. Главной задачей такого изучения является выяснение того, дают ли эти процессы адаптации начало внутренним культурным и социальным изменениям эволюционного характера. Под культурной адаптацией понимают не состояние социальной системы, но перманентный процесс, поскольку ни одна культура не имеет столь совершенного приспособления к экосистемам, чтобы достичь полного равновесия с ними. В ходе этого процесса происходит не только дифференциация, усложнение культуры, но внутри нее возникают новые феномены.

Считается, что основные механизмы культурного приспособления цивилизационной системы к биосфере заложены в ее культурном ядре – религии, идеологии, технологии, экономике, политике. Основным инструментом адаптации считают «технологический базис». Как показывает изучение культурно-исторического процесса, последствия культурно-экологической адаптации далеко не всегда благоприятны для биосферы.

Оказался необходим поиск таксономических социокультурных единиц, **сопоставимых с популяцией вида**. Такими единицами сегодня признаны человечество в целом, этносы, социокультурные группы. Это открывает возможности изучения связей биологических и культурных изменений. Этим единицам соответствуют концепции панкультуры (культуры человечества в целом), локальных, региональных (этнических) культур, субкультур (групповых культур). Обобщенной единицей эволюционистских исследований является экосоциокультурная система, или культурная единица.

Все сторонники культурной антропологии разделяли системный взгляд на взаимодействие популяции с природным окружением, однако впервые последовательно понятие экосистемы здесь начал применять К. Гирц (Geertz C. *Agricultural Involvement: The Process of Ecological Change in Indonesia*. Berkeley, 1963). С этого времени терминология из общей теории систем распространилась на неозволюционизм, что было характерно в этот период для всех социальных наук.

Социокультурная система стала рассматриваться как состоящая из трех подсистем: популяция, природное окружение, культура. Механизм, обуславливающий взаимодействие этих подсистем, – действие положительной и отрицательной *обратной связи* [13, 34]. При исследовании адаптации популяций к среде принимается во внимание не только чисто природное окружение, но и те его элементы, которые модифицировались под влиянием *антропогенных факторов*: «в процессе адаптации культура трансформирует ландшафт и, соответственно, люди вынуждены приспосабливаться уже к тем постоянным изменениям окружения, которым сами положили начало» (Sahlins M. *Culture and environment: The study of cultural ecology // Horizons of anthropology / Ed. S. Tax. L.–Chicago, 1965. P. 133*).

Также признана необходимость включить в понятие «окружение» социокультурные параметры, то есть другие популяции, находящиеся в контакте с изучаемой. На этом, в частности, настаивали Дж. Стюард и М. Салинс.

Стало приниматься во внимание несовпадение реального и воспринимаемого окружения. Почему люди уделяют повышенное внимание одним аспектам бытия и игнорируют другие, в каких случаях обращаются к воображаемым, а не реальным культурным явлениям? (Rappoport R. A. Some suggestions concerning concept and method in ecological anthropology // National Museum of Canada Bulletin. 1969, № 230).

Все перечисленные представления нашли максимально полное выражение в культурно-экологическом направлении исследований – изучение механизмов, результатов и последствий взаимодействия цивилизации с биосферой, закономерных связей между экологическими и социокультурными характеристиками. Основные акценты здесь: адаптационные механизмы в отношениях людей с их природным окружением, энергетический обмен между цивилизацией и биосферой, сравнительно-культурный анализ универсалий.

Предшествующие теории о связи цивилизации, общества и культуры с биосферой упрощали характер этих связей. Так, в рамках географического *детерминизма* предполагалось прямое одностороннее воздействие природных условий на культуру. Сторонники же географического *поссибилизма* признавали лишь ограничивающее влияние природных факторов на формирование культуры, но не на ее развитие.

Для экологической антропологии центральной задачей «стало изучение экономических и экологических факторов и систем, обуславливающих жизнеобеспечение» (Hatch E. The growth of economic, subsistence and ecological studies in American anthropology. Journal of Anthropological Research. V. 29. 1973. P. 221–222). С 1972 г. начал выходить специальный журнал «Human Ecology». Основателями этой области познания можно считать М. Салинса (экономическая антропология), М. Харриса (концепция культурного материализма), Дж. Стюарда, создателя теории многолинейной культурной эволюции.

Экологическая антропология делает акцент на изучении механизмов взаимодействия различных социокультурных систем с природным окружением. Результативность таких взаи-

модействий определяется адаптацией – динамическими связями членов социума с экосистемами, обуславливающими их выживание и благополучие как целого в меняющихся условиях; имеется в виду не пассивное следование людей воздействиям среды, но взаимодействие, в процессе которого формируются устойчивые реакции людей на повторяющиеся внешние давления, а также стереотипные способы воздействия на окружение, приводящие к достижению определенных прагматических целей (удовлетворение потребностей, снижение уровня «социальной энтропии», извлечение ресурсов и т.п.).

Вклад российских ученых в рассматриваемые направления довольно значителен. Подтверждая мысль о возникновении мегаэкологии (метаэкологии), Царегородцев Г. И. и Ерохин В. Г. (1980) пишут, что экология человека «вообще не является научной дисциплиной в традиционном понимании этого слова. Экология человека – это метатеоретическая концепция (развернутая идея, система понятий), которая выполняет интегративную функцию в системе медицинского знания и является общенаучной методологией исследования объективного отношения «человек – среда его обитания» частными дисциплинами.

Хотя за последние годы антропоэкология прочно утвердилась именно как научная дисциплина, подход к экологии как методологии акцентирует внимание на мировоззренческом, философском характере экологического знания: «По степени конкретности социально-экологические знания имеют вполне специальный характер, а по широте охвата и наличию оценочных моментов они выводят на обобщения философского уровня» (Э. В. Гирусов, 1986, цит. по [3, с. 54]).

Интересен либерально-атеистический подход к определению антропоэкологии: «комплексное междисциплинарное научное направление, исследующее закономерности взаимодействия популяций людей с окружающей средой, проблемы развития народонаселения в процессе этого взаимодействия, проблемы целенаправленного управления сохранением и развитием здоровья населения, совершенствованием вида *Homo sapiens*» (В. П. Каз-

начеев, цит. по [3, с. 48]). При полном игнорировании морально-этической составляющей говорится о «совершенствовании» человека. Комментарии в этом случае излишни!

Духовный аспект все же упоминается в определении Б. Б. Прохорова, согласно которому антропоэкология выявляет закономерности «взаимодействия человеческих общностей (уже не популяций. – А. Е.) с окружающими их природными, социальными, производственными, бытовыми факторами, включая культуру, обычаи, религию и др., с целью определить направленность социально-демографических процессов, причины этой направленности и способствовать обществу – путем обеспечения его соответствующей информацией – в деле оптимизации жизненной среды человека и процессов, протекающих в человеческих общностях» (Б. Б. Прохоров, цит. по [3, с. 49]).

Экология человека возникла несколько ранее, чем классическая экология (биоэкология), и многие десятилетия развивалась под названием «биология человека». Лишь в 1920-х гг. появились термины «экология человека» и «социальная экология»; использованы они были в социологических исследованиях в связи с теорией поведения людских популяций в городской среде. Многие исследователи соглашались с точкой зрения Э. В. Гирусова, что «социальная экология в современном виде начала свое развитие с конца 1960-х годов фактически заново», так как «от прежнего смысла почти ничего не осталось». Но и в настоящее время экология человека как наука еще находится в процессе своего становления, а по мнению В. П. Казначеева (1983) – на начальном его этапе [3, с. 49].

В. П. Казначеев выделяет два основных уровня экологии человека: социальный и медико-биологический, а на социальном уровне – шесть основных направлений, условно обозначив их «как соподчиненные проблемы в сравнении с проблемой экологии человека»:

- проблемы народонаселения
- проблемы ресурсов
- воздействия человека на среду и защита среды
- управление средой и средовая политика

- культурная экология
- социальная экология.

Очевидно, что некоторые из перечисленных направлений невозможно развивать без учета гуманитарного знания, а два последних направления – базируются почти исключительно на них. С другой стороны – человек и цивилизация тесно взаимосвязаны с природой. Поэтому целый ряд законов носит социоестественный (биосоциальный) характер.

Возникают новые научные направления и понятия – экологическое мировоззрение, экологическая идеология, экософия («глубинно-экологическая мудрость» – мудрость человеческая), экополитика, экологическая этика и эстетика, экология религии и др.

Д. С. Лихачевым было введено понятие **«экологии культуры»**. О терминологической корректности данного термина можно было бы и поспорить... Но тем не менее мысль известного ученого совершенно ясна. Это понятие отражает «новое», «экологическое» отношение к культуре и вообще к исторической памяти человечества. А нового-то ничего здесь и нет! Экология культуры подчеркивает необходимость сохранения культурной среды, культурного наследия (не умаляя необходимость сохранения природной биологической среды). Культурная среда в этом научном направлении рассматривается как неперемное условие для осуществления духовной, нравственной жизни человека, для его **«духовной оседлости»**, привязанности к родным местам как следования заветам предков. Экология культуры признается одним из разделов экологической эстетики, которая исследует проблемы эстетического с точки зрения взаимосвязи человека и окружающей среды (человек преобразует не только природу, но и самого себя). В конце 1970-х гг. Д. С. Лихачев поставил вопрос о нравственной экологии: «Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздей-

ствия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения» [3, с. 50].

Атеистический характер всех изложенных взглядов вполне очевиден, хотя подчас преподносится в довольно завуалированной форме. Неудивительно поэтому, что **в настоящее время в культурантропологии уже не ставится задача охарактеризовать культурно-исторический процесс в целом и понять путь становления человечества от момента зарождения до настоящего времени.** Это оказалось попросту невозможным. При изучении как локальных, так и глобальных процессов исследование основывается на наиболее значимых (с позиций конкретного исследователя) аспектах (экономические и экологические процессы, эволюционные универсалии и т.п.). Если ранее, в соответствии с классической концепцией познания, построение универсальных теорий считалось правомерным осуществлять на названных частичных выводах, то сейчас неполнота таких построений стала очевидной. Поэтому современная познавательная ситуация характеризуется проблемной ориентированностью – научная деятельность концентрируется вокруг социально значимых проблем, для решения которых используются наборы существующих теорий или, в случае необходимости, разрабатываются новые теории. По сути, это явление можно охарактеризовать, с одной стороны, как противодействие глобализации, с другой – как нарастание хаоса в интеллектуальной деятельности.

В настоящее время центром исследовательского внимания стали динамические связи человека с его природным и искусственным окружением – биосферой и техносферой, социально-культурные проблемы.

Сами идеологи описанных направлений отнюдь не считают, что культурантропология находится в кризисном состоянии. Разумеется, обнаружение новых областей исследований ведет к разработке новых гипотез, теорий, методологических моделей – и так до бесконечности. Воистину: «составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела» (Еккл. 12, 11–14).

1.3. Креационный и эволюционный подходы к истории цивилизаций

Как напротив зла – добро, и напротив смерти – жизнь, так напротив благочестивого – грешник. Так смотри и на все дела Всевышнего: их по два, одно напротив другого.

Сирах. 33, 14

Отметив важнейшую часть гуманитарной составляющей мегаэкологии, приходим к выводу, что главное значение здесь имеют история и целый ряд исторических наук (археология, этнография, этнология). **История – процесс развития (или деградации) человеческого общества, а также – наука, его изучающая.** Историю и экологию объединяет не только прошлое, но и будущее – прогнозирование исторических событий. Термины «экология» и «история» сочетаемы по-разному – встречаются такие определения, как **экология истории**, или **экологическая история** [3, с. 52], а также **историческая экология**. Сохранить все самое ценное в среде обитания, без чего этнос не может жить полнокровной жизнью, адаптироваться к этой среде невозможно без знания духовных, исторических ценностей, их истоков, генезиса.

Взаимосвязь биосферы и цивилизации отрицать невозможно. Окружающая человека среда разнородна; по Н. Ф. Реймерсу (1994), она состоит из четырех неразрывно связанных компонентов:

- собственно природная среда;
- «вторая природа» – среда, порожденная агротехникой (*агрэкосистемы*);
- «третья природа» – искусственная среда;
- социальная среда.

По мнению академика В. П. Алексеева, «история полезна экологии как фон, как общая панорама, на которой происходи-

ли исторические события, но все же ее экологическая информативность чрезвычайно низка.

Другое дело – отдельные дисциплины исторического цикла, в первую очередь этнография <...> Практически говоря, все или почти все элементы материальной культуры несут экологическую нагрузку, а в совокупности образуют тот материальный комплекс, который и представляет собой комбинацию культурных адаптаций» [1, 3, с. 51]. Из этих рассуждений, однако, естественным образом «выпала» духовная культура.

Еще один аспект близости истории и экологии: особенность истории как науки – рассмотрение исторического процесса как совокупности явлений в их взаимосвязанности и взаимообусловленности (аналогично экологии). История – синтез теоретических знаний о мире. История тесно связана с философией (философия истории, история философии). В древности сложилось представление об истории как учительнице жизни. Философия исполняет роль методологии истории (методология – не только самостоятельный раздел науковедения, но и один из разделов философского знания).

Таким образом – как для истории, так и для экологии характерен высокий уровень обобщения, синтезирующий характер. Этими проблемами занимаются естественные, технические и гуманитарные науки. Среди последних – философия, демография, социология, история, экономика, этика, эстетика, религиоведение, педагогика. Это логично возвращает нас к вопросу о мегаэкологии: «Зародившись и развившись в качестве особой научной дисциплины в системе биологических наук, экология, или, точнее, **экологический подход к изучению явлений**, приобрела в настоящее время характер общенаучного подхода» (И. П. Герасимов (1978), цит. по [3, с. 53]). Сходные мысли высказывает Ж. Дорст: экология – «это не только отрасль науки, а метод мышления, метод глобальный <...> Экология есть наука синтеза...» (цит. по [3, с. 54]).

Определяющим моментом в оценке исторического процесса будет являться изначально выбранный мировоззренче-

ский подход – доминирующий в настоящее время **универсальный эволюционизм**, приведший к хаосу в миропонимании и фактическому отказу от представления сколько-нибудь целостной картины, и *креационизм*, известный как идеологическое течение с периода Средних веков и получивший новый стимул к развитию в XX в. Это – две основные научно-мировоззренческие системы современности [12, 13].

Креационизм – учение о сотворении мира Богом из ничего, основанное на буквальном понимании Книги Бытия с привлечением данных естественных наук.

Под «креационной наукой» полагаем понимать чисто научные разработки, получаемые в результате осуществления которых конкретные *научные* факты и выводы затем интерпретируются в рамках «креационизма» как научно-мировоззренческой, идеологической системы, базирующейся на буквальном понимании Книги Бытия (предлагаемое определение не претендует на абсолютную правильность и полноту).

Аналогичным образом – эволюционная модель возникновения и развития Вселенной и жизни в ней, универсальный эволюционизм, охватывающий весь спектр научных знаний, также представляет из себя научно-мировоззренческую, идеологическую систему.

Говоря о креационизме, следует иметь в виду, что в современном виде он зародился в среде ученых-протестантов, что не могло не оставить на нем специфического отпечатка. Об этом говорит уже одно название книги известного креациониста Г. Морриса «Сотворение и современный христианин» (М.: Протестант, 1993). Прилагательное «современный» применительно к христианству для Православия бессмысленно и неприемлемо.

Становление в России креационной науки требует создания соответствующей теоретической базы, в отсутствие которой креационистов постоянно упрекают даже лица, «сочувствующие» данному направлению в науке [54]. Памятуя о примате веры перед знанием (важнейший аспект православного подхода к креационной науке и к науке вообще), отметим,

что разработка теории необходимым образом связана в первую очередь с гуманитарным, идеологическим аспектом. Далекое место здесь занимает вопрос истории цивилизаций, динамики культуры.

Универсальный эволюционизм рассматривает исторический процесс как путь культурного, социального и научно-технического прогресса – непрерывного количественного и качественного изменения всех сторон существования цивилизации в сторону совершенствования (пусть и с прохождением через «точки бифуркации» – кризисы); креационизм – как духовную деградацию человечества в результате вселенской катастрофы грехопадения, на рубеже XX–XXI вв. закономерно вызвавшую глобальный экологический кризис; тот факт, что в процессе этой деградации человечество достигало величайших вершин в духовной и материальной сфере бытия, не меняет общей тенденции к разложению – как в духовной, так и в материальной сферах. В этом – основное и принципиальное отличие эволюционного и креационного подходов к оценке культурно-исторического процесса [11].

По словам Л. Моргана: «Все факты человеческого познания и опыта свидетельствуют о том, что человеческая раса как целое последовательно прогрессировала от низшего к высшему состоянию» (Morgan L. H. Ancient Society. L. A. White (ed.). Cambridge (Mass.), 1964. P. 58). Идея деградации человечества в ходе исторического процесса, однако, не нова, и даже в рамках классического эволюционизма развитие человеческой культуры не рассматривалось в прогрессивном духе как неизменно линейный процесс. Г. Спенсер пытался сгладить противоречия эволюционизма: «современная теория деградации неприемлема, но теория прогресса в ее первоначальной форме также представляется неверной <...> Возможно и, я полагаю, вероятно, что ретрогрессия (возвратное движение) было столь же частым, как и прогрессии (поступательное движение)» (Spenser H. Primitive Culture. L., 1871. P. 14–15). Однако – эволюция все же доминирует над регрессом. Э. Тайлор по этому поводу

пишет: «История низших, как и высших, рас не есть история деградации и даже равномерного раскачивания вперед и назад, но движения, которое, несмотря на частые остановки и возвраты, в целом было поступательным» (Tylor E. Researches Into the Early History of Mankind. L., 1870. P. 193).

Эта точка зрения противопоставлялась деградационизму, утверждавшему общую тенденцию культурной деградации по сравнению с высокой культурой «золотого века»; к 1870-м гг. эта идея закономерно утратила влияние, но естественным образом сохранила до сих пор свое значение в рамках православного миропонимания.

Нам, как представителям русской, а следовательно, православной цивилизации, необходимо рассматривать с креационных позиций не только естественнонаучный аспект, но и культурно-исторический – и с позиций не просто креационных, но православных.

Мысль о необходимости переосмысления исторического процесса, а по сути – возврата к его православному пониманию, утерянному в период XVIII–XX вв., встречаем у ряда современных русских ученых [32, 50]. Интереснейшей попыткой рассмотрения предыстории человечества является работа о. Даниила (Сысоева) «Летопись начала» и его мысли о засилье эволюционизма в исторических науках [40, 56].

Известны креационные работы, посвященные отдельным историческим проблемам [15, 19]. В связи с изложенным, уже давно возникла необходимость всестороннего осмысления культурно-исторического процесса с позиций православного креационизма; одна из первых попыток в этом направлении сделана автором в [11–13].

Начнем с важнейших определений. Рассуждая в направлении от общего к частному (метод дедукции), мы видим совершенно **очевидный факт существования только двух основных научно-мировоззренческих систем – теистической (религиозной) и атеистической**. Существует ли Бог – Творец всего сущего, или Вселенная возникла сама собой (или же существует вечно, что, в принципе, одно и то же)?

Все прочие мировоззренческие системы при ближайшем рассмотрении оказываются частными случаями системы атеистической. Религиозная мировоззренческая система с наших позиций представлена исключительно Православием. Действительно, при детальном рассмотрении всех остальных религий мы не найдем в них реального Божества; все они по сути своей глубоко атеистичные мировоззрения. Высказываемая мысль давно уже не нова; к таким выводам пришли в свое время Л. Н. Гумилев и Ф. Я. Шипунов. Первый справедливо во множественном числе говорит об «атеизмах» – различных формах атеистических мировоззрений, поскольку с православных позиций Истина одна (абсолютна), с атеистических – многогранна, относительна (индуизм, буддизм), что предполагает постоянное «развитие» идеологии с естественным раздроблением на многочисленные отдельные направления. Протицируем: «Атеизмов на Земле было не меньше, чем религий, а различия между ними часто бывали глубже, чем между религиями» [4]. Уместно еще раз вспомнить слова из Книги Екклесиаста: «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела. Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека; ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо» (Еккл. 12, 11–14).

Таким образом, более четко две научно-мировоззренческие системы можно подразделить на **Православие** и **антиправославие** (мысль, впервые высказанная, очевидно, Ф. Я. Шипуновым [55]). Сказанное не несет в себе идеи конфессионального превосходства, но, напротив, говорит о колоссальной ответственности православных людей, являющихся носителями истинного учения Спасителя. Не следует при этом забывать и слова апостола Павла: «...нет лицепрития у Бога», «...не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники,

не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2, 13–15).

Иными словами, в чисто научном плане, вне креационной картины мира Православие как религия, мировоззрение, миропонимание и мироощущение становится абсолютно бессмысленным, поскольку, принимая важнейшие этические ценности Писания, но отвергая реальность событий, описанных в Книге Бытия (что иногда делают даже некоторые православные мыслители), мы неизбежно сталкиваемся со страшным вопросом: «От чего тогда спасал человечество Христос и ради чего он принял крестные страдания?» Христианство становится религией, абсолютно недоступной для понимания, в подтверждение чему в одном из современных учебников по религиоведению приводятся размышления атеистов по данному вопросу [5, с. 123–126, 44]. И действительно – возникновение христианства никак не укладывается в закономерности эволюционного процесса по схеме, сформулированной еще Гегелем: «магия–религия–наука».

Эволюционизм (универсальный эволюционизм) – научно-мировоззренческое учение о самовозникновении и саморазвитии мира (пусть даже и при определенном участии некоего «божества»). Эволюция – постепенное количественное и качественное изменение чего-либо в сторону улучшения, повышения сложности системы. Наилучшее и наиболее объективное определение эволюции дано выдающимся русским ученым Н. Н. Моисеевым: «**Эволюция – самоорганизация, изменение системы под действием внутренних факторов и механизмов, присущих системе и лишенным целенаправляющего начала**». Отсутствие цели говорит об отсутствии Бога, эту цель определяющего. Цель в эволюционном процессе появляется лишь с возникновением человека разумного, и цель эта изменчива во времени, создавая понятие «этики во времени», наилучшим образом сформули-

рованное в Талмуде, а в наше время зафиксированное в документах ООН.

Несмотря на существование так называемых «православных эволюционистов», эволюционизм как идеологию следует относить к атеистической мировоззренческой системе.

Православный взгляд на исторический процесс в научном плане предполагает креационный подход к истории цивилизаций. Упреки креационистам в попытке заменить наукой философию безосновательны, поскольку такого явления просто не наблюдается; по той же причине лишены основания обвинения в попытках пересмотра всех естественных наук. Речь идет не о пересмотре, а о логике связывания известных научных фактов в единую систему на основе дословного понимания Книги Бытия. Иного подхода для православного человека и быть не может.

Креационный подход к социоестественной истории – истории цивилизаций и биосферы, рассматриваемой во взаимосвязи, предполагает понимание исторического процесса как **деградации (тления, регресса)**, постепенного нарастания хаоса во всех областях бытия, как духовного, так и материального: с вершины сотворения в пучину грехопадения с последующей дальнейшей деградацией. Процессы духовной деградации вызывают отклик в материальном мире и неотделимы от него, являясь причиной экологического кризиса. Процесс деградации замедляется Божественными Откровениями человеку, вплоть до Искупления Спасителем первородного греха и предоставления человечеству возможности спасения.

Эволюционный подход предполагает идею **прогресса** – постоянного количественного и качественного изменения условий существования цивилизации в сторону совершенствования, в том числе – от обезьяны к человеку. Учитывая реальность глобального экологического кризиса с реальной возможностью перерастания его в катастрофу – необратимое разрушение биосферы, синергетики говорят об эволюции как чередовании порядка и хаоса, подразумевая тем самым

конечность существования отдельного человека и даже цивилизации в целом, но никак ни биосферы и самого эволюционного процесса.

Каким должен быть беспристрастный научный подход к процессам познания и образования? **Только при условии объективного сравнительного рассмотрения креационной науки и универсального эволюционизма, с беспристрастным изложением всех «за» и «против», а также при условии экологизации знания.**

Итак, с позиций креационизма, повторим, культурно-исторический процесс представляет собой постепенную деградацию человека и созданных им культуры и цивилизации, разрушение экосистем. Внешние проявления этого процесса в материальной сфере определяются естественнонаучными законами. Деградация проявляется в мировоззрении – возникновение язычества, формирование идеологии *гедонизма*, и совершенствовании техносферы, призванной обеспечивать растущие гедонистические потребности цивилизации. Как следствие рост нагрузки на экосистемы ведет к развитию экологического кризиса (деградация экосистем и падение урожайности), последовательно вызывающего в свою очередь кризисы экономический, социальный и политический. С позиций креационизма, таким образом, **последовательность развития кризиса цивилизации жестко детерминирована и определяется изначальным духовным кризисом.** Поэтому консерватизм цивилизаций традиционного типа всегда являлся залогом духовного и экологического равновесия.

С позиций эволюционной модели возникновение и развитие кризисов обусловлено всего лишь резонансным совпадением неблагоприятных причин различного характера – демографических, социальных, экономических и т.п. Выделить при этом определяющий фактор, естественно, не представляется возможным. Процесс эволюции предстает как чередование порядка и хаоса.

В табл. 1 представлена попытка сравнения двух научно-мировоззренческих систем по их основным характеристикам.

Таблица 1. Сравнительные характеристики эволюционизма и креационизма

Эволюционизм	Креационизм
<i>Индетерминизм</i> , «хаос создающий», процесс эволюции идет за счет энергии самого хаоса	<i>Детерминизм</i> , сотворение мира Богом из ничего
Религия – всего лишь феномен культуры	Религия – системообразующий элемент культуры и цивилизации в целом
Географический, экологический детерминизм	Духовный детерминизм
Учение В. И. Вернадского о биосфере, неodarвинизм, синергетика	Книга Бытия

Завершая рассмотрение вопроса, нельзя не привести мысль православного американца Серафима Роуза: «Эволюционная философия с ее направлением “вверх от животного”, конечно, выглядит несовместимой с христианским учением о “падении и изгнании из рая”, а весь наш взгляд на историю будет, конечно же, зависеть от того, во что и как мы верим!» [38, с. 17].

Вопросы динамики цивилизаций рассматривались многими мыслителями. Мысль о культурно-исторических типах локальных цивилизаций выдвинута в книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», в которой выделено II типов цивилизаций.

В начале XX в. А. Л. Чижевским доказывается цикличность в динамике исторических событий под воздействием колебаний активности солнца (докторская диссертация «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса», 1918 г.; книга «Физические факторы исторического процесса», 1924 г.).

Известны **натуралистическая концепция** и **географический детерминизм**. Данные направления в объяснении исторического процесса прослеживаются уже у Геродота;

Ш. Монтескье утверждал, что власть климата сильнее всех властей, – «Народы жарких климатов робки, как старики, народы холодных климатов отважны, как юноши» (Монтескье Ш. Избр. соч. М., 1995). К данному направлению следует отнести А. Р. Тюрго (французский философ XVIII в.), английского историка Г. Т. Бокля, французского историка Э. Ренана. По мнению Бокля, жаркий климат Индии был причиной рабства, поскольку особым образом влиял на сознание местного населения. По мнению И. Тэна (французский историк и философ), благодатный климат и тучная почва Голландии определили натурализм и «полнокровность» голландской живописи.

Для Л. Н. Мечникова определяющим фактором в развитии общества всегда была вода, особенности древних цивилизаций, Месопотамии, Египта, Китая, определялись освоением великих рек – «речные» цивилизации. Особенности средиземноморской цивилизации связаны с обладанием морскими пространствами. С открытием Америки возникает глобальная океаническая цивилизация [21].

Исторический процесс волнообразно разворачивается не только в пространстве, но и во времени, формируя конъюнктурные ритмы, охватывающие экономику, политику и демографию, самопознание и коллективное мышление, преступность, сменяющие друг друга художественные школы, литературные течения и моду. Наряду с сезонными колебаниями наблюдаются циклы разной длительности: 3–4-хлетние, длительностью 6–8 лет, интерциклы или междесятилетние циклы продолжительностью 10–12 лет, полувековые циклы Н. Д. Кондратьева, вековая тенденция продолжительностью 150–300 лет. Важен вывод Ф. Броделя, что глубинные волны истории имеют тенденцию к сокращению во времени.

В конце XX в. были сформулированы основные положения концепции о периодической смене цивилизаций в мире и в России, становлении постиндустриальной цивилизации (1992 г., Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева). На II Кондратьевской конференции (1995 г.) были выдвинуты гипотезы об исторических

суперциклах, охватывающих совокупность родственных мировых цивилизаций, о фазах исторического процесса.

Опубликована серия работ по проблемам длинноволновой, циклической динамики общества (ван Дейн, А. Клайкнехт, Ю. В. Яковец и др.).

Весьма важна работа И. М. Дьяконова: «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней» [10] – концепция смены фаз исторического процесса, отделяемых друг от друга переходным периодом различной длительности – фазовым переходом. Дьяконов выделяет 8 фаз, длительность которых подчиняется закономерности экспоненциального ускорения:

- первобытная фаза (от появления *Homo sapiens* до неолита – не менее 30 тыс лет);
- первобытно-общинная фаза (около 7 тыс лет)
- ранняя древность (около 2 тыс лет)
- имперская древность (около 1,5 тыс лет)
- средневековье (около 1 тыс лет)
- стабильно-абсолютистское постсредневековье (около 300 лет)
- капиталистическая фаза (немногом менее 100 лет)
- посткапиталистическая фаза
- девятая фаза исторического процесса.

При этом возможны два сценария будущего: либо человечество не позднее XXII в. **вымирает и с ним гибнет** большая часть известной нам биосферы, либо удастся достичь значительного снижения прироста населения в развивающихся странах и гармонизировать динамику общества и природы.

Ю. В. Яковцем выдвинута близкая концепция [52], отличающаяся, однако, числом, наименованием и длительностью фаз (мировых цивилизаций), а также оценкой прогресса в производстве оружия, считающегося Дьяконовым решающим фактором перехода от фазы к фазе.

Американской феминисткой Р. Айслер предложена схема периодизации истории в зависимости от характера взаимоотношений между полами: от длительного первоначального периода партнерства между мужчиной и женщиной (достигшего послед-

ней вершины в минойской культуре – III тыс до Р.Х.) – через эпохи мужского господства, насилия и войн – к возрождению эры партнерства на новой основе в недалеком будущем.

Американский историк Артур Шлезингер-младший описал ритм 30-тилетних циклов, связанных со сменой поколений в политической жизни США и их внешней политике; наиболее важная мысль: «цикл – это не маятник, качающийся между неподвижными точками, а спираль, он допускает новое и потому избегает детерминизма (и делает несбыточными пророчества). И, кроме того, исторический цикл всегда связан с личностью историка». Согласно философу истории Р. Дж. Коллингвуду: «У каждого исследователя истории всегда должна быть своя система циклов... циклический взгляд на историю будет меняться и исчезать, распадаться и собираться вновь с каждым новым шагом вперед в историческом познании индивидуума и расы». Данная мысль полностью атеистическая, отрицающая наличие абсолютной истины. По мысли эволюционистов, историческая наука в настоящий момент переживает кризис, результатом которого станет очередная переоценка ценностей и новая картина прошлого, закономерностей и этапов исторического процесса.

В кругах эволюционистов как следствие увеличилось число трудов, утверждающих об отсутствии смысла исторического процесса и общих его закономерностей. Американский историк Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?» объявил, что победа либеральной демократии над фашизмом и коммунизмом, конец Холодной войны знаменуют «конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»; «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной идеи, идеологическая борьба, требующая отваги, – вместо всего этого – экономический рост, бесконечные технические проблемы, забота об экологии, удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории».

Но с позиций последовательного эволюционизма, пока существует человечество, история не может иметь конца.

Развитие глобального экологического кризиса способствовало возникновению специфических экологических подходов к культурно-историческому процессу, во многом сближающихся с восточным миропониманием – индуизмом и буддизмом. **Экософия** – глубинная экология (А. Наесс, У. Андерсон, У. Фокс); забота о природе становится заботой о себе, все преграды между «я» и природой рушатся, человек начинает мыслить «изнутри» природы, мораль оказывается излишней. Личность превращается в «эко-я», она готова «сбросить с себя бремя отождествления только с человеческой сущностью» [41]. Человек начинает говорить от имени земли, лесов и гор.

В рамках глубинной экологии предлагаются способы слияния с природой: ритуальные формы действий, медитативные упражнения, пробуждение «эволюционной памяти», «эко-дыхательные» упражнения, подключающие «я» человека к большому экологическому «я». Человек утрачивает индивидуальную свободу, подчиняясь душе природы, растворяясь в ней.

Персоналистическая экология рассматривает отношения человека к природе в интимно-личностных, этических, эстетических, религиозных аспектах. Изменение взаимоотношений общества и природы начинается с изменения самой структуры нашего «я». Традиционное противопоставление «я» и окружающего мира заменяется представлением о том, что наше «я» – это поле, которое постоянно расширяется, углубляется, сливаясь со всем существующим на планете. Идеи персоналистической экологии ориентированы на сотрудничество с природой, «руководство» природой, расширение возможностей природы. Зачастую эти идеи связаны с христианством – отношения человека и природы должны приобрести характер симфонии. Библейский Эдем – идеальный образ природы, возврат к единению с природой. Грехопадение – это деспотически-потребительское отношение к природе, выраженное в рационализации взглядов на природу как объект анализа и носитель стоимости. Мироощущение христианина

способно за видимой ограниченностью природы прозреть Божественный замысел движения тварного мира к совершенству, к единению с Творцом. В этом случае «я» не растворяется в душе природы, напротив, зрелость «я» есть залог существования и «возрастания» природы.

На принципы географического детерминизма опирается **геополитика**. Термин введен шведским ученым Р. Челленом и означает учение о государстве как географическом и биологическом организме, стремящемся к постоянному расширению. Основные понятия геополитики – «жизненное пространство», «естественные границы». Внешняя политика государств в основном определяется географическими факторами (климатом, местоположением, природными ресурсами, темпами роста народонаселения).

Л. Н. Гумилев, говоря о биохимической энергии, энергии космоса, выдвигает концепцию **этногенеза** как составной части антропосоциогенеза; формы жизни этноса, через которые осуществляется связь с природной средой, – пространство и время; начало этногенеза связано с механизмом мутации – внезапного изменения генофонда, наступающего под действием внешних условий в определенном месте и в определенное время. Само возникновение человечества Гумилев связывает с пассионарным толчком. Понять возникновение и эволюцию человечества невозможно, учитывая только социокультурную преемственность, без учета тесной связи человека и природы [7].

Работы П. П. Гаряева с позиций физики и биологии показали реальность формирования культуры этноса по генетическому механизму передачи информации [6] (приверженность П. П. Гаряева к эзотерическим кругам заставляет, однако, с осторожностью относиться к его научной деятельности).

Российский ученый А. П. Назаретян – автор гипотезы техно-гуманитарного баланса, в соответствии с которой развитие культурных регуляторов поведения и мышления сопряжено с техническим прогрессом: увеличение мощности технологий требует выработки все более сложных нравственных ограничителей, и общества, не сумевшие своевременно адаптировать-

ся к возросшим инструментальным возможностям, подрывают природные и/или геополитические основы своего существования [30, 31]. Однако требование более сложных нравственных ограничителей хотя и разумно по своей сути, но абсолютно утопично, поскольку речь идет не о совершенствовании (механизм которого неизвестен, как и конкретные проявления его действия), а о деградации во всех сферах бытия.

Связям культурно-исторического и природных процессов определенное внимание уделено в работах А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева.

В условиях глобального экологического кризиса, грозящего перейти в экологическую катастрофу – необратимое разрушение биосферы, Н. Н. Моисеевым выдвинута идея «*коэволюции*», совместного развития природы и цивилизации [22–26]. Подчиненность человека природе, естественному ходу событий в окружающем мире Н. Н. Моисеев называет необходимостью согласования «стратегии общества» и «стратегии Природы». По Н. Н. Моисееву, общество рационально организовано, если его деятельность обеспечивает гармоничное взаимоотношение *биоты* и человека. Иными словами, рациональная организация социума предполагает, что результаты человеческой деятельности не ухудшают экологической обстановки и прочих условий жизни людей и дают достаточный простор для самореализации индивидуальности личности [23, с. 9–11]. Идеи эти в принципе не новы и, как известно, были реализованы еще в Древнем Египте [13].

Социально-философские исследования констатируют: сложность и драматичность человеческой эволюции заключается в том, что человек, общество одновременно и противостоят природе, и включены в нее. С позиций Православия отметим, что этот очевидный факт обусловлен вселенской катастрофой грехопадения.

Социокультурная история и социальная философия выражают именно противостояние общества, культуры и природы, акцентируя специфику социальной жизни, ее отличие от природного развития. Конечно, о значении географического,

природного фактора говорится, но при этом подчеркивается его вторичность по отношению к социальным процессам, которые осуществляются по своим собственным законам. Эта традиция характерна и для западной философии: достаточно вспомнить неокантианцев с их противопоставлением номотетических (естественных) и идеографических (исторических) наук и утверждением о якобы несовместимости их методов. Еще более она свойственна марксистской философии и истории в ее советском варианте. Идея К. Маркса об истории как общественном по своему характеру процессе развития естественных сил человека не конкретизирована ни им самим, ни его последователями [42].

Устранить указанные противоречия в науке ученые пытаются с помощью двух относительно новых направлений.

Независимо друг от друга Э. С. Кульпиним (Россия) и Э. О. Уилсоном (США) выдвинуты теории соответственно **социоестественной** и **социобиологической** истории, базирующиеся в первом случае на теории биосферы В. И. Вернадского и синергетике, при доминировании географического детерминизма, во втором – на неodarвинизме и *этологии*.

Главная задача двух последних теорий – не только и не столько проследивание экологических последствий *антропогенной деятельности*, но изучение условий сохранения экологического равновесия между социумом и крупными экосистемами и биосферой в целом.

Социоестественная история (СЕИ) есть новая междисциплинарная область знаний, возникшая на стыке гуманитарных и естественных наук, цель которой – «изучение взаимосвязей, взаимовлияния и взаимозависимости явлений, процессов и событий в жизни людей и в жизни природы, как в настоящем, так и в прошлом ...» [16].

Главная задача СЕИ: понять законы существования целого – косной и живой материи (геобиосферы как системы) – и общества. Естественно, в этой области знания, как и во всех остальных, возможен подход с позиций двух основных мировоззренческих систем [13, 16].

Временное поле социоестественной истории охватывает интервал **от 100 до 1000 лет**. Действительно, ощутимые изменения в биосфере могут произойти минимум за 100 лет (элементарная *сукцессия* – смена лиственного леса еловым – происходит за период 80–120 лет); средняя продолжительность существования отдельных цивилизаций – 1000 лет. Необходимо отметить, что в настоящий момент время течет как бы быстрее за счет резкого ускорения протекания всех процессов в техносфере и обществе (следствие научно-технического прогресса – сокращение расстояний и времени); это так называемое «социальное время», с 50-х гг. XX в. текущее примерно в 3 раза быстрее. Так что приведенные цифры в большей степени относятся к прошлому, чем к настоящему.

Л. Н. Гумилев в одной из своих работ описывает некий гипотетический прибор «историоскоп» с масштабной шкалой, содержащей градацию степени приближения во времени: приближение № 1 будет самым общим – мы увидим всю огромную спираль исторического пути человечества как бы «с птичьего полета»; приближение № 2 даст уже только один виток спирали, воспринимаемый как прямая линия, – отдельные цивилизации во взаимодействии друг с другом, проходящие стадии подъема, более или менее длительной стабилизации в зените и постепенного упадка, за которым иногда имело место полное исчезновение цивилизации и этноса; приближение № 3 дает историю уже только одной культуры, № 4 – одной эпохи, № 5 – исторического деятеля. Очевидно, что для СЕИ интерес представляют в основном приближения № 1 и 2, в меньшей степени – № 3 [8].

К важнейшим понятиям СЕИ относятся также этнос и суперэтнос, вмещающий ландшафт.

Этнос – от греч. *ἔθνος* – народ, **суперэтнос** – крупный этнос, или группа близкородственных этносов, объединенных общей исторической судьбой, общей идеологией и общим вмещающим ландшафтом, берущих под покровительство (реже – порабащивающих) другие этносы с образованием империй.

Вмещающий ландшафт – жизненное пространство этноса и суперэтноса, на котором существует и развивается цивилиза-

ция. Человек и общество в целом существуют в тесной взаимосвязи с окружающей природной средой. Чтобы понять историю народа, необходимо знать географическую среду, в которой он жил. В теории Э. С. Кульпина географические условия существования цивилизации играют, пожалуй, первостепенную роль.

Пространство, как и время существования цивилизации, в современных условиях сокращается в размерах в результате научно-технического прогресса.

Таким образом, СЕИ отражает включенность человека и общества в целом в природу, раскрывая конкретные социо-природные взаимосвязи и взаимодействия. До появления идей и разработок СЕИ природа практически во всех социально-философских исследованиях представляла лишь фоном, на котором разворачивалась самодостаточная социальная история. Превалирующее сейчас убеждение в самодостаточности социальной истории, которое можно назвать социально-историческим эгоцентризмом, приводит некоторых авторов к необоснованному утверждению о «конце истории». Так, Ф. Фукуяма, отождествляя человеческую историю с социально-политической историей и полагая, что с крахом коммунистической идеи не осталось альтернатив западной либеральной демократии, которая в настоящее время зашла в тупик, делает вывод о том, что история на этом заканчивается.

Ученые, работающие в области СЕИ, находятся на позициях эволюционизма, однако и они приходят к очевидному выводу о зависимости определенных форм государственности от характера взаимодействия человека с природой, что позволяет сделать вывод: экологический кризис – симптом недомогания социальной системы [17]. Разрешение кризиса, по мысли эволюционистов, в конечном счете приводит к изменению социально-государственной организации данного общества, с чем трудно не согласиться. Однако признать этот процесс стихийным, самоорганизующимся (синергетика), с позиций Православия не представляется возможным.

С. Хантингтон прогнозирует, что развитие человечества в XXI веке будет определяться взаимоотношениями на уровне

цивилизаций и конфликт цивилизаций придет на смену всем другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального противостояния [47]. Одновременно со сплочением этносов внутри определенной цивилизации и ростом цивилизационного самосознания усиливаются противоречия между различными цивилизациями, их системами ценностей. Планетарная история, согласно С. Хантингтону, будет определяться не отношениями между государствами и политическими системами, а цивилизационными взаимодействиями на уровне этносов и суперэтносов.

Становление и развитие этносов и суперэтносов не является только социальной или только природной историей. На это впервые обратил внимание Л. Н. Гумилев, рассматривая этносы как явление, лежащее на границе биосферы и социосферы, а этногенез как локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и ландшафтного факторов. Но Л. Н. Гумилев не создал методологии, которая в концепции СЕИ получила свое доказательное обоснование, серьезную разработку и четкие формулировки. Создание целостной методологии позволило СЕИ как учению избежать основной опасности, возникающей в междисциплинарных исследованиях, – эклектического соединения множества отдельных факторов (географических, биологических, психологических и т.п.).

Субъектами СЕИ являются этносы и суперэтносы, и поэтому ее исследования оказываются чрезвычайно актуальными для изучения и понимания тенденций развития человечества, описанных С. Хантингтоном и другими авторами.

Возвращаясь к указанной выше опасности люциферианства в науке и миропонимании, отметим, что в концепции СЕИ используется синергетический метод и сама она является проявлением синергетического видения мира. СЕИ основывается на представлении о Вселенной, природе, обществе как о единой саморазвивающейся системе, во всех процессах которой присутствуют случайные факторы, влияющие на их развитие. Причем эти факторы в периоды бифуркаций, т.е. в моменты

смены канала эволюции, могут иметь решающее значение. Таким образом, все социоприродные процессы протекают в условиях некоторого уровня неопределенности. Эта методология подводит историческое и гуманитарное знание в целом к «квантовому», «неклассическому» уровню. Учитывая также, что разработки СЕИ, как уже говорилось, могут стать фундаментом мировоззрения, в котором доминируют экологические ценности, характерные для будущего, можно сделать вывод о том, что СЕИ может стать одним из оснований новой мировоззренческой парадигмы XXI века [42].

Исходной точкой теории СБИ является эволюция путем естественного отбора. Возникновение культуры и цивилизации рассматривается как явление приспособления популяции к меняющимся природным условиям и поэтому связано с биологической эволюцией. Социобиологи утверждают, что наше поведение определяется биологическими факторами; различные проявления социальности (например, альтруизм) можно обнаружить и в животном мире. Моральные установки способствуют сохранению генов предков, поэтому моральное поведение в конечном счете ведет к выживанию человечества – коллективного потомка некоего общего предка. Агрессивность человека также есть качество, общее человеку и животным. В зависимости от ситуации в человеческой группе проявляются то альтруистические, то агрессивные черты, что усиливает выживаемость вида. Борьба альтруизма и агрессивности, в равной степени имеющих биологические корни, в человеческом обществе принимает форму «совести». Так что не подавление врожденных биологических импульсов, а, напротив, следование им способствует выживанию человечества. Часто «биологическая преграда» (неспособность уничтожить принявшего «позу покорности») не дает развиваться групповой агрессии; культурные нормативы в этом случае приказывают убивать.

На базе социобиологии формируется «**биополитика**» – оценка политического поведения, борьбы за власть, войн, революций; согласно этим взглядам, понять предпосылки социальной стабильности, логику массового сознания, отношение

народа к вождю невозможно без понимания биологических основ этих процессов (П. Корнинг, А. В. Олескин). Так, «задача настроения» птиц в стае в случае опасности может быть использована для объяснения предреволюционных настроений. Нахождение масс в непосредственной близости от политического лидера, умеющего должным образом использовать «жесты уверенности», «ритуал успокоения», способствует социальному единству. Структура отношений господства-подчинения, борьба за власть, доминирующее положение в группе, обществе, определяющее распределение ресурсов, оптимизация политических отношений должны опираться на изучение группового поведения животных.

Обе теории, СЕИ и СБИ, принадлежат к атеистической мировоззренческой системе, взаимно дополняют друг друга. В основание подхода к познанию здесь положен принцип причинно-следственных отношений между событиями, при поставлении во главу угла исключительно человеческого разума, полностью оторванного от веры. Поскольку полный отрыв веры от разума попросту невозможен, такие системы базируются на вере в прогресс, отсутствие абсолютной истины, добра, любви, красоты.

В перечисленных теориях очевидно преобладание универсального эволюционизма, базирующегося в основном на неodarвинизме и синергетике (Г. Хакен, 1971 г.). С позиций синергетики история представляется как бесконечный хаотический процесс саморазвития общества по сугубо биологическим законам в конкретных географических и экологических условиях; однозначно прогнозировать ход истории не представляется возможным (как и однозначно оценить прошедшие исторические эпохи). Данный подход сформировался в течение последних пятисот лет, знаменуя собой постепенный отход цивилизации Запада от христианского миропонимания.

Столь подробное рассмотрение антиправославных по своей сути взглядов обусловлено, во-первых, – необходимостью знать противника, а во-вторых, – такой же неизбежной необходимостью использования чисто научных методов (без-

относительно идеологии). Синергетики, используя, в частности, принцип *эмерджентности* (нелинейности систем), абсолютно правы. Православные мыслители также не могут обойтись без этого.

Рассмотрение вопроса с православных позиций (идеология) и с позиций **системно-экологического подхода** к познанию (наука, естественнонаучный аспект) требует в первую очередь четкого определения основных понятий – **биосфера, техносфера, цивилизация, культура**.

Биосфера является экосистемой высшего порядка на нашей планете (самой большой), включая в себя живые организмы, область их распространения и условия существования во взаимосвязи. Под **техносферой** следует понимать совокупность промышленности, сельского хозяйства, транспорта, энергетики и всех экономических и политических отношений, связывающих их в единую систему, обеспечивающую существование цивилизации.

Что есть **цивилизация** (лат. *civilis* – общественный, государственный, гражданский)? Применительно ко всему человечеству ее можно рассматривать как ступень развития (деградации) человечества. Уровень развития всечеловеческой цивилизации определяется по развитию культуры, науки, техники и технологий. Но это условный технико-организационный подход к пониманию цивилизации. На самом деле не существует единой цивилизации всего человечества, но множество локальных цивилизаций, существующих в собственной шкале координат. Основная особенность каждой такой цивилизации – духовность, составляющая главное содержание этноса, создавшего каждую из них. Исследователь цивилизаций О. А. Платонов формулирует это следующим образом: «Цивилизация – форма человеческой организации пространства и времени, выражающаяся качественными началами, лежащими в особенностях духовной природы народов, составляющих самобытный культурно-исторический тип. Каждая цивилизация представляет собой замкнутую духовную общность, существующую одновременно в про-

шлом и настоящем и обращенную в будущее, обладающую совокупностью признаков, позволяющих классифицировать ее по определенным критериям. Цивилизация не равнозначна понятию “культура” (хотя они нередко ошибочно отождествляются). Так, последняя представляет только конкретный результат развития внутренних духовных ценностей цивилизации, имея строгое ограничение во времени и пространстве, т.е. выступает в контексте своей эпохи¹.

«Разделение человечества на цивилизации, – пишет этот же исследователь, – имеет не меньшее значение, чем разделение на расы. Если расы представляют собой исторически сложившиеся разновидности человека, имеющие ряд наследственных внешних физических особенностей, которые образовались под действием географических условий и были закреплены в результате изоляции различных человеческих групп друг от друга, то принадлежность к определенной цивилизации отражала исторически сложившийся духовный тип, психологический стереотип, закрепившийся в определенной национальной общности вследствие особых исторических и географических условий жизни и генетических мутаций. Если принадлежность к расе выражалась в цвете кожи, волос, строении тела и ряде др. внешних признаков, то принадлежность к цивилизации выражалась прежде всего во внутренних, духовных, психических и психологических признаках, самодовлеющих духовных установках.

Теория цивилизаций (культурно-исторических типов) впервые в мире разработана русским ученым Н. Я. Данилевским.

До него господствовало представление, что человеческое общество развивается во всех странах одинаково, как бы линейно вверх, от низших форм к высшим. Сначала были Индия и Китай, потом высшие формы развития перешли в Грецию и Рим, а затем получили окончательное завершение в Западной Европе. Эти представления были рождены на Западе, т.е. Запад как бы принимал эстафету мирового развития,

¹ Платонов О. Цивилизация // Большая энциклопедия русского народа. Том «Русское мировоззрение». М.: Институт русской цивилизации, 2003. С. 931.

объявляя себя высшим выражением мировой цивилизации. Все многообразие культурно-исторических типов рассматривалось в рамках единой цивилизации. Эти ошибочные представления Н. Я. Данилевский убедительно опроверг. Он показал, что развитие идет не линейно, а в рамках целого ряда культурно-исторических типов, каждый из которых является по отношению к другим замкнутым духовным пространством, и оценивать его можно по его внутренним, присущим только ему критериям.

По учению Данилевского, общечеловеческой цивилизации нет и быть не может. Существуют лишь ее различные типы, такие как египетский, китайский, ассиро-вавилонно-финикийский, еврейский, греческий, римский, славянский (русский). Господство одного культурно-исторического типа, распространенное на весь мир, означало бы постепенную деградацию человечества.

Разработанная Данилевским теория цивилизаций получила дальнейшее продолжение в трудах О. Шпенглера и А. Тойнби»¹.

С позиций системно-экологического подхода цивилизацию можно определить как систему, включающую в себя в качестве системообразующего элемента религию, а в качестве основных элементов – этнос и его менталитет (базирующийся на религии), вмещающий ландшафт, государство и государственную идеологию (также базирующуюся на религии), общество, культуру (науку, литературу, искусство), а также техносферу, обеспечивающую функционирование цивилизации в материальной области. **Культура** как элемент цивилизации с этих позиций является сложной, автономной, саморазвивающейся системой. **Религия – системообразующий элемент культуры и цивилизации.** Снижение ее роли ведет к саморазрушению и культуры, и цивилизации

И био-, и техносфера, и цивилизация, и культура имеют не только и не столько физико-биологический, социальный

¹ Платонов О. Цивилизация // Большая энциклопедия русского народа. Том «Русское мировоззрение». М.: Институт русской цивилизации, 2003. С. 931.

и технико-экономический характер, но – главным образом духовный характер. Определяющим является идея Творца и мыслительная деятельность человека, имеющего свободу нравственного выбора. **Исторический процесс, таким образом, определяется Божественным Промыслом и свободной волей человека.**

Определение цивилизации в креационной трактовке: цивилизация есть очередная ступень деградации этноса и общества: от самоуправления, основанного на высоких этических понятиях (Синайское законодательство, культуры археологические, не знавшие политогенеза), до необходимости создания государственных структур, отчужденных от общества, имеющих функции принуждения, насилия, наказания и репрессий для поддержания необходимого порядка и предохранения общества от сползания к хаосу, – то есть – к дальнейшей деградации: от монархии к демократии.

Используя тот же фактический материал, попытаемся рассмотреть историю цивилизации с позиций Православия.

Повторим, что если в универсальном эволюционизме культурно-исторический процесс представляется как постоянное совершенствование цивилизационной системы (научно-технический прогресс, политическое развитие от монархии к либеральной демократии и т.д.), то в креационизме это – процесс постепенной деградации человечества, как следствие вселенской катастрофы грехопадения.

Несомненно, что экологические проблемы возникли с момента грехопадения человека, с момента вхождения в мир носителей зла и смерти. Что с этой точки зрения представляет собой весь исторический процесс? Это непрерывная, ожесточенная борьба дьявола с Богом с целью погубить человека как венец Божия творения. Внешние проявления этой борьбы определяются законами мироздания, законами экологии.

Вкусив от древа познания добра и зла, человек противопоставил себя природе, которая вынуждена страдать вместе с ним. Полученное таким образом знание оказалось знанием весьма приблизительным, далеко не полным и явно не-

достаточным для достижения Божественного уровня, то есть знанием «лжемнимым», «лжеименным», по словам святителя Игнатия Брянчанинова. Следствием этого явилась разнонаправленность антропогенных и биосферных процессов [13, 33], непримиримое противоречие между ними, приведшее в материальной сфере вначале к региональным, а затем и к глобальному экологическому кризису, выход из которого невозможен вне духовной сферы.

Повторяя мысль о необходимости устоять в Истине Православия, подчеркнем, что для этого все перечисленные вопросы представляют первостепенную важность, ведь они определяют наше мироощущение, миропонимание, определяя тем самым цель и смысл нашей жизни. Создана ли Вселенная, Земля, жизнь на Земле Творцом или образовалась самопроизвольно, самоорганизовалась, по мысли синергетиков? Создан ли человек по образу и подобию Божию или произошел от животных? Давая отрицательный или утвердительный ответ на эти вопросы, человек определяет линию своего поведения в жизни. Атеистический ответ открывает широкий путь научного и социального прогресса с целью удовлетворения гедонистическим наклонностям общества, отрицая высшие цель и смысл Творения, а свои пороки списывая на животное происхождение и даже создавая научные направления, объясняющие всю духовную жизнь отдельного человека и общества в целом биологическими рефлексам (этология, социобиологическая история).

В атеистической мировоззренческой системе превалирует мнение о примате науки, техники и технологии в решении экологических проблем; человечество накапливает энергию, а не рассеивает ее и потому, согласно В. И. Вернадскому, является огромной геологической силой. Однако критерием оценки цивилизации может являться только высокий нравственный уровень непотребительства, гарантирующий высокую же степень сбалансированности общества и биосферы. Креационный подход, говорящий о закономерной деградации общества, представляется более реалистичным.

1.4. Проблема «экологичности» религий

1.4.1. Сравнительный анализ религий с позиций экологии

Известны многие классификации религий, различающиеся по основному критерию их оценки, – религии ума и Откровения, политеистические и монотеистические, «доосевые» и «осевые» (по К. Ясперсу) и т.п.

Критерии оценки религий с позиций экологии – по результатам воздействия культуры и цивилизации на биосферу. Таким образом, **можно говорить об «экологичных» и «неэкологичных» религиях**, при этом, естественно, возможны два мировоззренческих подхода. С позиций атеизма экологичными будут все языческие религии, пантеизм, а христианство и иудаизм – неэкологичными (ислам по «странному» недоразумению попадает в экологичные религии, несмотря на свою ветхозаветную основу). Такое «понимание» вопроса проникает даже в школьные учебники [20].

Как следствие сближения истории, культурологии и религиоведения, в 1960–80-е гг. за рубежом возникла **экология религии** – как направление религиоведческих исследований. Один из зачинателей этого направления – шведский этнограф О. Хульткранц; основной отличительной чертой его подхода к религии является выяснение «влияния окружающей среды на организацию и развитие религиозных форм». «Экология религии – это в первую очередь ключ к изучению тех религий, культуры которых зависят от естественной среды, это так называемые примитивные религии» [2, 3, с. 55]. В рамках этого направления изучаются проблемы взаимодействия религии и природного окружения не только на уровне этносоциальной и конфессиональной общности, но и на уровне организма индивида. И здесь «основная задача исследований «экологии религии» состоит в выяснении рационально-биологических

оснований религии, изучении того, есть ли связь между внутренними особенностями нашего организма и спецификой той или иной формы богослужения определенной этносоциальной системы, функционирующей в определенных экологических условиях» [2]. «Экология религии – сложный комплекс исследований, имеющий своим предметом изучение взаимодействия между природным окружением, религией и экологическими особенностями человека...» [2]. Все звенья цепи: экология человека – религия – деятельность по поддержанию существования – экологическое окружение – «связаны между собой, и изменение в одной ее части рано или поздно дает о себе знать в других» [2].

Согласно такой концепции, экология в первую очередь влияет на религию, но не исключается и обратное влияние. В качестве примера оправдания хищнического отношения к природе приводят некоторые аспекты идеологии протестантизма, в частности – присущие этому направлению христианства нормы «хозяйственной этики». А «экологичными» можно назвать локальные религии первобытных обществ, одну из ранних форм религии – тотемизм, с его запретом убивать тотемическое животное, употреблять его в пищу [3, с. 55].

Истоки экологии религии уходят в середину XX в., когда появилась «**культурная экология**», основателем которой был уже упоминавшийся Джулиан Стюард. Он и его сторонники изучали процессы адаптации человеческих сообществ к природной среде («экологическую адаптацию»). Культурную экологию, то есть приспособление к среде через культуру, Стюард противопоставлял понятиям «человеческая» и «социальная» экология, которые выражали, по его мнению, просто биологическое приспособление человека к среде. Это новое научное направление и понятие помогали объяснять различные особенности культуры разных народов. Как полагал Стюард, основные черты ее зависят от природной среды, но «сама эта зависимость детерминирована культурными факторами. Например, китайцы не пьют молока, эскимосы летом не едят тюленьего мяса. Значит, зависимость от природной

среды не такая уж прямая. Впрочем, чем проще культура, тем сильнее прямое влияние географической среды» [45].

В культурной экологии берет свое начало и другая научная дисциплина. С 1960-х гг. в США развивается «**экологическая этнография**», точнее, «**экоантропология**». В ее рамках имеются такие направления, как «экосистемная этнография», «этноэкология» и «процессуальная экоэтнография», ставящие в центр внимания те или иные аспекты взаимодействия этнокультурных общностей и природной среды.

Проблемы этнической экологии широко исследуются и в России – исследование взаимосвязи населения с географической средой, формирующей этнос в ходе исторического процесса. Эта научная дисциплина существует на стыке этнографии с антропоэкологией. Она имеет зоны перекрытия с этногеографией, этнической антропологией. Отечественные антропологи и этнографы обратились к проблемам экологии около 30 лет назад. Однако область исследования здесь ограничивается лишь некоторыми историческими периодами взаимодействия человека и окружающей среды – природной, производственной, социокультурной. Эти работы «разрознены и разномасштабны» [35]. В наибольшей степени исследованы первые стадии формирования человечества. Здесь следует отметить большой вклад антрополога В. П. Алексеева. Также много места уделено современности. Но «очень мало публикаций, отражающих тот период, который принято называть историческим. Вряд ли сегодня мы найдем работы, посвященные экологии человека эпохи Средневековья, найдем историю не просто человека и среды, а их отношений, как глобальных, так и региональных...» [35]. Все это справедливо и для антропоэкологии восточных славян.

В современной научной, учебной и публицистической литературе довольно часто можно встретить обвинения христианства в инициировании экологического кризиса, базирующиеся на принципиальном незнании христианства как такового или на сознательном искажении сущности христианского вероучения и христианской культуры (в частности,

работы Н. М. Мамедова с соавторами). Исследовательских работ, проводимых в этой области с православных позиций, на наш взгляд, сегодня недостаточно, хотя нельзя не отметить таких ученых, как Лемешев М. Я., Романенко Е. В., Кивва К. В., Крупенио Н. Н.

Волна критики христианства была поднята статьей Л. Уайта «Исторические корни нашего экологического кризиса», опубликованной в 1967 г. в журнале «Science». Уайт считает, что «разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [46, с. 188–203]. Выход из кризиса Уайт видит не в совершенствовании науки и техники, так как они выросли из христианского отношения человека к природе, а в смене религии или переосмыслении старой. А так как новая религия, в идеале дзен-буддизм, вряд ли приживется, то предлагается следовать еретической идее равенства всех тварей св. Франциска Ассизского.

Сходный взгляд выдвинул английский историк Арнольд Тойнби. Претерпев в конце 1950-х годов духовный кризис, Тойнби превратился из христианского философа, хотя и явно не ортодоксального, в убежденного противника христианства. В своей статье «Религиозные основы современного экологического кризиса» (1973) ответственность за экологический кризис Тойнби возлагает на христианство, приводя целый ряд цитат из Священного Писания, согласно которым человеку отводится роль венца природы и ее хозяина (Быт. 1, 26). Единственным выходом из сложившегося положения, по мнению ученого, является возврат к язычеству. В числе более экологичных религий Тойнби упоминает древнегреческие языческие культы, буддизм, синтоизм и даосизм; зороастризм, по его мнению, также экологичнее, чем христианство, поскольку в Авесте присутствует мотив любования природой, а не господства над нею.

Практически одновременно с ним с критикой христианства выступил известный философ контркультуры Теодор Роз-

зак. Эта тема присутствует, в частности, в его известной книге «Там, где кончается пустыня» (1973). Подобно Тойнби Роззак усмотрел источник экологического кризиса прежде всего в христианском представлении о человеке как о венце природы.

Тема религии стала одной из основных в пятом докладе Римскому клубу – «Цели для человечества» (1977), подготовленном группой исследователей под руководством Эрвина Ласло. В нем, в частности, была предпринята попытка выявить контуры новой экологичной религии, составленной из элементов индуизма, буддизма, даосизма, ислама и христианства.

Изложенное не является чем-то новым. Подобные взгляды гораздо раньше и гораздо ярче высказал В. В. Розанов: полюбив «Иисуса сладчайшего», человек перестает любить мир; христианство внушает ненависть к миру, призывая «не любить мир, ни того, что в мире», «оставить отца, мать, жену, мужа»; оно логически ведет к самоуничтожению, самосожжению, самозакапыванию. Христианство, по Розанову, – «религия, в центре которой гроб, религия мертвого бога», оно разрушает «зародышевое начало мира»; на этом основывается и вся современная культура, какой бы атеистической она ни была. Очевидны здесь односторонность и противоречивость, как и во всем творчестве Розанова, – говорит о гробе, не вспоминая о Воскресении, говорит о ненависти к миру, будто не знает слов о спасении мира (а не суде над ним), причем под ненавистью к миру в христианстве подразумевается мир человека-потребителя и стяжателя, а не мир (мир) как природа и Вселенная в целом.

При всей атеистичности, материалистичности и примитивности вышеприведенных рассуждений нельзя не заметить в них и значительную долю истины. Однако Православие, признавая первичным духовное начало («В начале было Слово...» (Ин. 1, 1)), утверждает обратное – **не природа определяет религиозные взгляды человека, но человек, осознавая свою роль в этом мире, в первую очередь влияет на природу.**

С позиций Православия, язычество есть закономерная деградация от истинного знания о Боге к обожествлению тварно-

го. Обожествление это, однако, шло по разным направлениям. Два направления развития (эволюционизм) или деградации (креационизм) можно представить следующим образом:

1. обожествление сил природы, природных стихий, поклонение солнцу, ветру, воде, деревьям, огню, осознание человека органичной частью природы – такие системы глубоко экологичны; при этом – единство духовной и светской власти, осуществляемое главой рода, старейшиной, вождем, князем, которые одновременно являются и верховными жрецами; жреческое сословие находится на вторых ролях (язычество древних славян);

2. возникновение в обществе влиятельного жреческого сословия, создающего собственную идеологию для укрепления своего господства; развитие идолопоклонства, человеческих жертвоприношений и оргиастических культов (эротической направленности); в этом случае цивилизация может продолжать двигаться по экологичному пути (индуизм, духовное наслаждение властью над самим собой и над окружающими, достигаемое с помощью методов йоги, искушение духа – наслаждение от осознания себя частью божества), а может стать глубоко неэкологичной, двигаясь по пути искушения плоти (Месопотамия);

3. средний вариант – искушение ума, отчасти подавляющее физиологический гедонизм и создающее экологичные культуры и цивилизации (Древний Египет, Китай).

Важно отметить при этом сохранение понятия о Боге – искра света, первобытное знание, сохранившееся, несмотря на стирание информации. Даже в обычаях человеческих жертвоприношений проявляются остатки утраченной информации – такие жертвы приносились в моменты общих тяжелых бедствий для умиловливания богов, а именно невинные дети, отроки и девушки, – мысль о том, что страданиями невинных искупаются грехи виновных; другое – принесение в жертву преступников в связи с тем, что их грехи и стали причиной кары богов. Подобными грешниками особо часто почитались пленники, попавшие в плен, согласно вере язычников, именно по своим

грехам. Наиболее угодные богам жертвы – христиане, как отрекшиеся от веры предков. На Руси такими стали первые русские мученики – варяги Феодор и его сын Иоанн.

Говоря об «экологичности» религий, необходимо дать определение понятию «экологическое сознание» – совокупность представлений «о взаимосвязях в системе “человек-природа” и в самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней». Определение дано в атеистической мировоззренческой системе, естественным образом господствующей везде и всюду [9]. Подход с таких позиций предполагает идею постепенного отхода человека от природы, противопоставления ей, что логически было завершено в христианстве. Эту сугубо антихристианскую позицию следует рассмотреть подробно.

Характерная для эволюции экологического сознания десакрализация (обезбоживание) природы заложена изначально – гносеологически. Познавая мир, человек развенчивает природу. По К. Г. Юнгу: «сложность души росла пропорционально потере одухотворенности природы». Уже в античную эпоху природа стала объектом научного изучения, при этом она хотя и не лишилась «души», но душа у нее была менее «качественная», чем человеческая. Христианство же полностью лишило природные объекты права иметь душу.

В процессе социогенеза экологическое сознание претерпело значительную эволюцию. На начальном этапе развития люди не отделяли себя от природы, мыслили себя ее частью. Такой взгляд определялся полной зависимостью человека от окружающей среды. Взаимодействие с природой в архаическую эпоху носило в целом прагматический характер, поскольку главной его целью было обеспечение роду физического выживания. Для первобытного человека природа – это его жилище, живность, растительность – все, что обеспечивает существование рода, при – роде. «Род целиком погружен в природу не только физически, но и духовно; он как бы растворяется в ней» [9].

Уже в архаическую эпоху начинается процесс отчуждения человека от природы. Постепенно складывается анимистическая картина мира, утверждаются представления о родстве с тотемом, покровительствующим конкретному роду.

В эпоху Древнего мира, когда складывается политеистическая система, происходит дальнейшее отстранение человека от природы. Возникает «равенство в отчуждении» – человек и природа равны перед богами, но отдалены друг от друга. В эпоху Античности зарождается идея превосходства человека над животными и над всем окружающим миром. Цицерон: «Природа, заставив все другие существа наклоняться к земле, чтобы принимать пищу, одного только человека подняла и побудила смотреть на небо» («О законах»). Римский историк Саллюстий: «Всем людям, стремящимся отличаться от остальных, следует всячески стараться не прожить жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву. Вся наша сила ведь – в духе и теле: дух большей частью повелитель, тело – раб; первый у нас – общий с богами, второе – с животными» («О заговоре Катилины»).

Средние века – «христианство, сформировав представление о жестко иерархической картине мира... в которой человеку отведено высшее из всего земного положение, об отсутствии какой-либо самооценности природного, санкционированном Богом прагматическом использовании природы, завершило отчуждение от нее...» [9]. Противопоставленность человека и мира природы, согласно этой концепции, определена волей Бога: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, [и над зверями,] и над птицами небесны-

ми, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1, 26–28).

Подобные мысли демонстрируют в первую очередь глубочайшее незнание сути христианства: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, **чтобы возделывать его и хранить его**» (Быт. 1, 15, выделено мною. – А. Е.).

С такими взглядами можно было бы отчасти и согласиться (имея в виду протестантизм) – да только здесь вполне очевидна не эволюция, а деградация, что подтверждает креационный взгляд на исторический процесс.

Но вот что характерно. Эволюционный подход вначале приводит к *антропоцентризму*: человек воспринимается как венец эволюции, прогрессивное развитие человечества ведет к его полному господству над всем ходом жизни на планете, превращает его во всемогущее божество, приходящее на смену низверженных религий. «Венец эволюции» – это отголосок понятия «венец творения», но в приложении к атеизму это в конце концов приводит к *биоцентризму*: человек – всего лишь один из биологических видов, причем далеко не самый главный, а, пожалуй, – просто вредный для биосферы; в лучшем случае – к *экоцентризму* (в центре внимания – сохранение экологического равновесия). Возникновение биоцентризма вполне оправдано – ведь негативная роль падшего человечества в истории говорит сама за себя и при отсутствии христианского миропонимания ведет к развенчанию человека в принципе, забывая, что он создан по образу и подобию Божию и что его природа всего лишь испорчена грехопадением и надо любить человека-грешника, ненавидя грех, к чему и призывает христианство.

Нельзя не отметить многообразие научных направлений в либеральной научно-мировоззренческой системе. Воистину: «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела» (Еккл. 12, 11–12).

Краткое рассмотрение исторического процесса с православных позиций дает следующую картину.

Говоря о **Древнем Египте**, следует отметить основное отличие египетской цивилизации от окружавших ее (да и от современной) – отсутствие веры в прогресс. Основой мировоззрения египтян была вера в необходимость циклов стабильного сосуществования общества и природы. Эта мысль могла быть почерпнута египтянами из важнейшего природного явления, во многом определявшего саму возможность существования их цивилизации, – из периодических разливов Нила. Благодаря такому подходу, цивилизация и просуществовала значительно дольше других – несколько тысячелетий – без серьезных экологических потрясений. Этому способствовало как мировоззрение египтян, так и созданная на его основе социально-политическая модель. В Египте не было разделения светской и духовной власти. Религиозная деятельность являлась важнейшей функцией государства, определяя политические, экономические и социальные структуры. Фараон одновременно являлся и верховным жрецом. Высокоразвитая наука находилась под жестким контролем государства и жрецов и не распространялась в массовое знание. Несомненно, египтяне хорошо понимали губительность такого распространения. Все наиболее существенные знания сохранялись в строжайшей тайне, никогда не записывались в виде общедоступного текста и излагались языком, смысл которого был понятен крайне ограниченному числу лиц, дававших обет не распространять эти знания в миру. Именно этим объясняется, почему в иероглифической литературе нигде до настоящего времени не удалось обнаружить системного изложения сведений по естественнонаучным дисциплинам и математике. И это при том, что на высокий уровень науки указывают многие косвенные факторы, смысл которых проясняется лишь в наше время.

Идеология семитских цивилизаций **Месопотамии** была пантеистической, обожествлявшей весь мир, соединяя причину и следствие – Творца и творение. Божественное начало должно, таким образом, проявляться как в абиотических эле-

ментах биосферы, так и в биотических – но в более высшей форме; человек при этом естественным образом оказывался на вершине мироздания в качестве наивысшего проявления божества. Свободная воля человека становилась волей бога и противиться ей являлось беззаконием. Нравственные основы цивилизации оказались в корне подорванными, возникла религия человеческой гордости.

При рассмотрении семитского мировоззрения и семитских цивилизаций мы сталкиваемся с мышлением, основанным на ярко выраженных рационализме, эгоцентризме и жестокости. В религии древних семитов не видно и зародыша каких-либо нравственных начал. Все религиозные верования и обряды отличались необычайной нравственной распушенностью и жестокостью – оргиастические культы и человеческие (в том числе и детские) жертвоприношения.

Поднять человека выше обыденных побуждений его жизни подобные религии не могли, напротив того, они вынуждали его погрязать в них и находить оправдание распушенности нравов в образах богопочитания. Все семитские божества (Ваал, Молох, Иштар, Мелита и др.) – и благие, и грозные – стоят в непосредственной связи с военными подвигами или эротической составляющей; чистого, высокого представления о божестве вне этих материальных побуждений семиты не имели. Это – культура чисто внешняя и преимущественно практическая; дошедшая до нас литература не блистает глубиной внутреннего содержания. Мудрость семитов редко выходила из области притч и пословиц. Крупнейшие центры семитских цивилизаций – Вавилон, Содом и Гоморра, Дамаск, Алеппо, Бейрут, Библос, Сидон, Тир и Карфаген – в большинстве своем стали символами низкого нравственного уровня, распушенности и пренебрежения законами природы. Достаточно вспомнить библейскую характеристику Вавилона – «матери блудниц и всей пакости земной». Кризис опустынивания, явившийся прямым следствием потребительского мировоззрения, привел к экономическому ослаблению. В VI в. до Р.Х. **зороастрийцы**, носители экологичного миропонимания, жестко выделившие понятия

добра и зла, разрушают Месопотамскую цивилизацию. Однако идеи поклонения человеческим страстям уничтожить было невозможно – сами персы попадают затем под их влияние, а в современном мире подобное мировоззрение демонстрирует нам цивилизация Запада.

Особняком стоит идеология древних евреев – сквозь века пронесших веру в Единого Бога-Творца. Явившись народом Богоизбранным по духовному принципу («...не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования...») (Рим. 9, 8)), евреи, однако, эту избранность стали считать по принципу этническому, почитая не Бога, а свои о нем представления, что явилось роковой ошибкой и в период Вавилонского плена, при соприкосновении с пантеистическим мышлением, дало начало иудаизму (признание себя народом-богом, а не народом Божиим). Основой практической деятельности еврейства становится накопление материальных богатств, обеспечивающих путь к мировому господству. **Талмуд** имеет свои корни в религии Вавилона, его основа – древние халдейские законы, воспринятые частью иудеев в период 42 лет Вавилонского пленения. Суть их – завуалированное противостояние Творцу и творению, жестокость и кровавые человеческие жертвоприношения. Говорить об экологичности иудаизма с этих позиций становится бессмысленно.

Для религиозно-философских систем Востока (**буддизм, джайнизм, индуизм, даосизм, конфуцианство**) характерно своеобразное уважение к природе. Восточные мировоззренческие системы более ориентированы на равноправие и гармонию с природой по сравнению с западным антропоцентризмом.

Протоиндийская цивилизация с центрами в Хараппе и Мохенджо-Даро также способствовала деградации экосистемы, последствия которой явственно видны и в настоящее время (западноиндийская солончаковая пустыня Тар). Бурное развитие торговли лучше всего говорит о потребительском характере мировоззрения жителей Хараппы.

Арийцы приносят с собой новое мировоззрение – **ведизм**, поклонение силам природы без отождествления их с

божеством (ведические боги не отождествлялись с природой и были наделены духовными чертами). Ведизм признает действие универсального космического порядка, которому подчинено все; представление, что все компоненты природы – биотические и абиотические – имеют живую, бессмертную душу. Вырабатываются сезонные запреты на охоту и собирательство, на убийство ряда животных и сбор некоторых растений, запреты на хозяйственное использование священных рощ и водоемов. Характерным является поклонение священным растениям и животным – кобре, зебу, быку, обезьяне. Многочисленные священные храмовые рощи становятся как бы заповедниками. В ведических молитвах ясно слышатся чувство страха перед богами, признание существования греха и расплаты за него. Привнесенное арийцами мировоззрение становится залогом экологического равновесия Индостана на весьма длительный период.

К IX–X вв. до Р.Х. ведизм последовательно трансформируется в брахманизм и индуизм, делящий общество на сословия (варны), а впоследствии – соответственно жестким рамкам каст. Кастовый строй – строй достаточно жестокий, но с другой стороны, он, предохраняя общество от развития однородности, способствует поддержанию его сложности, а следовательно, – и стабильности; кроме того, кастовый строй исключает конкуренцию за природные ресурсы – ведь каждая каста выполняет в обществе исключительно свои функции. Такая структура обеспечивала как экономическую, так и экологическую устойчивость.

Брахманизм следует считать мировоззрением чисто биосферным, что изначально характерно для большинства арийцев. Господство такой идеологии в течение почти трех тысяч лет способствовало сохранению в Индостане относительного экологического равновесия – и это при весьма заметном развитии науки!

Для древнекитайской культуры характерным было представление о мире как об огромном живом организме, не разделяемом на природный и человеческий компоненты.

Такая космология (учение о мире в целом) базировалась на признании двуединой природы вещей: учение о **янь** (положительном, активном, созидательном, мужском) и **инь** (отрицательном, пассивном, женском) началах, неразрывно связанных между собой и дополняющих друг друга; янь и инь постоянно чередуются и взаимодействуют; без этого единства невозможно существование мира.

Согласно преданию, деятельность великих китайских мыслителей Лао-цзы и Кун-цзы (Конфуция) происходила примерно в одно и то же время (VI–V вв. до Р.Х.). Лао-цзы, отрицая роль Творца, полагал, что все в мире происходит по «Всеобщему Закону Природы», «Пути Вселенной» – «**дао**», существующему объективно, то есть вне зависимости от человеческой воли. Дао есть единое первоначало, безличное и бесформенное, безучастное к судьбам людей. Действие дао есть противоположность, то есть все в мире движется и изменяется, превращаясь в свою противоположность; человек – не царь Вселенной, не покоритель природы. Бедствия народа происходят вследствие нарушения правителями естественного закона дао; это говорит о необходимости поддержания консервативных порядков, по возможности – возвращения к первобытному образу жизни; активное действие, согласно дао, может привести к результатам, обратным желаемым.

Таким образом, наилучшее поведение человека – действие без нарушения меры, принцип «у-вэй», созерцательная пассивность. Одно из главнейших положений даосизма – учения о пути – гласит: «Мир – это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его».

Центральное понятие этического учения Конфуция – «**жэнь**» (гуманность), закон, определяющий взаимоотношения между людьми и строго закрепляющий их общественное положение. Конфуцианство провозглашает моральное совершенствование, верность долгу, непогрешимость традиций, почитание старших, послушание господину, презрение к производительному труду ради приумножения материальных бо-

гатств. Конфуций выступал против междоусобиц и был сторонником централизованного Китая, способствовал развитию и укреплению в стране культа предков. Конфуций под «рациональным» подразумевает следование законам природы.

С точки зрения чисто житейской, человеческой мудрости, основные выводы даосизма и конфуцианства следует признать правильными. Однако совершенно очевидно, что оба этих учения относятся к атеистической мировоззренческой системе, несмотря на то что представляют собой основу двух религий. В учениях об янь и инь, дао и жень для Бога просто нет места. Суть известного символа классической китайской философии (янь/инь) определяется простой русской пословицей «бес по кругу водит», поскольку формула **равнозначности добра и зла** не указывает реального выхода. Правильно выявленная суть мирского порядка объясняет только земные дела. Китайцы, таким образом, оказались не в состоянии преодолеть «искушение ума», основывая свою деятельность исключительно на достижениях человеческого разума. Большого и невозможно было достичь в отсутствие Божественного Откровения. На примере своей истории китайцы хорошо показали практическую действенность своей идеологии с точки зрения поддержания стабильного сосуществования общества и биосферы. Но не более того.

И, пожалуй, самое главное – цивилизация, породившая такое мировоззрение, ставила перед собой ту же цель, что и большинство остальных, включая современную западную, – покорение природы, управление ее законами с целью получения материальных богатств для наслаждения; необходимо, конечно, отметить у китайцев неизмеримо бóльшую значимость наслаждения интеллектуального. Именно в силу последнего китайская цивилизация шла к цели иным путем – путем гармоничного вхождения в биосферу: «Все пронизывает единый путь – дао, все связано между собой. Жизнь едина, и стремление каждой ее части должно совпадать со стремлением целого».

Данный вывод относится и к прочим восточным мировоззрениям; в настоящее время подтверждением этого является

конвергенция западной и восточной идеологий на базе нового направления в современной науке – синергетики, а в области религии – в различных псевдовосточных и псевдохристианских направлениях «Нового религиозного движения».

Для России восточные мировоззрения являются глубоко чуждыми и враждебными, как любое атеистическое учение.

Вторжение варваров и гибель Западной Римской империи в 476 г. привели к уничтожению ведущих центров технического и научного прогресса в Средиземноморье, то есть – основных источников негативного антропогенного влияния на экосистемы. Торжество христианства в Европе и на Ближнем Востоке к VII в. и распространение его на Средний Восток и Великую Степь и возрождение зороастризма в Персии окончательно предопределило на определенное время равновесие общества и биосферы.

Как естественное противодействие, именно в этот момент возникает **ислам**, базирующийся на Ветхом и Новом Завете, но заимствующий оттуда чисто внешние аспекты: мусульмане отрицают грехопадение как причину изгнания Адама и Евы из Едемского сада и не считают человеческую природу падшей. Такой взгляд, по мнению мусульманских богословов, более «оптимистичен» в сравнении с христианством. В исламе развита мысль о Божественном предопределении, весьма близкая к фатализму. Мусульманский рай предполагает непрерывный ряд наслаждений, как чисто земного (еда, питье, женщины), так и неземного происхождения, для изображения которых «слаб язык человеческий».

Вслед за Талмудом в Коране переосмысливается заповедь «не убий» по отношению к немусульманам: «Убивайте их, где встретите» (Сура 2, 187). Если Христос утверждал, что его царство не от мира сего, то средством распространения ислама был провозглашен меч – священная война «джихад».

Распространив свое господство на огромные территории, мусульмане создали своеобразную культуру, базирующуюся на античном, семитском (еврейском и арабском) и христиан-

ском наследии и направленную на максимальное удовлетворение бытовых человеческих потребностей. Вся мусульманская наука была подчинена потребительскому мировоззрению, а искусство целиком и полностью отражало дух рационализма.

Весьма характерно, что современные мусульманские богословы, полагая ислам религией экологичной, приводят сравнительный анализ Корана и «Концепции устойчивого развития» (1992 г.), находя в них много общего [43]. Это и не удивительно, ведь в Коране и Сунне приведены все возможные варианты поведения человека в конкретных исторических условиях, в том числе – и с позиций охраны природы; но практический выбор диктуется опять же конкретной политической и экономической ситуацией, а ориентация на гедонизм делает этот выбор заранее предсказуемым.

Мусульманские наука и культура, весьма эффективные внешне, дали свои плоды – разрушение и гибель экосистем. Окончательная деградация экосистем Северной Африки, Египта, Ближнего Востока и Месопотамии наблюдается с началом господства ислама: всего несколько столетий понадобилось, чтобы уничтожить поддерживавшееся тысячелетиями. «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16). К сказанному в Евангелии добавить нечего...

В заключение целесообразно представить **отношение различных религий к человеку**, погрязшему в грехах и желающему освободиться от них:

Конфуций: «Да будет опыт впредь тебе наукой!»

Индуизм: «В следующем перевоплощении ты будешь счастливее!»

Ислам: «На все воля Аллаха!»

Христос: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф. 11, 28–30).

Здесь можно согласиться с разумностью всех нехристианских положений (кроме индуизма), не содержащих, однако,

идеи любви к Богу и ближнему. Принципиальное отличие христианства от прочих религий не требует доказательств.

1.4.2. Православие и экология

Для истинно христианского сознания все бедственные состояния природы, так или иначе связанные с научно-технической и хозяйственной деятельностью человека и поражающие его самого, имеют своей глубинной причиной искажение нравственной основы изначально данного человеку господства над природой.

Повторим уже сказанное выше – с православных позиций **не природа определяет религиозные взгляды человека, но человек, осознавая свою роль в этом мире, в первую очередь влияет на природу.**

Необходимо подчеркнуть изначальную глубокую экологичность христианского учения. Экология – наука о доме. Образ мира как дома мы встречаем в евангельской притче о верном домоуправителе (Мф. 24, 45–51; Лк. 12, 42–48), где человек представлен как назначенный господином управитель большого дома, ожидающий возвращения своего господина и обязанный дать Ему отчет в своей деятельности. С точки зрения богословского подхода к созиданию мира, здесь налицо тема благоразумного отношения человека к богозаданному миру.

В уже рассматриваемых выше обвинениях христианства в экологическом кризисе можно выделить следующие составляющие:

- человеку отводится роль венца природы и ее хозяина;
- христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов;
- необходим возврат к язычеству или переход к восточным религиям.

Нужно отметить, что существует множество работ, посвященных анализу христианского взгляда на экологию. Среди них современные сборники «Православие и экология» Рос-

сийского православного университета св. Иоанна Богослова и «Христианство и экология» под редакцией Т. Горичевой [48]. Так как все нападки на христианство в основном затрагивают 1–2 главы Книги Бытия, где говорится о сотворении мира и человека, то нельзя не вспомнить множество святоотеческих толкований на Бытие. Самые ранние и уважаемые – работы Иоанна Златоуста, преподобного Ефрема Сирина, святителя Василия Великого, святителя Григория Нисского. Очень подробно и доступно проанализировал учения перечисленных выше Святых отцов иеромонах Серафим (Роуз), четко поставивший вопрос: если так много подробных толкований спорных мест Книги Бытия, имеющих древнюю святоотеческую традицию, каким образом могло возникнуть такое глубокое непонимание основ христианства в современном обществе?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к некоторым основным принципам подхода к пониманию Бытия, выделенным Серафимом Роузом:

– Писание – боговдохновенно. Если мы встречаем трудности в понимании отдельных вещей, мы должны скорее подозревать нехватку собственных знаний, нежели недостатки в боговдохновенном тексте;

– мы не должны спешить предлагать наши собственные объяснения «трудных» мест, но должны сперва попытаться ближе ознакомиться с тем, что Святые отцы говорили об этих местах;

– мы должны также остерегаться искушения выхватывать из контекста отдельные цитаты Святых отцов, чтобы доказать желаемую точку зрения;

– мы должны быть смиренными в попытках прибавить нечто к пониманию текста для наших дней, так как наука наших дней имеет свои слабости и ошибки [38].

В свете этих принципов можно понять, почему доводы христианства против обвинений в провоцировании экологического кризиса кажутся застывшими и несовременными. В противовес постоянно «развивающимся» либеральным обоснованиям экологического кризиса в христианстве суще-

ствуует раз и навсегда данное понимание взаимоотношений мира и человека и причин кризиса.

Патриарх Алексей II в статье «Христианский взгляд на экологическую проблему» изложил основные положения этого понимания. Во-первых, рассматриваются нравственный принцип владычества и причины его утраты. «Обладайте и владычествуйте над всею землею» – эта богооткровенная истина впервые зафиксирована Бытописателем в те отдаленные времена, когда религиозные верования всех народов, за исключением его собственного, были проникнуты чувством зависимости от природы, когда ее стихии обожествлялись и люди воспринимали их грозную власть над собой с не меньшей покорностью, чем деспотизм своих вождей и правителей. Но не о такой власти человека над природой говорит Книга Бытия. Уже та забота, с какою «насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке, и поместил там человека, которого создал, и произрастил... всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» с тем, чтобы человек «возделывал и хранил» место своего обитания, показывает, что дарованное ему владычество над природой должно быть подобно владычеству Божию над миром: это не деспотический произвол тирана, а царственное промышление о благе каждого создания.

Если заключительные слова первой главы Книги Бытия – «И увидел Бог все, что создал, и вот, хорошо весьма» – воспринимаются как удовлетворение Творца гармонией и целесообразностью созданного Им космоса, в котором человек причастен всем другим земным существам, то вторая глава представляет человека как свободную разумную личность, «причастную Божественной полноте» и призванную совершенствовать окружающий мир. Нарекая имена животным, он исходит из познания их сущности. Поэтому человеку дано владычествовать над земной природой. Это значит, что человек, созданный по образу и подобию Божию, должен был восходить сам и возводить вместе с собою всякий род творений к Богу. Так выясняется нравственная высота господства человека над природой: постоянное попечение о благобытии всей твари, возможное лишь при любви к каждому созданию [39].

Но первые люди не выполнили этого назначения. Грехопадение, усиленное самооправданием, повлекло за собой скорби, болезни и смерть. Расстроилась и жизнь природы, ставшей враждебной человеку. Его господство над нею сменилось необходимостью отстаивать свое существование от грозных природных стихий и бороться с «терниями и волчцами» земли, «в поте лица добывая у нее хлеб свой» (Быт. 3, 18–19).

Не было отнято у людей Божие благословение «владычествовать над всею землею». Но это владычество после грехопадения из реального в саду Едемском стало как бы потенциальным на земле, производящей теперь «тернии и волчцы». Возмущенную человеком землю и всю природу ему предстояло покорять трудом постепенно, в длительном историческом процессе на избранном пути познания добра и зла.

Сюда же следует отнести высказывание П. А. Флоренского: «Только в христианстве тварь получила свое религиозное значение, только с христианством явилось место для “чувства природы”, для любви к человеку и вытекающей отсюда науки о твари» [3, с. 74].

В Православии сохранена заповедь Господа о владычестве – бережении всякой твари Божией и о нарицании ей имени. «Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко» (Притч. 12, 10).

Л. Уайт отмечает различие в отношении к миру в Православии и западном христианстве, однако не идет далее самой констатации. Хорошо известно, что Восточная Римская империя существовала около 1000 лет без каких-либо признаков возникновения идеологии техногенной цивилизации. Следовательно – дело не в христианстве, а в его искажении, пусть даже и с благими намерениями.

Таким образом, следует признать, что Православие дает всему миру пример подлинного самоограничения – то есть указывает реальный путь выхода из экологического кризиса. По мысли Н. Н. Моисеева – не нужно искать новой идеологии, все уже сказано в Нагорной проповеди.

С чисто научной точки зрения Православие представляется единственно неискаженной формой христианства. Действительно, если мы веруем в Божественное Откровение, веруем в истинность информации, данной нам в Писании, то мы должны помнить, что информация имеет свойство утрачиваться, «стираться». Поэтому так важно хранить изначальный вариант Писания, не допуская никаких изменений в нем. Все изменения, привносимые с самыми лучшими намерениями, ведут лишь к нарастанию хаоса – весь исторический процесс тому доказательство. Уместно вспомнить слова аввы Викентия Лиринского: «Говоря ново, не скажи нового».

1.4.3. Католичество и экология

Постепенное размежевание христиан Востока и Запада Европы начиналось с богословских исследований ряда западных авторов. В трактате Блаженного Августина «О Граде Божием» представлена четкая иерархическая структура. Бог – ангелы – люди – животные – растения – неживая природа: «Все это помещается одно выше другого в силу порядка природы». Этот по сути правильный взгляд затем искажается уже позднейшими католическими богословами. В Средние века католическая Церковь объявила учение языческого философа Аристотеля «божественным», что обусловило его непререкаемый авторитет.

Франциск Ассизский (1181–1226) выдвигает еретическую, либеральную по сути идею «равенства всех тварей». Именно поэтому в 1979 г. он был провозглашен католической Церковью покровителем всех экологов. По словам папы Иоанна Павла II, **Франциск Ассизский** показал «христианам пример самого настоящего и полного уважения к целостности творения. Друг бедных, любимый тварями Божьими, он призывал всех – животных, растения, природные силы, а также брата Солнце и сестрицу Луну – воздать почести и восхвалять Господа».

В Православии уважение к твари происходит не из идеи всеобщего равенства, а из признания иерархичности при по-

нимании власти над миром как любви ко всем тварям. Вот истинно христианский подход.

Стихотворение Франциска Ассизского «Гимн брату Солнце» (1225) – первое стихотворение на итальянском языке, положившее начало литературе Ренессанса. Приведем отрывок из перевода С. Аверинцева:

Песнь благодарения во всех тварях Божиих

Всевышний, Всемогущий, Благий Господи,
Тебе слава и хвала, честь и всякое благословение,
Тебе Единому да будут возданы;
и никто из человеков не достоин именовать Тебя!

Слава Тебе, Господи мой, за все Твои творения,
особливо же за достославного брата нашего Солнце,
что день зачинает и светом нас освещает,
в лучах блистает и в лепоте великой
и являет образ твой, Господи!

Хвала Господу моему за сестру Луну
и за звезды осиянные, Им в небесах сотворенные;
хвала Господу моему за брата Ветра,
за Воздух и Тучи, за Ведро и Ненастье,
коими Он всякому дыханию пропитание промышляет!

Хвала Господу моему за сестру Воду,
ибо она весьма полезна, любезна, смиренна и непорочна;
хвала Господу моему за брата Огня,
что светит в ночи;
он весел и рьян, необорим и бодр;

Хвала Господу моему за мать нашу Землю,
что всех нас кормит и носит,
всяческие плоды производит,
цвет и травы на свет выводит!..

В одном из разделов вступительной статьи В. Л. Задворнова к сочинениям св. Франциска Ассизского «Возвращение природы ко Христу» читаем: «Христианство, четко различая Творца и творение, развенчало божественность природы, лишив стихии одушевлявших их мифологических божеств. Следствием этой философской предпосылки стало глубокое изменение ментальности, ведь природа, перестав быть сакральной, не только может, но и должна быть подвергнута преобразованию, должна совершенствоваться, как совершенствуется человек. Но эта философская попытка таила в себе и другие тенденции, а именно возможность рационалистически бездушного отношения к живой природе. В Средние века еще не был сформулирован известный тезис Декарта о существовании в мире только двух субстанций: материи и сознания, – атрибутом первой из которых философ назвал протяженность, а атрибутом второй – мышление. Таким образом, природа и все населяющие ее живые существа, лишённые мышления, стали бездушным механизмом, пусть более сложным, чем механизмы, созданные руками человека. Эта философия, доведенная до своего логического конца, явилась бы оправданием жестокости по отношению к природе.

Но в XIII в., когда еще только закладывались и формировались предпосылки научно-технической революции, принесшей впоследствии псевдудобства (“великие блага”) и породившей великие угрозы, св. Франциск указал на другое, бережное отношение к природе. Жития св. Франциска изобилуют рассказами о его нежном отношении ко всему живому.

Однажды, проходя мимо поля, на котором было много птиц, он обратился с проповедью к “сестрам воронам” и “братьям голубям”. Птицы же, пусть и не понимая его слов, но чувствуя в нем друга, не разлетались, как обычно бывает при приближении человека, но подпустили его к себе так близко, что он задевал их своей рясой. Св. Франциск, видя их доброе отношение к себе, почувствовал себя виновным перед миром животных и впредь обещал говорить с ними

как с людьми. Как-то раз он выпросил горлиц у мальчика, несшего их на рынок, и когда тот отдал ему их, то усадил птиц к себе на колени и с нежностью обратился к ним: “О сестрицы мои, простые, невинные, чистые горлицы, зачем вы даёте обижать себя? Я вот хочу избавить вас от смерти и устроить вам гнезда, чтобы вы плодились и размножались по словам вашего Творца”. Франциск сделал им гнезда, и они жили у монастыря словно ручные.

В Губбвио Франциск приручил свирепейшего волка, “обратив его к Богу”... Святой запрещал монахам, рубившим деревья, повреждать их корни, чтобы сохранить у деревьев надежду на быстрое возрождение. Он отдавал свой плащ, спасая жизнь ягненка на бойне, и выпрашивал меда для голодных пчел. Он проповедовал даже змеям, а видя на дороге червяка, останавливался и убирал его, спасая от опасности быть раздавленным. Франциск твердо верил, что не напрасно прожил день, если ему удавалось спасти от гибели хотя бы одно животное. По образному выражению, он “отнял природу у дьявола и возвратил ее к Богу”» (цит. по [3, с. 95–96]).

Один из ярчайших представителей русской творческой интеллигенции начала XX в., Максимилиан Волошин, восторженно писал о Франциске Ассизском (1919):

Святой Франциск

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит, поет и причитает:

«Брат мой, Солнце! Старшее из тварей,
Ты восходишь в славе и пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым,
Одеваешь землю пламенным покровом.

Брат мой, Месяц, и сестрички, звезды,
В небе Бог развесил вас, как грозды,
Братец, ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.

Ты – водица, милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работающей и смиренной.

Брат – огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка-земля, ты нас питаешь
И для нас цветами расцветаешь.

Брат мой – тело, ты меня одело,
Научило боли, и смиренью, и терпенью,
А чтоб души наши не угасли,
Бог тебя болезнями украсил.

Смерть земная – всем сестра старшая,
Ты ко всем добра, и все смиренно
Через тебя проходят, будь благословенна!»

Вереницами к нему слетелись птицы,
Стаями летали над кустами,
Легкокрылым кругом окружали,
Он же говорил им:

«Пташки-птички, милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
Оком множеств ваших не объемлю.
Вы в полях не сеете, не жнете,
Лишь клюете зерна да поете;
Бог вам крылья дал да вольный воздух,
Перьями одел и научил вить гнезда,

Вас в ковчеге приютил попарно:
Божьи птички, будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите, пойте и свистите!»

Приходили, прибежали, приползали
Через кусты, каменья и ограды
Звери кроткие и лютые и гады.
И, крестя их, говорил он волку:

«Брат мой, волк, и вьявь, и втихомолку
Убивал ты Божие творенья
Без его на это разрешенья.
На тебя все ропшут негодуя:
Помирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло тебя толкает голод.
Дай мне клятву от убийства воздержаться,
И тогда дела твои простятся.
Люди все твои злодейства позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И, как странникам, юродивым и нищим,
Каждый даст тебе и хлеб, и пищу.

Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпенью».

И монашка звери окружили,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободенные ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцвели,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,

Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.

Как все это похоже на мешанский рай в хилиастическом учении «Общества сторожевой башни» («Свидетели Иеговы»)!

1.4.4. Протестантизм и экология

Наши знания и наше могущество имеют своей основной целью покорение природы.

Ф. Бэкон

Три величайших процесса деградации в мировой истории, заложившие основу современной цивилизации Запада, современному обществу либеральных и потребительских ценностей, совершенно не случайно начали развиваться практически одновременно. Это перестройка духовной базы общества – Реформация; как следствие изменения менталитета, поиск новых источников природных ресурсов для удовлетворения человеческой алчности – Великие географические открытия; установление новых идеалов в науке и искусстве как отражение нового, антропоцентрического мировоззрения – Ренессанс (Возрождение).

Реформация XVI в. явилась страшным, но вполне закономерным ударом по духовному миру европейцев. Этот долгий и мучительный процесс нравственного разложения начался уже давно – с XI в., с момента появления ересей внутри католичества. Влияние иудаизма и ислама здесь бесспорно, но главная причина – все же в самих христианах Западной Европы.

Разделение церквей и претензии католичества на главенство в христианском мире, стремление к захвату светской власти, провозглашение папы «наместником» Христа на земле, алчность и безнравственность верхушки католического духовенства – все это сильно скомпрометировало официальную Церковь и породило скрытое, постепенно нараставшее во всех

слоях общества недовольство, чем не преминули воспользоваться силы, враждебные христианству.

Если что и подлежало реформированию в Западной Европе в то время, так это сложившаяся порочная система деятельности католической Церкви. Но истинная цель Реформации заключалась в окончательной дискредитации христианства и христианской государственности, искоренении в Европе христианского менталитета под видом «реформы» Церкви и «критики» скомпрометировавших себя церковных верхов. Все это вело к насаждению сугубо потребительского менталитета. С этой точки зрения большинство лидеров Реформации представляются лишь марионетками.

Протестантский рационализм требовал власти над миром. Произошла потеря понятия о непреходящей нравственной ценности труда, труда – не средства заработка, обогащения или удовлетворения прихотей, а средства искупления первоначального греха, средства уничтожения всякого зла, ибо труд, согласно Книге Бытия, есть наказание Господне человеку. В протестантской же морали труд превращается в свою противоположность – в основу частного предпринимательства. **Происходит, по сути, иудаизация христианства.**

Возникшая в недрах протестантизма концепция истории как прямолинейного движения к определенной цели стала основой идеологии прогресса, на которой построена вся техногенная цивилизация. В частности, марксизм является лишь одной из иудео-протестантских ересей.

Необходимость и возможность духовного развития человека после грехопадения для Православия вполне очевидна. Если человек не работает над своим духовным совершенствованием, он вольно или невольно идет по пути деградации, по пути противостояния Богу. Протестантизм же в отличие от Православия отрицает этот факт, отрицает синергию – сотрудничество Божественной благодати и человеческой свободы. Для Православия «...человек оправдывается делами, а не верою только...» (Иак. 2, 24) и «Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2, 26). Для протестанта достаточно

одной веры (послание святого апостола Иакова из канонических текстов исключено самим Лютером). Как следствие – мир рассматривается как фатально предопределенный, статичный и не меняющийся. Согласиться с этим, безусловно, нельзя, как и с невмешательством Творца в дела сотворенной Вселенной.

Реформация набирала силу, ведя к разложению христианства и затяжному кровопролитию, в котором христиане уничтожали друг друга.

Оказались разрушенными нравственные и правовые ограничения католического мира, направленные против частного предпринимательства и ростовщичества, в определенной степени способствовавшие поддержанию экологического равновесия. В истинно христианском мировоззрении человек может только надеяться получить спасение и должен заслужить его в процессе своей жизнедеятельности. Протестантизм утверждает, что человек уже спасен искупительной жертвой Христа. Это дает человеку внутреннюю свободу от земной власти, обосновывает и освящает частное предпринимательство, лишенное в Средневековье официальной санкции. Рыцарское сословие с его идеалами чести и благородства трансформируется в сословие хозяйственников и предпринимателей. Излагая эту же мысль более поэтично, можно сказать об уходе «времени львов и леопардов» и наступлении «времени шакалов и гиен».

Благодаря развитию парламентаризма, существование настоящих монархий на Западе становится фактически невозможным. Дворяне, сведя роль монарха к минимуму, давят на государственную власть, используя законы в свою пользу. Наиболее «прогрессивные» в этом плане страны XVI в. – Дания, Венгрия, Польша – являлись в то же время странами наибольшего закрепощения крестьянства. Этот факт явился важнейшей причиной подрыва естественных основ экологического равновесия и экологической безопасности на Земле. Планета стала рассматриваться как обиталище людей, специально созданное для них Богом. Человек, действуя якобы по воле Божественного Провидения, подчиняет себе природную

среду и, в известном смысле, завершает работу по сотворению мира, используя природные ресурсы среды своего обитания. Таким образом, Земля – дом для человека, а сам человек – хозяин мира.

Протестантизм, заложив основу либерального мировоззрения, поставив во главу угла человеческую личность, как следствие – сразу же начинает делиться на многочисленные течения, возникают новые направления, развиваемые Цвингли и Кальвином. У последнего центром внимания становится Ветхий Завет в противовес Евангелию; вводится положение об абсолютном предопределении, изначально делящем людей на избранных и отверженных. Осуждая претензии папства на светскую власть, Кальвин устанавливает свою, по сути неограниченную, деспотическую власть в Женеве (республиканский теократизм) с вводом жесточайшей регламентации во всех мелочах повседневной жизни (одежда, пища, имена), покровительства коммерсантам, преследования инакомыслия и устранения аристократии.

Создается новый тип людей – фанатиков с колоссальной энергией, враждебных всем удовольствиям и искусству; эти люди сыграли затем огромную роль в экономическом перевороте в обществе. Действительно, несмотря на затяжные войны, потрясавшие Нидерланды, деятельные торговцы-протестанты продолжали свои коммерческие операции, и города процветали. Антверпен стал фактически финансовой столицей Европы, Лейден – значительным текстильным центром. Расширяется территория голландских колоний; в 1602 г. образована Ост-Индская компания, в 1621 г. – Вест-Индская. Ради выгод торговли с Японией голландцы не останавливаются перед поправлением ногам Святого Распятия – «формальностью», введенной японскими властями для приезжающих в страну христиан. Голландцы – единственные из европейцев, имевшие право ежегодного посещения Японии после ее «закрытия» от внешнего мира в 1636 г., получили это право в знак благодарности за помощь сёгуну в разгроме восстания на острове Кюсю японских земледельцев, принявших католичество.

В 1609 г. Испания вынуждена признать независимость Соединенных провинций – первой в Европе буржуазной республики.

Вот как говорил об этой эпохе в начале XX в. митрополит Московский Макарий (Невский): «В четырнадцатом веке начался период так называемого Возрождения. Это было не что иное, как возрождение язычества и движение христианства назад. Поводом к таковому возрождению язычества послужило оскудение любви между христианскими народами. Оскудение любви привело к разделению этих народов. Запад отделился от Востока. Потом западные народы стали враждовать между собою. Начались междоусобные продолжительные войны. За оскудением любви стала оскудевать и вера. Началось время безверия или извращения богопреданного учения. Народы Европы под именем стремления к просвещению стали возвращаться к учению языческих философов».

В XVI в. происходит коренная перестройка науки. Предпосылкой для этого послужило изменение всей структуры европейского общества. Буржуазия была заинтересована в использовании *всех* путей для дальнейшего роста промышленного производства, развития торговли и обеспечения прибыли. Появилась потребность широкого обмена информацией, который обеспечивало возникшее книгопечатание.

Появляется представление о том, что животные и человек и вся природа есть машины. Этот принцип высказывают Р. Декарт и Ж. Ламетри (книга последнего «Человек-машина», 1747).

В области искусства, отражающего духовный настрой общества, также происходят коренные изменения. Если православный художник, иконописец, в процессе своей работы имеет в виду материализацию Слова, пользуясь приемами обратной перспективы (изображаемая дорога сходится на зрителе), то западный ориентируется лишь на талантливую иллюстрацию события, используя законы классической перспективы, сформулированные в эпоху Ренессанса. Ярко выраженный натурализм с помощью внешнего блеска и страстной

эмоциональности пытается скрыть духовную деградацию и, быть может, – тоску по утраченному ... В искусстве Возрождения (даже чисто церковном) доминирует культ чувственности, к XX в. закономерно выродившийся в откровенное бесстыдство, эротику и порнографию.

Таким образом, техногенная цивилизация зародилась в XVII в. в Западной Европе и волей-неволей связана с деградацией христианства в ней. По мысли И. Р. Шафаревича, с которой нельзя не согласиться, «нет никаких признаков того, что она могла бы возникнуть в какую-то другую эпоху или в другом районе» [49]. Таким образом, можно сделать уверенный вывод, что западное христианство несет ответственность за экологический кризис как следствие духовного разложения и развития техногенной цивилизации.

Литература:

1. Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М., 1993.
2. Белик А. А. Экология религии. Религии мира. История и современность. Ежегодник. М., 1988.
3. Большаков А. А. Древняя Русь IX–XIII вв. Очерки истории и антропоэкологии. М.: МНЭПУ, 1997.
4. Гумилев Л. Н. Выбор веры. Истоки, 1989, вып. 20. С. 373–376.
5. Гараджа В. И. Религиоведение. М.: Аспект-Пресс, 1994.
6. Гаряев П. П. Волновой генетический код. М., 1997.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
8. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. СПб.: Абрис, 1994.
9. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону, 1996.
10. Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература, 1994.
11. Евдокимов А. Ю. Влияние обратных связей в социоестественных системах на культурно-исторический про-

- цесс. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. М.: ГАСК, 2004.
12. Евдокимов А. Ю. Еще раз о креационизме. // В кн.: православное осмысление творения мира. Вып. 1. Сб. докладов XIII Международных образовательных Рождественских чтений. М., 2005. С. 83–99.
 13. Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
 14. Забегайло О. Н. Духовное понимание истории. М.: Серебряные нити, 2009.
 15. Канг К. Х., Нельсон Э. Р. Книга Бытия в китайской каллиграфии. Сотворение. Альманах. Общество креационной науки. Выпуск 1. М.: Паломник 2002. С. 275–282.
 16. Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М.: Московский лицей, 1996.
 17. Кульпин Э. С., Пантин В. И. Генезис кризисов природы и общества. Вып. 1. Решающий опыт. М., 1993.
 18. Культурология. Учебник для студентов технических вузов. Под ред. Н. Г. Багдасарьян. М.: Высшая школа, 1998.
 19. Ливингстон Д. Исход и завоевание. Сотворение. Альманах. Общество креационной науки. Выпуск 1. М.: Паломник, 2002. С. 249–260.
 20. Мамедов Н. М., Суравегина И. Т., Глазачев С. Н. Основы общей экологии. Учебник для старших классов общеобразовательной школы. М.: МДС, 1998.
 21. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. М., 1995.
 22. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990.
 23. Моисеев Н. Н. Восхождение к разуму. М.: Издат, 1993.
 24. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политологический анализ). М.: МНЭПУ, 1994.

25. Моисеев Н. Н. Экология и образование. М.: Юнисам, 1996.
26. Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
27. Муравьев А. Н. Письма о магометанстве. Репринт 1848, СПб., 2004.
28. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. М.: ПЕР СЭ, 2001.
29. Назаретян А. П. Универсальная история и синдром предкризисного человека. История и синергетика: Методология исследования. М.: КомКнига, 2005.
30. Назаретян А. П. Эволюция ненасилия: историческая ретроспектива. История и математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М.: КомКнига, 2007.
31. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2007.
32. Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
33. Некрасов Б. В. Основы общей химии, том 2. М.: Химия, 1969.
34. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2004.
35. Преображенский В. С. Эволюционная и историческая экология человека. Эволюционная и историческая антропоэкология. Сб. науч. тр. М., 1994.
36. Реймерс Н. Ф. Начала экологических знаний. М.: МНЭ-ПУ, 1993.
37. Русский Вестник, 2006, № 10. С. 12.
38. Серафим (Роуз). Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди. Христианское православное ведение. М.: Издательский Дом «Русский паломник», 2004.
39. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Христианский взгляд на экологическую проблему.

- Православие и экология. Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. Российский православный университет св. Иоанна Богослова. 1997. С. 97–99.
40. Священник Даниил Сысоев. Летопись начала. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1999.
 41. Сид Дж., Мэйси Дж., Флеминг П. и др. Думая как гора: на пути к Совету всех существ. М., 1992.
 42. Столярова Т. Ф. Социоестественная история как одно из оснований мировоззренческой парадигмы XXI века. // В кн.: Генетические коды цивилизаций: Материалы Третьей научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» (сентябрь 1994, г. Феодосия, Республика Крым). М.: Московский лицей, 1995.
 43. Тагиев З. М. Устойчивое развитие и алгоритмы Корана. Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. Обзорная информация, ВИНТИ, 2001, № 2. С. 49–64.
 44. Токарев С. А. О религии как социальном явлении (мысли этнографа). Советская этнография, 1977, № 3.
 45. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
 46. Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 188–203.
 47. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // **Политические исследования**, 1994, № 1. С. 33–48.
 48. Христианство и экология. Сб. статей, под ред. Горичевой Т. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
 49. Шафаревич И. Р. Христианство и экологический кризис. Фрязино: Содружество «Православный паломник», 1993.
 50. Шафаревич И. Р. Записки русского экстремиста. М.: Алгоритм, 2005.
 51. Шипунов Ф. Я. Биосферная нравственность // Юный натуралист, 1990, № 11–12.

52. Яковец Ю. В. История цивилизаций. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997.
53. Ясвин В. А. История и психология формирования экологической культуры (Удобно ли сидится на вершине пирамиды?) М., 1999.
54. Андерсен В. Христианская критика дарвинизма в русскоязычном Интернете [Электронный ресурс] // Портал-Credo.Ru. – Электрон. дан. – [М.], 12.08.2004. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=netnav&id=71>, свободный. – Загл. с экрана.
55. Чижикова Г. И. Памяти Ф. Я. Шипунова [Электронный ресурс] // Союз Русского Народа. – Электрон. дан. – [М.], 08.2010. – Режим доступа: <http://srn.rusidea.org/?a=402800005>, свободный. – Загл. с экрана.
56. Креационизм [Электронный ресурс] // Персональная страница священника Даниила Сысоева. – Электрон. дан. (5 файлов). – [М.], 2010. – Режим доступа: <http://sysoev2.narod.ru/creacionizm.htm>, свободный, свободный. – Загл. с экрана.

ГЛАВА 2. ЯЗЫЧЕСТВО ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Кроме того, в Восточной Европе мы находим огромную славянскую нацию. <...> Вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире. Здесь нас не касается, произойдет ли это впоследствии.

Г. Гегель. Философия истории

Славяне! <...> этот народ будущего, властители мира, первые после германцев! Лишь у такого народа, как русский, могла появиться такая великолепная, возвышенная и благородная литература, восемь великих русских писателей – это восемь горячих неиссякаемых источников. Нам всем понадобится немало времени, чтобы только освоиться с ней и к ней приблизиться.

К. Гамсун. По сказочной стране

2.1. Историко-географический аспект

Осмыслить историю Руси-России (как и прочих государств) можно исключительно с учетом трех составляю-

ших: духовно-нравственной (основополагающая), эколого-географической и исторической.

По мысли О. А. Платонова, русская цивилизация в своем развитии прошла четыре этапа [21]:

– зарождение (со II тыс до Р.Х. – до середины I тыс по Р.Х.)

– становление (с середины I тыс – до второй половины XIV в.)

– расцвет (со второй половины XIV в. – до последней трети XVII в.)

– упадок (с последней трети XVII в. – по настоящее время).

История славян начинается задолго до Рождества Христова. Выделение протославян из западноиндоевропейской общности произошло, вероятно, во второй половине II тыс до Р.Х., одновременно с выделением из нее протогерманцев. Уже Геродот упоминает о «сколотах», затем сведения о славянах имеем в трудах Плиния Старшего, Корнелия Тацита и Клавдия Птолея – греко-римских авторов I–II вв., под общеславянским названием «венеды».

Уже в древнейший период у древних восточных славян идет зарождение основ духовной цивилизации, прослеживается поклонение добрым началам жизни, стремление к самоуправлению и общинности, нестяжательство и презрение к богатству. Страбон на рубеже эр отмечает характерные черты сколотов: добротолубие, справедливость и простоту.

Вероятно, первое по времени достоверное упоминание о славянах как самостоятельном этносе имеем у Иордана в его компилятивном труде «О происхождении и деянии гетов», законченном в 550–551 гг. [3].

С началом Великого переселения народов миграционные движения славян усилились, и к VI–VIII вв. можно говорить о существовании трех групп некогда единого этноса: восточных, западных и южных славян.

Заметное появление славян на мировой арене наблюдается в период Средневековья. Термин «Средневековье» возник в XV в. для обозначения «варварской» эпохи, «провала» в исто-

рии как Западной, так и Восточной Европы между «высотами» Античности и Возрождения. Этот период еще называют «Темными» веками. В наибольшей степени это относят к Западной Европе, где вторжения «варваров» и Великое переселение народов привели к разорению, упадку и гибели античного мира во второй половине V в.

Однако с позиций Православия и креационизма «темным» и «провальным» Средневековье назвать никак нельзя. В этот период происходит распространение и утверждение христианства практически по всему миру – от крайней точки на западе в Ирландии до Аксума (Эфиопии) в Африке, до северо-востока Евразии и до Северной Индии и Китая на востоке. В этот период продолжает существовать и достигает вершин политического и идеологического могущества Восточная Римская империя (империя Ромеев), являющаяся носителем высочайшей культуры, сохранившая античное наследие, совместив его с торжеством Православия. Создав учение о симфонии светской и духовной властей, Империя ставит заслон распространению рационализма в лице иудеев и мусульман. На протяжении порядка 1000 лет империя Ромеев являлась носителем истинного, неискаженного христианства, гарантом духовного и экологического равновесия на планете. Этот факт западные и отечественные либералы пытаются принизить или просто исключить из рассмотрения, развивая идею о «цивилизованном» Западе и говоря о «яде Византии», проникшем в русскую культуру.

С позиций Православия вершиной тогдашней культуры был не Запад, а Восток: Константинополь, священная держава «ромеев» [9]. Даже либерально ориентированные, но добросовестные ученые говорят, что «уничижительное отношение к этому более чем тысячелетнему периоду неверно, неисторично» [3, с. 4].

Относительно географической прародины славян существует несколько гипотез. «Повесть временных лет» констатирует: «поселились словене по Дунаю, где Угорская земля и Болгарская». Ряд исследователей помещают прародину славян

в Карпатах; однако большинство полагает ее севернее – от Одера до среднего Днепра, или междуречья Одера и Вислы [3, 21].

В VI–VIII вв. восточные славяне расселились на территории от Чудского и Ладожского озер до Черного моря. Автор «Повести временных лет» называет тринадцать племенных союзов, вполне сложившихся к VIII в.

Местообитание восточнославянских племен отличалось весьма тяжелыми физико-географическими и экологическими для жизнедеятельности человека условиями. Русь-Россия – самая холодная страна в мире со среднегодовой температурой $-5,5^{\circ}\text{C}$ (около 70% территории). Физико-географические и экологические условия на большей части территории России экстремальны для жизнедеятельности человека, неблагоприятны для ведения сельского хозяйства, промышленного производства и вообще для длительного проживания. Первичная *биопродуктивность* естественной растительности на территории России колеблется от 10 до 150 ц/га, что весьма низко, тогда как в ряде умеренных и субтропических регионов эта величина может составлять 300 ц/га и более [10].

С естественнонаучных позиций – русская цивилизация преимущественно находится в зоне действия отрицательной обратной связи. Русский народ промыслительно поставлен именно в такие условия, не дающие возможности сколь-нибудь существенного развития гедонизма [7, 10, 17].

Миграция славян происходила одновременно с ассимиляцией чуди – финно-угров и балтов (с IX до XII–XIII вв.). Основу хозяйства славян составляло земледелие; у финских народов преобладали промысловые формы жизнеобеспечения: охота, рыболовство, хотя было и скотоводство, и домашнее ремесло, возможно и зачатки земледелия [3, с. 13]. В целом доминировали три образа жизни – кочевой, бродячий и оседлый.

На характер взаимоотношений Руси и чуди существуют несколько точек зрения. По мнению В. О. Ключевского, встреча носила мирный характер: «Происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев»; он же приводит сведения, что «часть языческого, очевидно

мерянского населения Ростовской земли, убегая от “русского крещения”, выселилась в пределы Болгарского царства на Волгу к родственным мери черемисам». Однако историк объясняет это религиозным, но не этническим противопоставлением: «Значит, кой-где и кой-когда завязывалась борьба, но не племенная, а религиозная: боролись христиане с язычниками, а не пришельцы с туземцами, не русь с чужью» [цит. по 3].

Другой взгляд: «идиллически мирная колонизация русскими Северо-Восточной Европы, заселенной раньше финноязычными племенами, – это одна из созданных историками легенд»; «То обстоятельство, что теперь финноязычные народы (как обрусевшие, так и не обрусевшие) по всей Восточной Европе живут вдали от больших рек, в болотах и неплодородных землях, не оставляет никаких сомнений в том, что они уступали силе» [8]. Однако этому противоречит факт основных изначальных занятий чуди – охота, собирательство и рыболовство, наиболее эффективные именно на указанных территориях. То есть имело место постепенное расселение и хозяйственное освоение пригодных для занятия сельским хозяйством земель, не занятых коренным охотничьим населением.

Взгляды на начало политогенеза у славян подлежат отдельному рассмотрению. Как известно, наряду с цивилизациями историки выделяют так называемые «культуры» земледельческо-скотоводческих племен («культуры археологические») – Белогрудовская, Чернолесская, Трипольская, Фатьяновская, Скифская, Мадленская, ряд других. Если цивилизация идет по пути развития городов (урбанизация) и политогенеза (государство, бюрократия), то «культуру» характеризуют простые управленческие структуры, фактическое отсутствие имущественного расслоения, политических лидеров, военных структур, несовершенство оружия и фортификаций (или даже их отсутствие). «Культуры» возникают практически одновременно с цивилизациями (IV–III тыс до Р.Х.), но их отличает неустойчивость и сравнительно быстрая гибель. Известна концепция «раннего комплексного общества» [13], согласно которой такие простые структуры, достигнув *гомео-*

стаза, попадали в стадию стагнации и регресса и, как следствие, – либо деградировали и исчезали, либо (наиболее часто) попадали под власть соседних цивилизаций.

Совершенно очевидно создание «культур» этносами с явно выраженным образно-интуитивным, эмоциональным (правополушарным) типом мышления (кельты, славяне, финно-угры, тюркские этносы Великой Степи; как следствие – их гибель или ассимиляция в результате захвата «цивилизованными» завоевателями, которым они оказывались не в состоянии дать отпор. Последствием завоевания являлось привнесение новой генетической информации, способствовавшей образованию цивилизации, то есть происходила победа логико-аналитического, рационалистического (левополушарного) типа мышления.

Длительное существование «культур» с позиций атеистической мировоззренческой системы есть стагнация и регресс, исчерпание «социо-психологических ресурсов» популяции, теистической – меньшая в сравнении с цивилизациями духовная деградация, существование в равновесии с биосферой как следствие минимального развития потребительского мировоззрения. **Двигателем прогресса, повышающего сложность и стабильность цивилизации, ее выживаемость в падшем мире, таким образом, является зло.** Последующий ход истории подтверждает данный вывод.

Как следствие, столкновение славянского и германо-романского миров в эпоху Средневековья носило трагический характер. На протяжении всей истории Европы идет наступление на славян, как язычников, так и православных. Уничтожение и ассимиляция полабских славян – пожалуй, наиболее характерный пример. Мысль Г. Гегеля, вынесенная в эпиграф к главе, наилучшим образом характеризует отношение запада Европы к ее востоку, естественным образом сохранившееся до настоящего времени.

Доказательство более высокого духовного уровня «культур» в сравнении с цивилизацией находим на примере ветхозаветной истории: еврейский народ первоначально имеет судей, то есть – «культуру», но затем просит себе царя. Совершенно

очевидна деградация от исполнения Божественных законов (Декалог) к нежеланию и невозможности их исполнять и, как следствие, – к возникновению государства. Как известно, израильтяне просят пророка Самуила поставить над ними царя, «как у прочих народов». Желание это было вызвано осознанием полной неспособности к самоуправлению на началах, данных в Декалоге. Характерны слова Господа, сказанные Самуилу: «не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар 8, 7). Ослаблялось существеннейшее начало народной жизни, поскольку народ стал в большей степени уповать на царя, чем на Бога. Произошло ограничение непосредственного Богоправления.

Так возникает государство – это не есть развитие, совершенствование, но явная деградация, далее продолжающаяся уже в рамках политогенеза – от монархии к демократии.

Возвращаясь к славянам, отметим, что, несмотря на высокий уровень духовности и непотребительства, к концу I тысячелетия по Р.Х. почти весь славянский мир уже разделен политическими границами, что представляется вполне закономерным, согласующимся с представлением о деградации павшего человечества. Однако у государственности восточных славян есть некоторая предыстория – согласно гипотезе Б. А. Рыбакова, социальный строй славян-земледельцев (сколотов), живших в середине I тыс до Р.Х. на среднем Днепре, уже находился на пороге государственности. По мнению Б. А. Рыбакова, «об этом говорят не только упоминания сколотских “царств” и “царей” Геродотом, но всаднические черты погребенных воинов и огромные “царские” курганы на Киевщине, и импортная роскошь славянской знати». Пришедшие затем сарматы оттеснили славян к северу, но через полтысячелетия (во II–IV вв.) элементы государственности вновь начинают зарождаться у восточных славян, а у южной их части, «занимавшей те же самые плодородные лесостепные пространства, где были в свое время расположены «царства» сколотов земледельцев», возможно, уже возникла государственность. «В пользу этого говорит и богатство славянской знати, основывавшееся на экс-

портном земледелии, и появление “огнищ” – больших домов для челяди, и неукрепленность сел при наличии общегосударственной оборонительной линии, и начало дружинных походов далеко за пределы своей земли» [3, с. 14, 20].

Носители Черняховской культуры, населявшие в III–V вв. обширные территории от нижнего Дуная до Северного Донца, – находились на пороге государственности. Однако эпоха Великого переселения народов (начиная с вторжения гуннов около 375 г.) затормозила процесс развития государственности (затормозила прогресс в этой области с эволюционных позиций). Возможно – отрицательная обратная связь вернула социоестественную систему в состояние относительного равновесия – и государство просто было не нужно.

Таким образом, мы видим промыслительную заботу о славянах, насколько возможно «отодвигавшую» их духовное разложение.

Тот факт, что государственность у славян складывалась медленно, со спадами и подъемами, а государственные объединения оставались довольно непрочными, говорит либо о высоком духовном уровне славян, не нуждавшихся в прочных государствах и создававших их лишь под действием внешней угрозы, или же – прав Гегель, говорящий о никак себя не проявившей в области разума «массе»...

2.2. Экологичность язычества восточных славян

Христианство началось не с воплощения, а с начала человечества: ибо оживотворяющим Словом, Которое осветило природный ум людей, был сам Христос.

Святой мученик Иустин Философ

Отношение этносов к окружающей природной среде является одним из важнейших факторов, определяющих уровень

культуры и цивилизации. Этими вопросами занимается **этноэкология**, исследующая, как представители определенной культуры воспринимают природную среду. Но в любой культуре системообразующим элементом является религия.

С православных позиций стирание изначальной информации, утрата связи с Богом, приводит к появлению язычества. Язычество в целом и язычество славянское в частности есть попытка самостоятельного объяснения сути окружающего мира по причине потери связи с Творцом («естественные» религии или «религии ума»).

Язычество – буквально, представляет собой племенные культы и не является целостной системой; причем культы эти разнятся между собою не меньше, а подчас и больше, чем мировые религии. Задолго до написания данного труда Л. Н. Гумилев высказал интересную мысль – «язычество всего лишь комплекс суеверий, приводящий не к тому, что люди во что-то верят, а к тому, что люди стараются оградить себя от чего-то, от чего-то спасти. Это атеизм – пусть даже и в самой мистической форме» [5, 6]. И таких атеизмов – сотни.

Космогония славян, о которой весьма мало сведений, как и все языческие космогонии, носит сугубо эволюционный характер – постепенное преобразование хаоса в космос. Известно представление о Древе жизни (Мировом древе, очевидно – дубе). Космогония, отдельные божества и их функции определены весьма относительно; за недостатком фактического материала существует много гипотез. Этот недостаток в атеистической мировоззренческой системе объясняется уничтожением, насильственным искоренением язычества христианами. Однако в таком случае почему же греко-римская мифология известна нам столь досконально? Почему христиане не уничтожили и ее? Ставила ли вообще христианская Церковь задачу по полному уничтожению культурного наследия язычества? С позиций теистической мировоззренческой системы этому явлению есть более глубокое объяснение. Смыслом здесь являлось не искоренение язычества, а направление его, тех гениальных догадок и озарений

(или остатков первобытной памяти) в нужное русло, наполнение его новым содержанием. Поэтому христианство так быстро и завоевало свои позиции, став мировой религией.

Возьмем на себя смелость утверждать, что язычество восточных славян явилось фундаментом высочайшей экологической культуры эпохи Раннего Средневековья в Восточной Европе. Для русской культуры важнейшим являлся культ земли, идущий с древнейших времен. Этому способствовало единство духовной и светской власти, осуществляемое главой рода, старейшиной, вождем, князем, которые одновременно являлись и верховными жрецами; жреческое сословие находилось на вторых ролях; происходило обожествление сил природы, природных стихий, поклонение солнцу, деревьям, огню, осознание человека органичной частью природы – такие системы всегда глубоко экологичны.

Однако даже экологичные формы религий следует отнести к атеистической системе миропонимания. Л. Н. Гумилев отмечает: «Мы видим повсюду либо культы сил природы, либо атеизмы, которых не меньше, чем религий. Это нулевая точка отсчета. К природе и культуре язычники относятся гуманно, хотя и не считают географическую среду Творением» [5].

Мысль о дикости и невежестве славян в период язычества сильно укоренилась как в науке, так и в повседневном сознании; эта мысль была широко распространена в XIX в. и, к сожалению, сохраняется до настоящего времени в репринтных изданиях, без должных комментариев (см., в частности, [19]).

Но возможно ли было утвердиться христианству на Руси раз и навсегда при изначальном состоянии дикости и невежества? Конечно же, нет! Исторические факты («плоды» деятельности) говорят совсем о другом. При всех заблуждениях язычества была создана абсолютно правильная естественнонаучная картина мира, на которую потом сравнительно легко наложились христианство. Православное понимание распространения христианства несовместимо с его проповедью народам, не готовым к этому и, кроме того, имеющим собственные доста-

точно глубокие идеологические системы. Яркие примеры этому находим в русской литературе, в частности, произведения Н. С. Лескова «Очарованный странник» и «На краю света» – о проповеди христианства соответственно среди мусульман и народов Восточной Сибири. Этот факт является всеобщим. В обращении к христианским миссионерам известного исследователя австралийских аборигенов А. Элькина говорится: «Не старайтесь разрушить, смешать с грязью, доказать ущербность их религий и мифологий. Она на самом деле очень глубока, поймите ее и обращайтесь к ним, исходя из нее. Она является их Ветхим Заветом» (цит. по [23, с. 19]).

В условиях деградации человечества после катастрофы грехопадения осмысление славянами окружающего мира следует признать вполне правильным – на мировоззренческом уровне соответствующим современным естественнонаучным взглядам. Действительно, во всех вариациях культов мы видим преобладание солярных (солнечных) божеств, а деревья считаются посредниками между солнцем и людьми. Славяне, не зная экологии, отлично если не понимали, то чувствовали роль зеленых растений в жизни природы – ведь это единственные живые организмы в биосфере, способные непосредственно усваивать солнечную энергию в процессе фотосинтеза, передавая ее затем на другие трофические уровни [7].

И, как естественное следствие всего сказанного, нашим предкам не было чуждо чувство прекрасного, которое органично вписывалось в их жизнь. Археологов, исследующих, в частности, древние поселения вятичей, поражает их красота и, выражаясь современным языком, эколого-эстетическая рациональность. Поэзия крестьянского труда во все времена была важнейшим фактором экологического равновесия в сельском хозяйстве.

История правового регулирования людьми своих отношений с природой насчитывает тысячелетия, а правовые нормы, которые сегодня мы называем природо-ресурсовыми, едва ли не самые древние в ряду других юридических правил поведения.

Для традиционной славянской, а затем и русской культуры чрезвычайно важно было иметь строго определенную норму и образец на все случаи жизни. Такую роль играл календарь – месяцеслов, обеспечивавший единство человека и природы. Месяцеслов определял весь строй жизни славян. Христианские праздники органично вписались в него, поскольку истинное христианство глубоко экологично.

В настоящее время человек разрушает все созданное в природе, берет, не восполняя и не возвращая природе свой долг. На такой путь никогда не становились земледельцы-славяне. На основе векового опыта у них стихийно сформировалась экологическая нравственность, не атрофировалось чувство преступности разрушения экосистем, чувство нерушимой связи человека и земли. Земля – мать человеку, она свята для него. Это для прежних земледельцев было непоколебимой истиной. На собственность, в первую очередь – собственность на землю, имелся особый религиозный взгляд; собственность считалась грехом, и наши предки ничего не присваивали без соответствующих очистительных обрядов, чтобы не навлечь на себя несчастья. Мысль, что человек не имеет права обрабатывать землю в собственность, легла в основу всего древнего восточнославянского законодательства [12].

Славянская древность, за исключением некоторых прибалтийских племен, не имела развитого идолопоклонства с храмами и сословием жрецов [11].

Богоустановленный закон совести в наибольшей чистоте соблюдался полянами – жителями Среднего Поднепровья с центром в Киеве. Хотя это может показаться и тенденциозностью Нестора-летописца, происходившего из полян, духовно Русь рождалась, вероятно, именно здесь [11].

Славяне имели две категории божеств – одни олицетворяли природу (благостные), другие – души предков (зловредные) – лешие, русалки, упыри. Они не боролись друг с другом, а существовали параллельно. Разделение на добро и зло отсутствовало, как и в подавляющем большинстве языческих религий.

Языческие боги не считались надмировыми существами – не аналогичны Троице, Аллаху, Ормузду. Считалось, что это живые организмы, но более могущественные, нежели люди, иначе устроенные, но соизмеримые с другими организмами, населяющими землю. По этому аспекту близость с религиями эллинов и германцев очевидна.

Божества восточнославянского пантеона можно разделить на несколько основных групп [3, с. 30 и сл., 6]:

– **Род** – верховное божество восточных славян – бог неба и земли. В поучениях против язычества Род обычно упоминается вместе с Рожаницами – двумя женскими божествами плодovitости и плодородия. Культ возник, очевидно, во II тыс до Р.Х. По мнению Б. А. Рыбакова, Род – всеобъемлющее божество Вселенной со всеми ее мирами: верхним – небесным, средним – природы и рождения, и нижним. Если данная гипотеза верна, то, вероятно, в процессе политогенеза VI–X вв. произошло оттеснение Рода как верховного божества на второй план – на средний уровень мифологии. Его место занял Перун. Характерный показатель изменчивости языческой религии во времени в зависимости от политических и иных обстоятельств;

– **Чернобог** – темная сторона бытия, преобладает в мире; **Белобог** – не враг Чернобога (характерно для любого язычества!); их борьба начинается значительно позже – в эпоху начала контактов с христианством, заставляющим задуматься о неравноценности добра и зла. Но даже на этой стадии мы видим понимание или ощущение того, что любое зло, в конечном счете, Господь обращает на благо. Снова необходимо обратить внимание на вполне правильное естественнонаучное объяснение законов бытия – действие отрицательной обратной связи (см. [7]);

– **высший уровень** – божества, воплощавшие природно-хозяйственную и военную функции; в первую очередь – «солнечные» боги: «дающий богатство» бог солнечного тепла, времени созревания урожая – Дажьбог; Хорс – бог солнечного диска (подобен греческому Гелиосу); Ярило – бог

весеннего солнца, плодородия, сексуальной мощи; Сварог – бог огня; здесь же: Перун – бог грома, грозы и молнии, производитель дождей, податель пищи, бог-оплодотворитель; весной Перун, разбивая золотым ключом-молнией облачные горы, творил земное плодородие (дождь оплодотворяет землю), в мае отпирал светлое небо; летние грозы – сражение Перуна с демонами, он развивает (отворяет) грозовые тучи, дающие урожай; осенью тем же ключом-молнией Перун запирает небо на долгую зиму и засыпал до весны в облачных горах непробудным сном – очарованный, полоненный враждебными демонами; одновременно с этим Перун – покровитель князя и военной дружины; на Руси широкое распространение культа Перуна относят лишь к VIII–IX вв.; он был развит у западных славян и князем Владимиром был привнесен в Киев искусственно, как божество именно княжеской дружины;

к высшему уровню относились также «скотий бог» Велес (Волос) – бог богатства, покровитель домашних животных; Стрибог – бог ветров и гнева, олицетворение солнца, бог ясного неба, воздуха;

– **средний уровень:** покровители отдельных видов хозяйственной деятельности: Мокошь – богиня судьбы, удачи, мать урожая, богиня жизненных благ и изобилия, Мать сыра земля, покровительница женских работ; ей подчинены Рожаницы (всегда двое); принесение в жертву животных и птиц; единственное женское божество, идол которого был поставлен князем Владимиром; покровители человеческих коллективов: культ Чура, или Щура, был тесно связан с культом предков (пращур – прапредок), Семаргл – защитник семян и посевов, покровитель корней и растений;

– **низший уровень:** демонические существа, духи, населявшие все окружающее пространство, – леший, домовый, водяной, кикимора, боровик, русалки, упыри (вурдалаки).

В язычестве славян следует разделять: 1) простое поклонение силам природы (лучу солнца, дождю, земле, деревьям), когда не требовалось наличия специального жрече-

ского сословия; культовые действия осуществлялись главой рода или князем;

2) поклонение рукотворным идолам, когда формируется сословие жрецов, играющих видную роль в обществе.

Восточные славяне в культовой деятельности объединяли оба направления. Для западных славян наиболее характерно второе – идолослужение, подчас довольно жестокое и безнравственное; для южных первое – поклонение природе.

Первое направление долго не искоренялось после принятия христианства, второе же, идолопоклонство, сопровождавшееся пиршествами, кровавыми жертвоприношениями и сексуальными оргиями, – большей частью быстро исчезло из народной памяти. Вот почему так мало сведений о славянских божествах на Руси. В славянской религии важнейшими были не сами боги, а обряды и празднества народа, воззрения его на природные явления, светила и стихии, горы и реки, связь с природой, чувство единства с ней. Предания и мифы по типу греческих не сохранились, а может быть, их просто и не было («неразвитость» славянского язычества с эволюционных позиций), поскольку не это являлось главным в языке славян. Потому и Православие укоренилось на Руси и у южных славян. Весь православный литургический год являлся отражением природного ритма в повседневной жизни, точно так же, как и у славян-язычников.

Естественно, что на языческой культовой основе имели место – если не система (сейчас трудно сказать), то элементы охраны природы; это явно прослеживается у древних славян, а затем и в Киевской Руси.

Под влиянием контактов с христианами понятия добра и зла постепенно выделялись в самостоятельные – в IX–X вв. подавляющее большинство людей уже не сомневалось в наличии творящего Бога и разрушающего дьявола. Белобог и Чернобог постепенно становятся врагами. Потому и приняли легко поляки – католицизм, русичи и южные славяне – Православие, кераиты, найманы и другие народы Великой Степи – несторианство [6].

2.3. Язычество как следствие грехопадения

Привожаху сыны своя и дщери, и
жряху бесом.

Преподобный Нестор-летописец

Понимание высочайшей экологичности славянской религии не должно иметь следствием идеализацию язычества восточных славян в целом. Как результат грехопадения, язычество естественным образом явилось ярчайшим проявлением всех пороков и страстей падшей человеческой природы. Большинство языческих культов поражало своей безнравственностью. Языческое мировоззрение страсть возводит в культ, поставляет наиболее низменным побуждениям человека, заявляя об их естественности (аналогично современному радикал-либерализму). То, что христианство именует источником страстей и грехом, в язычестве именуется святыней и нормой.

Кроме того, при всей экологичности ведения хозяйства, подсечно-огневое земледелие нанесло невосполнимый ущерб как окружающей среде, так и, в еще большей степени, самому человеку.

Человеческие жертвоприношения, многоженство, ритуальные оргии и сакральное сквернословие – характерные черты славянского язычества.

«Наравне с другими народами: греками, римлянами, скифами, германцами и литовцами – славяне приносили и человеческие жертвы» [1, т. 2, с. 135–136]. Древнейшее известие о человеческих жертвоприношениях у славян находим у Льва Диакона, в рассказе о военных событиях 971 г. (осада ромеями Дростола): «ночью после битвы скифы (русичи. – А. Е.) вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жерт-

ву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра».

Арабский писатель Ибн-Русте (X в.) писал о знахарях-руссах: «Случается, что они приказывают принести в жертву творцу их то, что они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва богу» [15]. По свидетельству Гельмонда, в жертву приносили христиан и кровь их, как врагов народной славянской религии, была особенно приятна и усладительна для богов; выбор лиц, предаваемых закланию, определялся жребием.

Можно выделить несколько направлений человеческих жертвоприношений в славянском язычестве:

- **ритуальное убийство невинной жертвы** (непорочной девушки, младенца);
- **ритуальное убийство пожилых людей**, а также старейшин и волхвов во искупление обрушившихся несчастий;
- **ритуальное убийство жены** на похоронах мужа;
- **ритуальное убийство военнопленных и преступников.**

Убиение невинной жертвы – наиболее «ценная» жертва богам; мысль о страдании невинного (младенца, девушки), искупающем вину всего рода, говорит о смутно сохранившейся «первобытной» памяти этноса. Принесение в жертву младенца – весьма распространенное явление в языческом мире; тело новорожденного, по вере язычников, обладает огромной нерастраченной жизненной силой и при жертвоприношении возвращает эту силу земле, которая передает ее живым. Обычай «детарезанья от первенец» упоминает древнерусское «Слово святого Григория...»; в частности, археологические раскопки языческих капищ в 1982–1989 гг. на реке Збруч в Прикарпатье показали наличие многочисленных останков принесенных в жертву людей; эти святилища действовали вплоть до середины XIII в.

Принесение в жертву детей отмечено и западными хронистами – их приносили в жертву в наиболее ответственные

моменты как самый ценный и действенный дар богам. В обращении «О посте к невежам в понеделок» (XIII в.) говорится об обычае «разбивая младенца своя о камень. Мнози же от человек погоубляють мзду свою» [3, с. 70].

О сжигании огнем неповинных людей при бедствиях говорится в «Слове о маловерии» преподобного Серапиона Владимирского (XIII в.).

Для ряда народов лесной полосы Евразии, в том числе и для славян, был характерен **культ медведя**. Съедание человеческой жертвы медведем рассматривалось как поглощение тотемным животным, приводящее к новому рождению и приобретению им иного облика. Священное животное, пожирая человека, приобщало его к своей священности, придавало ему магические способности. В Древней Руси медведю приносили в жертву самых лучших девушек. Запись «Повести временных лет» (ПВЛ) под 1071 г. также сообщает о «медвежьем культе»: волхвов схватили, убили, а затем повесили на дубе – священном дереве древних славян, с дуба мертвых волхвов «унес в иной мир медведь».

Имеется и пример из сравнительно недалекого прошлого: в 1925 г. в Олонецкой губернии в одну из деревень повадился медведь, загрызавший скот. По совету стариков, «чтобы медведя ублажить», жители решили сделать «медвежьую свадьбу», «девкой отделаться» – отдать медведю девушку «на совесть <...> как встарь деда делали <...> самую раскрасавицу». По жребию выбрали девушку, одели в наряд невесты и, несмотря на ее сопротивление, отвели в лес к медвежьему логову, где привязали к дереву: «Не осуди, Настюшка. Ублажай медведюшек. Заступись за нас, кормилица, не дай лютой смертью изойти» [3, с. 67–68].

У восточных славян, как и у других индоевропейцев, существовал **обычай насильственного умерщвления пожилых людей**. Существование этого обычая подтверждают средневековые письменные источники и устно-поэтическая традиция [3, с. 66]. Такие обычаи были тесно связаны с «аграрной магией» и культом предков. По свидетельству Геродота об

обычае гетов – славяне отправляли «вестника с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время». По данным ПВЛ (1024 г.): «В се же лето вьсташа вольсьви в Суздали, избиваху старую чадь по дьяволу наущению и бесованию, глаголющее, яко си держать гобино», то есть задерживают рост зерна, создают препятствие изобилию земных плодов, урожаю. «Бе мятеж велик и голод по всем стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша» [3, с. 66]. Интерпретация данного текста И. Я. Фрояновым: в охваченной голодом Суздальской земле «имели место языческие ритуальные убийства старейшин-вождей, обвиненных в пагубном влиянии на урожай».

В Новгороде в это же время волхвы перебили «старую чадь бабы» (старых женщин) – Новгородская летопись IV. Вероятно, речь идет о колдуньях, напустивших бедствия на людей. Владимирская летопись 1024 г.: избивали старых «муж и жен», то есть престарелых людей. Все это согласуется с обычаем умерщвления престарелых людей с целью заручиться их загробным покровительством, поддержать общее благополучие общины.

В летописных вариантах говорится об избиении «старых» людей – в языке того времени, кроме обозначения возраста, этот термин означал также «почитаемый», «почтенный», «разумный», «опытный». Убивали именно самых мудрых и уважаемых, возможно старейшин или знать, ответственных за урожай, кто был обязан обеспечить посредством магии благосостояние общества.

ПВЛ под 1071 г. описывает голод в Ростовской земле, где также появляются волхвы, знающие, кто «обиле держать». В различных местах они «нарекаста льшие жены», которых и убивали, «и имень их отымашета себе». Особенно важно отметить, что мужчины приводили к ним «сестры своя, матери и жены своя», и дочерей – молодых женщин; «лучшие» – может означать и знатные, и зажиточные.

Возможны и случаи каннибализма: «По Гельмгольду <...> у балтийских славян существовал обычай предавать ста-

рых, неспособных к войне и работе людей – насильственной смерти. Сыновья и потомки не только убивали их или заживо погребали, но даже будто бы, сварив, – съедали ...» (А. А. Котляревский, цит. по [3, с. 68]).

По свидетельству ПВЛ, такой обычай в XI в. уже находился на стадии деградации: «он утратил характерную для него форму отправления на “тот свет” при достижении определенных возрастных и физиологических критериев <...> Обычай, имевший целью предотвращение бедствий, и голода в том числе, частично, эпизодически исполняется при уже наступившем бедствии в надежде избавиться от него» [4].

Позднее митрополиты Иларион и Кирилл Туровский писали о человеческих жертвах как об оставленном в прошлом обычае. Кирилл Туровский (XII в.): «отселе бе не приемлетъ ад требы заколаемых отцы младенец, ни смерть почести: преста бо идолослужение и пагубное бесовское насилие». Однако в XIV в. в «Слове святого Григория» упоминается «таверская детарезанья идолам от первенец».

Есть свидетельства довольно долгого сохранения таких обычаев – старик-крестьянин Черниговской губернии, присутствовавший в начале XX в. на раскопках курганного захоронения, рассказывал, что «в прежнее время не было обыкновения дожидаться, когда старый человек умрет своей смертью. Который станен никуда не годен <...> садили на лубок, везли куда-нибудь за огороды и добивали довбней» (орудием для обработки льна) [3, с. 66]. Имели место и иные способы умерщвления: зимой вывозили на санях и, привязав к лубку, спускали на нем в глубокий овраг; вывозили в мороз в поле или степь; опускали в пустую яму; уводили в дремучий лес и там оставляли под деревом; топили и прочее. Обычай топить старуху в деревенском водоеме во время засухи сохранялся в глубинке еще в XIX в.

В жертву приносились и животные, однако их кровь считалась лишь суррогатом человеческой крови, хотя и человеческая кровь давала язычникам лишь временную силу, причем аналогично наркотикам – за счет нравственной и физической деградации. Вопрос, кто в действительности стоит

за языческими богами, вряд ли нуждается в дополнительном разъяснении...

По-видимому, человеческие жертвоприношения не оказывали серьезного влияния на численность населения. В то же время в период с VI по XIII вв. практика таких жертвоприношений снизилась, особенно в столетиях, следовавших за Крещением Руси [3, с. 72].

Митрополит Иларион (XI в.), противопоставляя христианство язычеству, замечает: «Уже не идолослужители зовемся – христианами <...> уже не закапаем бесом друг друга, но Христос за ны закапаем бывает». Христианство устранило из жизни общества узаконенные человеческие жертвоприношения. Учащение человеческих жертвоприношений после 988 г. объясняется как ожесточением язычников, так и переходом лучших их представителей в христианство; оставшаяся часть постепенно деградировала в ведьм, колдунов, вампиров и т.п.

Ритуальное убийство жены на похоронах мужа у славян общеизвестно.

Византийский полководец и император Маврикий (582–602 гг.), плохо осведомленный об истинных причинах таких убийств, пишет: «Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве» [3, с. 71]. Ему вторит арабский историк Аль-Масуди (X в.): «жены пламенно желают быть сожженными вместе со своими мужьями, чтобы вслед за ними войти в рай».

Однако «добровольного» самоубийства невозможно было избежать, поскольку это являлось долгом женщины перед обществом. Отказываясь от «соумирания», женщина позорила себя и весь свой род, ее смерти требовал обычай. Чтобы женщина «не передумала», ее после смерти мужа не оставляли одну и поили наркотиками, а смерть ее была ужасной – перед тем как бросить ее в огонь, жрец вонзал ей в сердце нож, а женщины разможжали ее голову ударами поленьев. Так что видимость добровольности требовалась лишь этике-

том. Другие жены были при этом обязаны демонстрировать свою досаду, что выбор пал не на них. Отказ от «соумирания» имел следствием наказание: арабские историки Ибн-Русте и Аль-Масуди упоминают о таких случаях – похороны живой, или сожжение заживо на погребальном костре. «Суровость обычая смягчалась религиозным верованием, что только вслед за мужем – жена, только вслед за господином – рабы, могут войти в обитель блаженных <...> Жены и рабы сжигались живыми на кострах <...> с известными религиозными причитаниями; из них Массуди приводит следующее: “мы сожигаем их на этом свете, за то они не будут сожжены на том”» (Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. 1868. С. 61–62).

Арабский дипломат Ахмед Ибн-Фадлан дал подробное описание обряда кремации в ладье знатного руса на Волге в 921–922 гг., когда среди прочих даров (оружие, собака, две лошади, две коровы, петух и курица) кремации подверглась насильственно умерщвленная женщина, вызвавшаяся сопровождать мужа в загробный мир. По представлениям славян, смерть являлась только переходом в другое состояние и умерший продолжал жить на «том свете», который представлялся отражением земного мира.

По свидетельству Ибн-Фадлана: «Я видел ее в нерешительности, она изменилась. Неизвестно, желала ли она войти в палатку. Она просунула туда голову. Старуха взяла ее за голову, ввела в палатку и сама вошла за ней. Мужчины стали стучать по щитам палицами для того, вероятно, чтобы не слышно было ее криков, чтобы это не устрасило других девушек, готовых также умереть со своими господами <...> В палатку вошло шесть человек и простерли девушку обок с ее господином; двое схватили ее за ноги и двое за руки, старуха – ангел смерти – обвила ей вокруг шеи веревку, за конец которой взялись остальные двое мужчин. Старуха-ведьма подошла с большим ширококлинным ножом и начала вонзать его между ребер жертвы, а двое мужчин тянули концы за веревку и душили девушку, пока не умерла» [14, т. 1, с. 75].

Оргиастические культы славян, как и в Элладе, преследовали идею возврата к первобытному хаосу и тем самым – к обновлению мира. Аналогично в синергетике имеем понятие «хаос созидающий», согласно которому процесс эволюции идет за счет энергии самого хаоса. Воистину – «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1, 9).

Эротическая направленность – неотъемлемая часть языческих ритуалов: от ритуального сквернословия и заголения интимных мест до «свального греха» – группового секса.

Более полный текст вышеприведенного рассказа Ибн-Фадлана, свидетельствующий о совмещении оргии и человеческого жертвоприношения, дан в [22, с. 234–236]. Женщина, выразившая желание быть убитой, предварительно поочередно заходит в каждый дом поселения, где с ней совокупляется хозяин дома со словами: «Скажи своему господину: “Право же, я сделала это из любви к тебе”»; и далее: «Потом вошли в палатку шесть мужей и совокупились все с девушкой». Автор говорит при этом о похоронах викинга, но необъективность в этом отношении справедливо отмечена в предисловии переводчика как не требующая особых доказательств.

Сакральная эротическая лексика имеет чисто славянское языческое происхождение; постепенно она вырождалась в ненормативную лексику. С приходом на Русь христианства началась борьба с бранными словами. Были случаи, когда сквернословов наказывали плетью. Матерщина была признаком смерда; считалось, что благородный человек, к тому же православный, никогда не станет сквернословить.

Рассадником ритуального сквернословия на Руси долгое время оставалось скоморошество, наиболее укрепившееся, естественно, в Новгороде – традиционном центре оппозиции. В этом свете борьба Русской Церкви со скоморошеством выглядит уже далеко не как «мракобесие». Церковь имеет множество описанных свидетельств того, как с теми, кто ругался в церкви, происходили удивительные вещи: на кого-то вне-

запно находила немота, кто-то бился в конвульсиях, бывали и смертельные случаи.

Механизм связи сквернословия с недугами пока совершенно не изучен, но есть основания полагать, что матерные слова все же обладают некоей магической силой, которая может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на некоторые функции человеческого организма и прежде всего на репродукционную функцию. Это их свойство и использовали языческие волхвы. Но они умели направлять черную силу запретных слов на других. Современные сквернословы наводят порчу главным образом на самих себя [18].

Еще одним аспектом язычества являлось **многоженство**: «имяху же по две и по три жены». Однако некоторые исследователи относятся с недоверием к этому сообщению [3, с. 63], во многих других источниках подтверждения якобы не находим. Бесспорное исключение – многоженство среди князей и бояр. В ПВЛ говорится о пяти «водимых», то есть прошедших языческий брачный обряд, женах князя Владимира и нескольких сотнях наложниц. Даже в конце XII в. две семьи держал Галицкий князь Ярослав, названный в «Слове о полку Игореве» Осмомыслом. Митрополит Иоанн писал о тех, «иже без студа и бес срама две жены имеют», а также о тех, «...иже третью поял жену». В «Уставе великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых» (Всеволод Мстиславич правил в Новгороде с 1117 по 1136 гг.) также зафиксирован факт многоженства на Руси даже и после Крещения.

Многоженство среди аристократии было обусловлено не только необузданным сластолюбием, но, главным образом (что наиболее важно), магической (читай – сатанинской) подоплекой и связанными с этим обстоятельствами престижа. Арабский посол Ибн-Фадлан (X в.), говоря о «царе руссов», сообщает о необходимости его соития с наложницами в присутствии сподвижников: «чем удостоверяться физическая сила царя и, следовательно, его способность дать управляемому им народу благоденствие».

Относительно простых людей имеем свидетельство ПВЛ: «брака у них не бываше» (в христианском понимании), жили они «скотски», древляне умыкали девиц у воды, а у вятичей, радимичей и северян существовали «игрища межю селы», где молодые сговаривались о последующем умыкании невесты: «И ту умыкаху жены себе, с нею же кто съвещашеся». «Небольшие размеры тогдашнего села и то обстоятельство, что село могло представлять собой патронимию, между членами которой брак не допускался, объясняют необходимость подобного рода игрищ».

Недопустимость многоженства с христианских позиций объясняется тем, что жена ниже мужа только по своей роли в организации жизни (она создана Богом как помощница мужу, а не равная ему в этом деле). Но по своей человеческой ценности она не умалена перед ним. Неравенство внешнее сочетается с равенством внутренним и является условием брачного единства, невозможного без иерархии. В многоженстве есть надмение мужской природы над женской, которое противоположно любви. Подобным же образом дети функционально ниже своих родителей, но при этом не ниже их по своей ценности. Но в мире языческом допустимо женщин и детей приносить в жертву.

Доводы российских неоязычников о высокой духовности и моральной чистоте древнего язычества и необходимости возврата к нему следует признать, таким образом, несостоятельными (см. об этом главу 9, раздел 9.3).

Литература:

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 тт. М.: Современный писатель, 1995.
2. Белякова Г. С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. – 239 с.

3. Большаков А. А. Древняя Русь IX–XIII вв. **Очерки истории и антропоэкологии.** М.: МНЭПУ, 1997.
4. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
5. Гумилев Л. Н. Выбор веры. Истоки, 1989, вып. 20. С. 373–376.
6. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Айрис-Пресс, 2004.
7. Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
8. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
9. Карташев А. В. Св. Великий князь Владимир – отец русской культуры // В кн.: Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996.
10. Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 512 с.
11. Лев Лебедев, протоиерей. Крещение Руси. М.: Русский хронограф, 2003.
12. Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983.
13. Массон В. М. Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989.
14. Нечволодов А. Сказание о Русской земле. 1991.
15. Новосельцев А. Л. Восточные источники. М., 1965.
16. Олейников Ю. В. Природный фактор геополитической стратегии России // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
17. Олейников Ю. В. Природный фактор бытия российского социума. М.: Институт философии РАН, 2003.
18. От слов своих осудишься: сквернословие. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2007.
19. Подвижники и страдальцы за веру православную и землю святорусскую. Составил священник Михаил Едлинский. М.: Паломник, 2001.
20. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1980.

21. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000.
22. Симпсон Ж. Викинги. Быт. Религия. Культура. Пер. с англ. Чехонадской Н. Ю. М.: Центрполиграф, 2005.
23. Шафаревич И. Р. Христианство и экологический кризис. Фрязино: Содружество «Православный паломник», 1993.

ГЛАВА 3. РОЛЬ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ С ПОЗИЦИЙ ЭКОЛОГИИ

3.1. Духовный аспект

Пришествие Спасителя положило начало христианскому мировоззрению. Христианство явилось силой, объединяющей людей на совершенно иной, чем античная культура, основе – любви к Богу и ближнему, духовном совершенствовании и возвращении к исполнению законов природы, непотребительстве. **Земная деятельность Христа и Его Воскресение – центральное событие истории человечества;** этот факт признается в обеих научно-мировоззренческих системах – в эволюционизме как величайшая «гуманистическая утопия», в креационизме как основной духовный ориентир человечества.

Выбирая конкретный тип миропонимания, этнос создает на этой базе культуру и цивилизацию и определяет свое отношение к природе – потребительское или непотребительское.

Повторим подробно изложенное в главе 1: христианство в своей истинной, неискаженной форме, то есть – в форме Православия, является наиболее экологичной религией, причем экологичность христианства базируется не столько на интеллекте человека (искушение ума, имевшее место в Древнем Египте и Китае), сколько в первую очередь на вере, на врожденном нравственном чувстве.

Христианство не уничтожало древние языческие культуры, но потому и принималось народами, поскольку поднимало на высочайший духовный и нравственный уровень уже существовавшее миропонимание конкретных этносов. Во многих странах и у многих народов – Полинезия, Индия, Африка, Америка – очень много параллелей с христианством, только эти «естественные» религии все одинаково имеют одни и те же черты падшего человечества, «развившиеся» в той или иной мере, вплоть до человеческих жертвоприношений и каннибализма, до культов оргиастического характера.

Восточная Римская империя (империя Ромеев), а затем и Русь становятся носителями истинного христианства, весь последующий исторический процесс подтверждает тот факт, что Православие и православные государства являются важнейшими гарантами экологического равновесия на планете.

В жизнеописании святого благоверного Александра Невского дается следующая характеристика эпохи Древней Руси: «Христианство давало русскому народу ответы на все запросы его совести, определяло все частные случаи жизни христианина и мало-помалу вводило новые начала в глубину семейного и частного быта. Можно сказать, вся жизнь древнего русского общества была проникнута христианским духом. Все, в чем только выражалась умственная жизнь народа, – все его думы, убеждения, чаяния и идеалы – все носило сильный отпечаток новой веры. Летописи, сочинения и письма светских лиц проникнуты религиозным настроением и наполнены текстами Священного Писания. Самые повести, сказки, былины и песни той эпохи носят характер религиозный. Правда, в народной массе еще довольно крепко держались пережитки язычества в виде суеверий разного рода, но это происходило не от сознательного противодействия новым началам: здесь скорее сказывалась сила привычки, застарелость традиций. Правда, в действительной жизни еще господствовали часто необузданные страсти и пороки, святые слова очень часто были в разладе с делом. Но ведь “и слова, – по справедливому замечанию историка, – имеют силу, когда беспрестанно их повторяют с

убеждением в их правде, когда их повторяют и сами князья, и духовенство, и народ”. Действительная жизнь далеко не соответствовала высоким требованиям христианства, но в духовной сфере христианское начало царило безусловно, сообщая удивительную цельность мирозерцанию тогдашних людей, и души особенно восприимчивые всецело, с пламенным усердием отдавали всю свою жизнь на служение христианскому идеалу. Такова была среда, в которой росли и воспитывались русские люди того времени» [43].

Эти же положения выдвигали и некоторые западные мыслители. В 1938 г. (!) немецкий философ В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» писал: «Не европеец, а русский имеет ту душевную установку, с которой человек может оправдать свое извечное предназначение. Он руководствуется абсолютом, вселенским чувством, мессианской душой... В главных вопросах бытия европеец должен брать за образец русского, а не наоборот. Если он хочет вернуться к вечным целям человечества, ему следует признать русско-восточную оценку мира.

Англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз – как на салон, немец – как на казарму, русский – как на храм.

Англичанин жаждет добычи, француз – славы, немец – власти, русский – жертвы.

Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз симпатии, немец хочет им командовать. И только русский не хочет ничего» (выделено автором. – *А. Е.*) [48].

Г. Белль в 1970-е гг. сожалел, что «вопреки надеждам Шубарта в России за спиной западного марксизма, вероятно, произошла нежелательная и, возможно, непоправимая вестернизация».

Важно отметить, что **только в русском языке понятие «христианство» и отношение к земле соединены воедино в искаженном слове «крестьянин» – христианин, обрабатывающий землю.** Для сравнения – многие страны и народы Средней Азии и Великой Степи в эпоху Раннего Средневековья принимали христианство с последующим отходом от него под

влиянием внешних идеологических, экономических и военно-политических обстоятельств. Русские же приняли Православие позже многих, но – навсегда.

По определению О. А. Платонова, Русская цивилизация есть «целостная совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание» [42].

Огромный вклад в исследование русской цивилизации внес Н. Я. Данилевский. В его книге «Россия и Европа» (1871 г.) – даны глубокие теоретические обоснования закономерностей развития и угасания цивилизаций. По мысли Данилевского, в основе социально-исторических процессов лежат культурно-исторические типы человеческого общества – нации, их происхождение, сущность и законы становления и развития. Эти законы в обобщенном виде следующие:

1. общность языка;
2. политическая независимость и общность экономической жизни;
3. дух и природа народа, не передаваемые другим культурно-историческим типам;
4. разнообразие этнографических элементов, обуславливающее достижение цивилизацией своей полноты и зрелости.

Н. Я. Данилевский показал не только наличие этих закономерных признаков у Русской цивилизации, но и раскрыл ее уникальность, коренное отличие от других цивилизаций, в первую очередь – от Западной. Он отверг мнение западников (да и ряда современных ученых) об истории как прогрессе некой общечеловеческой цивилизации. Истинность данного научного положения поверяется словами апостола: «Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду» (Иак. 3, 11–12).

Среди характерных особенностей славян, и прежде всего русского народа с его особой цивилизацией, Н. Я. Данилев-

ский отмечает терпимость к иным вероисповеданиям, быту и культуре народов, которой не найти в миропонимании Запада, насильственном и властолюбивом по своему нравственному складу не только в теории, но и на практике. Значение работы Н. Я. Данилевского сохраняется по настоящее время. На утверждение о необходимости следовать в русле Западной цивилизации Данилевский отвечает вполне ясно: «Любые социальные преобразования будут безуспешными, хуже того – разрушительными, если они осуществляются по сомнительным рецептам, вопреки национальным интересам, под действием чужеродных сил, и тем более – давлением извне». И далее: «Если же нация по каким-либо причинам утрачивает самостоятельное развитие своих начал, то ей придется вообще отказаться от всякого исторического значения и опуститься на ступень этнографического материала для чужих целей».

В монографии О. А. Платонова «Русская цивилизация» парадигмой русской цивилизации названо Православие. Основные идеалы русской цивилизации, по его мнению, таковы:

«– идеал церковности и духовной цельности – неразрывность веры и жизни, вера одухотворяет жизнь и придает ей смысл;

– идеал добротолубия как критерия истинной христианской жизни и святости;

– идеал нестяжательства – преобладание духовно-нравственных мотивов жизни над материальными;

– идеал монархической государственности как симфонии светской и духовной власти, возглавляемой царем и патриархом;

– идеал соборности – растворение личности в Церкви, монархическом государстве, Православном народе;

– идеал патриотизма – любовь к земному отечеству как преддверию Царствия Небесного. После веры в Бога патриотизм – высшее выражение духовности человека»¹.

Платонов полагает, что опора на эти идеалы стала основой главного духовного богатства русского народа – понятия «Свя-

¹ Платонов О. Русская цивилизация. М., 2010. С. 461.

тая Русь», которое есть «особое благодатное свойство русского народа, делающее его оплотом сохранения христианской веры во всем мире»¹. Жертвенное служение идеалам добра, правды, справедливости поставили русских на первое место в борьбе с мировым злом за утверждение ценностей христианства. С XVI века идея жертвенного служения русского народа идеалам христианской Церкви воплотилась в теории «Москва – Третий Рим». «Это была гигантская культурная и политическая задача, всемирно-исторический подвиг, мысленно возложенный миллионами единоверцев и современников на великий русский народ и его державных вождей» (В. И. Ламанский).

Русский, то есть – православный человек, склонен не к господству, а к служению, так как знает: жертвуя малым, земным, временным, даже своей жизнью за других, он получает великое, непреходящее – жизнь вечную. Поэтому русскость определяется не по крови, не по национальной принадлежности, но по духу, по миропониманию человека. Русский – это человек, верующий во Христа и живущий православным образом жизни – не «для чрева». Народы принимались в состав России как равноправные – в XVII в. среди высших чиновников России русские составляли 34%, татары 17%, из Польши и Литвы – 24%, из Западной Европы – 25%. В XIX в. эта ситуация фактически не изменилась – более 50% составляли не только инородцы, но и иноверцы [20]. Последнее весьма важно, поскольку речь шла даже не о формальной принадлежности к той или иной конфессии, но о реальном миропонимании конкретного человека, конкретного функционера.

Здесь не следует путать **толерантность** – лицемерное признание «равенства» всех религий и мировоззрений, с **веротерпимостью**, характерной исключительно для Православия.

Даже поверхностное изучение различных религий говорит о том, что все они, с одной стороны, содержат в себе общечеловеческую мудрость (религии ума), сформулированную различными цивилизациями независимо друг от друга (не убей, не укради и т.п.). С другой стороны, различные религии

¹ Платонов О. Русская цивилизация. М., 2010. С. 52.

ориентированы подчас на диаметрально противоположные этические ценности и в этом плане указывают совершенно различные нравственные идеалы, и, соответственно, абсолютно не «равны». Поэтому лицемерное провозглашение под личиной гуманизма «равенства» религий (которое может быть только юридическим, но никак не духовно-нравственным) неизбежно ведет к размытию этических ценностей отдельной личности и всего общества в целом. Здесь уместно вспомнить слова В. Гюго: «Порокам льстит, когда во главе их стоит добродетель» (роман «93-й год»).

Под веротерпимостью Православие понимает не вседозволенность, не похвалу чуждых мировоззрений и никак не согласие с ними, но неосуждение людей – носителей иной культуры, уважение чужой культуры, неприкосновенность народа, ее носителя. Толерантность же, по словам одного из ее главных идеологов А. Г. Асмолова, – «это признание ценностей инаких. Когда вы встречаете иного, вы не сводите его к общему знаменателю, а признаете его ценность» [5]. Выражая, можно лишь спросить – а возможно ли православному человеку признать ценности, в частности, галахических или буддистских положений и остаться при этом православным? Вопрос чисто риторический.

* * *

Рассматривая исторический аспект складывания экологических взглядов на Руси, отметим, что в период Раннего Средневековья – вплоть до конца I тысячелетия по Р.Х., Запад и Восток Европы как бы едины в духовной области. Это подтверждается, в частности, отмеченными выше династическими связями Киевской Руси с ведущими государствами Европы. Однако, при близости мировоззрений, важнейшим отличием, определившим последующий раскол, явилось отсутствие постоянного страха смерти и радость жизни («в живот присносущныя радости») у славян, тогда как на средневековом Западе у романо-германцев отмечаем страх перед концом света. Это во многом подготовли-

вало культ чувственности и насилия в эпоху Возрождения в Европе – одна крайность порождала другую. Признавая основной причиной глобального экологического кризиса кризис духовный – либерально-потребительское мировоззрение современной цивилизации, невозможно игнорировать факт противостояния Православия так называемым «общечеловеческим» ценностям, являющимся ценностями лишь цивилизации Запада, приведшей мир на грань экологической катастрофы.

Существование Восточной Римской империи в течение порядка 1000 лет без экологических потрясений говорит само за себя. Причина этому – ориентация государства и общества не на прогресс, а на сохранение высокой духовности истинного христианства, поддержание (по мере слабых сил человеческих) симфонии между светской и духовной властями, ограничение (также по мере сил) распространения потребительского миропонимания, привносимого иудеями и мусульманами. Целью существования ставилось не «удовлетворение постоянно растущих потребностей», но стремление к реализации на практике христианского идеала бытия. Отметим здесь, что пресловутые «потребности» человека, являясь лишь средством к существованию, постоянно расти просто не могут по сугубо физиологическим причинам, но растут по причине человеческой греховности.

С падением империи Ромеев единственным оплотом Православия остается Русское государство. При Иване III, Василии III и Иване IV разрабатывается и провозглашается новая идеология: Москва – Третий Рим. Сохраняя преемственность с Восточной Римской империей, Русское государство с этого момента становится важнейшим носителем непотребительской идеологии, гарантом духовного и экологического равновесия на планете.

В XVI–XVII вв. под влиянием идей Реформации начинает возникать современная цивилизация Запада – политическая и социально-экономическая система, в основном опирающаяся на идеи свободного предпринимательства и рыночную конкуренцию.

Развитие в XVI в. протестантской этики привело к возникновению в XVII–XVIII вв. **идеологии либерализма**, ставящего на первое место в историческом процессе личность человека, утверждающего ее примат перед религией, нацией, обществом, государством и окружающей природной средой. Идея примата личности представляется в корне ошибочной – причем с позиций как религии, так и атеизма; в первом случае поставление во главу угла падшей и деградирующей личности есть величайшее заблуждение; во втором случае – с позиций психологии приоритет личности чреват серьезными опасностями, как следствием врожденного потребительского менталитета и постоянного необоснованного роста потребностей.

Русской цивилизации необходимо было противостоять этим тенденциям дальнейшего разложения человечества.

Чтобы обеспечить экономическую и политическую независимость и – главным образом, выполнять свою роль «Удерживающего», Россия вынуждена была в определенной степени осуществлять политику закрытых дверей (автаркия), ориентироваться главным образом на внутренний рынок, который, чтобы держава в условиях экстенсивного развития имела историческую перспективу, должен был непрерывно увеличиваться. А для обеспечения жизнедеятельности растущего населения – осуществлять политику, направленную на расширение эффективных территорий. Это достигалось, как правило, присоединением территорий, заселенных народами, стоящими на более низком уровне экономического развития, или же включением в орбиту своего влияния независимых государств, связанных политическими обязательствами, диктующими сугубо пророссийскую экономическую ориентацию. Так складывалось пространство Российской империи и в дальнейшем ее геополитического преемника – Советского Союза с его обширной сферой влияния – «мировой социалистической системой». При этом Россия и в еще большей степени СССР вынуждены были всемерно развивать производство на эффективных периферийных территориях, усиливая последние за счет собственного недофинансирования. В этом смысле Россию нельзя

сравнивать с «классическими» западными империями, метрополии которых развивались за счет ограбления колоний. Россия осуществляла державную политику целостного развития подвластных ей территорий. Эти мысли, вполне правильные, но односторонние, учитывающие лишь материальный аспект бытия, высказываются рядом ученых, стоящих на позициях эволюционизма (см., напр., [36]).

Взгляды на периодизацию российской истории после Крещения несколько разнятся [20, 42]. Понимая исторический процесс как процесс постепенной деградации, можно выделить следующие периоды:

- христианизация Руси после Крещения (в течение нескольких последующих столетий); согласиться с существованием двоеверия не представляется возможным; имело и имеет место лишь чисто механическое сохранение некоторых традиций (или смешение их с православными), но не языческого миропонимания в целом;
- возвышение Киевской Руси с последующим переходом к периоду междоусобиц; с явлением ослабления православной веры в период княжеских междоусобиц вряд ли можно согласиться; имело место не ослабление веры, но ее приумножение: мы имеем около 60 православных святых только из русских князей, в том числе – и из принимавших участие в междоусобицах;
- монгольское нашествие – продолжение подъема православной веры, верная оценка русским народом причины бедствий;
- разделение Русской Православной Церкви на две части – Западную (1458 г.) и Восточную (1459 г.); Люблинская уния 1569 г. и Брест-Литовская уния 1596 г.; принятие Литвой и частью Западной Православной Церкви католичества;
- Смутное время в начале XVII в., католическая экспансия;
- церковный раскол XVII в., появление старообрядчества;

- формирование западного схоластического направления в народном образовании во второй половине XVII в., постепенное обмирщение литературы, науки и искусства;
- синодальный период в Русской Православной Церкви, секуляризация общества и в первую очередь его элиты, распространение масонства, магии и атеизма, мировоззренческий раскол общества в XVIII – начале XX вв.;
- гибель Российской империи в 1917 г. и советский период 1917–1991 гг.; распространение атеизма;
- либерально-демократический период с 1991 г. по настоящее время, распространение антихристианства.

Развивая мысли О. Н. Забегайло [20] с позиций экологии, выделим основные идеи Русской цивилизации (три первых положения в уточнениях не нуждаются):

- Святая Русь;
- Православие, Самодержавие, Народность;
- Москва – III Рим, Новый Иерусалим, Россия – Новый Израиль;
- приоритет духовных ценностей перед материальными (отсюда экологичность миропонимания);
- общность земного Отечества для всех народов России, русский народ – государствообразующий; уважение религиозного выбора каждого народа – веротерпимость, но не толерантность;
- религиозно-нравственный смысл образования и культуры как средства формирования образа Божия в человеке; как следствие – бескорыстное, жертвенное служение русского народа всем народам в деле духовного спасения, смиренная вера, действующая любовью (отсюда и экологичность культуры и цивилизации в материальном плане).

Основные идеи в политической области:

- основание политики на православных духовных ценностях, разумный изоляционизм;

- самодержавная власть, единое государство с сильной центральной властью и полное местное самоуправление на основе религиозных традиций, разделение функций власти на законодательную, исполнительную и судебную; религиозный характер власти: служение государственной элиты Богу созданием внутренних и внешних мирных условий для спасения души сограждан, симфония светской и духовной властей; все сословия, и прежде всего крестьяне, как большинство населения, как бы «делегировали» свои политические «права» – то есть решение всех политических вопросов – царю; сам же народ жил внутренними интересами – интересами общины, артели; отсутствие политических «свобод» компенсировалось внутренней духовной свободой, внутренним деланием, духовным самосовершенствованием; приверженность русского народа государю – сильный государственный инстинкт и вера в Бога, а не признак рабской души; давно уже отмечено, что «есть европейское и русское понятие свободы. Европейцам нужно подстричь всех под одну гребенку, чтобы везде были парламенты, многопартийная система, голосование – внешняя видимость свободы. А русский человек с царем, монархом, под благодатным покровом Православной Церкви был свободен внутренне, и то, что для европейца было гнетом, для него было охранительными, предостерегающими от греха <...> рамками» [41].

Основные идеи в социальной области:

- в основе сословного строя России – разделение общих обязанностей, но не иерархия прав, как на Западе; в основе этого – церковная идея служения, все социальные слои общества служили общему делу сохранения и защиты Отечества, при этом каждый слой выполнял свои функции: дворяне на государственной службе, духовенство – в области духовного окормления общества, купцы и мещане – в экономической об-

ласти, крестьяне – в земледелии; с этих позиций крепостное право было оправдано как вынужденная мера, отражавшая несовершенство падшего человечества, и первоначально (до 1762 г.) по сути своей распространялось на все социальные слои русского общества;

- религиозный характер защиты Отечества, патриотизм – за веру, царя и Отечество;
- неотделимость Церкви от государства и школы.

В экономической области:

- разумный аскетизм – самоограничение потребностей личности и общества, удовлетворение лишь необходимых потребностей, духовно-нравственный, «нерыночный» характер экономики, когда понятия «цена» и «прибыль» не являются приоритетными; достижение достатка (от слова «достаточно»), а не богатства (экологичность).
- обеспечение достатка – создание благоприятных экономических условий для спасения души (вспомним: «нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя и не сказал: “кто Господь?” и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Притч. 30, 8–9);
- приоритет производительной сферы над непродуцительной, спекулятивной – банковской;
- приоритет религиозных мотивов труда по отношению к рыночным: любовь к ближнему, а не цена и прибыль;
- преобладание семейно-общинной, индивидуально-коллективной, а не обезличенно частной или государственной собственности;
- добровольный, артельно-общинный характер труда и его организации;
- самообеспечение экономики и ее независимость от мировой конъюнктуры;
- государственный контроль за экономической безопасностью страны.

Утверждения об «отсталости» России с креационных позиций несостоятельны, поскольку речь идет о деградации, а не о прогрессе. Мысль о том, что Русское государство «стартовало» на 1000 лет позже Запада, полностью абсурдна, поскольку отставание в деградации выглядит просто несерьезно.

Культурный уровень Русского государства всегда был неизмеримо выше западного – начиная от грамотности (бережанные грамоты с бытовыми записями простых русских людей и грамоты западных неграмотных королей с их подписями в виде крестиков или иных фигур, когда буквы дописывались грамотным монахом, что также далеко не всегда встречалось (многие служители Церкви, не зная латыни, попросту проносили заученные на этом языке молитвы, не понимая их смысла)) и заканчивая личной гигиеной – русской баней, тогда как на Западе, отмечая столетие начала Реформации (1617 г.), с гордостью говорили о прогрессе – появлении бань во многих населенных пунктах; парфюмерные изыски Европы имели своей причиной прежде всего стремление устранить неприятные запахи немывтого тела. Общественные туалеты в Париже появились лишь в середине XIX в. (см., в частности, [35]).

Русская история обретает мировое значение с момента Крещения Руси. Народы, как и отдельные личности, уникальны и неповторимы. Волею Божией каждому из них определена его роль и место в истории человечества. Русскому народу определена обязанность хранить в чистоте духовные и нравственные начала, принесенные на землю Господом Иисусом Христом, и послужить всем другим народам земли. В этом – всемирно-историческое значение Русской цивилизации, историческая миссия России, с этого момента начинается формирование уникальной общности людей – «народа святорусского». Митрополит Иоанн Снычев отмечал: «Смысл русской жизни окончательно и навсегда сосредоточился вокруг богослужения в самом высоком и чистом значении этого слова – служения Богу как средоточению добра и правды, красоты и гармонии, милосердия и любви. Цель народной жизни окончательно определилась как задача сохранения в неповрежденной полноте этой осмыслен-

ности личного и общественного бытия, свидетельствования о ней миру, защите ее от посягательств и искажений».

И, наконец, в течение последних двух столетий Русское государство дважды спасало Западную цивилизацию от политической катастрофы – период Наполеоновских войн и Вторая мировая война. За период последних четырехсот лет Запад 7 раз консолидированно выступал против русских – Смутное время начала XVII в., 1812 г., 1853–1856 гг., 1877–1878 гг., 1941–1945 гг., период Холодной войны 1947–1990 гг. и современная информационная война против России.

3.2. Материальный аспект

3.2.1. Механизм поддержания экологического равновесия

Механизм поддержания экологического равновесия на планете известен достаточно хорошо и рассмотрен во многих научных и научно-популярных изданиях [10, 19, 24, 25, 30, 37, 46]. Здесь мы, для облегчения понимания читателя, отметим лишь наиболее важные моменты.

Состояние динамического (подвижного) равновесия любой экологической системы (экосистемы) есть гомеостаз. Устойчивость природных и социоестественных систем с точки зрения кибернетики обеспечивается механизмами и процессами *обратной связи*.

При некоторых условиях обратная связь, то есть передача информации, может быть нарушена. При этом происходит нарушение сбалансированности системы, которое может быть обратимым или необратимым. На языке кибернетики эта ситуация характеризуется следующим образом: в каналах обратной связи появились **помехи**.

В естественной экосистеме все время поддерживается равновесие, исключающее необратимое уничтожение тех или иных звеньев в трофических цепях. Сколь бы ни была сложна

экосистема, она всегда сбалансирована, устойчива и только поэтому – продуктивна. В социоестественных системах, где важнейшей силой является человек (антропогенная деятельность), необратимые изменения становятся вполне естественными – совершенно очевидно, что отрицательная обратная связь и помехи, как в экосистемах, так и в еще большей степени – в социоестественных системах, являются прямым следствием катастрофы грехопадения и вхождения в мир носителей зла.

Многочисленные теоретические и экспериментальные исследования с применением методов математического анализа показали, что любые естественные системы тем стабильнее во времени и пространстве, чем они сложнее (правило У. Р. Эшби). Иначе говоря, стабильность определяется числом связей между биологическими видами в *экологической пирамиде*.

В силу известных причин человек постоянно вмешивается в процессы, идущие в экосистеме, влияя на нее в целом или на отдельные звенья. Далеко не всегда эти воздействия ведут к распаду всей системы, однако в любом случае система не остается неизменной, но структурно упрощается, следовательно, становится менее стабильной, что закладывает предпосылки для ее деградации в будущем.

Применительно к социоестественным (социокультурным [37]) системам **механизм действия положительной и отрицательной обратной связей обеспечивает, с одной стороны, самосохранение систем, а с другой – их изменение без разрушения**. Отрицательная обратная связь предполагает, что в ответ на негативные внешние воздействия, угрожающие внутренней стабильности системы, включаются механизмы, ограничивающие (в пределе – блокирующие) ее контакты с окружением. В результате сфера внешних контактов системы сужается, что позволяет ей сохранять стабильность. Однако чрезмерное и длительное уменьшение внешних контактов лишает систему необходимого объема поступающих извне ресурсов (информации и энергии – технологии, материальные блага и услуги и т.п.), что ведет к ее постепенной деградации (характерные исторические примеры – Китайская империя, Советский Союз).

Механизмом, поддерживающим изменчивость и многообразие системы, является положительная обратная связь, благодаря которой повышается степень сложности системы. Это порождает большие возможности системы в выборе направления и альтернатив движения и развития. Однако высокий уровень резонанса импульсов, передаваемых по механизму положительной обратной связи, может породить в системе изменения, способные оказаться для нее разрушительными [37]. Это – сухие научные формулировки. Ведь в случае доминирования в социоестественной системе положительной обратной связи повышается уровень благосостояния общества, но опасность духовной деградации, неизбежно сопутствующая этому, обществом не ощущается, поскольку внешняя угроза отсутствует или ею можно пренебречь.

Наибольшее значение для поддержания гомеостаза экосистем и социоестественных систем имеет, таким образом, отрицательная обратная связь.

* * *

Важной ветвью **неоэволюционизма** является **концепция модернизации**, согласно которой на «шкале эволюции» ниже расположены традиционалистские общества, а выше – модернизованные (занимающие высшую позицию). Отличительными чертами последних являются: современные технологии, сменившие ручной труд и использование чисто природных материалов; демократический политический режим, сменивший монархические разных типов, авторитарные и *олигархические*; универсалистская система законов, сменившая обычное право; социальный статус, достигаемый путем личных усилий, сменивший статус, предписанный по рождению; рационализация социокультурной жизни, сменившая ее мифологизацию; универсалистская философия человека, общества, культуры, сменившая партикуляристскую, узко локалистскую, националистическую. Все эти черты – важные факторы эволюции. С позиций Православия и креационизма совершенно очевид-

но, что речь идет о деградации общества и государства. Путем миграций, колонизации, завоеваний, торговли, индустриальной и финансовой экспансии, культурного влияния – «более развитые» страны распространили эти культурные стереотипы по всему миру. Постепенно ориентации на массовое повышение качества жизни (рост гедонистического настроения), на демократизацию внутреннего устройства охватили большинство стран мира. В условиях модернизации, с ускорением обновления технологий и рынка благ и услуг, люди оказываются неспособными приспособляться к изменениям, которые сами же и создали. Вследствие этого, по мысли эволюционистов, современные исследования должны быть ориентированы на поиск средств преодоления подобных «затруднений». Но рост благосостояния при ориентации общества на гедонизм – это и есть действие положительной обратной связи, ведущей к дестабилизации системы, причем опасность здесь, в области действия положительной обратной связи, гораздо более высокая, поскольку отрицательная обратная связь предполагает очевидную конкретную причину – эпидемии, войны и т.п. В области положительной обратной связи ничего этого нет – общество как бы оказывается убаюканным своим благосостоянием и не видит страшной опасности собственного духовного разложения. Вспомним слова апостола: «Ибо когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба <...> и не избегнут. Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать» (1 Фес. 5, 3–4), – давление помех на систему не может быть беспредельным. При определенной степени стресса информационная обеспеченность системы не сможет за счет отрицательной обратной связи компенсировать отклонения, определяемые положительной обратной связью. В этом случае система прекращает свое существование...

Еще один важный вывод. Система в целом или отдельный ее компонент в отсутствие помех начинают деградировать и в пределе – могут погибнуть. В еще большей степени понятными становятся слова Спасителя «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас

и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Мф. 5, 44). Отсутствие помех ведет как к духовной, так и впоследствии к физической деградации. Эту же мысль «от обратного» повторяет святитель Иоанн Златоуст: «Те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность и делают душу изнеженной и слабой».

Изменения внутри *биомов* и нарушение в них равновесия между экосистемами низшего порядка неминуемо вызывают регуляцию на более высшем уровне. Это отражается на многих природных процессах – от изменения глубины залегания грунтовых вод до перераспределения воздушных потоков. Аналогичное явление наблюдается и на уровне очень крупных экосистем при изменении соотношения между территориями географических зон. При серьезных нарушениях соотношений параметров *глобальной экологической пирамиды* наступает *экологический кризис*.

Естественно, возникает вопрос, каким образом возможно дальнейшее существование цивилизации в биосфере, какими средствами избежать необратимых последствий и предотвратить разрушение биосферы? В соответствии с законами *термодинамики*, для возвращения биосферы в стабильное состояние человечеству необходимо затратить колоссальное количество энергии, поскольку необходимо будет взять на себя часть функций биосферы, которые оказались нарушенными. Энергетических и информационных возможностей цивилизации для этого явно недостаточно.

Одним из основополагающих законов природы является так называемый *принцип Ле Шателье – Брауна*, определяющий направление смещения равновесия в системе при внешнем воздействии на нее. В общем виде принцип формулируется следующим образом: **при внешнем воздействии на замкнутую систему равновесие в ней смещается в сторону, препятствующую этому воздействию**. Глобальный экологический кризис – резкое ухудшение условий существования живых существ по всей планете – следует рассматривать именно как действие указанного закона.

Истинность сугубо научных положений поверяется богословскими рассуждениями: «Господь имеет полное уважение к созданной Им природе, к ее законам, как произведению Своей бесконечной, совершеннейшей Премудрости; посему и волю Свою совершает обыкновенно через посредство природы и ее законов, например, когда наказывает людей или благословляет их» (св. пр. Иоанн Кронштадский).

Известно определение экологического кризиса как комплекса отрицательных изменений биосферы. Эволюционная теория дает и такое определение: экологический кризис, – это всего лишь ускорение эволюционных процессов, так как техносфера есть «естественный продукт развития биосферы». Успеем ли мы «приспособиться» к таким условиям «естественного отбора», вот в чем вопрос. В словах крупнейшего российского эколога Н. Ф. Реймерса звучит неподдельная тревога, близкая к панике: «...либо человечество найдет новые пути развития, либо уже сочтены десятилетия его существования как развитой цивилизации, возможно как биологического вида». Существовая в атеистической мировоззренческой системе, можно прийти и к такому выводу, впадая в грех отчаяния... Но даже здесь все больше специалистов приходит к осознанию первичности кризиса духовного, естественным образом вызвавшего кризис в материальной сфере – кризис экологический, единственным отличием которого от таковых, имевших место в более ранние исторические периоды, является его глобальный характер.

Православный же человек может на все это ответить лишь заключительными словами из Апокалипсиса: «Ей гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22, 20), поскольку существующий в мире порядок противоестественен как следствие грехопадения и его прекращение будет благом.

3.2.2. Эколого-ресурсный потенциал России

Духовный аспект теснейшим образом связан с аспектом материальным. Исторический процесс есть процесс борьбы за мировое господство, определяемое не в последнюю очередь

доступом к природным ресурсам. На протяжении всей истории человечества борьба за доступ к тем или иным источникам ресурсов во многом определяла военно-политические, экономические и межэтнические отношения.

Природные ресурсы есть средства существования цивилизации, находящиеся в природе и не созданные человеческим трудом. К ним относятся вода, почвы, флора и фауна, минералы, используемые непосредственно или в переработанном виде. Природные ресурсы дают людям пищу, одежду, кров, топливо, энергию, сырье для промышленности, то есть в материальной сфере обеспечивают само существование цивилизации.

Элементы природной среды превращаются в ресурсы только тогда, когда они включаются или потенциально могут быть включены в процесс производства, а это значит, что они должны быть идентифицированы как таковые, должны быть разработаны способы их извлечения из природной среды, транспортировки и т.д. [29].

Совокупность природных условий, связанных с конкретной географической областью, называют ее эколого-ресурсным потенциалом [3, 28]. При всех существующих различиях в трактовке объема и содержания понятия «эколого-ресурсный потенциал» его основной смысл практически сводится к следующему: **эколого-ресурсный потенциал – это совокупность параметров, характеризующих свойства природного ландшафта, обеспечивающие материальное существование человека, общества и цивилизации в целом в соответствующий исторический период.**

В составе эколого-ресурсного потенциала можно выделить два основных блока [39, с. 72–77]:

- природно-климатические условия, которые непосредственно влияют на ощущения и здоровье человека, определяя степень комфортности, благоприятности природных условий для его жизни (годовая сумма солнечной радиации, амплитуды среднесуточных температур, длительность безморозного периода, естественная водообеспеченность и ряд других); по су-

шеству эти характеристики представляют собственно **экологический потенциал** территории;

- природные материалы, свойства и условия, которые используются человеком в его хозяйственной деятельности; этот **ресурсный потенциал** территории обычно оценивается по двум группам естественных богатств – невозобновимых (минеральные ресурсы) и возобновимых (водные и биотические ресурсы).

Православное осмысление бытия говорит нам о том простом факте, что в мире нет ничего случайного. С позиций креационизма, о чем говорилось выше, все в мире жестко детерминировано. Совершенно не случайно Россия – самое крупное государство мира, занимает 1/6 часть суши, чем обеспечивается эколого-ресурсный потенциал, необходимый для осуществления миссии «Удерживающего» в материальном плане. Россия является единственной страной в мире, полностью обеспеченной собственными энергоресурсами. Этот аспект сохраняется и в настоящее время, несмотря на происходящие политические события.

Россия является мировой лесной державой, поскольку ее леса занимают порядка 70% территории страны и более четверти лесного покрова земли, обеспечивая экологическую безопасность всей планеты. Россия – огромная северная страна. Значительная часть территории России приходится на вечную мерзлоту, около 30% находится в зоне рискованного земледелия вследствие сильнейшей зависимости от природных факторов. Это – зона действия отрицательной обратной связи, что неоспоримо является промыслительным. Так, около 70% современной России – северные или приравненные к ним территории. Лишь менее 1/3 территории России отвечает критерию «эффективной территории», т.е. благоприятному для жизни людей местообитанию со среднегодовой температурой выше 2°C и высотой менее 2000 м над уровнем моря. По показателю эффективной территории Россия меньше Австралии, Бразилии, Китая, США. Она самая холодная страна в мире со среднегодовой температурой -5,5°C.

Если сопоставить США и Россию по сумме получаемой годовой солнечной радиации, то на территории первой она составляет от 4200 до 8000 МДж/м², а во второй – 2500–5000 МДж/м². Первичная биопродуктивность естественной растительности на территории России колеблется от 10 до 150 ц/га, в то время как в США – от 100 до 300 ц/га и более.

Физико-географические и экологические условия на большей части территории России экстремальны для жизнедеятельности человека, неблагоприятны для ведения сельского хозяйства, промышленного производства и вообще для длительного проживания. Хозяйствование и воспроизводство условий к существованию человека здесь весьма трудоемки и экономически высокочрезмерны, требуют примерно в 3–3,5 раза больше энергетических ресурсов, нежели на эффективных территориях.

Однако это не «тормозило развитие», а напротив, направляло русского человека на «умное делание». Отрицательная обратная связь всегда предохраняет человека от духовной деградации. С православных позиций непонятно, что надо было «развивать», кроме духовного настроя и духовного самосовершенствования, имея перед собой евангельский идеал. В этом аспекте главной составляющей эколого-ресурсного потенциала представляются людские ресурсы: не только и не столько они сами, сколько их миропонимание.

Для сравнения – эколого-ресурсный потенциал Западной Европы также промыслителен – этот регион за весь исторический период подвергался наибольшему *антропогенному воздействию*, однако каждый раз восстанавливался. Регион Сахары в этом плане оказался неизмеримо менее устойчивым – экосистемы деградировали за несколько тысяч лет без последующего восстановления [31]. Значимость Западной Европы в мировой истории сомнению не подлежит...

Говоря о доктрине «Москва – Третий Рим», необходимо учитывать, что империя Ромеев как «Второй Рим» в свое время также имела огромный эколого-ресурсный потенциал; ее территория в период наивысшего могущества в VI в., при василевсе Юстиниане I, простиралась от Месопотамии до Северной

Африки, Италии, восточного побережья Испании, занимала Балканский полуостров, Малую Азию, Сирию и Палестину.

Человеческий потенциал Второго Рима был также весьма велик. Весьма важные в экологическом плане **проблемы народонаселения** исследует **историческая демография**. Эта научная дисциплина позволяет получать важнейшие сведения по динамике численности населения, его плотности и миграции, а также изучить исторические процессы его воспроизводства.

Имеющиеся демографические данные на 1000 г. таковы [47], млн чел:

Империя Ромеев	20–25
Франция	9
Италия	5
Сицилия	2
Киевская Русь	5,4
Польша, Литва, эсты	1,6
Степь от Дона до Карпат	0,48
Англия (1086 г.)	1,7

Хотя разброс значений у разных исследователей составляет порядка 1,5–8 млн человек, приведенные цифры говорят сами за себя. Кроме того, при отсутствии технического и экономического прогресса в современном понимании этих терминов, факт длительного существования Восточной Римской империи (порядка 1000 лет) воистину уникален.

Прямые данные для определения численности населения Древнерусского государства отсутствуют, поэтому исследователи пользуются косвенными методами; чаще всего – исходят из сравнений с заселенностью других территорий [9, с. 57, 14]. Численность населения Киевской Руси оценивается по-разному. Количество населения, занимающего конкретную территорию в земледельческой стране, находится в определенной зависимости от его плотности. Плотность, в свою очередь, зависит от практикуемой техники земледелия [47]. В Древней Руси – это подсечно-огневая и *переложная системы* (см. об этом в гл. 4).

В конце XVII в. население ведущих держав составляло, млн чел [14, с. 25–30, 41]:

Франция	20
Германские государства	13
Итальянские государства	13
Россия	15
Османская империя (XVI в.)	15

А. И. Яковлев, используя другой метод подсчета, пришел к аналогичным заключениям (см. [49, с. 298]).

В конце XIX в., по оценкам Д. И. Менделеева, население Российской империи составляло порядка 130 млн чел и, по его прогнозам, – при росте порядка 1,5% в год – к 2000 г. должно было бы составить свыше 0,5 млрд чел [20, 33]; в 1913 г. население империи уже составило 175 млн чел, или 160 млн (считая в границах СССР).

На рубеже XIX–XX вв. имеем следующие цифры, млн чел:

Российская империя (1913)	175
Северо-Американские соединенные Штаты*	свыше 60
Германская империя	свыше 40

* (население США фактически несомненно больше, поскольку индейцы и негры при переписи не учитывались)

Рубеж XX–XXI вв. дает уже иную картину, млн чел [51]:

СССР (июль 1991)	293
РФ (август 2010)	132
Европейский союз (август 2010)	500
США (август 2010)	310
Китай	1300
Индия	1100
Бразилия	около 200
Мексика	около 107

Население США за период 2000–2010 увеличилось на 10% – с 280 до 310 млн чел; население стран – потенциаль-

ных мировых лидеров будущего, весьма впечатляет, особенно с учетом их территорий и роста экономической и военной мощи. Комментарии к этим цифрам излишни... В еще большей степени становится понятной актуальность сказанного нами во введении... А духовный аспект неразрывно связан с материальным...

* * *

Возвращаясь к экологическим факторам, согласно ландшафтно-географической гипотезе Д. В. Панфилова [38, с.157–161], человек как биологический вид в экологическом отношении соответствует условиям *литорали* тропических островов (прибрежной части). Этот тип ландшафта характеризуется постоянно теплым климатом (+22, +23°C), свежим морским воздухом, обилием поверхностных пресных вод, широкой доступностью йодистых морских вод, имеющих бактерицидные свойства, а также высокой обеспеченностью свежей белковой пищей за счет морепродуктов. Существование в таких условиях не требует особых усилий для поддержания оптимального уровня жизнеобеспечения. Иными словами – речь идет о «райских условиях» существования.

В ходе исторического процесса человек освоил практически все типы природных ландшафтов Земли, в том числе и экстремальные с точки зрения условий его существования. При этом, что весьма важно, он существенно не изменил свои изначальные требования к естественным условиям среды, к условиям собственного комфорта. Но если ранее человек обеспечивал себе хотя бы относительный комфорт исключительно за счет природы, в минимальной степени вмешиваясь в естественные процессы, то современный человек обеспечивает выполнение этих требований, целенаправленно создавая комфортные условия для своего существования с помощью мощнейших технических средств (энергетические установки, строительство жилья, транспорт, система возделывания пищевых культур и др.), а также за счет сложной социально-экономической системы

управления. И чем сильнее отклонения от экологической нормы, тем сильнее в конечном счете будет антропогенное воздействие. Таким образом, **современное экологическое состояние любой территории можно трактовать как суммарный результат этапов СЕИ.**

Применительно к условиям России – с одной стороны, гигантский эколого-ресурсный потенциал обеспечивает выполнение миссии «Удерживающего», с другой – антропогенное вмешательство в природные экосистемы наносит им подчас непоправимый вред.

В конкретных исследованиях по социоестественной истории наиболее сложным оказывается вопрос о том, насколько современные представления о ландшафтной структуре изучаемой территории и содержание понятия «эколого-ресурсный потенциал» будут соответствовать тому историческому периоду, который изучается.

Выделяют три группы источников климатической информации [44, 45]:

- инструментальные данные (систематические и эпизодические);
- исторические свидетельства (летописные, архивные, дневниковые и др. сведения);
- природные индикаторы климата, охватывающие различные *гляциологические, палинологические, лимнологические, гидрологические и дендрологические* данные.

Характеристика общего развития ландшафтной структуры Земли, включая этап антропогенизации природы, дана А. Басаликасом [8, с. 179–185]; здесь определены три уровня геосистемной организации ландшафтов:

- I уровень характеризует наиболее примитивные ландшафтные геосистемы, в которых взаимодействуют лишь абиотические компоненты (литогенная основа, приземная атмосфера, поверхностные воды);
- II уровень обозначает организацию ландшафтных геосистем, которая усложнилась за счет включения в

систему биотических компонентов (почва, растительный покров, животный мир и, возможно, «первобытный» человек);

- III уровень включает антропогенизированные ландшафты, которые определяются как «высшая ступень геосистемной организации», состоящая из абиотических и биотических компонент, *социогенного покрова* («культурный наряд» Земли – поселения, дороги, сооружения, сельскохозяйственные угодья, представляющие собой вещественное отражение осложненной структуры ландшафтных геосистем).

В современной географической оболочке Земли на конкретных территориях, включая Россию, могут существовать ландшафты всех трех уровней геосистемной организации и различной степени антропогенизации [27].

При оценке экологического потенциала для территории России особенно важными являются природно-климатические показатели, определяющие степень комфортности проживания населения в условиях четко выраженной сезонности умеренного климата. А. Н. Золотокрылин с соавторами (1992, ИГ РАН) выделяют семь зон комфортности, отражающие основную географическую закономерность – зональность климатических условий и характер водно-теплового режима территории России:

I – абсолютно дискомфортная, с очень суровой и продолжительной зимой, холодным летом, с наиболее продолжительным периодом ультрафиолетовой недостаточности;

II – экстремально-дискомфортная, с суровой и продолжительной зимой, прохладным летом, с продолжительным периодом ультрафиолетовой недостаточности;

III – дискомфортная, с холодной метельной зимой и коротким летом;

IV – относительно дискомфортная, с умеренно холодной зимой и умеренно теплым, относительно продолжительным летом;

V – относительно комфортная;

Va – подзона с относительно повышенной продолжительностью отопительного сезона (более 200 дней), с удовлетворительной водообеспеченностью;

Vб – подзона с относительно непродолжительным отопительным сезоном (менее 200 дней), с недостаточной водообеспеченностью;

Vв – подзона с более холодной зимой и более теплым сухим летом (*ареал* с неустойчивыми осадками);

VI – комфортная, с высокой теплообеспеченностью и относительно достаточным увлажнением;

VII – дискомфортная, с умеренной степенью пустынности и безводности.

На карте оценки природных условий жизни населения, разработанной О. Р. Назаревским [34], учтены 29 параметров природной среды, среди которых наиболее репрезентативными являются такие показатели, как годовая сумма солнечной радиации, годовые амплитуды среднесуточных температур, длительность безморозного периода, сумма температур вегетационного периода, естественная водообеспеченность, наличие многолетнемерзлых грунтов, сейсмичность, наличие природноочаговых заболеваний, степень эстетической и рекреационной привлекательности ландшафтов но, по-прежнему, приоритет остается за климатическими показателями. При сопоставлении этих материалов со схемой природно-ландшафтной дифференциации территории России нетрудно видеть, что наиболее благоприятные для жизни ареалы соответствуют зонам с оптимальным водно-тепловым балансом. Это – смешаннолесные, широколиственнолесные, лесостепные и степные ландшафты. Для более северных территорий неблагоприятным фактором являются низкие температуры, для более южных – низкая водообеспеченность.

Наибольшей комфортностью обладают природные условия крайнего запада Русской равнины и Предкавказья, а также отдельные участки приокских и приволжских территорий, принадлежащие зонам смешанных и широколиственных лесов и частично степным и лесостепным ландшафтам. В этих

районах, которые определены как весьма благоприятные для жизни населения, соотношение тепла и влаги является оптимальным и обеспечивает пышное развитие древесной и травянистой растительности. Значительное количество солнечных дней, которые благоприятствуют пребыванию человека на открытом воздухе, особенно характерно для побережий Черного и Азовского морей, где сформируются уникальные условия для оздоровительной рекреации. Неблагоприятными медико-географическими факторами в этих районах являются степные очаги туляремии и лихорадки.

Основной массив степных, лесостепных, подтаежных и южнотаежных ландшафтов входит в зону благоприятных условий жизни населения. Сюда же отнесена южная часть Приморья и Приамурья. Холодный период года длится 130–150 суток; очень сильные морозы на западе зоны случаются эпизодически, на востоке – бывают ежегодно. Сочетание лесных и безлесных пространств особенно благоприятно для рекреации. Опасные медико-географические факторы в лесных ландшафтах – весенне-летние очаги клещевого энцефалита (Прикамье, Предуралье, Восточная Сибирь, Дальний Восток), на открытых пространствах степи и лесостепи эпидемиологическое значение имеет бешенство.

Среднеблагоприятными условиями для жизни человека обладают ландшафты средней и отчасти северной тайги, а также сухостепные и полупустынные прикаспийские ландшафты. Для северных таежных ландшафтов характерны низкая теплообеспеченность (отопительный сезон составляет около 250 дней) и дефицит ультрафиолетовой солнечной радиации в течение 3–4 зимних месяцев. Дискомфортным фактором является обилие в тайге кровососущих насекомых (мошка, гнус). Риск простудных заболеваний затрудняет здесь адаптацию пришлого населения. На юге в степях и полупустыне основной фактор дискомфорта – аридность (засушливость). Безлесие и безводность южных ландшафтов сильно ограничивают их рекреационные возможности. Опасными факторами являются природные очаги лихорадки, туляремии, потенциальная опас-

ность бешенства и столбняка. Геохимические особенности (недостаток йода, кальция и фтора) способствуют возникновению таких заболеваний, как эндемичный зоб и кариес зубов.

Экстремальными условиями для освоения территории и проживания обладают Крайний Север и горные районы на северо-востоке России. Арктические, субарктические и северотаежные ландшафты относятся к категории малоблагоприятных и неблагоприятных. Здесь отмечается резкий дефицит тепла, в том числе особо суровый зимний период со средне-суточной температурой до -30°C , продолжающийся 100–120 суток, а в Оймяконе – до 137 суток. Отопительный сезон в Арктике – круглый год, в лесотундре – до 300 суток. Острый дефицит ультрафиолетовой радиации наблюдается в течение 4–6 месяцев в году, включая период полярной ночи (от 24 дней на 69° сев. широты, до 122 дней на 82° сев. широты). Факторами дискомфорта являются также наличие кровососущих насекомых и вечная мерзлота. Почвы и воды северных районов существенно обеднены фтором, йодом, кальцием и рядом других веществ. Экстремальные условия создают предпосылки для острого проявления метеострессов, сердечно-сосудистых нарушений, обморожений, авитаминозов. Непосредственный контакт населения с животными-переносчиками таких заболеваний, как бешенство (песец), туляремия (лемминг), бруцеллез (северный олень), обуславливает высокий эпидемиологический риск северных территорий.

Далее. Важнейший показатель – первичная *биопродуктивность* ландшафта, определяемая ежегодным приростом *фитомассы*, может рассматриваться как интегральный показатель естественной силы и мощности ландшафтообразующих процессов, от которых зависит как внешний облик природного ландшафта, так и его общая устойчивость, определяемая по способности к саморегулированию и самовосстановлению. Н. И. Базилевич [6, 7] выделяет десять классов первичной биопродуктивности растительных формаций мира и устанавливает на этой же основе шесть уровней устойчивости растительного покрова – от очень низкой до наивысшей (табл. 4.1).

Таблица 4.1. Первичная продуктивность и устойчивость растительного покрова (с учетом мировой шкалы)

Первичная продуктивность растительного покрова (т/га/год):		Устойчивость растительного покрова
Класс	Уровень	
I	1,0	Очень низкая
II	1,0–2,5	
III	2,5–4,0	
IV	4,0–6,0	Низкая
V	6,0–8,0	
VI	8,0–11,0	
VII	11,0–16,0	Средняя
VIII	17,0–30,0	
IX	30,0–50,0	Высокая
X	>50,0	Очень высокая
		Наивысшая

Согласно этим данным, на территории России расположены природные ландшафты, принадлежащие к первым четырем уровням (восьми классам) первичной биопродуктивности и устойчивости растительного покрова: к очень низкой, низкой, средней и высокой. При этом из них наиболее устойчивыми являются ландшафты европейской части страны, начиная от южнотаежных и до типично степных и сухостепных.

Характер и объем эколого-ресурсного потенциала определяются качествами, удовлетворяющими естественным экологическим требованиям человека к условиям природной среды, и отвечают исторически обусловленным потребностям хозяйства, включая уровень развития технологий. Для современного исторического этапа такой набор определяется стандартным уровнем жизни населения промышленно развитых стран, расположенных главным образом в умеренном поясе и в субтропиках. Нарушение, исто-

щение или утрата отдельных элементов эколого-ресурсного потенциала на конкретной территории воспринимается населением как ухудшение качества окружающей среды и обозначается как факт возникновения экологических, а затем и социальных проблем.

Почти 70% территории России составляют равнины. Горы приурочены к ее южным окраинам, а также занимают значительную площадь на востоке, подходя к берегам Тихого океана. Простирающийся в меридиональном направлении Уральский горный хребет отделяет меньшую европейскую часть России от огромной Сибири, расположенной уже в Азии. Равнинность территории и широкая открытость к северу способствуют мощному влиянию Арктики и делают общие природно-климатические условия России достаточно суровыми. Значительное протяжение территории с запада на восток обуславливает прогрессивно убывающее в этом направлении влияние Атлантики, а континентальность природно-климатических условий соответственно усиливается, достигая максимума в районах Центральной Сибири.

В описанных условиях на территории России создается большая пестрота водно-теплового баланса, а вслед за ним формируется значительное разнообразие почвенно-растительного покрова и природно-территориальных комплексов – естественных ландшафтов, природных геосистем. Тем не менее в этом многообразии природы на территории России отчетливо прослеживаются широтная зональность, высотная поясность и континентальная секторность естественных ландшафтов [2, 23].

Среди имеющихся ландшафтных схем для России наиболее серьезной и глубоко проработанной представляется серия карт и описаний, выполненных А. Г. Исаченко [21, 22], где в основу классификации природных ландшафтов положены такие признаки, как широтная зональность, секторность (континентальность), высотная поясность и геологические особенности территории. На территории России таким образом выделены сотни «видов ландшафтов»; по существу

они различаются по водно-тепловому балансу территории, который, в свою очередь, зависит от взаимодействия всех ландшафтообразующих факторов, функционирующих на определенном пространстве. Будет справедливым принять для достижения наших целей эту схему и карту в качестве условных, отражающих современное состояние экосистем. Что же касается естественноисторического аспекта, то ответ на этот вопрос может быть получен в работах по палеогеографии и исторической географии [11, 13, 16].

В обобщающей работе по хроноструктурному анализу современных ландшафтов [40, с. 88–124] приведены данные ретроспективного анализа, позволяющие установить, что зональные границы на равнинах Европы остаются стабильными на протяжении последних 2000 лет. Это соответствует субатлантическому периоду *голоцена*, установившемуся примерно 2500 лет назад и характеризующемуся господством прохладного и влажного климата, сходного по своим параметрам с современными условиями. В течение этого периода неоднократно наблюдались и похолодания, и потепления, но размах климатических колебаний и их продолжительность были незначительными и не могли вызвать сколько-нибудь существенной миграции границ растительности и природных зон на равнинах.

На Русской равнине, где зональность природных явлений выражена более четко, чем во многих остальных регионах суши, становление современных природных зон также соотносится с субатлантическим периодом. Здесь в условиях неустойчивого, прохладного и влажного субатлантического климата с частой сменой похолоданий и потеплений и изменением увлажненности произошло сокращение зоны широколиственных лесов за счет расширения смешаннолесной подзоны. Одновременно уменьшилась и роль темнохвойных, таежных лесов, на смену которым пришли березово-сосновые формации. В результате границы между этими тремя основными лесными зонами приняли современные очертания. В степной зоне в пределах Русской равнины субатлантический

период ознаменовался развитием злаково-разнотравной растительности, также близкой по своему типу к современной. По долинам рек в субатлантическое время здесь произрастали многоярусные широколиственные леса – липо-дубравы с участием вяза и ясеня. А в лесостепи были широко распространены дубовые леса, которые выходили на водораздельные равнинные возвышенности, чередуясь там с участками степной растительности.

В пределах Западной Сибири датировка формирования основных природных зон и зональных типов ландшафтов проведена следующим образом: для тундры – около 1000 лет (по стабилизации мерзлотных процессов), для лесотундры – около 2000 лет, для лесоболотных ландшафтов таежной зоны – порядка 4000 лет, для лесостепи и степи – около 500 лет. Все это несомненно подтверждает, что предлагаемая схема природно-ландшафтной дифференциации России может быть принята за общую и относительно стабильную основу для ретроспективного анализа событий социоприродной истории страны, приуроченных к XV–XX вв.

Ряд ученых, анализируя климатические колебания за последние 1000 лет, когда период потепления в начале тысячелетия сменился в XI–XV вв. похолоданием, а затем коротким потеплением XVI в. и снова похолоданием в XVII–XIX вв., и снова потеплением XX века, особо подчеркивают, что имевшие при этом место колебания среднеглобальных температур в 1,5–2,0° могли вызвать колебания зональных границ и условий земледелия в пределах 200–300 км по широте [26]. Поскольку такие колебания были непродолжительными и неустойчивыми, то они сопоставимы с историческими событиями и их можно рассматривать в масштабе последних.

Последствия глобального экологического кризиса достаточно очевидны. Для хотя бы частичного преодоления его последствий – сохранения и, по возможности, восстановления биологического разнообразия – необходимо понимание как общих экологических закономерностей существования

биосферы, так и путей формирования ее современного облика, иными словами – путей деградации биосферы. **В связи с этим проблема исторической реконструкции динамики живого покрова становится не столько сугубо научной, сколько социально-экологической проблемой.** В процессе исследования [45, с. 256] впервые были проанализированы и обобщены все доступные данные о климате прошлого на территории Русской равнины, включая исторические, палинологические, дендрохронологические и инструментальные данные. Таким образом были реконструированы климатические условия (среднегодовая, зимняя, летняя температуры и среднегодовое количество осадков) для всей территории европейской части России. По полученным результатам сделаны следующие выводы:

1. Самым теплым столетием на территории Русской равнины за последние 2000 лет был X в., после которого наметилась очевидная тенденция к похолоданию.

2. Наиболее холодным периодом в истории Российского государства был XV в. При этом самое значительное десятилетнее похолодание было зафиксировано в конце XVII в.

3. Интересно, что в течение последней тысячи лет все четные столетия в исследованном регионе были относительно теплыми, а нечетные – холодными (точно такая же тенденция, только с обратной последовательностью столетий, наблюдается и до VII в.).

4. В XX в. отмечено изменение тысячелетней тенденции к похолоданию на противоположную, что указывает на антропогенное влияние, однако наивысшие температурные отметки средневекового оптимума еще не достигнуты. Кроме того, следует отметить, что основной вклад в среднегодовые колебания климата вносит зимний сезон, в то время как летние колебания температуры имеют меньшую амплитуду и значимость.

В табл. 4.2 представлены необычные метеорологические явления, наблюдавшиеся на европейской территории России начиная с XII в. [12, 18].

Таблица 4.2. Сведения о чрезвычайных метеорологических явлениях на каждые 50 лет (1100–1800 гг., по [6])

Природные условия	Годы																
	1101–1150	1151–1200	1201–1250	1251–1300	1301–1350	1351–1400	1401–1450	1451–1500	1501–1550	1551–1600	1601–1650	1651–1700	1701–1750	1751–1800			
Засуха	3	4	1	1	4	6	10	66	4	4	5	3	7	12			
Дожди и наводнения	6	3	4	6	10	8	14	13	10	9	7	4	8	17			
Бури и грозы	9	8	5	8	4	8	18	17	13	9	6	4	1	1			
Суровые и снежные зимы	2	4	2	4	0	9	14	11	4	7	12	19	3	13			
Теплые и бесснежные зимы	1	4	0	0	1	3	4	7	2	5	2	3	3	4			
Индекс засушливости, %	21	31	10	7	44	27	24	19	30	22	41	31	–	–			
Урожайные годы	6	2	1	1	2	1	5	5	0	0	1	0	1	1			
Голодные годы	1	2	9	3	6	6	10	5	6	11	12	12	12	2			
Всего записей о погоде	32	33	32	33	38	53	96	90	54	71	65	71	44	54			
Отношение числа голодных лет к числу записей о погоде, в %	3	6	28	9	16	11	10	5	11	16	19	17	27	4			

Согласно работам [44, 45], в XIII–XX вв. Северо-Восточная Европа находится в зоне повышенной климатической чувствительности, в которой даже незначительные колебания глобального климата приводят к заметному изменению средних температур всех сезонов, количества осадков, увлажненности почвы и, таким образом, должны отражаться на всех основных видах хозяйственной деятельности человека.

За последние 780 лет в средней полосе России выделяется пять 30-летий с наиболее низкими зимними средними температурами воздуха: 1411–1440, 1441–1470, 1471–1500 ($-10,0$ – $10,2^{\circ}\text{C}$) и 1621–1650, 1651–1680 гг. ($-10,4^{\circ}\text{C}$). При этом в период 1441–1470 гг. отмечались похолодания всех сезонов года, в особенности летнего, когда средняя 30-летняя температура воздуха понизилась за время с 1351–1380 гг. на $1,7^{\circ}\text{C}$. В период же резкого зимнего похолодания в XVII в. имело место слабое похолодание осенью и небольшие средние 30-летние температуры воздуха весной и летом. В остальные века до конца XIX века средние 30-летние температуры зим были близки к одному уровню $-9,7$ – $9,8^{\circ}\text{C}$. Тридцатилетие 1891–1920 гг. было зимой теплее предыдущего на $0,4^{\circ}\text{C}$, в 1951–1980 гг. – на $0,8^{\circ}\text{C}$. 15-летие 1981–1995 отличается рекордно высокими средними температурами: зимой $-6,2$, летом $+18,3^{\circ}\text{C}$. В целом с середины XVII в. суровость климата зимних периодов года уменьшилась на $2,5^{\circ}\text{C}$. Колебания климата летних ($2,3^{\circ}\text{C}$) и весенних ($2,2^{\circ}\text{C}$) сезонов были такого же порядка, но, как правило, несинхронно с другими сезонами. Наиболее теплым 30-летием в летнее время были 1351–1380 гг., когда средняя температура воздуха равнялась $18,6^{\circ}\text{C}$, а наиболее холодным периодом были 30-летия 1861–1890 и 1891–1920 гг. с температурами воздуха $16,4^{\circ}\text{C}$ и $16,3^{\circ}\text{C}$ соответственно. С 1000 по 1600 гг. теплые периоды были в 1000–1030, 1146–1166, 1218–1238, 1270–1280, 1311–1331, 1361–1440, 1522–1542 гг., холодные – в 1052–1072, 1194–1214, 1241–1261, 1288–1308, 1336–1356, 1441–1495, 1591–1611 гг.

Даже беглый анализ позволяет сделать некоторые выводы (Крещение Руси в наиболее благоприятный климатический период, например). Узвзка приведенных данных с конкретны-

ми историческими событиями представляет огромный интерес, однако выходит за рамки настоящего труда.

Характеристика и оценка отдельных видов естественных ресурсов, входящих в состав ресурсного потенциала территории, базируется прежде всего на сведениях о хозяйственной практике определенного исторического периода, хотя в целом эти оценки соответствуют важнейшим для человека видам использования земель, сформировавшимся в определенной исторической последовательности и полностью представленным в современном мировом хозяйстве. Это – добыча и собирательство природных продуктов; охотничий промысел; скотоводство; земледелие; лесозаготовки; добыча строительных материалов и других полезных ископаемых; использование территории под застройку, в том числе индустриальную; выявление и использование рекреационных и природоохраненных ареалов.

В современных условиях фундаментом ресурсного потенциала территории выступают минеральные богатства, размещение и запасы которых подчиняются геолого-тектоническим закономерностям строения земной коры. Оценка этих богатств определяется наличием на конкретной территории групп ископаемых (уголь, нефть, газ, уран, черные и цветные металлы, нерудные ископаемые, стройматериалы), их запасами и сырьевым значением. Рассматривая главные ареалы распространения перечисленных основных групп ископаемых, можно достаточно четко определить размещение тех или иных видов ископаемых в пределах каждого из зональных типов ландшафтов.

Что же касается оценки естественного потенциала возобновимых ресурсов, то здесь используются пять основных показателей, имеющих непосредственную связь с природными материалами и ресурсообеспечением:

- первичная биопродуктивность,
- производительность лесов,
- продуктивность естественных кормовых угодий (лугов),
- плодородие почв,
- естественная водообеспеченность территории.

Первичная биопродуктивность ландшафта (прирост фитомассы ($m/ga/год$) или энергетический эквивалент связанного углерода ($г/кал/m^2/год$) отражает не только силу и мощность естественных ландшафтообразующих процессов, но и определяет общую степень устойчивости естественной среды к антропогенным нагрузкам. Этот показатель дает возможность наиболее широкого сравнения условий развития отдельных регионов и целых стран. Так, например, по мировым данным следует, что, несмотря на огромное пространство, занимаемое Россией, наша страна не располагает районами со столь же высокой биопродуктивностью, которая присуща, например, восточной равнинной части США. Несомненно, что эти условия сыграли свою роль в интенсивном освоении всей территории США, тогда как районы нашей Сибири, относящиеся к малопродуктивным землям, до сих пор остаются труднодоступными и малоосвоенными. Наивысшую биопродуктивность в пределах России имеют степные, лесостепные и широколиственнолесные ландшафты.

Следующие три показателя – производительность лесов, продуктивность естественных лугов и плодородие почв – самым тесным образом связаны с уровнем первичной биопродуктивности ландшафтов и также определяются общим характером водно-теплового баланса отдельных типов ландшафта. В то же время эти показатели установлены по их непосредственному значению для хозяйственной деятельности и имеют определенное экологическое значение как нормы природопользования.

Так, производительность лесов, определяемая годичным приростом древесины ($m^3/га$ в год), является важнейшим нормативным показателем экологически безопасного объема использования в конкретных регионах леса как одного из важнейших видов промышленного сырья. Именно приростом древесины определяется региональная норма рубок леса. Согласно мировой схеме лесорастительных условий, обширные площади таежных лесов России относятся к зоне с низкой естественной производительностью древесины (до $3 m^3$ в год на 1

га), а смешанные и широколиственные леса европейской территории России и южного Приморья входят в зону со средней производительностью древесины (3–6 м³ на 1 га в год).

Показатель продуктивности естественных лугов определяется главным образом для луговых формаций, соответствующих водораздельным местообитаниям. Продуктивность этих лугов соответствует характеру водно-теплового баланса зональных типов ландшафтов. В то же время пойменные луга, получающие дополнительное увлажнение за счет весеннего половодья на российских реках, повсеместно отличаются более высокой продуктивностью, достигающей в полупустынных и пустынных районах 35–38 т/га/год.

Показатель естественного плодородия почв определяется для зерновых культур по их средней урожайности [ц/га], которую получают на землях без улучшений. Этот показатель имеет большой экологический смысл, так как именно зерновые составляют основу пищевого рациона населения России. Он свидетельствует о степени пригодности территории для широкого сельскохозяйственного освоения и о возможном уровне самообеспечения населения в пределах отдельного ландшафта или региона. На территории России к наиболее плодородным землям относятся зоны широколиственных лесов, лесостепи и степей, где нормальная урожайность зерновых достигает 15–20 и даже 25 ц/га (район Северного Кавказа).

Естественная водообеспеченность территории – показатель, который характеризует объем поверхностных вод, теоретически доступных для использования всеми отраслями хозяйства и быта на данной территории. Для экологически безопасного ведения хозяйства и сохранения нормального функционирования водных экосистем забор поверхностных вод не может превышать 20–25% их годового объема.

Наиболее богатым потенциалом возобновимых ресурсов в пределах России обладают территории, расположенные в смешаннолесной, широколиственнолесной и лесостепной зонах европейской части страны, а также степи Предкавказья и подтаежные ландшафты Дальнего Востока (Приамурье). Тот

же природно-ресурсный потенциал для южно- и среднетаежных территорий, как на европейской части России, так и в Сибири, оказывается не менее разнообразным, но в азиатской части он характеризуется более низким уровнем производительности всех видов ресурсов. Еще более низкими являются показатели потенциала возобновимых ресурсов в северотаежных и лесотундровых зонах, лежащих севернее границы устойчивого земледелия – выращивания зерновых культур (территории с суммой активных температур менее 1600°). И, наконец, самый низкий потенциал возобновимых ресурсов приурочен к безлесным и наиболее холодным территориям тундровых и арктических зон, а также к наиболее засушливым пустынным и полупустынным территориям (Калмыкия, Нижнее Поволжье).

В зависимости от ландшафтных особенностей территории или в практических целях оценка природного потенциала в отдельных районах может дополниться такими показателями, как уровень продуктивности охотничьих угодий, степень привлекательности ландшафтов для рекреации, благоприятность условий для строительства и др. В ряде случаев характеристика природного потенциала будет содержать и указания на опасные природные явления: сейсмоопасность, селеопасность, возможность наводнений и других стихийных природных явлений.

Особенное место занимает оценка гидроэнергоресурсов, т.е. возобновимых запасов энергии, сосредоточенных в речных потоках и водоемах. Теоретически этот валовой гидроэнергетический потенциал территории составляет около 60% всей энергии поверхностного стока. Однако реальный объем гидроэнергоресурсов, который может быть использован, зависит не только от полноводности рек и значительных уклонов рельефа, но и от тех технических и экономических возможностей, которые делают эти ресурсы доступными на определенном историческом этапе хозяйственного развития территории. В пределах России основные гидроэнергоресурсы сосредоточены в горных районах Сибири и Дальнего

Востока. Наибольшими запасами гидроэнергии (в млрд квтч/год) обладают такие реки, как Лена, Енисей, Ангара, Волга. Начиная с 1960-х годов доля использования гидроэнергии в общем энергобалансе мира сократилась до 16% (1980), а в СССР–России до 4%. Несмотря на то что выработка энергии на гидростанциях представляет собой экологически чистое производство, строительство и эксплуатация таких станций и водохранилищ вызывает ряд неблагоприятных явлений, особенно на равнинах, – затопление и подтопление плодородных земель и лесов, потеря культурных ценностей, изменение микроклимата, режима стока, ущерб рыбным ресурсам.

При суммарной оценке возобновимых и невозобновимых естественных ресурсов общий уровень природного потенциала отдельных регионов в ряде случаев оказывается достаточно высоким и особенно благоприятным для интенсивного хозяйственного использования. Вместе с тем одновременное сочетание на одной и той же территории особенно ценного минерального сырья или гидроэнергоресурсов с высокопродуктивными ресурсами почв и биоты обычно служит источником острейших противоречий и приводит к тяжелым экологическим ситуациям, главным образом в случае утраты уникальных биотических ресурсов, имеющих ограниченное распространение (например, массивов черноземных почв).

Сравнение основных показателей эколого-ресурсного потенциала России и США дало основание сделать вывод о том, что территория США – страны, расположенной преимущественно на равнинах в субтропическом поясе, – обладает гораздо более благоприятными, чем в России, природными условиями для проживания населения, а ее ресурсный потенциал открывает очень большие возможности для разнообразной и более интенсивной хозяйственной деятельности [2, с. 60–68]. Положительная обратная связь здесь действует гораздо сильнее.

С точки зрения ретроспективного анализа событий социоприродной истории определенным интерес представляет обобщение данных о природных условиях России и выявление

факторов, рассматриваемых в составе эколого-ресурсного потенциала, которые ограничивают хозяйственное использование территории страны. Кроме узкого участка черноморского побережья (район Сочи), вся территория России лежит в пределах зоны четко выраженного сезонного климата со снежной зимой. Границей этой зоны является изолиния январской изотермы 0°C , которая, по мнению Л. Н. Гумилева, и отделяет собственно Западную Европу от остального евразийского континента [17, с. 26, 169]. На территории России годовые амплитуды крайних среднемесячных температур возрастают от $20\text{--}28^{\circ}\text{C}$ на западе Русской равнины до $50\text{--}70^{\circ}$ в центральных частях Восточной Сибири, обозначая таким образом усиливающуюся к востоку суровость климатических условий.

Суровый климат в сочетании с горным рельефом и широким распространением многолетнемерзлых грунтов чрезвычайно затрудняет сколько-нибудь широкое, в том числе земледельческое, освоение азиатской части России. Исключение составляют участки равнин в долинах крупных рек – Лены, Ангары, Амура, – где климатические условия оказываются благоприятными для земледелия: сумма среднемесячных температур, превышающих 10° , достигает 1400° , что позволяет выращивать здесь ранние зерновые культуры.

Наиболее же благоприятными условиями для жизни населения и для широкого земледельческого освоения обладает территория, охватывающая южную половину европейской части России и юг Западной Сибири. С севера эту территорию ограничивают изолинии сумм среднемесячных активных температур (более 10°), достигающие $1400\text{--}1600^{\circ}$ и представляющие собой северный предел устойчивого овощеводства и выращивания зерновых культур. Южный предел этой полосы образует граница безводной области, где коэффициент увлажнения оказывается меньше $0,33$. При сопоставлении этих данных со схемой природно-зональной дифференциации видно, что эти, наилучшие, земли России, образующие огромный треугольник, обращенный широким основанием на запад, охватывают южную часть таежной зоны, смешаннолесную,

широколиственнолесную и лесостепную зоны и зону степей и имеют тенденцию выклиниваться по направлению к востоку. При рассмотрении современного использования земель и размещения (плотности) населения становится очевидным и то, что эти же лучшие земли образуют зону с наиболее густым населением и очень интенсивным и многообразным использованием земель, тогда как за пределами этой зоны использование земель остается преимущественно промысловым (охотничьи угодья, пастбища, лесозаготовки).

Судя по размещению пахотных угодий, в сравнении с приведенной картой, можно, вероятно, говорить и о том, что территории, пригодные для земледелия, освоены в современной России почти полностью, а процесс продвижения земледелия на восток в плане ретроспективного анализа событий XV–XX веков представляет немалый интерес с точки зрения выявления основных мотивов и исторических этапов этого освоения.

В той же полосе лучших земель России происходит, особенно на современном этапе, чрезвычайно активный процесс формирования городских центров и крупных транспортных коммуникаций. Эти виды использования земель вступают здесь в конкуренцию с сельскохозяйственными территориями и наносят прямой ущерб не только ресурсной базе сельского хозяйства, но и качественному состоянию окружающей природной среды.

На территориях, трудно доступных для широкого освоения (Север, Центральная и Восточная Сибирь), современные городские центры возникают локально, главным образом как горнопромышленные ареалы. Их освоение и поддержание в них нормальных условий для жизнеобеспечения человека требует немалых усилий и мощных технических средств. Эти трудные земли занимают в России приблизительно 64–67% всей территории страны и оказываются наименее нарушенными. Именно здесь размещаются коренные малочисленные народы, ведущие традиционное хозяйство. Как отмечено в [1], вековые знания и опыт этих народов позволяют им поддержи-

вать на используемых землях определенную «модель устойчивого развития» (корректнее, с наших позиций, – «устойчивого существования»), которая базируется на традиционно сбалансированном потреблении возобновляемых природных ресурсов (оленьи пастбища, морской и пушной промысел, охота, рыболовство) и лимитируется самим наличием ресурсов. Очаги же промышленного освоения являются по существу точками возмущения достигнутой здесь устойчивости и основной причиной возникновения достаточно острых экологических проблем.

* * *

От сугубо научного анализа – переходим к дневникам и художественной литературе: «Со страниц описаний, дневников, донесений живописными, яркими картинками встают рождественские, пасхальные базары с тысячами замороженных туш свинины и говядины. Грудами битой дичи, горами яблок, фруктов и всевозможных овощей, кулями зерна, туесами ягод и т.п. И ведь все это было не только в XV или XVIII вв., а фактически совсем недавно и исчезло едва ли не на наших глазах. Подобные базары описаны не почерком средневекового писца, а нашим писателем, скончавшимся в эмиграции, – И. С. Шмелевым в его романе “Лето Господне”. А как не поразиться свидетельствам иностранцев об одеждах простых русских людей, украшенных жемчугами и бриллиантами, что в Европе было исключительно привилегией вельмож. Одежда из мехов была... обычным предметом гардероба любого русского человека... Всего было много и все было дешево. Это изобилие, буквально ошеломлявшее иностранцев, в то время как в Европе употребляли в пищу скворцов и жаворонков, и такая же вдобавок невероятная дешевизна, позволявшая человеку за несколько коп. обеспечить себя доброкачественной провизией, убедительней всяких трактатов и архивных изысканий говорят о мощи и здорье России <...> Когда всего много для всех, а не для жирной кучки присосавшихся к народному телу дармоедов, тогда

дешевые продукты и товары – естественное явление, и цены в стране могли оставаться неизменными в течение века» [41].

Избыток продукции позволял развернуть широкую торговлю на внешнем рынке. Россия вывозила за границу громадные излишки хлеба, меха, жемчуг, тысячи пудов воска, патоки, меда, парусину, пеньку. Вплоть до первой половины XIX в. русский воск использовали в Европе в производстве свечей, Россия освещала всю Европу. В Европе русский воск использовали и в литье по восковым моделям. В обмен на воск Россия ввозила серебро и олово.

Поташ из России применялся в стекольном производстве – особенно в производство «богемского стекла» (чешского хрусталя), в мыловарении, при выработке сукон и отбеливании тканей, в производстве пороха.

Русский корабельный лес пользовался большим спросом на рынках Европы; для постройки корпуса парусного военного судна требовалось около двух тысяч дубов. В XVI в. Россия продавала корабли, использовавшиеся для речного судоходства и каботажного плавания, даже в Испанию. Поэтому возводить начало русского кораблестроения к петровским временам – неверно.

В конце XVIII в. Россия была крупнейшим в мире производителем железа и вывозила его в Англию [15]. Статуя Свободы в США сделана из русской меди, каркас ее сварен из стальных прутьев и покрыт листами меди нижнетагильского производства. Эта медь на Всемирной Парижской выставке 1867 г. была удостоена золотой медали.

В 1898 г. Россия стала мировым лидером по добыче нефти [32]. Нефтяные масла российского производства на Парижской выставке 1878 г. также были удостоены золотой медали. С этого периода, в частности, весь военно-морской флот Франции использовал только русские нефтяные масла.

Кроме того, в России была самая развитая энергетика. Ветряки давали суммарную мощность более 6–7 млрд киловатт, плюс водяные двигатели около 2 млрд квт. По выкладкам Ф. Я. Шипунова, СССР смог достичь энергетической мощ-

ности дореволюционной России лишь в 1975 г. (несмотря на лампочку Ильича) [50]. И таких примеров множество в самых различных областях... однако не это главное...

По словам Ф. Я. Шипунова: «Промышленно развитую страну можно создать на любом конце света, на любом континенте за 10–15 лет, с ракетами, бомбами, танками, автомобилями, тракторами и т.п. А вот создать аграрно развитую страну со свободным тружеником – крестьянином, с самобытным крестьянским строем, могли лишь отдельные страны за столетия. Именно такой страной, самой высочайшей державой по идеалам крестьянствования и сельского хозяйства, была наша Россия».

* * *

Таким образом, важнейшими выводами по данной главе являются следующие:

1. В историческом процессе первостепенно духовное начало, однако важнейшую роль играет и природный механизм поддержания экологического равновесия в социоестественных системах;

2. поддержание экологического равновесия в социоестественных системах осуществляется действием отрицательных обратных связей (природные катаклизмы, социально-политические кризисы, войны); действие положительных обратных связей проявляется в росте материального благосостояния цивилизации, гедонистическом ее настрое (что находит отражение в культуре цивилизаций) и, как следствие, в тенденции к потере духовного и экологического равновесия;

3. потеря экологического равновесия имеет следствием развитие кризиса в цивилизации и в биосфере; с позиций универсального эволюционизма кризис вызывается резонансным совпадением неблагоприятных явлений в социоестественной системе (экономические, экологические, социальные, политические); с позиций креационной науки последовательность развития кризиса жестко детерминирована: кризис духовный, иде-

ологический (находящие отражение в культуре цивилизации), экологический (проявление духовного кризиса в материальной сфере), социально-экономический (следствие экологического), политический (следствие социально-экономического);

4. кризисные явления в социоестественных системах представляют собой помехи (сбои в каналах передачи энергии и информации); однако в отсутствие помех система обречена на деградацию и гибель;

5. суровость российского климата промыслительна, поскольку обеспечивает оптимальное действие помех в социоестественных системах, не давая им быстро и окончательно деградировать; при этом помехи частичные не переходят в помехи предельные;

6. в цивилизации и техносфере механизм поддержания равновесия проявляется путем тенденции к упрощению систем, которое к настоящему времени отчасти достигается в процессе «глобализации», означающем интеграцию в политической, экономической, технической, культурной, идеологической и религиозной областях (возникновение транснациональных корпораций, формирование массовой культуры, «культуры мира», толерантности);

7. с позиций Православия и экологии (креационный подход) русская цивилизация представляется уникальной в качестве гаранта духовного и экологического равновесия на планете, являясь крупнейшим носителем идеологии непотребительства и разумного аскетизма.

Литература:

1. Айпин Е. Д. Зеленый мир. 1997, № 23. С. 2.
2. Антипова А. В. Эколого-ресурсный потенциал России и США. // В кн.: Человек и природа: Проблемы СЕИ. Вып. 8. М., 1996.
3. Антипова А. В., Кочуров Б. И. Научная школа по оценке и картографированию экологических ситуаций. Проблемы региональной экологии, 1999, № 3. С. 60–75.

4. Антипова А. В. Эколого-ресурсный потенциал природных ландшафтов России. Поиск истоков // В кн.: Социо-естественная история. Вып. XV. **Генезис кризисов природы и общества в России.** Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 2000.
5. Асмолов А. Г. Формирование установок толерантного сознания как теоретическая и практическая задача // В кн.: Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М.: Независимый институт коммуникастики, 2002.
6. Базилевич Н. И., Родин Л. Е. Картограмма продуктивности и биологического круговорота в главнейших типах растительности суши Земли. Известия ВГО, 1991. Т. 99, № 3.
7. Базилевич Н. И. Биологическая продуктивность экосистем Северной Евразии. М.: Наука, 1993.
8. Басаликас А. Антропогенизированный ландшафт – высшая ступень геосистемной организации. Сб. статей для XXIII Межд. геогр. конгресса. Вильнюс, 1976.
9. Большаков А. А. Древняя Русь IX–XIII вв. **Очерки истории и антропоэкологии.** М.: МНЭПУ, 1997.
10. Бродский А. К. Краткий курс общей экологии. Санкт-Петербургский университет, СПб., 1992.
11. Будыко М. И. Изменения климата. Л., 1974.
12. Бучинский И. Е. О климате прошлого Русской равнины. Л., 1958.
13. Величко А. А. Глобальные изменения климата и реакция ландшафтной оболочки. Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1991, № 5. С. 5–23.
14. Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005.
15. Вопросы истории, 1984, № 1. С. 49.
16. Герасимов И. П. Происхождение природы современных географических зон на территории СССР. Известия АН СССР. Сер. Геогр. 1951, № 2.

17. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. М., 1993.
18. Дулов А. В. Географическая среда и история России: конец XV – середина XIX. М.: Наука, 1983.
19. Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
20. Забегайло О. Н. Духовное понимание истории. М.: Серебряные нити, 2009.
21. Исаченко А. Г. Классификация ландшафтов СССР. Известия ВГО, 1975, № 4.
22. Исаченко А. Г. Ландшафты СССР. Л.: ЛГУ, 1985.
23. Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
24. Коротаев А. В. Периодизация истории Мир-Системы и математические макромоделли социально-исторических процессов. История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. М.: КомКнига, 2006.
25. Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. 2-е изд. М.: УРСС, 2007.
26. Котляков В. И., Гросвальд М. Г., Кренке А. Н. Климат Земли: прошлое, настоящее, будущее. Сер. Науки о Земле, № 12. М.: Знание, 1985.
27. Кочуров Б. И. (авторский коллектив). Карта экологических ситуаций в границах бывшего СССР. М.: ИГ РАН, 1992.
28. Кочуров Б. И. География экологических ситуаций (экодиагностика территорий). М.: ИГ РАН, 1997.
29. Кривошеина Г. Изучение природных ресурсов и национальная самоидентификация науки в России. Природа и самоорганизация общества // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Московский лицей, 2002.
30. Курдюмов С. П. Режимы с обострением. М.: Физматлит, 2006.

31. Лот А. В поисках фресок Тассилин-Аджера. Л.: Искусство, 1973.
32. Матвейчук А. А., Фукс И. Г. Истоки российской нефти. М.: Древлехранилище, 2008. – 416 с.
33. Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-Пресс, 2002.
34. Назаревский О. Р. Карта оценки природных условий жизни населения СССР. М.: ИГ РАН, 1984.
35. Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.
36. Олейников Ю. В. Природный фактор бытия российского социума. М.: Институт философии РАН, 2003.
37. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2004.
38. Панфилов Д. В. Характеристика адаптивных потребностей человека с точки зрения литоральной концепции антропогенеза. Теория и методика географических исследований экологии человека. М.: ИГ АН СССР, 1974.
39. Приваловская Г. А. Территориальные сочетания природных ресурсов и региональная экологическая обстановка. Нац. доклад «Стратегические ресурсы России». Инф. Материалы. М., 1996.
40. Романова Э. П. и др. Хроноструктурный анализ современных ландшафтов. Изменение природной среды: Глобальный и региональный аспекты. М.: МГУ, 1997.
41. Россия – это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век. М., 2004.
42. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000.
43. Святой Александр Невский, защитник земли Русской. М.: ПСТБИ, 2001.
44. Слепцов А. М. Изменения климата европейской части СССР в XIII–XX вв. Человек и природа // В кн.: Социально-естественная история. Вып. X. Генезис кризисов приоро-

- ды и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
45. Слепцов А. М. История климата Восточной Европы в последние два тысячелетия // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. **Природа и самоорганизация общества**. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Московский лицей, 2002.
 46. Стадницкий Г. В., Родионов А. И. Экология. М.: Высшая школа, 1995.
 47. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе: опыт исчисления. М., 1941.
 48. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003.
 49. Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве. I. М.–Л., 1943.
 50. Чижикова Г. И. Памяти Ф. Я. Шипунова [Электронный ресурс] // Союз Русского Народа. – Электрон. дан. – [М.], 08.2010. – Режим доступа: <http://srn.rusidea.org/?a=402800005>, свободный. – Загл. с экрана.
 51. Население России. Статистика, факты, комментарии, прогнозы [Электронный ресурс] // Агентство РиФ. – Электрон. дан. – [М.], 2010. – Режим доступа: http://www.rf-agency.ru/acn/stat_ru, свободный. – Загл. с экрана.

ГЛАВА 4. ОТ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

4.1. Сохранение единства государства

После Крещения Русь в течение без малого 250 лет, даже несмотря на княжеские междоусобицы, являлась одним из сильнейших государств в Европе. Рубеж XI–XII вв., однако, явился переходным периодом к раздробленности; причем политическая стабильность оказалась характерной лишь для правления Всеволода Ярославича (1078–1093), его сына Владимира Мономаха (1113–1125) и внука Мстислава Великого (1125–1132). Временем наивысшего военно-политического и экономического усиления Руси, расцвета культуры явилось правление Владимира Мономаха (1052–1125).

Политическая обстановка на рубеже IX–XII вв. в Юго-Восточной Европе была крайне сложной и запутанной. По словам Л. Н. Гумилева: «Все было перемешано и перепутано до тех пор, пока Владимир Мономах не внес вооруженной рукой ясность, после чего стало наконец понятно, где свои, а где чужие» [7, с. 6]. Поражение половцев, надолго прекративших набеги на Русь, создало князю Владимиру большую популярность: «слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю». Киевская Русь в обстановке междоусобной борьбы на определенный период вернула при Мономахе свою былую славу. Как отмечал С. М. Соловьев:

«Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворить его общественные потребности».

Разгром Хазарии Святославом и равноапостольным Владимиром подорвал военно-политическое и экономическое господство иудеев в регионе, но не уничтожил его полностью. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона отразило продолжающуюся идеологическую борьбу Православия и иудаизма [13, 19, 30]. Недаром в 1980-е гг. за статью, посвященную всего лишь философски-литературоведческому разбору «Слова», радиостанция «Свобода» обвинила В. В. Кожина в антисемитизме [34].

Крупная иудейская община в Киеве доминировала в экономическом плане еще примерно полтора века. Ее влияние стало расти, когда в нее влилось множество иудеев из Германии. В руках этой общины находилась торговля рабами, которые приобретались у половцев и перепродавались в Египет при посредничестве иудейской общины Херсонеса (Корсуня). Вторым важнейшим аспектом деятельности иудеев было ростовщичество. Торговля и ремесла постепенно переходили в руки иудеев, поскольку община их действовала сообща, в отличие от русских купцов. В 1113 г., после смерти князя Святополка, в Киеве началось восстание против ростовщиков и покровительствовавшей им аристократии. В надежде на прекращение смуты последние призвали на княжение Владимира Мономаха с просьбой «спасти от неистовой черни». Народ разграбил дома аристократии и иудейскую колонию (В. Н. Татищев, Ипатьевская летопись). Подавив смуту, Владимир Мономах увидел необходимость разобраться в ее причинах – приняв власть, он выслал всех иудеев из страны, причем в случае возвращения сохранность их имущества и самой жизни не гарантировались [3, 7, 34].

Устранение иудейского элемента из жизни Русского государства на определенный момент способствовало подавлению потребительского миропонимания.

Был урегулирован ряд норм долгового права, что нашло отражение в Уставе Владимира Мономаха о резах (процентах) и было включено позднее в пространную редакцию «Русской правды». Уставом было улучшено положение должников и закупов (наемников), отменено холопство за долги и установлен точный размер взимаемых процентов для заимодавцев (не более 100%). Устав оградил бедноту от произвола ростовщиков и от порабощения людей за долги.

Важнейшим литературным произведением Мономаха следует считать «Поучение своим детям» (около 1117), включенное в состав Лаврентьевской летописи. Здесь князем нарисован образ идеального христианского властелина. В «Поучении» Мономах выступил как «о земле великой печальник», мудрый государственный деятель Русской земли, «заботливый домовладыка», просвещенный мыслитель, отважный воин и страстный охотник, начитанный книжник, блестящий мастер слова. Обращаясь к детям, автор восклицал: «Дети! Не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужское дело, ничто не может вам вредить!» И добавлял: «Не забывайте убогих, сирот и вдов». Главное в «Поучении» – это призыв к единству Руси, братолюбию, осуждение междоусобиц. Продолжив также законодательную работу Ярослава Мудрого, он внес в «Русскую правду» много изменений. Их целью была необходимость утверждения «закона» – справедливого («праведного») суда по христианским заповедям.

Владимир Мономах был одним из последних великих князей киевских, при которых держалось единство Руси. Киевское княжение он по завещанию передал старшему сыну Мстиславу, создав предпосылку для нового порядка престолонаследия, направленного на централизацию княжеской власти. Княжение Мстислава явилось прямым продолжением дела Мономаха. Древний автор отмечал, что святой благоверный князь Мстислав «был великий правосудец, в воинстве храбр и до-

блоразпорядочен, всем соседям его был страшен, к подданным милостив и разсмотрителен. Во время его все русские князи жили в совершенной тишине и не смел один другаго обидеть. Сего ради его вси именовали Мстислав Великий. Подати при нем хотя были велики, но всем уравнительны, и для того всии приносили без тягости» (Пересказ В. Н. Татищева).

Западные же страны все в большей степени отдаляются от истинного христианства. Происшедший в 1054 г. отход римской Церкви от Православия знаменовал как бы юридическую сторону вопроса. По инерции мышления и течения исторических событий единое христианство еще продолжало существовать фактически, и только IV Крестовый поход и взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. окончательно размежевали католиков и православных. Запад выбрал приоритет земной власти, что и обусловило его более быстрый прогресс – то есть путь духовной деградации. Но по иронии судьбы Православную Церковь на Западе называют «ортодоксальной», как бы подтверждая ее неразрывную связь с истинным учением Спасителя.

Последующая самоизоляция Руси – прямое следствие этого идеологического размежевания. Весь Запад стал считаться «поганим», и это емкое понятие полностью осмысливается только сейчас: действительно, только «поганые» люди могут думать лишь о земной власти, денежной прибыли, материальных ценностях и удовольствиях, не задумываясь о действительном смысле жизни, не видя всей гибельности пути технического прогресса и роста производительности труда, лишь усиливающих потребительские взгляды на мир.

Русских извечно упрекали в лености и праздности – но это совсем не леность, это – мудрое понимание никчемности и гибельности умножения материальных богатств на этом свете. «Не собирайте себе сокровищ на земле... но собирайте себе сокровища на небе...» (Мф. 6, 19–21) – сказал Спаситель, и Русь по мере сил старалась следовать его словам. Этим словам следовали и все «дикие» народы, не знавшие христианства, которых европейцы также презрительно называли лентяями и бездельниками, не желающими работать.

«Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6, 26). Это – призыв к возврату в биосферу, к единению с природой. Но для европейца, ослепленного рационализмом, это оказывалось уже недоступным.

4.2. Экономика Киевской Руси

Неприятие наживы русским народом обуславливало высокую экологическую культуру хозяйствования, ибо эти понятия связаны между собой неразрывно.

В экономике Киевской Руси можно выделить четыре основных направления – охота и рыболовство, земледелие, скотоводство, ремесла и промыслы [5]:

- объем валовой продукции охоты и рыболовства был значительно выше, чем потребительские потребности людей, занятых в ее производстве, и в целом превышал потребности внутреннего рынка, составляя главные статьи русского экспорта, особенно в ранний киевский период;
- земледелие покрывало потребительские потребности на юге Руси, и его продукция, за исключением неурожайных лет, было достаточно для обеспечения потребностей экспорта – преимущественно на север Руси, где объем местной продукции был ниже потребностей населения; в Киевской Руси, как и в остальной Европе, средняя урожайность зерновых была «сам-3» [24, с. 19];
- скотоводство удовлетворяло потребности внутреннего рынка и обеспечивало объем производимых шкур в достаточном для экспорта количестве; с другой стороны, лошади и крупный рогатый скот импортировались от степных кочевников;
- продукция мелких ремесленных мастерских полностью покрывала местные потребности; более

крупные – городские, княжеские и монастырские мастерские – производили излишек товаров, который в основном поглощался внутренним рынком и отчасти экспортом.

Главными природными богатствами Киевской Руси были ее леса, пахотные земли, реки и озера. Лес поставлял основные русские товары для внешней торговли – мед, воск, пушнину. Условно леса подразделялись на «хоромные» (пригодные для строительства «хором» – домов), «пашенные», не обладающие ценной древесиной и пригодные для раскорчевки и обращения в пашни, и «дикие» – не освоенные и никому не принадлежащие. Такое разделение лесов производилось с учетом их разумного использования.

Поскольку охота играла в Киевской Руси значительную роль и князь чаще всего был страстным охотником, в княжеских имениях большое внимание уделяли разведению охотничьих собак. У некоторых князей были даже охотничьи гепарды. Однако и для князей охота являлась не только развлечением, но и важным промыслом. Еще более важной она была для простых людей, особенно в лесной зоне Северной Руси. Во-первых, охота доставляла пищу значительной части населения, во-вторых, она обеспечивала мехами, нужными для изготовления теплой одежды, уплаты налогов (вместо денег) и торговли; в-третьих, давала шкуры для кожевенных работ.

На животных и птиц охотились при помощи стрел и копий или ловили живьем в сети и ловушки разных типов. Небольшие силки использовались для ловли птиц. Огромные сети развешивали в лесах между деревьев для ловли животных, которых поднимали и направляли в них загонщики. Простолюдины охотились самостоятельно или создавали охотничьи общины, князья и бояре нанимали профессиональных охотников различных специальностей: выжлятников, сокольничих.

Распространенным видом лесного промысла являлось бортничество, пчелы содержались в дуплистых стволах лесных деревьев. Такая колода (борт) могла быть природного происхождения, но чаще всего их специально вырубали в стволах для этой

цели. Стволы затем метились специальным знаком пчеловода («знамя»). В письменных источниках упоминаются уголья с пчелиными ульями, принадлежащие как князьям, так и простым людям. Монахи тоже занимались пчеловодством, и князья для этих целей нередко жаловали часть своих угодий епископам и монастырям. Продукция бортничества – воск и мед – пользовалась огромным спросом как внутри страны, так и за ее пределами. Воск, кроме всего прочего, был необходим для производства церковных свечей; он экспортировался в большом количестве в империю Ромеев и на Запад, а после Крещения Руси стал использоваться также русскими церквями и монастырями.

Христианизация Руси увеличила спрос на рыбу, так как ее употребление предписывалась во время постов. Однако даже в XII в. русские плохо соблюдали посты, а князья по любому поводу старались получить освобождение от них. Только в монастырях посты являлись строгим правилом. Товарное рыболовство развивалось преимущественно на больших реках и озерах. В источниках XII в. упоминаются рыболовецкие артели на севере Руси – например, на реке Волхов и озере Белое. Тогда же галицкие рыбаки обосновались в низовьях Дуная. Самой ценной рыбой считался осетр.

Самостоятельные рыболовы ловили рыбу на удочку на малых реках и прудах, а в товарном рыболовстве преимущественно использовали различные неводы и сети. На севере Руси распространенным был способ перегораживания малой реки частоколом. В этом случае в частоколе оставляли несколько отверстий, к которым привязывали плетеные корзины для ловли рыбы (верши). Хотя этот способ упоминается в источниках лишь с XIV в., вряд ли можно сомневаться, что он применялся и раньше.

Берега рек и озер, пригодные для рыболовства, могли находиться в частном владении. Монастыри особенно старались получить собственные рыбные уголья, чтобы обеспечить братию необходимым запасом рыбы на время постов.

Следует также упомянуть ловлю моржей в Северном Ледовитом океане и на Белом море. Моржей в основном до-

бывали из-за их клыков («рыбий зуб»); новгородцы торговали ими уже в начале XII в.

В хозяйственно-экономическом плане на Руси существовало изначальное природное и, следовательно, экономическое различие между севером и югом – лесной и лесостепной зонами. Различия между южными провинциями – производителями зерна и северными провинциями – потребителями хлеба – проходят через всю историю России и сохраняются даже в наши дни.

Граница леса и степи – уникальная полоса биосферы, место соприкосновения культур и цивилизаций, жителей степей и лесов, скотоводов и земледельцев, кочевников и оседлого населения. В прошедшем тысячелетии граница двух природно-климатических зон – леса и степи в Восточной Европе, не была неизменной. Полоса лесостепи то сужалась до нескольких километров (местами – сотен метров), то расширялась до десятков и даже сотен километров, то отступала на север на сотни километров, то на сотни километров наступала на юг. И вся эта пульсация в очень малой мере зависела от природы, но отражала взаимоотношения народов и специфику их существования. Особое значение для истории России имеет второе тысячелетие по Р.Х., а в первой половине его – контакты славян и тюрок в восточноевропейской лесостепи [18].

На севере региона славяне, литовцы и финны издревле занимались сельским хозяйством (данные археологии). Начало Средневековья (V–VI вв.) в лесной зоне отмечено двумя крупными событиями: распространением подсечного земледелия на севере и развитием пахотного земледелия на юге лесной зоны. Согласно письменным источникам, славяне в VIII в. снабжали зерном хазар и мадьяр. Из «Повести временных лет» известно, в частности, что вятичи платили дань хазарам по одной монете с сохи, следовательно, соха была их главным средством к существованию. В письменных источниках Киевского периода встречается масса упоминаний о земледелии и зерновых [5]. Как отмечалось выше, использовались подсечно-огневая и переложная системы земледелия.

Подсечно-огневая система: на выбранной территории лесного массива деревья подсекают – на них подрезывают кору, что ведет к подсыханию и гибели (позже перешли к непосредственной рубке). Через 5–15 лет после подсечки или спустя 1–2 года после рубки, когда деревья высохли, их сжигали. Выжженные участки леса, пригодные для земледелия, назывались «лиады» (единственное число – «лиадо»). Вся операция в целом называлась «подсека» (вырубка) или «лиада» (выжигание). После выжига в золу производили посев, а через 2–3 года выращивания сельскохозяйственных культур на естественно плодородной почве участок забрасывали, и на подсеке снова вырастал лес (вновь поросшие участки земли в лесу были известны как «лиадины»). Такое поле давало хороший урожай первый год без обработки земли; потом требовалось рыхление участка ручными орудиями; через два-три года поле истощалось, и его оставляли под перелог, пока не вырастал лес. Подчас такая форма земледелия требовала время от времени менять место поселения. Задача по очистке и уходу за лиадами, требовавшая тяжелого труда и большого количества работников, была не под силу одной крестьянской семье; примитивное земледелие в лесах предполагало существование объединений в форме общин («задруга»).

Расчищенный участок использовался 1–3 года на песчаных почвах и до 5–8 лет на суглинистых, после чего его оставляли зарастать лесом либо некоторое время использовали как сенокос или пастбище. Общая длительность хозяйственного цикла составляла 40–80 лет.

Большие затраты труда на расчистку леса окупались высокими урожаями. Другие существенные достоинства подсечной системы – независимость от скотоводства и специальных средств производства.

При отсутствии внешних воздействий (рубок, выпаса скота) за время «отдыха» возобновлялся процесс почвообразования и восстанавливался единый гумусовый горизонт. Считается, что «отдыха» в течение 40–60 лет хватало для практически полного восстановления структуры и плодородо-

дия почвы. Это можно допустить для центра и юга лесной зоны, где сравнительно высока скорость биотического круговорота. Однако для восстановления почв на севере Восточной Европы должен требоваться как минимум в два-три раза более продолжительный срок.

Недостаточность периода отдыха для восстановления плодородия и структуры почвы – одна из проблем, связанных с подсечной системой земледелия. Перечислить все особенности трансформации живого покрова, связанные с подсечно-огневой системой, весьма сложно, поскольку подсечное земледелие не было только сельскохозяйственной практикой. Оно являлось системой природопользования, включавшей собственно земледелие, рубки, палы, а во многих районах также выпас скота и сенокосение. Некоторые из последствий подсечно-огневой системы – обнажение поверхности почвы, инициация поверхностного перемыва, обезыливание верхнего горизонта почвы, выравнивание микрорельефа, обеднение почвенной фауны (прежде всего мезофауны), увеличение поверхностного стока и эрозия почв, увеличение пожароопасности лесов.

Хотя площадь обрабатываемых участков сравнительно невелика, а длительность цикла кажется большой, за сотни лет огромные территории были глубоко преобразованы подсечкой. Количественные оценки охвата территорий подсечным земледелием в период Средневековья отсутствуют, однако можно привести пример Финляндии, где за XVIII–XIX вв. через подсеку прошло 85% территории.

На юге и в центре лесной зоны последствия подсечной системы особенно быстро отразились на территориях с легкими почвообразующими породами (в частности, на территориях полесий). На массивах песчаных почв были сформированы специфические пирогенные экосистемы, где в древесной растительности доминировала сосна.

На севере развитие подсечно-огневого земледелия, сопряженного с массовым выжиганием лесов, привело к отступлению на юг северных границ ареалов широколиственных видов (ильма, липы, дуба и др.) и, в результате, к формирова-

нию таежной зоны. В это же время развитие домашнего оленеводства, также сопровождаемое усиленным выжиганием лесов на их северной границе, привело к развитию зоны тундр.

Переложная система господствовала в степных районах: после снятия нескольких урожаев возделываемую территорию оставляли на 8–15 лет для восстановления плодородия почвы. Разновидностью этого являлась залежная система земледелия, при которой выпаханное и засоренное поле оставляли без обработки на срок свыше 15 лет.

На начальной стадии развития земледелия в лесной зоне топор являлся главным сельскохозяйственным инструментом, второе место занимала мотыга. На этой стадии не было необходимости в использовании тягловой силы; в верховьях Волги, в частности, лошадь первоначально использовалась на мясо, а не для работы, и только около V в. ее приспособили для сельскохозяйственных работ.

Для обработки почвы использовали сравнительно мощные орудия – прежде всего соху (северный русский плуг), представляющую собой деревянное орудие с тремя зубьями; позже ее сделали более эффективной, добавив металлический лемех. На юге настоящий плуг (рало) использовался со скифских времен. Соху тянула лошадь или несколько лошадей, а рало – лошади или волю.

Из зерновых на юге как основные культуры выращивали полбу, пшеницу, гречиху, на севере – рожь, овес и ячмень. В дальнейшем, при трехпольной системе, возделывали только волокнистые культуры, пригодные для ткачества (лен и коноплю), а также бобовые (горох и чечевицу), капусту, лук, чеснок, тыкву и репу. Последняя до появления картофеля являлась важнейшим пищевым продуктом на Руси.

Поддержание плодородия почвы возможно было либо при периодическом предоставлении ей продолжительного отдыха (как, возможно, происходило при «классической» подсеке), либо при ее достаточном унавоживании, когда происходит окультуривание почв. Говоря об окультуривании почвы при внесении навоза, имеют в виду уже значительно вы-

паханные почвы. Данные о внесении навоза в лесные (только что расчищенные) почвы учеными не отмечены. Во-первых, этого не требовалось, а во-вторых, лесные расчистки рассматривались как более выгодная альтернатива навозной пашне. Получение достаточного количества навоза во все времена оставалось нереальной задачей.

Обе системы земледелия обуславливали малонаселенность деревень. Минимальная земельная площадь для жизнеобеспечения одной семьи составляла 100 десятин (десятина примерно равна 1,1 га [33]). От одного пашенного участка в лесу до другого в среднем было 10–20 верст ([1, с. 591, 4, с. 58], см. также подробно работы В. П. Петрова и Э. С. Кульпина).

«Полагая, что в южных степных областях господствовала переложная система, при которой плотность населения (по западноевропейским данным) около 6 человек на 1 км², а в северных областях – подсека (или в меньшей степени перелог), плотность населения при которых в среднем 4 человека на 1 км², в московских лесных краях – 2 человека, а у кочевников южных степей – 1,2 человека (считая по 6–7 человек на семью кочевника), Урланис произвел умножение этих цифр на площадь территории Руси» [6].

В разных регионах Руси размеры сельских поселений были различны: севернее Волги, как правило, деревеньки в 1–2 двора, южнее – в 4–10 дворов. На плодородных землях южных княжеств – и более многодворные. Всего на Руси X–XIII вв. существовало около 50–75 деревень [4, с. 58]; подавляющее большинство населения проживало в маленьких деревеньках в 2–3 двора.

В происходивших миграционных процессах движущей силой были крестьяне, а затем и православные монахи (иногда – наоборот); после приходили князья и аристократия.

Одной из основных систем пахотного земледелия в Восточной Европе являлось трехполье. Во второй половине I тысячелетия по Р.Х. пахотное земледелие охватило уже весь центр Восточной Европы – современную зону смешанных лесов. В XI–XII вв. практически полностью были освоены водораз-

дельные территории центральных и северо-западных районов. Например, на территории современной Московской области на одно сельское поселение приходилось около 10 км² сельхозугодий. Максимальной численности население центральных и северо-восточных районов достигает в XIV–XV вв., увеличившись за сто лет более чем в два раза (тогда как в южных, лесостепных районах население несколько уменьшается). В это время во владениях Новгорода, например, деревни размещались через каждые 1–2 км. Достигнута предельная плотность поселений, и начинает увеличиваться их размер: в первой половине XVI в. средний размер поселения в большинстве уездов центральной Руси увеличился до 5–10 дворов.

Площадь земель, освоенных под пашню, значительно превысила возможности их унавоживания, что неизбежно вело к полному истощению почвы. Длительное время навоз просто рассыпался по поверхности земли, и его «силы» хватало лишь на один посев. Усовершенствованная соха, позволившая более эффективно (на несколько посевов) удобрять землю, получила распространение лишь в XVI в.

С ростом населения количество земли становилось ограниченным, и на нее устанавливалась частная собственность. В письменных источниках Киевского периода существуют многочисленные свидетельства того, что регулярно обрабатываемые поля находились в частной собственности. Известны копии документов, в которых детально описываются границы каждого владения. В «Русской Правде» установлены штрафы за распаивание земель вне установленных границ. В этих условиях от переложного земледелия приходилось отказываться, и земля могла быть оставлена под паром только на определенное время. Это привело к появлению двупольной и, позже, трехпольной систем земледелия. Эта стадия была достигнута уже в Киевский период и на юге, и на севере, по крайней мере в наиболее плотно заселенных частях каждого княжества. В отдаленных районах лесной и пограничных районах степной зон подсека и перелог, естественно, еще применялись. Лиадная система использовалась в некоторых районах Северной Руси даже в середине XIX в.

Вокруг Киева и других городов существовали огороды, обычно в низких влажных местах, затопляемых весенними паводками («болонье»). О садоводстве в Киевской Руси известно немного; вероятно, яблоневые и вишневые сады существовали с давних времен. По-видимому, в ассортименте фруктов не было большого разнообразия, так как их импортировали из империи Ромеев. В «Патерике» Киево-Печерского монастыря говорится, что монахи выращивали некоторые виды фруктовых деревьев. Монахи тоже имели огороды на монастырских землях, и огородники упоминаются среди людей, живших и работавших в частных поместьях.

В Южной Руси практиковалось разведение лошадей и крупного рогатого скота, представлявшее собой важную отрасль экономики. Князья уделяли особое внимание разведению лошадей, частично в связи с военными нуждами, и огромные табуны лошадей содержались в княжеских имениях. «Русская Правда» содержит большое количество статей, касающихся продажи или кражи скота. Лошади и скот разного рода, включая верблюдов, также импортировались от тюркских кочевников – печенегов и, позднее, половцев. Венгерские иноходцы упоминаются в «Слове о полку Игореве».

Важной отраслью сельского хозяйства являлось птицеводство, птицу держали как для личного потребления, так и для торговли.

Хотя на Руси существовали хозяйства разных размеров, основной объем сельскохозяйственной продукции, несомненно, производился в крупных поместьях. Они были нескольких видов: принадлежащие князьям, боярам, представителям прочих сословий и Церкви. Свидетельства об управлении и внутренней организации больших земельных владений в Киевский период немногочисленны. Боярские поместья, очевидно, строились по образцу княжеских. Некоторые церковные поместья, особенно монастырские, были столь же большими экономическими образованиями, как и княжеские, но они отличались структурой производства и ее организацией. В церковных поместьях не разводили ни лошадей для военных целей, ни охотничьих

собак. Более того, поскольку Церковь осуждала рабовладение, рабский труд использовали очень редко. Характеру природопользования в православных монастырях посвящена глава 6.

Увеличивалось число городских жителей: Новгород на начало XI в. насчитывал 10–15 тыс человек, а к началу XIII в. – до 20–30 тыс Чернигов, Владимир-Волынский, Галич, Полоцк, Смоленск и Владимир-на-Клязьме почти не уступали Новгороду по количеству населения; не намного меньше были Ростов, Суздаль, Рязань; численность же населения других городов, судя по площадям, занимаемым в них кремлями, редко превышала в каждом 1 тыс человек [29].

Самым крупным городом являлся Киев; однако динамика роста численности населения в Новгороде, вероятно, была более внушительной. В середине XI в. – в пору расцвета города и государства – число жителей могло превышать 30 тыс, а перед монгольским нашествием по разным данным колебалось от 37 до 50 тыс человек. Площадь города приближалась к 400 га. В это период только Париж был больше Киева – 100 тыс человек [31]. Д. И. Иловайский, однако, оценивал численность населения Киева в XII в. более 100 тыс [10].

Необходимо учитывать, что любая оценка городского населения в Киевской Руси может быть только гипотетической. В источниках того периода упоминается около трехсот городов. Большинство из них, безусловно, были небольшими поселениями, но среди них были и крупные города (по стандартам того времени). Совокупное население трех крупнейших городов – Киева, Новгорода и Смоленска – составляло, видимо, не менее 400 тыс человек. В целом городское население Руси в конце XII – начале XIII вв. составляло порядка миллиона. Если мы примем цифру в 7,5 млн для всего населения, то городское население составит тринадцать процентов от общего количества, что значительно выше аналогичной доли в Московский период русской истории и соответствует ситуации, достигнутой лишь в конце XIX в.

Русское государство имело определенную **минерально-сырьевую базу**. Железо было единственным металлом, добы-

ваемым в границах Киевской Руси: имелись обширные районы, богатые залегающими близко к поверхности месторождениями железной руды, преимущественно в болотах и по берегам озер. Такие «болотные руды» встречались на западе и севере Руси. При археологических раскопках славянских поселений, датируемых даже Ранним киевским периодом, были обнаружены доказательства добычи и выплавки железа. На севере, в районе Устюжны, болотные руды использовались жившими в округе крестьянами вплоть до XIX в. Железо использовалось главным образом для изготовления оружия и разнообразных инструментов.

Месторождения прочих металлов были скудными. Медь и олово привозили с Кавказа и из Малой Азии. Свинец поступал в основном из Богемии. Из меди отливали церковные колокола. Свинцом, иногда оловянными листами покрывали крыши церквей. Медь также использовали при изготовлении кухонной и другой домашней утвари: котлов, тазов, подсвечников и т.п., а свинец – для печатей. Серебро доставлялось из Богемии, Зауралья, с Кавказа и из империи Ромеев. Золото получали в результате торговли или войны от ромеев и половцев. Золото и серебро использовали для чеканки монет, изготовления печатей и всевозможных сосудов: блюд, чаш и кубков. У некоторых соборных церквей были золоченые купола, а иногда золотыми и серебряными пластинами покрывали определенные части внутренних стен и перегородок.

Искусство металлургии имело высокий уровень. Уже в древний период анты прославились как искусные оружейники, а в IX–X вв. их традиции продолжили поляне. Плавильни и кузницы, литейщики и кузнецы упоминаются по разным поводам во многих источниках этого периода. В Киеве в XII в. кузни занимали специальную часть города, и городские ворота в этом районе назывались Кузнецкими. В Новгороде в начале XIII в. жили искусные литейщики, гвоздильщики и мастера, изготавливавшие щиты.

Соль добывалась в Карпатских горах Галицкого княжества. Другой важный источник соли находился в Крыму, где запасы сформировались естественным путем в мелководных

заливах между полуостровом и материком. На севере новгородцы добывали соль из морской воды путем искусственного испарения. Воду кипятили на больших железных сковородах («цренах») или в огромных котлах («салгах»).

Суровость русского климата обуславливала необходимость строить **дома**, которые могли бы защитить человека во время зимних холодов, что было особенно важно на севере Руси. Поскольку прекрасный лес был в достатке во всей лесной зоне, дома там строили из дерева. В степной зоне деревянные каркасы стен заполняли глиной и штукатурили. Северная русская изба и украинская хата, таким образом, представляют собой два традиционных, естественных типа жилья.

Основным инструментом древних русских **плотников** был топор, и в умении обращаться с ним они достигли высокого мастерства. Изредка в источниках встречается пила, но широкое применение на Руси она нашла только в XVI в. Среди других инструментов упоминаются долото, сверло, тесло.

Важной частью древнерусского плотницкого дела было **судостроение**. Известна конструкция русских лодок X в., выдолбленных из целого ствола. Суда, которыми пользовались новгородские купцы в Балтийском море, были другого типа («насады») и имели лучшие мореходные качества. На аналогичных судах, но, видимо, меньшего размера ходили по рекам, как на севере, так и на юге Руси. Еще меньше был «струг», речное грузовое судно, на нем можно было перевозить до тридцати тонн товаров.

В то время как плотницкое искусство родилось на русской почве и развивалось в соответствии с местными потребностями и традициями, **искусство каменной кладки** было завезено из империи Ромеев в период X–XI вв. Постепенно появились и местные мастера, в конце XII в. город Владимир в Суздальском княжестве превратился в важнейший центр русского строительного ремесла. Владимирцев обычно называли «каменщиками», тогда как новгородцев «плотниками».

Восточным славянам издревле было известно **искусство ткачества**. Для производства пряжи использовали лен и ко-

ноплю. В Киевской Руси с ростом населения, развитием ремесел и торговли потребность в текстильной продукции быстро возрастала. Рост благосостояния высших классов привел к определенному повышению качества жизни и развитию вкуса к роскоши. Появилась необходимость в тонком белье. Новые потребности частично удовлетворялись импортными товарами, но также стимулировали совершенствование технологий отечественных ремесел. Кроме изготовления одежды льняная и пеньковая пряжа были необходимы для технических нужд. Огромный запас веревок требовался для изготовления охотничьих и рыболовных сетей. Из холстины и парусины делали военные палатки. Большое количество морской одежды и канатов шло на оснастку кораблей ежегодных торговых караванов, курсировавших между Киевом и империей Ромеев, и новгородских судов, ходивших в Балтийском море.

В Киевской Руси также производили пряжу и сукно из шерсти, которые в основном использовали в зимней и верхней одежде. Для изготовления головных уборов и зимней обуви применяли фетр. В киевские времена шелковые изделия импортировали из империи Ромеев и с Востока.

Первоначально большая часть холстины и льняного полотна была домотканая, а шерстяное сукно – домашнего валяния. Каждая семейная община представляла собой мастерскую. Женщины пряли и ткали, а мужчины валяли сукно и вили веревки. Когда после Крещения Руси были основаны монастыри, монахи и монахини сами начали производить полотно и сукно.

Скорняжное дело было высоко развито в киевские времена, так как меховая верхняя одежда являлась предметом первой необходимости, особенно на севере Руси, в связи с суровостью климата. Кроме того, меха носили как украшение. О кожевенном деле в источниках содержится только несколько упоминаний.

Гончарное дело было известно русским славянам так же давно, как и прядение.

Отношение к окружающей природной среде на Руси устанавливалось в законодательном порядке, а его нормы ре-

гулировались, как правило, с помощью штрафов. Некоторые штрафы взыскивались в пользу самого государя, что носило характер кары. Статья 75 «Суда Ярослава Владимировича» предусматривала штрафы за самовольно срубленные деревья. В «Русской Правде» Ярославичей (1072) есть статьи об ответственности за всякого рода непозволительные действия по отношению к земле, лесам и диким животным. В связи с важностью охоты как промысла охотничьи угодья охранялись законом. У каждого князя были собственные места для охоты, но угодья, принадлежащие представителям других сословий, а также церквям и монастырям, тоже упоминаются в источниках. В «Русской Правде» предусмотрены суровые наказания за охоту в чужих угодьях, а также за кражу или порчу охотничьих сетей и убийство охотничьей собаки. Часть леса, в которой находились помеченные деревья с ульями, охранялась, а права владельца защищались законом. Штраф в три гривны был установлен в «Русской Правде» за снос чужого улья и в двенадцать гривен за удаление с дерева знака владельца. Все официальные юридические объявления делались на рыночной площади. Согласно «Русской Правде», если в городе или окрестностях ловили вора, то заявитель должен был прежде всего объявить об этом на рыночной площади – это являлось первым шагом в тяжбах такого рода, без чего ни один судья не стал бы начинать разбирательство.

В торговом обороте выделяем внутреннюю и внешнюю торговлю. Внешняя торговля традиционно считалась главной опорой киевской экономики. Однако нельзя также пренебрегать ролью внутренней торговли в Киевский период; если благосостояние аристократии в значительной степени зависело от внешней торговли, то жизнь массы населения еще в большей степени была связана с торговлей внутренней. Исторически существовали внутренние торговые связи между городами и отдаленными регионами Руси. Так, торговля между Киевом и Смоленском происходила еще до установления регулярных торговых отношений между Новгородом, Киевом и Константинополем. Существует много письменных свидетельств о

присутствии иногородних купцов почти в каждом крупном русском городе. Новгородские купцы проявляли особую активность в открытии своих представительств по всей Руси.

Главный фактор развития внутренней торговли в Киевской Руси, как и в других странах, можно усматривать в различии природных ресурсов севера и юга страны. Другим фактором развития внутренней торговли – скорее социальным, чем географическим – являлось различие между городами и сельскими районами.

В области внешней торговли в VIII–IX вв. варяги положили торговый путь через Русь из Балтики в Азовское и Каспийское моря. В X в. русские организовали собственную торговлю в национальном масштабе, продолжая извлекать прибыль из транзитной торговли. Днепровский речной путь вскоре превратился в основную артерию русской торговли, главный южный конец которой теперь был в Константинополе. Таким образом Черное море стало играть более важную роль в русской торговле, чем Каспийское; тем не менее русские продолжали охранять путь на Каспий, и именно с этой точки зрения можно понять важность Тмутаракани в X и XI вв. в русской истории Раннего киевского периода. В конце XI в. дорога на Азовское и Каспийское моря была перекрыта половцами, которые с этого момента – в периоды перемирий – служили посредниками между Русью и Востоком. Сходную роль играли волжские булгары.

Во внешнем торговом обороте Киевской Руси торговля зерном, вероятно, не играла значительной роли. Большую часть объема внешней торговли составляли продукты охоты и лесных промыслов: пушнина, воск и мед.

В Византию в X в. русские экспортировали меха, мед, воск и рабов. Рабы-христиане с XI–XII вв. более не продавались русскими за пределы страны, а продавались ли грекам рабы-язычники, такие как половецкие военнопленные, остается неизвестным, однако половцы продавали заморским купцам русских пленных как рабов. Весьма вероятно, что в XII в. Русь экспортировала в империю Ромеев зерно. Из Византии в те

чение этих трех столетий на Русь импортировали в основном вина, шелка и предметы искусства, такие как иконы и ювелирные украшения, а также фрукты и изделия из стекла.

В страны Востока Русь продавала меха, мед, воск, клыки моржей и – по крайней мере в отдельные периоды – шерстяное сукно и льняное полотно, а покупала там специи, драгоценные камни, шелковые и сатиновые ткани, а также оружие дамасской стали и лошадей. Следует отметить, что некоторые товары, закупаемые русскими у восточных купцов, такие как ювелирные камни, специи, ковры и т.п., шли через Новгород в Западную Европу. В X–XII вв. византийские товары, особенно шелковые ткани, также поступали в Северную Европу через Балтику. Новгородская торговля, таким образом, частично была транзитной.

Другая особенность балтийской торговли состояла в том, что близкие категории товаров в разных случаях экспортировались или импортировались в зависимости от ситуации на международном рынке. Основной предмет экспорта Новгорода и Смоленска в Западную Европу составляли те же три ведущие категории товаров, что и в русско-византийской торговле, – меха, воск и мед. К ним можно добавить лен, пеньку, канаты, холстину и хмель, а также сало, говяжий жир, овчины и шкуры. Из Смоленска также вывозили серебро и серебряные изделия. С Запада ввозили шерстяное сукно, шелк, льняное полотно, иглы, оружие и изделия из стекла. Кроме того, по Балтике на Русь поступали такие металлы, как железо, медь, олово и свинец; а также селедка, вино, соль и пиво.

Русь посылала за границу в основном сырье, а получала из-за границы готовую продукцию и металлы.

В процессе оживленных внешнеторговых отношений русские купцы часто путешествовали за границу, а иностранные приезжали на Русь. Русские купцы появились в Персии и Багдаде уже в девятом и десятом веках. В Константинополе было постоянное поселение русских купцов. Новгородские купцы регулярно посещали остров Визби и города вдоль южного берега Балтийского моря – Померанское побережье. До

середины XII в. некоторые из этих городов, например Волынь и Аркона, оставались славянскими.

В свою очередь, иностранные купцы обустроивались на Руси. В Новгороде было два «иноземных двора»: готландский и немецкий. Довольно большая колония немецких купцов процветала в Смоленске. Армянские, греческие и немецкие купцы обосновались в Киеве. Иудейские купцы, до их высылки Мономахом, в большинстве случаев не были иностранцами. В Суздальском княжестве зарубежную торговлю представляли болгарские, хорезмские и кавказские купцы.

Некоторые русские и иностранные купцы путешествовали самостоятельно, но основной объем торговли, как по суше, так и водным путем, осуществлялся торговыми флотилиями судов и караванами повозок. Этот способ передвижения был наиболее предпочтительным из-за трудных условий того периода. На море, если один из кораблей флотилии терпел бедствие, его команда могла получить помощь с других судов; аналогично на суше, сломавшуюся повозку легче было отремонтировать совместными усилиями, чем в одиночку. При движении по рекам преодоление порогов тоже требовало объединения. И, конечно, путешествие караванами позволяло лучше защититься от воровства и грабежей, особенно в сухопутной торговле при пересечении безлюдных приграничных районов.

Караваны способствовали созданию купеческих объединений, полезных и во многих других отношениях – например, в общей защите купеческих прав и регулировании уровня пошлин и налогов. Объединения купцов рано сложились в Киевской Руси. Из русско-византийских договоров X в. нам известно, что греки должны были выделять средства на содержание русских купцов отдельно по городам. Обычно купцы одного города представляли собой нечто вроде совместного предприятия. В Новгороде они объединялись в «сотни». Богатые купцы, участвовавшие во внешней торговле, создали свое собственное общество под названием «Иваново сто». Вступительный взнос в него доходил до пятидесяти гривен серебром, а также включал определенное количество полотна.

Существенные перемены, которые произошли в средиземноморской торговле после I Крестового похода (1096–1099), подорвали византийскую и русскую черноморскую торговлю, а разграбление Константинополя во время IV Крестового похода (1204) означало полный конец киевской черноморской торговли. Однако развитие в XII в. сухопутной торговли между Киевом и Центральной Европой в определенной мере смягчило неприятные последствия потери византийских рынков. На Балтике торговля продолжала расти, а с ней и значение северных русских городов-республик Новгорода и Пскова. Существовал также сухопутный торговый путь из Германии в эти города; бременские купцы пользовались им в середине XII в.

Русское торговое право Киевского периода имело международный аспект, поскольку отношения между русскими и иностранными купцами регулировались рядом международных торговых договоров и соглашений, начиная с русско-византийского договора X в. В начале XI в. была заключена торговая конвенция между Русью и волжскими булгарами (1006 г.). В 1195 г. торговый договор был заключен между Новгородом, с одной стороны, и «немцами, готландцами и каждым латинским (имеется в виду римско-католическим. – А. Е.) народом» – с другой. Еще более важным и тщательнее разработанным является соглашение между городом Смоленском и Ригой, Готландом и рядом немецких городов Померанского побережья (1229 г.). Оба договора содержат не только торговые статьи, но и уголовные нормы на случай нанесения увечий или убийства русских иностранцами и наоборот. Полное взаимное равенство сторон является беспрецедентной чертой этих документов.

В Докиевской Руси в качестве платежного средства на севере использовали меха, а на юге – скот. Поэтому существовало два термина, обозначавших деньги: куны (шкурки куниц) и скот. В Киевский период использовали оба слова, хотя в реальности к тому времени средством платежа уже служили серебряные пластины и монеты. Золото было редкостью. Иностран-

ные монеты, как восточные (сасанидские, позже арабские), так и западные (римские, позже византийские), в Докиевской Руси ходили в большом количестве. Они имели хождение и в Киевский период, но в княжение Владимира и Ярослава появились также монеты собственной чеканки.

Определенную роль в развитии русской торговли, особенно внешней (по понятным причинам), играли кредитные сделки. Согласно «Русской Правде», процент зависел от срока займа и составлял от 5 до 10% годовых. В византийском праве XI в. законная процентная ставка по кредитам колебалась от 5,5 до 8% годовых в зависимости от условий займа. Поскольку торговля и война были тесно связаны, военные трофеи и дань, выплачиваемая русским побежденными врагами, составляли другой важный источник накопления. Военная добыча делилась между участвовавшими в кампании военачальниками и воинами пропорционально их рангу. Клады драгоценностей и монеты, большое количество которых найдено в различных районах России, являются показателем богатства, накопленного высшими слоями русского общества того периода. Например, клад, обнаруженный в Рязани в 1828 г., содержал более семидесяти фунтов серебряных монет. При раскопках в Рязани, в Киеве, а также в других местах находили большое количество драгоценных камней. По рассказу из «Повести временных лет» о приезде послов императора Генриха IV к Святославу II в 1075 г. ясно, что накопленное русским князем богатство значительно превышало таковое у германского императора. Некоторые купцы, особенно новгородцы, тоже были очень состоятельны.

В целом, по стандартам Средневековья, объем производства в экономике Киевской Руси был весьма впечатляющим; объем чистой продукции покрывал потребительские потребности основной массы населения и удовлетворял (по крайней мере, частично) запросы аристократии в предметах роскоши.

Выделяя отдельные исторические периоды, можно сказать, что периодами **наибольшего подъема экономики** явились княжения равноапостольного князя Владимира, Ярослава

Мудрого, Владимира Мономаха и Мстислава Великого в XI – первой половине XII вв., а также времена княжений сыновей Всеволода Большое Гнездо в Суздале (1218–1227 гг.) непосредственно перед монгольским нашествием [5].

4.3. Поэтическое восприятие природы на Руси

Дошедших до нас литературных произведений XI–XIII вв., содержащих описания природы, относительно немного. В «Поучении» Владимира Мономаха в соответствии с христианскими представлениями мироздание воспринимается в целом как Божественное творение, восхваляя которое, человек тем самым говорит о величии Творца: «...Кто же не воздаст хвалу и не прославляет силу Твою и Твои великие чудеса и блага, устроенные на этом свете: как небо устроено или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные и птицы, и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду дивимся, как из земли создав человека, как разнообразны человеческие лица, если и всех собрать, не все они на одно лицо, но каждый на свой облик, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые расселяются по всем странам, Божьим повелением, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на благо людям, в пищу, на потеху...» Рассказывая о животных и птицах, населяющих леса и поля Руси, Владимир говорит: «Все эти благословения Господь даровал нам для улады и пропитания и удовольствия мужеского».

Владимир Мономах определенно основывает свои сочинения на Писании, перечисляя все созданное Богом в шесть дней. Во фразе о птицах некоторые исследователи усматривают политический подтекст, как «птицы летят весной из рая на уготованные им места, большие и малые, – так и русские князья должны довольствоваться своими княжениями, боль-

шими и малыми, и не искать больших». По мнению Д. С. Лихачева, краткие описания природы в трудах древнерусских авторов «имели своею целью раскрыть символическое значение тех или иных явлений природы, выявить скрытую в ней Божественную мудрость, извлечь моральные уроки, которые природа может преподать человеку». Другие памятники древнерусской литературы также подтверждают эти выводы [4].

Почти в то же время, когда писал великий князь Владимир Мономах, литературно обработал свои дневниковые записи игумен Даниил, совершивший путешествие в Палестину в 1106–1107 гг. Изображая в своем «Хождении» святые места, игумен дал детализированный широкий пейзаж конкретной местности на Иордане. В частности, подробно описал христианскую святыню – Мамврийский дуб, у которого Аврааму явилась Святая Троица. Судя по описанию, Даниил внимательно рассмотрел дерево: «И есть дуб-от не велми высокъ, кроковат (раскидист) велми, и часть ветми, и мнозь плод на нем есть; ветьми же его близ земли приклонилися суть, яко муж можетъ, на земли стоя, досячи ветви его. Втолще же есть полуторы сажени». Даниил описывал Иордан: «Во всем похож Иордан на речку Сновъ (течет по Черниговской земле, впадает в Десну) – и шириной, и глубиной, и тем, что петляет и очень быстро течет, как и Сновъ-река. Глубина же четыре сажени посреди самой купели, как я измерил и проверил сам... Шириной же Иордан – как Сновъ в устье». Далее он описал растительный мир этой местности, вновь сравнивая с родными краями: «... деревья невысокие, похожие на вербу. А выше той купели по берегу Иордана стоит во множестве своего рода лоза, но она не такая, как наша лоза, несколько похожа на кизил; много и тростника. Затоны есть, как у Снови-реки». Затем игумен обратил внимание на обилие здесь животных. В описании пейзажа просматривается искренняя симпатия Даниила к окружающему миру вообще и особенно к далекой Родине. Пейзажи игумена как бы иллюстрируют библейскую историю – тем более поражает органичное вплетение в этот контекст описаний любимой природы Восточно-Европейской равнины.

Крупнейшим мыслителем и писателем 60–70-х гг. XII в. является епископ Кирилл Туровский. Ни по объему литературного наследия, ни по авторитету ему не было равных среди современников. В некоторых произведениях Кирилл создал цельную картину взаимоотношений человека и Бога, человека и природы. В них явственна иерархическая система: «Бог – человек – прочая тварь». В «Слове о расслабленном» Господь Иисус Христос говорит человеку: «...Тебе всю тварь в услужение создал. Небо и земля тебе служат: то влагой, а эта плодами. Ради тебя солнце светит и греет, и луна с звездами ночь освещает! Для тебя облака дождем землю напояют, и земля в службу тебе возвращает всякую траву семенную и дерево плодovitое! Ради тебя реки приносят рыбу, а пустыни питают зверей!» Подчеркивая мысль об исключительности человека в этом мире, один из героев этого произведения говорит: «Не будь словно конь или лошак, у которых нет разума».

Особый интерес представляет «Слово» Кирилла Туровского «В новую неделю после Пасхи» («Слово на антипасху»). Весеннее пробуждение природы является в нем символом воскресения Христова, символом духовного обновления: «Ныне небеса просветившася, темных облак яко вретница (мешок, одежда из грубой ткани) съвлькѣше, и светлым въздухом славу Господню исповедаютъ... Ныне солнце красуяся к высоте възсходить и радуяся землю огреваетъ... Ныня зима... престала есть, и лед... растаяся... Днесь весна красуешься оживляющи земное естъство, и горний ветри тихо повевающе плоды гобзують (умножают), и земля семена питающи зеленую траву ражаеть... Ныне новоражаеми агньци и уньци (ягнята и тельцы) быстро путь перуше (попирая) скачють и скоро к матерем възвращающесе веселять... Ныне древа леторасли (побеги) испущающъ, и цветы благоухания процвитають, и се уже огради (сады) сладьку подавають воню (запах, благоухание), и делатели с надежею тружающесе плододавца Христа призывають... Ныня ратаи (пахари)... уньца к... ярму приводяще, и... рало (соху) в... браздах погружающе, и бразду... прочертающе, семя... есы лающе. Ныня реки... наводняються,

и <...> рыбы плод пушаютъ... Ныне... трудолюбивая бчела... на цветы възлетаючи медвены сты стваряють... Ныня вся доброгласная птица... гнездящеса веселяться...» Дав картину пробуждающейся после зимней стужи природы, епископ Кирилл обратился взором к весенней трудовой деятельности человека, что сделало эту картину всеобъемлющей. Как и во многих других сочинениях древнерусских авторов рассматриваемого периода, мы чувствуем в его произведении величие Господа, сотворившего эту красоту и гармонию. Здесь **не выделяется красота человека и красота природы, но красота видится в гармонии всего сущего.**

Тесную взаимосвязь человека и природы являет и переводная литература, например, «Плач Адама», в основу которого лег канон Иосифа Студита. Перевод этого произведения, включенного в церковную службу, был известен на Руси с XI в. Растения в нем тесно связаны с человеком. «Шумом листьев» и благоуханием цветов они несут ему вначале «веселие неоскудно и наслаждение», а затем выступают символом тяжелых испытаний. Это и «древо разумное», лишившее раю Адама и Еву, и содрогающиеся от бури деревья, и острые «тернии и волчцы», впивающиеся в ноги изгнанников.

В наибольшей степени слитность, единение человека с природой отмечено в «Слове о полку Игореве». Поэтические воззрения славян на природу (именно так называется много томный труд А. Н. Афанасьева) в литературных памятниках наиболее полно отразились именно в «Слове». Мир заполнен животными. В «Слове» отсутствуют лишь упоминания о рыбах и насекомых. Чаще всего упоминаются птицы, связываемые не только традиционно с небом и деревьями, но и со всеми основными частями ландшафта. С полем: «птици... въ поле Половецкомъ», «соколы... чрьсь поля широкая», «врани на болони» (на лугу). На воде: чайки «на струяхъ», «галицы... къ Дону Великому», «зегзицю (чайкой) по Дунаеви», «гоголемь на воду», «соколь... к морю», «дятлове... къ реце». Птицы слышатся всюду: «лебеди распущени», «щекоть славии», «говоръ галичь», «часто врани граяхуть», «гуси и лебеди за-

втроку, и обеду, и ужине», «сороки не троскоташа», и многие другие упоминания птиц, а также птицеобразных существ, например, обиды «с лебедиными крылы». Даже у ветра упоминаются «крыльца».

Звери и птицы в «Слове» представлены как цельный животный мир – «птичь... зверинь». Разные группы животных в произведении связаны в сообщества, например, соколы и лебеди; соловьи и галки; птицы, волки, орлы и лисицы.

Каждая часть ландшафта населена определенными представителями фауны. В поле, например, действуют соколы, орлы, соловьи, галки, кречеты, враны, волки, лисицы, туры. Животные окружают людей, зашедших в поле: «Игорь к Дону воинов ведет! Уже от беды его предостерегают птицы по дубам. Волки страх нагоняют по оврагам, орлы клекотом на кости зверей созывают, лисицы лают на червленые щиты».

Пример связанности, единения человека и природы видим в словах Игоря: «О Донец! Много тебе величия, потому что ты носил князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на твоих серебряных меловых берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленых дерев, ты стерег его гоголем на воде, чайками на перекатах, чернядьми (утками) на ветру».

Приведем высказывания о «Слове» одного из крупнейших исследователей этого памятника Д. С. Лихачева: «Природа воспринимается автором “Слова” только в ее изменениях. Природа введена в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским... Автор “Слова” отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории... Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды – девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов находятся где-то между природой и людьми... Союз природы и человека, с такой силой развернутый в “Слове”, – союз поэтический».

Исследователи отмечают близость «Слова» к другим жанрам народной поэзии – «славам» и «плачам», восходящим к до-

христианской фольклорной традиции. Плачи несут печать полнейшего единения человека с природой, одушевления ее сил.

Древнерусские авторы использовали образы природы в качестве символов-сравнений. Например, традиционным было сравнение князя с солнцем, орлом, соколом, львом. Как правило, поэтические сравнения, использующие образы природы, уходили своими корнями в мифологическое прошлое. Обычна для древнерусской литературы аналогия дерево–человек. В переводной, но оказавшей немалое влияние на литературу Древней Руси «Повести об Акире Премудром» (XI–XII вв.) Акир поучает своего сына: «Чадо, древо, отягченное плодами, склоняется, хоть и могучий ствол у него, – в этом и есть красота его: таким и ты будь, окруженный родней и друзьями... Чей род скуден, у кого мало детей и близких, тот и перед лицом врагов своих слаб, и подобен дереву, растущему у дороги, которое обламывают все, кто ни пройдет мимо».

Насыщено символами-сравнениями и «Моление Даниила Заточника» (XII в.). Автор сравнивает себя и со смоковницей («я как та смоковница проклятая: не имею плода покаяния»), и с деревом «при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают...» Как и в «Слове о полку Игореве», природа органично вплетается в повествование «Моления». Но если автор «Слова» в большинстве использует языческую символику, то Даниил Заточник опирается на Библию.

Итак, приведенные многочисленные примеры из древнерусской литературы свидетельствуют о том, что человек и природа в экологическом сознании русских рассматриваемого периода были тесно взаимосвязаны. Древнерусские авторы уделяли «внимание природе преимущественно тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбою действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражаться, в жаре, истомляющей воинов, и т.д. и т.п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повество-

вания. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, она «событийна» – описываются ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета». Писатели как бы еще не осознавали «самостоятельной ценности картинных описаний природы для литературы» (Д. С. Лихачев). С позиций эволюционизма – в данном случае на последнем этапе существования и в период разложения родового строя господствовало архаическое экологическое сознание. С православных позиций – деградация личности и общества еще не затронула важнейших духовных аспектов человеческого бытия. В чем обе мировоззренческие системы едины – человек, как правило, не отделял себя от природы.

Косвенно эти выводы подтверждает и анализ фольклорных памятников, записанных в более позднее время – в XVII в., когда были сделаны первые записи русского фольклора, в котором, безусловно, сохранились традиционные представления человека о природе, возникшие в глубокой древности. Исследование фольклора показало: «В сознании человека XVII в. еще не произошло его отделения от природы – она живет одной жизнью с героем фольклора, помогает ему, сочувствует, сопереживает вместе с ним, является... активным соучастником фольклорного действия. ...Природа в фольклоре никогда не описывается сама по себе, она интересуется и сказителя, и слушателя лишь в связи с человеком, лишь через его отношение к природным явлениям, к окружающей среде» (Л. Н. Пушкарев).

Естественным образом имело место и обратное эстетическое воздействие человека на природу, формировавшее своеобразный антропогенный ландшафт, не диссонирующий с природой. Далеко не все в русском пейзаже возникло естественно, многое развилось в результате обживания земли человеком. Ежегодно окашиваемые поймы и низины превращались в бархатные луга, планомерно возобновляемые, ухоженные леса становились рощами и дубравами; устраивались пруды, иногда целые каскады садков для рыбы. Не только границы лесов

и полей, но даже местонахождение отдельных деревьев где-нибудь посреди поля было неизменным. Это мы знаем из древних документов и описаний русских земель.

Очень важное свидетельство об этом оставил один из замечательных русских людей XVIII в. А. Т. Болотов, писавший о русском пейзаже как об искусственно созданном: «Во многих местах оставили они (предки) после себя нам то, что ныне ни за какие деньги купить не можно. Вещи, которые отменно украшают селения, дома и сады, но такие, какими мы новые селения свои никак снабдить не можем; потому что для произведения оных потребны целые веки годов».

Главным принципом традиционной сельской ландшафтной застройки России было единство хозяйственных, экологических и эстетических начал организации жизни. Можно, таким образом, повторить, что в рассматриваемый период отчуждение от природы только начинает зарождаться, причем оно более привносится извне, что отмечают и эволюционисты. В экологическом же сознании господствует неразделенность человека и природы.

4.4. Раздробленность государства и ее последствия

После смерти великого князя Мстислава Владимировича, правившего всего 7 лет, летописец записал: «раздрася вся земля русская». По данным С. М. Соловьева, в период с 1055 по 1228 гг. имело место 80 усобиц, многие из которых длились по 12–17 лет. В большинстве усобиц активное участие принимали ближайшие соседи Руси – половцы. Духовные и политические причины междоусобиц хорошо известны, но экологический аспект при этом, как правило, не учитывался.

Никоим образом не отказывая духовным предпосылкам раздробленности в приоритете, отметим, что еще известный русский историк конца XIX в. М. К. Любавский, специализировавшийся на проблемах исторической географии России, рас-

сма­три­вал раз­дроб­лен­ность Руси как за­ко­но­мер­ное след­ствие при­род­ных ус­ло­вий бы­тия на­се­ля­ю­щих ее пле­мен. Счи­тая не­вер­ным пред­став­ле­ние о на­шей тер­ри­то­рии как сплош­ной рав­ни­не, он по­ка­зал ее дей­стви­тель­ную струк­ту­ру – зем­ли, обо­соб­лен­ные ле­са­ми, бо­ло­та­ми, во­до­раз­де­ла­ми, зем­ли, гра­ни­цы ко­то­рых не сов­па­да­ли с пре­де­ла­ми рас­се­ле­ния пле­мен, а ча­сто и пе­ре­се­ка­лись с та­ко­вы­ми: «на од­но пле­мя при­хо­дит­ся по не­сколь­ку “зем­ель”, и, на­обо­рот, на од­ну “зем­лю” при­хо­дит­ся по не­сколь­ку пле­мен... Яс­ное де­ло, что рус­ские зем­ли не бы­ли пле­мен­ны­ми со­ю­за­ми, а чи­сто по­ли­ти­че­ски­ми... Пре­де­лы зем­ель на­ме­че­ны бы­ли до из­вест­ной сте­пени са­мой при­родой... Та­ким об­ра­зом, уже при са­мом рас­се­ле­нии слав­ян про­изо­шло не­ко­то­рое раз­ло­же­ние пле­мен­ной ор­га­ни­за­ции, пе­ре­та­сов­ка пле­мен­но­го де­ле­ния, на ме­сто ста­ро­го выд­ви­ну­лось чи­сто гео­гра­фичес­кое, об­ла­ст­ное». Бо­лее то­го. Эти зем­ли на­се­ля­ли не толь­ко слав­ян­ские пле­мена, но и пред­ста­ви­те­ли уг­ро-фин­нов, бал­тов и ко­че­вых тюрк­ских на­ро­дов.

Та­ким об­ра­зом, ду­хов­ные при­чи­ны – стрем­ле­ние к вла­сти и стя­жа­нию ма­те­ри­аль­ных благ – ес­те­ствен­ным об­ра­зом под­кре­п­ля­лись при­чи­на­ми эко­ло­гичес­ки­ми.

Кон­ф­лик­ты с по­лов­ца­ми до­пол­ни­тель­но спо­соб­ство­ва­ли росту ме­ждо­усо­би­ц, и стран­ным это мо­жет по­ка­зать­ся толь­ко на пер­вый вз­гляд. С уче­том тес­ных род­ствен­ных свя­зей рус­ских кня­зей с по­ловец­ки­ми ха­на­ми мно­гие исто­ри­ки не скло­ны ви­деть при­чину этих во­ен­ных столк­но­ве­ний в меж­эт­ни­че­ских про­ти­во­ре­чиях; вто­р­же­ния по­лов­цев, спро­во­ци­ро­ван­ные при­зы­ва­ми кня­зей к сво­им род­ствен­ни­кам, бы­ли про­яв­ле­нием обы­чной ме­ждо­усо­би­цы, борь­бы за пе­ре­дел вла­сти и соб­ствен­но­сти. Од­на­ко, кро­ме на­зван­ной при­чи­ны, про­ти­во­сто­я­ние име­ло и хо­зяй­ствен­но-при­род­ную по­до­снову, ко­то­рая прак­ти­че­ски не на­хо­ди­ла сво­е­го от­ра­же­ния в пись­мен­ных па­мят­ни­ках и в по­след­ствии иг­но­ри­ро­ва­лась ис­сле­до­ва­те­ля­ми.

Гео­гра­фичес­кая гра­ни­ца ле­са и сте­пи – это Боль­шая кли­ма­ти­че­ская ось Ев­ра­зии, яв­ля­ю­щая­ся вет­ро­раз­де­лом на ма­те­ри­ке. Зи­мой к се­ве­ру от нее, там, где рас­по­ла­га­ет­ся зо­на ле­сов, где в Сред­не­ве­ко­вье жи­ли зем­ле­де­ль­цы, ду­ют теп­лые вет­ры с

запада и юго-запада. К югу, там, где находятся степи, где преобладают сухие и холодные северо-восточные и восточные ветры, в Средневековье жили только кочевники.

Территории к северу от Большой климатической оси Евразии получают зимой больше осадков, чем к югу от нее. Глубокий снежный покров предохраняет почву от чрезмерного промерзания. Весной здесь не только много воды, но вода не сбегает сразу в реки, а постепенно просачивается в почву, увлажняя ее. К югу же от Большой климатической оси Евразии вода весной быстро испаряется, не успев просочиться в мерзлую почву. Степи получают воды не меньше, чем лесные экосистемы весной при таянии снега, а летом от ливневых дождей, однако период обильного увлажнения в степях быстро сменяется засухой [22, с. 27–28, 30, 33–35]. Степь без обводнения мало пригодна для земледелия. Лишь узкая полоса лесостепи (границы леса и степи) – является областью с уровнем плодородия близким к степи, а по осадкам близким к лесам. Славяне стали осваивать эту узкую полосу южнорусской лесостепи с X–XI в. (практически рядом с Киевом, на расстоянии порядка 30–60 км).

С XI в. лесостепь стала местом противостояния половцев и русских. Половцы, как все скотоводческие народы домонгольского периода, кочевали по Большой климатической оси Евразии – вдоль границы леса и степи на широте Харьков-Киев-Кишинев. Начинали они с Хопра и Медведицы в начале лета и постепенно перемещались на запад, появляясь в районе Киева в конце июля – августе, когда поспевала пшеница. Стада, продвигаясь традиционными маршрутами, проходили и через земельные угодья, осуществляя их потраву скотом, что приводило к естественным столкновениям земледельцев и кочевников. Большая часть половецких вторжений пришлась на пограничные со степью Переяславское и Киевское княжества.

Половцы кочевали с востока на запад: от Дона к Киеву. На первый взгляд кажется, что с хозяйственной точки зрения они выбирали не лучший вариант. В степях в «течение сезона меняется кормовая ценность, доступность и количество кормовых

трав. Если привес скота, получаемый на пастбище в мае, принять за 100%, то в июне он составит – 88%, в июле – 78%, августе – 65, сентябре – 58, а в октябре – только 35%» [22, с. 191]. Однако если скот пасти севернее Оси, в европейской лесостепи, где до осени сохраняется кормовая ценность, доступность и количество кормовых трав, то потерь привеса половцы бы не имели. «В луговых степях нет перерыва в вегетации растений и жизнедеятельности животных, вызванного засухой, поэтому экосистема функционирует дольше, чем в более сухих степях. За счет этого общая масса растительности достигает 3,2–4,2 т/га, а животных – 0,4 т/га, что в 5 раз больше, чем в других типах степей» [22, с. 144]. Таким образом, к северу от Оси более мощные черноземы, более устойчивый и влажный климат, больше объем фитомассы. Но, несомненно, у половцев не было возможности забираться в леса.

После гибели гигантских травоядных (мамонты) более мелкие – зубры, туры, тарпаны – уже не могли поддерживать столь высокий уровень мозаичности *биоты* (наличие лесных полян) [21, с. 57]. Известно, что к моменту монгольского нашествия в лесах Восточной Европы поголовье зубров и туров резко снизилось, а тарпаны – злобные, не приручаемые дикие лошади – также истреблялись, поэтому в лесостепи поддерживался низкий уровень мозаичности. Нет сомнений, что если бы у половцев наблюдался демографический рост, то они не ограничились бы лесостепью и стали пасти стада в лесах. Однако малочисленные половцы со своими небольшими стадами не могли поддерживать высокую мозаичность лесостепи и кочевали не с юга на север, а с востока на запад, вступая в естественную конкуренцию за землю у Киева с русскими, осваивавшими под земледелие места летних половецких кочевий – южную степь [18].

Согласно летописям, с 1061 г. до начала XIII в. половцы вторгались в русские пределы 46 раз. В результате междоусобиц и возобновившихся набегов половцев «города все опустели, и села опустели. Пройдем по полям, где паслись раньше табуны коней, стада овец и волон, – все ныне пусто, нивы по-

росли и стали жилищем зверей», – говорит летописец. С XI в. земледельцы стали покидать осваиваемые черноземы северной части южнорусских степей. Они уходили с беспокойного юга на север в трех направлениях: на северо-запад – к Карпатам, на северо-северо-восток – в Ополье и на северо-восток. Перемещение земледельцев к северу было обусловлено также и экстенсивным характером земледелия. Миграция в первых двух направлениях организовывалась или контролировалась князьями, в третьем – была стихийной: крестьяне уходили из-под власти князей в леса. Лес, по утверждению В. О. Ключевского, для русского человека был главным убежищем от врагов и при вражеских нашествиях заменял ему замки и крепости.

Происходившие исторические события вели к снижению численности населения: войны – как внешние, так и усобицы – имели следствием голод и мор. В период с 1024 по 1332 гг. было 42 голодных года, причем иногда голод тянулся 2–3 года и дольше, как в 30-е гг. XIII в. Бедствия голодных лет были «порождены в первую очередь общественными причинами и... их характер, развитие и последствия на Руси обнаруживают близкое сходство с подобными явлениями в других странах Европы» [25]. В результате голода иногда вымирала значительная часть городских жителей. Из-за неблагоприятных природных условий – сильные дожди с 25 марта по 20 июля, ранние морозы – с 14 сентября, в 1230 г. погиб урожай по всем русским землям, за исключением Киева. Голод начался весной следующего года: «Люди почиша мерети». В Смоленске умерло около 32 тыс человек, в Новгороде – около 45 тыс Новгородская летопись впервые говорит о случаях каннибализма: «Мъх ядыху, уш сосну, кору липову и лист ильм. Инии простая чадь резаху люди живыя и ядыху, а инии мъртвая мяса и трупие обрезающее ядыху; а друзии конину, псину, кошки; нь тех (т.е. первых) осочивше (застав) тако творяху, овых огнем ижгоша, а других осекоша, иных извешаша», – то есть для прекращения каннибализма властям пришлось принимать самые крутые меры [4, с. 65]. В Смоленске в тот же год – «мнози своего брата режуще ядаху». Если бы не «помощь» из «заморья», Русская земля

оказалась бы в еще более тяжелом положении. «Немцы» прибыли на кораблях с хлебом и «сотвориши много добра» – конечно, не бескорыстно: «детей своих иностранным продавали и даром отдавали, токмо бы оных не уморить» (В. Н. Татищев). «Помощь» была и с востока – согласно Татищеву – «болгары, учиняя мир, возили жита по Волге и Оке во все грады русские и продавали и тем великую помочь сделали». Великий князь Владимирский Юрий послал в ответ правителям Булгарии «сукна, парчи с золотом и серебром, кости рыбы и другие изясные весчи» [4, с. 66].

Воспроизводство населения тем не менее не прекращалось. В XII в. Церковь разрешала вступать в брак мальчикам 15 лет, девочкам – 12, реально же «женили и одиннадцати лет, выдавали замуж и восьми лет» [26].

Как следствие описанных событий, в X–XII вв. стихийно начинается перемещение народа в северо-восточном направлении – во владимирские и замосковские земли, климатически менее благоприятные, а затем и в Поморье. В эти края бежали от опасности, угрожавшей простолюдину, поскольку обширные лесные массивы давали убежище от княжеской власти, набегов иноземцев и возможность обеспечения безбедного существования благодаря обширной территории, пригодной для подсечно-огневого земледелия, во многом более производительного, чем пашенное.

Во всех этих фактах можно, несомненно, видеть Божий Промysl: постоянное действие отрицательной обратной связи, не дающей обществу окончательно деградировать в духовном плане. Создавать же предельные помехи, ведущие к гибели государства, половцы, в частности, не могли физически – их людские и природные ресурсы были несравнимы с русскими (менее 0,5 млн человек против порядка 5–7 млн).

Несмотря на трагические события, в первой половине XII в. закономерно начинается экономический и политический подъем Владимиро-Суздальской Руси (миграция народа в этом направлении – одна из причин). К концу XII в. появляется новый великокняжеский стол во Владимире. Русь превращалась

в некую конфедерацию княжеств. Важнейший этап этого периода – княжение Юрия Долгорукого, способствовавшее выдвиганию Залесской земли в группу сильнейших государственных образований Восточной Европы. Владимир как столица Владимиро-Суздальской Руси продолжает возвышаться при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо, который первым из владимирских князей принял титул великого князя. Проходят победоносные войны с Булгарией и половцами.

Однако количество княжеств постоянно множилось – если в начале их было 12, то накануне монгольского нашествия – около 50, в конце же XIII в. только в Северо-Восточной Руси по сравнению с периодом после смерти Всеволода Большое Гнездо увеличилось более чем вдвое, а в XIV в. достигало порядка 250. Аналогичные процессы имели место и в Западной Европе, и в Азии. Таким образом, раздробленность на Руси представляется явлением вполне закономерным и общеисторическим. С позиций креационизма это обусловлено моральной деградацией аристократической верхушки и искажением христианского понятия власти. С эволюционных позиций натуральное хозяйство, господствовавшее у восточных славян в VI–XIV вв., и не способствовало интеграции [4, с. 36, 46].

Креационный взгляд подтверждается тем фактом, что сами княжеские усобицы имели сугубо языческую природу – стремление к личной власти ради материальных стяжаний. Однако существенным отличием от Запада являлось то, что русская аристократия в массе своей всегда хорошо понимала греховность своего поведения, отход от истинного христианства, осознавая при этом свое бессилие противостоять мирским соблазнам, стремлению к власти и обогащению.

Особое место в русской истории занимает аристократическая **Новгородская республика**. Один из крупнейших городов Европы – Новгород – возвысил свое могущество в первую очередь за счет активной торговли в балтийском регионе, Восточной Европе и Азии, а также за счет использования ресурсов северо-восточных регионов Европы. Именно богатство Новгорода и влияние западного миропонимания благоприятство-

вали серьезным политическим переменам в XI–XII вв., когда управление фактически приняло республиканский характер. С позиций креационизма это – явная деградация общества, обусловленная его духовным разложением, с позиций эволюционизма – прогресс в политической области. Верховный орган власти Новгородской земли – вече, на котором решались все основные проблемы, проходило избрание на руководящие должности. «Господин Великий Новгород» приглашал князей на правление, заключая с ними договор, существенно ограничивающий княжеские права. Власть в Новгородской земле фактически принадлежала зажиточной верхушке общества и прежде всего – боярству. Князья в Новгороде, как правило, долго не задерживались: за период с 1095 по 1304 гг. здесь княжило около 40 представителей суздальской, смоленской и черниговской ветвей. Власть же менялась за это время 58 раз, поскольку некоторые князья правили не единожды [4, с. 39]. Православное понимание сути власти, неэкологичность республиканской формы правления подробно рассмотрены в гл. 10.

Рационализму, как на Востоке, так и на Западе, могло противостоять только истинное христианство. Своеобразные формы охраны природных богатств сложились во Владимиро-Волынском княжестве в XIII в. На определенной территории здесь целиком запрещалась охота на всех животных. Это был первый заповедник – Беловежская пушча.

Со времен Антония и Феодосия Печерских православные монастыри становятся образцами христианского жития не только в духовном, но и в экономическом аспекте – высочайшая степень экологичности ведения монастырского хозяйства является примером для современности. Этому важнейшему вопросу в данной работе посвящена гл. 6.

В результате междоусобиц Киев постепенно перестает быть политическим центром Руси и теряет свое былое значение. Формируются два крупных политических центра: Владимиро-Суздальская Русь и Галицко-Волынская Русь, тяготеющие соответственно к сохранению Православия или ориентирующиеся на Запад.

4.5. Монгольское нашествие — отрицательная обратная связь

В 1237 г. на Северо-Восточную Русь обрушилось монгольское нашествие. В 1239–1241 гг. произошел разгром Киева и Южной Руси. Только на рубеже 30-х – 40-х гг. XIII в. погибло и было уведено в плен не менее 10% от общего числа жителей русских княжеств, разрушено около 2/3 русских городов. По данным археологии, в этот период на Руси существовало 74 города. В 14 городах жизнь после нашествия так и не возобновилась, почти столько же городов превратились в села [4, с. 43; 5].

Всего во второй половине XIII в. совершено около 15 крупных вторжений монголов на Русь, главным образом – в последней четверти столетия. Владимирские и суздальские земли опустошались тогда 5 раз, курские – 7. Опустели пашни, исчезли многие виды ремесел, причем некоторые – навсегда. Иные ремесла возродились лишь через полтора-два столетия (резьба по камню, чернь, скань), а стеклоделие, в частности, лишь в конце XVII в.

Возникает новое государство, Золотая Орда – западный улус Монгольской державы (улус Джучи), включавшая территории Восточной Европы, Средней Азии и Западной Сибири. На Руси устанавливается монгольское иго.

Духовные причины происшедшего были сразу же осознаны современниками: «Се же бысть за грехи наша... Господь силу от нас отъя, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наша».

В рассмотренном выше поэтическом восприятии событий и природы необходимо отметить, что природа в «плачах», созданных в период и после монгольского нашествия, соучаствует герою, она его непременно слышит: «Солнце мое драгое, рано заходящее, месяцы красный, скоро изгибли есте, звезды восточные, почто рано зашли есте!.. О земля, земля, о дубравы, поплачите со мною!» («Повесть о разорении Рязани», XIII в.).

Характерным для древнерусской литературы является «ландшафтное», «панорамное зрение» при изображении исторических событий. В «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.) панорамный пейзаж Родины сделан как бы в движении с высоты птичьего полета. Обозреваемая панорама простирается от «угорь и... чахов» на западе «до болгарь и буртасов» на Волге, от Дышащего (Северного ледовитого или Белого) моря до Царьграда. Важно отметить, что в пейзаже присутствует человек и плоды его трудов: строения, посадки. Такой грандиозной панорамы всей Русской земли с характерными признаками ее ландшафта более нет в дошедших до нас памятниках древнерусской литературы: «О, светло светлая и украсно украшена, земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси, реками и кладязми месточестьными (почитаемыми в определенных местностях), горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными (садами монастырскими), дома церковьными и князми грозными, бояры честными, вельможамы многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававерьная вера християньская!»

Вместе с тем кроме духовных имели место и сугубо материальные причины. Во многих работах по истории кочевых обществ отмечается влияние глобальных и локальных природных явлений на военную активность кочевников, их нашествия и миграции на территории земледельческих государств. Однако с любых позиций речь идет о Божественном Промысле, действие которого проявляется, в частности, и в естественных законах.

По мнению климатологов, максимум увлажнения по всей Европе наблюдался в XIII в., особенно в первой его половине, что благоприятствовало повышению среднего материального уровня жизни и росту численности населения. При этом одни авторы полагают, что эпохи увлажнения являлись периодами мира и стабильности и только в засушливые годы кочевники вынуждены были обращаться к завоеваниям и переселени-

ям. По мнению других исследователей, все было наоборот: успешные войны совершали не скопища голодных и бедных скотоводов, а дисциплинированные воины на сытых, откормленных конях, опираясь при этом на богатые прочные тылы. Последняя версия представляется гораздо более вероятной. Однако следует заметить, что рациональные аргументы есть и в первой, и во второй точках зрения: полуголодным кочевникам явно не под силу было подчинить огромные территории от Амура до Дуная; но, с другой стороны, засухи и другие природные катаклизмы могли стать непосредственной причиной миграции и завоеваний [18].

Другая важная сторона проблемы заключается в том, что необходимо различать глобальные колебания климата (усыхание, похолодание) и локальные, незначительные по времени природные стрессы. Относительно последних можно с полной определенностью сказать: они весьма сильно влияли на конкретный ход истории отдельных кочевых государственных образований, на их возникновение, расцвет и упадок. Кочевые империи существовали как в периоды увлажнения, так и в периоды усыхания степных экосистем Центральной Азии, хотя нельзя не заметить, что пики увлажнения приходились на время, непосредственно предшествовавшее образованию самых могущественных, трансконтинентальных кочевых империй Евразии (первый тюркский каганат, государство Чингисхана и его ближайших потомков).

Еще более жестко прослеживается корреляция между завоеваниями кочевниками территорий оседло-городских обществ и тенденциями в различных сферах общественной жизни. Даже эволюционисты отмечают здесь важную роль духовного аспекта.

Также нельзя согласиться с мнением об «отставании» Востока от Запада исходя из нашествий кочевников, в первую очередь монголов, поскольку завоевания последних приходились именно на кризис и упадок западных аграрных цивилизаций. Кроме того, общеизвестно, что государство Чингисхана и его преемников было во всех отношениях высококультурным.

В период расцвета в Золотой Орде был достигнут самый высокий уровень жизни по сравнению с Европой той эпохи.

Сопоставление данных по демографической истории трех таких крупных средневековых «мир-экономик» – Китая, Индии и Европы – показывает, что ритмы их расцвета и упадка практически накладываются друг на друга. Такое совпадение не случайно; оно свидетельствует о существовании скрытых, неизвестных современной науке пружин всемирной истории, но это уже проблема самостоятельного исследования. Кризисы «мир-экономик» (по Ф. Броделю) приходились на III–V и XIII–XIV вв. и сопровождались такими крупномасштабными политическими катаклизмами, как «эпоха Великого переселения народов» и монгольские завоевания [14]. С православных позиций, повторим, здесь речь идет о Божественном Промысле, осуществляемом путем действия законов природы.

Огромное влияние монголов на русскую историю и на экологическую ситуацию в регионе бесспорно. Сосуществуют две хорошо известные противоположные точки зрения: о положительном и отрицательном влиянии монгольского завоевания. Не вдаваясь в полемику, отметим здесь, что обе они имеют под собой определенное основание. Любое историческое явление имеет как положительный, так и отрицательный аспект.

Неисчислимы бедствия русского народа в результате нашествия неоспоримы. С другой стороны – действие отрицательной обратной связи спасло русскую цивилизационную систему от окончательного краха в результате междоусобиц, в еще большей степени подняло авторитет Православия и, кроме того, защитило Русь от идеологической и военной экспансии Запада – гораздо более опасной, нежели военная монгольская, которая, кстати сказать, на идеологию русских и не посягала.

Ориентация князя Ярослава Всеволодовича и его преемников на союз с Золотой Ордой оказалась единственно правильным идеологическим и политическим выбором в тот момент. Католический Запад нес, несомненно, бóльшую угрозу – не только политического и экономического, но главным образом духовного порабощения.

Ярослав Всеволодович после нашествия «обнови землю Суждальскую и церкви очистив от трупия мертвых и кости их сохранив и пришелци утеша и люди мнози собра». Он же первым из князей поехал в Сарай-Бату за ярлыком на княжение в 1243 г. и далее в Каракорум в 1246.

Вожди Галицко-Волынской Руси, оказавшись идеологически и политически недальновидными, сориентировались на католический Запад в надежде получить от него поддержку против монголов. Такая политика в результате привела лишь к росту экспансии потребительского миропонимания, к Унии с католичеством и к разделу исконно русских земель.

Русь оказалась поработанной монголами, но Православие при этом не только не рухнуло, но напротив, стало духовной опорой русского народа и символом его единства. Язычники монголы, учитывая их толерантность, вероятно бы взяли под покровительство славянское язычество, если бы оно было востребовано народом; но последнего просто не произошло. Более того, хан Берке, лично приняв ислам (около 1240-х), став ханом, учреждает в Золотой Орде православную епархию (1261) – именно с целью удержания русских земель в сфере своего влияния.

Монгольское нашествие, окончательно не лишив Русь независимости и даже в значительной степени защитив от западного рационализма, принесло с собой и очень сильную государственную организацию, отчасти воспринятую русскими. Хотя в первое столетие ига в Орде было убито более 10 русских князей [4, с. 44], с конца XIII в. функция сбора дани была возложена ханом на русского князя, получавшего ярлык на великое княжение.

Роль святого благоверного князя Александра Невского в этот период трудно переоценить; его победы над западными захватчиками явились отражением наступления на русские земли «объединенных сил католических государств Северной Европы» (И. П. Шаскольский, цит. по [4, с. 44]). Союз с монголами на длительное время обеспечил защиту от Запада. Однако ряд либерально ориентированных историков подчер-

квивает отсутствие «согласованного плана западной агрессии <...> Александр делал только то, что многочисленные защитники Новгорода и Пскова делали до него и что многие делали после него, – а именно устремлялись на защиту протяженных и уязвимых границ от отрядов захватчиков» (Дж. Феннел, цит. по [4, с. 44]). С православных позиций (как и с чисто исторических) с такой точкой зрения согласиться невозможно; весь дальнейший ход истории ее опровергает.

Несмотря на колоссальные бедствия, период монгольского владычества для Руси не явился периодом упадка и деградации. Согласно В. О. Ключевскому, в период с конца X в. до 1237 г. на Руси было основано около сотни монастырей, за такой же срок – с середины XIII в. до 1480 г. (в монгольский период) – их основано в два раза больше, около двухсот, причем основная часть монастырей возникла не в главных городах, как ранее, а на всем пространстве Руси – вплоть до дальних ее окраин.

Переходя к вопросам экологии, отметим, что, говоря о природных ресурсах и о войнах за них, обычно подразумевают (с позиций либерального потребительства), что природные ресурсы воспринимались и воспринимаются различными народами примерно одинаково – как нечто неодушевленное, не обладающее самоценностью и самодостаточностью, стоящее за пределами этики и призванное служить удовлетворению потребностей общества.

Бережное отношение кочевников – монгольских и тюркских племен – к родной природе общеизвестно. Сама земля считалась поверхностью тела богини Этуген. Горные вершины играли роль сакральных центров родовых территорий. Существовали довольно многочисленные священные природные объекты (деревья, скалы, источники), в районе которых природопользование было строго запрещено. Некоторые виды животных, являясь тотемами, охранялись от истребления. Люди верили, что все вокруг населено «духами-хозяевами», мстящими каждому, кто нарушал неписанные правила обращения с природой. Традиции разумного природопользования поддержи-

вались в степи веками, благодаря чему природа Центральной Азии до сих пор хранит в себе участки – эталоны биосферы. Поэтому традиционное языческое мировоззрение кочевников привлекает к себе пристальное внимание не только историков, этнологов, религиоведов, но и специалистов по охране окружающей среды. Однако экологичность кочевых культур подчас сильно переоценивается. Монголы как раз «прославились» в качестве безжалостных захватчиков, сметающих все на своем пути: широко применялась тактика уничтожения продовольственной базы противника – намеренный прогон табунов по посевам, вырубка садов и виноградников и т.п. Окружив город, монголы лишали его всяких внешних источников снабжения пищей и фуражом, не останавливаясь перед превращением окрестностей в пустыню, и это вполне понятно и оправдано с военной точки зрения. Неудивительно, что современники, описывая монгольское нашествие, указывали на разорение и уничтожение всего, что только поддавалось разорению. Однако здесь не совсем ясно, имелись ли в виду только творения рук человеческих, в том числе культурные ландшафты, или монголы столь же яростно губили на своем пути дикую природу на том основании, что она принадлежала врагам и могла давать им пищу и убежище. Возможно, дело просто в том, что монголы не выработали «технологии» экоцида, ибо не располагали для этого соответствующими средствами. Но не исключено также и то, что укорененная в монгольском менталитете осторожность по отношению к природе в какой-то мере сдерживала их разрушительные побуждения по отношению к культуре покоряемых народов. К сожалению, на основании имеющихся источников сделать определенный вывод не представляется возможным. Можно лишь констатировать некоторые факты.

Есть основания думать, что монголы, по крайней мере на рубеже XII–XIII вв., полагали, будто чужие земли лишены протекции «духов-хозяев». Намек на это содержится в знаменитом монгольском сочинении 1240 г. «Сокровенное сказание». Если это предположение верно, то бесчинства монгольских завоевателей в покоренных странах должны были,

в соответствии с их взглядами, сойти им с рук. Однако спустя некоторое время монголам пришлось убедиться, что своих «хранителей» имеют и земли их врагов. Это произошло не позже 1231 г., когда хан Угэдэй возобновил военные действия против Северо-Восточного Китая и добился успехов, но вскоре серьезно заболел. Шаманы установили причину болезни – гнев духов, вызванный разрушением принадлежащих им городов и деревень.

Кроме того, зафиксированы факты перенесения монголами некоторых традиций природопользования в завоеванные страны. По завершении военных действий монгольская улусная администрация приступала к восстановлению нормальной жизни, привнося в нее специфические элементы анимизма [8].

Таким образом, мы можем с определенной степенью достоверности утверждать об изначальной экологичности монгольской культуры. Однако монголы вполне закономерно подверглись сильнейшему влиянию рационализма, что выразилось в принятии ими в XIV в. ислама и, как следствие, постепенной смене политической ориентации от союза с Русью до попытки ее полного и окончательного подчинения (Мамай). Развитие торговли и сопутствующего ей роста потребительских настроений в обществе, ведущего к экологическому кризису, не замедлили проявиться в политической сфере.

До начала завоевательных походов и создания государства Чингисхана у монголов не было городов, и они оставались чистыми кочевниками. Среди монгольской аристократии не было единства по отношению к городам. Часть, к которой принадлежал и сам Чингисхан, культивировала презрительное отношение к оседлому образу жизни. Кочевники разрушали населенные пункты на своем пути. Однако при последующих ханах положение изменилось. Для управления огромной империей, выросшей за два десятилетия на несколько тысяч километров, требовалось создание административных центров и соответствующего аппарата, который занимался бы вопросами налогообложения, дипломатическими отношениями и т.д. Города, разрушенные при завоевании,

начинают восстанавливаться, а вскоре появляются собственно монгольские города. Этот процесс начался при хане Бату и был продолжен при его преемниках.

При этом большинство монгольских городов возникло в центре степей, далеко от районов традиционного градостроительства. К последним относим Нижнее Поволжье (традиции хазар), север Поволжья (традиции булгар), а также Северный Кавказ. Выбор Среднего Поволжья для монгольского градостроительства достаточно обоснован: географические и климатические условия региона позволяли сочетать привычный кочевой быт и пойменное земледелие, что немаловажно для рационального ведения хозяйства; кроме того, Волга являлась важнейшей торговой и транспортной магистралью. Ядром оседлого населенного пункта являлась зимняя ставка верховного правителя. Города были особым явлением в жизни Золотой Орды: возникшие по воле центральной власти, они служили проводниками этой власти, ее опорой. Но в то же время их существование было немыслимо без нее: с упадком центральной власти и города пришли в упадок.

Городскими жителями становились прежде всего аристократия и чиновничество, купечество, духовенство, а также рабы-ремесленники, часть которых монголы привезли с собой из Центральной Азии. Кроме ремесла огромную роль в жизни золотоордынских городов играла караванная торговля, которая достигла небывалого развития именно при монголах. Впервые была обеспечена безопасность торговых путей, упорядочен сбор пошлин. О высоком уровне развития золотоордынской культуры говорит тот факт, что дворцы знати были оборудованы со всеми возможными в то время удобствами: отопление, водопроводная и дренажная системы, бани и т.п. Аристократия да и прочие социальные слои постепенно привыкают к роскоши и излишествах. Крупнейшие города: Сарай, Сарай-ал-Джадид, Аккерман, Солхат, Булгар, Кременчук, Укек, Бельджамен, Хаджитархан, Маджар и другие – отличались своим великолепием и многолюдностью. Ханы Золотой Орды покровительствовали развитию науки и искусства. Именно в горо-

дах создается особый литературный язык, в основном на кипчакской основе. Особенности монгольского архитектурного стиля являлись доминирование геометрической формы – круга (под влиянием юрты) и отсутствие фундамента. Эти особенности присущи большинству жилых сооружений, монументальные здания создавались лишь под влиянием среднеазиатских строительных традиций. Еще одной чисто монгольской чертой является отсутствие фортификационных сооружений вокруг городов, что не имело прецедентов в Средневековье. Это также говорит о сильной государственной власти, которая выступала гарантом безопасности городов [17].

Зимой население городов удваивалось за счет кочевников, разбивавших вокруг степных городов свои «поселки» из юрт, которые окружали стада, топчущие землю. Здесь возможно было то же явление, что и на водопоях, где земля так утоптана, что на ней уже ничего не растет. Иными словами, даже средневековая урбанизация степи чревата нарушением по крайней мере локального экологического равновесия. Все степные города, естественно, располагались только на реках, становясь очагами локальных экологических кризисов. Постепенное восстановление экологического равновесия могло произойти только при серьезном экологическом кризисе, который вызвал бы падеж скота, подорвал экономику системы степных городов и дал возможность лесу начать возвращение своей природной «зоны влияния».

Золотая Орда создала огромное единое евразийское торговое пространство. Для финансового обеспечения этого пространства при хане Токту (1290–1311) был выпущен единый обеспеченный серебром сарайский дирхем. Своего расцвета Золотая Орда достигла при ханах Узбеке (1312–1341) и Джанибеке (1342–1357). Торговые пути имели гигантские размеры – от Западной Европы до Китая. Торговля явилась экономической опорой Золотой Орды, значение караванной и ярмарочной торговли для государства трудно переоценить [2].

С образованием Золотой Орды связан следующий этап развития уже упоминавшейся ярмарочной торговли Поволжья.

Монгольское нашествие двояко повлияло на состояние торговли Руси. В XIII в. значительные опустошения, осуществленные ордами кочевников, временно подорвали возможности русской торговли. На купеческие караваны зачастую нападали шайки разбойников. Окончательно прекратил свое существование знаменитый путь «из варяг в греки». Но уже в XIV в. состояние торговли на землях Московского великого княжества резко улучшается. Созданный в Золотой Орде порядок максимально благоприятствует торговле, торговые пути безопасны, хорошо организованы, дешевы. Н. М. Карамзин отмечает, что «Россия... в XIV и в XV вв. имела знатное купечество», добавляя, что уже при Иоанне Данииловиче Калите «купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками татарских разбойников: милостивые грамоты Узбековы, данные великому князю, служили щитом для путешественников и жителей». «Открылись новые способы мены, новые торжища в России: так в Ярославской области на устье Мологи, где существовал Холопий городок, съезжались купцы... и казна в течение летних месяцев собирала множество пошлинного серебра... Сия ярмонка слыла первою в России до самого XVI столетия». Субъектами торговли на ярмарке были, кроме московских, немецкие, греческие, итальянские, татарские, персидские, турецкие и другие купцы. «Сия ярмонка еще славилась своею знатной меною», – пишет Н. М. Карамзин.

Золотоордынская эпоха открыла собой новые торговые пути для Руси: с Востоком через Орду и с Западом через Азов. Расширение поволжской торговли Руси привело к образованию в XIV в. довольно крупной ярмарки в Нижнем Новгороде.

Золотая Орда могла процветать при трех универсальных факторах эколого-социальной стабильности (см. [15, с. 116–124]): 1) неизменных порядках, приемлемых для общества и не провоцирующих нарушение экологического равновесия; 2) неизменном вмещающем ландшафте (он оставался практически постоянным); и 3) неизменной численности населения. Два из этих трех факторов не могли оставаться неизменными – первый и последний. Порядки не могли оставаться постоянными,

поскольку любое государство – *открытая система*, а Золотая Орда была открыта миру в большей степени, чем другие со-временные ей государства, что не замедлило сказаться в части распространения рационализма и потребительства.

Высокий уровень развития культуры и связанный с этим высокий же уровень благосостояния общества неизбежно ведут к духовному кризису, переходящему в экологический. Материальная основа экономики Золотой Орды базировалась на расширенном воспроизводстве скота, осуществляемом на опустевшей после половцев степи, при огромных возможностях расширения пастбищ. В результате этого началось постепенное наступление степи на лес. В хозяйственном резерве скотоводов оставалась зона лесостепей, которую, вытоптав, можно было превратить в степь, то есть зону сплошного пастбища, а леса таким же способом можно превратить в лесостепь – частично-го пастбища. Затем лесостепь превратить в степь и, насколько позволяли природно-климатические условия, распространить степь на север. В этих условиях поголовье скота кочевников могло долго не иметь ограничений в росте. Известно, что в Восточной Европе природные условия позволяют лесам расти до Белого моря, как они и росли еще в нашей геологической эпохе – голоцене. Лесотундра – это территория бывших лесов, которые съели стада оленей. Иными словами, со стороны природы не было ограничений в процессе превращения лесов в лесостепь на протяжении от Черного до Белого морей. Заслоном могли стать лишь населяющие леса люди. Однако вплоть до Московского княжества леса населяли племена, занимающиеся охотой, собирательством и подсечно-огневым земледелием; специфика хозяйствования заставляла их быть малочисленными и не объединенными.

Известно, что до XIV в. в Восточной Европе леса находились там, где им и положено быть по природным условиям, – в географической зоне лесов. А в 70-х гг. XV в. золотоордынцы почти ежегодно кочевали близ южной границы Московского государства [12, с. 22, 24], что недвусмысленно свидетельствовало о превращении леса в лесостепь даже се-

вернее «засечной полосы». Следовательно, остается предположить только одно: скот съел лес на огромном пространстве протяженностью в тысячу километров по меридиану. Количество скота, съевшего такие леса, должно было быть не просто большим, но невообразимо огромным.

Данные, приводимые авторитетным отечественным историком природы России С. В. Кириковым, позволяют констатировать, что численность кочевников на территории южно-русских степей до прихода монголов была невелика и никаких признаков экологического кризиса не было. Выпас скота был, очевидно, умеренным, поскольку пастбища не превращались в скотосбой [12, с. 9, 11, 13, 16, 17–18, 23]. В XIV–XV вв. положение изменилось. Как историки, так и биологи констатируют: биологи – отступление границы лесов, историки – неустанное продвижение кочевий на север.

Если принять численность завоевателей, пришедших в Восточную Европу, не более 300 тыс человек, то со времени окончания завоевания в 1242 г. и до первой эпидемии чумы в 1346 г. только число потомков пришельцев могло достигнуть 5 млн. Ограничений для расширенного воспроизводства, как хозяйственного, так и демографического, завоеватели не имели. Они сами не находились в стагнационном демографическом режиме, мужчины – главы семей могли иметь не по одной жене (наложнице), а скот могли пастись севернее Большой климатической оси, то есть быть вне действия перманентных степных засух. Численность населения южнорусских степей могла расти бурными темпами длительное время, если не постоянно. На 5 млн скотоводов количество скота могло составить немалое для наших дней количество на естественных пастбищах – 330 млн голов [9, с. 181, 184].

Нахождение «засечной полосы» в местах, далеко отстоящих от естественной южной границы распространения лесов, – подтверждение всему изложенному [17, 18].

В Европе скот всегда выгоняли пастись в лес. Там он ел не только траву, но и молодые деревья – подрост. Если нашествие домашних животных на лес было интенсивно, то новые

деревья уничтожались раньше, чем успевали вырасти, и если длительность нашествия превышала срок жизни основных пород деревьев данного леса, то по мере отмирания старых деревьев сначала на месте леса образовывалась лесостепь, а затем степь.

«В современной лесостепи соотношение участков лесов и луговых степей не является следствием разных почвенных условий, а представляет собой результат разного соотношения оседлого населения и кочевников в прошедшие эпохи. Видна четкая зависимость продвижения кочевников и степной растительности на север. Летописи хранят названия “Половецкие кочевья” для местностей в окрестностях г. Белополье и Харьков, по реке Проня. Северная граница татарских летних кочевий XIV в. проходила по линии: верховья Северского Донца, Тихой Сосны, низовья Медведицы. Сотни тысяч овец и коз уничтожали лесную растительность, леса заменялись лугами, луговая растительность *ксерофитизировалась*, типчак продвигался все дальше на север в область широколиственных лесов».

Известно, что в соответствии с глобальными изменениями климата тогдашние климатические условия (температура и влажность) благоприятствовали обратному – наступлению леса на степь со скоростью примерно 10 м/год. Вместо этого движение шло в противоположном направлении со скоростью сотни метров и даже километров в год. В условиях натурального хозяйства степняки скота держали столько, сколько было нужно для жизни, а прибавочный продукт не просто позволял, но автоматически подразумевал расширенное демографическое воспроизводство. В Золотой Орде население степи не голодало, как в Западной Европе, и потому неизбежен был процесс расширенного демографического воспроизводства.

Нередко кочевники не знали возможностей новых степей. Новые степи казались им несравнимо более богатыми прежних родных мест. Люди не знали границ, за которыми следует экологический кризис или локальная экологическая катастрофа. Границы эти определены прежде всего уни-

версальной (для прошлого, в том числе совсем недавнего) закономерностью: физическая масса домашнего скота при полностью антропогенном ландшафте или суммарная масса домашних и диких животных при не полностью антропогенном не может превышать массу диких копытных, которые здесь были до человека. Кроме того, для сохранения экологического равновесия в степи большое значение имеет соотношение отдельных видов животных в общем их количестве. Время от времени, как это было в сегодняшней Монголии, скотоводы попадают в «экологический капкан» превышения удельного веса овец и коз в общем поголовье.

Человек защитил от хищников самых слабых копытных – овец – и более всего был заинтересован в их разведении, что, с точки зрения экологии, ведет к кризису. Овцы оказывают самое сильное давление на землю, как в прямом, так и в переносном смысле слова. Овца в отличие от крупных копытных двигается медленно и топчет землю основательно. В овечьих загонах, в отличие от коровьих, не увидишь и травинки. Давление маленьких овечьих копытцев на единицу площади в четыре раза превышает давление гусениц среднего танка [22, с. 164]. Если крупные копытные лишь обкусывают траву, то овца, по народному бурятскому выражению, – «стрижет».

Традиционное скотоводство не гарантировано от кризисов, хотя чаще всего их не происходит. Другое дело, если степь обрастает городами: само существование Золотой Орды с учетом ее границ, особенностей климатических поясов объективно требовало локального сосредоточения в степях системы городов – причем не только для целей административного и экономического управления, но и как центра скотоводчества и ремесел, что ложилось дополнительным бременем на *биогеоценоз* степи.

При экстенсивном скотоводстве человек замещает крупных хищников на вершине биологической экологической пирамиды и вследствие этого вынужден подчиняться законам природного гомеостаза, который влияет на установление пропорций между массой растительной пищи, числом травояд-

ных и плотоядных. Эта зависимость может становиться весьма жесткой: кочевников может быть столько, сколько может прокормиться от существующего стада, а размеры стада ограничены продуктивностью и размерами пастбищ. «Лишние» кочевники традиционно переходили к земледелию, но психологически этот переход для кочевников всегда был тяжел.

Зимние пастбища в Восточной Европе находятся на ее крайнем юге: Причерноморье, на Северном Кавказе. Там и зимовали половцы. Только переполненность степи и вследствие этого борьба за пастбища с выжиганием степи могли заставить кочевника зимовать в зоне климатического риска.

Упадок городской культуры Золотой Орды начал наблюдаться с 60–70-х гг. XIV в., со времени междоусобных войн – «Великой замятни» (1360–1380) [32]. Исторические события свидетельствуют, что остановка отступления леса и его контрнаступления были драматическими и хорошо известными историкам, но без понимания глубинных процессов. [18].

Несмотря на возникновение экологических проблем, за этот период православная Северо-Восточная Русь значительно укрепляется: быстро растет население, идет процесс консолидации политической власти, духовные позиции Православия, как уже отмечалось выше, укрепляются; хозяйство Руси, базирующееся на двух технологиях, – подсечно-огневого и пашенного земледелия, находится в стадии роста. Контраст упадка Степи и устойчивости и богатства Руси был весьма зримым. Можно предположить, что ордынское владычество в известной мере пало благодаря энергетическому потенциалу лесов, хозяйственное использование которых привело к значительному росту народонаселения Московской Руси, а следовательно, к увеличению численности боеспособных граждан [23].

В течение 40 лет Московское княжество не видело ордынского «выхода» благодаря Ивану Калите. Такой мир достигался напряжением духовных и физических сил московского князя, который пять раз совершил поездки в Орду, на которые уходило не менее полугода. Он первым из русских князей стал именовать себя правителем «всех Руси» и позднее получил

имя «собирателя Русской земли»; люди той эпохи, как свидетельствуют источники, называли его Иван Добрый. Кроме общеизвестных политических деяний Иван Калита организовал первые «княжеские охоты» – заповедные территории, где под страхом смерти запрещался любой вид охоты. Ко времени Бориса Годунова такие «охоты» занимали уже значительную часть государства.

К концу «Великой замятни» в Золотой Орде имело место сокращение доходов государства (таможенные поступления снизились из-за слабого функционирования Великого шелкового пути после падения монгольской династии Юань в Китае), снижение уровня порядка в целом из-за смуты и развития бандитизма и грабежей. Налоги поступали нерегулярно, а расходовались в возросших размерах не на поддержание управления, инфраструктуры и хозяйства, а на военные и политические цели. Затухание международной торговли, криминализация общества не могли не сказаться на хозяйственной и духовной жизни степных городов и кочевников.

Тридцатилетие 1351–1380 гг. отмечено климатологами как наиболее теплое, даже жаркое [28, с. 74]. В годы «замятни» все беды сошлись разом: торговля остановилась, развитие городов замерло, государство не контролирует ситуацию: идет непрерывная борьба группировок за власть, на дорогах бандитизм, в степи – сушь, скот – гибнет, от десятилетия к десятилетию его поголовье падает (причем за десять лет падение могло быть вдвое, втрое против начальной численности), жизненный уровень массы населения резко снизился.

Попыткой выхода из кризиса могло быть и «нетрадиционное» желание темника Мамай стать московским князем. Мамай, идя на Русь, надеялся не только наказать своего «улушника» и заставить признать власть татар, он мечтал сам сесть на московский трон («Сказание о Мамаевом побоище», написанное, вероятно всего, в первой четверти XV в.). В этом литературном памятнике о целях похода темника Мамай на Русь говорится следующее: «Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-отступнику, царю Ба-

тью, начал расспрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю. И стали ему сказывать старые татары, как покорил Русскую землю царь Батый, как взял Киев и Владимир, и всю Русь, славянскую землю, и великого князя Юрия Дмитриевича убил, и многих православных князей перебил, а святые церкви осквернил и многие монастыри и села пожег, а во Владимире соборную церковь златоверхую пограбил... Узнав все от своих старых татар, начал Мамай... говорить своим алпаутам, и есаулам, и князьям, и воеводам, и всем татарам так: «Я не хочу так поступить, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие достаточны будут для нас – тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно заживем...» И дошел он до устья реки Воронежа, и распустил всю силу свою, и наказал всем татарам своим так: «Пусть не пашет ни один из вас хлеба, будьте готовы на русские хлеба»». В последних словах Мамай можно видеть альтернативу для воинов-кочевников: вместо традиционной неизбежности становиться земледельцами (самим пахать землю), если скотоводство не кормит, предлагается иная перспектива – сохранение статуса дружинников-воинов на русских хлебах.

Исторические прецеденты такого характера имеются: кочевая болгарская орда хана Аспаруха отвоевала у Византии часть Балкан; в этнически смешанном государстве тюрки сначала заняли естественную для кочевников-воинов социальную нишу, став военным сословием, затем слились с основным земледельческим славянским населением; второй пример – Цинская империя: маньчжуры завоевали Китай и в течение веков, сохраняясь как этнос на своей земле, одновременно в Китае являлись его военным сословием.

Если идея стать московским князем не приписана темнику русским летописцем, то она косвенно свидетельствует о том, что перенаселенность степи была фактом осознанным и требовавшим радикального решения. Известно, что татаро-монгольское нашествие не сменило политической элиты Руси, а лишь стало ее контролировать назначением великих князей. Мамай же посягнул и на великокняжескую власть на

Руси, закономерным образом консолидируясь с антирусскими силами – Литвой и Западной Европой. Никогда еще в прошлом, даже при нашествии Батыея, подобной угрозы не было. На Руси цели Мамаея были хорошо осознаны. Готовясь к битве, Дмитрий Донской просит помощи у предков перед их могилами, говоря о «великом» – не ординарном нашествии, то есть отличном от обычной карательной акции центральной власти против сепаратизма.

Мамай жаждал власти, но не имел прав на верховную власть в степи, не будучи ханом и не имея возможности им стать, не являясь чингизидом и даже монголом или тюрком (он был хиновином – выходцем из Северного Китая). Стать ханом он не мог, но мог – великим князем тюрков и славян. Для этого надо было переустроить порядки в государстве, опереться не только на старые, но и на новые политические силы, повысить значимость тех этносов государства, сила которых явственно возрастала. Следовательно, опереться не на русскую политическую элиту, которая неплохо ладила с элитой степной, но на низы – на русский народ, этнос в то время не только самый многочисленный, но и быстро растущий.

Прежде всего возникает вопрос: а был ли прецедент альянса татар и русского населения в прошлом? Был. Более того, он был непосредственно связан с сохранением и развитием самоорганизации общества, общинной организации снизу в противовес княжеской организации сверху. Киевская земля во второй половине XIII в. находилась под непосредственным татарским правлением. Причем это было вызвано не действиями татар, но предпочтением местного населения. М. С. Грушевский, обосновывавший самостоятельность украинского исторического процесса, пишет об этом так: «...в то время как остальная Русь, устами летописцев, плачется на татарское иго, население украинских областей задумало воспользоваться им для того, чтобы освободиться от дружинного строя, от княжеской централизации... Явление это обнаруживается непосредственно за монгольским нашествием и замечается затем на значительном пространстве; в действительности оно, быть

может, приняло гораздо более обширные размеры, но, к сожалению, наши сведения о нем весьма скудны... Подчинение их татарам было, конечно, добровольное, а целью было приобретение общинной автономии; общины вовсе не имеют желания возвратиться в подчинение Даниилу». Не забывая о националистической тенденциозности автора, вероятность истины здесь весьма высока – не эта ли «самостийность» сказалась затем на миропонимании не лучших представителей малороссов?

Великорусский же этнос в очередной раз сделал свой выбор в пользу Православия. Решающий шаг в утверждении Москвы в качестве законной главы русских земель был сделан при князе Дмитрие Донском, возглавившем сопротивление русских вторжению Мамаю. 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле перед войсками хана Мамаю стояло уже не войско московского князя, а русское войско, объединенное общим культурным и политическим идеалом – Православием и идеей единого Русского государства. Поэтому, хотя ряд князей и Новгород держали нейтралитет, тверские и суздальские ратники, в частности, воевали на Куликовом поле.

Ряд либеральных историков-эволюционистов в поражении татар видит трагедию как тюркского, так и русского этносов. «Поражение Мамаю на Куликовом поле имело ряд следствий для процесса формирования российского суперэтноса. Настали века жесткого противостояния тюрков и славян, отголоски которого слышны по сей день» [17, 18]. С этих позиций, вероятно, лучшим вариантом было бы воцарение Мамаю в Москве, что исключило бы дальнейшее противостояние русских и татар. Комментарии в этом случае излишни.

Серьезный удар Золотой Орде был нанесен походом Тимура 1395–1396 гг., маршрут которого пролегал по всем татарским городам, являвшимся легкой и богатой добычей.

Следствиями продвижения кочевий на север и развития экологического и политического кризисов явилась миграция жителей южной степи как на север, так и на юг, в том числе в далекий Египет (монгольская интеллектуальная элита); зимовки скота в зонах рискованного скотоводства; и, нако-

нец, – внутривосточная борьба, закончившаяся развалом государства. Миграция населения степей, вызванная экологическим кризисом, выражалась и в переходе кочевников на службу к русским и литовским князьям. Не сами переходы на службу от одних сюзеренов к другим, а условия, в каких эти переходы осуществлялись, и, самое главное, – массовость переходов (на порядок выше, чем в Западной Европе) дают возможность предполагать неустроенность жизни в степи. Ордынские царевичи переходили на службу русским даже в качестве награды за победу над русскими, что в других условиях выглядело бы странным. Так, после победы над русскими по условиям договора было создано Касимовское ханство, батыры которого были обязаны служить побежденным русским князьям (естественно, за вознаграждение). Такая ситуация могла возникнуть только когда родная земля не могла кормить излишнее население, а воины-профессионалы не хотели становиться земледельцами. Для них это означало потерю социального статуса, уровня материального обеспечения (как известно, ратный труд в Средневековье был и самым престижным, и самым высокооплачиваемым) и необходимость расстаться с городом. К удобствам городской жизни они уже успели привыкнуть, в городах (прежде всего в зимнее время) жило уже несколько поколений знати и их челяди.

Степняки уходили на север не только в Русь, но и в Литву, причем если данных о том, сколько степных батыров ушло служить русским князьям, у нас нет (поскольку такие миграции осуществлялись в пределах одного государства и нередко являлись «маятниковыми», т.е. возвратными), то для Литвы (уход за границу: если не навсегда, то надолго) такие данные имеются. Согласно анонимному автору «Истории польских татар» («Рисалия татары лях»), составленной в 1558 г., к концу правления Витовта (к 1430) в Литве было до 40 тыс воинов-татар, не считая членов их семейств, а к 1558 г. в Польше и Литве было уже до 200 тыс татар. Для того, чтобы представить себе масштабы этой миграции населения, достаточно сказать, что в Ногайской Орде в это время было всего

300–350 тыс населения и эта орда «от других татарских государств отличалась не столько размерами территории, сколько многочисленностью людей».

Относительно XV в. можно с большой степенью вероятности утверждать, что демографический потолок населения степи был к этому времени превзойден. Об этом свидетельствуют не только массовые переходы степных батыров на службу русским князьям, но, что более существенно, – зимовки кочевников в зоне рискованного скотоводства, а также жесткость борьбы за пастбища.

Причина, почему скотоводы предпочитают зимовать на юге, вызвана зимой бескормицей. Летом скот нагуливает жир, а зимой в буквальном смысле «выжигает» его. На юге нет снега, точнее слишком твердого наста, который не могут разбивать копытами лошади. Следом за лошадьми, разбивающими копытами наст, идут коровы, овцы и козы, имея возможность доставать из-под снега корм. Лошади для кочевника не только свидетельство принадлежности к социальному слою воинов, не только показатель богатства, это – гарантия сохранения всего скота в тяжелых условиях. Чем больше в стаде лошадей, тем больше надежда, что в трудных условиях скот не погибнет. Граница леса и степи в Восточной Европе – зона зимнего риска для кочевого скотоводства: даже в лесостепи в начале весны обычно бывал прочный наст, по которому конница не могла передвигаться [12].

В первой половине XV в. Золотая Орда окончательно распадается на ряд враждующих ханств. И здесь, так же как и во всех иных случаях, мы видим жестко детерминированную последовательность развития кризиса: духовный кризис в Золотой Орде, выразившийся в росте потребительских настроений общества, в отходе от глубоко экологических установок язычества, в принятии ислама, как бы венчающем этот процесс; интенсивное и экстенсивное развитие торговли и скотоводства, закономерно приведшее к экологическому кризису, постепенно переросшему в кризис социально-политический, закончившийся катастрофой.

Литература:

1. Б. В. Андрианов. Подсечно-огневое земледелие. Народы мира. Историко-этнографический справочник. М.: Советская Энциклопедия, 1988.
2. Авдаков И. Ю. Информация в России: исторические судьбы поволжских ярмарок // В кн.: Социоестественная история. Вып. XII. Ландшафт и этнос. Под ред. Э. С. Кульпина. М., 1999.
3. Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2001.
4. Большаков А. А. Древняя Русь IX–XIII вв. **Очерки истории и антропоэкологии.** М.: МНЭПУ, 1997.
5. Вернадский Г. В. Киевская Русь. М.: Аграф, 1996.
6. Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М., 1994.
7. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-Пресс, 2004.
8. Дробышев Ю. Аксиология природы в эпоху монгольских завоеваний (к постановке вопроса). Природа и самоорганизация общества // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. **Генезис кризисов природы и общества в России.** Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Московский лицей, 2002.
9. Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
10. Иловайский Д. И. История России. Т. 1. М., 1906.
11. Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. М., 1985.
12. Кириков С. В. Человек и природа в восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX в. М., 1979.
13. Кожин В. В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // В кн.: Альманах библиофила. М., 1989, вып. 26.
14. Крадин Н. И. Климат, тренды и нашествия кочевников. // В кн.: Генетические коды цивилизаций: Материалы Тре-

- твѣй научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» (сентябрь 1994, г. Феодосия, Республика Крым). М.: Московский лицей, 1995.
15. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
 16. Кульпин Э. С. Путь России (Серия «СЕЙ». Вып. 5). М.: Московский лицей, 1995.
 17. Кульпин Э. С. Золотая Орда. М.: Московский лицей, 1998.
 18. Кульпин Э. С. Лесостепное пограничье Восточной Европы. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. Природа и самоорганизация общества // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 2002.
 19. Лихачев Д. С. Величие древней литературы. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII вв. М., 1978.
 20. Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983.
 21. Маслов С. П., Шилов И. А. Краевые структуры биоты в плейстоцене-голоцене. Проблемы изучения краевых структур биоценозов. Саратов, 1997.
 22. Мордкович В. Г., Гиляров А. М., Тишков А. А., Баландин С. А. Судьба степей. Новосибирск, 1997.
 23. Олейников Ю. В. Природный фактор бытия российского социума. М.: Институт философии РАН, 2003.
 24. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
 25. Пашуто В. Т. Голодные годы в Древней Руси // В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964.
 26. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.–Л., 1966.
 27. Сахаров А. Н. Владимир Мономах или Половецкие тучи над Русью. М., 2002.
 28. Слепцов А. М. Изменения климата Европейской части СССР в XIII–XX вв. Человек и природа // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.

29. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
30. Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968.
31. Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.
32. Харитоновна Л. Н. Города Золотой Орды. 7-я конф. СЕИ, 2003.
33. Черепнин Л. В. Русская метрология. М.: ГАУ НКВД СССР, 1944.
34. Шафаревич И. Р. Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России. СПб.: Библиополис, 2002.

ГЛАВА 5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ – ОБРАЗЕЦ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ С БИОСФЕРОЙ

Мы обязаны монахам нашей историей...

А. С. Пушкин. Исторические замечания

История православных монастырей на Руси и в России практически полностью совпадает с историей самой страны. Именно в монастырях во многом совершалось дело государственного строительства, формирование духовного единства и историко-культурной целостности населяющих Россию народов, закладывались основы богословско-научной мысли. Более того, влияние монастырей на развитие русской культуры было не инструментальным, а концептуальным [20]. Весьма важно, что «в отличие от западноевропейского городского типа культуры древнерусская культура сложилась во многом как культура монастырская». Воспринятый Русью от империи Ромеев и Болгарии «монастырский тип образования характеризовался отказом от классической образованности, индивидуальным способом передачи знаний от учителя к ученику, преобладанием религиозно-учительной литературы [32].

В аспекте включенности монастырей в жизнь русского общества можно выделить ряд функциональных сторон: историко-колонизаторскую, духовно-религиозную, миссио-

нерско-просветительскую, хозяйственную [20]. В разные исторические периоды доминируют то те, то другие функции, но с разной степенью выраженности они прослеживаются в течение всей истории

Монастыри – при объективном исследовании – есть подлинные творцы духовной жизни страны и ее культуры во всем ее объеме – от строительной, зодческой до творчества в слове – в наивысшем ее выражении. Это монастыри – Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Саввино-Сторожевский, Спасо-Каменный (на Кубенском озере), Соловецкий, Ферапонтов-Белозерский, Боровско-Пафнутьев, Ипатьев-Троицев (близ Костромы), Толгский (на Волге), Иосифо-Волоколамский и многие другие. Монастыри оказывали воздействие как на народ, так и на его правителей. Мысль о том, что при тогдашних средствах связи и транспорте такого воздействия быть не могло, подвергнута основательной критике В. В. Кожинным [16].

По словам А. В. Карташева: «Роль Церкви огромна и в области материальной культуры, в сфере народно-хозяйственной и государственно-национальной. Церкви и особенно монастыри, обеспеченные в Древней Руси почти единственной тогда натуральной валютой – земельными угодьями, – приняли гигантское участие в хозяйственном строении русской земли наряду со всеми служилыми и тяглыми классами населения. Они колонизовали лесные дебри и болота, подымали земельную новь, насаждали промыслы и торговлю. К XVI веку церквям и монастырям принадлежала одна треть всей государственной территории с правами судить и рядить сидевшее на ней население, хозяйствовать, собирать подати и поставлять рекрутов. Это было разделение с центральной властью труда государствования, это был как бы особый громадный удел, или штат в общем теле государства. То специфическое, что в связи с этим делали церковные силы, заключалось не в хозяйствовании и государствовании, а в христианизации и через то – русификации инородцев, стоявших на низшей ступени культуры в сравнении с христианской Россией» [14].

5.1. Смысл монашеского жизненного пути

Для того чтобы раскрыть роль православных монастырей в истории русской культуры, необходимо проанализировать понятие «монашество». В чем выражается монашеский образ жизни? Каково основное содержание идеи монашества?

Слово «монах» (греч. μοναχός) означает «живущий в одиночестве, уединенно». Преподобный Иоанн Лествичник дает такое определение: «Монах есть тот, кто, будучи облачен в вещественное и брренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных. Монах есть тот, кто держится одних только Божиих словес и заповедей во всяком времени и месте, и деле. Монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просветленный» [24, с. 29].

По мнению С. Н. Булгакова, «христианское подвижничество есть непрерывный самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего “я”, аскеза духа. Если для героизма характерны вспышки, искание великих деяний, то здесь нормой является выдержка, терпение и выносливость. Верное исполнение своего долга, несение своего креста, отвергнувшись себя (во внешнем и во внутреннем смысле), с предоставлением всего остального Промыслу, – вот черты истинного подвижничества» [3].

Монашество само по себе не является целью, но оно самое могущественное средство к достижению высших степеней духовной жизни. Цель монашества достигается путем добровольного неуклонного выполнения христианских заповедей и основных монашеских обетов, среди которых важное место занимают нестяжание, девство и послушание.

Нестяжание состоит в совершенном отречении от мира, то есть в оставлении собственного имущества, занятий мирскими делами. Дающий обет нестяжания утверждает на следующих словах Иисуса Христа: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь

иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21). Старец Паисий Величковский говорил: «Нестязательный монах, как орел высокопарный, пребывает неуловим никакою тщеславною сетью века сего и неуязвим» [12, с. 257].

Девство состоит в постоянной безбрачной жизни. Дающий обет девства утверждается на следующих словах Священного Писания: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу. А женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор. 7, 32–33).

Послушание состоит в постоянном добровольном смиренном подчинении себя воле другого. Истинный послушник действует так, как ему указано, ничего не опуская и не прибавляя. Дающий обет послушания утверждается на словах Священного Писания: «...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Послушание – необходимое условие спасения. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Приведший свое наружное поведение в порядок, подобен хорошо обделанному сосуду без скважин: в такой сосуд можно влагать драгоценное миро, влагать с уверенностью, что миро сохранится в целости. И монах, благоустроивающий свои обычаи, делается способным к душевному деланию, которое хранится в целости благоустроенными телесными обычаями» [13, с. 33].

Таким образом, монашеское бытие состоит в молитвенном подвиге обращенности души к Богу, в аскетическом подвиге борьбы со слепотой своих чувственных страстей, гордыни, эгоизма.

В Древней Руси, монастыри, распространяя духовное просвещение, в то же время помогали собиравшемуся вокруг них населению осваивать природу сообразно с принципами Православия. Под их руководством лесные дебри и болота превращались в плодородные пашни и сады. «Основатели монастырей, убегая от соблазнов мира, служили его насущным нуждам», – пишет историк В. О. Ключевский. Служили постом, молитвой и преобразованием первобытной природы хозяйственной деятельностью, в которой руководствовались

библейским Откровением о служебном назначении природы по отношению к человеку и христианским аскетизмом, ограничивающим человеческие потребности самым необходимым для жизни.

Аскетическое направление монастырского хозяйства, не мешая улучшению его методов, способствовало господству духа над плотью, над поврежденной грехом природой человека. А господство над собой давало ему власть и над внешней природой, и это была не власть эгоистического произвола, а власть любви, примерами которой полны жития христианских подвижников, любви, располагающей всякое создание к покорности человеку.

Другое дело, что заповедь «хранить и возделывать» была забыта основной массой человечества. И эксплуатация природы стала основой цивилизации.

Цивилизация переживает не только экологический кризис. Политики фиксируют политический кризис, экономисты – экономический кризис, культурологи – культурный кризис, а в целом ситуация определяется как всеобщий глобальный системный кризис. Причиной такого системного кризиса мы называем бездуховность цивилизации, которую поразил атеизм [17, с. 5–11].

Бездуховный человек не может быть нравственным. Для него нравственность – понятие абстрактное, а значит, и необязательное к исполнению. Следовательно, понятиями «нравственно» – «безнравственно» такой человек будет манипулировать в своих интересах, что собственно и происходит повсеместно. Таким образом, в безнравственном обществе решение экологических вопросов невозможно.

Только духовный человек внутренне исполнен ответственности, ибо он лично отвечает перед Богом за свои поступки. «Если Бога нет, то все позволено!» – пишет в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский.

Ключ к разрешению экологической проблемы – это христианский образ жизни, поскольку в христианском отношении к природе нет места ни эгоизму, ни потребительству.

В русской истории применительно к православным монастырям можно выделить три периода: XI–XIII вв. – «пещерный период», XIV–XVII вв. – «общежительный период» и XVIII–XX вв. – «поздний период». Анализ каждого этапа развития по отдельности позволит более полно обозначить культурную и экономическую роль монастырей в истории России.

5.2. Культура хозяйствования православных монастырей в XI–XIII вв. (пещерный период)

Первые монастыри появились вскоре после Крещения Руси, когда монашество прошло уже длительный (около семисот лет – с рубежа III–IV вв.) исторический путь от египетских пустынь и Палестины до Константинополя и Святой Афонской горы, разработало правила подвижничества, оформленные в уставах (преп. Пахомия, св. Василия Великого, Венедикта, Иерусалимский, Студийский, Афонский и др.), создало великую аскетическую литературу, испытало практикой различные формы устройства духовной жизни – анахоретство-отшельничество и общежитие-киновию, а также «средний путь», называемый также «лаврским», «царским», «золотым». Русским инокам предстояло изучить и освоить всю полноту и цельность восточной аскетической традиции и, осознав, что наиболее соответствует русским природно-географическим и социокультурным условиям, выработать собственный тип аскетического делания, собственный монашеский идеал.

Помимо палестинских обитателей огромное влияние на дальнейшее развитие византийского монашества, на афонские монастыри, а впоследствии – и на русские оказала сирийская аскетическая традиция, представленная именами святых Ефрема Сирина, Симеона Столпника.

Позже, с IX–X вв., **важнейшим центром православного монашества** стала Святая гора Афон, с которой непосредственно связаны истоки русского монашества. Преп. Антоний

Печерский принес избранному им месту подвижничества близ Киева благословение Святой горы [22, с. 68, 31].

Создателями первого большого монастыря Древней Руси были преп. Антоний и преп. Феодосий Печерские.

Влияние на возникновение монашества на Руси и формирование христианских монастырских традиций оказывалось через монашескую литературу – рассказы о монашеских подвигах и монастырские уставы, и через личный монашеский опыт русских подвижников, полученный в Константинополе, в Палестине и, главным образом, на Афоне.

Под 1037 г. в «Повести временных лет» есть сведение об основании двух обителей князем Ярославом Владимировичем («святаго Георгия манастырь и святыя Орины»). Вероятно, следуя традициям восточноримских императоров, киевский князь соорудил монастыри в честь своего святого и святой покровительницы княгини. Таким образом, эти обители формировали культ святых великокняжеских покровителей. Так начиналось строительство монастырей на Руси князьями. Характерным для них было то, что они представляли собой достаточно замкнутые организации, предназначенные для служения княжеским семьям. Вероятно, поэтому о них почти нет сведений в источниках.

Иначе формируется Киево-Печерский монастырь. Первое упоминание о нем относится к 1051 г. Обитель возникает не на средства богатых вкладчиков, как другие в этот период, а постепенно приобретает значимость благодаря подвигам своих первых подвижников.

Преподобный Антоний, вернувшись с Афона на Русь и поселившись в пещере в лесу под княжеским селом Берестовом, своей праведной жизнью, трудом и молитвой привлек к себе внимание новообращенного киевского общества, к нему приходили за поучением и благословением не только простые жители, но и вельможи, и князья. А пещера святого стала центром притяжения для тех, кто решил последовать его примеру. Так возник небольшой подземный монастырь с 12 иноками, постриженными Антонием. Необходимо отметить, что преподобный

добный Антоний сразу же определил рамки взаимоотношения монастыря с княжеской властью. Антоний получил официальное разрешение на владение землей и горой, где строится будущая обитель, от самого киевского князя Изяслава Ярославича. Однако сам основатель монастыря выступает в дальнейшем не в качестве иеромонаха или игумена. Он уходит на иную гору, поселяется в отдельной пещере, из которой не выходит до конца жизни. Его роль скорее ктиторовская – создателя обители, перенесшего на нее традицию и благословение Святой горы. Он поставил первым игуменом Варлаама, а после его перехода в другой монастырь – избранного братией Феодосия. Феодосий, будучи уже игуменом монастыря, специально интересовался Студийским монастырским уставом и по прошествии времени, найдя полный текст, принял его.

В Киеве в XI–XIII вв., как и на Руси этого времени вообще, были известны оба основных течения монашества: и египетско-сирийское, нашедшее признание на Афоне и принесенное на Русь Антонием, и палестино-константинопольское, которому следовал Феодосий. В Печерском монастыре они и сосуществовали параллельно, будучи представлены подвижниками, руководствовавшимися разными путями монашеского подвига, и сменяли друг друга в процессе развития монастыря.

Палестинский монашеский идеал святости оказался ближе всего к религиозной жизни Руси. Хотя основателем монашества был Антоний Великий, на Руси подражали главным образом не ему, а Савве Освященному.

Важнейшей составляющей хозяйственной жизни монастыря являлся монашеский труд. Повседневный монашеский труд – это не только постоянная молитва, и ночная служба, и постничество, но и рукоделие, обеспечение себя и братии средствами к существованию. Среди наиболее частых послушаний для новых монахов, живших в общем помещении и не имевших постоянного места для сна, была работа в поварне – колоть дрова, носить воду из реки, затем – вратарем (сторожем) у монастырских ворот, наконец – прислуживание в трапезной. Такой путь прошел в течение шести лет, напри-

мер, князь-инок Никола-Святослав, пока не стал жить в отдельной келии, которую сам и построил.

Феодосий еще до поступления в монастырь в течение двух лет занимался печением и продажей просфор, а также размолот зерна для них. В монастыре, уже будучи монахом, а затем игуменом, он также приходил в пекарню, участвуя вместе с пекарями в работе, подбадривая их и «веселясь духом». Однако обычным его занятием вне службы и молитв было пряжение шерсти («волны»), причем одновременно он напевал наизусть псалмы. Из этой шерсти монахи вязали на продажу носки («копытца») и шапки («клобуку»). В монастыре была общая пекарня, но не было мельницы, поэтому зерно раздавалось монахам по кельям и они сами мололи его на ручных жерновах, делая это обычно ночью. Немало монахов связывали свой труд с книгами. Черноризец Иларион занимался в келии Феодосия перепиской книг, священник Никон переплетал их («строющу книги»), а Феодосий в это время, сидя рядом, вил для этого веревки и тихо напевал наизусть Псалтирь. Обычным занятием монахов было также разведение огорода и выращивание овощей.

Монахи имели свои кельи, в которых отдыхали после обеда и должны были проводить время в молитвах после вечерней службы. При преп. Антонии кельями были вырытые самими монахами в мягком лессовом грунте пещеры. Затем, при увеличении числа братии, кельи стали строиться на земле, а пещеры стали монастырским кладбищем. Игумен имел двойную келью – вторая, «внутренняя», была для него своеобразной моленной, домовой часовней, куда Феодосий удалялся для молитвы.

Нормы поведения также были подчинены общей идее устройства монастыря. Введение строгого общежития Феодосием должно было изменить характер хозяйства монастыря и самоощущение братии: вместо отдельных иноков, объединившихся ради общей цели – спасения вне мира – и участвовавших в общих богослужениях, должна была возникнуть единая хозяйственная община с общим хозяйством, столом, строгой уравнительностью.

Особенно строг был Феодосий в требовании не иметь у себя в кельях продукты, не предусмотренную личную одежду и вещи. Обходя кельи, он изымал все лишнее: «он многократно ходил по кельям своих учеников и если находил у них или угощение, или одежду сверх принятой, или что из имущества, то бросал это в печь, как дьявольское и греховное». Игумен обосновывал это тем, что, думая об имуществе в своей келье, невозможно быть искренним в молитве, по Божественным словам: «где ваши сокровища, там и сердца ваши будут». Иноку надлежит думать о соблюдении устава и довольствоваться тем, что дает на трапезе келарь, а в кельях ничего не иметь.

Это равенство было очень притягательно в теории, но осуществить его в монастырской жизни оказалось трудно. Наиболее полное развитие общежития получает с эпохи преп. Сергия Радонежского и его учеников.

Монастырь с многочисленной братией требовал четкой организации, твердого устава, распределения обязанностей. Во главе его стоял игумен, бывший наиболее опытным монахом, хорошим организатором, способным вести дела и с внешним миром. Он должен был быть в курсе всего, что делается в монастыре и что делает каждый из братии.

После смерти Антония Феодосием было установлено избрание нового игумена всей братией монастыря. Общежительный монастырский устав требовал вместе с тем полного подчинения игумену.

Вторым после игумена лицом в монастыре был приставник – управляющий, помощник игумена, наиболее авторитетный и активный монах, возможный преемник настоятеля. Важнейшей должностью в общежительном монастыре был келарь, ведавший хозяйством, постоянной заботой которого было накормить братию, достать продукты.

Особое место в монастыре занимал священник – иеромонах. В монастыре были и иеродияконы, и «строители церковные» – пономари и другие церковнослужители. У игумена и пожилых и заслуженных иеромонахов были монахи-служители, которые могли быть сокелейниками.

Монастырский стол был традиционно очень ограничен. Все уставы исключали употребление монахами мяса в течение всего года. По скоромным дням были разрешены рыба и творог («сыр»). В бедном монастыре, каким был первоначально Печерский, монахи питались печеным хлебом и водой; вареные и горячие каши из гороха или чечевицы («сочиво») и пшена ели только по субботам и воскресеньям. При отсутствии круп варили травы («зелие»), сдобрив получившееся растительным маслом. В качестве запасного блюда на обед, при отсутствии других продуктов, давали вареную пшеницу, смешанную с медом. Продукты покупались в городе на деньги, которые выручали за проданные изделия монашеского рукоделия, иногда приходилось брать продукты «у продающих... взаим», то есть в долг. Однако по большим праздникам и торжественным событиям игумен разрешал для братии богатый стол, своеобразный монашеский пир («учреждение велие»). Так несколько раз отмечали в Печерском монастыре чудесное появление обильных даров во время недостатка продуктов.

Со времен Феодосия монастырь стал собственником земли, находящейся под зданиями самого монастыря (ее передал в дар князь Изяслав) и за его пределами. Это были вклады князей и бояр, желавших обеспечить таким образом вечное поминовение себя и своих родных на монастырских богослужениях. Эти земли обрабатывали зависимые люди – смерды, крестьяне, работавшие на полях под присмотром монастырских «приставников», схожих, вероятно, по своим функциям с «пашенными тиунами» «Русской Правды». Были несвободные работники и в самом монастыре. Такими стали воры, которые неоднократно пытались обворовать инока Григория, так что они были осуждены и светской властью («градским властелином»), и самим Григорием, передавшими их вместе с их детьми монастырю.

Кроме сел и земель монастыри получали и другие владения в собственность. Монастырь стал собственником пахотной земли, озер и бобровых находещ, там расположенных.

Бобровая охота считалась доходным занятием в Древней Руси. Обычно в монастырскую собственность кроме земельных наделов с селами входили покосы и луга. Существует сведение о наличии скота в монастырских селах. Монахи и население монастырских сел занимались рыбной ловлей, охотой. Борти и бортяные земли указывают на изготовление меда: так же, как и охота на бобров, это является исконным русским промыслом, приносящим хорошие доходы.

Другой формой деятельности было создание богоугодных заведений при монастырях для убогих и нищих, содержащихся на средства самого монастыря. Монастыри обладали значительными денежными средствами, с помощью которых производили и некоторые финансовые операции.

Печерский монастырь занимался благотворительностью для нищих и убогих (бедных). Поскольку сама монастырская закрытая община не предусматривала содержание в себе необеспеченных людей, не являющихся монахами, при монастыре, вне его, была устроена богадельня («двор») с церковью первомученика Стефана, где жили и питались за счет монастыря нищие, слепые, хромые и другие инвалиды («трудноватые»). Следуя библейской заповеди «девять частей прибытка возьми себе, а десятую отдай Богу своему», монахи десятую часть монастырского дохода передавали этой богадельне, посылая кроме того по субботам печеный хлеб в городские тюрьмы и тем, кто находился в заключении.

В период с середины XI до середины XIV вв. в Киеве было создано, по последним данным, около 22 монастырей, преимущественно княжеских, среди которых 4 женских. С распространением христианства вглубь и вширь возникают монастыри и в остальных регионах Древнерусского государства. В Новгороде практически не было своей княжеской династии – поэтому и монастыри, которые создавались на средства управляющих князей, не имели первенствующего положения в городе. Их было всего три: Юрьев (1119 г.), Пантелеймонов (1134 г.) и Спасо-Преображенский (1198 г.). Время их учреждения – преимущественно XII в. В период

XI – середины XIV вв. в Новгороде известно 27 обителей, среди них 10 женских.

Другая картина наблюдается в Северо-Восточной Руси. В XII – начале XIII вв. великое княжение из Киева было перенесено сначала в Суздаль, а затем во Владимир. Все устоявшиеся традиции княжеских семей переносятся в новый центр политической жизни. Так же как и в Киеве, князья строят церкви и монастыри. В отличие от Киева, где княжеские монастыри играли роль родовых усыпальниц, потомки Юрия Владимировича Долгорукого предпочитали хоронить членов своей семьи в соборных церквях, ими же основанных.

В Северо-Восточной Руси известно около 26 монастырей, 4 из них женские. Эти монастыри преимущественно княжеские (ктиторские).

Сведения о монастырях Юго-Западной Руси появляются только с XIII в. Сведений о существовании обителей в этом княжестве немного, но нет оснований сомневаться в их существовании.

Итак, уже в этот период развития монастырей в Древней Руси можно увидеть определенную зависимость между политическим устройством исследуемых территорий и монастырским строительством. Там, где существовала сильная княжеская власть, обители создавались преимущественно на княжеские средства и находились в полной их зависимости. А там, где существовала номинальная княжеская власть (как в Новгороде), число монастырей, созданных при участии князей, незначительно, но возникают обители, связанные очень тесно с кругами боярства. Положение монастыря в общественной жизни во многом зависело от того, к какому социальному слою принадлежит основатель (ктитор).

Особенностью монастырей на Руси в первые века их истории, до XIV в., было то, что они создавались в городах и ближних пригородах и как церковные институты были важной составной частью древнерусского города. Не проникая в глубь территории страны, в сельскую местность, монастыри в это время мало занимались миссионерством. Вместе с тем

с участием представителей всех социальных групп страны и поддержкой княжеской власти здесь была создана высокоразвитая христианская цивилизация, ставшая основой монашеской жизни у народов этого огромного региона в последующие века, вплоть до нашего времени.

Итак, определяя место монастырей в социокультурной структуре Руси XI–XIII вв. и их роль в развитии хозяйства Древнерусского государства, необходимо отметить, что они заложили основы социальной организации людей, следующих христианским идеалам. Еще в период язычества у древних славян сформировался культ земли, солнца, дождя, рек, источников, то есть всего того, что было связано с деятельностью земледельца. Зависимость величины урожая не только от вложенного труда, но и от природных, прежде всего погодных, условий, от правильного выбора времени работ придавала особое значение годовому сельскохозяйственному циклу и подчиняла ему всю жизнь древнерусского хлебопашца.

Принятие христианства, возникновение монастырей и монастырского хозяйства во многом дополнили и подкорректировали культуру древнеславянского хозяйствования, привнеся чисто христианские понятия личного трудового подвига, непритязательности и умеренности в пище, жилье, одежде, отсутствия личного имущества, активной помощи страждущим, выражающейся в благотворительности. Конечно, христианские ценности внедрялись не без споров и столкновений – в самих монастырях постепенно принимались и вырабатывались нормы поведения и способы ведения коллективного хозяйства. В рассмотренный период только складываются и осознаются монастырские уставы, происходит творческое усвоение византийского и палестинского наследия. В последующие периоды монастыри довольно быстро воплотят идеал монастырского служения, результатом которого станет появление не одного поколения выдающихся подвижников, деятельность которых связана с культурным и экономическим расцветом Русского государства.

5.3. Культура хозяйствования православных монастырей в XIV–XVII вв. (общежительный период)

Эпоха, начавшаяся подвижничеством преп. Сергия Радонежского, его учеников и единомышленников, – золотой век русского монашества: преподобные Кирилл Белозерский, Павел Обнорский, Зосима и Савватий Соловецкие, Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий. В XIV–XVII вв. **отмечаются** многообразие форм монашеского подвижничества, поиски путей наиболее совершенного воплощения монашеского идеала.

История Русской Церкви в XIV–XV вв. **неразрывно** связана с образованием единого Русского государства. Сложность и противоречивость этого процесса наложили свой отпечаток и на положение монашества, вынужденного реагировать на общественные изменения. В жизни русского монашества можно выделить два главных момента, отличающих его от предшествующего времени. Это, во-первых, новый уровень понимания аскетического идеала, что в сочетании с потребностями колонизации привело к распространению монастырей на новых территориях. Причем если раньше монастыри строились в основном в городах или ближайших пригородах, то в рассматриваемую эпоху обители чаще возникают в сельских местностях или вообще в глухих, малоосвоенных районах, на значительном расстоянии от больших городов. Другая особенность имеет отношение к организации внутренней жизни монастырей: со второй половины XIV в. на Руси проводится реформа монашеского быта на принципах общежитийного устава Саввы Освященного. При этом возрождение на новой основе порядков общежительства сопровождалось введением нового устава богослужения, наконец, пересмотром всей богослужебной литературы и приведением ее в соответствие с Иерусалимским уставом.

Указанные особенности эпохи ярко проявились в жизни и деятельности преподобного Сергия Радонежского – наиболее

почитаемого русского святого и основателя главной русской святыни – Троице-Сергиевой лавры.

С начала 1370-х гг. положение Троице-Сергиева монастыря меняется. С момента основания он входил в удел княгини Ульяны, вдовы Ивана Калиты, и находился под ее опекой. Около 1374 г. княгиня Ульяна умерла, а ее владения были поделены между великим князем Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, которому в том числе достался и Радонеж. С этого времени князь Владимир часто посещает Сергиев монастырь, организует бесперебойное снабжение его всем необходимым (ранее монахам нередко приходилось голодать).

С 1374 г. авторитет Сергия Радонежского возрастает. Осенью с Сергием знакомится сам великий князь, и преподобный крестит родившегося 25 ноября в Переяславле его сына Юрия.

В последующие годы отношения Сергия с великокняжеской семьей становятся еще тесней. В 1378 г. митрополит Киприан обращается к Сергию и его племяннику Федору как к духовным отцам великого князя Дмитрия. В 1380 г., накануне Куликовского сражения, великий князь спрашивает у Сергия благословение и дает обет построить монастырь в честь Богородицы.

Осень 1385 г. оказалась выдающейся в жизни Сергия Радонежского. В Филиппов пост преподобный по просьбе великого князя Дмитрия ездил в Рязань, где «укротил» свирепого князя Олега и содействовал заключению между Москвой и Рязанью «вечного мира». И в Филиппов пост, по возвращении в родной Троицкий монастырь, Сергей удостоился видения: Богоматерь в сопровождении апостолов Петра и Иоанна Богослова посетила преподобного и обещала свое покровительство основанной им обители.

В мае 1389 г. произошло последнее свидание Сергия с его духовным сыном, тяжело заболевшим великим князем Дмитрием. В качестве духовника Сергей свидетельствовал завещание Дмитрия Ивановича, в котором великое княжение Владимирское объявлялось наследственным владением московских

князей и тем самым устанавливался основной принцип единодержавия. Сергей Радонежский, таким образом, освятил своим авторитетом рождение новой государственности, складывавшейся в тяжелых противоречиях и в острейшей борьбе с внешней угрозой.

При Сергии Троицкий монастырь не имел ни земельных владений, ни промысловых угодий. В то же время благодеяниями «христолюбцев» и правителя княжества монастырь был в достаточной мере обеспечен продуктами, тем самым обитель сумела высвободить интеллектуальные силы для образования иноков, организации правильного богослужения, для переписки и украшения рукописей, пополнения монастырской библиотеки. В общежительный период существования монастыря это пополнение библиотеки имело целенаправленный характер, поскольку Иерусалимский устав содержал указания на широкую номенклатуру произведений, чтение которых было обязательным в те или иные дни годового цикла. В результате Троицкий монастырь уже при Сергии стал своеобразным центром воспитания монашества и подготовки квалифицированных кадров (игуменов монастырей и епископов).

Отмечается резкое изменение политики монастырских властей при игумене Никоне. Монастырь приступил к широкой скупке пустошей, деревень и сел, получал на них различного рода льготы от великого князя и удельных князей. Ряд земельных владений поступил в виде вкладов «на помин души». При игумене Зиновии Троице-Сергиев монастырь приобретает значительное влияние, его владения растут небывало быстрыми темпами, и к середине XV в. в общих чертах складывается основной земельный фонд монастыря.

В XIV в. православный мир переходит в отправление богослужения на Иерусалимский устав. Со второй половины XIV столетия этот устав распространяется и на Руси. Причины монастырской реформы состояли, очевидно, в несоответствии положения монашества его предназначению и возросшим задачам Церкви в период объединения Руси. Малочисленные, живущие каждый по своему обычаю и имеющие каждый свои

источники существования особножительные монастыри мало подходили для идеала совершеннейшей формы христианской жизни, а нужной социальной ориентации от них вообще трудно было ожидать. Поэтому акцент был сделан на хорошо организованные общежительные монастыри-киновии, подчиняющиеся жесткой дисциплине и четкой регламентации. Основными пунктами их программы были: нестяжание, послушание, молитва и труд. По Иерусалимскому уставу в церковную службу включался элемент почитания властей – многолетие пелось князю, архиепископу и игумену монастыря.

Суть реформы описана в житии Сергия Радонежского следующими словами: «И так распределяет блаженный и премудрый пастырь братию по службам: одного ставит келарем, а других в поварню и для печения хлеба, еще одного назначает немощным служить со всяческим прилежанием. Повелел он твердо следовать заповеди Святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничто своим не называть, но все общим считать» [11, с. 71].

В последующие годы появились более фундаментальные обоснования принципов общежительства. Одно из них содержится в ответах митрополита Киприана Афанасию Высоцкому, написанных в 1378 г. В общежительном монастыре все иноки должны подчиняться жесткой дисциплине: «Черньцю же убо в послушании сущу и над собою воли не имущу». Службу, «приказанную» им от игумена, монахи обязаны «блюсти и служити, яко же самому Христу».

Имуществом монахи владеют сообща («манастырскаяа стяжания и именья обща суть игумену и всей братьи»). Иметь села монастырю не запрещается, однако монахам «николи не быти в нем, но мирянину некоему богобоязнову приказати, и тому печаловатися бы о всяких делех, в манастырь же бы готовое привозил житом и иными потребами» [15, с. 62].

В подобном же духе изложил правила общежития архиепископ Суздальский Дионисий в послании 1382 г. монахам псковского Снетогорского монастыря. Общность имущества обосновывается ссылкой на Номоканон: «Мнихом ничто же

подобает своего имети, но все свое предати монастырю во власть». Авторитетом святоотеческих правил (Василия Великого, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Феодора Студита) вводится общая трапеза («ести же и пити в трапезе вкупе всем, опричь же трапезе ни ясти, ни пити никако же, ни до обеда, ни по обедех, а до пьяна никако же не пити»), настаивается на однообразии и скромности одежды («а одеяние потребное имати у игумена, обычный, а не немечьских сукон, а шюбы бораньи носити без пуху, и обувь и до онуць имати у игумена, а лишних одежь не держати»).

Несмотря на действенную поддержку Константинопольского патриарха и русского митрополита, подкрепленную убедительными свидетельствами церковных авторитетов, монастырская общежитийная реформа продвигалась тем не менее не без трудностей. Сопrotивление общежитийной реформе в Троице-Сергиевом монастыре достигло такого накала, что у части братии возникла мысль противиться наставничеству Сергия.

После 1365 г. реформа стала распространяться активнее. При этом ставка была сделана не на старые монастыри, с трудом поддававшиеся перестройке, а на вновь создаваемые. И здесь следует подчеркнуть особенную роль Сергия Радонежского. Сам Сергий основал несколько монастырей, его ученики и «собеседники», ученики учеников, создали или восстановили, по подсчетам митрополита Макария (Булгакова), около половины всех появившихся в XIV–XV вв. монастырей: Спасо-Андроников монастырь на берегу реки Яузы вблизи Москвы возник между 1365 и 1373 гг., в Серпухове Высоцкий монастырь (Сергий благословляет на игуменство своего ученика Афанасия), Успенский Стромьинский монастырь на реке Дубенке, освященный в 1381 г. Сергий основывает Голутвинский Богоявленский монастырь и благословляет на игуменство своего ученика Григория в 1385 г.

Родной племянник Сергия Федор основывает Симоновский монастырь. Немало монастырей основано учениками Сергия Радонежского.

Савва Сторожевский по приглашению князем Юрием в Звенигород основал монастырь Рождества Богородицы «на Сторожах».

Основание Николо-Пешношского монастыря в Дмитровском княжестве предание связывает с именем другого Сергиева ученика – Мефодия.

Еще одну отрасль северо-восточного монашества, связанную своими корнями с Троице-Сергиевым монастырем, представляют имена Пафнутия Боровского и Иосифа Волоцкого. В течение семи лет Пафнутий проходил школу иноческого жития у знаменитого старца Никиты, впоследствии основал свой монастырь во имя Рождества Богородицы на реке Истерве, впадающей в Протву. Ученик Пафнутия Иосиф, известный публицист и богослов конца XV – начала XVI вв., основал свою обитель на Волоке в 1479 г.

В конце XIV в. начинается продвижение «общежителей», Сергиевых учеников и собеседников, в малоосвоенные пределы Русского Севера. Обозначились два колонизационных потока: один распространился по вологодским лесам, другой достиг Белоозера. Эти территории различались и по владельческой принадлежности: Вологда и Кострома управлялись великим князем, а Белозерье входило в созданный в 1389 г. удел князя Андрея Дмитриевича.

Димитрий (Прилуцкий) удаляется в северные пределы и на берегу реки Великой (притока Лежи) ставит церковь Воскресения. Из-за недовольства местных крестьян Димитрий вынужден уйти дальше на север и при луке (изгибе) реки Вологды основывает «общий» монастырь в честь праздника Всемилостивого Спаса.

Сходная судьба оказалась и у Стефана Махрищского. Стефан был постриженником Киево-Печерского монастыря, пришел в Северо-Восточную Русь при великом князе Иване Ивановиче, получил разрешение поставить монастырь во имя Св. Троицы на Махрище, в пределах Переяславского княжества. Стефан был одним из «собеседников» Сергия Радонежского. Вражда соседей-вотчинников Юрковских вынуждает Стефана

уйти вместе со своим учеником Григорием в северные леса, где он основывает Авнежский Троицкий монастырь (в 60 верстах к северо-востоку от Вологды, близ реки Сухоны).

Учеником Сергия Радонежского был Сергей Нуромский, пришедший в Троицкий монастырь с Афона. Желая пустынно-го уединения, Сергей Нуромский отправляется в Вологодские края, где основывает Спасо-Преображенский монастырь на реке Нурме, притоке Обноры.

Монастырская колонизация Белоозерского края связана с именами преподобных Кирилла и Ферапонта. Белоозеро находилось в уделе сына Дмитрия Донского – князя Андрея Дмитриевича Можайского. Заботами князя новые обители обеспечивались многими угодьями, а монастырским поселениям предоставлялись различные податные льготы, они освобождались от дани и пошлин.

Ученики и воспитанники «школы» преподобного Сергия внесли, таким образом, выдающийся вклад в распространение принципов общежительства. Трудом и подвигами братства основанных ими монастырей совершенствовались правила иноческого делания, создавалась богатейшая письменная культура Средневековой Руси, распространялось христианское просвещение во вновь освоенных землях.

* * *

Характерный путь основания и становления русского православного монастыря дает возможность подробнее проследить особенности устройства монастырского хозяйства и выявить – как на практике реализовывались христианские принципы взаимоотношения человека и природы.

Когда к подвижнику собиралась братия, ему необходимо было получить разрешение светских и духовных властей на создание новой обители. Если монастырь стоял на государевой земле, то его основатель подавал челобитную князю. Государь, как правило, жаловал земли и угодья, что подтверждалось жалованной грамотой. Эти грамоты неред-

ко были льготными грамотами, по которым монастыри и все, живущие на монастырской земле, освобождались от выплаты податей государству. Такие льготы обычно давались на 10–15 лет и очень редко – бессрочно. Вместе с жалованной грамотой обычно выдавалась и несудимая, которая освобождала монастырь от подсудности государственным властям. Право судить братию и монастырских людей, кроме уголовных дел – кражи, разбоя и убийства, получал теперь настоятель обители. Если одна грамота давала освобождение от податей и подсудимости светским властям, то она называлась «тарханной», или «тарханом». Такие грамоты выдавались редко. В XVI в. полным тарханом владел Троице-Сергиев монастырь, а с 1584 г. их выдача была и вовсе прекращена.

После того как была получена жалованная грамота на землю, ее можно было осваивать. Иноки расчищали землю от леса, чтобы поставить церковь, кельи, посадить огород, пахать пашню. Бывало, что монастырю помогали наемные люди, если у обители были средства и благодетели. Но чаще основатель сам со своими учениками таскал бревна, строил церковь и кельи, поселяясь до их возведения в «лесных куцах» (хижинах из веток, стоявших в чаще леса).

Замечательной хозяйственной смекалкой обладал преподобный Александр Свирский, чему немало подтверждений мы находим в его житии. Как-то раз преподобный обнаружил большие запасы глины около своего монастыря и задумал делать из нее кирпичи, чтобы построить в обители каменную церковь. Братия роптала на святого, средств у монастыря не было никаких, и всякое строительство казалось невозможным. Но преподобный Александр не отступал. Через некоторое время в монастыре было приготовлено достаточное количество кирпича, извести, с берега озера иноки натаскали валунов. Тогда Александр Свирский послал к великому князю Василию Иоанновичу трех своих учеников с просьбой прислать каменщиков в обитель. В скором времени в обители были построены каменный храм, трапезная и монашеские кельи.

Итак, именно земля была основой монастырского хозяйственного уклада. Земля подчас была неплодородна и в климатических условиях Русского Севера не приносила большого дохода. Но крестьянин, кем, в сущности, и являлся русский монах, не мыслил себя без земли. Эта связь осознавалась им почти мистически. Такое разумное отношение к земле следует отличать от стяжательства, страсти приобретения излишнего ради обогащения.

Поскольку нужда в хлебе была самой насущной, монастырская пашня всегда являлась предметом особой заботы братии. Из житий преподобных Кирилла Белозерского, Александра Ошевенского и других святых известно, что сами преподобные возделывали землю. Хлеб, который выращивали на монастырской пашне, назывался «припашной». Монастырские старцы заботились о том, чтобы амбары были полны хлеба, и держали его про запас. Все работы на пашне велись под тщательным контролем игумена и келаря.

Отдельными видами работ руководили специально поставленные для этого старцы. С увеличением монастыря к распашке земли привлекались на различных условиях наемные люди, они также упоминаются уже в житиях основателей монастырей. На первых порах в монастырях занимались подсечным земледелием. Некоторые валаамские подвижники, жившие одиноко в глубине острова, брали на себя сугубый подвиг: не принимая никакой помощи от монастыря, сами выращивали хлеб, копая «жесточайшую ту каменную землю» копорую, даже без помощи скота [26, с. 61–62].

Монахи, жившие в монастырях нынешней Архангельской области или Карелии, вынуждены были постоянно заниматься подсечным земледелием. Плодородные почвы, как правило, находились под болотами и требовали большого труда при их разработке. Подсечное же земледелие позволяло делать запашки в лесах без использования лошадей и удобрений. Именно так обрабатывали землю основатели и первые насельники монастырей. Не случайно в житиях часто встречаются рассказы о том, каким опасностям подвергались святые, когда жгли лес или хворост.

Довольно быстро в монастырях, расположенных на плодородных землях, переходили к правильно организованному *трехполью*. Там, где позволяли природные условия, зерновое хозяйство велось на высоком уровне, землю добротнo обрабатывали, систематически вносили удобрения. При обработке земли употреблялись соха (в Карелии это были простые одноконные сохи), плуг, борона из еловых сучьев, при уборке урожая – серп, цепь и коса. Сеяли, как правило, рожь и овес и в значительно меньшем количестве – ячмень и пшеницу. Лен и коноплю монастыри, как правило, не выращивали, хотя постоянно покупали льняное и конопляное масло, лен на нити и коноплю. Гораздо дешевле их было купить, чем заниматься такими трудоемкими культурами в собственном хозяйстве.

Хлеба высевались яровые и озимые. В Спасо-Прилуцком монастыре (близ Вологды) яровые (овес, ячмень, пшеницу, редко – рожь) сеяли в апреле или в мае. Озимую рожь (такой была большая часть, именно она кормила монастырь) сеяли в августе. Уборка урожая начиналась в конце июля и заканчивалась в августе. Лишь в те годы, когда стояла особо плохая погода, окончание уборочных работ падало на сентябрь. Самый же разгар страды приходился, как правило, на август. Урожай зависел от погодных условий, количества рабочих рук и всегда получались разными, но, как правило, стабильно высокими. Неурожаев в этой обители практически не было. Даже в голодные годы, которыми начинался XVII в., урожай на монастырском поле был относительно высок. Причем на монастырской пашне урожай были всегда выше, чем в селах, расположенных неподалеку от монастыря. Достигалось это высоким уровнем обработки пашни. Некоторые обители полностью обеспечивали себя хлебом, но почти никогда им не торговали, даже когда амбары ломились от хлеба. Наоборот, монастыри всегда старались его закупать про запас, и только немногие обители торговали своим хлебом.

Большинство же русских монастырей, расположенных в неблагоприятных для сельского хозяйства районах, не могли прокормить себя хлебом сами, зерно приходилось докупать или просить помощи у государства или иных благотворителей.

Мельницы не сразу появлялись в монастырях. На первых порах монахи перемалывали зерно с помощью ручных жерновов. Однако молоть ручными жерновами было чрезвычайно трудным делом. Все зерно обычно делилось на части – «уроки» и распределялось между иноками монастыря. Если кто брал на себя чужой урок, то в житиях такой поступок оценивался как особый подвиг.

Кроме пашни монастырскую землю использовали под огороды и сенокосы. Если рабочих рук для обработки пашни не хватало, то она быстро превращалась из «живущего» в «пусто». Эти опустевшие пашенные земли отводили под покосы, которые сдавали в аренду либо косили сами. Из житий святых видно, что монастыри обзаводились стадами скота уже на первых порах своего существования.

Монастырские старцы всегда заботились о том, чтобы поголовье скота в их обителях постоянно увеличивалось. Для такого количества скота требовалось много сена, и его заготовка была одной из насущных монастырских забот. На лучших Шехонских пожнях (по берегам реки Шексны), принадлежавших Кирилловской обители, косили сено «околомонастырские люди» под надзором старцев. Часть пустошей братия сдавала в аренду при условии, что монастырь будет получать каждую третью или четвертую копну. Другую часть пожен крестьяне косили вместо повинности.

Огороды обычно находились на территории самого монастыря. По уставу Александро-Свирского монастыря иноки ранним утром после чтения утренних молитв выходили работать на огороды. Огороды в северных монастырях, как правило, удобряли, чтобы получить на них хороший урожай. Традиционно разводили капусту, редьку, брюкву, морковь, свеклу, лук и чеснок. В Кирилло-Белозерском монастыре для правильного орошения гряд рыли каналы и прокладывали водопроводные трубы. Излишки капусты этот монастырь иногда даже продавал.

По мере того как обители богатели, они все меньше внимания уделяли огородничеству. Монастыри стремились покупать лук, чеснок, репу, а не заниматься их разведением.

Так, Кирилло-Белозерский монастырь закупал овощи в Белозерске, Вологде и других городах. Судя по тому, что при монастырях существовали больницы, видимо, на огородах существовали и специальные посевы лекарственных трав. Так, например, известно, что патриарх Никон, находившийся в ссылке в Ферапонтовом монастыре, специально разводил лекарственные травы. Кроме того, в монастырях традиционно занимались и пчеловодством.

* * *

Важным подспорьем в хозяйстве всех русских монастырей были рыбная ловля и рыбный промысел. Рыба являлась основной пищей в непостные дни, а также разрешалась в некоторые посты. Для тех монастырей, которые находились на Крайнем Севере и располагали скудными земельными угодьями, рыба и вовсе становилась практически основным продуктом питания.

Рыба была настолько важным продуктом питания, что о рыбалке упоминают практически все древние жития святых. Рыба, как правило, добывалась не на продажу, а на собственный обиход. Близ Соловецкой обители находилось несколько морских тоней для ловли сельди, которую добывали летом и солили впрок. Кроме сельди соловецкие монахи ловили в море семгу, камбалу, треску и корюшку. В зимнее время в морских губах крючками ловили навагу. Около берегов в море добывали морскую капусту.

Кирилло-Белозерский монастырь при жизни своего основателя владел рыбными ловлями в Сиверском, Уломском озерах и неводами на Белом озере. Интересно, что в Сиверском озере, на берегу которого стоит Кирилловский монастырь, рыбу ловили удочками и только на праздник Успения Пресвятой Богородицы преподобный разрешал ловить сетями. В этом проявилось, видимо, бережное отношение подвижника к окружающему его миру. Но была и другая причина. Пахомий Логофет отметил в житии преподобного Кирилла, что святой

всегда отличался строгим воздержанием. На трапезе он вкушал от всех блюд, но не до сытости. Так он советовал поступать и своим ученикам. Рыба для кирилловских монахов была праздничным блюдом, а если и разрешалась, то не до сытости. Единственным днем, когда не действовали никакие ограничения на рыбу, был престольный праздник монастыря. Этот пример очень ярко показывает четкую взаимосвязь христианских установок и взаимоотношений человека и природы.

За редким исключением, рыбный промысел не приносил обителям значительных доходов, так как рыба дешево стоила и расход ее был большим. Обители, как правило, разрешали местным жителям пользоваться своими угодьями, но за это часть своего улова рыбаки отдавали в монастырь. На первых порах, когда взаимоотношения отличались простотой, этот договор был устным и нигде не фиксировался. Ловля рыбы на озерах и морях также была сопряжена с тяжелым трудом и немалым риском, о чем свидетельствует множество чудес, записанных в житиях.

Монастыри, стоявшие на морском побережье, уделяли большое внимание «мурманскому промыслу». Основной продукт промысла – ворвань, то есть китовое, моржовое и тюленьё сало, охотно покупали в Холмогорах, Каргополе и даже за рубежом. Поэтому монастыри старались «мурманского рыбного промысла не запустить» и держали на самом берегу своих «покрутчиков» (приказчиков). Печенгская обитель традиционно получала наибольший доход от морского промысла. Поскольку пожертвования в виде денег за молебны и панихиды здесь составляли крайне скудную цифру из-за нищеты местного населения – лопарей – и прокормиться рыбалкой или скудными урожаями было невозможно, преподобный Трифон вместе с игуменом монастыря Гурием отправился в Москву просить угодий для морских промыслов. Царь Иоанн Грозный дал монастырю в вотчину Печенгскую, Тонкую, Лицкую, Урскую, Позрецкую и Новденскую морские губы со всеми рыбными ловлями и «выметом морским» (выброшенными морем китами или моржами), а также со всем морским берегом, пашнями и

лесами, озерами и звериными ловлями, «чтобы тем монастырь мог обстраиваться и питаться». Монастырь быстро освоил свои угодья и даже начал торговать. Каждое лето сюда приходил купеческий корабль из Гамбурга, купцы брали в обители семгу, китовое сало, а взамен давали соль, крупы, вино и другие припасы с приплатой деньгами.

Практически у всех поморских монастырей были свои морские промыслы. Соловецкий монастырь также всегда высылал своих трудников на морской промысел. Он начинался весной, когда ломало лед на море, и потому назывался «веснованием». Добывали белугу, нерпу, тюленей. Кожи выделывали на собственном кожевенном заводе, а сало использовалось для освещения монастыря долгой зимой. На морских зверей охотились на карбасах, небольших узких и легких лодках, которые моряки больших торговых судов обычно всегда брали с собой, так как в случае непогоды на карбасе можно было высадиться там, куда не могло подойти ни одно судно.

Самым доходным из монастырских промыслов, и к тому же не таким рискованным, как рыбная ловля, было солеварение. Основные расходы на содержание солеварен были связаны с использованием большого количества дров. На морском берегу рыли колодцы глубиной до 5–6 сажен, в них собиралась вода, содержание рассола в этой воде составляло обычно около 11%. Около колодцев стояли варницы (простые сараи), в которых на железных крюках над печью были подвешены четырехугольные железные сковородки – црены. Рассол кипятился в црене несколько суток, потом остывал и загустевал. Каждый отдельный процесс («полуваря») занимал в среднем семь-восемь дней, в результате полувари получалось около 190 пудов соли.

Почти все северные монастыри занимались солеварением, даже те, которые располагались далеко от морского побережья. Монастыри покупали здесь участки и строили свои соляные варницы. На каждой варнице находился монастырский двор с хозяйственными постройками, стояли обычно кузница, изба, навесы для хранения дров, амбары, в которых хранились

запасы соли, хлеба и продуктов. Монахи, работавшие на промыслах, часто кормили себя сами. Поэтому кроме солеварения приходилось еще заниматься земледелием. Полученная соль в основном шла на продажу.

* * *

Образцовым примером монастырской системы выживания в сложнейших условиях Русского Севера, да еще на острове, было хозяйство Соловецкой обители, созданное при святителе Филиппе (Колычеве). Он был соловецким игуменом восемнадцать лет (с 1548 по 1566) и за эти годы благодаря своей недюжинной практической смекалке и умению хозяйствовать не только заново отстроил монастырь – теперь уже в камне, но создал такое мощное хозяйство, которое оставалось основой материального благополучия обители вплоть до начала XX в.

Соловецкие острова мало пригодны для земледелия. Архимандрит Досифей – автор большого исследования по истории Соловецкого монастыря – отмечал, что земля Соловков «по качеству своему и по самой суровости северного климата к произведению хлебопашества весьма неспособная. Неоднократные опыты в посеве ячменя на способных и искусством удобренных местах хотя и были предпринимаемы, но по слабому действию солнечной теплоты оный никогда созреть не мог, а безвременные и ранние морозы истребляли его во время самого цвета» (цит. по [26, с. 121]).

Даже сенокосные луга необходимо было удобрять навозом, чтобы до первых холодных северных ветров успевала вырасти трава. В таких условиях игумен Филипп сделал ставку на развитие разнообразных промыслов и технические достижения. Чтобы осушить заболоченный Соловецкий остров, он соединил его семьдесят озер системой специально прорытых каналов. Лишняя вода перетекала из одного озера в другое и так спускалась к Святому озеру, расположенному неподалеку от монастыря. Оттуда воду посредством двух каналов спускали в гавань. До игумена Филиппа монастырские мельницы на-

ходились вне монастыря, он же провел воду из Святого озера внутрь стен обители и устроил здесь каменную мельницу и «толчею». Предприимчивый игумен перегородил каменной плотиной морскую губу неподалеку от обители и развел в ней треску, которая, как сказано в монастырском летописце, «благословением его» весьма расплодилась. Кроме того, святитель Филипп испросил у государя соляные и рыбные промыслы для монастыря, построил кирпичный завод, провел дороги, расчистил сенокосные пожни, а на острове Муксолме, который соединил с Соловецким дамбой, устроил коровий двор. На трех лесистых островах: Соловецком, Анзерском и Муксолме – он развел лапландских оленей. В случае нужды их ловили тенетами, кожа использовалась на сапоги, шерсть для набивки тюфяков и подушек, а мясо шло в пищу мирским людям, работавшим на обитель. Упорный труд и хозяйственная изобретательность монахов позволяли выжить в тяжелейших условиях северной природы.

* * *

Эпоха деятельности Сергия Радонежского, его учеников и единомышленников утверждала принципы общежителства. Это важно отметить, так как принцип организации монастыря напрямую связан с хозяйственной культурой, осуществляющейся в данном монастыре.

Общежителный монастырь с его внешней, экономической стороны – трудовая, чаще всего, как это уже подчеркивалось выше, земледельческая община. Среди основателей и собиравшейся к ним рядовой братии пустынных монастырей встречались люди из разных классов общества – бояре, купцы, промышленники и ремесленники, военные, иногда люди из духовного сословия, очень часто крестьяне. Общежителный монастырь представлял рабочую общину, производственную артель, в которой занятия распределялись между всеми: каждый знал свое дело и работы каждого шли «на братскую нужду». Что, кстати, ставило монастыри, монастырский труд, по

признанию известного историка Русской Церкви А. В. Карташева, «вне конкуренции». Наставник вел постоянную работу над каждым отдельным братом, его личными навыками, приспособливал их к целям всего братства.

* * *

Тем не менее, вопрос о том, какое устройство монастыря является предпочтительным, так и остался без однозначного разрешения в XV–XVI вв. и сохраняет актуальность до настоящего времени.

Кульминацией полемики по этому вопросу явилось противостояние «иосифлян» и «нестяжателей». Это нельзя назвать противостоянием в полном смысле слова, речь скорее о двух гранях одной общей цели – поиска русского аскетического идеала, крайних позициях, корректирующих и дополняющих друг друга. Не случайно и Иосиф Волоцкий, и Нил Сорский причислены Русской Православной Церковью к лику святых, чем как бы постулируется равноценность позиций обоих подвижников. Как пишет В. И. Шамшурин: «Противопоставлять их – все равно что противопоставлять фундаментальную и прикладную науки. Нил Сорский делал акцент на сакральности, а Иосиф Волоцкий большое внимание уделял институциональному обеспечению и осуществлению и догматики, и аскетики, и массовому распространению веры...» [33].

Все существующие к XV в. типы монастырей тем или иным способом устройства стремились воплотить в жизнь христианский идеал служения, предлагая свои принципы построения идеального хозяйства, угодного Богу.

В краткой редакции монастырского устава Иосифа Волоцкого названы четыре группы иноков: **лаврские, киновиане, пустынники, ошельцы** [23, с. 296].

В Стоглаве, памятнике русского церковного права середины XVI в., названы два типа монастырей – **общие** (или **общежительные**) и **особь сущие** (или **особные**) [10, с. 328]. Но, как подчеркивают исследователи вопроса типологии монасты-

рей, сами типы монастырей не были достаточно оформленными, а различия между ними четкими.

Интересно разделение Иосифом Волоцким отшельников и пустынников. Термин **отшельник (ошельник)** представляет собой перевод греческого слова «анакорет» и означает «уходящий». Следовательно, отшельник – не просто пребывающий в удалении от монастыря монах, но монах, уже имевший опыт подвижничества в каком-либо монастыре, и лишь с благословения духовного руководителя он может покинуть монастырь в поисках более уединенного места пребывания. «**Пустынник**» же – это монах, пребывающий в «пустыни», вовсе не обязательно «отшельник», то есть совершивший «отшествие» из своего монастыря. Так, преп. Сергей Радонежский с самого начала своего подвижничества избрал «место пустынное», то есть стал «пустынником». Термин «**пустынь**» служил для характеристики природно-географического положения обители, места его основания, для противопоставления городскому монастырю, а также подчеркивал более последовательное осуществление монашеского идеала «отвержения мира» [30, с. 119–120].

Характерный путь для русского монастыря – пустынь преобразовывалась в общежительный монастырь. Движение пустынножительства, начавшееся во второй половине XIV в., совпало с процессом внутреннего освоения земель.

Основное отличие **особных монастырей** от общежитийкиновий состояло в том, что монахи сами заботились о материальных основах своего существования (пище, одежде и т.д.), а литургическая жизнь проходила по церковному уставу.

Различение монастырей, **киновий** и **лавр** также носит неопределенный характер. Есть предположение, что дело в отношении к вкладам при вступлении в монастырь. Вступление в кинувии не было обусловлено обязательным, фиксированным в объеме вкладом, лавры же тоже, по-видимому, могли быть кинувиями, но в них вклад играл гораздо бóльшую роль.

Характерно, что полемика о характере монастырского устройства, о назначении «монашеского подвига», об имущественном положении и экономических основах жизни обите-

ли зарождалась значительно раньше эпохи Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, но переходила в XVI в. из более раннего времени. Одни грамоты имели целью укрепление общежительных начал, другие настаивали на равном достоинстве монашеских типов.

Нил Сорский избрал **скитскую** форму подвижничества, изучив перед этим практику восточного монашества на Афоне. Скитский устав предназначался для монахов, подвизавшихся вне монастыря, для отшельников. Богослужбная практика Нило-Сорского монастыря проходила по скитскому уставу, а дисциплинарные уставные правила были сформулированы его основателем в «Предании ученикам».

В хозяйственной деятельности монахов на первом месте стоит собственный труд, что, впрочем, является общемонашеским требованием. Нил рассматривал свой скит в качестве одного из особых монастырей, противопоставляя их общежитиям по такому важному принципу, как участие в хозяйстве, точнее, в сельскохозяйственном производстве. Возможность этого участия (пахота с упряжкой волов, полевые работы) допускается лишь для общежительных монастырей и отрицается для особых. Речь идет не просто об отказе от «болезненного», тяжелого труда. Это – составная часть представлений Нила о хозяйстве и собственности. «Для аскетического миропонимания, – писал С. Н. Булгаков, – характерно стремление к освобождению от хозяйства» («христианство проповедует свободу от собственности и допускает последнюю лишь при условии **этического регулирования пользования** ею») [4, с. 231–232].

Таким образом, Нил Сорский, несмотря на то что провозглашал для скита необходимость более строгого, полного и совершенного исполнения аскетического идеала, т.е. отказа от хозяйства, собственности и богатства, тем не менее признавал за общежительными монастырями возможность хозяйственной деятельности. Нил исходил из реальности социально-экономической жизни, в которой монастыри играли большую роль.

Каким образом реализовалась установка **этического регулирования пользования** собственностью?

Многие обители, как это уже отмечалось, являлись рассадниками просвещения, очагами благотворительности и добровольных пожертвований, центрами религиозного и национального самосознания. Но не только это. Именно в монастырях проводится кадровая политика, поскольку именно оттуда набирались игумены и иерархи для епархий.

С. М. Соловьев писал по этому поводу: «Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира; это общество, в глазах его, было тем совершеннее, чем менее имело столкновений с миром; Иосиф же, кроме этого значения монастыря, предполагал еще другое: он смотрел на монастырь также, как на рассадник властей церковных; Нил имел в виду отшельника, желающего укрыться от мира, от всех его отношений, в болотах и лесах белозерских; Иосиф имел в виду также и владыку, епископа, который будет взят из монастыря: “Если у монастырей сел не будет, – говорил Иосиф, – то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа? Если не будет честных старцев и благородных, то вера поколеблется”» (цит. по [33, с. 118]).

В монастырях, сверх религиозно-иноческого воспитания, главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Так воспитывалось и само монастырское братство, и население, жившее вокруг монастырей, на которых иноки, по современным тому времени свидетельствам (например, агиографическим, т.е. житийным), производили огромное назидательное впечатление. Таким образом, навыки глубоко экологичного ведения хозяйства, основанного на христианском миропонимании, осуществляемые в своей повседневной жизни монахами, не оставались за стенами монастыря, в пределах монастырских полей, но перенимались местным населением, шли в мир.

Противостояние уставов Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, как уже отмечалось, первоначально не имело принципиального характера и вполне укладывалось в русло двух древних

сосуществующих аскетических традиций. Но вмешательство третьей силы – государственной власти – вывело его из монашеской кельи на кафедру церковного Собора 1503 г., поставившего вопрос о церковном и монастырском землевладении. Это было начальным этапом длительной борьбы по поводу монастырских имуществ, началом секуляризационного процесса, приведшего к постоянным переделам земель, как следствие – их запустению и развитию экологического кризиса.

Монастырская собственность служит гарантом осуществления довольно существенной части нравственно-просветительной, образовательной деятельности Церкви. Здесь важно иметь в виду очень важную особенность, которую отмечал Иосиф Волоцкий: **монастырь – стяжатель, монах – нет**. Именно монастырь – «коллективный собственник», так как обеспечен в средствах содержания недвижимостью, дающим доход имением. Монах только распоряжается собственностью, организует ее наилучшее использование в интересах широкого круга мирян.

Земельная монастырская собственность делала Церковь морально независимой от государства (без собственности отделение Церкви от государства – не более чем декларация), давала связь с гражданским обществом. Кроме того, живя рядом с мирянами, духовный пастырь лучше знал их интересы, а главное – имел экономические возможности для помощи. Черное священство имело возможность поддерживать белое священство, поскольку монастырская собственность, монастырские крестьяне освобождались от податей и повинностей. При продаже и покупке припасов монастыри в России освобождались от торговых пошлин. Приходские священники, как известно, с точки зрения налогообложения были в куда менее выгодном положении.

Занимаясь всеми видами духовного спасения человека, монастырская братия спасала мирян и от пожаров, и от нашествий неприятеля, и от голода в случае недородов.

Из истории Русской Церкви известно, что обитатели иногда годами кормили из своих житниц сотни и тысячи обнищавших

людей. Сюда же следует отнести борьбу Церкви, особенно монастырей, с моровой язвой 1654 г., поставку припасов, снабжение и прямое снаряжение русских войск, не говоря уже о многочисленных пожертвованиях Русской Православной Церкви в Великую Отечественную войну.

Информация о решениях Собора по «земельному» вопросу и об организации монашества отсутствует в современных официальных источниках потому, что никакого решения принято не было, а сохранение status quo не требовало оформления специальным решением, самый факт обсуждения был сочтен, надо полагать, «аки не бывший».

Необходимо отметить, что в русском национальном сознании развивалось не осуждение или отрицание богатства, собственности как таковых, но лишь осуждение в их сопряжении с насилием, эксплуатацией, неправдой и другими социальными пороками.

* * *

Организация архитектурно-пространственной композиции монастырей всегда была непосредственно связана с окружающей природной средой. Особенности расположения монастырей в природном ландшафте наглядно показывают гармонию во взаимоотношении человека и природы. Церковь тянется к чистым источникам природных вод. Грязная река с храмом несовместима. Исследователи неоднократно отмечали общую черту в размещении монастырей: их привязанность к течению рек, озер, к источникам, бьющим из земли. Геологи в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. попытались составить путеводитель по источникам подземных вод и выявили, что «большая часть из них расположена вблизи действующих либо ранее существовавших монастырей, церковей или часовен» [7, с. 382–383].

В Средневековье монастырь воспринимался как образ Царствия Небесного, явленного на земле. Представление о семантике монастыря как земной модели небесного града, ду-

ховной крепости, Горнего Иерусалима воздействовало на планировку, композицию обителей [5, с. 207].

Со времен древних палестинских лавр святых Евфимия Великого (473 г.) и Феодосия Великого (529 г.) общежительные монастыри строились по плану четырехугольника. Эту традицию не нарушали и в русских обителях. Преподобный Дионисий обошел понравившееся ему место на реке Глушице и очертил его границы «по лаврскому обычаю» – то есть четырехугольником. Преподобный Корнилий Комельский также «устроил четвероуголен образ монастырю» [26]. Такая планировка отражала символический характер: Небесный град Иерусалим, в котором будут жить спасенные народы, описан в «Откровении святого Иоанна Богослова» как «четвероугольник», «и длина его такая же, как и широта» (Откр. 21, 16). «Он имеет большую и высокую стену», и «ворота на все стороны света: с востока, с севера, с юга и с запада» (Откр. 21, 12, 13). Монастырь как земной образ Царствия Небесного строился по плану Небесного Иерусалима; его четырехугольник обносили стеной с воротами на все стороны света. В центре обители всегда ставили храм, как «некое око, взирающее на монастырь». В Небесном Иерусалиме, по описанию апостола Иоанна Богослова, нет храма, «ибо Господь Бог Вседержитель храм его, и Агнец» (Откр. 21, 22). Но пока не закончена земная история, храм остается центром обители как жилище Бога, как место, где совершается Божественная литургия. Рядом с храмом в монастырях всегда находилась трапезная, ибо монастырская трапеза является как бы частью и продолжением богослужения.

Первый монастырский храм был, как правило, холодным. Его посвящение давало имя всей обители. Вскоре рядом с ним появлялся теплый храм для богослужения в зимнее время; такой храм устраивали обычно вместе с трапезной. Рядом с церковью возводили звонницу или колокольню, колокола могли размещаться также на открытой галерее, устроенной над церковью и именуемой ярусом звона. «Присутствие колокольни в чреде храмов тоже имеет внутреннюю закономерность. Колокольный звон, минуя века, несет нам ту благую весть, которую

на заре нашего спасения услышала Богородица от архангела Гавриила. Колокольный звон освящает воздух и, подробно кресту, соединяет небо и землю» (цит. по [26, с. 127]).

Монашеские кельи строили полукругом с восточной стороны от храмов, так чтобы монах в оконце своей кельи мог всегда видеть храм и его святой алтарь. Территория внутри монастырской ограды считалась священной и предназначалась только для «ангельского чина» – монашествующих. Поэтому гостинные кельи для богомольцев находились у Святых врат, при входе в монастырь. В Кирилло-Белозерском монастыре даже дубовые кельи царя Иоанна Грозного находились не в главном – Успенском монастыре, а в Иоанновской обители, служившей богадельней для немощных и больных монахов. В монастыре преподобного Корнилия Комельского богадельня, где принимали странников, была устроена, по повелению святого Корнилия, за стенами обители.

В той части монастыря, где располагались кельи, не было никаких хозяйственных построек. Такая планировка создавалась намеренно. Монахи питались только в общей монастырской трапезной, есть в кельях или где-либо еще, а также иметь свои припасы запрещалось. Чтобы оградить братию от соблазнов и искушений, все службы, где хранили продукты или готовили трапезу, устраивали в противоположной от келий стороне монастыря.

Трапезные постройки составляли отдельный комплекс из самой трапезной палаты, поварни, хлебни, ледников, амбаров.

Казенная палата в монастырях предназначалась, как правило, для хранения казны, почему и получила такое название. Но крупа и хлеб на Руси ценились всегда на вес золота, поэтому было уместно их нахождение в казне. Кроме того, в казенной палате хранили иконы, ризы, жалованные грамоты, приходно-расходные книги и «всякую рухлядь»: монашескую одежду, посуду, скатерти, часы, дорожную упряжь, земледельческий инвентарь, запас бумаги, воска, тимьяна, льна и конопли. Мука и солод хранились в «хлебном» амбаре. Продукты, подверженные порче, хранили в погребах – ледниках. Сушило

(палата, в которой поддерживался сухой микроклимат) было хранилищем сушеной рыбы. Монастырское имущество, предназначенное для кузнечного и мельничного дела, рыбной ловли и солеварения, находилось в амбаре.

Около монастыря находились конюшенный и гостиный дворы, а дальше, уже за озером, – «коровий двор». Скотные дворы и конюшни всегда старались размещать подальше от монастыря, чтобы не осквернить монастырскую землю. Согласно древнему Студийскому уставу, лошади и вола в монастыри не допускались.

По мере того как монастырь богател, расширялся, его хозяйство становилось все более разветвленным, соответственно увеличивалось количество служебных построек и дворов.

Когда в обителях сооружали каменные трапезные палаты, то под ними обычно устраивали пекарню. Теплый воздух от печей по воздухоотводам внутри стен подавался наверх – в трапезную и примыкавшую к ней церковь – и отапливал их. Подобным рациональным способом были устроены трапезные в Кирилло-Белозерском, Соловецком, Саввино-Сторожевском и других монастырях.

К трапезной обычно примыкала братская большая поварня, кроме нее в монастыре было еще пять поварен. При службах обычно жили старцы, которые ими заведовали. Так, около кирилловской трапезной стояли две каменные кельи, где находился склад посуды и жили два подкеларника и чашник, в ведении которых был этот склад. Рядом с сытной палаткой, где ставили «квас медвяной», находилась воскобойня – каменная келья, в которой делали восковые свечи и жили пономари. На втором этаже сытной палатки и воскобойни находилось одно из сушил, здесь хранили хлеб и крупу для расходов поварни, располагавшейся рядом. Неподалеку от поварни стояли две деревянные кельи, одну из них занимал большой поваренный старец, в другой жили помогавшие ему «служебники», или «детеныши».

Большие монастыри были, как правило, крепостью не только духовной, но и военной. Они устраивались в непри-

ступных местах, имели мощные оборонительные стены с башнями и бойницами. Были в монастырях и свои «оружные» палатки, где хранили оружие: его покупали, добывали как трофеев в ходе военных операций, получали от жертвователей в качестве вклада. В Кирилло-Белозерском монастыре первая «оружная палатка» появилась после 1601 г., ее построили при входе в обитель, направо от Святых врат. Но и ранее этого времени монастырь имел свое оружие: пищали английской работы, «московского дела», «домашнего дела» (то есть местного производства), самопалы «корельские, свитцкие, московского дела, шкотцкие». Холодное оружие изготавливали преимущественно окрестные крестьяне.

Размещение всех служб в монастыре было компактным и продуманным. Например, на территории малой Ивановской обители, составлявшей часть Кирилло-Белозерского монастыря, размещались огороды. Здесь же у ограды находились небольшая деревянная поварня, в которой варили капусту, выросшую на этих самых огородах, и деревянные погребя, где капусту хранили в соленом и свежем виде. Около огородов располагались кельи, где жили «старец огородник да детеныши».

Башни крепостных стен также функционально использовались. Например, в Кирилло-Белозерском монастыре под Свиточной башней находилась келья, где жили «детеныши», которые «мыли на братию свитки», а к малой Мереженной башне («мережа» – рыболовная сеть; «мережник» – рыбак) были приделаны палатки, в которых чистили рыбу, которую ловили в Сиверском озере, а потом отправляли в поварню. На углу восточной стены, выходящей к озеру, находилась Кузнечная башня, около которой размещалась монастырская кузница. В 1601 г. в этой кузнице находилось семь горнов, семь больших наковален «да семеры мехи болшие». В самой башне размещалась каменная келья, в ней жил старец, которому было приказано кузнечное дело. В монастырской стене существовала палатка, где делали медные котлы.

В монастырях обычно устраивались больницы, в которых жили больные и немощные старцы. В Иосифо-Волоцком

монастыре еду для этих старцев носили из братской трапезной. В Кирилло-Белозерском монастыре сложилось так, что вокруг больниц выстроился свой особый монастырь со своим храмом, трапезной палатой и различными погребями при ней.

Согласно древнему Студийскому уставу, разработанному в IX в. на основе правил Студийского монастыря в Константинополе и до XV в. остававшегося образцом для русских обитателей, в монастырях различалось два круга хозяйственных служб – работ: службы «домовые», внутренние, где работы производились руками монахов, и службы внешние, которые иноки исполнять не могли (например, работы на скотном дворе). Внешние службы размещались за монастырем, и монахи только наблюдали за работой мирян и слуг. Впоследствии это правило признал и Стоглавый собор.

Интересные особенности имела планировка Соловецкого монастыря. Каждое здание этой удивительной северной крепости было по-своему уникально. В центре монастыря, как и полагается, находилась соборная площадь. Ее образовывали четыре каменных храма. Первой была построена церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы (1552–1557). К церкви примыкают колоссальных размеров одностолпная трапезная и келарская палата. Трапезная имеет общую площадь в 500 квадратных метров и в былые времена вмещала несколько сотен человек. Под церковью и трапезной находились хлебня с мукосейной, просвирня, квасной и хлебный погреб. Над трапезной была устроена высокая колокольня с боевыми часами и двумя колоколами. В один колокол благовестили к литургии и к вечерне и звонили ко «Славам» на службах часов. В другой колокол звонили к обеду и ужину, созывая братию, служебников и трудников.

Сразу же после освящения Успенской церкви началось строительство главного собора обители – Преображенского храма (1558–1566). Он был устроен на погребях. В Соловецком летописце сказано, что братия возражали против строительства храма, считая, что в обители недостаточно средств, но игумен Филипп настоял на своем. К собору пристроили

церковь во имя Зосимы и Савватия Соловецких, под которой также находилось два кладовых погреба. В 1577 г. в монастыре поставили еще одну церковь – во имя святителя Николая. Вскоре крытые каменные переходы, устроенные, по соловецкому обычаю, на валунном основании, соединили сначала трапезную с Преображенским собором, а потом и все церкви между собой. В условиях северной непогоды и стужи эти переходы значительно облегчали жизнь. Вокруг церквей находились монашеские кельи и некоторые службы. Древние кельи были построены в два или три этажа, все они были неравной ширины и высоты, имели окна разных размеров.

В 1582 г. по государеву указу началось строительство каменной Соловецкой крепости. Работами руководили соловецкий постриженник монах Трифон и вологодский мастер Иван Михайлов. Крепость – «монастырский город» – построили в 1594 г., и с тех пор Соловецкая обитель стала неприступной. «Как и многие старинные крепости, соловецкая являет собой удивительный образец русского фортификационного искусства, монастырские башни решительно выдвинуты за спрямленные участки стен и снабжены несколькими ярусами боя. Площадка боевого хода проходит по всему периметру стен, позволяя вести круговую оборону. Прикрытые водными преградами, длинные восточные и западные стены гораздо более низкие и пологие, чем открытые для приступа северные и южные, высота которых достигает 10–11 метров» (цит. по [26, с. 141]).

После строительства стен монастырь приобрел форму пятиугольника. Особенности рельефа и требования обороны заставили архитекторов немного отступить от привычной символической формы монастыря. Основные хозяйственные службы находились в стороне от соборной площади и монашеских келий. Они разместились у стен и башен монастыря. В 1614 г. построили каменную палату, в одной части которой устроили иконописные мастерские, в другой – мастерскую по изготовлению обуви. Под иконописной мастерской находилась больница для мирян, а под обувной мастерской – жилые кельи для дьячков.

В западной стороне монастыря в конце XVII в. были устроены больничные кельи, а напротив них – больничная церковь во имя святителя Филиппа. Здесь же находились кельи для вдовых богомольцев и трудников. Особенностью соловецкой планировки, в отличие от Кирилловой обители, стало размещение большинства хозяйственных служб на территории монастыря. Видимо, это было вызвано пограничным местоположением обители. Монастырь должен был, по замыслу своих строителей, представлять совершенно автономную хозяйственную систему, способную выдерживать длительные осады.

Соловецкий монастырь значительно уступал по своим размерам Кирилловской обители, но компактное и продуманное до мелочей размещение хозяйственных служб и помещений создавало все условия для образцовой работы его хозяйственной системы.

* * *

С середины XVII в. центральной фигурой целого периода в истории Русской Церкви становится патриарх Никон; проводившиеся им реформы повлияли и на уклад монастырей.

По замыслу Никона начали воздвигать Новоиерусалимский монастырь под Москвой. Строительство Нового Иерусалима знаменовало символическое «перенесение» главных палестинских святынь, некогда находившихся на землях Римской империи, в «Третий Рим».

Холмы возле монастыря получили названия гор, памятных по земной жизни Христа: Сион, Елеон, Фавор; небольшая женская обитель стала именоваться Вифанией, деревня Зиновьева Пустошь была переименована в Капернаум, река Истра – в Иордан, и т.п. Тем самым царство единственного православного «белого» царя («белый» – в данном случае означает «свободный от каких-либо даней и податей») заявляло о себе как о преемнике и хранителе христианских святынь.

Несмотря на изначальную привилегированность монастыря, традиции физического труда, идущие от основателя, в

монастыре соблюдались. «Патриарх первым являлся на работы по строению Воскресенского храма и оставлял последним. Сам с братиею ловил рыбу из ископанных им же прудов, строил мельницы, разводил огороды и плодовые сады внутри и вне монастыря, рубил и расчищал лес для посева хлеба, осушал болота проведением канав, косил и убирал сено наряду со всеми, поощряя всех собственным примером» [27].

Идеи Никона, стремившегося заложить на базе крупных монастырей первооснову православно-культурных центров, в результате привели к упразднению пустых, малонаселенных и экономически не способных себя обеспечивать обитателей. Кроме того, ликвидация пустынножительства была связана с тем, что в ряде мелких монастырей гнездились недовольство церковными порядками, что являлось питательной средой для раскола – старообрядчества. Таким образом, крестьянские дворы и земли были в основном сосредоточены у немногих самых крупных монастырей. С одной стороны, это давало возможности оптимизации ведения хозяйства в рамках крупных монастырей, с другой стороны, эти монастыри становятся объектом все большего недовольства со стороны государства.

События, следующие после извержения Никона из сана и священства, постепенно привели к тому, что монастыри были поставлены в административную зависимость от светских властей. Сохраняя за монастырями вотчины, государство тем не менее неуклонно вело наступление на их богатства. В правительственных учреждениях особое место занимал Монастырский приказ, учрежденный на основе «Соборного уложения» 1649 г. Через него проходили все царские грамоты монастырям. Его власть охватывала и церковно-управленческую сферу: приказ распоряжался определением и отрешением от должности мест настоятелей, келарей, строителей, казначеев, сам вершил духовные дела монашествующих. Монастырский приказ достиг наивысшего могущества над Церковью после оставления патриаршего престола Никоном, сдерживавшим чересчур активное вторжение бояр в церковные дела.

И хотя на следующем Соборе (1666–1667) были ограничены властные функции Монастырского приказа, деятельность его, в частности по учету и систематизации монастырских земель, повлияла на дальнейшее положение монастырей в государстве.

Подводя итоги, для данного периода следует отметить, что культура хозяйствования православных монастырей в XIV–XVII вв. **достигает высокого уровня. Утверждается общежительный тип монастыря**, так как малочисленные, живущие каждый по своему обычаю и имеющие каждый свои источники существования особножительные монастыри мало подходили для идеала совершеннейшей формы христианской жизни, в то время как общежительный монастырь превращался в земледельческую, рабочую общину, в которой занятия распределялись между всеми: каждый знал свое дело и работы каждого шли на общие нужды.

Монастыри распространяются на новых территориях. Причем если раньше монастыри строились в основном в городах или ближайших пригородах, то в рассматриваемую эпоху чаще возникают в сельских местностях или вообще в глухих, малоосвоенных районах, в том числе и на Русском Севере.

Обитатели, заложенные Сергием Радонежским, его учениками и единомышленниками, становятся мощной основой монастырской культуры и хозяйства. Реформы Никона, стремившегося заложить на базе крупных монастырей первооснову православно-культурных центров, способствовали укреплению их хозяйств, а значит экономической и экологической стабильности Русского государства в целом.

Хозяйственная и экологическая роль монастырей хорошо понималась правителями Руси в этот период. Поэтому тогда не происходило конфискации монастырских земель для передачи их помещикам. Такой подход только усугубил бы экологический кризис, рассматриваемый нами ниже (см. гл. 6). Монастыри обладали средствами, знаниями, временем, чтобы вести рациональное хозяйство в своих вотчинах. Помещик, занятый службой, и прежде всего – летом, в самый сезон, закономерно с такой задачей не справился бы.

Однако тенденция вмешательства государства в монастырские дела проявляется все более настойчиво, ведется неуклонное наступление на их богатство, что отчетливо отразится в последующих периодах.

5.4. Культура хозяйствования православных монастырей в XVIII–XIX вв. (поздний период)

XVIII в. ознаменовал собой новую эпоху, именуемую синодальной, поскольку во главе церковного управления с 1721 г. находился Святейший Синод.

Предпринятые Петром I реформы имели высокие и благородные цели – обновить, поднять на более высокий уровень всю религиозно-нравственную жизнь русского православного народа; но кроме этого имелась и более прагматическая цель подчинения Церкви императору как в духовном, так и в материальном планах. Таким образом, внешнее упорядочивание церковных и монастырских дел сопровождалось утратой духовенством и монашеством своего прежнего авторитета, подчинением всех сторон церковного служения светской бюрократии.

С эпохи Петра I наметилась тенденция ограничения прежней свободы монастырей, а во времена Екатерины II большинство монастырей было закрыто, а все существующие подразделены на разряды. Монастыри, оказавшиеся сверхштатными, по мере уменьшения числа монахов должны были уничтожаться, а некоторые сразу были закрыты и обращены в приходские церкви.

Численность монастырей в XVIII в. выглядит следующим образом. В 1700–1701 гг. в России насчитывался 1201 монастырь (965 мужских и 236 женских) [19]. В целом в течение десятилетий, предшествовавших реформам Екатерины II, было закрыто или исчезло в результате объединения «неперспективных» обителей 175 монастырей. При этом за церковными учреждениями числились в этот период земли с населением

до 1 млн душ, то есть почти с десятой частью всего податного населения государства.

Намного более устрашающие данные приводит Г. В. Вернадский. К последней трети XVIII в. «было уничтожено четыре пятых русских монастырей (разрядка Г. В. Вернадского. – А. Е.)... из 732 мужских монастырей (не считая Юго-Западного края) *оставлено* 161; из 222 женских – всего 39... Это был сокрушительный удар по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа... Роль суррогата Церкви в дворянском (отчасти в купеческом) обществе времен Екатерины стали играть масонские ложи...» (цит. по [16, с. 18]). «Итак, из 954 монастырей 754 было ликвидировано, и осталось всего 200» [17, с. 18, в примечании].

Весьма характерны слова А. С. Пушкина: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени <...> Лишив его [духовенство] независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар по просвещению народному», поскольку семинарии (зависевшие от монастырей, а не от епископов) «пришли в совершенный упадок... Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию» [25, с. 647].

В результате значительная часть дворянства и интеллигенции отходит от Православия в сторону гуманизма, деизма, масонства. Лишь позже славянофилы – И. К. Киреевский, А. С. Хомяков и другие – начали возврат к Православию.

Синод возглавляли подчас крайние протестанты или атеисты. Императрица последовательно развивала одно из основных направлений реформы Петра I – подчинение высшего церковного управления государственному аппарату и интересов Церкви – государственным потребностям. Одним из основных шагов, предпринятых ею в этом направлении, было окончательное лишение Церкви экономической независимости – секуляризация церковных земель.

Однако эпоха гонения закономерно соответствовала максимальному развитию внутреннего духовного творчества. Монашества в результате петровских и екатерининских репрессий численно становилось меньше, но зато качественный, богословский уровень вопреки всему повышался. Постепенно возрождался аскетический идеал монастырского служения, причем происходило это на российских окраинах, людьми простыми, однако как нельзя лучше ощутившими духовную немощь «столичного» Православия. Санаксарский, Саровский, Дивеевский монастыри, Глинская и Козельская Оптиная пустыни – перечисленным монастырям суждено было стать в XVIII–XIX вв. духовными центрами России.

Более подробно остановимся на истории и хозяйственном укладе Оптиной пустыни, так как здесь формировался такой значительный для данного периода феномен православной культуры, как старчество. Ф. М. Достоевский по этому поводу заметил: «Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное всегдашней несправедливостью и всегдашнем грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему» [8, с. 326–329]. Именно на эту потребность откликнулось монашество и в этом исторический смысл старчества – поддержать упавшую было веру народа, укрепить ее.

Козельская Введенская Оптина Пустынь находится вдали от столичных центров, в Калужской области, в четырех километрах от небольшого провинциального городка Козельска, на правом берегу речки Жиздры, где основные монастырские постройки скрыты от глаз путешественников густым сосновым бором. При подъезде к Козельску со стороны Калуги с высокого пригорка деревни Нижние Прыски паломнику вдруг открывается завораживающий вид куполов пустыни, возвышающихся над верхушками вековых сосен, что создает впечатление одновременной удаленности Оптиной пустыни от суеты мира и открытости для ищущих спасения. Это видимое противоречие как бы подчеркивает особенность самой обители в ряде

других. Первые сведения о пустыни относятся к концу XVI в. Это главным образом акты дарений земельных угодий русскими царями, правда, дарений более чем скромных – мельничное место на реке Жиздре, покос...

В XVIII в. Оптина, в соответствии с распоряжением царя, лишилась практически единственного источника дохода – монастырской мельницы, рыбной ловли и перевоза через Жиздру. Как малобратственную пустынь, Оптину собирались упразднить, и только заступничество вкладчиков и благодетелей, обещавших снабжать монашествующих необходимым, спасло положение. В начале XIX в. Оптину пустынь возглавил Филарет (Амфитеатров). С его именем связывают введение в монастыре старчества – с чего, собственно, и началась известная нам Оптина. Епископ Филарет по вступлении в должность счел необходимым ввести в обители высшее аскетическое учреждение для избранных иноков, имеющих опыт созерцательной молитвы и богомыслия, – скит. Для устройства скита в качестве наставников были приглашены ученики Паисия Величковского, известного переводами древней аскетической литературы. Ученики о. Паисия предложили такое устройство скита: «чтобы скит, ежели только возможно, имел бы особое содержание, посредством боголюбивых душ, не нанося стужения обители о потребностях, и самим, что в силах будем, поделывать, как то: огородный овощ сажать и рукоделием, каким кто может, по временам от уныния заниматься... когда же случится избыток в чем, – отдавать в обитель, а недостаток, сколько можно, понести терпением».

Появляются монастыри на Дальнем Востоке: Свято-Троицкий Николаевский, открытый в 1894 г., Богородично-Федоровский и Будундинский, основанные примерно в те же годы. На долю первых монахов выпал тяжкий труд по превращению диких земель в культурные угодья. Кроме того, появление в этих местах первых монастырей препятствовало духовному одичанию переселенцев, способствовало созданию здесь тех исконных устоев русской жизни, необходимой принадлежностью которых и был монастырь.

В XIX – начале XX вв. многие монастыри были восстановлены, а также созданы сотни новых; к 1917 г. в стране имелось более 1200 монастырей (см. статистику в кн.: Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России. М., 1975). Монастыри России к началу XX в. дают 20% валового продукта сельского хозяйства [2].

5.5. Сравнение характера деятельности христианских монастырей Востока и Запада Европы

Сравнительный анализ экологичности Православия, католичества и протестантизма уже проводился нами в главе 1. Здесь попытаемся конкретно оценить деятельность именно монастырей.

В результате развала системы коммуникаций античного мира Запад в эпоху Раннего Средневековья представлял собой цивилизацию отдельных очагов жизни среди пустошей, лесов и заросших полей. В основном это были замки, деревни и монастыри. Феодалы оберегали свои права на лесные богатства, «лесные сержанты» повсеместно выслеживали расхитителей и браконьеров.

Важно представить себе эффективность и пределы деятельности монастырей в эту эпоху. Наиболее значимыми обителями и монашескими движениями изначально являлись аббатства Лерен и Монтекассино и ирландское монашество [18, с. 113].

Основные нравственные установки, культивировавшиеся католическими монашескими движениями, базировались на аскетизме как таковом. Лерен был теснейшим образом связан с развитием религиозной жизни в Провансе, представлявшем собой в V–VI вв. **важнейший центр христианства**. В Лерене прежде всего учились аскетизму, а не наукам. Через Лерен прошли почти все крупные прелаты провансальской Церкви.

Влияние св. Бенедикта Нурсийского, обосновавшегося в VI в. в Монтекассино, оказалось еще более сильным – прежде всего благодаря личности самого Бенедикта. По этой причине, а особенно потому, что св. Бенедикт написал устав, или, скорее, вдохновил на создание устава, именуемого с VII в. «бенедиктинским», он стал истинным основателем западного монашества. Не отвергая традиций восточного монашества, он все же пытался отказаться от чрезмерного аскетизма. Нормы поведения, духовной жизни, благодаря ему вошедшие в устав, более менее умеренны и уравновешенны. Бенедикт добивался гармонии между ручным, интеллектуальным трудом и собственно религиозной деятельностью в монастырской жизни. Таким образом, он указал бенедиктинскому монашеству путь соединения хозяйственной деятельности с интеллектуально-художественной активностью и духовной аскезой. После него монастыри стали центрами аграрного производства, мастерскими по изготовлению рукописей.

Совсем иным был дух ирландского монашеского движения. Со времен св. Патрика (V в.) Ирландия превратилась в «остров святых». Здесь стали быстро расти монастыри, которые наподобие восточных обителей представляли собой городки из отшельнических хижин, группирующихся вокруг хижины аббата. Эти монастыри оказались рассадниками миссионеров, которые в V–IX вв. распространились по соседним Англии и Шотландии, а затем и на континент.

Наиболее знаменитым святым был Колума Килле, устав которого одно время успешно соперничал с уставом св. Бенедикта. Духу ирландского монашества была совсем несвойственна бенедиктинская умеренность. В основу устава Колума Килле были положены требования молиться, заниматься ручным трудом и учением. К этому прибавлялись суровые посты и строгая аскеза. Особенно поражали современников долгие молитвенные стояния со скрещенными руками. Были также купания в ледяных водах рек и прудов с пением псалмов и ограничения в пище, которую принимали один раз в день, никогда при этом не вкушая мяса.

Таким образом, в период Раннего Средневековья католические монастыри ориентируются на аскетизм. Труд в этом контексте выступает как средство искоренения зла.

Огромный покров лесов с разбросанными по нему возделанными плодородными прогалинами – таков внешний облик христианского мира, причем как Западного, так и Восточного. Мусульманский Восток подобен негативному отпечатку Европы – мир оазисов среди пустынь.

Это одна – сугубо положительная сторона менталитета и практической деятельности Раннего Средневековья, способствовавшая сохранению относительного равновесия между обществом и биосферой. Но с другой стороны, общество, уже достаточно далеко ушедшее от чисто биосферного существования, в силу незначительного технического оснащения постоянно находилось в состоянии крайне неустойчивого равновесия (страх голода или сам голод). А так как общество ориентируется на монастырские хозяйства, застой в экономике оказывается вполне закономерным.

Прогресс все же имел место и в период Раннего Средневековья, хотя в основном – количественный, а не качественный: распространение орудий труда, механизмов, технических приспособлений, известных с античности, но остававшихся в большей или меньшей степени редкими исключениями, а не общими нововведениями. Изобретательство проявлялось весьма слабо.

Самый важный аспект слабого технического оснащения – сельское хозяйство. Земля плохо обрабатывалась; вспашки были недостаточно глубоки. Долгое время продолжали пользоваться ралом античного типа, приспособленным к поверхностным почвам и неровной местности средиземноморского региона. Плуг, снабженный колесами, распространялся весьма медленно. Для интенсификации пахоты проводили повторение операций: распространялась практика трехкратной и даже четырехкратной пахоты; часто после первой пахоты комья разрыхляли руками; прополку делали не везде, с помощью вил и насаженного на палку серпа; борона получила распространение в XII–XIII вв. **Время от времени приходилось также глибо-**

ко вспахивать поле лопатой. В итоге земля – плохо вспаханная, плохо вскопанная, плохо аэробированная, не могла быстро восстанавливать свое плодородие. Ввод органических удобрений был явно недостаточен вследствие второстепенного положения скотоводства. На бедных почвах было широко распространено подсеčno-огневое земледелие.

Почва быстро истощалась, ей надо было давать частый отдых для восстановления плодородия – отсюда широко распространенная практика пара. Но трехполье распространялось очень медленно. Урожайность колебалась от «сам-1» до «сам-18»; встречались земли, дававшие урожай лишь три раза за 30 лет.

Существенные расширения сельскохозяйственных угодий за счет сведения лесов и распашки новых угодий относят к XII в. – по данным *палинологии*, доля пыльцы хлебных злаков в остатках цветов особенно возросла именно в этот период. Расширение освоенных земель происходило также за счет осушения болот и устройства польдеров. Во Фландрии, где отмечен наиболее ранний демографический рост, строительство малых плотин во многих местах началось еще до 1100 г.

В эпоху Раннего Средневековья империя Ромеев, Киевская Русь, Китай, Индия и мусульманский мир явно превосходили Западную Европу по степени развития денежного хозяйства, городской цивилизации и производству предметов роскоши. Отсюда постоянное соперничество, стремление к прогрессу. Католические монастыри из одной крайности – жесткий аскетизм – постепенно переходят в другую крайность – становятся проводниками научно-технического прогресса. В некоторых сферах прогресс невольно стимулировался сверху. Идет ли речь о первых водяных или ветряных мельницах, об усовершенствовании сельскохозяйственной техники – мы часто видим в авангарде монашеские ордена [18]. Христианские монахи как бы против своей воли выступали проводниками прогресса: обязанность ограничения связей с миром и обет благотворительности побуждали к развитию технического оснащения для ведения натурального хозяйства. Церковь была заинтере-

сована и в усовершенствовании измерения времени для нужд церковного календаря, а также в строительстве храмов – первых больших зданий Средневековья; она подхлестывала технический прогресс не только в строительном деле, но и в изготовлении инструментов, средств транспорта, в прикладных искусствах – например, таком, как искусство витража.

Очевидно, в частности, что именно этот аспект в деятельности Западной Церкви в дальнейшем привел к катастрофическому для нее и для всего западного общества размежеванию с Православием и постепенному погружению в пучину рационализма.

Постепенный переход к эпохе Возрождения (Ренессанса) сопровождался неуклонным возрастанием роли потребительского менталитета. Этому способствовало все более заметное духовное размежевание Запада и Востока Европы, а также постоянное влияние иудаизма и ислама посредством научных, политических и экономических связей.

Уже в эпоху Карла Великого (VIII–IX вв.) наблюдается прогресс в земледелии, имеет место постепенное и полное вытеснение античного мировоззрения и искажение мировоззрения христианского; надпись под одной из современных миниатюр гласит: «Отныне человек выделяется из природы и становится ее господином» – это первые зародыши того мировоззрения, которое разовьется в эпоху Ренессанса и Реформации и явится духовной основой нашего современного потребительского общества.

X в. является периодом решительных перемен в первую очередь в сельском хозяйстве – в области широкого внедрения таких богатых протеинами культур, как бобы, чечевица, горох. Начинают использовать колесный плуг с отвалом и трехпольный севооборот, что ведет соответственно к увеличению площади обрабатываемых земель, к росту урожайности и повышению качества питания.

В духовной и политической сферах Карл Великий закладывает основы противостояния с империей Ромеев: провозглашение Римским императором ставит его на один уровень

с восточными властителями, а введение догмата *filioque* (исхождение Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Сына) помогает обосновать главенство папы римского над всем христианским миром и в еще большей степени разделяет Восток и Запад Европы. Ведущий католический идеолог Фома Аквинский (1225–1274) заявляет об ошибочном и даже преступном отрицании веры во всемогущество дьявола.

Десять столетий Запад колеблется между прогрессом и существованием в равновесии с биосферой, постепенно забывая, что в Евангелии говорится не о прогрессе, а о Преображении. Окончательный выбор в пользу прогресса делается не без влияния рационализма мусульманского и иудейского миров, не сумевших одолеть и уничтожить христиан в военном противостоянии (которое, однако, не завершено и поныне).

Важнейшую роль здесь сыграл, повторим, как ни странно, изначальный менталитет западного общества, отрицавший прогресс и самый труд до степени фанатизма, приводившей к фактической нищете. При столкновении с богатыми и просвещенными мусульманскими странами и империей Ромеев это вызывало зависть и выводило на первый план чисто материальные аспекты. Притом растущие потребности мусульман стимулировали в Европе производство сырья и готовой продукции (древесины, железа, олова, меди) на экспорт в Кордову, Каир, Дамаск, Багдад. Алхимия, с XII в. переживая упадок в арабских странах, проникает в Западную Европу, где начало ее расцвета относят к XIII в.

К этому же периоду относится и возрастание роли городов в Западной Европе. До начала XI в. большинство городов существовало, восходя своим началом к античным и даже более ранним временам. Основание новых городов в Средние века было редким. В античном мире города были прежде всего политическими, административными, военными и культурными центрами и только затем – экономическими. Это отражало характер мировоззрения греков и римлян. Теперь новые города зарождались и получали развитие именно благодаря своей экономической функции и становились детищем торговцев,

привлекавшим к себе людей, порвавших с землей и лишенных каких-либо нравственных принципов, предприимчивых и корыстолюбивых. Человек в городах все в большей степени отчуждал себя от биосферы. Из разнообразных и большей частью сомнительных социальных элементов города создавали новое общество, постепенно ставя свои интересы выше сельских.

Как противодействие этому, с XI в. в ряде церковных кругов намечается тенденция возврата к евангельской простоте, появляются новые монашеские ордена, утверждающие необходимость удаления от мира ради обретения в одиночестве тех истинных ценностей, которые Западный мир все более утрачивал.

Но духовное противостояние развитию городов постепенно ослабевает. Уже в XIII в. доминиканцы и францисканцы сами обосновываются в городах. Важнейшей функцией городов наряду с торговлей становится производство, начинается разделение труда, ведущее к пагубным для экосистем односторонним нагрузкам. Первыми городами, работающими на экспорт, становятся текстильные центры во Фландрии и Северной Италии. Денежное хозяйство начинает преобладать над натуральным. К XI–XII вв. на роль ростовщиков и займодавцев уже не хватает иудеев, до сего момента бравших эти функции полностью на себя.

Все перечисленное не может не отражаться на духовной жизни общества: развиваются тенденции как пессимизма, так и оптимизма, причем очевидная нравственная деградация общества оказалась ловко истолкованной в знаменитых словах Бернара Шартрского: «Мы лишь карлики, взобравшиеся на плечи гигантов, но видим благодаря этому дальше их». Благодаря подобного рода высказываниям и определенному техническому прогрессу, человек мог получать иллюзию обладания некоторой властью над природой, закладывались основы наступления эпохи Ренессанса.

Как показали все последующие исторические события, развитие человечества по описанному пути, так называемый прогресс – есть порочный замкнутый круг, ведущий к ката-

строфам в духовной и материальной сферах вследствие сопротивления биосферы; выход из него возможен лишь в духовной, но не в материальной области.

Завершая изложение, в очередной раз отметим, что современная цивилизация Запада имеет свои духовные истоки в эпохе Возрождения, которая в XVI в. ответила на деспотизм Западной Церкви Реформацией и гуманизмом.

Противопоставляя церковному универсализму Рима свободу личности и мысли, Реформация стала источником различных сектантских течений, образовавших впоследствии протестантскую ветвь христианского мира. Протестантское мышление стало регулировать мирскую деятельность, направленную на устройство земной жизни. В этом отношении особенно большое значение имел кальвинизм, который утвердился на Британских островах в форме пуританства с его учением о предопределении, с воспитанием личной энергии и предприимчивости, с проповедью бережливости, поощряющей обогащение, с отказом от роскоши и развлечений ради полезного и доходного занятия, с отношением к профессиональному труду как религиозному служению и с общей его направленностью к экономическому процветанию – личному, общественному, государственному. Именно пуританская моральная дисциплина явилась духовной колыбелью капиталистического хозяйства Англии, откуда оно распространилось по всей Европе, завоевало Америку и проникло в другие части света, возводя европейскую цивилизацию в ранг всемирной.

В западных странах развитие хозяйства практически полностью было стихийным, неуправляемым, зависящим от таких изменчивых факторов, как спрос на товары, конкуренция, движение цен, общая конъюнктура и т.д. Природные богатства стали с самого начала объектом жадной эксплуатации, вдохновляемой лишь хозяйственным расчетом на денежно-экономический эффект. Если во времена Средневековья отношение человеческого общества к природной среде было связано с христианским аскетизмом, с чувством ответственности за

тварь, страждущую по вине человека, и с религиозно осмысленным соблюдением законов природы, то последующая эпоха внесла в развитие жестокую конкуренцию и национальное соперничество, породившее ожесточенные войны. В этой борьбе личных, национальных и государственных эгоизмов власть человека над природой превратилась в хозяйственный деспотизм, чуждый нравственных побуждений и потому разрушительный и для природы, и для человека.

Таково происхождение экологической проблемы, долгое время назревавшей в недрах европейской цивилизации по мере ее отхода от христианских традиций. Сосредоточенность на задачах материального прогресса привела эту цивилизацию к подмене нравственной основы обладания природой лозунгом «умножай богатство» и поставила все человечество на грань экологической катастрофы [29, с. 102–103].

5.6. Возрождение монастырей в постсоветский период

О современном возрождении монашества и монастырей можно говорить лишь в контексте осмысления российской истории, ее религиозной жизни [34]. Важнейшим понятием в Православии является понятие икономии (греч. οικονομία – устройство дома, дел) – Божественного домостроительства. В узком понимании икономия – решение церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы и удобства [28]. Согласно этому, в основе монастырского хозяйствования с точки зрения его мотивации лежат смирение и послушание.

Характерны слова одного из современных монахов: «Господи помилуй! Какая экономика?! Это все сказка! Господь подает – вот и вся экономика. Мы живем на золотой жиле – в курортной зоне. Могли вообще никакого хозяйства не вести. Коровы, огород – один убыток. Мы занимаемся этим только для смирения». Это – распространенная в монастырской трудовой этике аргументация [1].

Возрождение, становление жизни в православных монастырях можно рассматривать в двух основных аспектах [34]. Первый – это внешняя деятельность, связанная с восстановлением монастырских храмов и строений, налаживанием быта, развитием хозяйства, возрождением монастырских ремесел и традиционного социального служения. Этот аспект весьма важен – невозможно пренебречь реставрационно-восстановительными и строительными работами, игнорировать элементарные бытовые потребности насельников. Нельзя допустить лишь роскоши и излишеств, особенно если таковые служат соблазном для мирских людей.

Второй аспект – духовный, гораздо более важный. Подвижник XX в. старец Паисий Афонский неоднократно подчеркивал, что сегодня самая большая проблема для Церкви и для монашества особенно – вхождение в нашу жизнь мирского духа [21]. Незаметно, под благовидными предлогами, из-за незначительных, казалось бы, уступок он наполняет человека, овладевает его умом, изменяет сознание. Очень важно сознавать, что в монашеской жизни главное и требует сохранения во что бы то ни стало, а что может быть изменено, но не в ущерб традиции и не в угоду духу времени, а только лишь исходя из принципа икономии.

Официальная передача Церкви территорий и помещений православных монастырей началась еще в 1990-х годах, но и до сих пор многие монастыри владеют лишь частью своих прежних комплексов. При этом имеет место как сотрудничество с музеями, находящимися на территории монастырей, так и вражда с ними.

Впечатляет история возрождения Николо-Угрешского монастыря близ Москвы, где возрождение обители началось в 1990 г. Тогда в г. Дзержинский была создана инициативная группа по возобновлению богослужения в Николо-Угрешском монастыре. Было собрано несколько сотен подписей под обращением к властям с просьбой об открытии прихода на территории разрушенной обители. Это обращение было поддержано городской властью, и в конце 1990 г. Дзержинский городской

Совет народных депутатов принял решение передать Церкви помещение Успенского храма Николо-Угрешского монастыря. В скором времени документы были переданы в Московский патриархат. Даже по тем временам это было дело еще небывалое – городские власти по требованию горожан сами возвращали храм в лоно Церкви!

В разное время усилиями благотворителей монастыря были восстановлены многие здания, храмы, монастырские стены, отлиты монастырские колокола, благоустроена территория монастыря. На восстановительных объектах трудились рядовые и офицеры воинских частей МЧС, дивизии МВД им. Дзержинского. Но самыми главными благотворителями Николо-Угрешского монастыря стали жители г. Дзержинский. Люди помогали не только деньгами, но и своим трудом, очищая территорию обители от мусора, работая на строительстве. Народ выходил на добровольные субботники, все силы отдавая богоугодному делу и ощущая неизмеримую благодать от трудов своих. Решением городских властей с территории монастыря вывели все городские службы, но открылась монастырская пекарня, а через какое-то время и цех по производству полуфабрикатов. Монастырь стал снабжать горожан продуктами собственного производства.

Говоря о северном монашестве, необходимо отметить, что XII–XVII вв. явились экстенсивным периодом, когда возникло множество монастырей и пустыней, хотя и не всем из них была суждена долгая жизнь. Но это не означает неудачи дела их основателей, как отмечает Г. Русский: «Пустыньки, густо рассыпавшись по всему Северу, свое призвание выполнили: они сошли, исчезли, но землю они осветили, они утвердили высокие образцы духовности, они оставили Русский Север великим множеством церквей и часовен, красота которых, несмотря на все утраты, дошла до нашего времени». В этот же период сложились все известные обители, в основном сформировалась православная топография Русского Севера.

Конец 1980-х гг. стал первым этапом в восстановлении обители на Валааме, бывшей когда-то столпом православной веры на севере России. По инициативе митрополита Ленин-

градского и Новгородского Алексия (будущего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II) 18 сентября 1989 г. Совет министров Карелии решил «передать в пользование» Ленинградской епархии Спасо-Преображенский собор с внутренним каре и расположенные рядом скиты, кроме Воскресенского и Гефсиманского. С приездом монахов постепенно затеплилась духовная жизнь на острове. Возобновились службы в нижнем храме во имя преподобных Сергия и Германа. Одновременно начались монастырские реставрационные работы. С 1990 г. Валаамский монастырь получил статус ставропигиального. Возрождаются традиции валаамского трудового монашества: строительство и реставрация, флот, сельское хозяйство, автохозяйство, камнерезное, кузнечное и свечное производства, издание духовной и церковно-исторической литературы.

В начале XX в. при Валаамском монастыре существовало 13 скитов. Вековые монашеские традиции Валаама, как и в других российских обителях, были прерваны в годы богоборческих гонений. В настоящее время восстановлены одиннадцать скитов.

Как пророчески сказал о Валааме в 1936 г. русский писатель И. С. Шмелев, «придет время, и расцветут подросшие цветы духовные: “Господний посев не истребится”». Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, делается для вас той духовной высотой, с которой удобен переход в обитель рая».

Восстанавливаются и малые северорусские монастыри: Муромский Свято-Успенский мужской монастырь, основанный в XIV в. прп. Лазарем, и Свято-Ильинская Водлозерская мужская пустынь, восходящая к бывшему Водлозерскому Ильинскому погосту XVI в. Характерно, что в памяти жителей все, в том числе пока не восстановленные монастыри, бытуют именно как монашеские обители, а поэтому есть и надежда на их возрождение [20].

Сегодняшний период жизни северных монастырей отличается чрезвычайной разносторонностью. Монашество имеет огромный общественный резонанс, его социальная роль очень

существенна. По-видимому, сегодня одинаково важны все стороны его деятельности. Новое значение обрела историко-колонизаторская функция монастырей, ведь места расположения рядовых северных обитателей труднодоступны и заброшены, многие окрестные деревни стоят «впусте», актуальна проблема реколонизации и освоения этих земель. Кроме того, почти все монастыри передаются Церкви в руинированном состоянии и в «мерзости запустения», и их восстановление требует огромных сил, средств, капиталовложений; при этом речь идет не только о сооружениях, но и обо всей инфраструктуре, средствах связи, в первую очередь транспортных. Особенностью современной ситуации является то, что и некоторые бывшие приходские церкви, в прошлом стоявшие среди заселенных деревень, сегодня стали труднодоступны и восстанавливаются силами монашествующих.

Как и раньше, насельниками северных монастырей становятся жители разных мест, много – из столиц, Москвы и Петербурга. Но немало среди монахов и северян, в частности архангелогородцев; среди постриженников появились выходцы с крестьянского Севера.

Кроме широкого круга занятий, связанных с ремонтом, строительством и обустройством храмов, почти во всех северных монастырях – развитое подсобное хозяйство, от огородов и теплиц до домашнего скота, позволяющее кормить братию и принимать паломников. Как и прежде, монашеские общины являют примеры образцовых хозяйств. Значение хозяйственной функции возрастает в связи с тем, что именно она поначалу является главной в налаживании отношений с местным населением. Оказывая населению хозяйственные услуги (дать лошадь, выручить семенами, предоставить машину), монахи приобретают авторитет, убеждают в своей заинтересованности в развитии местной жизни и серьезном отношении к жителям, постепенно привлекая людей в храм.

В современных условиях, таким образом, возрождаются и одинаково важны все функции монастырей, отмеченные в начале главы.

Литература:

1. Бес тебя ленью, а ты его кистью // Нескучный сад, 2006, № 5.
2. Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II (1894–1917). В цифрах и фактах. Минск: Полымя, 1991 (по 2-му изд.: Нью-Йорк, 1968).
3. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992.
4. Булгаков С. Н. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.
5. Бусева-Давыдова И. Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей. Архитектурное наследство. М., 1986. Т. 34.
6. Возрождение православных монастырей и будущее России. Материалы III всероссийской научно-богословской конференции «Наследие прп. Серафима Саровского и судьбы России». М.: Международный Благотворительный центр преподобного Серафима Саровского, 2007.
7. Голева Г. А., Степанищева Н. Б. Живая вода России. Экология и религия. М., 1994. Ч. 2.
8. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981.
9. Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 391–392.
10. Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.
11. Житие Сергия Радонежского. Сергий Радонежский: сборник. Сост. В. А. Десятников. М.: Патриот, 1991.
12. Жития и творения русских святых. Жизнеописания и духовные наставления великих подвижников христианского благочестия, просиявших в земле Русской. М.: Современник, 1993.
13. Игнатий (Брянчанинов). Правила наружного повеления для новоначальных иноков. СПб., 1907.
14. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 тт. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.

15. Клосс Б. М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2005.
16. Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
17. Козлитин Г. Ф. Экология, Нравственность, Духовность. // В кн.: Православие, экология, нравственность. Сб. тр. XII Международных образовательных Рождественских чтений. М., 2004.
18. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
19. Лисовский Н. Н. Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2005.
20. Мелехова Г. Н. Монастыри в традиционной народной культуре Русского Севера. Материалы III всероссийской научно-богословской конференции «Наследие прп. Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород: Глагол, 2007. С. 291–321.
21. Паисий Святогорец, схимонах. Слова. Т. 1. С болью и любовью о современном человеке. М., 2004.
22. Повесть временных лет. СПб., 1996.
23. Послания Иосифа Волоцкого. Подгот. текста А. А. Зимины и Я. С. Лурье. М.–Л., 1959.
24. Преп. Иоанн. Лествица. Степень 1. Об отречении от жития мирского. Гл. 4. М.: Лествица, 2002.
25. Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века. ПСС в 6 тт. Т. 5. Кн. 2. Л., 1933.
26. Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002.
27. Румянцева В. С. Монастыри и монашество в XVII веке // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2005.

28. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000.
29. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. **Христианский взгляд на экологическую проблему.** Православие и экология. М.: Московский патриархат, 1997.
30. Сеницина Н. В. Типы монастырей и русский аскетический идеал (XV–XVI вв.). // *Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки.* М.: Наука, 2005.
31. Соколов И. Состояние монашества в византийской Церкви с половины IX до начала XIII века (842–1204): опыт церковно-исторического исследования. Казань, 1984.
32. Чумакова Т. В. Религиозные основания восприятия труда в традиционной русской культуре. Материалы III всероссийской научно-богословской конференции «Наследие прп. Серафима Саровского и судьбы России». Нижний Новгород: НП ПЦ «Глагол», 2005.
33. Шамшурин В. И. Проблема собственности в монастырской жизни (на примере Саввино-Сторожевского монастыря). Саввино-Сторожевский монастырь, 600 лет. М.: АСК, 1997.
34. *Алексий, архиепископ Орехово-Зуевский.* Некоторые вопросы возрождения монашества в России: доклад на Конференции «Возрождение православных монастырей и будущее России» [Электронный ресурс] // Сайт Новоспасского ставропигиального мужского монастыря г. Москвы. – Электрон. дан. – М., 2006. – Режим доступа: <http://www.spasnanovom.ru/330115>, свободный. – Загл. с экрана.

ГЛАВА 6. МОСКВА – III РИМ

Помни и слушай, благочестивый царь, – все христианские царства сошлись в твое единое, два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство иным не заменится.

Старец Филофей Василию III

6.1. Предпосылки формирования доктрины

Предпосылки воссоздания Российского государства из Древней Руси можно разбить на духовные, экологические, социально-экономические, политические и этнические (расположение по значимости). Все они относятся в первую очередь к процессам, происходившим в Северной и Северо-Восточной Руси непосредственно после монголо-татарского нашествия.

6.1.1. Духовный аспект

Окончательная победа христиан во главе с Константином Великим в длительном религиозном противостоянии с язычеством положила основание Восточной Римской империи – Второму Риму как вселенскому главе Православия (с IV в.).

О значимости Восточной Римской империи в историческом процессе (империи Ромеев, термин «Византия» появился

в трудах западноевропейских историков уже после падения Империи) говорилось выше. В результате известных трагических событий – противостояния с католичеством, иудаизмом и исламом – империя Ромеев постепенно утрачивает свое могущество. Однако решающим фактором деградации Второго Рима явилось не военно-политическое противостояние, а духовное разложение интеллектуальной части общества.

Религия всегда была в центре духовных интересов ромеев, вне зависимости от национальности считавших себя единым народом – подданными Восточной Римской империи. Однако если при закономерной деградации общества и государства для одних Бог оставался живой реальностью, а Истина была превыше всего, то других охватывали равнодушие и скептицизм. Среди последних в XIV в. выдвинулся Варлаам Калабрийский, утверждавший, что о Боге ни православные, ни католики ничего не знают, что Истина человеку неизвестна, а потому и не надо спорить о догматах. Вследствие этого воссоединению Церквей ничто не мешает. Варлаама Калабрийского на Западе не случайно считают отцом итальянского «гуманизма»; по своей сути его мысли очень близки к идеологии У. Оккама. Учеником Варлаама был один из первых гуманистов Франческо Петрарка, призывавший Запад к разгрому империи Ромеев [7].

Необходимо отметить, что данная точка зрения практически одинакова с идеей дзен, где наряду с пантеизмом и возможностью спасения уже в этой жизни проводится мысль о невыразимости, непознаваемости, неконкретности бога: «лучший рассказ о боге – ничего о нем не говорить, лучшее познание бога – не стремиться его познать». Идеи дзен получили значительное распространение в Японии и за ее пределами в силу своей «простоты». Этот факт лишний раз подтверждает естественность слияния искаженного христианства (псевдохристианства) и восточных учений, что и наблюдается в настоящее время в рамках так называемого «нового» религиозного движения.

Идеи Варлаама оказались приемлемыми для ряда ромейских гуманистов, которые предпочитали ограничиваться в области богословия доводами, заимствованными из античной

философии, и оставались, по существу, чужды подлинной святоотеческой традиции. Доводы Варлаама были также удобны политикам, которые интересовались соединением Церквей только в той мере, в какой оно могло способствовать организации помощи Запада против османов. Однако папа Венедикт XII резко отверг доводы Варлаама: с точки зрения католиков, от греков требовалось безоговорочное признание *filioque* и всего латинского богословия как единственно истинного.

Варлааму возражал величайший православный богослов поздней Византии святитель Григорий Палама, за которым последовало большинство монашества и других богословских сил Константинопольской Церкви. Палама утверждал – мы не только знаем истину о Боге, но Бог дан нам также в ощущениях, как и любая другая реальность; как человеческие глаза видят солнечный свет, так и глаза души человека, который молится истинной молитвой и который побеждает в себе грех, видят Божественный свет. Ничего более конкретного, более осязаемого, чем православное предание, чем Истина о Боге, попросту нет.

Мнение Паламы после длительной борьбы восторжествовало, но от скептицизма в отношении к Истине ромеи так и не избавились, что в конечном счете привело к Флорентийской унии и гибели Империи.

Флорентийская уния произвела переворот в миропонимании – на русского князя ложилась тяжелая ответственность сохранить Православие: «С того времени, как явился в Москву из Флоренции Исидор, начали мы иметь попечение о своем Православии, о бессмертных наших душах и о предстании нашем на Страшный Суд» (послание Василия Темного императору Иоанну VII [4]). С этого момента Василий II открыто возводится современниками в достоинство «боговенчаннаго царя православнаго». Как следствие этих событий, в 1460-х гг. создается **Слово о Флорентийском соборе** и о значении Русского государства (автор – Симеон Суздальский), включающее:

1. Повесть о Флорентийском соборе;
2. сказание о латинах и их ересьях;

3. похвала великому князю Василию II как защитнику Православия.

Основные идеи «Слова»:

1. русское Православие есть большее и высшее, чем греческое;

2. русский народ призван занять первенствующее положение в православном мире вместо греков;

3. русский государь должен заступить в Православной Церкви место василевса Ромеев;

Василий Темный впервые назван «белым царем всея Руси»; «белым» – значит свободным от всякого подданства, даней и т.п. «Слово» приписывает василевсу Иоанну VII слова: «Яко восточнии земли суть большее Православие и высшее хрестьянство – Белая Русь». «Русской земле подобает во вселенней под солнечным сиянием с народом истинного в вере Православия радоваться», потому что она «одеялась светом благочестия, имеет покров Божий на себе – многосветлую благодать Господню и исполнилась цветов, богозрачне цветущих – Божиих храмов, яко же небесных звезд сияющих, святых церквей, яко же солнечных луч блещущихся, благолепием украшаемых и собором святого пения величаемых» (цит. по [4, т. 1, с. 411]).

Древним идеологическим фундаментом концепции «Москва – III Рим» является историософская концепция «четырех царств», в рамки которых укладывается вся мировая история. Видение пророка Даниила о преемственном существовании четырех царств, из которых последнему, отождествляемому с Римской империей, предназначалось существовать до окончания века: «Ассирийское царство разорится вавилоняны; Вавилонское царство разорится персяны; Перское царство разорится македоняны; Македонское царство разорится римляны; Римское царство разорится антихристом»; «Ромейское царство неразруσιμο, яко Господь в римскую власть написася», так как Христос по плоти был римским подданным, поэтому и Церковь должна всегда находиться под охраной римской государственной власти [4, с. 412].

Ослабление Империи способствует возвышению Сербии и Болгарии, которые хотят занять место Византии, – в XIV в. **болгарский царь Александр и сербский Стефан Душан** намеревались завоевать Константинополь, начали именовать себя царями и самодержцами и учредили у себя патриархаты; при этом реальной османской угрозы они не представляли. Эти претензии оказались нереальными после сокрушительных поражений от мусульман.

Идеи святителя Григория Паламы не пропали; его преемники и последователи предвидели, какой конец надвигается на империю Ромеев и православные балканские государства. Именно поэтому в XIV в. они старались поддерживать Москву, хранившую верность Православию, против ее конкурентов, особенно Литвы. В связи с этим и в Византии, и в славянских государствах назревает мысль о первенстве Москвы.

Конец XIV в. был периодом, когда политику Московского княжества определяли святые: преподобный Сергей Радонежский, святитель Алексей, святой благоверный князь Дмитрий Донской. Ученик Паламы патриарх Филофей Коккин писал Дмитрию Донскому, что считает русских «святым народом» и молится за них больше, чем за все остальные народы. **Таким образом, идею «Москва – Третий Рим», по сути, выдвинули не в России, а в самой империи Ромеев, предвидя падение «Второго Рима».** И с этого патриаршего благословения в русское сознание крепко вошла идея Святой Руси.

Здесь следует упомянуть и Нестора-Искандера – русского писателя XV в., который, в молодости попав в Турцию, был насильно обращен в ислам. Во время осады Константинополя в 1453 г. он находился среди осаждавших, сочувствуя христианам и оставаясь тайным христианином; им написана «Повесть о Царьграде», в которой проводится идея о том, что Московское государство является преемником Византии [19].

Диссонансом с этой мыслью, хотя и парадоксально подтверждая ее, звучат слова Н. М. Карамзина: «Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия...» (История Государства Российского, т. VI, гл. 1).

Однако к середине XV в. у русских еще не было с полной отчетливостью сформулировано убеждение в переходе всемирно-исторической миссии византийского православного царства к Москве, но за рубежом оно уже существовало как вполне сложившееся [4].

Падение Константинополя русские сразу же оценили как Божие наказание за вероотступничество и как знамение высокого призвания Русского государства. Окружное послание митрополита Ионы гласит: «Сами, дети, знаете, сколько бед перенес царствующий град от болгар и от персов... однако же он нисколько не пострадал, пока греки соблюдали благочестие. А когда они отступили от благочестия, знаете, как пострадали, каково было пленение и убийство; и уж о душах их – один Бог весть».

С падением империи Ромеев в 1453 г. единственным оплотом Православия остается Русь.

Необходимо остановиться на **символике Русского государства**, воспринятой от Восточной Римской империи: двуглавым орле и черно-золото-белом государственном знамени. В момент крестной смерти Спасителя надвое разодралась завеса в Иерусалимском Храме: «и померкло солнце, и завеса в Храме разодралась по середине» (Лк. 23, 45) – золотой луч прошел посередине между белым и черным, отделив добро от зла, тьму от света золотом пути от земного к небесному. Золотой луч между черным и белым – золотая середина нашего флага. В иудаизме, напомним, признаются лишь два цвета – черный и белый, символизирующие равновесие и неразрывную связь между добром и злом, аналогично зороастризму и классической китайской философии.

Известны изображения флагов святого равноапостольного Константина Великого, на которых на поле из черно-белых лучей изображен крест золотого цвета [24, с. 26–41]. Семантика этих знамен была основана на видении Константину в небесах перед битвой с Максенцием яркого, сияющего как солнце креста с начертанными на нем словами «Сим знаменем побеждай» («In hoc signo vinces»). Основатель Второго

Рима определил золотое трехцветие в государственном символе с двуглавым орлом, обозначающим симфонию светской и духовной власти в империи.

Передача Русскому государству золотого трехцветия от Константинопольского патриарха произошло в конце XV в., после победы над Ордой и в знак признания независимости и самодержавия (сама себя держит). Однако задолго до этого трехцветие использовали в Киеве и Великом Новгороде на знаменах, иконах и фресках церквей. На это указывают труды летописцев XI–XVI вв.

Образ Константина Великого был широко распространен. Автор «Повести временных лет» говорит о князе Владимире: «Се есть новый Константин великого Рима, иже крестивься сам и люди своя: тако и сотвори подобно ему». Это сравнение проходит красной нитью в древнерусской литературе. Иларион, автор «Слова о законе и благодати» (XI в.), прославлял Владимира Святославича как основателя христианства на Руси и призывал к его канонизации. Он писал: «Владимир и бабка его Ольга такие же апостолы, такие же создатели и утвердители новой религии, какими были царь Константин и его мать Елена». Митрополит Зосима в предисловии к «Изложению пасхалии» в 1492 г. писал: «Прослави бог православнаго первого царя Константина... И ныне же в последняя сиа лета... прослави Бог сродника его (Владимира. – *А. Е.*) еще в Православии просиавшаго благовернаго и христоролюбиваго великого князя Ивана Василевича, государя и самодержьца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константину – Москве, и всей Русской земли и иным многим землям государя».

К 50-м годам XVI в. относится грандиозная четырехметровая икона «Благословенно воинство небесного Царя», более известная под названием «Церковь Воинствующая», в которой также присутствует золотое трехцветие. Под трехцветными знаменами в период Смутного времени сражались дружины Минина и Пожарского.

Обращает на себя внимание тот факт, что крест Константина во всех церемониях играет важную роль и зачастую

упоминается прежде других святынь. Таким образом, можно говорить о существовании в Московской Руси почитания не только благоверного царя Константина, но и креста и символики Константина как символа победоносности.

Прозападные симпатии Петра I отразились в привлечении бело-голубого-красного триколора (ныне государственного флага РФ), отражающего дух масонской Голландии и впоследствии республиканской Франции. Но тем не менее государственным флагом оставался монархический штандарт, а триколор использовался на торговых судах, в основном внутреннего судоходства и для частного использования на домах, магазинах, лавках и т.д. Однако это явилось первой трещиной в представлении о единстве царской и народной символики [24].

Утверждение Русского государства как преемника империи Ромеев, как главного оплота Православия в мире, как гаранта духовного и экологического равновесия на планете, не могло совершиться без ожесточенной духовной борьбы с ересями стригольников и жидовствующих. Этот опаснейший период русской истории промыслительно пришелся на то же историческое время, что и гибель Восточной Римской империи. Еретиками полному пересмотру было подвергнуто православное вероучение с позиций «здорового смысла». Наиболее идеологически значимым принципом учения стригольников (вторая половина XIV в.) было противопоставление «древа познания» «древу жизни», то есть разума, ограничивающего веру, вере, якобы попиравшей разум. Ересь жидовствующих (рубеж XV–XVI вв.) провозглашала веру исключительно областью внутреннего убеждения, признавая за человеком «самовластие» (свободу) разума и души (либеральный примат личности) – то есть способность «положительного проявления личности» индивида. Христос при этом становился простым учителем веры, а духовная монополия Православной Церкви отрицалась; проповедовалось широкое распространение «учения книжного». Характерно, что с либеральных позиций эта ересь представляла собой

«реформационно-гуманистическое движение, много сделавшее для развития русской культуры» (определение, данное в советской энциклопедии); по мысли историка Я. С. Лурье, жидовствующие были выразителями «светлого ренессансного начала», противостоявшими «мрачному русскому средневековью». С православных же позиций ересь жидовствующих являлась идеологией разрушения русского общества путем изменения мировоззрения народа и в течение более 30 лет дальнейшая судьба России оставалась неясной.

Результаты такого изменения миропонимания продемонстрировал Запад, в эпоху Реформации встав на антропоцентрический путь и в кратчайший период времени приведя весь мир на грань экологической катастрофы. Русское же государство в тот момент устояло... «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16).

В отличие от Запада, на Руси не прикрывали сущность новой идеологии казуистическими терминами, а называли прямо и четко – «ересь жидовствующих». Справедливости ради необходимо отметить, что еще в Крестовом походе 1209 г. против катаров католики также называли их «жидовствующими», себя именуя «православными».

Важнейшей причиной возникновения ереси следует считать невежество духовенства и верующих в религиозных вопросах. Только бескомпромиссная борьба преподобного Иосифа Волоцкого и святителя Геннадия, архиепископа Новгородского, предотвратила переориентацию русского общества на путь «развития» протестантской этики (с православных позиций это не есть развитие, но деградация). Соборы 1499 и 1504 гг. привели к осуждению и казни главарей ереси в 1504 г. Западная же Европа с 1517 г. окончательно перешла на либеральный путь (тезисы М. Лютера), менее чем через 500 лет спровоцировав глобальный экологический кризис.

Казни еретиков подчас рассматриваются как необоснованная жестокость, в принципе присущая христианству. Мыслящие подобным образом и говорящие о «зверствах» Православия не в состоянии понять, что казни лишь отражают трагическое несовершенство нашего падшего мира,

когда спасти организм (как в физическом, так и в духовном смысле) от распространяющейся гангрены возможно лишь «хирургическими» методами. «Терапевтическим» методом могло бы стать изначальное просвещение духовенства и общества в целом, но этого в необходимый момент сделано не было [7]. Хотя еще в 1274 г. на Владимирском соборе митрополит Кирилл III ставил вопросы о *симонии* и сребролюбии епископов, против литургических беспорядков, против пьянства священников и против безнравственных народных увеселений [4, т. 1).

Но с другой стороны – XIV–XV века, это, как давно уяснено, время расцвета святости; именно в эту пору родился образ-понятие «Святая Русь» [7]. Простой перечень тогдашних творцов высокого и труднейшего подвига, причисленных – кто раньше, кто позже – к лику святых, занял бы несколько страниц.

В сущности, каждый из них видел своего прямого наставника или вдохновителя в величайшем русском святом – богоносном Сергии Радонежском. Это и его непосредственные ученики и сподвижники (действовавшие в эпоху Куликовской победы) – такие как Кирилл Белозерский, Дмитрий Прилуцкий (он создал достоправный монастырь вблизи Вологды), Павел Обнорский (обитель на реке Обноре в округе Костромы), Савва Звенигородский, Ферапонт Белозерский, Авраамий Чухломский, Сергей Нуромский и многие другие. Это и более поздние подвижники – Зосима и Савватий Соловецкие, Пафнутий Боровский, Дионисий Глушицкий, Александр Ошевенский и т.д.

На рубеже XV–XVI вв. духовными вождями Русского государства становятся преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. В новейших работах неоспоримо установлено: никаких хоть сколько-нибудь достоверных сведений о «противоборстве» Иосифа Волоцкого и Нила Сорского не существует, их попросту нет. Верно, что пути святых были различны; однако самостоятельность пути отнюдь не обязательно подразумевает борьбу, враждебность или хотя бы отчужденность.

В исторической действительности имело место определенное противоборство направлений, известных сегодня под названиями «иосифлянство» и «нестяжательство» (хотя и здесь дело обстояло не столь уж просто, и граница между иосифлянами и нестяжателями далеко не всегда может быть четко проведена). Для нас здесь главное то, что по отношению к еретикам взгляды обоих святых абсолютно идентичны [7].

Иосифляне окончательно разработали учение о богоустановленности царской власти и о «Москве – Третьем Риме». Разгром ереси жидовствующих совпадает с принятием при Иване III и его преемниках идеологии «Москва – Третий Рим». Сохраняя преемственность с империей Ромеев, русское государство с этого момента и до настоящего времени становится важнейшим носителем непотребительской идеологии, гарантом духовного и экологического равновесия на планете. В русском обществе окончательно формируется сословное деление, обеспечивающее его стабильность. Каждое сословие отличается особенностями своего служения обществу и государству, обязанности сословия мыслятся в первую очередь как обязанности религиозные, как различные формы спасения души.

В области внутренней, семейной жизни также формулируются правила, основанные на православном миропонимании. В «Домострое» «развертывается грандиозная картина идеально воцерковленного семейного и хозяйственного быта. Упорядоченность становится почти обрядовой, ежедневная деятельность человека поднимается до высоты церковного действия, послушание достигает монастырской строгости, любовь к царю и отечеству, родному дому и семье приобретает черты настоящего религиозного служения» (митрополит Иоанн Снычев).

Вплоть до XVIII в. в России не существует понятия «экономика», но понятие «домостроительство», то есть наука вести хозяйство на духовно-нравственных началах для обеспечения достатка и изобилия, но никак не стяжания материальных благ с целью достижения богатства. Прибыль в этом случае не яв-

ляется самоцелью, а собственность представляется функцией труда, а не капитала. Такой подход к ведению хозяйства, кроме высочайшего духовного-нравственного аспекта, глубоко экологичен (см. [17, ст. «Домострой» и «Экономика»]).

6.1.2. Материальный аспект

Период от 1380 до 1480 гг. являлся периодом выхода Русского государства на мировую арену. **«Наиболее ранний из известных нам русских документов, в котором употреблено название “Россия”, относится к 1517 году»** [7, с. 6]. Однако Российским централизованным государством ученые называют политическое образование, возникшее уже в конце XV в. Его ядро составили Северная и Северо-Восточная Русь, а столицей стала Москва. Огромная территория подчинилась единым законам, установленным Судебником Ивана III в 1497 г.

Материальные предпосылки возрождения более чем подробно проанализированы в ряде работ [7, 9]. В результате монгольского нашествия русские земли дробятся (потеряно порядка 2/3 территории):

- постепенно откалывается Галицко-Волынская Русь, в результате недальновидной политики своих вождей начинающая ориентироваться на Запад и впоследствии фактически утраченная для России;
- воспользовавшись разорением русских земель, литовские вожди (Миндовг, 1244) начинают создавать свое государство – Великое княжество Литовское, также с тенденцией ориентации на Запад;
- Новгород, не пострадавший от монголов, сохраняет республиканские традиции правления при явно прозападных настроениях;
- Владимиро-Суздальская Русь, при неизменном сохранении верности Православию и росте значимости Великого княжества Московского, становится собирательницей русских земель.

Результаты этого исторического процесса хорошо известны – воссоздание Русского государства, произошедшее на основе Православия. Этот результат является не случайным, но вполне закономерным событием – иного просто не могло быть.

В экологическом и экономическом планах предпосылкой воссоздания явилось восстановление и развитие экономики после монголо-татарского нашествия. В XIV в. началась «великая русская распашка» – колонизация районов к северу и северо-востоку от Волги. Кроме того, в давно освоенных районах получили распространение интенсивные методы обработки почвы – трехполье.

Восстановлению сельского хозяйства помог приток населения из Южной Руси, благодаря которому заселялись опустевшие земли, а также тридцатилетняя «тишина» после 1328 г. – отсутствие татарских набегов.

При относительной «неразвитости» промышленности и торговли в Московском княжестве земля составляла основное богатство и важнейшее средство существования. Великий князь раздавал поместья во временное пользование. Дружинники при этом не становились самостоятельными землевладельцами, привыкали жить около князя и не противостояли сильной государственной власти. Число помещиков в XIV–XV вв. непрерывно росло – возникал социальный слой людей, заинтересованных в едином государстве и сильном правителе.

Старую знать – боярство, сначала де-факто, а затем и де-юре власть принизила, уравнив с дворянством. Дворяне и дети боярские получали от великих князей неосвоенные земли, на которые призывали крестьян, обещая им временные льготы. Помещики, конечно, не могли конкурировать с крупными землевладельцами из старой аристократии, когда речь шла о доходах. Крестьяне подчас уходили туда, где нормы оброка и повинностей были более легкими, – на земли бояр, князей и монастырей. Кроме того, крестьяне уходили и в другие княжества, а также на окраины страны. Поэтому как

бы сама жизнь ориентировала помещиков на поддержку нарождавшегося самодержавия, «собираение» земель и централизацию государства.

Оживлению экономической жизни способствовало восстановление и развитие городов, ремесел и торговли. На достижение домонгольского уровня ремесленного производства ушло примерно сто лет. В то же время в XIV–XV вв. постепенно крепились торговые связи между отдельными городами и землями. Уже в 80-х гг. XIII в. возобновилось каменное храмовое строительство в Твери, в 90-х гг. – в Новгороде, а в 20-х гг. XIV в. началось и в Москве.

Большую роль в восстановлении и развитии экономики сыграла внешняя торговля, которая, как это было показано выше, в XIV в. активно шла как с Золотой Ордой (а через нее с Востоком), так и с европейскими странами. Одним из самых перспективных направлений международной торговли в XIV–XV вв. была торговля с Сурожем (Судаком), находившимся на побережье Черного моря. Купцов, перевозивших товары с юга на север, стали называть «гости-сурожане»; они составляли верхушку московского купечества. Активизация торговой жизни привела к возобновлению монетной чеканки.

В XV в. начинает формироваться новый слой – казачество. Казаки – «вольные люди», обосновавшиеся на окраинах Польско-литовского и Русского государств за линией сторожевых укреплений.

К середине XV в. была восстановлена домонгольская численность населения – 3÷5 млн человек.

Во второй четверти XV в. процесс централизации замедлился из-за разгоревшейся междоусобицы, тянувшейся около 30 лет. Лишь в 1446 г. Василию II Темному удалось одержать победу и вновь стать великим князем. Однако Россия оказалась как бы зажатой между Великим княжеством Литовским и обширными владениями монголов; кроме того, на севере соседями являлись крестоносцы и Швеция, агрессивная политика которых в отношении русских определялась главой Запада – папой римским, еще в начале XIII в. объявившим Кре-

стовый поход «против язычников финнов и русских». Чисто территориально всего лишь в шестидесяти верстах от Москвы на правом берегу Оки начиналось «Дикое поле», где властвовали кочевники; в восьмидесяти верстах к западу начиналась Литва, в 100 верстах к востоку – в мещерской стороне сидели еще дикие мещеряки.

Несмотря на труды восьми первых московских князей, Русское государство не могло пока объединиться: еще существовали Рязань и Тверь, а уже ослабевшие Новгород и Псков колебались между московским и литовским великими князьями. Только сыну Василия Темного Ивану III за свое сорокалетнее правление удалось воссоздать мощное централизованное государство.

Описываемые события закономерно привели к формированию самодержавной формы правления. Страна была постоянно осаждаема с трех сторон враждебными государствами, натиск которых временами был настолько силен, что ставил под вопрос существование не только государства, но и самой русской нации. Мобилизовать все силы и сконцентрировать их в нужном месте в нужный момент могла лишь сильная централизованная власть, основанная на принципе единоначалия. Подобные выводы свойственны и историкам, стоящим на сугубо либеральных позициях.

В число политических предпосылок воссоздания следует включить, во-первых, сохранение самобытных форм государственности на территории Северной и Северо-Восточной Руси (в отличие от Юго-Западной и Западной Руси, вошедшей в XV в. в состав Королевства Польского и Великого княжества Литовского). Во-вторых, имело место формальное единство этих земель, составлявших Великое княжение Владимирское и входивших в состав русской митрополии, которая в 1448 г. стала автокефальной – независимой от Константинопольского патриархата. В-третьих, в Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. был не один, а несколько потенциальных центров объединения, главными из которых являлись Тверь, Москва и Нижний Новгород.

«Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское» длительное время конкурировало с Москвой в борьбе за лидерство в объединении русских земель и в воссоздании Русского государства. У Литвы для этого были определенные предпосылки:

- большинство русского, православного населения;
- до конца XVII в. государственным языком в Литве был русский (точнее, старобелорусский, практически неотличимый от старорусского);
- значительность территории (к концу XIV в. от Балтики до Черного моря) и природных ресурсов.

Победа в этой борьбе, однако, была предрешена заранее духовным выбором Московского княжества (который, впрочем, и не менялся со времен Крещения Руси) – верностью Православию. В Литве же видим постоянные метания от язычества в католичество и Православие и обратно, обусловленные чисто политическими, но отнюдь не духовными аспектами, что и привело к краху Литвы. Так, ряд летописей говорит, что Ольгерд принял Православие и православное имя Александр еще в 1318 г., но есть известие, что он был крещен и принял схиму лишь перед смертью, при этом старался придать своему переходу в Православие не государственный, а частный, а потому и негласный характер. Согласно одним источникам (католическим), он был похоронен как язычник, согласно другим – по православному обряду. Известно, что Ольгерд позволил вести проповедь Православия и выстроить несколько храмов; с другой стороны, он же, по настоянию языческого литовского двора, обрек на смерть трех придворных литвинов, обращенных в христианство.

Родоначальник династии Ягеллонов Ягайло (Владислав II), по утверждению некоторых исследователей, уже в юности исповедовал Православие, приняв имя Яков; другие историки доказывают, что он оставался язычником до самого принятия католической веры и имени Владислав.

Витовт, один из наиболее известных правителей Великого княжества Литовского, был трижды крещен: первый раз

в 1382 г. по католическому обряду под именем Виганд, второй раз в 1384 г. по православному обряду под именем Александр и третий раз в 1386 г. по католическому обряду также под именем Александр.

Жизнь этих двух, фактически русских государств различалась разительно. В Литве шел процесс культурного сближения с Польшей и восприятия польских норм жизни. В противоположность Москве, в Литве происходило постепенное ослабление роли государства в обществе и возрастание прав и свобод дворянства и городов. В Польше к этому времени уже обозначились основные ценности: «личность» и «развитие». При этом Польша несколько отставала в «развитии» от западноевропейских стран, а «личность» здесь вплоть до XIX в. ассоциировалась прежде всего с дворянством. Польша завершила этап экстенсивного развития – «великую распашку» – примерно на век позднее, чем страны Западной Европы, и с XVI в. развитие ее могло идти только по интенсивному пути. Эти ценности и перенимала у Польши Литва в XVI–XVII вв.

В то время как в Московском княжестве сначала юридически, а затем и фактически земля стала собственностью государства, в Литве утвердилось наследственное владение шляхты. В России крестьяне передавались помещикам вместе с землей во временное пользование, а государь через своих чиновников имел право судить крестьян. В Литве не великий князь, но шляхта имела право судить «своих» крестьян. Московский государь был независим экономически и политически от дворян и бояр, концентрировал в своих руках материальные и денежные ресурсы государства. Дворяне же и бояре экономически и политически полностью зависели от государства. В Литве государь политически и экономически был зависим от шляхты, а шляхта независима от государства. Шляхта демократическим путем избирала Великого князя Литовского и короля Польского. И тот и другой в польско-литовской дворянской (шляхетской) республике были в XVI в. и позже как бы «пожизненными президентами», но не династическими правителями. Съезды шляхты – сеймы (местные,

окружные, воеводские и общегосударственные – всепольные) – не только избирали своих сюзеренов, но и принимали главные решения в жизни государства и обязывали сельское население и города обеспечивать материально и финансово выполнение принятых решений. Города обладали почти полной самостоятельностью, определяемой нормами европейского (Магдебургского) права. В Московском княжестве был сильный государственный аппарат, способный оперативно принимать квалифицированные государственные решения. Этот аппарат имел организационные, материальные и финансовые возможности выполнять принятые решения. В Литве госаппарат был немногочисленным и слабым, неспособным самостоятельно ни принимать решения, ни выполнять их. В результате как принятие решений, так и исполнение их в Литве, в отличие от Московского государства, не было оперативным, государство было слабым, ресурсы его ограничены. Московское государство, будучи сильным и оперативно действующим, в течение века (от второй половины XV до второй половины XVI вв.) осуществляло постепенный переход русских княжеств из-под юрисдикции Литвы к Москве.

Однако только силой Московского и слабостью Литовского государств произошедшие исторические события объяснить нельзя. Если бы общество, крестьяне, дворяне и горожане западных русских земель были бы категорически против порядков Московского государства, то переход земель от Литвы к Москве не состоялся вовсе или не был бы тотальным.

Следовательно, русские люди Литовского государства, способные сделать выбор между Польшей и Москвой, в массе своей приняли историческое решение в пользу московского самодержавия, и решение это было обусловлено их православным миропониманием.

Следует отметить, что в период расцвета Литовского государства были созданы специальные своды законов – «Литовские статуты», которые сыграли положительную роль в охране природы. Статут брал под охрану лебедей, бобров, лис и других животных. За кражу, убийство или разорение

гнезд лебеда взимался значительный штраф. Несколько позже, в конце XVI в., в Великом княжестве Литовском, где православный элемент оставался значительным, взаимоотношения между человеком и природой строго регламентировались «Статутом Великого княжества Литовского» (1588), который обязывал беспрекословно и безукоризненно соблюдать правила бережного отношения не только в целом к «пущам, озерам, рекам и лугам», но и конкретно к «бобровым гонам, бортным деревьям и птичьим гнездам».

* * *

Иван III направил свои силы преимущественно против Новгорода и, уничтожив его демократическую «свободу», присоединил и земли Русского Севера, ему принадлежащие. Впервые в истории России начали практиковаться массовые депортации населения – расселение новгородцев по русским землям для исключения рецидива бунта.

Иван III впервые «поставил» казанского хана «из своей руки» и «рассадил» часть казанской аристократии по Русской земле [1]. Поставив Казань в вассальную зависимость от Москвы, Иван III открыл возможность мирного – крестьянского – заселения земель Поволжья.

При Иване III летом 1483 г. русские войска совершили большой поход на северо-восток. Воеводы Иван Салтык Травин и князь Федор Курбский прошли тысячи километров по рекам и волокам. Впервые русские люди перевалили Уральский хребет и дошли до Оби, спустившись по ней до устья. Местные князья признали вассальную зависимость от Русского государства, причем сделано это было мирно, с согласия и желания сибирских народов. Так за сто лет до похода Ермака началось освоение Северной Сибири. Таким образом, был сделан шаг «мягкого» пространственного расширения вмещающего ландшафта Российского государства.

Одна из проблем исторической демографии – изучение миграций населения. В. О. Ключевский писал о переселении

как основном факте нашей истории. Особую активность эти процессы приобрели с началом эпохи раздробленности. Причины миграции – опасность со стороны Великой Степи, рост давления со стороны аристократии, демографический рост и господствовавшие экстенсивные системы землепользования [2, с. 61]. Повлияло и монгольское нашествие – со второй половины XIII в. и в первой половине XIV в. наблюдается движение населения в пределах Суздальской земли с востока на запад в более безопасные районы за Окой и Клязьмой, в верховья Волги и за Волгу.

«Стояние на Угре» в 1480 г. положило конец татарскому владычеству. В 1485 г. Иван III принял титул «Великий князь всея Руси», что означало, с одной стороны, констатацию факта воссоздания Русского государства, а с другой – претензии на все земли, которые ранее входили в состав Киевской Руси, а теперь находились в составе Литвы. Государство установило дипломатические отношения с папской курией, Германской империей, Венгрией, Молдавией, Турцией, Ираном, Крымом. При Иване III определились правовые основы государственности. В 1497 г. был создан Судебник, который закрепил сложившиеся традиции.

К этому же периоду относится начало роста самобытно развивавшейся русской промышленности. Имеющиеся данные свидетельствуют о довольно значительных размерах выплавки металлов, выварки соли, выработки поташа, селитры, пороха и другой продукции: «...в 1491 году Иван (Иоганн) и Виктор с Андреем Петровым и Василием Болотным по указанию великого князя Ивана Васильевича отправились искать серебряные руды в окрестностях Печоры. Через 7 месяцев они вернулись с известием, что они нашли оную вместе с медной. Сие важное открытие сделало Государю величайшее удовольствие, и с этого времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету» (Карамзин Н. М. История государства Российского).

Н. М. Карамзин пишет: «...образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удив-

лением, *предлагают* (курсив автора. – А. Е.) ей знаменитое место в их системе политической» (т. VI, гл. 1). Что это? Либо недалекая романтическая наивность, либо – следствие масонских идей (см. [25, 26]). И далее там же: «Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного», – грустно читать все это в наше время, но не будем никого осуждать...

Перечисленные позитивные тенденции осложнились экологической обстановкой, которая, тем не менее, также содействовала усилению роли самодержавного государства. Согласно гипотезе Э. С. Кульпина, в XV–XVII вв. Русь находилась в состоянии жестокого «социально-экологического кризиса» [10], спровоцированного невозможностью дальнейшей эксплуатации высокопроизводительного подсечно-огневого земледелия и необходимостью перехода к низкопроизводительному пахотному в условиях резкого ухудшения погодных условий, связанного с изменением климата от состояния климатического оптимума VIII–XIII вв. к малому ледниковому периоду, зафиксированному в Западной Европе с XV в. Резко возросло количество неблагоприятных метеорологических явлений: в сравнении с X в. число засух, наводнений, дождливых годов, суровых снежных и бесснежных зим, бурь, гроз и, как следствие этого, голодных годов в XV в. возросло в 15 раз. По летописным свидетельствам подсчитано, что таких явлений в XII в. зафиксировано 49, в XIII – 52, в XIV – 71, в XV – 144, в XVI – 151. Можно констатировать, что в этот период климатические условия для занятий сельским хозяйством ухудшились, хотя и отнюдь не катастрофически. Особенно сильным эколого-социальный кризис был в Замосковном крае – наиболее густонаселенном центре Московского государства. Большая часть общества не могла самостоятельно решить проблемы сохранения уровня и качества жизни. Как следствие, общество делегировало свои права государству, которое стало первой по значению ценностью [23].

«Великая русская распашка» привела к массивной деградации почвенного покрова – широкому распространению

подзолистых почв в центре и на севере Восточной Европы; а также к деградации *экотопов*, изменению гидрологического режима территорий. Повсеместно уменьшилась лесистость, что привело к появлению разрывов в ареалах деревьев, прежде всего широколиственных. По оценке Н. А. Рожкова (1899), в XVI в. лесистость в некоторых уездах центральной России уменьшилась до 6%. Во многих районах, прежде всего северных, означенные воздействия привели к заболачиванию на водоразделах, с одной стороны, и развитию *пирогенных ландшафтов* (формированию значительных массивов светлохвойных лесов), с другой. Существенные изменения растительного покрова привели и к изменению климатических условий: начало XVII в. считается «термической кульминацией малого ледникового периода в Европе».

В результате уменьшения скорости биологического круговорота и изменения климата зона неустойчивых урожаев продвинулась на север (примерно до 59° северной широты), граница вызревания ржи сместилась к югу.

Отметим, что в Западной Европе наблюдалась та же последовательность событий, лишь с опережением по времени: колонизация лесной зоны, последующая «великая распашка» XII–XIII вв., по времени совпавшие с «малым климатическим оптимумом», а затем – забрасывание выпаханых земель во время «малого ледникового периода».

В течение Средневековья существование открытых и полукрытых пространств в лесной зоне, поддерживаемых ранее средообразующей деятельностью крупных диких травоядных, стало целиком зависеть от деятельности человека. К концу Средневековья были практически полностью уничтожены тур и тарпан; значительно уменьшилась численность зубра и сайгака; массовая охота постепенно сокращала численность бобра.

В целом, в Средневековье был сделан наиболее крупный шаг к формированию современной географической зональности. Это антропогенно обусловленное расчленение лесного пояса Восточной Европы на зоны тайги, смешанных и широко-

лиственных лесов; формирование зоны тундр; потеря природных пастбищных экосистем.

Как следствие, важнейшим приоритетом Русского государства становится экстенсивное развитие – существование социоестественной системы за счет непрерывного пополнения энергии извне.

Многие мыслители и исследователи в качестве основного фактора, определяющего специфику бытия российского социума, называют обширность его территории и постоянное стремление к пространственному расширению. «Географическое положение России было таково, – полагает Н. А. Бердяев, – что русский народ принужден был к образованию огромного государства... но нелегко давалась ему организация этих пространств... поддержание и охрана порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа». А И. Ильин в пространстве усматривает наше первое бремя – «бремя земли – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства... не мы взяли это пространство... – оно само навязалось нам, оно заставило нас овладеть им». «История России, – пишет В. О. Ключевский, – есть история страны, которая колонизируется» [6, с. 50].

Движение народа в северо-восточном направлении, как уже отмечалось, стихийно началось еще до монгольского нашествия и усилилось в период ордынской экспансии. Согласно В. О. Ключевскому и Г. В. Вернадскому, «...монголы застали Русь на походе, во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый склад жизни завязался до них».

На основании работ В. П. Петрова и Э. С. Кульпина можно заключить, что соотношение ополей и леса в то время в Киевской Руси составляло 1:10 и господствующей формой хозяйствования было подсечно-огневое земледелие в сочетании с другими лесными промыслами [9, 12, 16]. Крестьяне ополей при значительных затратах собственных сил и тяглового скота могли получить максимум биопродуктивности, обеспечиваемой землей, в течение одного летнего периода вегетации растений, причем подобный способ сельскохозяйственного произ-

водства сильно зависел от климатических колебаний, которые существенно сказываются на урожайности сельскохозяйственных культур. Средний урожай на пашне составлял «сам-3–5», максимальный – «сам-6–9», минимальный – «сам-2». На открытых пространствах ополей люди селились большими деревнями, здесь строились города. Поэтому население этих мест легче было контролировать княжеской администрации, но оно было менее защищено от вражеских набегов. В лесу люди селились отдельными семьями-одnodворками, заимками, починками. Из-за непроходимых лесов они были практически недосыгаемы ни для княжеских дружинников, ни для кочевников. Кроме того, подсека оказывалась по трудозатратам в соотношении с полученным урожаем производительнее пашенного способа земледелия в 1,5–15 раз, так как базировалась на использовании солнечной энергии, аккумулированной растениями в течение многих лет, и исключительно на ручном труде, без применения тягловой силы животных. При поджоге векового леса крестьянин несколько лет мог получать урожаем «сам-40–100», при поджоге тридцати-пятидесятилетнего леса – «сам-10–18», леса до 10 лет – «сам-7–10» (В. Г. Короленко, описывая свое пребывание в ссылке в районе Якутска, вспоминает, что он с товарищами на участке, освобожденном от леса, в условиях довольно неблагоприятного летнего сезона и при отсутствии какого-либо опыта сельскохозяйственной деятельности получил урожай зерновых порядка «сам-40» с десятины (1,1 га). Аналогичные цифры приводят и другие исследователи (см. [8, с. 340]; а также Власова И. В. Традиционное сельское хозяйство на русском Севере // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 125). При этом крестьянин-лесовик был практически застрахован от голода, периодически посещавшего ополья. Словом, пока были изобилие лесов и свобода лесопользования, население Восточной Европы могло довольно успешно преодолевать неблагоприятные климатические условия, поскольку опиралось на веками накапливавшийся энергетический потенциал лесов, сжигание которых позволяло получать урожаи непревзойденные и поныне. Сви-

детельством этого был значительный – беспрецедентный для Средневековья рост народонаселения.

Безбедное существование в лесу при подсечном земледелии не стимулировало какие-либо технические и социальные изменения и тормозило «прогресс», имело тенденцию к стагнации. В то же время экстенсивное по своей природе подсечное земледелие было ограничено естественным природным ресурсом – лесом. Минимальная земельная площадь для жизнеобеспечения одной семьи составляла 100 десятин (около 110 га), но поскольку эти участки забрасывались через несколько лет эксплуатации, то, например, в пределах современной кольцевой дороги Москвы могли бы долговременно проживать всего лишь 90 семей. Лимит участков, пригодных для подсечного земледелия, ограничивался требованиями к рельефу – проекции его наклона к солнцу и массой других факторов.

Из-за бурного притока населения в Замосковный край в XV в. естественная база подсечного земледелия на территории Восточной Европы была исчерпана, а население вынуждено перейти к пашенному земледелию. Существенное отличие подсечно-огневого земледелия от пашенного состоит в том, что первый способ хозяйствования не требователен к естественному плодородию земли, возможен при использовании примитивных сельскохозяйственных орудий – топор, огниво, борона-суковатка, без удобрений и тяглового скота. Пашенное земледелие невозможно без рабочего скота, совершенного инвентаря – сохи, рала, плуга, удобрений и т.п. и весьма требовательно к качеству сельскохозяйственных земель. Но плодородных земель было мало. В результате этого Россия столкнулась с дефицитом земель сельскохозяйственного пользования и относительным перенаселением. Этот процесс совпал с наступлением малого ледникового периода в XIII–XIV вв., сопровождавшемся ухудшением климатических условий. В это время за счет уменьшения испаряемости началось заболачивание низменных районов, что сказалось на сокращении посевных площадей и вегетационного периода, приведшем, как уже отмечалось, к смещению к югу северной границы вызревания

ржи и зоны неустойчивых урожаев [3, с. 23; 15, с. 18]. В результате производство зерновых снизилось здесь в 3–5 раз. Продовольственная база заметно сократилась. Из-за заболачивания брошенных после подсеки участков заметно ухудшилась экологическая обстановка. Как следствие, возникли сложные социальные проблемы: переход от подсечного земледелия к пашенному значительно изменил способ бытия людей, их экономику, технику и технологию производства.

Дефицит эффективных территорий и технологически освоенных альтернативных энергетических источников ресурсов, а также соседство экономически более интенсивно «развивающихся» соседей на Западе поставили страну перед проблемой выживания. К этому времени в Западной Европе завершился процесс «великой распашки» (XI–XIII вв.) – сведения леса под пашню, что наряду с ростом населения, необходимого для обработки больших, но ограниченных массивов земли, увеличением плотности населения и улучшением средств коммуникации, ростом городов и т.п. обусловило тенденцию к усовершенствованию техники и технологии земледелия, которая четко фиксируется уже с конца XII в., и росту урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур. С этого момента, по мнению либералов, начинается «опережающий отрыв» западной экономики, культуры и цивилизации. Только отрыв этот можно характеризовать как «прогресс», а можно (с православных позиций) – как путь к еще большей духовной деградации и экологическому кризису, что и показали последующие исторические события.

Выход был найден Россией не на путях совершенствования производительных сил, открытия новых энергетических ресурсов и их технологического освоения, а в утверждении православной системы ценностей крестьянина, ранее в гораздо большей степени самостоятельного, системы, ориентированной на жесткую централизацию власти. **Возобладала идея «служения», а не демократических «свобод».** При последовавшем за «великой распашкой» резком возвышении роли государства важнейшим аспектом русской жизни стало именно

«служение», а частная собственность при всевластии государства не стала священной, и закон не стал «превыше короля». Россия не пошла по пути Запада. При сохранении и утверждении православного миропонимания, повторим, иначе и быть не могло. В Судебнике 1497 г. единственным возможным юридическим собственником земли провозглашалось государство в лице Государя Всея Руси.

В XV в. протекали два процесса, взаимно стимулирующих друг друга: демографический рост и распашка лесов Замосковского края. К концу века первый из процессов продолжался, второй – завершился. Сначала не стало лесов, которые можно было подсекать – превращать во временные поля (нивы) лесные пепелища, затем временные поля стали превращаться в постоянные – пашни, затем не стало свободных земель, которые можно было превращать в пашню. Отличие Замосковского края от Западной Европы и Черноземного Центра состоит в том, что в сыром и болотном Замосковном крае – центре Московского государства – не все земли можно было распахивать без опасности нарушения экологического равновесия. Распашка низинных земель, повторим, приводила к заболачиванию почв, превращению недавней пашни в болота (или даже озера), имеющие тенденцию увеличиваться в размерах.

Новое явление для Северо-Восточной Руси – дефицит земли стимулировал, во-первых, поиск новой интенсивной хозяйственной технологии – навозного земледелия (которое началось с XV в.), во-вторых, острую борьбу за собственность на землю между крестьянами, вотчинниками (боярами и монастырями, владевшими землей по праву наследования) и государством. Поиск новой технологии завершился возникновением и испытанием на практике технологии продуктивного навозного земледелия.

Провозгласив всю землю собственностью государства, последнее (пока еще только юридически) лишило частных лиц (землевладельцев-вотчинников и черных крестьян) возможности быть собственниками главного для Средневековья вида собственности – собственности на землю, и тем самым

лишило частных лиц возможности экономической независимости от государства. Экономическая независимость – предтеча независимости политической, а вместе политическая и экономическая независимость – основа утверждения значимости ценности личности. В то же время по принципу компенсации государство взяло на себя ответственность за решение проблемы дефицита земли, осуществив введение в феодальную зависимость земель Среднего Поволжья и Сибири (Казанское и Сибирское ханства).

По мнению либерально ориентированных историков, при других обстоятельствах общество, может быть, и не согласилось бы без борьбы на резкое снижение значимости ценности личности. Но в условиях продолжающегося роста населения и сокращения пахотной земли за счет нарастающего экологического кризиса, путь экстенсивного развития казался понятным, быстрым, простым и потому более привлекательным, чем путь интенсивного развития с его неясными до конца возможностями навозного земледелия при очевидной трудоемкости усилий, нескорой экономической отдачей, сложностью решения хозяйственных проблем и проблем собственности. В середине XVI в. растущий дефицит земли в Замосковном крае обусловил совпадение интересов государства и основных слоев общества. С этого времени и до 1991 г. Россия развивалась за счет непрерывного введения в хозяйственный оборот новых природных и человеческих ресурсов [11]. Иными словами, православное миропонимание русского народа, оказавшее здесь решающее влияние, полностью игнорируется. Но для нас важно понимание того, что даже и в чисто материальном аспекте, с чисто практических, разумных позиций («мудрость человеческая»), иного исторического пути у России просто не могло быть.

Выход из эколого-социального кризиса мог быть только один – исход растущего населения на новые плодородные земли. Однако южные черноземы отвоевывались с трудом и очень медленно. В поисках иных земель русские землепроходцы шли в Сибирь и далее. Сибирь была пройдена, русские вышли к Тихому океану, пересекли его и начали осваивать Аляску.

Длительная борьба с Крымским ханством за господство над южными русскими землями начинается после распада Золотой Орды. В период XV в. регулярные набеги татар на русские земли – преимущественно находившиеся в составе Литовского государства – с политических позиций были выгодны Москве, как ни цинично это звучит, лишний раз подтверждая трагическое несовершенство падшего мира: «В конце XV в. почти вся украинская лесостепь к западу от Днепра стала местом татарских и турецких набегов. Брацлавщина и Восточная Подолия, южная и центральная Киевщина были превращены в пустыню. Только в редких замках и их ближайших окрестностях еще сохранялось малочисленное население. Даже нашествие Батыея не погубило столько людей в украинской лесостепи и не принесло таких опустошений, как набеги Менгли-Гирея» [5, с. 20].

Страдали, однако, и московские земли; так, осенью 1444 г. степь к югу от Рязани была выжжена на таком обширном пространстве, что после опустошения рязанских сел ордынский царевич Мустафа перебрался на зимовку в Рязань в дома горожан (Никоновская летопись) [5, с. 23].

После взятия Иваном Грозным Казани и Астрахани начались непрерывные набеги крымских татар на Московское государство под лозунгом освобождения татар Поволжья. Больше века борьба с Крымом требовала от Московского государства немалых материальных средств и человеческих жизней, а самый большой налог шел на выкуп пленных. Как все-таки хорошо было бы, потерпи русские поражение в Куликовской битве!.. – по мысли современных либералов.

По мере утверждения Московского государства на землях Черноземного Центра лес двигался на юг, но не сплошной полосой, а чересполосицей пашни и леса [12]. В середине XVI в. пашенное земледелие становится ведущим в ландшафте Восточной Европы. Именно с этого времени этносы вмещающего ландшафта Восточной Европы и северной части Азии объединяются в едином государстве под эгидой уже не татар-тюрок, но славян-русских. Православное миропонима-

ние постепенно становится ядром системы ценностей всех этносов Русского государства. Однако **идет процесс не «русификации», но «обрусения»**, что далеко не одно и то же.

В XVI в. наблюдается новое оживление поволжской торговли. Н. М. Карамзин отмечает, что «Казань заступила место древнего царства Болгарского: купцы московские и другие торговали в ней с Востоком» (Карамзин Н. М. Предания веков. М., 1988. С. 435). И далее – «от нас вывозили... седла, узды, холсты, сукна, кожи в обмен на лошадей азиатских. Оружие и железо не выпускалось из России». Особенно заметен рост торговли Поволжья после того, как весь бассейн Волги до самого Каспия вошел в пределы Московского государства, на что обратил внимание еще В. О. Ключевский [6]. Это оживление находилось в тесной связи с использованием природных богатств Урала, колонизацией Сибири, изменением торговых путей из Азии в Европу под влиянием турецких захватов на Средиземном море. Оно также в значительной мере обуславливалось возросшими оборотами торговли России с Западом, в особенности – прочными коммерческими связями Поволжья с Востоком.

При Василии III Россия окончательно занимает прочное политическое положение, находясь в дипломатических связях со всеми странами Запада и Азии. С папой Львом X были установлены сношения, и от него в Москву прибыл посол Шонберг, через которого папа сделал традиционное католическое предложение князю: «Папа хочет Великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с Римской Церковью, не умаляя их добрых обычаев и законов; хочет только поддерживать эти обычаи и законы, грамотою апостольской утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы, патриарх Константинопольский в турецких руках. Папа, зная, что в Москве есть духовенство и митрополит, хочет его возвысить и сделать патриархом, как был прежде Константинопольский; наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем...» Кроме идеологической экспансии папа стремился и к созданию коалиции против Османской

империи, очевидно пытаюсь использовать русских в качестве одной из основных ударных сил, лицемерно прикрываясь идеей «единения всех христиан». Однако ответ Москвы был однозначен: «Государь наш Божьей волею от прародителей своих закон греческий держал крепко, так и теперь волею Божьей крепко держать хочет», «Против неверных за христианство стоять будем, а с вами, христианскими и другими государствами хотим быть в любви и доверии, чтобы послы ходили с обеих сторон наше здоровье видеть...»

6.2. Иоанн Грозный и самодержавная власть

«Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь царя», – говорится в послании патриарха Антония IV великому князю Московскому Василию Дмитриевичу (XIV в.). Но еще ранее, в «Слове о законе и благодати», митрополит Иларион (XI в.), по существу, излагает государственно-идеологическую концепцию Древней Руси, концепцию закономерной связи Руси с мировой историей, с мировыми державами, Руси как наследницы Римского государства. Свт. Иларион проводит мысль о тождестве действий Владимира I и апостолов. Эти же идеи отражались и в Древнем русском летописном своде, вошедшем составной частью в начальную русскую летопись.

К усвоению идеи «царя» в применении к князьям русские были подготовлены всей предшествующей историей [4]. Духовенство с самого начала переносило на русскую государственную власть понятия империи Ромеев. Уже в «Сказании об убиении Бориса и Глеба» святой Владимир называется самодержцем всея Русския земли. В Мстиславовом Евангелии (начало XII в.) русские князья называются «цесарями», а их княжение «цесарством» («царь» – искаженное «цезарь»). В южнославянском пергаментном Прологе (XIII–XIV вв.) под 11 июля значится: «В той же день представление св. царице рушьские Ольги праматерь всех царей

рушьских». Те же титулы употребляют в приложении к некоторым русским князьям Ипатьевская и Лаврентьевская летописи. В период монгольского ига титул царя был перенесен на хана как верховного повелителя князей, но затем вновь начинает прилагаться к русским великим князьям уже в церковно-каноническом значении. Но до падения империи Ромеев русские князья могли именоваться царями только по уподоблению, а не в буквальном смысле.

Таким образом, вполне закономерно Иоанн Грозный окончательно в идеологическом плане занимает место василевса ромеев, венчавшись на царство в 1547 г. В 1561 г. этот факт утверждается соборною грамотой Вселенского патриарха Иоасафа и духовенства Восточной Церкви, в которой царь Московский рассматривается как состоящий в том же отношении к Церкви, в котором состояли прежде василевсы ромеев; патриарх и Собор называют Иоанна «своим».

Деятельность бояр, начавших в XVI в. заявлять о своих «правах» в противовес «обязанностям», чуть было не повернула русскую историю в западноевропейское русло, в котором аристократия постепенно ограничивала права монарха, считая его всего лишь «первым среди равных» и отрицая Божественную сущность власти (подробно см. об этом гл. 10). Правление Сильвестра и Адашева имело своей целью направить Россию именно на путь капиталистического развития.

Иоанном Грозным был положен предел распространению рационализма. Но в этой борьбе вполне естественным образом оказались утерянными многие нравственные ориентиры: потоки крови, раскаяние и вновь репрессии. Однако в сравнении с Западной Европой этого же периода царствование Ивана Грозного не выглядит столь жестоким.

Иван Грозный как самодержец закономерно стал считать всех своих подданных, независимо от происхождения и важности государственной службы, «холопами». Царскими холопами не была согласна стать лишь определенная часть аристократии, остальной народ идею «служения» принимал. После Смуты конца XVI – начала XVII вв. крестьяне были оконча-

тельно закабалены и, что важнее, признали, согласились, психологически смирились с подчиненным социальным положением – признали идею «служения».

По почти единодушному мнению историков, полное господство государства над личностью было осуществлено Иваном Грозным во время опричнины. В результате своего отъезда в Александрову слободу царь получил на то народное согласие и сразу использовал полномочия для проведения национализации земли. Опричнина является прецедентом, в результате которого в Московском государстве уже не только де-юре, но и де-факто утверждался единый земельный собственник – государство, а все светские собственники становились временными арендаторами государственной земли. Иными словами, царь осуществил национализацию земли. При этом, сколько бы ни говорилось о зверствах опричников, жертвами репрессий были не миллионы, не сотни, даже не десятки тысяч, а самое большее – тысячи людей. Со всей очевидностью необходимо констатировать: царь произвел все это малой кровью, обошелся без гражданской войны.

Первый Московский царь утвердил, таким образом, христианское царство «от мира сего» – то, что не удалось сделать Карлу V, Филиппу II, Марии Тюдор, Екатерине Медичи в Западной Европе, где все их усилия разбились о веками культивировавшийся дух безверия, отрицания истины, «свободомыслие» общества и корыстолюбие части аристократии.

Но Царство Божие «не от мира сего» – в этом причина жестокой расплаты за одержанную победу – гибель династии и Смутное время, когда стал вопрос о самом существовании самостоятельного Русского государства.

С другой стороны, при Иоанне Грозном территория Московского государства увеличилась вдвое, а численность населения возросла на треть, что не подтверждает версию о «разорительном правлении». Процессы эти, однако, в чисто материальном аспекте были существенно осложнены экологическим и хозяйственным кризисом, в котором государство объективно оказалось в XVI в.

Хозяйственная деятельность во вмещающем ландшафте во времена Средневековья зависит, во-первых, от природно-климатических условий, во-вторых, от применяемой людьми технологии, в-третьих, от количества населения. Описанные выше две системы земледелия – пашенное и подсечно-огневое – органично дополняли друг друга и успешно обеспечили хозяйственное развитие и рост населения Северо-Восточной Руси. У историков известно положение, что «цивилизация начинается с урожая сам-4». Русское пашенное земледелие давало в основном «сам-3», за исключением черноземных районов. Но более важным компонентом хозяйствования являлось подсечно-огневое земледелие. Собственно, это не вполне «земле-делие», поскольку земля как раз почти не обрабатывается, а скорее «лесо-делие», являющееся составной частью лесного хозяйствования. В Древней и Средневековой Руси одна семья порой хозяйствовала на площади в тысячу десятин (около 1100 га) и более, где размещались подсеки, ловища, бортни и т.п. Как уже отмечалось, подсечно-огневое земледелие способно дать высокие, даже исключительные урожаи. Это зафиксировано и в источниках, и при научном наблюдении подсеки в XIX в.: даже пожар «на кубышах» (кустарник, дерн) в первый благоприятный год дает «сам-16–20». Для сравнения – наивысший зафиксированный урожай ржи при пашенном земледелии в XVI в. – «сам-7» получен на «поилке» – участке, удобряемом весенним илом.

Если брать не соотношение, а собственно урожаи, то при подсеке сеяли пуда 3 ржи на десятину (45 кг/га), получая в среднем от 100 до 150 пудов (91–136 кг/га). В рассматриваемое время на среднюю семью в 5 человек требовалось 75 пудов зерна (1,2 т). При пожаре векового леса на семью было достаточно одной десятины (1,1 га), да еще оставались излишки. Из источников известно, что минимальный размер «лядины» (засеваемого участка) составлял в среднем 0,75 десятины (0,8 га), а семья в среднем имела 2–4 участка. При пашенном земледелии в то время минимальный надел составлял 6 десятин (6,6 га).

Однако, давая исключительные урожаи, подсечно-огневое земледелие требовало особых условий, поскольку не всякий лес годился для подсеки. Более того, для подсеки годилась только малая часть леса. Главный враг посева – иней и заморозки. По отношению к лесу подсека оказывается низкой, куда стекается холодный воздух и где он при отсутствии естественной вентиляции застаивается, вымораживая посевы. Вторым врагом посева была избыточная влага. Дерево работает естественным насосом, лес поглощает куда больше воды, чем поле. Поэтому вода естественно стремилась к рощистости, и посевы гнили. Для борьбы с этим рощистость делали значительно больше, чем собственно ниву. Но годился для этого не всякий участок. Особенно ценились прибрежные возвышенности – «бережины», во вторую очередь – возвышенности простые. Там было достаточно утроить размер рощистости по сравнению с нивой. Но в равнинном, слабо вентилируемом лесу часто требовалось выжечь участок в тридцать раз больше нивы.

Пока подходящих участков хватало, подсечно-огневое земледелие было сравнительно легким и высокопродуктивным. Причем достаточно было собственно подсеки – найдя подходящий участок, крестьянин «подсекал» деревья – то есть глубоко срезал с них кору, чтобы они засохли и повалились. А через 5–15 лет, в зависимости от качества леса, можно было выжигать участок и сеять. Такая работа легко выполнялась силами одной семьи (хотя и существовали формы объединения семей – «задруги»), не случайно абсолютное большинство поселений в Северо-Восточной Руси до XVI в. – однодворные. Но когда удобных участков стало недоставать, подсека сменилась рубкой. Дело в том, что в равнинном лесу поваленное дерево часто начинает гнить, и оставлять участок лет на 10 бессмысленно. При рубке дерево сохнет раз в пять быстрее – через 1–3 года после рубки можно жечь. Однако для рубки нужно много труда. На десятину требуется (по данным XIX в.) около 20 работников, половина – мужчины, которые валят лес, половина – женщины и подростки, валящие подсед. При рубке трудозатраты на десятину примерно вдвое выше, чем при пашенном

земледелии, но и урожайность еще выше. На основании данных писцовых книг можно утверждать, что в XVI в. прочно господствовала рубка. Это означает, что резервы участков, удобных для подсеки, были исчерпаны. Переход к рубке означал настоящий социальный переворот – ранее подсекой успешно кормилась малая семья, теперь же необходима была община – действительно, в XV–XVI вв. имеет место укрупнение поселений. Часто это явление связывают исключительно с распространением поместной системы, но подлинная причина – в изменении условий хозяйствования [9, 10, 12].

Для пашенного земледелия до XV в., как и для подсеки, сохранялся резерв удобных земель. Прежде всего ценились прибрежные участки, в том числе удобряемые весенним разливом. В Северо-Восточной Руси пашенное земледелие было развито в основном в опольях – самой природой созданных для нивы плодородных землях. До сих пор не существует удовлетворительного объяснения природного происхождения ополей. Естественно, ополья занимали только малую часть территории, поэтому довольно рано началось сведение лесов под пашню в удобных для этого местах. Но и свободной земли – пара – хватало, в первый год можно было при удаче получить урожай «сам-5–6», а потом оставить участок. При таких условиях неудивительно, что до XVI в. в письменных источниках не встречается ни одной оценки земли по качеству, а только по количеству. Земледельческое население, за исключением жителей сел, – то есть более 80% всего населения, вело фактически «полукочевой» образ жизни, легко переходя от одного участка к другому. Понятие «полукочевой» не следует понимать буквально – легко оставляли участки, не так легко – дом. Обычно посеки располагались в радиусе 10 км от поселения (пашенные нивы – максимум в 4 км). Однако степень мобильности русского земледельца была высока. Сел было мало, в основном то были или хозяйства вотчинников и князей, фактически подсобные, или связанные с торговлей. Даже в опольях средний размер поселений в XVI в. был в 6 дворов. Русский крестьянин, пока сохранялся резерв удобной земли в лесу – для под-

сечного или в опольях – для пашенного земледелия, мог вести достаточно зажиточную жизнь, дополняя занятие земледелием связанными с лесом ремеслом и торговлей. Конечно, он страдал от усобиц и набегов, но сравнительно легко мог и покинуть угрожаемую местность. Владимирская Русь кормилась сама и вывозила хлеб на север – в Новгород.

Со второй половины XV в. резерв удобных земель был исчерпан. Ряд исследователей утверждает – в XV в. население Московской Руси в ее начальных границах удвоилось. Сказались и резкое сокращение набегов и усобиц, и рост населения, то есть увеличение числа работников. Возник кризис, продолжавшийся весь XVI в. Симптомом кризиса, симптомом земельного голода является сведение лесов. Нынешние леса, например, Подмосковья, установились с середины XVII в., резко вырос удельный вес ельников – «вторичных» лесов, появившихся на местах прошлой хозяйственной деятельности. Изменился и водный, пойменный режим.

Кроме того, исчерпание резерва свободной удобной земли означает вынужденный переход к трехполью; «третье поле» и «паренина» упоминаются в источниках только с XV в. Но резервы земель до конца века еще сохраняются, сделки о земле не фиксируют ее качества и имеют общую неопределенную формулу – «и куда соха, топор и коса ходили». В XVI в. уже меняется смысл очень распространенного прежде понятия – «пашня наездом». Ранее это освоение свободной земли, теперь же – отданная на оброк пашня вдали от деревни. Свободных удобных земель уже нет. К середине XVI в. в формулярах писцовых книг массово распространяется оценка качества земли.

Трехполье для урожайности в нечерноземных землях, да еще при русском холодном климате, требует обязательного унавоживания. Иначе урожай не поднимется выше «сам-3», а то и «сам-2». Ранее проблемы унавоживания просто не существовало – участок бросали и переходили к следующему. В источниках XIV–XV вв. исчислены около 200 крестьянских повинностей, но упоминаний о навозном удобрении среди них просто нет. Однако в XVI в. эта проблема стано-

вится ключевой. И выражение «навоз возити» появляется в большинстве грамот. Но для унавоживания нужно развитое скотоводство. А для скотоводства нужны покосы и пастбища, но были они не везде. Для них обычно просто не было места – вся возможная земля шла под пашню. Данных об обеспеченности крестьян скотом в XVI в. практически нет, но значительным оно явно не было. В первой половине XVI в. наибольший рост дворов имел место там, где было больше сенокосов. Двора с сенокосами, дающими более 25 копен на двор, росли в 3 раза быстрее, чем те, где на двор приходилось менее 20 копен. Развитие скотоводства было крайне неравномерным – об этом можно судить по количеству конюшен и хлевов. Так, в Тверском погосте конюшни и хлева были в 4% дворов, в Кирьяжем погосте – в 40%.

Сельское хозяйство стало рискованным и малопродуктивным. Продолжающийся демографический рост приводил вдобавок к уменьшению наделов, дающих небольшой урожай. Так, в 1492 г. на каждый двор Порховского уезда приходилось по 1 обжи («обжа», «обжин» – участок пахотной земли, служивший единицей обложения в новгородских землях в XV–XVII вв.), в 1539 – по 0,92 обжи, далее, в связи с отягощающим налогообложением, началось и вовсе падение: 1576 г. – по 0,48 обжи, 1582 – всего по 0,31 обжи. К концу XVI в. подворная пашня в ряде мест сократилась до 2,6 десятины. Для обеспечения одной семьи необходимо в среднем 75 пудов зерна. С такого участка при безнавозном трехполье получается максимум 65 пудов (но у столь бедных землевладельцев скота и навоза, естественно, нет); это – бедность; а при неурожае – 26 пудов; это голод и часто – голодная смерть.

Говоря о лесном хозяйстве, нельзя еще раз не упомянуть бортевое пчеловодство, известное на Руси более тысячи лет назад. По данным историков, расцвет пчеловодства начался в период IX–X вв., а угасание – в начале XVIII в. Правители Руси всегда обращали должное внимание на бортный промысел, как существенную доходную часть казны. Занятие бортничеством всемерно поощрялось, что способствовало

его процветанию. За повреждение и разорение бортей были введены строгие наказания. Судя по объемам меда и воска, своего пика бортничество достигло во времена царствования Ивана Грозного (1533–1584 гг.), когда численность бортовых пчелиных семей на Руси исчислялась сотнями миллионов. Такого количества семей пчел не имела ни одна другая страна мира того времени, а сейчас в гораздо большей по территории России их в десятки раз меньше.

Итак, в целом XVI век в Северо-Восточной, Московской Руси был кризисным на всем своем протяжении. Причем кризис возник раньше – еще к концу XV в. Кризис носил в первую очередь экологический и, как следствие, – социально-экономический характер. Не будет преувеличением сказать, что Русь подошла к порогу бедствия или даже катастрофы [9, 10]. В принципе, было два пути выхода из кризиса – интенсивный и экстенсивный, причем по отдельности каждый из них не срабатывал. При интенсивном пути необходимо было резко повысить культуру земледелия, распространить навозное удобрение, довести урожайность до «сам-4». Однако, как уже сказано выше, далеко не весь эксплуатируемый людьми вмещающий ландшафт позволял это сделать. Рост населения, уменьшение наделов тоже не позволяли силами самих крестьян интенсифицировать хозяйство. При экстенсивном пути следовало резко расширить земельный фонд и обеспечить переселение на новые земли «лишнего» населения. Однако и на этом пути Московскую Русь ждали значительные сложности.

Плодородные, удобные земли находились прежде всего к югу и востоку от Московской Руси. Однако они были плохо защищены от возможных набегов. Следовательно, нужно было окончательно сокрушить Казань и организовать надежную оборону южной границы, постепенно отодвигая ее все дальше на юг. Но решение этих огромных по масштабу задач требовало больших сил и средств. Присоединив окончательно Новгород и Псков, Иван III частично и временно снял земельную проблему. После присоединения население этих земель растет очень быстро. Часто исследователи останавливаются

только на ротации элиты – «испомещении» московских дворян и купцов на новгородских землях и перемещении новгородских бояр и купцов в земли московские. Однако эта мера, призванная покончить с сепаратизмом и надежно обеспечить единство русских земель, не должна заслонять главного – активной миграции на прежде новгородские земли московского земледельческого населения. Конечно, кризис не был преодолен, а только отодвинут во времени – на севере климатические условия были хуже, а процент удобных земель еще меньше.

При Иване Грозном процесс расширения территорий стал приобретать государственно организованную форму, превращаясь в определенную геополитическую стратегию [22, с. 16]. Обширные территории на севере и востоке, населенные немногочисленными народами, были присоединены к России довольно легко. Но по природно-климатическим условиям они не были лучше замосковских земель. Их освоение в те времена могло быть только экстенсивным. В результате российские земледельцы оставались заложниками природы, когда они в силу короткого вегетационного периода и трудоемкости пашенного земледелия не могли ни существенно расширить посевы, ни интенсифицировать труд вложением дополнительных капиталов с гарантией хорошего урожая. Практика показывала отсутствие сколько-нибудь существенной корреляции между степенью трудовых усилий крестьянина и мерой получаемого им урожая [13, с. 72].

С конца XVI в. Россия начинает присоединение азиатских территорий; при этом следует учитывать, что совместная история восточных европейцев – славян, финно-угров, а также азиатских народов, постоянно перемещавшихся по огромной территории Восточно-европейской равнины, началась примерно за 8 столетий до того. Представления об азиатских народах как извечных врагах Руси абсолютно несостоятельны, отношения с ними были весьма многообразны – от жестоких сражений до вполне мирного сотрудничества. Монгольское завоевание привело к тому, что «спокойствие и порядок установились на всем огромном протяжении Монгольской империи

<...> Европа и Азия вступили в более тесный контакт друг с другом» (см. [14]). К этому следует добавить, что объединение происходило на базе непотребительской идеологии.

Присоединение к Московии ханств – Казанского (1552–1562) и Астраханского (1596) – открыло возможность заселения русскими Поволжья, Урала, Дона и Северного Кавказа. Деятельность России по объединению евразийского пространства проходила на духовной основе Православия и укрепляла оплот духовного и экологического равновесия на планете. Властители присоединяемых к России бывших составных частей Монгольской империи занимали высокое положение в Русском государстве. Так, после присоединения Казанского ханства хан Едигер (потомок Чингисхана) получил титул «царя Казанского» и занимал второе место после «царя всея Руси» в официальной государственной иерархии. В Ливонской войне 1558–1583 гг. в русских войсках находились азиатские воины, а всей русской армией в определенный период командовал касимовский хан Шах-Али (Шигалей, потомок Чингисхана). Иван Грозный части недавно побежденных врагов – татарских военачальников – пожаловал поместья и их самих сделал дворянами.

XVI–XVII вв. отмечены деятельностью русских землепроходцев – служилых людей (сибирские казаки) и промышленных людей (преимущественно пушной промысел). Деятельность эта в основном была продумана и направлена центральной российской и местными властями; ее результатом явились выдающиеся географические открытия (в полном смысле этого слова), рост территории, контролируемой Русским государством, и дальнейшее распространение духовного влияния Православия.

В 1581–1582 гг. казачий атаман Ермак Тимофеевич совершил поход в Западную Сибирь, разбил войска хана Кучума и занял его столицу; Сибирское ханство было присоединено к России. Сыновья Кучума получили титулы «царевичей Сибирских».

По мере постепенного ослабления татар и роста силы Русского государства по границе леса и степи создается «засечная

полоса», «засеки» – для защиты от вторжений. Крымский хан в XVI–XVII вв. ежегодно совершал набеги на Русь. Экономика этого государства во многом зависела от того, насколько удачен или неудачен был набег года [12]. Важен тот факт, что полоса эта была на сотни (местами почти на тысячу) километров севернее известной из географии границы леса и степи: гораздо севернее Большой климатической оси Евразии. Это еще раз подтверждает наступление степи на лес в результате жесткого антропогенного воздействия.

«Засеки» существенно содействовали сохранению лесов. В засечных лесах запрещалось рубить деревья для хозяйственных целей под страхом сурового наказания и даже смерти. Засечная полоса – уникальный русский аналог Великой китайской стены. Как и Великая стена, засечная полоса должна была защитить оседлое земледельческое население от скотоводов-кочевников. В отличие от каменной китайской, устремленной вверх до 20 м, русская «стена» была «повалена» вглубь на 50 м. Срубленные деревья укладывались в одном направлении, и переплетение стволов и ветвей соседних деревьев создавало препятствие, которое невозможно было сходу преодолеть не только конному, но и пешему. На локальную разборку «засеки» с целью образования прохода уходило несколько часов. За это время имелась возможность направить войска для организации отпора.

Главные засеки – Тульские – были устроены при Иване Грозном, а исправлялись они уже при Михаиле Федоровиче. К концу XVII в. в связи с продвижением оборонительной линии Русского государства на юг засеки пришли в ветхое состояние, однако вплоть до начала XIX в. они состояли под охраной как заповедные казенные леса. Тульские засеки существуют и поныне, а Козельские, Орловские, Рязанские и Казанские не сохранились.

При Иване Грозном организуются российские регулярные вооруженные силы: вдоль границ строятся линии укрепленных городков, занятые постоянными казачьими гарнизонами, ведущими сторожевую службу. За сторожевыми войсками рас-

полагаются крупные вооруженные силы (около 65 тыс чел), готовые к отражению врага; в случае необходимости приводятся в действие все силы страны, способные одновременно противостоять угрозе с юга и с запада.

В результате территориальных приобретений демографическое давление могло бы начать снижаться и кризис мог быть успешно преодолен. Но этого не произошло. Поскольку, во-первых, кризис длился уже более полувека, демографическое давление достигло высоких значений, а на переселение и организацию устойчивого хозяйства на новом месте требовалась в среднем жизнь одного поколения. Во-вторых, московскому правительству не удалось в достаточной степени разрешить задачу обеспечения безопасности южного рубежа, наиболее плодородных территорий, и это не случайно – для наступательной войны против Крыма не было баз и решающего военного перевеса, а создание засечных «черт» требовало времени и ресурсов. При Иване Грозном была проведена громадная и в целом успешная работа, но, к сожалению, недостаточная в тех конкретных условиях. В-третьих, военно-политические успехи были оплачены увеличением налогового давления на и без того находящееся в кризисе хозяйство. Наиболее тяжело приходилось черным землям. Соотношение норм обложения соответственно помещичьих, монастырских и черных земель составляло 100:144:166. Резко выросло число бобылей – фактически люмпенов; в XVI в. их количество удвоилось, достигнув 20%, а кое-где и 40% земледельческого населения.

Русское хозяйство в условиях кризиса было опасно перенапряжено, и любое негативное явление сразу приводило к большой беде. К сожалению, успешная война с Казанью и Крымом сменилась затяжной Ливонской. Сама по себе эта война в случае удачи – на которую вполне можно было рассчитывать – сулила неплохие перспективы. Но в условиях кризиса любая неудача была очень опасна. Неудачный и затяжной характер войны, из которой правительство не сумело вовремя выйти, рост налоговых тягот усугубили кризис. Затяжной кри-

зис в полной мере проявился затем в условиях Смуты, когда основной проблемой стали не поляки, а «воры» – преступные элементы, которых тяжелые условия жизни привели к анархии в соответствии с известным положением: «Злой человек хуже беса, ибо бесы хоть людей не стыдятся, да Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится».

Границы Московского государства на юге отделялись от мусульманского мира огромными пространствами «Дикого поля». При Федоре Иоанновиче начинается быстрое продвижение на юг – в 1586 г. основаны Ливны, Елец, Воронеж, в 1593 г. – еще далее к югу, Оскол, Валуйки и Белгород. Русские послы заявляют полякам: «Теперь Москва не старая: надобно от Москвы беречься...»

В конце XVI в. формируется союз Италии, Испании и Германии, с привлечением Польши, Молдавии и России для изгнания турок из Европы. России за участие в войне были обещаны Крым и даже Константинополь. В 1594 г. император Рудольф послал на имя Федора Иоанновича грамоту с просьбой набрать 8–9 тысяч казаков «выносливых в голоде, полезных для захвата добычи, для опустошения неприятельской страны и для внезапных набегов...» Однако Москва тогда не ступила на путь открытого союза.

В политическом плане попытки Рима распространить свою власть на Русское государство не прекращаются. Иезуит Антонио Поссевин, итальянский дипломат, в 1582 г. во главе миссии папы римского вел переговоры с Иваном Грозным о заключении мира с Польшей и о заключении церковной унии. Иван Грозный не преминул указать на бесполезность словопрения по вопросу перехода Руси в католичество. Доводы царя сводились к следующему: Русская Церковь по-прежнему почитает святых пап первых веков, но их преемники живут в роскоши, они заставляют носить себя на престоле и ставят на своем сапоге знак святого креста, они забывают всякий стыд и всенародно предаются разврату, эти новые первосвященники лишились первоначального достоинства: «Твой римский папа не пастырь, а волк!»

После провала переговоров Поссевин разработал план постепенного распространения в России католичества с помощью польской интервенции: «Хлыст польского короля, может быть, является наилучшим средством для введения католицизма в Московии».

В 1569 г. на западных русских землях католической Церкви удается насильственным образом подчинить Православие путем «Унии» – слияния при верховенстве римского папы. Несогласное православное духовенство отрешалось от исполнения церковных служб, и церкви закрывались; население, не признававшее Унию, лишалось права на занятие служебных должностей в Польском королевстве. Это в первую очередь касалось русской знати и вынуждало ее или принимать католичество, или начинать борьбу с королем. Для низших слоев православного населения единственным выходом было начинать вооруженную борьбу, центром которой с 1593 г. становится казачество, ищущее опору в московских царях, как гарантов устранения казачьей анархии.

6.3. Смутное время — «момент истины» или «отодвигание времени»

Первое серьезное испытание «на прочность» основных духовных ценностей Русской цивилизации, не теряющее своей значимости вплоть до наших дней, произошло в Смутное время.

В оценке рассматриваемого исторического периода весьма характерно, что и православные, и либеральные историки почти все целиком едины во мнении – выбор русского народа в период Смуты, выбор, заключающийся в ориентации на Православие, на самодержавие и на уже сложившуюся сословную структуру общества – крестьяне, дворяне, духовное сословие, купечество, ремесленники, аристократия во главе с самодержцем, – был выбором вполне естественным, подготовленным всем предыдущим ходом русской истории [11].

Первая русская Смута начала XVII в. во многом оказалась подготовленной частью бояр, окончательно потерявших национально-религиозное самосознание, чувство единства с народом. «Забыв» о назначении и обязанностях своего сословия, об идее «служения», многие аристократы увлеклись западными «прогрессивными» идеями прав человека (в первую очередь – своих собственных). Изменив законному престолонаследнику Федору Годунову, бояре впускают в Москву Лжедмитрия I, заявившего: «станем о том накрепко промыслиати, чтоб все государство Московское в одну веру Римскую всех привести, и костелы римские устроить».

Русский народ, русское общество в этот период могло выбирать тип государства («личность для государства» или «государство для личности») и развития (интенсивное или экстенсивное). По сути, это выбор между Православием и Западной цивилизацией – и он был сделан.

Речь Посполитая с максимальными свободами для дворянства и городов и уже выбранным интенсивным путем развития стала нравственным ориентиром для определенной части русской аристократии и казачества.

Казачество, выступившее в период Смуты в основном как элемент нестабильности, являлось новым социальным слоем Русского государства, возникшим очень быстро как следствие отрицания ценностей и порядков государства – самодержавности и служения. В документах начала XVII в. казаки иначе чем «воры» не именуются [18].

История других стран и народов не знает precedентов столь быстрого образования массового социального слоя, занявшего и контролировавшего огромные территории, создавшего на этих землях специфическую самоорганизацию, систему автономного управления. Интенсивность стихийной миграции находилась в обратной зависимости от экономического и политического состояния государства. На фоне ползучего экологического кризиса большое значение имели климатические экстремумы (засухи и «мочливые» года), следствием которых были низкие урожаи или полные неурожаи, вызыва-

ющие голод. Неудачи в Ливонской войне оборачивались для населения новыми налогами и повинностями. Ежегодные набеги крымского хана, уведившего в полон тысячи крестьян и горожан, в основном молодых женщин, сжигавшего города и деревни (в том числе Москву в 1571 г.), разоряли крестьян и помещиков. Опричные репрессии разорили сотни семей вотчинников, лишили экономической основы существования не только самих вотчинников, но и их чад, домочадцев, боевых холопов. Все это являлось стимулом бегства из района экологического, социального и политического бедствия не только крестьян, но и разорившихся бояр и детей боярских. Конечно, среди казаков было больше всего бывших крестьян – самого массового слоя населения.

Помещичьи, т.е. зависимые, крестьяне в то время именовались холопами и делились на пашенных и боевых. Помещик должен был являться на царскую службу «людно, конно и оружно», т.е. со своими вооруженными крестьянами, которые именовались боевыми холопами. Есть основания полагать, что большая часть казачества формировалась из боевых холопов – профессионалов ратного дела. В XVI–XVII вв. казаки хлебопашеством и торговлей не занимались. До 1695 г. на Дону, в частности, земледелие было запрещено под страхом смерти, во-первых, в связи с постоянным военным положением, а во-вторых – вследствие боязни возникновения неравенства. Существовало, однако, скотоводство и коневодство. Свой «хлеб насущный» казаки добывали походами или разбойными набегами. Донские казаки ходили на Крым и турецкие земли Кавказа, терские – в Закавказье, поволжские (астраханские) – в Персию, яицкие (уральские) – в Среднюю Азию и Сибирь.

Самоорганизация казаков строилась на отрицании принципа иерархичности подчинения, свойственного государственному управлению. Решения казаки принимали кругом – общим собранием. Казачий круг – символ равенства и демократизма казаков. При этом подразумеваемый центр круга казаков – атаман – есть казак первый среди равных. Выбор атамана был не пожизненным и не на определенный

промежуток времени, но чаще всего на мероприятие – поход. Критерием значимости казака, вне зависимости от того, был ли казак на выбранной должности или не был, являлась воинская доблесть. Значимость личности, а не происхождение было одним из главных отличий организации казацких общин от порядков Московского государства. Дobleсть приравнивала рядового казака к атаману.

Набеги (походы) позволяли использовать трофеи (награбленное добро) непосредственно для собственных нужд и для обмена (продажи) на продовольствие и предметы первой необходимости. Однако нерегулярное и неравномерное поступление ресурсов (награбленного добра) делало жизнь (а иногда и физическое выживание) казаков крайне нестабильной.

Связи с Русским государством у казаков были культурно-ностальгическими. Казаки хотели, сохраняя свои демократические основы внутренней жизни, получать стабильное денежное вознаграждение и натуральное довольствование за службу именно Русскому государству. Они оставались православными. Наиболее яркое выражение стремления казаков быть полезными Русскому государству выразилось в покорении казаками Ермака Сибири. Русское государство, насколько это отвечало его нуждам, возможностям и моральным принципам, в XVI в. для охраны окраин государства и для завоевания новых земель использовало казаков. При этом в глазах государства казаки оставались беглыми холопами – «ворами» [11].

Казаки, однако, стремились к другим экономическим и культурно-правовым отношениям. Поэтому основная масса казачества сразу продемонстрировала свое стремление служить государству, а не разрушать его. Казаки отлично понимали, что государство является гарантом порядка, противостоящего их собственной демократической анархии, поскольку не занятые на государственной службе казаки в подавляющем большинстве были заняты разбоем. **В документах Смутного времени нет свидетельств о требованиях казаками отмены государственной и утверждения частной крестьянской собственности на землю, отмены**

крепостного права. Казаки, как и весь русский народ, оставались людьми православными.

Итогом Смуты стало подтверждение обществом уже выbranного ранее типа правления (самодержавное государство), социальных отношений (сословный строй), пути развития (экстенсивное, пространственное расширение). Последующие исторические события показали правильность выбора русского народа.

Россия продемонстрировала способность защищать себя так, как защищает себя целостный организм, несмотря на наличие социальных противоречий и, что не менее важно, противоречий межэтнических. Так было в 1612 г., когда новые демократические устои социальной жизни, идущие с Запада, не просто не были приняты обществом, но сословие, стоящее далеко не на самом верху общества, – купечество – выступило инициатором сопротивления. Менее «свободные» и экономически «развитые» русские города смогли на исходе Смуты организовать русское общество на изгнание чужеземцев из Москвы и государства Российского.

Так было и в 1812 г., когда попытка Наполеона привлечь крепостных крестьян (или, что еще более важно, – якобы дискриминируемых в России татар) за счет обещания им «освобождения» – натолкнулась на масштабное партизанское движение со стороны крестьян и полное равнодушие со стороны татар. Что же сообщало такую целостность этому организму, – вопрошают либералы, – не одно же только государство? [23]. Эту целостность сообщало народу православное миропонимание смысла жизни как «служения», веротерпимость и эффект «обрусения».

Победа православного миропонимания явилась и победой экологичности цивилизации, о чем подробно говорится в главе 1.

Бытующее мнение о «выборах» царя в 1613 г. не учитывает кардинального отличия совершившегося от выборов современных: «те действия, которые имели место на Земском соборе 1613 г., совершенно не подходят к понятиям о “выбо-

рах”, устанавливаемых правилами и тенденциями современных “гражданских идей”. На Земском соборе речь шла не о том, “кого избрать”, а о том, “кто может быть Царем на Руси”» (М. К. Дитерихс, 1874–1937 гг.) – «Литовского и Шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных **не Православной веры на Московское государство не избирать**».

С либеральных позиций выбор русского народа явился неким «моментом истины» для нашего общества. Соглашаясь с этим, необходимо уточнить, что в православном миропонимании это означало и «отодвигание времени» – отодвигание времени глобального системного кризиса цивилизации, времени появления антихриста, времени Второго Пришествия. Последнее представляется неизмеримо более существенным, чем простой «момент истины».

Первая Смута и ее последствия были преодолены русскими, и напрасно многие считают начало XVII в. самым ужасным этапом русской истории. В тот период духовность и язык русского народа не подверглись столь страшным разрушениям, как впоследствии...

6.4. «Тишайший» царь Алексей Михайлович и его реформы

При Романовых правление страной определяется формулой: «Царь сказал, думные бояре порешили». Самодержавие оказывается наиболее демократичной (в реальном смысле этого слова – «власть народа») формой правления. Православная самодержавная монархия – власть теократическая, то есть Царь посылается Богом, если народ этого желает. Такая власть ограждает интересы государства, а не отдельных социальных групп, как это имело место в Новгородской республике и Речи Посполитой.

Идея самодержавия, пожалуй, точнее всего изложена Л. А. Тихомировым: «В монархии нация ищет освящения всех

проявлений своей сложной жизни подчинением правде. Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность несет ответ перед Богом. Нужна власть неограниченная, ибо всякое ограничение власти Царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе».

При «Тишайшем» царе Алексее Михайловиче (1645–1676) был разработан и издан полный свод государственных законов – «Соборное уложение» (1649), утвержденное всенародно, под ним стоят подписи всех участников Собора: патриарха, двух митрополитов, пяти архимандритов, игумена, благовещенского протопопа, 15 бояр, 10 окольных, казначея, думного дворянина, печатника, думного дьяка, пяти московских дворян, 148 дворян городовых, трех гостей, 12 выборных от московских сотен и слобод, 89 представителей посадов, 15 стрельцов (всего 315 подписей).

Весьма важно, что первая глава «Уложения» посвящена духовному аспекту, утверждающему верность Православию, – «О богохульниках и церковных мятежниках». Первая статья главы гласит: **«Будет кто иноверцы, какие ни буди веры, или и русский человек возложил хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых Его угодников: и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив казнити, зжечь».**

В «Уложении» говорится об интересах государства в области охраны природы и об ответственности за экологические преступления. Законодательство, исходя из естественных природных процессов, брало под охрану животных даже вопреки интересам землевладельцев. Особенно наглядно это проявилось в законе о бобрах, мех которых ценился настолько высоко, что часто земельные участки приобретались исключительно вследствие наличия на них бобровых колоний. Закон в таких ситуациях брал под защиту не помещиков, а животных, кото-

рые при своем переселении по праву частной собственности должны были бы возвращаться владельцу земли; статья 214 «Уложения» гласила: «А будут у кого-нибудь в вотчинах или поместных угодьях бобровые гоны, а с иными вотчинами и с поместными угодьями те бобровые гоны будут смежны; и тех смежных угодий помещикам и вотчинникам из тех бобровых гонов бобров отгонять не велети ни которыми делы. А будет те смежные помещики или вотчинники сами или люди их и крестьяне их из чьих угодий, бобры чем отпужают или бобры насильством побьют или покрадут: и в том на них будут челобитчики, в суде сыщется про то допряма; и на них велети истцам поправити деньги по указанной цене. А будет бобры из чьего угодья выйдут в иное чье угодье, и учнут водиться в новом месте, а старое гнездо покинут и тем бобровым угодьям владети тому, в чьем угодье учнут они в нове водиться, а прежнего угодья помещику или вотчиннику до того нового бобрового гнезда дела нет».

Статья 238 «Уложения» предписывала строить мельницы так, чтобы «не затоплять лугов и пашен выше по течи». Вырубка лесов и учащающиеся от сельскохозяйственных палов лесные пожары ослабляли, кроме прочего, и оборонительные возможности страны. В связи с этим статья 220 «Уложения» определяла штрафы за порубку леса, статья 223 – за поджог. Наряду с перечисленным существовали статьи за отпугивание птиц с мест, где устраивались «привады», за порчу тетеревиных «шатров».

Часть лесов признавалась «охранною». Факт исключительного права пользования вначале признавался устно, затем (с начала XVI в.) стали выдаваться соответствующие охранные грамоты. Сначала охранные грамоты выдавались монастырям, а затем и различным учреждениям и физическим лицам.

Было издано много указов об охоте, ее сроках, запретных зонах, а также о нарушениях установленных правил, пошлинах и наказаниях. Указ (1649) «О сбережении заповедного леса в Рязанском уезде» касался не только охоты, но и охраны лесной территории. На этой основе возникли два

других запрещения суверенного происхождения: «заповедь» и «заказ»; разница между ними состояла не в юридическом аспекте, а в этическом.

«Заповедь» является как бы естественным запрещением пользования лесом, как бы свидетельствует о неприкосновенности для кого бы то ни было. Заповедное имущество – это имущество с общенародной точки зрения фактически священное.

«Заказ» же налагался на имущество как запрещение искусственное, «заказное» или «приказное», исходя из соображений практической необходимости. Нарушение заповедей рассматривалось как более тяжкое преступление, чем нарушение заказа, и влекло за собой более строгое наказание.

К числу заповедных лесов в России относились прежде всего леса, записанные на царя. Никакое пользование ими ни при каких обстоятельствах не допускалось. Нарушители рассматривались как лица, не подчинившиеся царской воле. Никакие правительственные акты в отношении этих лесов не имели силы.

К числу заповедных относились также «леса засечные», в которых сооружались крепости, пограничные кордоны или в которых устраивалась засека в виде механического препятствия для неприятелей. Засечный лес объявлялся таковым властью государя. Мотивом для признания его таковым являлся государственный интерес и государственная необходимость. Нарушение права засеки рассматривалось как государственная измена.

Что касается лесов «заказных», то таковыми признавались леса, по какой-либо причине в данный момент времени требующие ограничения пользования. Заказано было, например, рубить чужие бортовые деревья, нарушать пограничные знаки, производить порубки в местах охоты, пчеловодства и т.п.

Интересны отдельные статьи из главы XVI «О поместных землях» «Соборного Уложения» 1649 г.:

«14. А иноземские иноземцом беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцов иноземских поместей никому не давати. А русских людей поместей иноземцом не давати. <...>

35. А что до московского и после московского пожару в Северских городех, в Рыльску, в Путивле, в Белегороде, детем боярьским тех городов даваны в поместье пустые порожние бортные ухожьи в оклады за четвертную пашню, а иным даваны оброчные земли в поместье же и во оброк, и будет впредь о таких бортных ухожьях, и о оброчных землях тех городов дети боярские учнут государю бити челом в поместья же, и такие порожние бортные ухожьи давать в поместья сыскивая большими сыски накрепко, будет те бортные ухожьи прямо порозжи, и спору об них ни с кем не будет. А оброчных земель и бортных ухожьев оброчных же в поместье в четвертную пашню никому не давати.

36. А будет которой помещик приищет где пустые озера или в реках рыбные ловли порозжие, а не поместные, и не вотчинные, и не оброчные, и учнет о тех водах бити челом государю в поместье за четвертную пашню, и такие воды всяким помещиком отдавати в поместье за четвертную пашню по рассмотренью. <...>

41. А которые земли изстари бывали русских людей поместные земли, и много лет лежали в пуге, и в прошлых годех на тех порозжих землях поселилися татаровя и мордва по дачам по государевым грамотам, а иные по боярским грамотам, которые грамоты даваны в безъгосударное время, как стояли бояре под Москвою, а иные без дачь и живут на тех землях многия годы, и с тех земель государеву службу служат, и у них тех земель не отнимать. А впредь русских людей поместных земель татаром, а татарских земель русским людем в поместье не давати. <...>

43. А в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чюваши, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцов, бояром, и окольничим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном московским, и из городов дворяном, и детем боярским, и всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупати и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многия годы не имати. А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские, и всяких

чинов люди учнут в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясачных людей земли имати з дачею, или покупати, или в заклад, или в наем на многия лета имати, или меняти, и у тех всяких чиной людей те татарския поместныя и ясачныя земли имати на государя, да им же за то от государя быти в опале. <...>

45. А мурзам и татаром своих поместей не пустошить; и самим из тех своих поместей в и(ы)ныя города и в села и в деревни никуды не бегать и от служб не отбывать, а жити в своих поместьях и вотчинах, и владети им мурзам и татаром всякому своим поместьем, где кто испомещен по дачам. А будет которые мурзы и татаровя не хотя государю служить, и своим воровством, не проча себе, учнут свои поместья московским и городовым дворяном и детем боярским, и всяких чинов людям здавать или менять и продавать и в заклад и в наем отдавать и пустошить, крестьян грабить, и налоги и насильства чинить, и от их налоги из тех их поместей крестьяне разбегутся, и те свои поместья, запустоша, или проворовав, учнут бегать в и(ы)ныя города и в татарския и в черемиския деревни и от служб учнут избегать и отбывать, а после про то сыщется, и тем мурзам и татаром за то чинить наказание, что государь укажет. Да и тем людем, у которых мурзы и татаровя учнут жити в бегах, потому же чинить жестокое наказание, и приказывати им накрепко, чтобы они вперед у себя беглых мурз и татар не держали некоторыми делы» [21, с. 380–385].

Аналогично по главе XVII «О вотчинах»:

«21. А у которых вотчинников и у помещиков по писцовым же книгам бортные их ухोजьы на их на поместных или на вотчинных землях, в их межах и гранях, и тем вотчинником и помещиком те свои бортные ухोजьы, в своих межах и гранях, которые межи и грани написаны в писцовых книгах, по тому же вольно росчищать в пашню и в сенные покосы, и села и деревни ставить.

22. А у которых помещиков и вотчинников отхожие бортные их ухोजьы в угодьях иных помещиков и вотчинников, а не

на их поместных и вотчинных землях, и им теми своими отхожими бортными ухожья владеть по тому, как о таких бортных ухожьях писано выше сего в судной статье.

23. А которые бортные ухожья, или рыбные ловли, и бровые гоны, и вспуды, и перевесья, и мельницы, и перевозы, и сенные покосы, и всякия угодыя на государевых землях, а не на поместных и не на вотчинных землях, и которые бортные ухожья и всякия угодыя на отхожих землях, а владеют ими тех же помещиков и вотчинников крестьяне и иные всякия люди на оброке, и тем обротчиком и вперед с тех земель и со всяких угодей оброк платить, а из окладу того оброку не выкладывать».

По ряду ограничений и запретов предполагалось однотипное наказание («если сыщется про то допряма»): **«бити кнутом нещадно при многих людех, чтобы на то смотря иным не повадно было так делати».**

Был принят Новоторговый устав и масса частных законодательств, неспешно и постепенно упорядочивающих жизнь общества и государства. В 1654 г. происходит воссоединение России и Малороссии; Польша, несущая католические идеалы, окончательно переходит на положение безнадежно обороняющейся стороны.

К концу XVII в. значительная часть земель Западной Сибири до Енисея включительно была в общих чертах обследована и присоединена к России. Около 1620 г. землепроходцы побывали на Лене, в 1648 г. состоялось историческое плавание Федота Попова и Семена Дежнева вокруг Чукотки; между 1620 и 1648 гг. в труднейших условиях открыты значительная часть сибирских рек, а также обширные области Сибири и Дальнего Востока.

Иван Москвитин первым из европейцев в 1639 г. вышел к Охотскому морю, Василий Поярков в 1643–46 гг. и Ерофей Хабаров в 1649–52 гг. осуществили походы на Амур и присоединение его к России. В результате похода на Камчатку в 1697–99 гг. Владимир Атласов дал первое описание этого полуострова.

Участники путешествий составляли «чертежи», карты и описания природы и населения и посылали «скаска» (донесения) о своих открытиях.

Коренным отличием русской экспансии от деятельности европейцев в эпоху Великих географических открытий являлось отсутствие насильственного распространения Православия (что противоречит его духу) и ограбления местного населения; принятие присяги народов, отдававшихся под покровительство Москвы, в соответствии с их религиозными верованиями. Присоединяемые к России территории никоим образом не являлись и не могли являться ее колониями.

Вместе с тем столкновение северных и сибирских народов с более «высокой» культурой не могло не сказаться отрицательно на их существовании. Однако Россия, в отличие от Европы, «не потеряла» ни один из малых народов (более 100) за все время существования Империи – о характере функционирования любой системы следует судить по результирующей, по конечному результату (были частично ассимилированы лишь некоторые финно-угорские племена, не имевшие собственной государственности; половцы и ряд других кочевых народов были ассимилированы в Золотой Орде). В Европе за более короткий исторический период как более «слабые» уничтожены полабские славяне, бритты и пруссы.

В чисто материальном плане русская географическая экспансия XVII–XIX вв. обеспечила народы России колоссальной территорией, богатой природными ресурсами разного рода. Россия до настоящего времени остается единственной страной в мире, полностью обеспеченной всеми видами сырья.

Первопроходцы русского распространения – монахи, несшие высокую духовность и культуру хозяйствования, казаки – характеризующиеся воинской доблестью и преданностью Православию, добровольные переселенцы, позже – старообрядцы, несшие экологичную культуру хозяйствования. Налицо **естественный процесс разрастания Русского государства**, схожий с процессом роста человека.

В силу природных условий и характера российского этноса и этносов Евразии Россия вынуждена была вести экстенсивную политику. Только это не следует считать следствием материального аспекта, но Божиим Промыслом, поставившим русских в такие условия.

В то же время в Русском государстве, так же как и во всех остальных, не могли не происходить процессы духовного разложения, нарастания роли рационализма, потребительства. Эти тенденции уже достаточно отчетливо проявлялись в XVII в.: под влиянием Запада начинается постепенное обмирщение иконописи и церковной архитектуры – меняется их характер, появляются европейские картины и музыкальные инструменты (патриарх Никон, как известно, о колена разбивал иконы «фряжского письма» на специально организованном для этого мероприятии).

Искусство во все времена являлось индикатором духовного состояния общества. Хорошо характеризует противостояние православной иконописи и искусства Возрождения Е. Н. Трубецкой: «Чувство расстояния – это первое впечатление, когда мы осматриваем древние храмы. В этих строгих ликах есть что-то, что влечет к себе и в то же время отталкивает. Их сложенные в благословение персты зовут нас и в то же время преграждают нам путь: чтобы последовать их призыву, нужно отказаться от целой большой линии жизни, от той самой, которая фактически господствует в мире.

В чем же – эта отталкивающая сила иконы, и что, собственно, она отталкивает? <...> Чувство острой тошноты, которое я испытал при виде Рубенсовских вакханалий, тотчас объяснило мне то самое свойство икон, о котором я думал: вакханалия и есть крайнее олицетворение той жизни, которая отталкивается иконой. Разжиревшая трясущаяся плоть, которая услаждается собою, жрет и непременно убивает, чтобы пожираться, – это то самое, чему прежде всего преграждают путь благословляющие персты... Пока мы не освободимся от ее чар, икона не заговорит с нами. А когда она заговорит, она возве-

стит нам высшую радость – сверхбиологический смысл жизни и конец звериному царству».

Постепенная секуляризация общества, однако, нарастала. В «Соборном уложении» Алексей Михайлович учреждает Монастырский приказ, лишая Церковь прав, принадлежащих ей от времен князя Владимира. Патриарх Никон выступает за сохранение симфонии светской и духовной властей; однако, пытаясь сдержать секуляризационную тенденцию, он в результате оказался в конфликте с царем.

Величайшая трагедия России – церковный Раскол – внешне был спровоцирован «книжной справой» – исправлением богослужебных текстов. Истинные же причины Раскола были гораздо более глубокими. Для осуществления «справы» патриархом Никоном неоднократно созывались соборы. На Соборе 1656 г., где вместе с русскими святыми присутствовали патриархи Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил, новоисправленные книги были одобрены. Несмотря на то что большинство населения страны признало итоги «справы», в среде духовенства и народа возникает движение в защиту «старой веры», которая таковой, по сути, не являлась, ведь именно «справа» позволила вернуться к изначальным, неискаженным церковным текстам.

В духовном плане Раскол – это страх потери Россией Богоизбранности, отчаяние и поиски спасения. В материальном плане расколоучители, выступив против церковных реформ, отстаивали складывающийся и во многом сложившийся уклад жизни, в котором уже прослеживались принципы капитализма. Активная предпринимательская деятельность старообрядцев вплоть до 1917 г. – тому доказательство; порядка 60% предпринимателей в России являлись старообрядцами. Гонимые Церковью и государством люди показали самые многочисленные и наилучшие образцы промышленной деятельности и организации производства. Происходит бурное наращивание капиталов, строительство фабрик, железных дорог, широкая деятельность в поддержку «передовой» культуры и пожертвования на «дело революции».

Причины этого – в сущности мировоззренческой системы старообрядчества. Внимательно изучая конкретные факты в период XVII–XIX вв., можно лишь согласиться с историком Н. И. Костомаровым, писавшим: **«раскол гонялся за стариной, старался как бы точнее держаться старины, но раскол был явлением новой, а не древней жизни»**. Аскетизм позволял накапливать первоначальный капитал, что сближает раскольников с протестантами, особенно с пуританами (так же как и отрицание церковной иерархии).

Однако Россия продолжает исполнять свое предназначение в мире, несмотря ни на какие потрясения, настоящие и грядущие. Раскол же, сравнительно быстро перестав являться политическим аспектом, как тяжелейшее духовное потрясение навсегда остается в русской жизни.

Патриарх Антиохийский Макарий говорит о Русском государстве XVII в.: «Бог даровал русским великое благоустроенное государство, которого они достойны, за то, что все заботы их духовные, а не телесные».

И. В. Киреевский, один из основоположников славянофильства, так определил избранность и своеобразие России: «Особенность России заключалась в полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, – во всем объеме ее общественного и частного быта».

Литература:

1. Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991.
2. Большаков А. А. Древняя Русь IX–XIII вв. **Очерки истории и антропоэкологии**. М.: МНЭПУ, 1997.
3. Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека. М., 1982.
4. Карташев А. В. История. Т. 1.
5. Кириков С. В. Человек и природа в восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX в. М., 1979.

6. Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть 1. Собр. соч. Т. 2, 3. М.: Мысль, 1988.
7. Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
8. Короленко В. Г. Собр. соч. В 5 тт. Л., 1991. Т. 5. С. 340.
9. Кульпин Э. С. Социально-экологический кризис XV века и становление московского государства. М., 1995.
10. Кульпин Э. С. Первый социально-экологический кризис в России // В кн.: Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 2. Материалы Второй научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории». М., 1994.
11. Кульпин Э. С. Смутное время как бифуркационный момент эволюции российской цивилизации. Поиск истоков // В кн.: Социоестественная история. Вып. XV. Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Институт востоковедения РАН, 2000.
12. Кульпин Э. С. Лесостепное пограничье Восточной Европы. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 2002.
13. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянина. Общественные науки и современность. 1995, № 1.
14. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М., 1975.
15. Офман Г. Ю., Пономаренко Е. В., Пономаренко С. В. Естественно-географические зоны и сельскохозяйственном районирование России // В кн.: Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998.
16. Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.
17. Святая Русь. Энциклопедический словарь Русской цивилизации. М.: Энциклопедия Русской цивилизации, 2000.
18. Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.

19. Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII вв. Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 10. 1954.
20. Труды гос. Эрмитажа. Т. 23. Из истории русской культуры. С. 26-41.
21. Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. М., 1940.
22. Черносветов П. Колонизация по-русски. // Родина. 2000, № 3.
23. Кульпин Э. Феномен России в системе координат социоестественной истории // В кн.: Иное. Хрестоматия нового российского самосознания [Электронный ресурс] // Русский журнал. – Электрон. дан. – [М.], 11.2010. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kulpin.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
24. Матвеев С. А. Символ Нового Завета [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 25.07.2009. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=8064>, свободный. – Загл. с экрана.
25. Ефимов М. Карамзинская нелепа [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 23.01.2005. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=5461>, свободный. – Загл. с экрана.
26. Ефимов М. «Картина крови», или Как Илья Репин царевича Ивана убивал [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 27.09.07. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7003>, свободный. – Загл. с экрана.

ГЛАВА 7. ОТ ПЕТРА I ДО КАТАСТРОФЫ 1917 ГОДА

И для чего тебе, Русь, захотелось
иноземных обычаев?

Протопоп Аввакум

7.1. Удар по миропониманию русского народа

В сравнении с Западной Европой, в духовном плане деградирующей гораздо быстрее, Россия до рубежа XVII–XVIII вв. сохраняла духовное единство общества. Начиная же с XVIII в. и до настоящего времени в русской истории можно отметить следующие этапы деградации миропонимания, разрушения общества и государства:

- реформы Петра I;
- Манифест «О вольности дворянства», 1762 г.;
- движение декабристов;
- реформы Александра II;
- революции 1917 г.;
- «перестройка» и распад СССР 1991 г.;
- современная попытка утверждения в России радикал-либерального миропонимания.

В положительном аспекте Петром I было осуществлено то, к чему постепенно и неуклонно двигался Тишайший царь, – широкомасштабный выход на мировую арену для реализации роли России как гаранта духовного равновесия на

планете, как Православного Царства, Удерживающего мир от глобальной катастрофы. Но реализация этой задачи Петром I проводилась посредством мер, нанесших самой России тяжелейшие раны и приведших ее самое через 200 с небольшим лет к катастрофе.

Исходя из этого, можно утверждать, что царствование Петра I явилось полной противоположностью царствованию его отца: судорожные поиски нового пути, скоропалительные и жестокие реформы, разрушающие уклад жизни общества даже в мелочах, неглубокое понимание роли России в мировой истории и потому – стремление перестроить все на западный манер вплоть до одежды и внешнего облика русских людей; окончательное разрушение симфонии светской и духовной властей, создание предпосылок для размежевания общества («Табель о рангах»), неподготовка наследника престола и закона о престолонаследии, приведшая к пресечению династии Романовых по мужской линии.

Пагубное развитие конфликта между светской и духовной властью привело к упразднению патриаршества – удару по симфонии власти, ее разрушению и превращению Церкви в бюрократическое подразделение государства, а священника – в государственного чиновника. Последующие исторические события подтвердили правоту патриарха Никона: «яко где же Церковь под мирскую власть снидется, нести Церковь, но дом человеческий, вертеп разбойникам».

Стать самому во главе Церкви (по образцу англиканской) – такой совет Петру дал английский король Вильгельм Оранский во время пребывания Петра в Англии (1697–1698, имела место двухчасовая беседа с королем и наследной принцессой Анной). Петр беседовал также с ведущими англиканскими епископами и специально для него назначенными «богословами-консультантами» [14, с. 388–389].

Однако поставление Церкви в тяжелейшие условия способствовало пробуждению ее внутренних сил сопротивления – на вызов Петра Церковь ответила появлением многих святых и Оптинского старчества.

«Табель о рангах», преследуя благие цели, явилась ударом по единству русского общества, создав, при видимости справедливости, жесткие барьеры между сословиями. Общественное всесословное единство было подорвано.

Природопользование и охрана природных объектов в России до XVIII в. регулировались как правовыми нормами («Русская Правда», «Судебник», «Соборное Уложение»), так и нормами обычного права. Царствование Петра I в области чисто природоохранных мероприятий изобилует специальными законодательствами. Фактически охрана лесов окончательно была введена именно Петром I. Уже в 1695 г., при создании в Воронеже флота для Азовского похода, отдельные лесные массивы были объявлены заповедными. В 1696 г. впервые учреждено лесное управление, для лесничих введена форменная одежда; предусмотрены меры по сохранению лесов, пригодных для строительства кораблей, от беспорядочной вырубки, по разведению лесов в степи, укреплению берегов рек от размыва, борьбе с браконьерством.

Во всех указах, начиная именным указом от 30 марта 1701 г., в вопросах охраны леса не делается различий между частными и казенными лесами. С первых указов очевидно отношение властей к лесам как общегосударственному достоянию: «...причем право собственности на них частных лиц может быть всегда стеснено в видах пользы общественной...»

Некоторые лесные породы были поставлены под особую охрану закона ввиду их государственной ценности. Так, специальным указом 1703 г. объявлены заповедными леса, прилегающие к берегам крупных рек на 50 верст, а к берегам мелких – на 20; в них под угрозой тяжкого наказания запрещалось рубить дубы, клены, вязы, ясени, карагачи, лиственницы, а также сосны с поперечным сечением у основания более 12 вершков (~ 53 см). В соответствии с пожарной инструкцией «приезжим, а также ходящим за грибами и ягодами запрещается раскладывать огонь дорогой, а наипаче в лесах в засушливое время года» [4, 38].

Частично воспрещены или частично нормированы были некоторые побочные пользования, влекущие уничтожение

древесины: пережог древесины на уголь, добывание поташа; был издан ряд указов с запретом жечь леса, пасти в них коз и свиней, делать тес (чтобы сократить отходы древесины).

Так называемые «знающие люди» (специалисты) посылались Петром I для осмотра дубовых лесов на Волге. Было запрещено рубить леса Новгородского, Старорусского, Луцкого и Торопецкого уездов. В Петербурге при Адмиралтейской коллегии была учреждена Вальдмейстерская канцелярия, в обязанности которой вошло наблюдение за лесами на Волге, Суре, Каме, Оке, Днепре, Западной Двине, Дону, Ладожском озере и Ильмене. За несоблюдение правил охраны было дано право штрафовать порубщиков: до 10 рублей за одно дерево, сумма по тем временам огромная. Злостных нарушителей наказывали, вырывая ноздри и ссылая на каторгу; за «многую в заповедных лесах посечку» казнили.

Петр I думал не только об охране лесов, но и об их насаждении. Посадки леса для нужд государства начаты во времена Петра I. Немало деревьев он посадил лично, а по личному почину его был посажен Шипов лес в Воронежской области. Лесной «знатель» Фокель посадил под Петербургом Линдуловскую корабельную рощу (около села Линдула), которая до сего времени привлекает внимание посетителей огромными лиственницами, тщательно пронумерованными и охраняемыми по сие время.

Следует упомянуть указы Петра «...о запрещении жечь степи, яко о порче лесам...», «Запрещение рубить заповедные леса без челобитья» [31, с. 135, 147].

В 1702 г. в Москве был заведен Аптекарский сад (ныне Ботанический сад Московского университета), а в 1714 г. – Аптекарский огород в Петербурге, ставший предшественником сначала Ботанического сада, а потом Ботанического института Академии наук. Эти аптекарские учреждения имели целью снабжать армию и население лекарственным сырьем, которое до этого завозилось из-за границы.

Петр I был также озабочен сохранением пушных зверей, дичи и рыбы, «дабы промыслы эти развивались». Были

запрещены хищнические способы охоты и рыбной ловли. За незаконную охоту с «людей высших чинов» взыскивали по 100 рублей, а «нижним чинам» грозило жестокое, без всякой пощады, наказание и ссылка в Азов «с женами и детьми на вечное житие».

Петр I принимал меры по сохранению почв, много внимания уделял защите берегов каналов от размывания и разрушения. С целью охраны водоемов было запрещено не только рубить лес по их берегам, но также и обрабатывать его, «чтобы от тех щеп и сору ныне реки не засаривались». Запрещено было также вывозить в каналы и реки мусор, а также сбрасывать балласт с кораблей «во всех гаванях, реках, рейдах и пристанях Российского государства». За загрязнение водоемов балластом налагался штраф «по 100 ефимков за каждую лопату».

Однако эти меры продиктованы были прежде всего чистым рационализмом, поскольку речь шла в первую очередь о ресурсах для строительства и поддержания флота. Противоположность представляет отказ Елизаветы Петровны от производства дегтя (шедшего в том числе и на экспорт) в окрестностях Москвы и Санкт-Петербурга исключительно с целью снижения уровня загрязнения воздуха.

Отрицательным моментом в этих природоохранных мероприятиях явилось то, что Петр I оказался первым правителем, чьи указы не учитывали интересы крестьян, в частности бортников. Липа – главный медонос бортевых пчел – по указу Петра I не признавалась ценной породой. Русские люди традиционно использовали липу для производства деревянной посуды и лаптей, однако при Петре I было дано разрешение «во всем государстве рубить липовые леса всяких чинов людям невозбранно». Отрицательную роль сыграли также наложение по указу царя пошлин на пчел всех категорий, в том числе и на монастырские пасеки (которые прежде освобождались от налогов), жесточение учета и наказаний за укрывательство семей пчел. Таким образом, истребление липняков и введение налогообложения на содержание пчелиных семей нанесли первый ощутимый удар по лесному пчеловодству – при том что

роль меда как традиционного элемента питания русских людей трудно переоценить.

Царствование Петра характеризуется повсеместной секуляризацией общественной жизни – начиная с изменения алфавита. Как наследие Петра появляется русская интеллигенция, характеризующаяся так называемой «идейностью» и «беспочвенностью». Историк Русской Церкви А. В. Карташев справедливо пишет: «С Петром пришло на Русь и воцарилось на ней совершенно иное просвещение, идущее от иного корня, имеющее иное основание. Там целью было небо, здесь – земля. Там законодателем был Бог, здесь – автономный человек с его мощью научного разума. Там критерием поведения было мистическое начало греха, здесь – хотя и утонченная, но в конце концов утилитарная мораль общежития». Давая столь справедливую оценку, А. В. Карташев в целом, очевидно, одобряет действия Петра, говоря уже о А. С. Пушкине, как о величайшем птенце «гнезда Петрова». Отмечая же у М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя диссонанс с А. С. Пушкиным, А. В. Карташев как бы «проговаривается», употребляя оборот «язычески чарующий Пушкин».

Послепетровский исторический период метко охарактеризован историками как «царство женщин», а по сути – аристократии, стремившейся, в своей массе, ввести общество и государство в русло западного образа жизни. Всю последующую историю XVIII в. Православная Церковь продолжает оставаться униженной и ослабленной: изымаются церковные земли, сокращается количество монастырей. Сущность Самодержавия вследствие этого искажается в сторону западного абсолютизма (Екатерина II). При императорах Николае I, Александре III и Николае II это искажение устранялось, что, однако, уже не могло спасти положения.

«Манифест о вольности дворянства» (краткое название указа Петра III от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству») окончательно разрушил идею «служения» и сословное единство империи. Впервые в истории России дворяне освободились от обяза-

тельной 25-летней гражданской и военной службы, могли выходить в отставку и беспрепятственно выезжать за границу (однако по требованию правительства в случае войны обязаны были вернуться под угрозой конфискации земель владений в Россию для службы в армии).

«Мы... жалуем всему российскому благородному дворянству вольность и свободу, кои могут службу продолжать, как в нашей империи, так и в прочих европейских союзных нам державах...» – говорилось в Манифесте при следующем наивном пожелании: «...мы надеемся, что все благородное российское дворянство, чувствуя толикие наши к ним и потомкам их щедроты, по своей к нам всеподданической верности и усердию побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным и незазорным образом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой и нигде службы не имели, но только как сами в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употреблять, тех мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем, и ниже ко двору нашему приезд или в публичных собраниях и торжествах терпимы будут» (цит. по [29, с. 189]).

Пресловутое крепостное право изначально являлось благом – поскольку изначально распространялось на все сословия и являлось гарантом стабильности общества и государства, закрепляя сложность их структуры. До 1762 г. дворянин был так же прикреплен к обязательной государственной службе, как крестьянин – к сельскому хозяйству. В результате указа о вольности дворянства сословия стали различаться не по своим обязанностям, а по правам, что ориентировало общество на либеральные ценности, подрывало его целостность, вело к расколу между народом и его «образованной» верхушкой, а в общем и целом – к деградации.

Павел I, попытавшийся отменить указ о вольностях дворянства, был убит, а имя его оказалось оболганным либеральной аристократией, а затем и интеллигенцией вплоть до конца XX в.

Основные положения Манифеста Петра III были подтверждены законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 г. в «Жалованной грамоте дворянству».

Одна из причин восстания Пугачева заключалась в отмене **всеобщности** «служения»: в освобождении от обязательной службы дворянства при оставлении за крестьянами обязанности служить дворянам.

Екатерина II проводит масштабную секуляризацию церковных земель: к последней трети XVIII века «было уничтожено четыре пятых русских монастырей (разрядка Г. В. Вернадского. – А. Е.)... из 732 мужских монастырей (не считая Юго-Западного края) *оставлено* 161; из 222 женских – всего 39... Это был сокрушительный удар по всей исторической системе религиозно-нравственного воспитания русского народа... Роль суррогата Церкви в дворянском (отчасти в купеческом) обществе времен Екатерины стали играть масонские ложи...» (цит. по [16, с. 18]). «Итак, из 954 монастырей 754 было ликвидировано, и осталось всего 200» [17, с. 18, в примечании].

Во второй половине XVIII в. девальвировалась не только ценность «служения» государству, но и ценность «экстенсивного развития». Присоединив новые плодородные территории Кубани и Крымского ханства, Россия, в отличие от прежних приобретений, не смогла интегрировать местный человеческий культурный, трудовой и творческий потенциал: подавляющее большинство адыгов – полмиллиона – и значительная часть крымских татар – триста тысяч – эмигрировали в Турцию. Для России 800 тысяч человек представляли значительный человеческий потенциал, особенно в условиях замедления темпов роста демографического воспроизводства крепостного населения, которое в первой половине XIX в. вообще перестало расти, а прекращение демографического роста во все времена являлось свидетельством глубокого кризиса [45].

Все охранительные меры в отношении лесов, принятые Петром I, были отменены при Екатерине II указом от 22 сентября 1782 г.: «продолжающиеся до сего времени учреждения о лесах обращались более в стеснение собственности наших подданных, нежели приносили пользу Адмиралтейству, в пользу коего они сделаны были». Всякие леса, хотя и бывшие до сих пор заповедными, поступают в полную собственность их владельцев. Согласно указу:

- все леса в помещичьих дачах, даже если они и были заклеимленные и считались заповедными, оставались в полной собственности их владельцев;
- разрешено было всем собственникам продавать свои леса внутри государства и отправлять древесину за границу с уплатой пошлины;
- запрещено в помещичьих дачах рубить лес на какие-либо казенные цели и даже для нужд Адмиралтейства иначе как с согласия владельца этих лесов и с оплатой требуемой им цены.

Несмотря на то что Екатерина II в 1763 г. издает Указ, установивший сезон запрета на охоту, середина XVIII и начало XIX вв. в России ознаменовались значительным ослаблением строгости к охране лесов и отчасти животных. Прежние правила были заменены другими и преданы забвению. Заповедные корабельные леса подвергались расхищению, охрана Беловежской пуши была снята, а она сама стала местом царской и великокняжеской охоты. Екатерина II огромные площади земель раздала своим приближенным, о лесах не заботилась, но по своей прихоти запретила «ловить соловьев в окрестностях Санкт-Петербурга и во всей Ингерманландии». Помещики снова стали сводить леса под посевы зерновых культур и одновременно продавать вырубленный лес.

Но вторая половина XVIII в. имела и положительные аспекты. В этом плане необходимо сказать об Андрее Тимофеевиче Болотове (1738–1833), писателе, ученом, агрономе, художнике [43, 44]. А. Т. Болотов, проведя критический анализ теоретических трудов западноевропейских ученых того вре-

мени (в частности, К. Гиршфельда) и отнюдь не отрицая достижений европейских садовых школ, разработал собственную оригинальную систему взглядов на строительство «натуральных» садов в России. В многочисленных статьях, публиковавшихся в журналах «Экономический магазин» и «Сельский житель», редактором которых он являлся в 80-х годах XVIII в., были не только освещены общие теоретические вопросы садоводства, но и давались детальные практические рекомендации. Главной заслугой А. Т. Болотова стало привлечение внимания к проблемам самобытности и естественности, то есть созданию такого типа парка, который отвечал бы реальным природным условиям и культурно-историческим традициям России. Он настаивал на том, что нужно отвергнуть попытки прямого копирования западных образцов, так как «русские сады природою и искусственными украшениями не уступают ни английским, ни французским, ни итальянским».

В своей статье «Некоторые замечания о садах в России» (1786), подчеркнув факт широкого распространения садов в старинных усадьбах, А. Т. Болотов отмечает, что «всего бы благоразумнее было быть нам, колико можно, осторожными и не спешить никак перенимать манеры у других, а паче испытать производить сады собственного своего вкуса, и такие, которые бы, колико можно, сообразнее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера... А при таковых обстоятельствах не было б ни мало постыдно для нас то, когда б были у нас сады ни Английские, ни Французские, а наши собственные и изобретенные самими нами, и когда б мы называть их стали **РОССИЙСКИМИ**». А. Т. Болотов показывает преимущества использования отечественных пород деревьев, трав и кустарников – неприхотливых в уходе, морозостойких, жизнеспособных в наших суровых климатических условиях и в то же время по-настоящему красивых, имеющих неповторимый, зачастую неведомый западным садоводам внешний облик.

А. Т. Болотовым были обустроены два замечательных уголка Русской земли, находящихся в Тульской губернии:

Дворяниново – его собственная усадьба – и усадьба графа А. Г. Бобринского в Богородицке.

В своей деятельности А. Т. Болотов был не одинок. В последние десятилетия XVIII в. в России появилась целая плеяда мастеров садово-паркового искусства: Н. А. Львов, В. И. Баженов, М. Ф. Казаков, И. Е. Старов. И это – лишь всем известные имена, а надо понимать, что значительное число российских помещиков, выйдя в отставку с государственной службы, занималось в своих поместьях тем же самым.

В жизни и деятельности А. Т. Болотова проявились положительные последствия «Манифеста о вольности дворянства». Уже в молодости уйдя в отставку, он прожил в своем имении около 60 лет, ведя плодотворную хозяйственную и научную деятельность, оставив потомству записки «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Этот факт дает повод лишний раз поразмышлять о вкладе поместного дворянства той эпохи в отечественную культуру.

Манифест Петра III возбудил к творчеству и труду новое поколение мыслителей-дворян. Само название сельца А. Т. Болотова – «Дворяниново» стало своеобразным символом: образ крепостника-злодея никак не соотносится с тем, что некоторые из них сделали для развития науки и искусств. Право не служить, но при этом обязанность, обусловленная указом, заниматься всесторонним образованием детей, дабы не заслужить общественного презрения, а также трудиться на любой достойной ниве – это право породило величайших людей в русской культуре XVIII–XIX вв. Размышляя о своем дворянстве, А. Т. Болотов приходит к пониманию единства рода людского, которое он выразил в стихотворении «Чувствования рожденного в дворянстве»:

Равно и они на свете
Суть такие, как и я,
И во всем другим подобны
Человекам на земле...

Избежав суеты света, А. Т. Болотов оставался многие годы один на один со своей совестью, беседа сам с собой на бумаге. Случай в истории российской словесности весьма редкостный!

Характерно, что в 1976 г. Оксфордский университет выпустил составленный доктором А. Г. Кроссом сборник статей англо-американских исследователей «Русская литература эпохи Екатерины Великой», который открывался работой Джеймса Райса «Записки А. Т. Болотова и история русской литературы» [41, с. 17–45]. В издании отмечены все заслуги А. Т. Болотова: он первым в России издавал кроме вышеупомянутого «Экономического журнала» – «Труды Вольного Экономического общества», журнал «Сельский житель», а также часто печатался в периодике, дружил с Н. И. Новиковым, влиял на журнальную жизнь эпохи. Заслуга Джеймса Райса в том, что он еще раз напомнил об уникальном, грандиозном труде Болотова, имеющем поистине всемирное значение, – «Чувствования христианина, при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу».

А. Т. Болотова связывали взаимная симпатия и душевная близость с Н. И. Новиковым. Однако бывали в их отношениях и не очень приятные минуты, о которых сам А. Т. Болотов писал так: «Как по счастью был я о его масонстве... извещен, то тотчас проникнул все его сокровенные намерения, и отнюдь не желая дать ему взложить на себя узду и осел, тотчас принял все нужные с сей стороны предосторожности; и потому на вопрос его тотчас ему отвечивал, что нет и что я никогда не был ни масоном, ни другим каким сектистом. Не успел он сего услышать, как и начал было подъезжать ко мне, по пословице говоря, на полозках, и убаивать меня обыкновенными баснями и прельщать меня пышными выгодами их братства, дружества, добродетелей и всего прочего, и заговаривать, чтоб я также вступил в их общество, с уверением, что я по качествам, знаниям и достоинствам своим смог бы скоро получить между ими знаменитое достоинство...» Болотов ответил Новикову отрицательно – раз и навсегда, но тут же предложил ему вновь

свою руку и дружбу, которая продлилась всю жизнь, и особенно в самые трудные для Новикова времена.

Однако в целом для русского общества «вольности дворянства» дали страшные последствия. Наилучшую иллюстрацию этому видим мы в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, давшего исчерпывающий перечень психологических портретов дворян, деградирующих в условиях действия положительной обратной связи, – от Манилова до Ноздрева, Собакевича и Плюшкина.

Лучшее по точности и краткости описание эпохи Просвещения находим у митрополита Московского Макария (Невского): «Под прикрытием философии явилось безбожие, или атеизм. Под именем энциклопедии явилось кощунство, или дерзкое издевательство над христианскими истинами, над христианскими святынями. Пороки, не сдерживаемые верой и Законом Божиим, дошли до крайних пределов. Вместо христианского смирения явилась сатанинская гордость; вместо любви – безмерное самолюбие или эгоизм; вместо целомудрия и воздержания – крайний разврат. Имя Христово было изгнано из литературы; стыдились произнести его и в живой речи. Но зато учащаяся молодежь хорошо знала имена языческих богов: Зевс и Венера, Орфей и Муза у всех были на языке <...> безбожники как философы были в великом почете. Имена их повсюду восхвалялись, как имена великих людей. Их осыпали подарками цари и правители. Так мыслить, так вольнодумствовать, как они, так кощунствовать, как кощунствовали эти философы, считалось как бы верхом просвещения, признаком принадлежности к высокообразованному обществу».

Основным результатом Просвещения по мысли Серафима Саровского, явилась утрата понимания самых простых вещей, в древности хорошо понятных людям. А. С. Пушкин высказался еще короче, говоря о Франции, которой тогда модно было подражать во всем: «гуманизм сделал французов язычниками».

Закономерным финалом эпохи Просвещения явилась Великая французская революция (с 1789 г.), окончательно разрушившая христианское миропонимание и ввергшая Европу

в полосу кровопролитных войн. Теоретические разработки философов оказались реализованными на практике.

Дальнейшее развитие либеральных идей постепенно создавало у людей в разных странах мира сходное ложное представление о целях и задачах человечества, формировало общие интересы, то есть вело к упрощению социоестественных систем и продолжало готовить приход антихриста.

7.2. Расширение сферы влияния России

Самим фактом своего существования Россия отрицает будущее Запада.

Ф. И. Тютчев

Одновременно с негативными тенденциями разложения происходит расширение сферы влияния Православной цивилизации: за счет добровольного присоединения, отдачи под покровительство (Казахстан, Грузия), а также наступления на мусульманский мир – последовательная серия русско-турецких и русско-персидских войн.

Присоединение Грузии фактически спасает грузинский этнос от гибели. В 1790 г. происходит насильственное, под угрозой смерти, насаждение ислама в Аджарии – несогласных согнали к устью реки Аджарисцкали, где на мосту царицы Тамары устроили лобное место: старикам-христианам отсекали головы, отрезали язык, бороду, которые отсылали паше, а голове и тело сбрасывали в Чорохи. В 1801 г. грузин оставалось 75 тысяч, через 50 лет их численность достигла 1 млн

В 1711–1721 гг. русскими осуществлено картографирование Курильской гряды. В 1732 г. происходит высадка русских на американском континенте. В 1799 г. создана Российско-Американская торговая компания, русские поселения распространяются от Аляски до Калифорнии.

О характере взаимоотношений русских с населением присоединяемых территорий уже говорилось выше. Дополняя

эту мысль фактическим материалом по рассматриваемому периоду, отметим награждение хана Шахин-Гирея орденом Святого Апостола Андрея Первозванного без креста (отказался в 1783 г., присоединение Крыма), а также награждения в 40-х гг. XIX в. азербайджанских офицеров русской армии орденами Святого Георгия без креста (Черный орел). В конвой русского императора входили кавказские народы, на Коране присягавшие на верность.

Однако суть не в награждениях. Британский государственный деятель лорд Д. Керзон (в 1899–1905 гг. вице-король Индии), побывав в начале XX в. в азиатской части России, писал: «Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой <...> Русский братается в полном смысле слова <...> Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами», к чему «англичане никогда не были способны». Это свидетельство идеологического противника весьма ценно, но он в то же время не в состоянии был понять, что русские никогда не считали азиатские (и прочие) народы «низшими» и «чуждыми» и, несмотря на военные конфликты и завоевания, имели с ними тесные и равноправные взаимоотношения (в том числе – многочисленные браки среди аристократии). Лорд Керзон, возможно, усматривал во всем этом определенного рода прагматизм.

Европейцы же, захватывая колонии, изначально относились к местному населению как к «недочеловекам» чуждых и низших рас, основываясь на лжеучении Блаженного Августина. Единственной целью католиков и протестантов всегда было лишь потребление материальных богатств колоний без каких-либо нравственных ограничений.

В 1785 г. Григорий Шелехов, основатель Российско-Американской компании, пишет: «Поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления Российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градуса» (цит. по [22]); он же об отношении к молодым туземцам, из «Наставления» для своего приказчика Ф. А. Выходцева: «...Двух ребят американцев учить морепла-

ванию, арифметике и морской науке... Держи их при себе, содержи пищу...» (цит. по [22]).

Начавшиеся в Европе революционные, а затем Наполеоновские войны имели своей главной целью объединение Европы на основе потребительского мировоззрения. Это – очередная попытка стирания национальных границ, установления капиталистического порядка вещей в духовной и материальной сферах. Единственным серьезным противником этого процесса являлась Российская империя, к тому времени практически единственная европейская страна, имевшая свою национальную армию. Сущность российской военной доктрины – превосходство духа над материей – была сформулирована А. В. Суворовым.

В Средиземном и Черном морях расширение сферы влияния осуществляют русские адмиралы Ф. Ф. Ушаков и Д. Н. Сенявин.

Сибирь до крестьянской реформы 1861 г. оставалась малонаселенной. В 1709 г. там проживало около 1% тогдашнего населения России. Геополитическая стратегия, направленная на освоение Сибири, позволяла позднее перераспределять избыток населения из центральных районов. Сибирь заселялась вследствие малоземелья, которое стало наиболее тягостным после «освобождения» крестьян, когда в губерниях черноземной полосы наделы опустились до 1,75–3 десятин на душу и количество безземельных составило 6% общего числа крестьянских дворов.

Освоение обширных территорий требовало и значительных дополнительных затрат на их продуктивное использование. Отсутствие таких средств не позволяло России удержать североамериканские территории, колонизированные русскими землепроходцами.

Переселение русских на юг было весьма интенсивным. Если до начала XVIII в. 2/3 населения России проживало в северной и лесной зонах, то к концу этого века большая часть населения стала проживать в более благоприятной лесостепной и степной зонах, а к 1914 г. там сосредоточилось почти 2/3 населения Европейской России.

Экономический эффект от присоединения новых территорий во многом сводился на нет ростом пространства государ-

ства, необходимостью создания средств коммуникации, защиты рубежей, увеличением расходов на госаппарат и армию. К примеру, в 1800 г. российская армия насчитывала около 450 тысяч человек, что на 1/4 больше самой большой армии в Европе того времени. И даже такая большая армия с трудом справлялась с возложенными на нее задачами. У США, Англии, Японии не было и нет таких проблем, поскольку нет необходимости больших затрат на обустройство и защиту морских границ.

Процесс роста Российского государства существенно отличался от западной колонизации, которая, как правило, осуществлялась на эффективных территориях, становившихся донорами для метрополий, и без того находившихся в зоне благоприятных природных условий. Средства из колоний перекачивались на развитие собственно метрополии. Российской империи, как истинно великой державе, приходилось, напротив, вкладывать средства в развитие присоединенных окраин с эффективными территориями. За счет центра России принимались меры для социального и экономического развития присоединенных территорий и населяющих их народов. Так, некоторые народы Империи (поляки, финны) имели определенные социальные и политические преимущества по сравнению с великороссами. Иностранцы не подлежали закрепощению, освобождались от воинской повинности, платили меньше податей и налогов, имея при этом право на свободное перемещение как по территории, так и по социальной лестнице государства Российского. Россия, именуемая империей, не соответствовала западным имперским канонам, согласно которым метрополии живут за счет подавления и эксплуатации зависимых колонизированных земель. Державная политика России в отношении присоединенных земель и народов характеризовалась цивилизаторской функцией. Именно русский народ нес основные экономические, политические, людские издержки по сохранению державы. В результате этой политики центр Великороссии обескровливался. По мнению авторитетного исследователя России, задолго предсказавшего неизбежность революций 1905 и 1917 гг., статского советника германского императорского

статистического ведомства Р. Мартина: «Все пограничные области Российской империи, населенные чужими народами, в экономическом отношении преуспевают больше, чем собственно Россия». Подобные наблюдения зафиксировали и другие авторы. По мысли Г. П. Федотова: «За XIX в. росли, богатели, наполнялись пришлым населением Новороссия, Кавказ, Сибирь. И вместе с тем крестьянство центральных губерний разорялось, вырождалось духовно и заставляло говорить об “оскудении центра”. Великороссия хирела – отдавая свою кровь окраинам, которые воображают теперь, что она их эксплуатировала» [37].

Эта тенденция сохранялась и в СССР.

Мощь государства возрастала главным образом благодаря росту народонаселения и поддержанию православных идей «служения», «общего спасения» и «коллективного бытия».

В течение своей истории Россия находилась в состоянии перманентной войны, и часто не с одной, а с двумя, тремя и даже дюжиной стран. Чтобы выдержать такое противостояние, не имея развитых морских и сухопутных коммуникаций, дружественных соседних государств, она должна была заботиться об обеспечении своей автаркии – самодостаточной экономики, опирающейся на собственную ресурсную базу, которая обеспечивается исключительно природными факторами. Создание Российской империи не было похоже на другие классические колониальные империи. Российская империя была именно великой державой – государством, целью которого было выживание в сверхсложных природных условиях, во враждебном окружении народов разных культур, населяющих огромную территорию и способных существовать только как единое целое. Создав империю, Россия создала не только специфические цивилизацию и культуру, но и замирила народы на огромном евразийском пространстве, предотвратила не только неминуемую гибель отдельных этносов, но и открыла им возможность дальнейшего развития в составе российского суперэтноса.

Однако к середине XIX в. преимущества России – большая численность населения и громадные территории – позволявшие ей прежде противостоять более сильным в эконо-

мическом отношении государствам, стали утрачивать былое значение. Европейские страны, расположенные на более эффективных территориях, нуждаясь для жизнеобеспечения своих граждан в меньшем количестве энергии на душу населения ввиду более благоприятных природных факторов, получили благодаря промышленной революции возможность технологического овладения ископаемым топливом (нефть, газ, уголь), энергетический потенциал которого значительно превосходил энергетический потенциал сельскохозяйственной продукции и лесных ресурсов, составлявших основной источник энергии доиндустриальной эпохи. Развившаяся на этом основании индустрия позволила технически переоснастить сельскохозяйственное производство и значительно повысить производительность и без того более высокую – в силу естественных природных условий в Западной Европе. Россия оказалась в заколдованном круге. Обреченная на постоянную экспансию путем присоединения новых территорий и народов, она не имела средств на индустриализацию, а низкие темпы последней толкали страну на все тот же путь экстенсивного развития.

Но основная причина начавшихся военно-политических неудач не есть следствие неэффективного использования эколого-экономического потенциала, но в первую очередь – отхода от Православия верхушки российского общества.

Западная Европа в очередной раз показывает свое истинное лицо, поддержав Турцию в войне с Россией и развязав Крымскую кампанию, о которой французский кардинал Сибур совершенно открыто заявил: «...Угодное Богу дело – покорить ее (Россию. – *А. Е.*), разбить ее новым крестовым походом <...> – такова явная цель сегодняшнего крестового похода, такова была цель всех крестовых походов, хотя <...> в них участвовавшие в этом не признавались. Война, которую Франция собирается вести против России, не политическая, а священная. Это не война между двумя государствами или между двумя народами, это просто-напросто религиозная война; все остальные выдвинутые причины являются лишь предлогами». Если Запад не без основания считал эту войну «священной»,

то русский командующий в Крыму А. С. Меншиков не рекомендовал «беспокоить» Богородицу, полагаясь на собственные силы. Комментарии здесь излишни.

Несмотря на военно-политические неудачи, зона влияния России продолжает расширяться – Кавказ, Амур, Приморье, Сахалин, Средняя Азия. Во всех случаях речь идет не о колонизации, а о защите населения от грабителей и работорговцев, но самое главное – об увеличении степени противостояния враждебным идеологиям, ведущим мир к катастрофе. Согласно принципу Ле Шателье – Брауна, на всякое действие есть противодействие.

В итоге почти за четыреста лет – с середины XV в. по начало XX в., территория России увеличилась с 0,4 млн км² до 21,6 млн км² (без внутренних вод), а население – с 2,5 млн в 1462 г. до 151 млн человек в 1916 г. (без Польши и Финляндии).

По переписи населения 1897 г. из 182 млн всех жителей Российской империи 115 млн составляли православные.

Россия обрела порты на Балтике, на протяжении всех северных и восточных морских границ, на Черном, Каспийском и Аральском морях, стала великой морской державой; включила в свой состав более 200 народов и народностей. Россия имела самые высокие в мире темпы роста производства.

7.3. XIX в. — либерализм и атеизм, деградация экосистем

Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?

А. С. Пушкин

Эпоха европейского Просвещения оказала на Россию значительное влияние. У свт. митрополита Макария (Невского) читаем: «Примером галлов стали увлекаться и наши

того времени образованные люди. Подражать франкам в покрое одежды, говорить по-французски или пересыпать русскую речь французскими словами считалось чуть не верхом образованности).

Расплатой за увлечение идеями Просвещения явилось нашествие Наполеона. «Когда нечестие народов перешло к нам, тогда пришли с ним и бедствия. Те, у кого мы хотели учиться, кому подражали в покрое одежды, чьим языком учились говорить, те явились в руках Промысла Божия грозными карателями нас за начавшееся у нас отступничество от Бога, от Церкви, от добрых обычаев предков. Пришел 1812 год, страшный, приснопамятный год. Враг дошел до Москвы, этого сердца земли Русской. Запылала столица огнем гнева Божия. Дворцы и палаты разрушались. Храмы были ограблены, святыни осквернены».

Тесное соприкосновение с Европой в период Заграничного похода русской армии привело к усилению в рядах русского дворянства масонства. «В 1814 г., когда войска русские вступили в Париж, множество офицеров приняты были в масоны и свели связи с приверженцами разных тайных обществ. Последствием сего было то, что они напитались гибельным духом партий, привыкли болтать то, чего не понимают, и из слепого подражания получили <...> страсть заводить подобные тайные общества у себя...» (А. Х. Бенкендорф Александру I, записка «О тайных обществах в России», 1821 г.).

В 1822 г. последовал указ царя «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ»: «Беспорядки и собрания, возникшие в других государствах от существования разных обществ, из коих оные под наименованием лож масонских, первоначально цель благотворения имевших <...> занимаясь откровенно предметами политическими, впоследствии обратились ко вреду спокойствия государств и принудили в некоторых сии тайные общества запретить...»

Абсолютно верна характеристика декабристов, данная В. И. Лениным: «Страшно далеки они от народа». Православный русский народ вполне справедливо охарактеризовал вос-

стание декабристов – уже на следующий день после него Никифор Шипов, крепостной человек В. С. Печерина (1807–1885 гг.), известного филолога, *космополита*-западника, заявил: **«Это все дворяне с жиру бесятся»**. «Вот истый глас народа», – заключил даже сам Печерин, перу которого принадлежат страшные строки, ставшие девизом деятельности российской безбожной интеллигенции вплоть до настоящего времени:

Как сладостно отчизну ненавидеть.

И жадно ждать ее уничтоженья...

Основными чертами возникшего течения «западников» явились злоба и ненависть: «Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (В. Г. Белинский); «ненавидеть из любви, презирать из гуманности» (А. И. Герцен).

В высказываниях русских революционеров видны те же настроения: «Страсть к разрушению есть творческая страсть» (М. А. Бакунин). Атеистическая основа дает себя знать – это ведь очень напоминает индуистский культ Шивы, культ разрушения для воссоздания.

Возникает российская разночинная интеллигенция, хорошую характеристику которой дает митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев): «Сформировавшись как слой безродный, бескорневой, лишенный мало-мальского понятия о настоящей духовной жизни, но наделенный безмерной интеллектуальной гордыней, интеллигенция стала главным разрушителем традиционных ценностей русской жизни». Вина русской интеллигенции в подготовке Второй русской смуты представляется аналогичной вине аристократии в Первой смуте – пренебрежение религиозным долгом, увлечение чуждыми идеями либерализма, потребительства, «полезности».

Интеллигенции следует противопоставить представителей русской аристократии и дворянства, не утративших поня-

тий о своих обязанностях по отношению к государству, а также всех **образованных** людей России (а не **одурманенных**, как основная масса интеллигенции).

Основателями течения славянофилов явились видные российские мыслители – И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и другие. И. В. Киреевский писал: «...все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое». Сюда же следует отнести гениальную формулу министра народного просвещения С. С. Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность» – именно в такой последовательности, когда идеология суперэтноса находится на первом месте. Все попытки перестановок, как известно, успеха не имели. Лозунг славянофилов «**Сила власти царю – сила мнения народу**».

Николай I закладывает основы возвращения русско-го общества к национальным истокам. Эти начинания были продолжены затем Александром III и Николаем II. Однако в противовес этому в России появляется деструктивное течение народников, а затем и социал-демократов. Отношение к ним народа хорошо описано славянофилом Ф. В. Чижовым: «...человек 50 провозгласили: земля и воля, и даже всунули <...> знамя с этой надписью в руки крестьянскому мальчишке. Ну прямо революция. А <...> этих безбородых революционеров перехватал народ даже до появления полиции» (о демонстрации у Казанского собора в Петербурге).

Реформы 1861 г. наносят очередной тяжелейший удар по духовным устоям России, сориентировав ее на капиталистический, то есть сугубо потребительский путь. Это не замедлило сказаться в экологической и экономической сферах.

После отмены крепостного права земледелие из области духовной и материальной культуры постепенно перемещается в область предпринимательства [12]. С либеральных позиций главная причина «бедности» русских – нежелание трудиться ради личной выгоды. Это действительно так, только речь здесь

идет о православных духовных ценностях, а не о нежелании трудиться. Для православного человека важен «достаток», а не «богатство». В монашестве – добровольная аскеза способствует духовному совершенствованию монаха. В миру – принудительная аскеза в виде крепостного права для крестьян, обязанности государственной службы дворян и т.п. в определенной мере сдерживала от разгула страстей, способствовала духовному росту людей, развитию их внутренней свободы. Митрополит Кирилл (ныне патриарх) писал: «Нужно быть очень сильной и волевой личностью, духовно закаленным человеком, чтобы, будучи богатым, избежать соблазнов богатства. Напротив, человек бедный объективно оказывается поставлен в условия, при которых он нередко попросту не имеет возможностей потакать своим страстям и соблазнам. Эта стесненность внешними обстоятельствами в определенной мере оберегает человека от греха, хотя, конечно, не может быть гарантом его спасения» [25, с. 273]. Только многими скорбями, «теснотами» достигается Царствие Небесное. Вот почему необходимо «в поте лица своего добывать хлеб свой», необходимы «тесный путь», «тесные врата» (Мф. 7, 13). Истинно верующий человек не ропщет, а кается в своих грехах.

В подтверждение этих слов приведем стишки XIX в. – скабрезные, но тем не менее правдиво отражающие результаты произошедшего:

Чем сказалась воля эта
Для дворовых тех крестьян?
В бардаке теперь Аннета,
В кабаке теперь Иван.

В 1861 г. «освобождено» более 21 млн крестьян – 34% от сельского населения страны (61,1 млн чел). Помещики, оказавшись в новой системе экономических отношений и получив лучшие, в сравнении с крестьянами, земли, оказались вынужденными повысить эксплуатацию земель, при этом уже не имея возможности заботиться о ее плодородии. Возобладал чисто

потребительский подход – чтобы получить большой урожай началась распашка новых земель. Крестьяне начали распахивать крутые склоны, верховья и русла оврагов, легкие песчаные почвы – все, что только можно было распахать. В степной полосе распахали целинные угодья, вырубili леса: «мало кто писал на Руси, как отразится этот разгул торжествующего собственника на климате, земледелии и ландшафте любезного Отечества» (Леонов Л. М. Русский лес).

Сразу же после реформы состояние русских черноземов стало резко ухудшаться. За короткий период экосистемы основных земледельческих районов изменились до неузнаваемости. «Записки Воронежского уездного комитета по выяснению нужд сельскохозяйственной промышленности» свидетельствуют, что поредели леса и сократились их площади; реки обмелели или местами совершенно исчезли; летучие пески надвинулись на поля, сенокосы и другие распаханные угодья; поля поползли в овраги, и на месте когда-то удобных земель появились рытвины, водоемы, рвы, обвалы; плодородие почвы резко снизилось, внешний вид – обезображен. В жизни населения появилась скудость, обеднение, вопиющая нужда.

А ведь перед реформой Центрально-Черноземный край России, являясь основным земледельческим районом страны, давал лучшую в мире пшеницу, поставлявшуюся за границу в количестве более 200 млн пудов ежегодно (свыше 3 млн т).

Водный баланс степи резко ухудшился, изменился микроклимат. Продолжительные засухи в летнее время стали сопровождаться высокой температурой, угнетающей жарой, низкой влажностью воздуха и знойными суховеями. Особенно трагической по своим последствиям была засуха 1892 г., охватившая районы с населением в 30 млн человек.

По свидетельству летописцев, с X по XVIII вв. на Руси было отмечено сорок засушливых лет – в среднем по пять за столетие. В XIX в. – уже 10 на столетие, а в XX в. – 25, т.е. каждый четвертый год был засушливым.

На севере Восточной Европы происходило уменьшение интенсивности земледелия, и к 30-м гг. XX в. во многих райо-

нах земледелие было практически полностью прекращено. Одновременно (особо интенсивно со второй половины XVIII в.) здесь возрастали объемы промышленной заготовки древесины. Длительное время основным способом заготовок были выборочные рубки, а с 1930-х гг., уже при советской власти, получили широкое распространение сплошные, в том числе концентрированные, рубки. Эти воздействия вызвали в первую очередь изменение гидрологического режима территорий, в том числе усиление процессов заболачивания.

На юге, напротив, шло интенсивное сельскохозяйственное освоение лесостепных и степных районов. Основные его последствия – значительное уменьшение лесистости; деградация почвенного покрова; *эвтрофикация* водоемов; изменения гидрологического режима, ведущие чаще всего к развитию процессов *аридизации*.

Выпаханность почв на протяжении XVI–XX вв. являлась бичом для крестьян центральных и северных районов, в XIX–XX в. распространившись и на многие южные районы. Земледелие, развитие которого претерпевало подъемы и спады, в конечном счете привело к формированию значительных по площади открытых пространств [46].

«Освобождение» от крепостного права было не только актом ликвидации иерархичности в «формуле» «Государство обязано решать проблемы народа – народ обязан служить государству», но и попыткой «введения» «ценностей» «свободы» и «равенства» в состав ценностей высшего порядка Русской цивилизации. Показательно, что инициатором реформ было не столько общество, сколько государство, сам император. Решительного и мощного давления общества на государство просто не было. Быстрый переход от одной системы ценностей к другой – западноевропейской, переход, который был инициирован не «снизу», а «сверху», сопровождался резким расслоением общества, причем не только имущественным, но, что не менее важно, расслоением по культурным, мировоззренческим, конфессиональным и этническим признакам.

О реформах Александра II Ф. М. Достоевский говорил как о «колебании над бездной». Весьма характерен ответ при-

шедшего к власти Александра III на вопрос о том, что делать с реформаторскими документами его отца, – «Хранить в архиве». Для устранения перекупщиков земли новый император учредил государственные Крестьянский земельный банк и Дворянский земельный банк.

На Руси всегда существовал строгий порядок пользования сенокосами: ходить по ним до уборки трав категорически запрещалось (у рыбаков, например, ходивших по некошеным берегам рек, ломали снасти). По режиму пользования сенокосы фактически были (по современным представлениям) заказными угодьями. Не случайно без всяких удобрений до 1917 г. они давали в 2–4 раза больше сена, чем ныне. На реках повсюду были каскады плотин: реки были полноводными, чистыми и рыбными. По весне они широко разливались, затопля обширные пространства речных долин. Каждая плотина фактически заменяла современную поливальную установку: ведь заливные луга в несколько раз продуктивнее суходольных. Площадь заливных лугов во Владимирской губернии в 1912 г. (нынешняя территория Ивановской области в основном находилась во Владимирской губернии) составляла 51% от общей площади естественных кормовых угодий (ныне – лишь 7–10%). Животноводство было обеспечено дешевыми и при этом своими, а не привозными кормами. На водяных мельницах молотили зерно. В прудах было много рыбы, которой хватало всем, в том числе и для вывоза в другие губернии России. Крестьянами стихийно был найден наиболее рациональный путь пользования земельными, водными, рыбными и даже энергетическими ресурсами природы, которыми они управляли с высокой степенью эффективности, сами о том и не подозревая [50].

В Российском Нечерноземье весьма важна роль «малых» рек (протяженность до 100 км). Только в Московской губернии таких рек свыше 4 тысяч (около 99%). Малые реки существенно отличаются от крупных; у них в 2–10 раз выше уклоны, в 1,2–1,5 раза больше скорости воды в половодье и паводки. Продолжительность половодья намного короче (10–30 суток)

по сравнению с крупными (50–60 суток). Половодье и паводки проходят более бурно. Модули стока в 2–5 раз выше, чем у средних. Выше мутность воды. Малые реки обладают более низкой способностью к самоочищению, быстрее реагируют на все изменения на их водосборах, быстрее загрязняются. Но малые реки и их долины являются важнейшими элементами природно-хозяйственных систем, сформировавшихся в результате всего предшествующего развития цивилизации. Особая роль малых рек заключается в том, что, находясь в верхних и периферийных частях крупных речных бассейнов, они во многом определяют общую экологическую и социально-экономическую ситуацию в них.

Анализ развития промышленности в Московском регионе в XVIII – первой половине XIX вв. показал наличие устойчивых осей экономического роста по долинам Верхней Клязьмы, Нары, Яузы, Пехорки, Вори, Киржача, Шерны и др. Фабрики располагались вдоль русел рек у плотин, за которыми возникали пруды. Поселки, сливаясь между собой, создавали агломерированные образования, осями которых являлись реки. Так возникли Иваново, Орехово-Зуево, Богородск (Ногинск), Щелково, Балашиха и др. Результатом такой нарастающей концентрации населения и хозяйства в долинах малых рек явились значительные антропогенные изменения окружающей среды, загрязнение малолетних водотоков сточными водами, усиление эрозии почв вследствие распашки пойм и склонов (в основном под огороды).

Ситуация усугубилась начиная со второй половины XIX в., когда промышленность перешла к использованию энергии пара. В результате развернулись массовые вырубki лесов на дрова в зонах формирования стока, а чуть позже и осушение болот в целях разработки торфа для топливных и технологических нужд. Кроме того, за ненадобностью были ликвидированы или разрушены в результате естественных причин и не восстановлены большинство плотин и водохранилищ при них. В результате стали снижаться водность рек, качество воды. Большинство малых рек утратили свои транс-

портные функции (например, Лопасня), резко снизились рыбные ресурсы [10].

Увеличение площади сельхозугодий к настоящему времени привело к почти полной потере смешанного характера флоры и фауны. Размеры угодий в тысячи и миллионы раз превысили размеры естественных экосистем. Некогда единый живой покров был расчленен на две принципиально отличные группы: экосистемы, способные поддерживать себя при естественном развитии (теневые леса), и экосистемы, требующие для своего поддержания постоянных антропогенных воздействий (пойменные и суходольные луга, луговые степи, леса с господством пионерных видов деревьев). Перечисленные преобразования биогеоценотического покрова привели к усилению климатической дифференциации в широтном и меридиональном направлениях [46].

Что касается уже упоминавшегося нами бортничества – с развитием капитализма этот тип пчелиного промысла окончательно приходит в упадок. Капитализация страны, начавшаяся уже в XVIII в., потребовала большого количества леса для строительства промышленных предприятий, углежжения, морского кораблестроения, расширения городов и рабочих поселков. Последний удар по бортничеству России нанесло появление сахара и минеральных восков. В первое время сахар был очень дорогим продуктом, но его цена постепенно снижалась и вскоре стала значительно ниже цены меда. Более дешевые минеральные продукты (парафин, церезин, стеарин) постепенно вытеснили с рынка пчелиный воск. Конечно, медоносная пчела не исчезла из природы и хозяйства как вид. С кризисом бортничества интерес к разведению пчел не был утрачен окончательно, однако новые реалии обусловили появление и нового подхода к этому виду деятельности – ульевого пчеловодства. Изобретение в 1814 г. П. И. Прокоповичем рамочного улья позволило переселить медоносных пчел из бортей и колод в жилища нового типа. В настоящее время разведение и содержание пчелиных семей в рамочных ульях является традиционным методом пчеловодства во всех стра-

нах мира. В силу особых природно-экономических условий к середине прошлого века бортничество сохранилось практически только в горно-лесной Башкирии, став уникальным мировым явлением [47–49].

Рост атеистических настроений в среде аристократии и интеллигенции имел следствием не только развитие прагматизма и капиталистического настроения в обществе, но и постепенный переход к мистицизму и *окультизму* (в частности, спиритизму, против которого активно выступал Д. И. Менделеев). По словам Л. А. Тихомирова: «Атеизм и материализм составляют отступление от Бога, но никак не последнее слово, не вершину его. Высшая степень отступления может состоять лишь в переходе на сторону иного “бога”. Эволюция язычества, как в его дохристианской, так и особенно в его пара-христианской форме, разворачивается от многобожия и всебожия через безбожие к человекобожию и, наконец, к сатанобожию» (Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. 1913–1918 гг.).

Толстовство и русский космизм явились русским «вкладом» в формирование «Нового религиозного движения». Однако даже здесь дает себя знать православный менталитет – Н. Ф. Федоров и Л. Н. Толстой принципиально не являлись стяжателями материальных благ, в отличие от создателей сект мормонов и иеговистов, а в XX в. мунитов. Н. Ф. Федоров не печатал своих произведений, не желая получать за них гонорар, а Л. Н. Толстой стремился принять страдание за свои убеждения (пусть даже источником такого поведения и являлась гордыня).

Известная благотворительница княгиня М. К. Тенишева, полагая приоритет знания в процессе становления человека, вела пропаганду идей Ч. Дарвина. Н. К. Рерихом был расписан храм Святого Духа в ее имении Талашкино под Смоленском; там же основана школа. В статье «Памяти Марии Тенишевой» Н. К. Рерих писал: «Нужно представить себе, насколько нелегко было по условиям конца девятнадцатого века порвать с академизмом и войти в ряды нового искусства

<...> В последнее время ее жизни в Талашкине внутренняя мысль увлекала ее к созданию храма. Мы решили назвать этот храм – Храмом Духа. Причем центральное место в нем должно было занимать изображение Матери Мира» [42]. Какой дух имели в виду Рерихи, хорошо известно.

Разложение постепенно охватывало все слои общества до самых низов. Исследователь быта Нижегородской ярмарки А. П. Мельников подметил одну чрезвычайно «любопытную» особенность мероприятия: способность совмещать казалось бы несовместимое. «“Кадуций Меркурия”, увитый лозою Диониса, обвивался струями кадильного дыма под звуки церковного пения, сливавшегося с разгульной песней веселящегося народа» (Мельников А. П. Столетие Нижегородской ярмарки 1817–1917 // В кн.: Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Н. Новгород, 1917. С. 9.

7.4. Наука, литература, законодательство

Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо.

Святитель Феофан Затворник

В Русском государстве наука существовала с древнейших времен, о чем свидетельствуют памятники письменности и техники [35]. Особенно высокий уровень был достигнут в зодчестве и строительном деле, а также в различных ремеслах и металлообработке. Центрами русской науки издревле являлись монастыри, при которых нередко существовали школы. Монашествующие стали первыми русскими учеными и интеллектуалами. Преп. Нестор-летописец и свт. митрополит Иларион заложили основы русской исторической и философской науки. Позже преп. Нил Сорский в своих трудах способствовал развитию русской философии, психологии и педагогики. Свт. Иосиф Волоцкий в своих трудах излагал исторические, философские и педагогические мысли.

Борис Годунов намеревался учредить в Москве университет. К этой идее вернулись позже – Славяно-греко-латинская академия была создана в 1687 г.

Русская наука развивалась вполне самобытно, что подтверждают памятники материальной культуры, а также, в частности, ироничные слова Антиоха Кантемира, первого русского писателя-сатирика: **«Без алгебры и без Евклида считаем и делим»**.

Российская академия наук (1724–1917) – первое научное учреждение западного типа, созданное в ходе реформ Петра I. Для становления российской науки в этих, уже принципиально новых, условиях национальная самоидентификация была не менее важна, чем для становления российской государственности [36, с. 259].

По инициативе и при участии Академии были осуществлены комплексные экспедиционные исследования территории страны от Белого до Каспийского морей, от западных областей до Камчатки (Великая Северная экспедиция, 1733–1742, Академические экспедиции, 1760–1770). Они внесли значительный вклад в развитие знаний о географии и природе страны, геологическом строении ее территории, флоре и фауне различных регионов России, о народах, ее населяющих.

Воспринять и оценить полученную информацию могла только высшая администрация страны, которой это могло понадобиться для принятия экономических и политических решений. Именно поэтому уже к началу XIX в. планирование и организацию таких экспедиций берут на себя военное ведомство, Министерство государственных имуществ и другие государственные структуры, а за Академией сохраняется разработка научных программ таких экспедиций. Сообщения о результатах исследований членов и сотрудников Академии публиковались на латыни, немецком, французском, т.е. на языках, понятных европейским ученым, – но не на русском. Таким образом, в первые десятилетия своего существования Академия наук по сути дела являлась «немецкой». В 40-е – 60-е гг. XVIII в. среди членов Академии стали появ-

ляться русские ученые. Однако они были еще столь немногочисленны, что не только не могли изменить общей ситуации, но и становились источником постоянных конфликтов на национальной почве, что продемонстрировало, например, известное противостояние М. В. Ломоносова и И. Д. Шумахера. Но и позже, в XIX в., когда многие русские ученые были избраны в члены Академии наук, а в регламенте (1803) было записано, что при выборах в члены Академии «при равных достоинствах ученый российский предпочитается иноземцу» [1, Старостин, с. 286], фактически мало что изменилось, а внутри самой Академии существовали «немецкая» и «русская» партии, как и во времена М. В. Ломоносова, и многие ученые продолжали сетовать на засилье «немцев» в русской науке, утверждая, что молодым русским ученым гораздо труднее получить средства на организацию экспедиции, чем иностранцам.

Первые естественнонаучные общества, созданные при университетах в соответствии с уставом 1803 г., по своей организации и ориентации мало отличались от Академии. Так, в 1805 г. при Московском университете по инициативе Г. И. Фишера фон Вальдгейма было организовано Московское общество испытателей природы, в уставе которого были сформулированы следующие цели: «Главный предмет Общества сделать известною естественную историю обширной Российской империи. Особенно стараться оно будет, по возможности, делать открытие в таких произведениях, которые могут составить отрасль торговли для нашего отечества» [5, с. 11]. В этой формулировке подчеркивается ориентация на научное сообщество за пределами России и сугубо практическое направление исследований. Для русского же читателя Общество впоследствии стало издавать упрощенный вариант своих трудов.

Еще около пятидесяти лет должно было пройти, чтобы наконец стало возможным издавать научные труды на русском языке и для русского читателя. Когда в 1863 г. был принят новый устав, предоставивший университетам право «основывать, с надлежащего разрешения, ученые при них общества» [13,

с. 216], первым естественнонаучным обществом, организованным в соответствии с новым уставом, стало Общество любителей естествознания при Московском университете. Свои основные цели оно видело в изучении «губерний Московского учебного округа в естественно-историческом отношении» и в «распространении естествознания в массе публики». Именно это общество, правда после некоторых колебаний, стало издавать свои «Известия» на русском языке. А в декабре 1867 – январе 1868 гг. в Петербурге состоялся Первый съезд русских естествоиспытателей. Русское естественнонаучное сообщество наконец объединилось [18].

В XVIII в. К. Линней сформировал научный подход, ориентированный на изучение сообществ, вводя понятие «система природы» – подход по сути экологический. Однако на Западе даже к началу XIX в. начинание это не нашло своего развития. В России, напротив, И. М. Комов уже в 1788 г. рассматривал лес как сообщество [9, 11].

С середины XIX в. происходит становление экологии как науки. В этом плане известны русские исследователи 1890-х гг. – П. Н. Крылов, И. К. Пачоский, А. Н. Краснов, Г. Н. Высоцкий, С. И. Коржинский. Г. Ф. Морозов, в 1904 г. исследовавший лесные экосистемы, пришел к отрицанию механистического подхода К. Линнея: лес «не есть механическая совокупность деревьев, а сложный организм, все части которого обуславливают друг друга, который живет своей собственной жизнью» (цит. по [4, с. 107–108]).

Социальные мыслители 1860-х гг. отвергали идею «науки ради науки». Наука для них являлась чем-то бóльшим, нежели простое исследование законов природы; отвергая религию, они искали в науке ключ к пониманию мироздания в целом. Более того, наука рассматривалась как инструмент разрушения старого строя, противоядие, способное противостоять официальной идеологии «Православие, Самодержавие, Народность».

Прагматическую по отношению к природе позицию хорошо выразил И. С. Тургенев устами Базарова в романе «Отцы и дети»: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней ра-

ботник». Базаров здесь, по-видимому, цитирует диссертацию Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» – «библию радикалов».

Т. Р. Мальтус считал, что в России производству пищи в достаточном количестве мешает «природа управления и привычки людей». Теория народонаселения Мальтуса была оспорена как русскими радикалами, так и консерваторами, которые возражали против аскетизма и индивидуализма, которые проповедовал ученый. Главным аргументом для опровержения этой теории служили избыток природных ресурсов и вера в прогресс науки и техники (Н. Г. Чернышевский).

После появления теории Ч. Дарвина, использовавшего учение Мальтуса для объяснения происхождения биологических видов и человека, конфликт ценностей стал явным: научная теория эволюции подтверждала ценность развития, но конкуренция как ее механизм явно противоречила православному ценностям. В результате по отношению к дарвинизму выявились четыре позиции: принять теорию полностью (Д. И. Писарев); отвергнуть ее (Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов); попытаться обосновать эволюцию без конкуренции (Н. К. Михайловский, П. А. Кропоткин); наконец, противопоставить природе общество как высшее достижение эволюции, в котором законы конкуренции не действуют (ортодоксальные марксисты). Последняя позиция была впоследствии закреплена советской коммунистической идеологией [39].

Труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», написанный с позиций славянофильства, встретил отрицательную и даже злобную реакцию западников. Западничество доходило до национального нигилизма, охаивания всего русского, что мы видим и в настоящее время. Ученого обвинили в национализме, шовинизме, в том, что он своим трудом поддерживает «имперскую политику царизма».

Не вся аристократия разлагалась. И среди нее были истинные патриоты. Русский историк, академик Петербургской академии наук Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897), единомышленник Н. Я. Данилевского, в работе

«Теория культурно-исторических типов» (1888) писал: «общество (имеется в виду интеллигенция. – А. Е.) представляет собой движущую часть народа, а остальная часть является хранительницей непочатых сил. Благо той стране, которая имеет у себя такое сокровище, – залог будущего развития. Такое сокровище выпало на нашу долю».

К. Ф. Рулье – профессор зоологии Московского университета и его ученики – А. П. Богданов, С. А. Усов и Н. А. Северцев, а также С. А. Маслов – секретарь Московского сельскохозяйственного общества, основываясь на теориях французских эволюционистов Ж.-Б. Ламарка и Ф. Сент-Илера, стали убежденными эволюционистами. В области модернизации экономики и сельского хозяйства они ориентировались на акклиматизацию экзотических растений и животных, создание новых видов при помощи гибридизации и охрану природы. Утверждение, что посредством науки люди смогут сами определять свою судьбу, перестав пассивно полагаться на Бога и царя, вызвало переворот в общественной мысли. Преимущество этих доктрин в России была обеспечена учениками и последователями К. Ф. Рулье, а затем и следующим поколением ученых: Н. Ф. Кащенко, В. Л. Комаров, П. А. Мантейфель, Н. М. Кулагин.

Одно из первых предложений по акклиматизации представителя экзотической фауны появилось в 1915 г. (Н. А. Смирнов) – североамериканская ондатра, которая могла бы довольно быстро превратить «бесплодные» болотистые пространства Русского Севера в доходный источник высококачественных, годных на экспорт мехов. В условиях военного времени это начинание не встретило поддержки, но впоследствии, при советской власти, распространение получило.

Сильное англо-американское влияние отмечалось в геологии. Представление о человеке как о новой мощной геологической силе впервые прозвучало в «Основах геологии» Ч. Лайеля и было развито в работе Д. П. Марша «Человек и природа» (русское издание, 1866). Д. П. Марш, кроме восхваления идей Ф. Бэкона, однако, приводил систематизирован-

ное описание ущерба, уже нанесенного человеком природе, с указанием его конкретных причин.

В науке и в обществе возникает представление о том, что человечество само по себе является мощной эволюционной силой. Эта идея сильно захватила русских натуралистов – особенно «прогрессивных» приверженцев московской школы. Открывалась возможность управлять происходящими в природе процессами. Цитируя английского натуралиста и теолога Генри Драммонда, Н. Ф. Кащенко писал: «Отныне человек должен заботиться об эволюции точно так же, как до сих пор был на ее попечении. Отныне его отбор должен встать на место отбора естественного; его суждение должно руководить борьбой за жизнь; его воля должна определять для каждого растения на Земле, должно ли оно цвести или блекнуть, для каждого животного – должно ли оно вырастать, или изменяться, или вымереть...» (Кащенко Н. Ф. Развитие человеческого господства над организованной природой // Естествознание и география, 1898, № 1). Ему же принадлежат слова: «Люди должны теперь руководить эволюцией».

Хотя Н. Ф. Кащенко допускал, что эта могучая сила может быть использована человеком неразумно, он был полон оптимизма относительно идеи господства человека над природой. Выражая научный энтузиазм эпохи, он говорил о задаче, достойной человека, основой решения которой будет «целесообразность», люди станут творцами видов и заменят разумом слепые силы природы.

Другие ученые также придерживались этого мнения: господство над природой – условие выживания самого человечества. Народник И. Д. Лукашевич, геолог по образованию, задавался вопросом: способен ли человек подчинить себе силы, управляющие эволюцией растений и животных, или он, подобно своим предшественникам, сойдет с исторической арены, так и не решив проблемы выживания? «Если уже в настоящее время человек занял почетное место в природе среди других геологических факторов, то в будущем для его гения раскрываются необъятные горизонты... Силы людей будут направле-

ны не на взаимную борьбу, а на переработку внешней природы сообразно нуждам человечества» (1911, цит. по [4, с. 22]).

Идеи эти фактически тождественны русскому космизму. Тезисы Н. Ф. Федорова: «Природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою»; «Повиноваться природе для разумного существа – значит управлять ею, неразумною силою, ибо природа в разумных существах приобрела себе главу и правителя». Налицо пантеизм, логично ведущий к сатанизму, – аналог халдейского мировоззрения и иудаизма. Источник везде наблюдается один и тот же...

Но одновременно с этим возникают и мысли о деградации природы. Даже Ф. Энгельс утверждал: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [23, с. 495–496].

Вред, нанесенный лесам, растительному покрову в целом и животному миру, явившийся следствием хищнического ведения развивавшегося капиталистического хозяйства, постепенно был осознан как в России, так и за ее пределами. Все больше ученых и общественных деятелей были обеспокоены разрушением природы, и наиболее квалифицированные специалисты стали активно выступать за ее охрану. Было доказано, что хищническое отношение к природе влечет за собой отрицательные, трудно предсказуемые последствия. Сознание того, что природу следует не только охранять на отдельных ее участках, но и в целом правильно использовать природные богатства, пришло позднее. Однако уже в конце XIX в. появились первые заповедники, заказники и национальные парки, которые заложили основу охране природы [51].

С 1850-х гг. в России отмечено постепенное исчезновение дичи – об этом пишут в журналах Императорского российского общества акклиматизации животных и растений и различных охотничьих обществ.

С 1880-х гг. многих стало беспокоить сведение лесов. Согласно генеральным топографическим картам России, с 1775 по 1880 гг. в центральных и южных районах европейской части России площадь лесов уменьшилась как минимум на 25% [21].

Государство и общественность предпринимает усилия по выходу из кризиса. С проектом коренного преобразования сельского хозяйства выступил основоположник почвоведения, выдающийся русский ученый В. В. Докучаев (1846–1903). Он писал, что русское сельское хозяйство оказалось в «надорванном, надломленном состоянии», потому что стало базироваться не на местных физико-географических, исторических и экономических условиях, а уподобилось азартной биржевой игре: выпадает счастливый год – будет хлеб, наступает засуха – значит снова неурожай. Император Александр III дает высочайшее соизволение на проведение работ, предложенных В. В. Докучаевым по реставрации черноземной степи. Классики русской агрономической науки разработали комплекс мер по борьбе с засухой и эрозией почвы. Предлагалось в районах засушливых и с неровным рельефом местности регулировать местный сток, создавать систему полезащитных лесополос и ряды живых изгородей, сажать леса на водоразделах, по берегам рек и водоемов, обсаживать лесом овраги и балки, устраивать пруды. Предусматривалась выработка норм, определяющих оптимальные соотношения площадей, отводимых под пашни, луга, искусственные лесонасаждения, пруды.

В. В. Докучаев лично возглавил особую экспедицию Лесного департамента в юго-восточные степи: «Мы попытаемся реставрировать наши черноземные степи – эту общепризнанную житницу России, которая, к величайшему сожалению, оказалась пустой в самое нужное и тяжелое для нас время». Экспедиция была организована для решения конкретных задач: жестокая засуха и голод. Министерство сельского хозяйства обратилось к ученому с просьбой выяснить, что можно сделать. Докучаев считал, что замена дикой степи возделанными полями серьезно нарушит экологическое равновесие – целостность природной системы – и резко снизит способ-

ность почвы впитывать и накапливать влагу. Он предлагал положить в основу степного сельского хозяйства использование естественных лугово-пастбищных угодий, оберегая всю сохранившуюся дикую степь и восстанавливая утраченную. Важную роль в этом должны были играть охраняемые территории (Докучаев В. В. Труды экспедиции, снаряженной Лесным департаментом... СПб., 1895). Одна из таких территорий была создана на Велико-Анадольском участке степи коллегой Докучаева Г. Н. Высоцким.

Несмотря на трудности, В. В. Докучаевым и его последователями было много сделано в практическом плане. Россия XIX и начала XX вв. стала одной из ведущих держав в области лесоразведения. Землевладельцу или крестьянской общине, сумевшим взрастить и сохранить 50 десятин леса (около 55 га), присуждались золотая медаль и пятисотрублевый приз.

Становятся понятными слова К. Н. Леонтьева: **«Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе»** (цит. по [33, с. 65]). Ориентация в науке исключительно на идеологию (эволюционизм) и на практическую «полезность» чревата тяжелейшими последствиями.

Великие русские писатели конца XIX, начала XX вв., естественно еще не располагая полномасштабными фактическими данными по загрязнению окружающей среды, уже правильно оценивали духовную суть происходящего и предвидели (возможно, первые!) все последствия научно-технического прогресса. Природа и отношение к ней человека всегда играли традиционно важную роль в творчестве русских писателей: можно выделить в этом плане наследие С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, И. А. Бунина.

В рассказе А. П. Чехова «Случай из практики» выражена, пожалуй, главная мысль о промышленном производстве: «...чудовище с багровыми глазами, сам дьявол, который владел тут и хозяевами и рабочими и обманывал и тех и других», и далее там же: «Главный же, для кого здесь все делается, — это дьявол».

У А. И. Куприна в известном рассказе «Молох» подчеркнута еще одна важная мысль – технический прогресс, кроме прочих его «достоинств», неизмеримо ускоряет темп жизни: «...мы, инженеры и изобретатели, своими открытиями ускоряем пульс общественной жизни до горячечной скорости <...> Телеграф, телефон, стодвадцативерстные поезда <...> сократили расстояние до minimum'a, – уничтожили его <...> Но уж и эта чертовская скорость не удовлетворяет нашему нетерпению... Скоро мы будем видеть друг друга по проволоке на расстоянии сотен и тысяч верст! <...> А между тем всего пятьдесят лет тому назад наши предки, собираясь из деревни в губернию, не спеша служили молебен <...> И мы несемся сломя голову вперед и вперед, оглушенные грохотом и треском чудовищных машин, одуревшие от этой бешеной скачки, с раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новых болезней...» Строки эти написаны в 1896 г.!

Бессмысленность капиталистического образа жизни и миропонимания блестяще показана И. А. Буниным в его рассказе «Господин из Сан-Франциско».

А. П. Чехов устами доктора Астрова говорит, что рубить леса из нужды можно, но пора перестать истреблять их, «русские леса трещат под топором... опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Надо быть безрассудным варваром, чтобы... разрушать то, чего не можем создать» (Чехов А. П. Дядя Ваня). Экологические мотивы обнаруживаются и в ряде чеховских рассказов, например, «Свирель» (1887 г.). В словах глубоко верующего пастуха Луки скрыты мысли о природной гармонии, разрушаемой неразумным хозяйствованием, и даже о неизбежности глобального кризиса: «Жалко! <...> Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падет, и то жалость берет, а каково, добрый человек, глядеть, коли весь мир идет прахом? Сколько добра, Господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари – все ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до

дела доведено и свое место знает. И всему этому пропадать надо!» По мысли литературоведа В. Б. Шкловского, ведущая для Чехова тема – человек в мире, им же истребляемом.

Но были в литературе и иные тенденции. «Идеалистически-упадническим» настроениям еще задолго до революции противостояли иные, сугубо материалистические тенденции, получившие особо яркое развитие в творчестве М. Горького и его весьма многочисленных последователей, для которых характерно убеждение во всемогуществе и величии человека, подлинного властелина природы.

В известной пьесе М. Горького «На дне» и написанной тогда же (1902) прозаической поэме «Человек» прозвучал во всю силу своего рода гимн «геооптимизму» (выражение Горького из его переписки с М. Н. Пришвиным).

Даже Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко критически восприняли поэму М. Горького «Человек», увидев в ней признаки нищезанятия и культа собственной личности. Однако высказанные в начале века убеждения во всевластии человека над природой М. Горький сохранил до конца жизни. Вероятно, он черпал их не только от Ницше и Н. Ф. Федорова (Горький в 1920-х гг. цитировал его слова о том, что свобода людей без власти над природой то же самое, что освобождение крестьян без земли), но и, возможно, из приключенческой литературы, прежде всего столь популярных тогда романов Жюль Верна [40]. «Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга. «Мое оружие – мысль... Для мысли нет твердынь несокрушимых и нет святых незыблемых ни на земле, ни в небе! Все создается ею, и это дает святое, неотъемлемое право разрушить все, что может помешать свободе ее роста... Все в Человеке, все для Человека!» В черновых вариантах поэмы были строки: «Нет! Буду я земли моей владыкой!»

Кто же говорит эти слова – «человек, это звучит гордо!»? Да Сатин – спившийся и опустившийся люмпен, принципиально не желающий работать. Весьма характерно – уж если такой типаж так говорит, что же тогда ждать от иных, преуспевших в

жизни. Воистину Горький, как крупный художник, уловил эту тонкость, вероятно, сам не подозревая того.

В противовес этому звучат слова А. П. Чехова: «Пока нет густого населения, сильна и непобедима тайга, и фраза: “Человек есть царь природы” – нигде не звучит так робко и фальшиво, как здесь» (Чехов А. П.. Из Сибири). Хотя он же, говоря о неурожайном и голодном годе, отмечает стойкость русского человека: «...нет такого бедствия, которое могло бы победить этих людей...» (Чехов А. П. Жена). Но в этом случае речь идет совсем о другом.

* * *

Различного рода указы и постановления в области лесного хозяйства впервые были собраны вместе при составлении Свода Законов в 1832 г. и именовались «Свод Устава Лесного». Документ переиздавался в 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 гг. Но при всех изданиях Устав по существу своему не подвергался каким-либо внутренним изменениям и переработке. Таким образом, даже в 1916 г. некоторые его статьи основывались на таких уже устаревших узаконениях, как Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.

Более или менее регулярное искусственное возобновление лесов в центральной России начинается с середины XIX в. Лесной Устав закрепил порядок приобретения и пользования лесами различных категорий. Леса казенных селений делились на две категории: приобретенные покупкой на имя мирского общества и предоставленные казной. Леса, приобретенные мирским обществом покупкой, состояли в его распоряжении на правах собственности. Казенные леса, предоставленные казной казенным селениям, назывались крестьянскими.

Для обеспечения казенных селений дровяным и строевым лесом палата государственных имуществ отдавала распоряжение об отводе им из крестьянских лесов особых временных участков. Получать бесплатно лес для домашних нужд могли только те селения, которым они принадлежали.

Отмечалось, что для обеспечения крестьян лесными материалами на хозяйственные нужды палата государственных имуществ «прилагает старание о выделе сельским обществам в их заведение и управление податных лесных участков». При этом через окружных начальников осуществлялся контроль за тем, чтобы сельские общества оберегали отведенные им лесные участки и пользовались ими на основании установленных правил. При нарушении этих правил волостные и сельские лесные начальники предавались суду, а крестьяне подвергались установленным за это взысканиям и наказаниям.

В законодательном порядке был урегулирован вопрос о выделении нуждающимся крестьянам необходимых участков земли. Например, если казенные селения испытывали недостаток в пахотной или сенокосной земле, а под лесными угодьями находилось при этом более половины пропорции, то палата государственных имуществ, в случае просьбы государственных крестьян разрешить им расчистку леса под пашни и сенокосы на основании составленного плана, испрашивала согласие начальника губернии на «приведение сей меры в исполнение».

Приведенные правила не распространялись на Архангельскую и Вологодскую губернии, в «коих дозволяется свободная расчистка лесов на основании:

1. Крестьянин, желающий произвести расчистку, должен предварительно испросить о том местного лесничего.

2. Местное лесное управление, давая дозволение, наблюдает неослабно, дабы расчистки с краю лесов и преимущественно в тех дачах, где деревья по роду и качеству своему не могут быть годны к другим важнейшим употреблением, и чтобы под предлогом расчистки не было истребления лесов».

Объективной необходимостью стала потребность проведения комплексных научных исследований использования и охраны лесов северного пространства. Нередко по инициативе и при поддержке императоров организовывались экспедиции российских ученых и специалистов для проведения комплексных исследований природы Севера, в том числе и лесных богатств.

Нередко к исследованиям привлекались иностранные ученые и специалисты. Представлялись сводные обобщающие материалы, которые изучались в Российской академии наук крупными российскими учеными, специалистами. Материалами экспедиций нередко лично интересовались российские императоры и давали по ним свои указания и советы. На основе экспедиционных материалов и для их изучения создавались специальные комиссии, разрабатывались проекты законов, которые после окончательной доработки включались в Свод законов Российской империи.

Особо выдающуюся роль в этом сыграли М. М. Сперанский, Н. Д. Кавелин, Г. Ф. Морозов, И. Я. Фойницкий, С. В. Чичерин, Г. Ф. Шершеневич и другие крупные политические деятели и ученые. Тома VIII–XII Свода законов Российской империи содержат законодательные акты о природопользовании и охране природы в целом, и в том числе по регионам и ресурсам российского Севера.

Основы заповедного дела были заложены именно в России, где впервые было предложено выделять специально охраняемые территории для изучения экологических сообществ. Даже по оценке западных специалистов, «русские были первыми, кто понял, что планирование регионального землепользования и восстановление разрушенных ландшафтов должны строиться на основе экологических исследований» [4]. В настоящее время этими идеями и концепциями руководствуются во многих других странах. Эти же идеи получили международное воплощение в программе биосферных заповедников ЮНЕСКО.

По приказу Александра II Беловежская пушча становится закрытым охотничьим угодьем, организуется охрана зубров специально набранными егерями. Император поддерживает природоохранные инициативы Российского общества акклиматизации; по его распоряжению во владение Общества передается участок земли в Москве на Пресненских прудах, где в 1864 г. открыт первый в России общедоступный зоопарк.

Александр III утвердил Правила об охоте, полностью запрещавшие, в частности, охоту на беловежских зубров. На ру-

беже XIX–XX вв. Россия являлась одним из мировых лидеров в деле охраны природы: в 1888 г. вышел Закон о лесах (Лесной кодекс), в 1892 г. – Закон об охоте.

Лесной кодекс ряд специалистов считает неэффективным (Орлов М. Об основах русского государственного лесного хозяйства. Пг., 1918). Однако с 1887 по 1905 гг. Европейская часть России и Кавказ потеряли всего 4% оставшихся лесов. Вместе с тем ситуация в ряде районов часто оказывалась на грани катастрофы [21]. С 1886 по 1913 гг. добыча соболя, в частности, снизилась со 100 тыс до 35 тыс, а куницы – с 80 тыс до 30 тыс (Макаров В. Н. Охрана природы в СССР. М., 1947).

Наибольший всплеск лесокультурного дела можно отнести к 1890–1914 гг., когда эта практика распространилась на все пространство государственных лесов европейской равнины России. В результате на огромных площадях были созданы культуры, прежде всего «коренных пород» (ели, сосны, дуба). Эти культуры сейчас составляют значительную часть спелых и перестойных насаждений центральной части Восточной Европы, описываемых лесоводами и геоботаниками как «коренные типы леса».

Идеи охраны природы в России получили окончательную поддержку благодаря талантливому немецкому деятелю Гуго Конвенцу, полагавшему, что правильная постановка дела охраны природы возможна лишь тогда, когда идею эту усвоят все граждане и она перестанет быть делом одних лишь ученых. Конвенц еще в 1905 г. добился введения курса по охране природы в немецких лесных вузах и начал издавать в Германии два природоохранных журнала.

С конца XIX в. во многих культурных центрах немало делалось для пропаганды охраны природы (в первую очередь – леса и птиц), хотя подчас это принимало неоязыческий характер. В 1893 г. киевский профессор П. А. Тутковский высказал в прессе предложение использовать славянский языческий культ лесов при проведении лесопосадок: «Культ деревьев, почитание лесов когда-то текли в крови славян и не полностью исчезли из нее и поныне: остается только пре-

образовать его в разумную форму и возродить его как сознательное попечение деревьев». Эту идею с успехом развили в 1898 г. в Харькове, организовав первый в России День древонасаждения. Организаторы природоохранного праздника, среди которых был известный этнограф Н. Ф. Сумцов, особое внимание уделили его привлекательности: «Торжественно обставленный школьный праздник древонасаждения, из года в год повторяемый, имеет целью произвести это желательное впечатление на детей и взрослое население и так расчистить путь для дальнейшей работы в деле распространения в народе лесоразведения». Благодаря харьковчанам Праздник древонасаждения успешно стал проводиться по всей стране, в 1902 г. – уже в 40 городах. К его организации активно подключились церковно-приходские школы. В Полтаве каждое посаженное во время Дня древонасаждения деревце имело табличку с указанием фамилии ребенка, его посадившего. День древонасаждения широко популяризировала местная и лесная печать. Николай II на донесении черниговского губернатора о лесных праздниках начертал: «Желательно, чтобы этот добрый обычай прочно у нас привился». Однако постепенно к 1914 г. праздник сошел на нет, так как был превращен в «обязаловку» [52].

Одним из первых пропагандистов идей природоохранения в школьной среде был русский педагог А. А. Хребтов, служивший до Первой мировой войны в Эстонии инспектором училищ. Он распространял по учителям специальные циркуляры, где советовал, как и что пропагандировать среди школьников. Таким образом, А. А. Хребтов одним из первых стал использовать способ распространения информации при помощи посредников.

В 1912 г. Министерство народного просвещения России предложило попечителям учебных округов рекомендовать учителям низших школ разъяснять ученикам пользу нехищных птиц. Несколько природоохранных брошюр в 1912–1917 гг. выпустила Постоянная природоохранительная комиссия при Русском географическом обществе.

С 1897 по 1914 гг. в петербургской газете «Новое время» выдающийся популяризатор науки профессор Д. Н. Кайгородов вел *фенологическую* страничку. Публикации в основном касались охраны домашних и охотничьих животных, гибели рыб от загрязнения рек, защиты памятников природы, лесов, птиц. Так, по охране птиц с 1870 по 1917 гг. в России было опубликовано около 100 различных книг и статей.

Одна из самых талантливых «экологических» книг прошлого – «Очерки из жизни русской природы» проф. М. Н. Богданова – выдержала в начале нашего века множество изданий, но почти не переиздавалась после 1917 года.

Вместе с тем, – писал в 1914 г. в своем обзоре «Охрана памятников природы в русской литературе» В. И. Талиев, – «...русская общая пресса к вопросу об охране природы во всем его теоретическом значении до сих пор относится в массе как к какому-то академическому вопросу, а если иногда и уделяет ему какое-либо внимание, то лишь мимоходом, без всякого живого сочувствия делу и желания помочь популяризации идеи».

К сожалению, так и не был решен вопрос о создании специального печатного природоохранного органа, о чем говорили еще в 1909 г. В. И. Талиев и И. П. Бородин [52].

Характерная черта природоохранной пропаганды данного периода – участие в ней Православной Церкви. Священники и учителя церковно-приходских школ активно привлекалась к организации Дней древонасаждения. Природоохранные материалы помещались в различных изданиях духовного содержания. На Первом Российском съезде обществ покровительства животным в 1882 г. в Москве было решено: «Отводя одно из наиболее видных мест в ряду прочих мер проповеди духовенства, как чрезвычайно сильному и серьезному средству распространения идей Общества, ввиду огромного влияния на паству пасторов, ксендзов и раввинов, определено обратиться к духовенству с просьбою распространять идеи покровительства в среде прихожан. С этой целью признано полезным составлять и издавать готовые проповеди

для православного духовенства, рассылая их чрез посредство местных архиереев».

Рубеж XIX–XX вв. характеризуется бурным развитием природоохранной деятельности в России, прерванном Второй русской смутой. Природоохранные течения в России этого периода можно подразделить на три направления:

– **утилитарные** (деление видов на «полезные» и «вредные») (Силантьев А. А. Животные, преимущественно звери и птицы, полезные в сельском хозяйстве. Ежегодник Департамента земледелия за 1912 год. СПб., 1913; Силантьев А. А. Охрана зверей и птиц, полезных в сельском хозяйстве. Пг., 1915); «полезность» оценивалась исключительно с позиций очевидной экономической выгоды; правительство было приковано именно этому направлению: закон об охоте 1892 г. разрешал круглогодичный неограниченный отстрел хищников; ученые – сторонники «прогресса» также ориентировались на это направление, но стремились создать земной рай несколько иначе – за счет господства науки над природой;

– **культурно-эстетико-этические** (Талиев В. И. Охраняйте природу. Харьков, 1913; И. П. Бородин – работа «Охрана памятников природы», СПб., 1914); практическая природоохранная деятельность в России в этот период содержит значительный элемент эстетики: двадцатилетние усилия Уральского общества естествоиспытателей, направленные на сохранение Шарашских утесов от разработки там ископаемых, кампания Хортицкого общества охранителей природы, первого в России, по спасению живописных утесов на Днепре;

– **научные** – к началу 1890-х гг. накопленная научная информация послужила основой для создания *фитоценологии* – учения о растительных сообществах и взаимоотношениях растений; в начале XX в. такой подход был вновь предложен Г. А. Кожевниковым (знаменитый доклад «О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы», опубликован в «Трудах Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве»).

Г. А. Кожевников побывал в США и Германии, где ознакомился с природоохранной деятельностью. Несмотря на свое восхищение деятельностью Г. Конвентца, Кожевников был поражен и расстроен открывшимся ему трагическим обстоятельством: как бы энергично ни проводилась природоохранная работа, определенные виды так или иначе оказывались обреченными на вымирание. Общую причину этого он видел в постепенном наступлении цивилизации. Подводя итог европейскому романтически-рациональному природоохранному делу, он писал: «Представьте себе, что в лесу, носившем раньше первобытный характер, проведены широкие просеки и построены дома. На просеках сделаны богатые посадки, много цветущих кустарников, живых изгородей, много таких деревьев, которых прежде в лесу не было. Все это пышно разрослось и служит приютом многочисленным птицам. В лесу запрещено стрелять, и это соблюдается. Целый ряд хищников остается здесь на гнездовьях, гнездятся даже цапли, есть белки, зайцы, даже барсуки и лисицы <...> Получается довольно оживленная картина животной жизни...» Это может показаться настоящей идиллией, но это впечатление обманчиво. Лес лишился значительной части своей исходной сложности. Упрощение экосистемы: «И если мы не примем специальных мер в охране первобытной природы (как фауны, так и флоры), то она исчезнет бесследно и заступившая на ее место измененная культурой природа только обманет нас своим односторонним богатством, затушевав образ исчезнувшего прошлого». Кожевников ратовал за создание заповедников принципиально нового типа, где бы хозяйственная деятельность, в том числе и охотничья, полностью бы исключалась, заповедников с большой территорией и большими буферными зонами, предохраняющими от антропогенного влияния. Возражениями на это служили доводы о якобы чрезмерном в таком случае размножении вредителей. Кожевников возражал, что не природные территории, а именно сельхозугодья служат рассадником вредителей. Ученый справедливо полагал, что не существует полезных и вредных видов.

А. П. Семенов-Тянь-Шанский, сын известного географа, в 1913 г. опубликовал статью «О заповедниках природы» – о необходимости изучения свойств природных сообществ, природной гармонии; условия жизни существуют лишь до тех пор, пока они не разрушены деятельностью человека. Слова «природная гармония» приобрели для него скорее этическое, нежели научное значение.

Вследствие реформ П. А. Столыпина, вызвавших быстрое развитие сельского хозяйства и миграцию населения, любое промедление в создании заповедников могло оказаться губительным.

Хуторское хозяйство оказывало разрушительное действие на природу. Поэтому гибель прежде всего угрожала диким степям России – уникальным экосистемам. Об этом предупреждал еще В. В. Докучаев. Однако попытки создания государственного степного заповедника не увенчались успехом до сего дня.

Десятилетие, предшествовавшее 1917 г. – «золотой век» охраны природы в России.

В 1911 г. Николаем II подписан первый международный природоохранный договор – соглашение между Россией, Канадой, Японией и США о предотвращении вымирания северных морских котиков (Конвенция об охране). Под эгидой Императорского русского географического общества создается Постоянная природоохранная комиссия, с 1912 г. носившая межведомственный характер – участвовали горный и лесной департаменты (основные противники), Министерство иностранных дел, Главное управление землеустройства и земледелия, Министерство императорского двора и уделов, Академия наук и Географическое общество (дружественные ведомства). Идея создания правительственного органа по делам охраны природы, равно как и разработки специального закона, внесена Природоохранной комиссией Русского географического общества еще до 1917 г.

В 1913 г. в Берне открылась первая международная конференция по охране природы, организованная швейцарским

зоологом Саразиным. Россию представляли И. П. Бородин и Г. А. Кожевников [4, с. 37].

Первым охраняемым участком и природным зоопарком в России стала Аскания-Нова, образованная в 1874 г. в бывшем имении Фальцфейна (частный заповедник). Следующим был устроен заповедник на мелких островах Балтийского моря (1910).

В 1916 г. Государственная дума принимает первый закон об охраняемых территориях, предоставлявший Министерству сельского хозяйства право учреждать охотничьи заповедники и управлять ими «для сбережения и размножения» дичи на государственных землях. Тогда же создан Баргузинский охотничий заповедник на восточном берегу Байкала. Это был единственный государственный заповедник. Однако заповедники создавались и раньше: Вайка и Морицсала в Прибалтике – 1911 и 1912 гг., Саянский в Южной Сибири – в 1915 г., не говоря уже о частных заповедниках. Необходимо подчеркнуть, что в это время шла Первая мировая война!

Всего в реестре законов Российской империи с 1649 по 1916 гг. значилось более 600 законодательств, касавшихся охраны природы. К 1917 г. в России было около 30 заповедников (в основном частных или общественных) общей площадью 1 млн десятин (свыше 1 млн га). Начало Второй русской смуты в 1917 г. свело на нет всю деятельность в данном направлении. Многие заповедники были разгромлены и уничтожены в период революции и гражданской войны [32]. Однако уже с 1918 г. большевики начинают издавать декреты природоохранного характера, хотя впоследствии советскому правительству было уже не до охраны природы...

В России предпринимаются меры и по охране природы от антропогенных загрязнений. В 1903 г. газета «Нижегородская биржа» сообщает: «Недавно прибывший в Нижний Новгород генерал-инженер Н. П. Петров образовал особое совещание для разработки и представления на законодательное рассмотрение следующих вопросов: проекта правил об условиях, коим должны быть подчинены перевозка нефтяных то-

варов по каспийско-волжским водным путям и употребление нефтяного топлива на паровых судах, плавающих по означенным путям, для предупреждения загрязнения оных нефтью; предположений об установлении необходимого за применением сих правил надзора» (цит. по [27, с. 120]).

* * *

Важнейшей экологической проблемой становятся города – будущие мегаполисы. В Российской империи были заложены научные, правовые и организационные основы «Санитарного состояния городов» – аналога современного научного направления «экология города». При этом и в коммунистической, и в либеральной пропаганде город или село Российской империи традиционно изображается как скопище грязи и бескультурья – образ, гораздо более напоминающий современные российские поселения.

В отношении самодержавной власти к проблемам городов и градостроительства можно выделить несколько аспектов:

- с 1724 г. проектирование и застройка городов осуществлялась государственной Комиссией строений, функционировавшей под разными названиями вплоть до 1917 г.;
- указы Екатерины II основаны на «пространственном» видении развития государства, освоения, в частности, Сибири путем выбора места строительства городов (фундаментальный закон развития человечества – закон «пространство-время»); с 1926 г. термины «пространство» и «селение» были заменены на военно-топографические «территория» и «населенный пункт», которые не обеспечивают широчайшую сферу правоотношений и управления;
- Российская империя вошла в историю мировой юриспруденции кодификацией ряда новаторских законов; в Своде законов Российской империи акты о городах и их архитектуре были выделены в самостоятель-

ный раздел отрасли права; генеральные планы городов высочайше утверждались и вносились в альбом в статусе графического закона реализации генпланов опорных городов России; к 1913 г. в альбом было занесено 416 городов; этот уникальный прецедент заслуживает внимания не только отечественных, но и иностранных исследователей.

Ввиду безудержной урбанизации Николай II инициировал разработку принципиально нового кодекса и реформу городского управления. В марте 1917 г. намечалось утверждение нового кодекса, который, будь он принят, на 30 лет опередил бы первый в мировой истории подобный документ, разработанный во Франции. В 1917 г. подготовлен указ императора о создании в Харькове (передовом городе в области городского хозяйства) университета градovedения, существовавшего затем при всех системах власти [20]. И все это, повторим, – в условиях военного времени.

Научные прогнозы Д. И. Менделеева в отношении роста могущества России были весьма оптимистичны [24]. Вплоть до 1917 г. Россия имела самые высокие в мире темпы роста населения, причем именно за счет русских, в семьях которых 8–12 человек детей считалось делом естественным.

Но вместо созидания русская интеллигенция откровенно разлагалась. Рубеж XIX–XX вв. так охарактеризован Е. Ю. Кузьминой-Караваевой: «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту – в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура. Мы знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле мы были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества... Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни; мы были в области духа – циничны и нецеломудренны, в жизни – вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революция до революции – так глубоко, беспощадно и губительно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты

бросались в будущее» (Кузьмина-Караваева Е. Ю. // Современные записки, Париж, 1936, № 62).

«Безумны и жалки интеллигенты наши...» (св. прав. о. Иоанн Кронштадтский, цит. по [33, с. 80]).

Невероятно актуально звучат сегодня слова философа Н. А. Бердяева: «Безграничный рост потребностей и рост народонаселения создал капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и означает убыль духа... И если народы хотят возродиться, то им придется вступить на путь аскетического самоограничения и одухотворения хозяйственной жизни... Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, ограничение похоти жизни» [1, с. 102–103].

Не случайно природоохранная деятельность была, кроме прочего, уже тогда проникнута тревогой об утрате именно «человеческого разнообразия», о наступлении цивилизации на «естественного» человека, угрозе мировым культурным ценностям (Кожевников Г. А. Международная охрана природы. М., 1914). Со всей очевидностью эта угроза проявилась уже на рубеже XX–XXI вв.

7.5. Геополитика и предпринимательство

Пока существует Русское государство, никакая революция в Европе и в мире не может иметь успеха.

Ф. Энгельс

В первое десятилетие XX в. Российская империя достигает доселе еще небывалого могущества во всех областях. Современный американский (!) историк Пол Грегори отмечает: «Россия накануне Первой мировой войны была одной из основных экономических держав. Она стояла на четвертом месте среди пяти крупнейших промышленно развитых

стран». Аналогичные выводы были сделаны ранее и русскими исследователями [2, 8].

Это в купе с полной обеспеченностью страны всеми необходимыми природными ресурсами и Самодержавием – единственной естественной формой власти, позволяющей эффективно управлять таким государством, – грозило России страшным искушением мирового господства при весьма заметных тенденциях либерально-потребительского разложения образованной части общества. Господство России на Дальнем Востоке, присоединение Тибета (нейтрализация Китая) и Ирана (выход в Персидский залив), сокрушение Османской империи и захват черноморских проливов – вот геополитические перспективы Империи.

Российская империя как государство владела огромным земельным фондом, в том числе и лесным, в размере 60% всех имеющихся в стране лесов. Лесной экспорт приносил значительные доходы в казну. Большое количество предприятий оборонного комплекса находилось в руках государства. Значительной была доля казны во владении рудниками и металлургическими заводами, капиталоемкими отраслями промышленности. В 1897 г. была организована казенная винная монополия; правительство не только скупало весь произведенный в стране спирт, но и владело крупнейшими винокуренными и ректификационными заводами. Исключительной сферой деятельности государства являлись почтовые и телеграфные услуги.

Исторически сложившиеся в России условия – самодержавная православная монархия и православный менталитет основной массы населения – безусловно формировали и специфический тип предпринимателя. Помимо профессиональных черт, таких как инициатива и предприимчивость, он имел и особые национальные черты. Н. А. Бердяев писал: «Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговееет перед святостью и ищет спасение у святых и их посредников. Это даже нельзя назвать лицемерием. Это – веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь. Европейский буржуа наживается и обогащается

с сознанием своего большого совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели. Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешным и немного презирает буржуазные добродетели» [1, с. 70–71]. Библейское утверждение о том, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24), воспринималось на Руси весьма категорично. Купцы, занимавшиеся торговлей и обогащавшиеся на ней, ставили на свои деньги храмы, замаливая грехи.

В России интенсивно развивается капитализм. Но православные устои русской жизни сдерживают негативные процессы: ни одной крупной династии капиталистов и промышленников среди православных не возникает, в лучшем случае это 2–3 поколения, а затем или разорение вследствие пожертвований на благотворительность, помощи в развитии культуры и искусства, или – нравственная деградация. Картина вырождения купечества представлена в исторической повести С. Т. Морозова, приписывающего своему деду следующее суждение: «О какой крепости устоев можно говорить ныне. Ведь почти в каждой купеческой семье – скандальные истории. Ежели дед и отец – серьезные люди, то внук уж обязательно мот, лошадиник, цыганский угодник. Быстрое вырождение в среде буржуазии отмечается и в Американских штатах. Есть в этом, видимо, какая-то социальная закономерность». В купеческих семьях процент страдающих душевными расстройствами был значительно выше обычного. Семья С. Т. Морозова служит тому примером. Был болен брат Саввы Тимофеевича, да и сам он покончил жизнь самоубийством [26, с. 87, 101].

Традиции истинно православных русских предпринимателей, сформулированные основателем Прохоровской Трехгорной мануфактуры Т. В. Прохоровым (1797–1854), хорошо известны – поставить капитал на службу высоким духовным целям, провозглашаемым и утверждаемым православной верой, и употреблять его на сохранение и приумножение своего народа: «Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется нравственно, духовно;

когда он делится с другим, приходит на помощь». Прохоров настаивал на том, что помощь ближнему должна быть конкретна: «Благотворительность совершенно необходима человеку, но она должна быть непременно целесообразна, серьезна. Нужно знать, кому дать, сколько нужно дать. Ввиду этого необходимо посещать жилища бедных, помогать каждому, в чем он нуждается: работой, советом, деньгами, лекарствами, больницей и пр., и пр. Наградою делающему добро человеку должно служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет “в Боге”» [34].

Осознание греховности богатства вызывало в качестве ответной реакции необычайных масштабов благотворительность. К 1913 г. пожертвования династии Бахрушиных составили 3,4 млн рублей, Третьяковых – 3,1 млн, А. К. Медниковой и К. Т. Солдатенкова – более 2 млн рублей, Г. Г. Солодовникова – свыше 10 млн рублей. В стране насчитывалось 4762 благотворительных общества и 6278 благотворительных заведений, содержание которых на 75% оплачивалось из средств частных лиц купеческого звания. Это только цифры. Но за ними – Третьяковская галерея, Щукинский и Морозовский музей современной французской живописи, собрание икон С. П. Рябушинского, Театральный музей А. А. Бахрушина, частная опера С. И. Мамонтова, опера С. И. Зимина, Художественный театр К. С. Станиславского (Алексеева), равно как и С. Т. Морозова и Н. Л. Тарасова, Клинический городок в Москве, созданный в основном семьей Морозовых [28, с. 25].

Широко известные купеческие фамилии прославили себя меценатством и благотворительностью, внесли весомый вклад в культуру России Серебряного века. Но: «Это было обратной стороной медали, той медали, которую русское купечество могло бы получить за свои заслуги в деле культуры и благотворения. Купеческая среда слишком переплеталась, в особенности в последнее время (начало XX в. – А. Е.), с интеллигенцией. Во многих проявлениях своей жизни – и в домашнем укладе, и в городской общественной деятельности среда эта шла часто «интеллигентным» путем. Поэтому, *ког-*

да случилась “буржуазная” революция, буржуазии, в сущности, не было, во всяком случае, не было группы, которая имела бы свою идеологию и знала бы свои права, и прежде всего свои обязанности» [3, с. 249]. Имеется в виду «буржуазия», конечно, в сугубо западном понимании, и не согласиться с этим нельзя.

Принципиальное отличие русских капиталистов от западных отмечает А. П. Чехов в повести «Три года», описывая жизнь миллионера Лаптева, а также в рассказе «Пьяные», где фабрикант Фролов и его адвокат Альмер кутят в ресторане: второй из них с аппетитом ест, не забыв проверить представленный счет, а первый страдает: «на то я и богатый, чтоб меня грабили»; он не может смириться с наличием богатства, противоречащего православным устоям.

Замечательный русский педагог конца XIX в. С. А. Рачинский приводит факт разительного отличия идеалов русского и французского ребенка. Тогда как парижским детям нужен в будущем только честный труд и скромный достаток, дети смоленских крестьян выразили иное желание: получить кусок земли, отречься от него в пользу бедных и уйти в монастырь. Таковы алкания русской души – отвержение себя, жизнь в Боге и для Бога. Таковы и пути многих русских подвижников, раздавших имения свои и ушедших подвизаться в пустыни и монастыри, чтобы добыть себе сокровища нетленные и некрадомые.

Человек, занимавшийся торговлей, в полной мере испытывал двойственность своего положения и подвергался, помимо внутреннего, мощному общественному давлению социально-психологического плана. Как правило, большинство предпринимателей были выходцами из низших социальных групп, что давало повод аристократам относиться к ним пренебрежительно: «Как это ни покажется странным, до самой революции в некоторых частях так называемого “высшего общества” и крупного чиновничества было необычайно презрительное отношение не только к торгово-промышленным деятелям, в огромном большинстве не дворянам и часто недавним выходцам из крепостного крестьянства, но и к самой про-

мышленности и торговле» [3, с. 296–297]. Чтобы представить себе отношение к предпринимателям, стоит вспомнить пьесу А. П. Чехова «Вишневый сад».

Для сравнения отметим, что даже в США (!) периода конца XIX – начала XX вв. бытовало презрительное отношение американской «аристократии» к профессиональным коммерсантам, биржевым дельцам и т.п. [15].

Эту «странность» пытался объяснить С. И. Тимашев, стоявший с 1903 по 1915 год во главе Министерства торговли и промышленности. Среди причин, помешавших ему добиться в этой должности поставленных целей, он называет «непонимание у нас значения торгово-промышленной деятельности и даже враждебное к ней отношение».

За предпринимателями, нажившими капиталы в сфере промышленности и торговли, рядовой обыватель не признавал права на богатство, видя в этом определенный криминал. Так, о новом особняке С. Т. Морозова на Спиридоновке, построенном на месте усадьбы господ Аксаковых, а еще раньше принадлежавшем поэту И. И. Дмитриеву, ходила по Москве эпиграмма [26, с. 36]:

Сей замок навевает много дум.
И прошлого невольно станет жалко.
Там, где царил когда-то русский ум,
Теперь царит фабричная смекалка.

Старообрядцы составляют порядка 60% от числа русских предпринимателей, на практике подтверждая свой новый менталитет вопреки собственному названию. Здесь был весьма силен дух корпоративности, что позволяло эффективнее действовать в сфере промышленности и торговли.

Примером такой организации служат, кроме старообрядческих купеческих фамилий, также торговые организации иудеев и мусульман. В этом случае «религиозные и традиционные нормы компенсировали отсутствие предпринимательской этики, регламентируя все стороны жизни эт-

но-конфессиональной группы» (либеральная формулировка) [16]. При этом «правила игры» (именно «игры», но не «жизни»), партнерские отношения не распространялись на представителей «внешнего мира». Такого рода отношения были совершенно очевидны для остальных представителей российского общества.

Когда купечество выступило против выселения иудеев, ссылаясь на негативные экономические последствия этого шага, газета «Новое время» опубликовала статью: «Московские купчики удивительно обнаглели. В последнее десятилетие всевозможных поблажек, что им делает правительство, они совсем избалованы слабостью и великодушием власти. Привыкнув обирать казну, они начали уже пытаться командовать ею...» [3, с. 297]. В газетах этого направления появлялись требования отобрать у промышленников их фабрики и заводы, если они будут идти по пути сочувствия врагам веры Христовой [16].

Значительная доля государства в хозяйстве страны, в отличие от Западной Европы, приводила к ситуации, когда частно-предпринимательские интересы находились в прямой зависимости от госсектора, тесно с ним переплетались, а зачастую подавлялись им. Положительный аспект этого факта отмечен нами выше. Но имелась и существенная отрицательная сторона – ведь такое положение вещей вызывало ответную реакцию, ставило частных предпринимателей в оппозицию государству. С. Т. Морозов, рисуя портрет своего деда, отмечал: «Морозов – мануфактур-советник по чину – был протестантом, фрондером по складу характера» [26, с. 55]. С. Николаев, описывая образ предпринимателя начала XX в., отмечает: «Они не боялись революции, уверенные, что она будет работать на них. Они симпатизировали идейным социалистам, сходясь с ними в непримиримой вражде к монархии. Они были полны решимости двинуть колесо истории по накатанному маршруту европейских буржуазных демократий, не очень-то заботясь об извечном российском бездорожье и непредсказуемости национального характера» [28, с. 25].

Оппозиция государству давала «моральное право» «деловому человеку» пренебрегать правилами, выработанными государством, – иными словами, предавать Православие. С другой стороны, «всеобщность» государственного хозяйства позволяла многим видеть в нем «свою» долю и при удобном случае изъять ее. Такая позиция, исходя из противопоставления сторон, не считалась аморальной. Частный предприниматель при возможности обогащался за счет государства, используя неповоротливость его гигантского механизма, и основным источником «первоначального накопления» капитала подчас становилась казна. Эта «традиция», как отмечают и современные исследователи, настолько сильна, что перекачка средств от государства к частнику в 1920-е гг. и «накопление» современного периода происходят по этой же схеме [16].

Психологию предпринимателей пореформенного периода хорошо иллюстрируют слова И. А. Вышнеградского: «Ну, батюшка, да казна же на то и создана, чтобы воровать у ней. Кто же ее не обворовывает?» Один из крупнейших железнодорожных дельцов России П. Г. Дервиз писал: «Я пришел к убеждению, что в России не может быть того честного и способного человека, который не соблазнился легкой возможностью поживиться за счет казны». Такого рода откровения особенно убедительно звучат из уст человека, связанного с железнодорожным строительством, которое, как известно, являлось одним из самых прибыльных каналов обогащения. Тот же П. Г. Дервиз в письме К. П. Победоносцеву признавался, что «...приходится краснеть перед моими детьми при мысли, что я принадлежал к той же сфере, в которой ныне видят вертеп разбойников» [19, с. 49, 57–58].

Помимо железнодорожных заказов государственные средства попадали в частные руки благодаря откупам, кредитам, льготному налогообложению. Эти мероприятия распространялись на крупных предпринимателей, и заинтересованность чиновников в продвижении дела «благодетеля» была очевидна. При такой системе процветали взяточничество и коррупция. Льготы получали отдельные группировки,

имеющие наиболее мощное лобби при дворе. Способы «поддержки» варьировались в зависимости от обстоятельств. Среди основных: искусственное ограничение конкуренции путем законодательных и административных актов или путем создания привилегированного положения предприятиям, прежде всего обеспечение вне рыночного сбыта продукции (казенные заказы); завышение цен и явные или скрытые субсидии; обеспечение предприятий необходимыми капиталами. Соображения экономической эффективности в выборе объекта субсидий не играли существенной роли [7, с. 398–399, 403]. Все это способствовало потребительскому отношению к государству.

Ситуация в России начала XX в. метко охарактеризована свт. митрополитом Макарием (Невским): «Мы как бы забыли старый урок. Опять у нас началось такое же отступничество и опять подражание народам Европы. Прежний атеизм (безбожие) заменился нигилизмом (отрицанием всего). Мы страдаем от тайных обществ социалистов, анархистов. Наше молодое поколение, а иногда люди не первой молодости, даже с сединами мудрости на голове, готовы гоняться за всяким новоявленным учителем <...> Между простым народом и так называемым образованным обществом опять образовалась пропасть, препятствующая им сблизиться между собой. Одни желают остаться истинно русскими по вере, по преданности царю и по любви к своему народу, к старым обычаям. Другие все это променивают на взятое ими от Запада, на их безверие, на их нравы и обычаи, начиная от покрова одежд до переустройства порядка государственной жизни».

В таком состоянии Россия вошла в XX в., когда неслыханный подъем могущества государства, благосостояния общества и неслыханное же до того времени нравственное разложение элиты поставили ее на край катастрофы.

Тщетны увещевания свт. митрополита Макария (Невского): «Братие возлюбленные! Нам ли бы так беспечно вести себя, как беспечны мы теперь? Нам ли бы веселиться, пиршествовать, скакать и смеяться, как делается у нас <...>?».

Попадание в зону действия сильнейшей положительной обратной связи – пожалуй сильнейшей за всю историю – угрожало потерей духовного равновесия – страшным нравственным разложением суперэтнуса с последующей невозможностью выполнения своей роли «Удерживающего». Божественным Промыслом было суждено иначе... Россия попадает в зону действия отрицательной обратной связи, которая, как известно, стремится вернуть систему в состояние равновесия: **«Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает»** (Евр. 12, 6) – к сказанному более добавить нечего.

17(30) июля 1903 г. в Сарове начинаются торжества прославления преподобного Серафима Саровского, а в Брюсселе в этот же день открывается II съезд РСДРП... «Для всех очевидно, что Царство русское колеблется, шатается, близко к падению» (св. прав. о. Иоанн Кронштадтский, 1907, Второе Приш. С. 79).

Первая Мировая война провоцируется масонами с целью уничтожения России и европейских монархий, препятствующих достижению мирового господства. Война не принесла успехов никому, кроме транснационального финансового капитала, контролируемого сионистами.

Николаю II и государству изменили ряд великих князей, высших военачальников и большая часть безбожной интеллигенции; в совокупности эти люди составляли ничтожную часть русского народа, духовно давно от него оторванную, где около 80% населения было крестьянским. Первопричиной русской трагедии XX в. стало разрушение религиозно-нравственного самосознания, ориентация на чисто материальные блага жизни, на хилиазм.

Русские люди в массе своей оказались не готовы к такому резкому повороту событий, как отречение Государя, и просто не знали о его фактически насильственном характере. Значительная часть народа, обманутая масонской пропагандой Временного правительства и большевиков, находилась в полной растерянности.

Об этом хорошо сказал Максимилиан Волошин в поэме «Россия»:

До Мартобря (его предвидел Гоголь)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата:
Была земля, купцы, да голытьба,
Чиновники, дворяне, да крестьяне...
Да выли ветры, да орал сохой поля
Доисторический Микула...
Один поверил в то, что он буржуй,
Другой себя сознал, как пролетарий,
И началась кровавая игра.

В результате произошедших в начале XX в. событий произошло **упрощение мировой цивилизационной системы**. К этому сложились все предпосылки: гибель Российской и Китайской империй, моральная деградация Западной Европы, рост могущества США, бурное развитие техносферы, дающее огромные возможности идеологического управления массами: рост скорости связи, передвижения и передачи информации.

Литература:

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Париж, 1971.
2. Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II 1894–1917. В цифрах и фактах. Минск: Полымя, 1991 (по 2-му изд.: Нью-Йорк, 1968).
3. Бурьшкин П. А. Москва купеческая. Мемуары. М., 1991.
4. Вайнер (Уинер) Д. Экология в Советской России. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
5. Варсанюфьева В. А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М.: Изд-во Московского университета, 1955.

6. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Айрис-Пресс, 2002.
7. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М., 1960.
8. Грегори Пол Р. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): **новые подсчеты и оценки**. М.: РОССПЭН, 2003.
9. Гурьянов В. П. Иван Михайлович Комов, его жизнь и деятельность. М., 1953.
10. Дикарева Т. В. Реки малой Родины // В кн.: Российское Нечерноземье: вчера, сегодня, завтра. VII научная конференция «Человек и природа – проблемы СЕИ». М.: 2003.
11. Дохман Г. И. История геоботаники в России. М., 1973.
12. Забегайло О. Н. Духовное понимание истории. М.: Серебряные нити, 2009.
13. История Московского университета. Т. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1955.
14. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.
15. Кент Рокуэлл. Это я, Господи. Автобиография Рокуэлла Кента. М., 1965.
16. Килин А. П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох (опыт социально-психологического анализа) // В кн.: Социоестественная история. Вып. IX. Билль о правах человека и природы. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
17. Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
18. Кривошеина Г. Изучение природных ресурсов и национальная самоидентификация науки в России. Природа и самоорганизация общества // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Московский лицей, 2002.

19. Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.). М., 1974.
20. Лола А. М. Экология городов России: реальности, катарсис (очищение) городской культуры. Будет ли выход из экологического и духовного кризиса? // В кн.: Православие, экология, нравственность. Сб. тр. XII Международных образовательных Рождественских чтений. М., 2004.
21. Максимов А. А. История развития сельскохозяйственного ландшафта в лесной зоне Европейской части СССР // В кн.: Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», вып. 7, 1962.
22. Марков С. Н. Летопись Аляски. М.: Русский центр «Пересвет», 1991.
23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 20. М., Госполитиздат, 1961.
24. Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-Пресс, 2002.
25. Митрополит Кирилл (Гундяев). Слово пастыря. М., 2004.
26. Морозов С. Т. Дед умер молодым. Повесть. М., 1984.
27. Нефть России, 2003, № 3. С. 120.
28. Николаев С. Посвящается тринадцатому году // Огонек, декабрь 1993.
29. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. Указ о вольности дворянства // В кн.: Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. М, 1999.
30. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
31. Пушкин А. С. История Петра. Подготовительные тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
32. Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М., 1978.
33. Россия перед Вторым Пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии). М.: Родник, 1994.
34. Русский Вестник, 2004, № 13. С. 14.

35. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000.
36. Старостин Б. А. Петербургская академия наук в поисках национальной самоидентификации // В кн.: Российская академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999.
37. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1991–1992.
38. Чефранова Н. А. Охрана природы в эпоху Петра Великого // В кн.: Бюлл. «Охрана природы и заповедное дело в СССР», вып. 6, 1960.
39. Шабад Л. В. Окружающая среда и развитие в русской традиции // В кн.: Социоестественная история. Вып. XII. Ландшафт и этнос. Под редакцией Э. С. Кульпина. М., 1999.
40. Штильмарк Ф. Р. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе // Гуманитарный экологический журнал. 1999. Т. 1. Вып. 2. С. 25–37.
41. Rice J. L. The memoirs of A. T. Bolotov and Russian Literary History // В кн.: **Russian literature in the age of Catherine the Great**. Oxford, 1976.
42. Рерих. Н. К. Памяти Марии Тенишевой [Электронный ресурс] // Проект «Собрание классики» Библиотеки Мошкова. – Электрон. дан. – [М.], 12.2010. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tenishewa_m_k/text_0020.shtml, свободный. – Загл. с экрана.
43. <http://go.mail.ru/search?iql=1&utf8in=1&fr=oqtb&q=Garde ner.ru> (12.2010).
44. Ковалев-Случевский К. 34780 прожитых дней. А. Т. Болотов [Электронный ресурс] // Константин Ковалев-Случевский: библиотека-мастерская писателя. – Электрон. дан. – [М.], 12.2010. – Режим доступа: <http://www.kkovalev.ru/Bolotov.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
45. Кульпин Э. Феномен России в системе координат социоестественной истории // В кн.: Иное. Хрестоматия нового российского самосознания [Электронный ресурс] //

- Русский журнал. – Электрон. дан. – [М.], 11.2010. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoc/kulpin.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
46. Проблемы сохранения биоразнообразия и принципы организации экологически грамотного лесопользования [Электронный ресурс] // Лесной бюллетень. 1999, № 11. – Электрон. дан. – [М.], 1999. – Режим доступа: <http://www.forest.ru/rus/bulletin/11/1.html>, свободный. – Загл. с экрана.
47. <http://www.bashinform.ru> (12.2010).
48. <http://www.bashvest.ru> (12.2010).
49. <http://www.ufacity.info> (12.2010).
50. Шилов М. Использование местных особенностей в охране природы [Электронный ресурс] // Киевский эколого-культурный центр. – Электрон. дан. – Киев, 2010. – Режим доступа: <http://www.ecoethics.ru/old/b19/706.html>, свободный. – Загл. с экрана.
51. <http://zr.molbiol.ru> (2010).
52. История отечественной мысли и практики природоохранной пропаганды (1850–1965) [Электронный ресурс] // Киевский эколого-культурный центр. – Электрон. дан. – Киев, 12.2010. – Режим доступа: <http://ecoethics.ru/old/b48/200.html>, свободный. – Загл. с экрана.

ГЛАВА 8. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Святая Русь не может погибнуть, но
Великой России больше нет.

*Преподобномученица Великая Княгиня
Елисавета Федоровна, 1917 г.*

8.1. Суть советской власти с православных позиций

Мистическая карикатура на подлинную
Россию в лице СССР.

А. В. Карташев

В 1917–1921 гг. российское общество вошло в состояние крайнего кризиса (бифуркации с позиций синергетики) [42]. Для многих не осталось «ничего святого».

С другой стороны, Россия, приняв в начале XX в. технологическую модель Западной цивилизации, отвергла ее духовные ценности. Навязывание западной либеральной модели натолкнулось на ожесточенное сопротивление. Россия за неполных два десятилетия прошла через три революции. Развал державы, территориальные потери в ходе революции (Финляндия, Польша, Прибалтика, Западные Украина и Молдавия) заставили народ консолидироваться вокруг власти, политика которой более всего способствовала задачам выживания народов, ранее входивших в единый социальный

организм – Российскую империю. Такой властью оказались большевистские Советы.

И. А. Ильин писал по этому поводу: «Русские революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русского населения». Деятели Временного правительства, реализуя либеральные принципы, стимулировали волну сепаратизма на окраинах Российской империи, которые в силу более выгодного географического положения и лучших природных условий хозяйствования безрассудно надеялись самостоятельно решить свои экономические проблемы, провозгласили свою политическую независимость и выход из состава Российского государства. Большевики же, скорее всего также не осознавая значения природного фактора для бытия российского социума, а руководствуясь “идеей мировой революции”, осуществляли политику, направленную на удержание единого российского пространства, имея в виду дальнейшее включение его в мировое государство, фактически способствовали консолидации его народов и образования СССР в границах близких к имперским [24].

Временное правительство, придя к власти в феврале 1917 г., начинает строить демократическую республику по «лучшим западным образцам». Это – период наибольшей «свободы» в России в ее радикал-либеральном понимании: «свобода от...», а не «свобода для...». «Союзники» России в Первой мировой войне шлют поздравления Временному правительству «свободной России, свергнувшей наконец проклятое самодержавие и вступающей в семью свободных демократических государств». Прогрессивный писатель Б. Шоу заявляет: «Наконец мы воюем с чистыми руками! Теперь нам уже не приходится извиняться за союз с Россией...» Временное правительство, как известно, было сформировано задолго до февраля 1917 г.; все его члены состояли в одной масонской ложе «Верховный совет народов России», курируемой «Великим Востоком» Франции.

Установившийся в феврале 1917 г. либерально-демократический режим грозил России страшным искушением достижения мирового господства при духовном разложении элиты общества. Возникла реальность перехода апостасийной роли США к России, стране, полностью обеспеченной энергоресурсами и занимающей огромную, стратегически важную территорию в Евразии. Для Святой Руси это означало бы безоговорочную и окончательную духовную погибель – попадание в зону положительной обратной связи. Однако, по Божию Промыслу, удержать узурпированную власть либеральное крыло масонов оказалось не в состоянии.

Октябрьский переворот выносит на вершину власти большевиков, основная масса Центрального комитета которых явилась носителями наиболее жестокой идеологии масонства и талмудического иудаизма. Совершается ритуальное убийство Царской семьи. Из зоны действия сильнейшей положительной обратной связи Россия переходит в зону столь же сильной отрицательной обратной связи. Совершенное большевиками царевубийство открыло путь в направлении полного отчуждения России и всего человечества от Бога, от биосферы, от естественного бытия, что сразу резко и ярко проявилось во всех аспектах жизни.

Период 1917–1991 гг. являет собой двоякий смысл. С одной стороны – гибель Российской империи, устранение «Удерживающего», с другой – возникновение мощного противовеса Западу в материальной сфере в лице СССР и впоследствии «мировой социалистической системы». Сказанное в очередной раз подтверждает православную мысль о существовании в мире лишь носителей зла, но не самого зла, как некоей субстанции, которую Господь не создавал. Рассмотрим эти аспекты по отдельности.

Отрицательный аспект. Идеология большевизма представляла собой сплав традиций безбожной русской интеллигенции и марксизма, социально-религиозную утопию. Нельзя здесь не вспомнить мысль митрополита Антония Храповицкого – **социализм не есть экономическое учение, но атеистиче-**

ская вавилонская башня. Глубокое убеждение в возможности перестройки природы и господства над ней в экологическом плане ставило целью сорвать покров святости с природы как Божия творения.

Вот только несколько высказываний русских мыслителей по этому поводу: «коммунизм на самом деле является искаженным вариантом европеизма в его разрушении духовных основ и национальной уникальности русского общества, в распространении в нем материалистических критериев, которые фактически правят в Европой, и Америкой...» (Н. С. Трубецкой); «Ложь лежит в основе нравственного пафоса социализма. Ложь эта соблазняет сентиментальных людей. Идеология социализма... враждебна труду духовному... и отрицает творческую природу труда... Материалистический социализм не в силах организовать труд... он разрушает духовные основы труда... Социализм есть восстание материи против духа» [2, с. 202].

«Грех, тяготеющий над нами, – сокровенный корень нашей болезни... Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей... Грех помрачил наш народный разум... Грех разжег пламень страстей, вражду, злобу... Нераскаянный грех вызвал сатану из бездны...

Отложите житейские заботы и попечения и спешите в храмы Божии, чтобы восплакать перед Господом о грехах своих... Пусть каждый из вас попытается очистить свою совесть перед духовным отцом и укрепиться приобщением Животворящего Тела и Крови Христовых. Да омоется вся Русская земля, как живительной росой, слезами покаяния и да процветет снова плодами духа» (Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, 1919 год).

Белое движение, защитив честь России, не смогло ее спасти, поскольку также ориентировалось на духовные ценности либерализма (почему и не получило благословения от патриарха Тихона). Девиз одного из белых генералов: «Хоть с дьяволом, но против большевиков!» («Этот несчастный даже не подозревал, что с дьяволом идти против дьявола невозможно» (архиепископ Троицкий и Сиракузский Аверкий)).

Общеизвестно, как боялись В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий, что Белое движение выдвинет монархические лозунги, но этого не произошло. «Я – республиканец; если в России будет монархия, то мне в России места не будет», – слова генерала Л. Г. Корнилова ставят все на свои места.

В течение первых 25 лет советской власти осуществляется **попытка насаждения сознательного сатанизма** в России. В 1918 г. в Свияжске сооружают памятник «борцу за свободу и предтече мировой революции» – Иуде Искарриоту; предварительные кандидаты на эту честь – сам Люцифер и Каин: «так как оба они были угнетенными, мятежниками, революционерами» (из речи председателя местного Совета на открытии памятника). В 1920-х гг. «посвящение» в комсомольцы происходило, по рассказам очевидцев, следующим образом: «Нас всех, подлежащих посвящению, привели к лесу, где на поляне у опушки разложили костер. Пока мы давали всякие клятвенные обещания, поднимая руку, дело шло, но когда мне велено было три раза перепрыгнуть через огонь и в это время произносить страшное отречение от Бога, я отказалась и ни за что не согласилась, и заявила, что выхожу из комсомола» [20, с. 136].

«Интересная» деталь из биографии М. Н. Тухачевского: в юные годы будущий полководец подпал под влияние московского музыканта Николая Жилиева, имевшего славу «большого чудака». Именно в беседах с Жилиевым Тухачевский стал отстаивать идею уничтожения христианства и восстановления древнего язычества. Уже после Октябрьской революции Тухачевский и Жилиев направили в Совнарком записку с предложением объявить язычество государственной религией РСФСР, которая серьезно обсуждалась народными комиссарами. Тухачевский совместно с Жилиевым составил пародию на литургию, в которой вместо Бога-Отца и Христа поклонение воздавалось Марксу и Ленину [12, с. 20–26; 40].

Попытка реформы календаря в Российской империи провалилась, на заседании комиссии Русского астрономического общества в 1899 г. профессор В. В. Болотов заявил:

«Сам я отмену юлианского стиля в России нахожу отнюдь нежелательною. Я по-прежнему остаюсь решительным почитателем календаря юлианского. Его чрезвычайная простота составляет его научное преимущество перед всякими другими календарями исправленными. Думаю, что культурная миссия России по этому вопросу состоит в том, чтобы еще несколько столетий удержать в жизни юлианский календарь и чрез то облегчить для западных народов возвращение от ненужной никому григорианской реформы к неиспорченному старому стилю» [5]. При советской власти 14.02.1918 г. декретом Совнаркома введен **григорианский календарь** – «новый стиль» за подписью Ленина и Чичерина. Чуть позже (10.10.1918) выходит **декрет о реформе русского правописания**. Цель здесь очевидна – разрушение языка, ведущее к деградации русского народа, и разрушение церковной Пасхалии – когда оказывается «возможным» празднование христианской Пасхи ранее иудейской или одновременно с ней. Позже происходили и неудачные попытки изменить и семидневную неделю на пятидневную и шестидневную, намеревались переименовать дни и месяцы [5, 35].

Аналогичные мероприятия проводились и во время Великой французской революции с целью искоренения христианского миропонимания. По словам архимандрита Рафаила Карелина: «Если смотреть на революцию не только как на социально-политическое, но вместе с тем и оккультное явление, то календарный вопрос представится нам более глубоким и многозначным» [5, с. 155]. По мнению русского богослова Н. Н. Глубоковского: «“Научные принципы”, ради которых была проведена григорианская реформа, меняются с каждым поколением ученых, канонические же нормы вечны», а также весьма важно, что: «...с церковной точки зрения календарь имеет существенное значение только в связи с празднично-богослужебной практикою и не может быть рассматриваем вне ее, ибо тогда он был бы чисто внешнею величиною», «...вся стройная система освящения мира церковной благодатью (после введения нового стиля) в корне нарушится» [5]. В общем

так оно и случилось... Но Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 гг. принял постановление – в церковном времяисчислении строго держаться старого стиля.

Вполне закономерно начинается процесс **«раскрестьянивания»**. Реальное воплощение нравственных идеалов Православия возможно только в процессе созидательного труда – «... вера, если не имеет дел, мертва сама по себе... Ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2, 17, 26). По мысли видного русского ученого М. Я. Лемешева: «Рассуждение о труде как о проклятии в корне ложно и всегда было чуждо русскому человеку. Проповедник перманентной революции Л. Троцкий высказывался о людях и труде с вопиющим цинизмом. Обосновывая необходимость создания так называемых трудовых армий, он писал: «По общему правилу человек стремится уклониться от труда. Трудолюбие вовсе не природенная черта: оно создается экономическим давлением и общественным воспитанием. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное». Н. И. Бухарин, по оценке Ленина бывший самым грамотным марксистом и самым выдающимся теоретиком партии, писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как это парадоксально ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [15, с. 42–43].

Россия – единственная страна в мире, где основная масса населения (порядка 90%) по своему самосознанию и самоназванию отождествляла себя с христианством – слово «крестьяне» есть искаженное «христиане». Земледельческий труд – труд христианский. Об этом много говорилось в предыдущих главах – разрушение духовной основы труда неизбежно влекло за собой и разрушение в материальной области, разрушение экосистем. Этот процесс шел уже давно – с начала либеральных реформ XIX в. Критику рассказов А. П. Чехова о разложении крестьянского быта конца XIX в. «Мужики» и «В овраге» можно встретить и в настоящее время – Чехов якобы «не знал»

крестьянского быта и «очернил» высоконравственное русское крестьянство. Но Чехов потому и стал великим писателем истинно мирового масштаба, поскольку знал, о чем писал, и правдиво отображал реальность. Да, в определенной степени русское крестьянство сохраняло нравственные идеалы Православия, но процессы деградации коснулись и крестьянства – иначе и быть не могло; не могло крестьянство существовать вне жизни всего российского общества. Общеизвестно, что если еще во второй половине XIX в. русские крестьяне с недоверием и враждебностью встречали пропаганду народников, то уже к началу XX в. эта ситуация стала в корне меняться, – и это общеизвестный исторический факт. Именно люди, гениально изображенные А. П. Чеховым, в 1905, в 1917 и последующих годах жгли дворянские усадьбы и убивали помещиков. Люди, потерявшие духовную основу своего бытия и затем жестоко поплатившиеся за это при советской власти в период коллективизации и раскулачивания, а затем в так называемый «застойный» период 1970-х гг. попросту разучившиеся работать и потихоньку спивавшиеся.

Кроме духовного весьма важен и материальный – экологический аспект. Начало коллективизации в 1930 г. сопровождалось требованием увеличения урожая зерновых за пятилетку на 35%, что глубоко противоречило духовным и экологическим принципам земледелия. Со стороны русских ученых это спровоцировало замаскированную оппозицию – профессор МГУ С. В. Покровский доказывал, в частности, что задача увеличения урожая может быть почти полностью решена за счет успешной борьбы с вредителями сельского хозяйства, что представлялось косвенной альтернативой коллективизации [3, с. 163]. Ряд ученых занял более рискованную позицию, указывая на поспешность и неподготовленность коллективизации. Так, А. А. Теодорович высказывался по поводу экологических последствий крупномасштабной коллективизации, ведущей к опасности «нарушения природного равновесия в животном, растительном и минеральном мире». Для маскировки он использовал работу Энгельса «Роль тру-

да в процессе превращения обезьяны в человека». Агроном Н. Н. Подъяпольский возражал против высоких темпов коллективизации; механизация сельского хозяйства в процессе коллективизации повлечет за собой гомогенизацию, выравнивание ландшафта на огромных просторах Русской равнины; «Трактор с многолемешным плугом, а тем более комбайн требуют широкого простора для работы, более или менее равномерной поверхности поля, полного уничтожения междов, мелких клочков всевозможных неудобий, планирования остатков прежних канав и многолетних распашных борозд, выкорчевывания кустов, то там, то сям встречавшихся на прежних полях, осушения мелких болотцев или уничтожения кочкарников, также изредка попадавших среди полей. Крупные сельскохозяйственные машины могут быть эффективны только в том случае, если они применяются на больших пространствах единообразия посевов. Перед ними отступает навсегда чересполосица, пестрополье, пересеченность полей мелкими оврагами и перелесками (резко понижается сложность экосистемы и, следовательно, ее стабильность. – А. Е.). Таким путем в полях уничтожаются те небольшие клочки целины и вообще не тронутой плугом природы, которые до сих пор служили убежищем для диких животных, не приспособившихся жить на распахке. Среди этих животных значительный процент приходится на долю друзей земледельца, обеспечивающих ему урожай либо путем опыления культурных цветковых растений, либо охраной урожая от вредителей» (цит. по [3, с. 164–165]). За сплошное внедрение новых методов сельского хозяйства Россия может заплатить «возможностью исчезновения степной растительности, целыми видами и большим опустошением пернатого мира». Н. Н. Подъяпольский, конечно, понимал, что остановить коллективизацию невозможно (да и небезопасно): «Само собой разумеется, что прогресс сельского хозяйства в целом и его механизация в частности будут и должны быть. Необходимо только заблаговременно принять соответствующие меры для предупреждения нежелательных явлений, которые в про-

тивном случае неизбежны» (довольно жалкая оговорка, обусловленная политической ситуацией). О позиции российской интеллигенции более подробно будет рассмотрено ниже.

В области градостроительства период советской власти характеризуется невиданными темпами урбанизации и строительства вообще – за 70 лет построено 2100 новых городов. Однако города эти были лишены основ и механизмов городского самоуправления. Существовало жесткое централизованное государственное управление через отраслевые министерства и ведомства. Фундаментальная наука о городе отсутствовала. Ее нет и в настоящее время [19, с. 16–30].

В политическом плане при создании в 1922 г. СССР в основу был положен принцип «самоопределения наций», что представляло собой мину замедленного действия, сработавшую затем в 1991 г. при распаде Союза.

Большевистские репрессии против всех слоев русского общества фактически привели к **уничтожению генофонда нации**.

Положительный аспект. С другой стороны, СССР стал мощным противовесом либеральному Западу – роль гаранта равновесия на планете осталась за Россией, хотя, увы, только лишь в материальной сфере. Духовное же разложение Европы в отсутствие Российской империи набрало полные обороты.

Противостояние Западу оказалось возможным в силу того, что коммунизм узурпировал источник духовной энергии русского народа – Православие, опошлив его и обманув народ живыми лозунгами «построения рая на земле». Только это дало силу русским в нечеловеческих условиях геноцида осуществлять созидательный труд.

Начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война своей важнейшей целью имела уничтожение России, остающейся «Удерживающим» – гарантом духовного и экологического равновесия на планете. **Ошибочным было бы считать, что в период советской власти Запад вел борьбу против СССР; борьба всегда велась и ведется исключительно против России.**

Фашистский режим, кроме национал-социализма (что является вторичным), представлял собой режим оккультиз-

ма, идеологически базировавшийся на неоязычестве – обожествлении человека-арийца, и являлся таким же антихристианским учением, как и иудаизм. «Христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен и должен быть заменен единственным символом – свастикой»; «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не Распятый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий. А если Он не может светить, то и Евангелия умерли...» (А. Розенберг).

В СССР к 1937 г. в результате «безбожной пятилетки» планировалось закрыть последнюю церковь и добиться прекращения упоминания самого имени Божия. Но уже к концу 1930-х гг. XX в. наметилось пробуждение национального самосознания русского суперэтноса. «Безбожная пятилетка» провалилась. Советской власти потребовалось официальное признание собственной легитимности Православной Церковью.

Когда же началась Великая Отечественная война, первым, кто обратился к народу с призывом борьбы с захватчиками, была Русская Православная Церковь. Поскольку стал вопрос о самом существовании государства, общества и народа, советская власть оказалась вынуждена переориентироваться на национал-патриотические позиции. С осени 1941 г. был вновь разрешен колокольный звон. В период 1941–1954 гг. проходило восстановление разрушенных церквей, приходов, монастырей, сооружались и новые, которым частично возвращались земли и некоторые ценности, изъятые у них в 1920–1930-е гг. Союз воинствующих безбожников был разогнан в 1942 г.

В 1943 г. государственная политика СССР в области религии была пересмотрена. Гитлеровский генерал Г. Гудериан отмечал, что одной из важнейших причин победы Красной армии было обращение к ее историческим, национальным традициям. Великая Отечественная война явилась вторым после революции 1917 г. сильнейшим действием отрицательной обратной связи, невиданным за всю предыдущую историю и на тот период спасшим Россию от духовной и физической катастрофы.

Сущность антихристианской диктатуры в СССР, конечно же, при этом не изменилась, она просто приспособилась к изменившимся условиям; церковной иерархии же пришлось идти на ряд компромиссов. Попытки И. В. Сталина реформировать КПСС и Советское государство с ориентацией на национальную идеологию потерпели провал и с его смертью в 1953 г. были преданы забвению.

Могущество же СССР как геополитического преемника России после Второй мировой войны возросло до невиданных размеров (что подтверждает сделанное выше предположение о дальнейшем росте могущества России); образовавшаяся «мировая социалистическая система» оказалась мощнейшим противодействием Западной цивилизации в ее стремлении к мировому господству. Образование сильного коммунистического Китая, по аналогии с Россией, оказалось серьезным противовесом Западу.

Православное мировоззрение остается в русском народе несмотря ни на что. Князь Н. Д. Жевахов в своих воспоминаниях так говорит о русском народе: «Будут его проклинять, будут называть хриstopродавцем, будут жестоко казнить за содеянные им преступления, коим имени нет, так они страшны. Но станут обвинять его те, кто будет судить о нем по действиям его отбросов <...> Не виноват был народ, что ошупью добирался до правды <...> Разночинцы не могли завладеть душою народа, в глубинах которой осталась и любовь к Богу, и преданность Царю <...> Неправда и то, что народ изменил присяге Царской. Там была измена не народа, не простого солдата, с заскорузлыми, мозолистыми руками, а измена его начальников...»

В 1918 г. в 22 центральных губерниях России прокатывается волна антибольшевистских восстаний крестьян. В докладе комиссии ВЦИК под руководством П. Смидовича кулацкий характер восстаний отрицается! Отмечается дезертирство насильно мобилизованных в Красную Армию, переход на сторону белых.

Даже либерально ориентированные историки (разумеется, с использованием собственной терминологии) вынуждены

констатировать: «**В целом российский суперэтнос во второй половине XIX – начале XX вв. в своей массе не смог принять западноевропейскую систему ценностей**, которая не стыковалась с ценностями, усвоенными за несколько веков экстенсивного развития и внешней колонизации» [9, выделено автором. – А. Е.]. В итоге западноевропейская система ценностей, в основе которой находится «личность», была разрушена и заменена псевдотрадиционной системой ценностей, в основе которой находится «государство» [9, 27].

В начале XX в. вслед за распадом старой имперской государственности осуществились стремительная имперская же реинтеграция и воссоздание единого хозяйственного пространства во вмещающем ландшафте Восточной Европы и Северной Азии на новой основе нерыночной индустриализации. Эта новая имперская реинтеграция пространства дала со временем (ценою тотальной милитаризации экономики и перманентной войны с «внутренним врагом») новые импульсы процессу интеграции российского суперэтнуса (что на языке коммунистических идеологов было зашифровано как становление «новой общности – советского народа») [14]. Сказано поистине блестяще и добавить здесь нечего!

В качестве **выводов** по данному разделу можно констатировать следующее. Исторический процесс определяется Божественным Промыслом и свободной волей человека. Обретение иконы Божией Матери «Державная» 2(15) марта 1917 г., в самый день так называемого «отречения» императора Николая II, явилось знаком принятия Богоматерью на себя миссии «Удерживающего». Это подтверждает весь последующий ход истории – продолжающееся противостояние России Западу, несмотря на духовную и материальную катастрофу, несмотря ни на что!

Начальный период революции характеризовался «бессмысленным» уничтожением парков и усадеб, расправами с их владельцами, часто, по иронии судьбы, занимавшимися природоохранной деятельностью (в частности – убийство князя Б. Л. Вяземского и разорение его имения в Тамбовской

губернии, представлявшего собой участок девственной степи [3]). Но бессмысленным – только на первый взгляд, в этих страшных событиях выразилось действие отрицательной обратной связи. Для искупления греха богоборчества страдания были необходимы.

Уже в 1970-х гг. Г. М. Шиманов писал: **«Советская власть – это не только безбожие и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла...»**

В последней своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.) И. В. Сталин впервые четко и кратко дал определения основного экономического закона, как для капитализма, так и для социализма. Для буржуазного общества: «Обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны...» Для социализма: «Обеспечение максимального удовлетворения **постоянно растущих** (выделено автором. – А. Е.) материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста социалистического производства...»

В настоящее время мы не видим обнищания населения при капитализме, за исключением ряда стран Азии и Африки. Однако рост благосостояния есть действие положительной обратной связи, ведущее к потере стабильности системы и к духовной деградации, когда смыслом жизни становится лишь материальное потребление.

С другой стороны – говорится о постоянно растущих потребностях социалистического общества, что по сути своей является тем же самым потребительством. Выводы здесь очевидны – оба апостасийных пути ведут к катастрофе.

8.2. Проблемы экологии и роль интеллигенции

Временное правительство, понимая важность проблем экологии, сразу же предпринимает попытки сохранить природоохранную деятельность в России, но его собственное полити-

ческое положение становится все более шатким. Созданное Московское общество охраны природы просуществовало недолго.

Экологические проблемы, обострившиеся уже на рубеже XIX–XX вв., усугубились в процессе революции и Гражданской войны. Здесь, как и во всех прочих аспектах, конфликт интеллигенции с советской властью был неизбежен, даже не смотря на атеизм основной части российской элиты.

Повторим, что десятилетие, предшествовавшее 1917 г. – «золотой век» охраны природы в России. Как следствие – еще в 1920–30-х гг. СССР находился на переднем крае развития теории и практики охраны природы, что отмечают даже иностранные исследователи [3]. Заложенные в дореволюционной России основы заповедного дела продержались еще некоторое время – фактически до рубежа 1920–1930-х гг. Летом 1918 г. профессор МГУ Г. А. Кожевников направил в правительство Ленина пространную докладную записку «Охрана природы в разных странах в связи с вопросом о постановке этого дела в России», которая не осталась без внимания [41].

Если до революции хотя бы формально главенствовали религиозные, этические и эстетические взгляды на природу, то в советский период их сменило наукообразие, чему в немалой степени способствовал и утвердившийся в миропонимании материализм, и фактический контроль большевиков над наукой. Абсолютная научная истина поверялась в первую очередь работой Ф. Энгельса «Диалектика природы». Технократическая по своей сути советская техническая интеллигенция тем не менее противостояла партийному аппарату, говоря о необходимости экологических экспертиз при столь бурном развитии промышленности и сельского хозяйства. В ряде случаев приверженность науке у ряда серьезных ученых брала верх над марксистской идеологией, что обернулось трагически как для науки, так и для них самих.

Взгляды В. И. Ленина на проблемы экологии выражены крайне скудно; однако можно выделить его весьма точные замечания по этому вопросу: «Заместить силы природы человеческим трудом, вообще говоря, так же невозможно, как нель-

зя заместить аршины пудами. И в индустрии, и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если он познал их действие, и облегчить себе это пользование посредством машин, орудий и т.п.» [16, с. 103]. Однако, по В. И. Ленину, социализм – это эффективность, его симпатия к тейлоризму и немецкому госкапитализму военного времени общеизвестна. Это есть голый рационализм. Мысли о рациональном природопользовании В. И. Ленин четко высказал 11 апреля 1921 г. на заседании коммунистической фракции ВЦСПС: «Для того, чтобы охранить источники нашего сырья, мы должны добиться выполнения и соблюдения научно-технических правил» [17, с. 174].

В «Основном законе о лесах», вышедшем в мае 1918 г. и подписанном В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, были поставлены задачи: пресечь хаотические порубки леса, определить нормы лесистости для каждой отдельной части Советского государства, с тем чтобы местные органы увеличивали площади имеющихся лесов; леса были поделены на эксплуатируемые и охраняемые. Заботу о лесах В. И. Ленин выразил в декрете о лесах Крыма, в котором запрещалось раскорчевывать и обращать в другие уголья леса, расположенные по склонам гор, и, кроме того, предписывалось изъять из обращения и вернуть земельным органам те участки земли, на которых лес был сведен и раскорчеван без надлежащего разрешения после 1917 г.

Однако на практике эти решения не выполнялись. В начале 1918 г. журнал «Леса республики» писал: «Леса сводились... по велениям законной власти. Не было ни плана, ни системы. Кто мог и хотел, тот урывал из общего блага нужный кусок. Лесного хозяйства, по существу, не было вовсе» [3, с. 47].

В. И. Ленин в мае 1919 г. подписал постановление о сроках охоты и праве на охотничье оружие, которым была запрещена охота на лосей и коз, а также сбор яиц диких птиц. В это же время В. И. Ленин поддержал мысль о создании в дельте Волги заповедника и подчеркнул, что считает дело охраны природы важным и срочным делом.

Ленин подписал декрет об учреждении крупного заповедника Аскания-Нова, существовавшего с 1874 г. в виде природного зоопарка. Благодаря Ленину возникли Астраханский и Ильменский (на Урале) заповедники. В частности, использование Ильменского заповедника для чисто практических целей допускалось только с разрешения Совета народных комиссаров («Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства», № 38, 1928, стр. 181). В 1921 г. Ленин подписал постановление «О байкальских государственных заповедниках – зоофермах», постоянно интересовался ходом их создания. В том же году им был издан декрет «Об охране памятников природы, садов и парков» («Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г.», № 65–492. М., 1944. Стр. 813).

Наряду с основными принципами социалистического землепользования, т.е. комплексным подходом к использованию природных ресурсов и учетом их множественных взаимосвязей и значения, В. И. Ленин уделял внимание и отдельным вопросам. Например, в постановлении СТиО (Совета Труда и Оборона) «Об организации сбора и заготовки дикорастущих масличных семян и об использовании их для переработки в маслобойной промышленности» (СУ, № 63, 1921, стр. 459) и в декрете СНК РСФСР «О сборе и культуре лекарственных растений» (СУ, № 2, 1922, стр. 29) содержатся положения о соблюдении определенных правил при заготовке указанных природных продуктов. Ленин интересовался рациональным использованием лугов, упорядочением пользования сенокосами и мерами поднятия лугового хозяйства. Эти факты отражены в постановлениях Совета народных комиссаров.

В советский период было «хорошим тоном» описывать мелкие указания Ленина, характеризуя его как чуть ли не святого во всех аспектах своей деятельности, в охране природы – в том числе. Так, Ленин отдал, например, распоряжение об аресте коменданта Горок Э. Я. Вевера за срубленную без надлежащего основания ель (см. [18, с. 151]); также он воспро-

тивился вырубке леса в Сокольниках на дрова, хотя в это время Москва испытывала топливный голод.

Смирившиеся с советской властью интеллигенты не столько принимали социализм, сколько отстранялись от потребительского буржуазно-мещанского миропонимания, развившегося в России на рубеже столетий. Однако очень скоро стало стремительно формироваться и советское мещанство, что, в частности, нашло отражение в известном стихотворении В. В. Маяковского «О дряни».

Негативную сторону русской интеллигенции четко выразил в 1919 г. генерал П. Н. Краснов: «Русский интеллигент прежде всего сторонник своей партии», «В этом отношении простой русский народ выше образованного класса, выше интеллигенции, потому что простой народ верит в русское дело и любит Россию, и если бы не смущали его страшной ложью и клеветой на прошлое, о, скоро, очень скоро он снова стал бы великим». Отношение советской интеллигенции к культурному наследию ярко выражено словами Е. Б. Вахтангова: «Традиция – прекрасно сохранившийся труп».

Идеи перестройки общества соединились с идеями преобразования природы, что увлекло многих представителей интеллигенции – как ученых, так и писателей. М. Горький развивал известное положение: «Человек, это звучит гордо!», вкладывая, правда, эти слова в уста опустившегося и принципиально не желающего работать субъекта в пьесе «На дне»...

Природа – сила антисоциалистическая, ее надо преобразовать так, чтобы она служила на пользу человеку. Провозглашается идея всемогущества человека и борьбы – и с прошлым, и с природой. «С. Урицкий так и пишет – “Объявим природе бой”. Прекрасное, подлинно большевистское намерение...» (из статьи Горького «О борьбе с природой»); следует уничтожить болота, комаров, сорняки, крыс и мышей, всех других «вредителей» и «паразитов»; «Хватит ли на это сил? Силы человека растут вслед за ростом его знаний о жизни и его сознания преобразовать жизнь» (М. Горький. Собр. соч., т. 26. М., 1953. С. 186). «Нужно истребить тех врагов, которые стоят на нашей

дороге, – говорит Горький, выступая на слете ударников Беломорстроя, – и взяться за основного древнего врага нашего: за борьбу с природой» (М. Горький. Собр. соч., т. 37. М., 1953. С. 76). Аналогичные мысли высказывает А. Н. Толстой: «Человек в центре внимания всех наших усилий – его счастье, его развитие. Мы понимаем человека как высшую форму природы. Он в вечной борьбе с ней. Он подчиняет ее, перестраивает по собственному разуму, для собственных целей» (А. Н. Толстой. Собр. соч., т. 12. М., 1949. С. 128).

«Новая история творит новую географию», – утверждал популярный писатель-географ Н. Н. Михайлов, готовя в 1930 г. книгу «Лицо страны меняется»; характерные заголовки задуманных глав: «Выравниваем страну», «Переселяем животных», «Осушаем болота», «Уничтожаем пустыни», «Соединяем моря и океаны», «Поворачиваем реки».

Как и многие ученые, писатели-соцреалисты видели в природе прежде всего объект преобразований и неиссякаемый источник материальных благ: Л. М. Леонов (роман «Соть»), К. А. Федин, Ф. В. Гладков и другие. Этой тенденции отдал немалую дань даже такой ценитель природы, как К. Г. Паустовский. Прославившие его повести «Кара-Бугаз» и «Колхида» при всей их романтической и художественности несут большие заряды преобразовательской энергии [38].

М. Горький возглавляет писателей, прославляющих преобразование природы; создается сборник очерков о строительстве Беломорканала: «Сталин держит карандаш. Перед ним карта края. Берега пустынь. Глухие деревеньки. Целинные земли покрыты валунами. Нетронутые леса. Пожалуй, чересчур много лесов, они захватили лучшие почвы. А болота? Болота ползут, упираются в самое жильё человека. Пожирают дороги, делают жизнь неопрятной и тусклой. Увеличить пашни. Болота осушить... Карельская республика желает прийти в бесклассовое общество как республика заводов и фабрик. И Карельская республика войдет в бесклассовое общество, переменяв свою природу»; подпись к фото на с. 297: «Идет ледоход – скорее заставить воду идти по нашему

руслу, сколько и когда нам надо!» (Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. Под ред. Горького М., Авербаха Л. Л., Фирина М. Г. М., 1934). Один из призывов ГУЛАГа: «Природу научим – свободу получим» [3, с. 252, прим. ред.]. Еще один девиз на строительстве Беломорканала: «Человек, изменяя природу, изменяет самого себя» (афоризм К. Маркса).

Более того, Горький призывал новых поэтов прекратить прославление природы: «В отношении поэзии к природе наиболее часто и определенно звучали – и звучат – покорность, лесть, хвала природе – хвала деспоту». Поэты все как один хранили молчание относительно «скверных выходов» природы, которые «уничтожают тысячи людей, разрушают труды их рук». Поэты должны призвать человечество «на борьбу с природой за власть над нею», то есть делать то, что раньше никогда не делали русские поэты. В наше время поэт должен вдохновлять «борьбу коллективно организованного разума против стихийных сил природы...» [4].

В начале 1930-х годов в «Правде» и «Известиях» опубликованы статьи М. Горького «О себе», «О праве на погоду», «Ответ», «Засуха будет уничтожена», «О борьбе с природой», призывающие «объявить природе бой». Наиболее сконцентрированно и ясно свое отношение к природе Горький высказал в 1933 г. на заключительном слете строителей Беломорканала: «К тому времени, когда вы будете в моем возрасте, полагаю, не будет классовых врагов, а единственным врагом, против которого будут направлены все усилия людей, будет природа, а вы будете ее владыками. К этому вы идете, и больше тут нечего сказать, но до этого надо свернуть голову капитализму».

Попытки усмотреть этическую и эстетическую ценность природы начинают расцениваться как квазирелигиозное поведение. Этот подход восходит к русским революционерам-нигилистам 1860-х гг. Для Горького и Леонова характерна убежденность в том, что до тех пор, пока природа не эксплуатировалась человеком, она не представляла собой никакой ценности для общества.

Представитель новых, советских писателей, В. Зазубрин, заявляет на Первом съезде писателей Сибири в 1926 г.: «Нам, людям, по-звериному влюбленным в таежные просторы Сибири, тяжела мысль о городе, о городской культуре, о лязге фабрик и заводов. Но пусть будет так, пусть человек в нас повалит зверя, поволочет его за гриву. Пусть рыхлая зеленая грудь Сибири будет одета цементной броней городов, вооружена каменными жерлами фабричных труб, скована тугими обручами железных дорог. Пусть выжжена, вырублена будет тайга, пусть вытоптаны будут степи. Пусть будет так, и так будет неизбежно. Ведь только на цементе и железе будет построен братский союз всех людей, железное братство всего человечества» (цит. по [37, с. 205]). Этот писатель, один из тех, кто стремился привести человечество ко всеобщему счастью, провидчески предугадал тенденции наступавшей эры индустриализации и коллективизации.

Однако наряду с доминирующим направлением природопокорительства действовали такие крупные писатели, как М. М. Пришвин, И. С. Соколов-Микитов и В. В. Бианки, создавшие прекрасные произведения о живой природе, охоте и краеведении. За отрыв от передовых линий общественной борьбы они, естественным образом, подвергались в свое время активной критике и упрекам. М. М. Пришвин писал в дневнике: «Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело: по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей» [31, с. 141].

* * *

С другой стороны, достижения русских экологов начала XX в. и первого послереволюционного периода в области экологии сообществ поистине огромны – русские ученые были в числе первых, разрабатывавших теорию размещения растений, основывающуюся на взаимодействиях между отдельными рас-

тениями (фитосоциология), а также парадигмы экологической энергетики. Этот факт отмечен даже западными учеными [3].

Однако большинство представителей природоохранного направления – это представители русской интеллигенции в худшем смысле этого слова, то есть – интеллигенции глубоко безбожной. Поэтому большинство из них приветствовало события 1917 г.: «Из страны замаскированного чисто восточного деспотизма, со всеми чертами глубокой дегенерации правящей кучки, мы сразу встали перед широчайшими перспективами максимальной свободы и полного народовластия» (Талиев В. И. Да здравствует новая, свободная Россия! // В кн.: Бюллетень Харьковского общества любителей природы», № 1, 1917). Однако автор этих строк – В. И. Талиев – через определенное время испытал реальность «полного народовластия».

Эволюционизм и материализм в мировоззрении такой интеллигенции торжествовал по всем направлениям, но, с другой стороны, это были настоящие ученые, следовавшие принципам элементарной научной добросовестности.

В деятельности русских экологов американским исследователем Д. Вайнером выделено три направления [3]; уточняя его мысли с православных позиций, отметим **этико-эстетическое, экологическое и прагматическое**. Эти направления сформировались еще до революции, когда особенно были развиты первое (связанное с частной инициативой) и последнее (государственная деятельность).

Этико-эстетическое, антимодернистское направление представляли А. П. Семенов-Тянь-Шанский, И. П. Бородин, Е. В. Тимонов, отвергавшие индустриальное общество как таковое – как капиталистическое, так и социалистическое. Даже западный исследователь Д. Вайнер замечает, что, «к сожалению, сторонники подобного взгляда не говорили открыто о религиозных и философских корнях своих убеждений» [3, с. 337]. Это, однако, легко объяснимо, поскольку быть религиозным человеком, тем более ученым, в период перед революцией, и тем более после нее, было просто неприлично, а затем и небезопасно.

Представители этого направления утверждали, что людям присущи внутренние духовные потребности, которые может удовлетворить только природа. Отделяя себя от природы и разрушая ее, люди тем самым разрушают свое собственное естество. В России эта концепция, возможно, испытала на себе сильное влияние немецкого неоромантизма (главный представитель – Гуго Конвентц). При многих безусловно правильных мыслях, вместе с тем, последователи данного направления отошли от Православия, испытав волей-неволей сильное влияние либерализма: в их рассуждениях доминирует представление о самоценности природы, вне зависимости от того, приносит ли она пользу человеку или нет; утверждение о «правах» живых существ и т.п. Представление людей «детьми природы» есть явное проявление пантеизма. Однако в целом – конечно, это истинно русское, православное миропонимание, пусть и затуманенное неоязычеством, либерализмом, материализмом и эволюционизмом.

Период 1917–1924 гг. характеризуется как взлет и гибель этико-эстетического направления в охране природы. Мировая и Гражданская войны сильнейшим образом повлияли на миропонимание ряда ученых. Мерзости войны, да и всего современного общества, заставили не только задуматься, но и предпринимать конкретные действия. Энтомолог Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский не скрывал своей неприязни к современному индустриальному обществу, его термин – «порок индустриализации». Человек века техники, – говорил он – это «геологический парвеню (налицо, конечно, эволюционный подход. – А. Е.), разрушающий теперь всю гармонию жизни в свободной природе... кем, как не ею, обучены мы и музыке, и живописи, и ваянию, и зодчеству?» (Семенов-Тян-Шанский А. П. Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения // Природа, 1919, № 4. С. 4–6). Он считал, что «грехопадение» человека стало возможным в силу его «хищнической природы», но оно произошло лишь тогда, когда эти хищнические инстинкты воплотились в возможности истреблять другие живые формы «благодаря появлению

крупного капитала» на мировой арене. Его эстетико-этическое неприятие современного общества в равной степени относилось и к послереволюционному укладу. Тянь-Шанский отмечал, что, «несмотря на высоту подъема волны социалистических идей», последние также основываются лишь на чисто материалистических стремлениях, борьбе за собственные интересы. Следовательно, в моральном отношении они не более прогрессивны, чем капиталистические (а все же речь ведет о «прогессе»). Он писал, что та степень, в какой человечество будет способно на духовное развитие, зависит от того, покровительствует ли ему природа [3, с. 64]. Природа – «великая книга всего сущего» – служит ключом к моральному развитию человечества. Природа не только давала человеку «ничем не заменимые эстетические наслаждения», но также и «возвышала его душу». Характерны и языческие эволюционные мотивы – только благодаря различным силам Природы человек в начале своего существования стал человеком, «на нас лежит большой нравственный долг перед природой – сыновний долг перед матерью». Это напоминает взгляды эллинов; подобно древним грекам, А. П. Семенов-Тянь-Шанский полагал, что человечество будет наказано за свое высокомерие: «Нарушая это равновесие жизненных сил, безудержно гася очаги жизни природы, расхищая и растрачивая ее основной фонд, мы сами себе роем яму, готовим потомству нашему печальное будущее». «Задачи природоохранения... сводятся в настоящий момент к немедленному ограждению и защите всего того, что еще уцелело от беспорядочного и буйного натиска человека».

По мысли Семенова-Тянь-Шанского – достижения социалистического строительства есть нечто временное, расплачиваться за которое придется необратимо изуродованной природой. Сказать так в 1932 г. – было поистине героическим поступком. Профессор Михаил Николаевич Римский-Корсаков тогда же заявил: «Наука беспартийна, а если партийна, то нам здесь делать нечего» [3, с. 272].

Вопросы, связанные с этическим аспектом, поднимали даже сугубые специалисты-практики. Инженер В. Е. Тимо-

нов, участвовавший в проектировании Беломорканала (!), в своих работах рассматривал вопрос о «природе и разрушительном действии человека вообще и в частности инженеров» (цит. по [3, с. 65–66] (Тимонов В. Е. Охрана природы при инженерных работах // Природа, 1922, № 1–2)). Тимонов обвиняет человечество в том, что оно в погоне за сиюминутными прибылями разрушает «гармонию природы», не щадя в ней ничего, даже самого ценного: «Труд его (человека. – А. Е.) был бессистемным. Воздух, почвы и воды заражались. Огромные пространства земли, лишившись растительного покрова, обратились в пустыни. Условия жизни ухудшались. В довершение своей “победы” над природой человек понаставил среди наиболее привлекательных по красоте пейзажей отвратительные рекламы»; эти тенденции приняли «особенно уродливые формы в век пара и электричества»; наибольший вред от предприятий, изрыгающих «дурно пахнущие газы». Тимонов описал явление, именуемое в настоящее время кислотными осадками. Хотя предприниматели иногда даже оплачивают и материально компенсируют нанесенный ущерб, «потеря в красоте природы не может быть ни исчислена, ни возмещена». Он полагал, что во всем виноват традиционный рационализм, поскольку «человек долго не понимал, что он должен искать красоту во внутренней и глубокой гармонии своих произведений и природы». Но «сильнее и плодотворнее всего стремление к охране природы там, где оно коренится в любви к ней и к родине. Всякая здоровая любовь к отечеству связана неразрывно с любовью к его природе». Национальная культура должна оберегать свои корни, берущие начало в девственной природе.

А. П. Семенов-Тянь-Шанский выступил еще раз только после обнародования первых проектов сталинского плана «великого преобразования природы». Другие лидеры этого направления также отошли от активной деятельности (в частности, упомянутый выше В. И. Талиев).

Такие взгляды, пусть даже и в эволюционно-языческой, пантеистической форме, были неприемлемы для большевизма.

Им не было места даже в относительно терпимом Наркомпро-се: «Для подавляющего большинства еще полной неизвестностью является вопрос о задачах охраны природы. А для многих под этим названием кроется ложное представление о сентиментально-слащавом подходе к природе и “боязливо-бережном” к ней отношении – своего рода “Общество покровительства природы”. К сожалению, такого рода взгляды господствуют даже среди некоторых видных деятелей по охране природы, готовых охрану природы и покровительство животных слить воедино. Но само собой понятно, что как бы почтенно и нравственно ни было занятие покровительством животных, задача охраны природы не имеет ничего общего с ним» (В. Т. Тер-Оганесов, начальник отдела охраны природы Наркомпроса в 1920-х гг., цит. по [3, с. 68]).

Экологическую концепцию представляли в первую очередь сугубые материалисты и эволюционисты, экологи Г. А. Кожевников (1866–1933) и В. В. Станчинский (1882–1942 гг.) пользовавшиеся поддержкой интеллигентов-гуманитариев и «образованных большевиков» типа А. В. Луначарского.

В 1924 г. Д. Н. Кашкаров начал читать первый вузовский курс экологии в Среднеазиатском государственном университете, в научном плане он исследовал роль фауны в биоценозе. Примерно в то же время – в МГУ – В. П. Алпатов, в ЛГУ – И. Д. Стрельников, В. В. Станчинский – вначале в Смоленском, затем в Харьковском государственных университетах. В начале 1930-х гг. экологическая тематика стала доминировать в советской науке.

Природа с позиций экологической концепции представлялась как четкая структура, характеризующаяся относительной равновесностью и взаимозависимостью между составляющими компонентами. Обеспокоенность нарушением цивилизацией природного равновесия, и как следствие – риском саморазрушения цивилизации, во многом сближала их со взглядами первого направления. Эти ученые полагали, что лишь научный анализ способен обеспечить экономический рост цивилизации без нарушения экологического равновесия.

По верной мысли Г. А. Кожевникова – заповедники необходимы как научно-исследовательские центры, где исследования должны проходить в течение столетий; это вполне обосновано, в частности – это единственный способ исследования процесса сукцессии. Однако в СССР это было никому не нужно.

В 1931 г. В. В. Станчинский писал, что «экология постепенно становится точной наукой». Он проводил исследования в области трофической динамики (структуры потоков энергии в трофических – пищевых цепях), переосмысления природы биоценозов, природы экологических сообществ. Важнейшей частью его работы явилась попытка привести экологические явления к единому физическому знаменателю – энергии. Здесь Станчинский широко использовал математические методы статистического анализа – для описания потоков энергии. Объем научной информации на тот период не позволял это осуществить, однако это был правильный подход, впоследствии использованный американскими учеными. Станчинский впервые на базе второго начала термодинамики объяснил «загадку» пирамиды Ч. Элтона (1931 г.). Сведение Станчинским природных сообществ к совокупности формальных взаимоотношений между трофическими уровнями, основанными на трансформации энергии, составило центральную парадигму в биологии и экологии XX в. и было развито рядом исследователей, в частности Говардом Одумом.

Работы Станчинского могли также быть полезными в области биологической защиты сельскохозяйственных культур, позволяя избежать использования пестицидов: «Необходимо искать новые, более эффективные пути борьбы с вредителями, в которой еще преобладают дорогие истребительные методы (к тому же часто включающие ядовитые вещества, не только уничтожающие вредителей, но вредящие человеку и полезным организмам). . .» Мудрое предвидение последствий использования пестицидов, на что в тот момент не обращали внимания. Последующие научные «достижения» позволили использовать естественные методы популяционного контроля, как вна-

чале считалось, – не столь опасные для человека и экосистем. Однако на сегодняшний день мы видим серьезную опасность и биологических методов защиты.

Однако в 1931 г. работы В. В. Станчинского были признаны не имеющими практического значения. Был взят курс на гибридизацию – выведение новых высокопродуктивных пород домашних животных. Аскания-Нова как экологический заповедник гибнет. Станчинский обвиняется в контрреволюционной деятельности. Основные критики его работ – И. И. Презент и Т. Д. Лысенко, выступившие против вовлечения математических методов в экологию, против представления о популяциях животных как саморегулирующихся объектах в рамках биоценотического равновесия. В 1933 г. Станчинский был «разоблачен» на партийном комитете по чистке – он, его сотрудники и единомышленники были объявлены «ублюдками человеческого общества» и «вредителями». Станчинский был смещен со всех занимаемых постов, лишен возможности публиковаться; умер в полной безвестности в тюрьме Вологды в 1942 г. [3, с. 321]. Работы по трофической динамике были в СССР прекращены. Концептуальное развитие экологии по крайней мере на 20 лет было заторможено – и это при выдающихся успехах советской науки. После изгнания Станчинского экологическая энергетика была полностью исключена из исследований. Великий эколог почти никогда не цитировался в научной литературе. Данные последователей Станчинского (В. С. Ивлев, Астраханский заповедник) были затем использованы Раймондом Л. Линдеманом, работавшим под руководством Дж. Эвелин Хатчинсона, в его исследованиях по экологической энергетике, выполненных в США в начале 1940-х гг. [39, с. 388-418, esp. p. 403]. Рассмотрение работ В. В. Станчинского позволяет предположить, что он предвидел концепцию экосистемы, предложенную в 1935 г. Артуром Дж. Тенсли.

Некоторые работы экологов имели уже обобщающий, мировоззренческий характер. Эколог И. К. Пачоский, основатель фитосоциологии, исследуя растительные сообщества, распространил получаемые выводы на человеческое общество.

Неравенство заложено в самой основе устройства природы, и именно неравенство делает возможным само существование как природных сообществ, так и человеческого общества. Из этих взглядов вытекала полная бессмысленность марксизма, поскольку «классовая дифференциация», неравенство оказывались неперменным, естественным атрибутом любого природного сообщества. Но если научно доказывается естественность неравенства, то все попытки установить равенство революционным путем бессмысленны. Проблема биологической неидентичности людей во всех отношениях (об этом писал даже В. И. Ленин в работе «О “Вехах”») имеет следствием недостижимость полного социального равенства. Становилась очевидной, мягко говоря, спорность отстаиваемого деятелями культурной революции представления о том, что природе человека наилучшим образом отвечает утопическое общество полного эгалитаризма (уравниловки) и коллективизма. Таким образом, представления Маркса о природе человека представляют собой не более чем догадку. Открыто высказывать такие мысли, пусть даже в рамках сугубо научных исследований, становилось небезопасно. Это направление было разгромлено большевиками, а термин «фитосоциология» заменили термином «фитоценология».

Схожие взгляды просматриваются и у великого русского ученого, основателя биогеоценологии В. Н. Сукачева: «Мы видим в построении сообщества стремление использовать наиболее полно производительные силы среды. К этому последнему принципу, впервые выдвинутому Пачоским, еще добавляется им в последнее время положение, что, в противоположность человеческому обществу, в основу растительного сообщества заложен принцип, имеющий в виду выгоду целого, а не составляющих его отдельных элементов» (Сукачев В. Н. Растительные сообщества: Введение в фитосоциологию. М.–Л., 1928. С. 56). Сукачев здесь отождествляет западное общество с человеческим обществом вообще, с чем нельзя согласиться – русское и восточное миропонимания говорят о примате общества и государства, но не личности. Эта мысль отмечена

М. М. Пришвиным в его «Дневниках»: «Два миропонимания: 1) Восточное: человек считает себя частью огромного целого мира, поэтому он благоговейно подчиняет себя этому целому или Богу. 2) Европейское (Западное): человек считает себя господином мира и создает систему господства, называемую им цивилизацией. Внутренней силой цивилизации является стремление к счастью, внешней – наука. Вот почему Толстой презирал науку, а Горький ее обожествлял» [30, с. 309].

Подобные взгляды ученых в СССР воспринимались, естественным образом, негативно. В середине 1930-х гг. уникальные эксперименты в области охраны природы были свернуты и сменились «преобразованием окружающей среды».

Прагматическая концепция представляет собой неизмеримо более узкий в сравнении с экологическим взгляд, ориентированный на принцип получения устойчивого урожая и достижения максимальной эффективности использования природных ресурсов, руководство сиюминутной выгодой, деление жизненных форм на «полезные» и «вредные» (причем последние обрекаются на истребление). Такой образ мыслей имели, в частности, сам В. И. Ленин (хотя отчасти и поддерживавший охрану природы, как было показано выше), геолог А. Е. Ферсман, зоолог Н. М. Кулагин.

На первый план в научной жизни вначале выходит экологическая концепция. Организованные на первых порах заповедники являлись уникальными центрами экологических исследований. Несмотря на это, положение экологов никогда не было по-настоящему устойчивым – со временем они закономерно вошли в открытый конфликт с советской властью. Уже в конце 1920-х гг. прагматизм взял верх – ставилась задача коренного преобразования как человека, так и всей природы в целом. Упование на новшества, вплоть до чудес, привело к тому, что единственным средством повышения эффективности сельского хозяйства оставались технологические совершенствования, коллективизация, акклиматизация и «генеральный план преобразования фауны Европейской России и Украины», а также – строительство каналов и гидроэлектростанций. Экологи,

естественным, образом противостояли всему этому и потому были обречены. Одна часть экологов была репрессирована и погибла, другая поплатилась опалой и потерей должностей. Исключением представляется судьба выдающегося русского ученого академика В. Н. Сукачева, создателя учения о биогеоценозах, сумевшего превозмочь все испытания.

С одной стороны: большевистски ориентированные ученые имели в виду создание нового, идеального общества на основе завоеванной и покоренной природы, управляемой новым человеком, познавшим весь мир и сознающим себя всемогущим хозяином на Земле. «История развития человеческого общества... это путь от рабства слепого преклонения перед стихийными силами природы через отрицание природы и борьбу с ней к покорению ее... в широких интересах человеческого общества».

«Пролетарская революция стала критическим моментом в этом процессе... В условиях социализма... природные ресурсы не сковывают экономику, а предоставляют условия для ее неограниченного развития» (Вейцман Х. С. Заповедник будущего // Природа и социалистическое хозяйство, 1934, № 7. С. 105). Эти идеи проистекали непосредственно из эволюционной теории XIX в. и масонских идей русской псевдоинтеллигенции.

С другой стороны: предвидение экологического кризиса заметно в советской науке уже в 1930-е гг.: ряд специалистов страшился «борьбы с природой» по причинам религиозного, этического и эстетического характера, другие – с позиций чисто научного обоснования необходимости охраны природы. Неизбежно проявляется противостояние науки (даже материалистической и эволюционной) и большевиков.

В. И. Вернадский высказывал мысли относительно «пределов роста» промышленности – даже самая прогрессивная общественная система не может пренебрегать определенными био-физико-химическими реалиями. «Естественные производительные силы суть силы потенциальные, силы естественные, т.е. не зависящие в своем содержании и в своих

размерах от человеческой воли и разума, в какой бы концентрации и организации эти воля и разум ни проявлялись. Как бы эти силы ни казались необъятными, мы знаем, что они имеют границы, и эти границы реальны, они не выдуманы теоретически. Они могут быть выяснены научным изучением природы, и они для нас представляют непереходимую, естественную границу нашего творчества. Мы знаем сейчас, что... для нашей страны эти естественные границы нашей силы очень узки и не допускают – без жестокой расплаты – расточительности в их использовании» (Вернадский В. И. Очередная задача в изучении производительных сил // Народный работник, 1926, № 7–8. С. 3–4).

Ограниченность продуктивности природы многими неизменными факторами имеет следствием невозможность реализации всех человеческих потребностей в рамках какой бы то ни было утопической программы. Однако мысль В. В. Станчинского о существовании естественных пределов возможностям человеческой культуры трансформировать природу была объявлена «реакционной».

В 1920-х гг. в СССР и на Западе возникает альтернативная *холизму* научная концепция – школа континуума (Л. Г. Раменский, Генри Аллен Глисон), способствовавшая более терпимому отношению к воздействию человека на природу. Экологи же допускали существование равновесия в природных сообществах, что делало их позиции в СССР все более ненадежными.

Уже в 1923 г. разрабатывается новый Лесной кодекс, проникнутый духом рационального использования лесов. Происходит разграничение полномочий – организация охоты и охотничьего хозяйства, борьба с «вредными» видами – Наркомзем, заповедники – Наркомпрос. Неизбежно начинается борьба между Наркомпросом, контролировавшим систему заповедников, исследовательских и учебных учреждений, Наркомземом и Наркомвнешторгом. Последние в своей деятельности демонстрировали однозначную убежденность в том, что природа полностью бесполезна, пока не подвергнется активной эксплуатации. Ряд старых большевиков оказывал

покровительство природоохранной деятельности – наиболее известны в этой области А. В. Луначарский, П. Г. Смидович. В 1924 г. при поддержке руководителей Наркомпроса А. В. Луначарского, Н. К. Крупской и М. Н. Покровского создается ВООП (Всероссийское общество охраны природы), активно начавшее борьбу против сведения лесов.

Но постепенно деятельность Наркомпроса стала рассматриваться как «чуждая духу социалистического строительства».

С введением НЭПа финансовая ситуация в заповедном деле резко ухудшилась: частичное открытие заповедников для туристов, продажа животных в западные зоопарки и т.п. В 1929 г., в год «великого перелома», происходит смещение Луначарского с поста наркома.

В 1929 г. в РСФСР утверждено «Типовое положение о заповедниках, состоящих в ведении Наркомпроса». Согласно этому документу, заповедники создавались в том числе для «культурно-просветительной работы, в частности, пропаганды идей охраны природы среди населения как промысловой базы и пропаганды естественно-исторических знаний». Для этих целей заповедникам предоставлялось право создавать музеи, библиотеки, издавать свой периодический орган и труды, устраивать диспуты, публичные чтения, лекции, курсы, конференции, семинары, организовывать на своей территории экскурсионное дело.

В тезисах доклада о заповедниках РСФСР на Всесоюзной фаунистической конференции в феврале 1932 г. в Ленинграде один из руководителей заповедного дела России В. Н. Макаров расширил рамки пропагандистской работы заповедников, назвав одной из главных задач их деятельности – «всемерно развить пролетарский туризм, приближая в этом отношении государственные заповедники к характеру и типу национальных парков США, не снижая, однако, их научно-исследовательское значение и выдерживая принцип заповедности. Каждый заповедник должен разработать план проведения необходимых организационно-хозяйственных и других мероприятий, обе-

спечающих правильную постановку пролетарского туризма и интуризма и заключить конкретный договор с ОПТЭ и Интуристом не позднее февраля 1932 г.».

К началу 1930-х гг. экономически выздоравливающее общество сразу же проявило способность к хищническому использованию ресурсов, как возобновимых, так и невозобновимых, погоню за сиюминутной выгодой. Природоохранные законодательства, «прогрессивные» на бумаге, на практике оказались малоэффективными. Делалась ориентация на краткосрочную перспективу: важен выпуск продукции, а не охрана природы. С возобновлением торговых отношений между СССР и Западом начался рост экспорта пушнины и падение численности промысловых животных как следствие перепромысла (в частности, морские котики). Торговля мехами становится одной из главных статей экспорта: в 1920-х гг. доля СССР на мировом рынке превышала 15% (ситуация была аналогична с распродажей сокровищ Эрмитажа).

С другой стороны, в период НЭПа преподавание естественных наук переживало пору расцвета. Об этом свидетельствует уже тот факт, что с 1928–29 гг. ряд студентов и аспирантов МГУ обратились в вышестоящие инстанции с заявлением о почти полном отсутствии в университете ученых, стоящих «на позициях диалектического материализма» («мы имеем целый ряд работников, чуждых советской общественности как с идеологической, так и с политической стороны»), а также о «незнакомстве с марксистской идеологией» действующих профессоров (последнее, в частности, касалось конкретно Г. А. Кожевникова) [3, с. 167–168].

В 1931 г. происходит арест профессора Ленинградского педагогического института Б. Е. Райкова; начинаются нападки на журнал «Природа», который объявляется «пережитком прошлого»: «Вы можете перелистать тысячу страниц и ни разу не натолкнуться на имя Ленина, ни разу не встретить таких слов, как “социализм”, “коммунизм”, “диктатура пролетариата” и т.п.» (Немилов А. В. Заметки ученого // ВАРНИТСО, 1930, № 6). Характерны используемые в подобных публикациях

обороты, характеризующие старых заслуженных ученых: «матерые черносотенные волки», «кулаки от науки»; преклонение перед природой высмеивалось.

С началом периода пятилеток охрана природы попадает в опалу, на первое место выходит экономика. Положения о госзаповедниках на территории РСФСР, утвержденные СКН РСФСР 17 марта 1940 г. и 15 марта 1944 г., одной из задач заповедников ставили «ознакомление населения с природой заповедников и их работой путем организации туризма и научных экскурсий в заповедники». О задаче вести природоохранную пропаганду уже не вспоминали.

Еще в годы пресловутой «перестройки» журналом «Юность» была организована Всесоюзная независимая экологическая экспедиция, маршрут которой проходил по всей стране, затронув важнейшие очаги «социалистической индустриализации» 1930–1940-х гг.: Магнитогорск, Салават, Ангарск, Стерлитамак, Комсомольск-на-Амуре. Приведем только несколько цитат об «освоении» дальневосточных территорий и построении Комсомольска-на-Амуре. С чего все начиналось: «...раскулачили поголовно село Пермское, где общей нормой считалось иметь по несколько коров и хотя бы пару лошадей в каждом дворе. Отправили в небытие истинных первопроходцев – переселенцев из Пермской губернии, дошедших из-за Урала аж до края земли, мужицкой сметкой и разумным трудолюбием вставших здесь на ноги и вросших в вольную ничейную землю, не потревожив при этом ни природы, ни местных малочисленных миролюбивых народностей. От новых же пришельцев, бросив свое многовековое стойбище, нанайцы подались глубже в тайгу. Им, маленьким и неприспособленным, она казалась тогда бесконечной...» [13, с. 2, сл.].

Выдвигаются новые «ученые», среди которых Иоффе Абрам Моисеевич (1881–1963), утверждающий марксистские представления о природе, но подвергнутый, однако, критике в 1930-х гг.; Президент Исай Израилевич (1902–1969), полагавший, что научная истина определяется политикой и высказываниями большевистских вождей.

Новое поколение радикалов конца 1920-х гг. лишило естественные науки роли средства познания (в отличие от деятелей 1860-х гг.), эта роль теперь отводилась «научному марксизму». Теоретики культурной революции хотели ограничить науку функцией обслуживания технологии и устранить ее от рассмотрения широких общественных и политических вопросов. Последнее стало исключительной привилегией марксизма, провозглашенного «наукой о диалектической организации природы» и вооруженного методологией диалектического материализма.

Пути большевизации науки наметил сам И. В. Сталин в нескольких выступлениях конца 1929 г.: «Рухнули и рассеялись в прах возражения “науки” против возможностей и целесообразности организации крупных зерновых фабрик в 50–100 тыс га. Практика опровергла возражения “науки”, показав лишней раз, что не только практика должна учиться у “науки”, но и “науке” не помешало бы поучиться у практики» (Сталин И. В. Год великого перелома // В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10, М., 1934. С. 307) [3, с. 178]. По словам Сталина, теоретическая работа «не идет в ногу с нашими практическими достижениями»; при этом имелось в виду, что существуют новые «достижения» в области сельского хозяйства, не укладывающиеся в привычные представления теоретической науки, – достижения, которым следует найти научные объяснения. «Достижения» эти: яровизация, акклиматизация и коллективизация в области общественной жизни. Сталин объявил триумфальное наступление на целинные земли победой над трусливыми опасениями старой науки: «Вопрос об обработке заброшенных земель и целины имеет громадное значение для нашего сельского хозяйства. Вы знаете, что... в старое время... многие думали, что малоземелье это является абсолютным... Теперь ясно для всех, что свободных земель было и осталось в СССР десятки миллионов гектаров». Интеллектуальное содержание вовсе изымалось и из философии, и из науки.

На реальной же практике все было иначе. Яровизация (превращение озимой пшеницы в яровую) – была осуществле-

на в паре цветочных горшков, и эти опыты никогда не были успешно повторены в полевых условиях. Хозяйственники подавали победные репортажи, стремясь избежать репрессий, имели место массовые приписки и искажения в отчетах.

Теоретическое начало акклиматизации новых видов, чуждых естественным сообществам, было положено еще в XIX в. С 1929 г. началась акклиматизация североамериканской ондатры и южноамериканской нутрии, енотовидной собаки – поскольку цены на мех на международном рынке были высоки и продолжали расти. Планировалось «перевести» на Северный Кавказ пятнистого оленя с Дальнего Востока, а кавказского благородного оленя уничтожить, чтобы устранить его как экономически менее ценного. Для целей акклиматизации предлагалось использовать заповедники, нарушив тем самым основной принцип сохранения дикой природы.

Идеолог и руководитель этого направления Б. М. Житков не видел причин, по которым не следовало бы заполнять просторы России любимыми «полезными» животными формами, завозимыми из любых частей света. Возражения исходили от экологически мыслящих специалистов – последствия проникновения кроликов в Австралию и домового воробья в Америку были уже хорошо известны. Экологи в этот момент призывали предпочесть масштабным экспериментам спасение от вымирания выхухоли – ценного пушного зверька, естественного обитателя средней полосы России.

Равновесие в природных объектах, таким образом, было частично или полностью нарушено.

Н. Ф. Кащенко, воинствующий сторонник акклиматизации, писал о «пролетаризации» товаров, ранее бывших лишь предметами роскоши, – в первую очередь мехов и тропических фруктов (с последними представители класса-гегемона поначалу не знали как и обращаться). «Конечной целью акклиматизации, понимаемой в широком смысле слова, является переработка всего живого мира, и притом не только той его части, которая уже ныне подчинилась человеку, но и той,

которая еще остается дикой. Вообще, все дикие породы со временем исчезнут, потому что частью будут истреблены, частью перейдут в культурное состояние. Вся живая природа будет жить, плодиться и умирать не иначе, как по воле человека и согласно его предназначениям. Вот какие грандиозные перспективы открываются перед нами» (Кашенко Н. Ф. Роль акклиматизации в процессе подъема производительных сил СССР. Югоклимат // В кн.: Сборник по вопросам акклиматизации растений и животных, ч. 7, 1929); «право человека не только преклоняться перед природой, но и вмешиваться в ее законы, справедливо указывая на то, что сам человек является одним из элементов природы, да к тому же и немаловажным» (Карпов В. В. Письмо в редакцию // Охрана природы, 1930, № 8–10).

Началось проведение межвидовой гибридизации с целью создания новых «полезных» видов.

Проводившаяся политика вела к серьезным нарушениям биогеоценозов – и не только в заповедниках, но и в окружающих их районах, где сильно размножились многие акклиматизированные виды. Попытки исключить сопротивление среды и действие других регулирующих факторов, препятствующих размножению «хозяйственно полезных» видов, приводили к крайне нежелательным экологическим последствиям. Подавление действия естественного отбора на промысловых животных приводило в первое время к необычному росту численности их популяций. В то же время, поскольку слабые и плохо приспособленные особи не изымались более из популяции хищниками (волки в ряде мест были истреблены), в популяциях копытных накапливался генетический груз, что приводило к появлению на свет большого числа неполноценных особей. Это разрушало популяционную структуру и вызывало массовые падежи. Необычайно высокая плотность популяций вела к массовым эпидемиям, перекидывавшимся и на сельскохозяйственных животных. Одичавшие собаки занимали экологическую нишу волков, в результате чего возникали серьезные проблемы – люди были

известны собакам лучше, чем волки. Искусственно созданные благоприятные условия для «полезных» видов иногда приводили к тому, что такие упрощенные экосистемы не могли обеспечить существования даже исходного уровня численности животных [3, с. 334].

Постепенно обосновывается идея неограниченного контроля «гармоничного» общества над «несовершенной» природой. Свое политическое воплощение идея эта получает в сталинском плане преобразования природы, проектах искусственного изменения климата и поворота северных рек, а теоретическое – в «советской» пролетарской биологии 1930–50-х гг., обоснованной И. И. Презентом и Т. Д. Лысенко, борьбе с генетикой, а также в евгенических проектах 1920–30-х гг. В этом же русле работала мысль части русских космистов (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский), призывавших к регуляции природы, управлению ей для того, чтобы сделать ее «совершенной». Учение о *ноосфере* В. И. Вернадского, продолжавшее ту же традицию, в известной степени было ее рационализацией; это привело В. И. Вернадского к мысли о сознательном переходе в ноосферу, т.е. к смещению акцента с управления биосферой на неизбежность влияния человеческой деятельности на природу, главную роль в котором играет развитие науки, и подчеркивание личной ответственности ученого за последствия его работы. В то же время политическая обстановка, в которой Вернадский работал в последнее десятилетие своей жизни, сказала на его учении и привела к упоминанию о «государственном строе воплощения ноосферы».

В дальнейшем учение В. И. Вернадского о ноосфере разрабатывалось в СССР в качестве национального ответа на глобальный экологический вызов, и под давлением официальной идеологии сферу разума стремились представить как аналог коммунистического будущего, когда общество сможет реально управлять природой в своих целях.

Ориентация исключительно на экономический рост была вызвана стремлением провести индустриализацию

сверхбыстрыми темпами. Это было отчасти следствием страха – если СССР не сумеет быстро догнать Запад, то будет уничтожен. Поэтому И. В. Сталин не желал признавать ограниченность возможностей науки в познании, прогнозировании и управлении естественными событиями, не желал признавать ограничений, накладываемых вероятностным характером законов природы. По иронии судьбы, это заставило его поверить шарлатанам, поверить в могущество именно прикладной науки.

Кроме того, нельзя не отметить, что Сталинский план преобразования природы, а конкретнее – создание сети лесозащитных полос в степи, сам по себе являлся правильным решением, осуществление которого, как мы видели, началось уже в конце XIX в. Другое дело – как эти планы осуществлялись на практике...

Были провозглашены новые критерии науки: активное использование диалектического метода в исследованиях и обязательное изложение научных данных в терминах диалектики, что сохранялось фактически до последних дней советской власти. С начала 1930-х гг. после программных выступлений И. В. Сталина появилась доктрина о главенстве практики; это означало, что все научные учения должны служить обоснованием или по крайней мере соответствовать конкретным общественным и хозяйственным целям советской власти. В связи с этим И. И. Презент высказывает мнение (в критике деятельности В. В. Станчинского) – а может ли вообще экология именоваться наукой? Расцвет теоретической экологии в СССР пришелся, таким образом, на наиболее неблагоприятный в идеологическом плане период.

Однако не во всем здесь следует обвинять одних большевиков – вся эта вакханалия была подготовлена еще в XIX в. русской безбожной интеллигенцией, как мы это старались показать в гл. 7. Ф. Р. Штильмарк справедливо отмечает, что, давая самую суровую оценку событиям 1920–1930-х гг., невозможно забыть и о феномене общественного подъема, реального энтузиазма масс, включая уцелевшую интеллиген-

цию. Нельзя упрощать вопрос лишь до констатации таких фактов, как воспевание подневольного труда (например, в печально известной книге «Беломорско-Балтийский канал», коллективном труде большой группы виднейших писателей под редакцией М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина), – дело было более сложным и страшным [38].

Вскоре, однако, закономерно следует сталинский призыв прекратить травлю старой интеллигенции и ослабление преследований (1931 г.). В 1931 г. Д. Н. Кашкаров написал первый в СССР учебник по экологии сообществ «Среда и общество» (Кашкаров Д. Н. Среда и общество. М.: Медгиз, 1933). Кроме специальных данных здесь впервые полностью давалась история экологии как науки. Проводит исследования выдающийся русский эколог Георгий Францевич Гаузе (известный «*принцип Гаузе*» – «*экологическая ниша не может быть пустой*», подтвердивший известное еще алхимикам положение «природа не терпит пустоты»). Вместе с тем, в стремлении спасти природу от пятилетнего плана, интеллигенция, защищаясь, использует в полемике риторику социалистического строительства.

Материалы, критикующие беспощадную эксплуатацию природных ресурсов, стало невозможным публиковать даже в закрытых научных сборниках. Так, у зоолога Д. М. Вяжлинского, изучавшего выхухоль, к концу 1930-х годов скопилось более 40 рукописей. Но они оставались неопубликованными, поскольку содержали «сведения о грубых нарушениях в практике пушных заготовок и организации промысла законов об охоте и охране природы, данных о состоянии запасов промышленных зверей» [41].

К началу 1932 г. относят начало совместной деятельности «ученых» И. И. Презента и Т. Д. Лысенко. «Генеральный план реконструкции фауны» был ориентирован на полную перестройку живой природы страны. На фаунистической конференции 1932 г. И. И. Презент заявляет: «Мы должны овладеть фауной, и не только поставить себе на службу, но и должны перестроить ее так, чтобы она повысила свою продуктив-

ность» [3, с. 270]. При этом И. И. Презент был абсолютно прав, говоря, что экологи подкладывают «теоретическую мину под социалистическое строительство». Вышеприведенные научные выводы о полной утопичности марксизма говорят сами за себя. Кроме того, созданные в системе Наркомпроса заповедники на некоторое время стали центрами автономии интеллигенции от большевизма, и многие партийные деятели это понимали, называя их – «всесоюзным заповедником для вымирающих видов буржуазных ученых, в котором они отыскали уютный уголок, укрытый от лучей партии» [3, с. 344]. В процессе продолжающейся в печати травли экологов этот аспект также отмечен: «несоветские элементы, отгородившись от советской научной молодежи... вели нейтральную, фактически контрреволюционную, явно предательскую работу». С иронией можно отметить пророческое утверждение в одной из таких статей, поданное как обвинение: «**охрана природы становится охраной от социализма!**» [3, с. 191]. Это уже обвинение политическое и откровенно опасное. Участь экологии как науки на этот период была решена.

После разгрома экологии начинается закономерная атака на генетику, поскольку та, так же как и экология, представляла угрозу планам безграничного преобразования природы. По мысли Н. И. Вавилова, менделевская генетика накладывает жесткие ограничения на способность организмов приспособляться к новым условиям среды и передавать эти приспособления потомкам. Н. И. Вавилов также вел работы по акклиматизации, но именно с этих позиций. Здесь была необходима длительная исследовательская работа, что не устраивало большевиков.

В 1948 г. на августовской сессии ВАСХНИЛ происходит фактический разгром генетики. Однако в 1950-х гг. в научных кругах нарастает оппозиция созданию все более продуктивных сортов растений и видов сельскохозяйственных животных. А. А. Роде и И. И. Шмальгаузен утверждают, что при создании более продуктивных видов их генофонд обедняется. Это было объявлено позицией вейсманистов-морганистов.

Ряд ученых проводит политику «защитной окраски» – тактические уступки большевикам, согласие с социалистической риторикой, чтобы сохранить все то, что еще можно было тогда сохранить.

Несмотря на негативные тенденции, «В последние годы правления Сталина в СССР был начат глобальный экологический проект, получивший название “Сталинский план преобразования природы”. Это была не имеющая аналогов в мировой практике пятнадцатилетняя программа научного регулирования природы, разработанная на основе трудов выдающихся русских агрономов. План принят в 1948 году по инициативе И. В. Сталина. Согласно ему началось грандиозное наступление на засуху путем посадки лесозащитных насаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов. Сила этого плана была в единой воле, комплексности и масштабности. В течение 15 лет намечалось заложить леса на площади, превышающей 4 млн га. Впервые в истории создавались крупные государственные полезащитные полосы, общая протяженность которых превышала 5300 км. Направление этих полос было выбрано с таким расчетом, чтобы они не только сохраняли воду, но и служили заслонами против губительных для урожая жарких юго-восточных ветров – так называемых суховеев, очень частых в таких районах России, как Поволжье, Северный Кавказ, Кубань, Дон. В составе полезащитных лесных полос главное место отводилось долговечным породам, в частности дубу. Система государственных лесных полос дополнялась большими лесонасаждениями на полях колхозов и совхозов. Планомерно внедрялась система агрономических мероприятий, основанная на учении виднейших русских агрономов – В. В. Докучаева, П. А. Костычева, В. Р. Вильямса – и получившая название травопольной системы земледелия. В эту систему мероприятий входили: посадка защитных лесных полос на водоразделах, по границам полей севооборотов, по склонам балок и оврагов, по берегам рек и озер, вокруг прудов и водоемов, а также облесение и закрепление песков; правильная система обработки почвы, ухода за посевами и прежде все-

го широкое применение черных паров, зяби и лущения стерни; правильная система применения органических и минеральных удобрений; посев отборных семян высокоурожайных сортов, приспособленных к местным условиям; развитие орошения на базе использования вод местного стока путем строительства прудов и водоемов.

Эффект воздействия только посадки лесных полос на урожайность охраняемых ими полей достигал следующих размеров: по зерновым культурам урожайность увеличивалась на 25–30%, по овощным – на 50–70% и по травам – на 100–200%. Большую практическую отдачу имели и другие составляющие плана преобразования природы.

Однако после смерти Сталина выполнение плана было свернуто. Тем не менее даже того, что удалось осуществить, хватило нашей стране вплоть до 70-х годов, были замедлены процессы эрозии почвы, приостановлено выведение ее из полезного хозяйственного оборота»¹.

* * *

СССР, благодаря неимоверным человеческим и материальным жертвам, удалось, опираясь исключительно на собственные силы, в удивительно короткий срок создать экономический и военный потенциал индустриального общества (в 1940 г. промышленное производство в СССР в 24 раза превысило уровень 1922 г.), позволивший ему сохранить свою целостность, выжить в условиях экономической изоляции и агрессивного противостояния всего остального мира [24].

Апостасийные же тенденции, проявлявшиеся в первую очередь в деградации самого человека, не могли не вызывать беспокойства даже у партийных деятелей. В частности, еще в первые годы советской власти М. П. Потемкин писал: «Ужасная опасность грозит не только нашим природным ресурсам, но и нашим научным и культурным ценностям» [3, с. 344].

¹ Платонов О. Сталинский план преобразования природы // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000. С. 851.

8.3. Реальность глобального экологического кризиса

К середине XX в. СССР подошел, с одной стороны, как победившая в войне и экономически растущая держава, с другой – возможность возвращения на путь естественного для России исторического развития, ярко проявившаяся во время Великой Отечественной войны, была упущена.

После окончания войны деятели охраны природы попытались вновь развить природоохранную пропаганду. Однако эти усилия вскоре были заблокированы двумя важнейшими политическими событиями – августовской (1948 г.) сессией ВАСХНИЛ и претворением в жизнь Сталинского плана преобразования природы. Поэт с характерной фамилией писал стихи:

Законы природы кому не знакомы?
Коварны, призрачны и капризны...
Но есть у нас наши законы –
Законы строительства коммунизма (...)
По нашим законам дождям пролиться!
По ним – лесам приказано вырасти (...)
По нашим законам зальются птицы
И заструятся в лесах криницы.

(Лиходеев М. По нашим законам // Комсомольская правда, 5 ноября, 1948)

Даже во Всероссийском обществе охраны природы (ВООП) стали раздаваться призывы типа «Сохраняй и сохраняя – видоизменяй», «Охранять для преобразования, преобразовывать то, что сохранено». Само ВООП в 1951 г. изначально предполагали назвать «Общество содействия охране и преобразованию природы».

В 1951 г. произошла ликвидация 85% заповедников, а оставшиеся рассматривались в первую очередь как экспериментальные сельскохозяйственные станции.

Индустриализация страны привела к коренным изменениям в размещении производительных сил. На первом этапе строительство небольших ГЭС велось в основном на малых реках, загрязнение которых началось уже в XIX в. Основными загрязнителями малых рек явились сточные воды городов, а также животноводческих и птицеводческих ферм, рыболовных хозяйств. Но уже со второй пятилетки, и особенно в годы Великой Отечественной войны, центр тяжести экономического освоения был перенесен на средние, а затем и крупные реки. Кроме того, большинство водохранилищ при малых ГЭС были либо разрушены в годы войны, либо ликвидированы после 1950-х гг. Наиболее значительным фактором антропогенного воздействия на малые реки в 1960–1970-е гг. явилась водная *мелиорация*, и как результат – массивное осушение болот, спрямление русел, ликвидация мелкокося и других элементов ландшафта, играющих важную роль в формировании стока и его режима. Одновременно возрастающая интенсификация сельского хозяйства, основанная во многом на увеличении вносимых доз удобрений, привела к росту эвтрофикации в первую очередь малых водоемов [6].

Не лучше обстояли дела и с крупными реками. «Ради чего задуман весь этот план преобразования Волги? Мы имеем двенадцать электростанций на Волге и Каме с их гигантскими водохранилищами. Продажа получаемой на них электроэнергии дает всего 600 млн рублей в год (в ценах 1980 г.).… На Волге произошла экологическая катастрофа, и великое, изобильное стадо осетровых находится на краю гибели. Из 3 тыс гектаров нерестилищ осталось 400. На Волге и Каме затоплено, разрушено, перенесено более 2500 сельских поселений, 96 городов, рабочих поселков, снесено более 380 км железнодорожных путей, свыше 1600 км – автодорог, переселено около 1 млн 200 тыс человек. Только от затопления пойменных и заливных лугов терялось 10 млрд рублей в год (в ценах 1980 г.)» [36].

* * *

Уже рубеж XIX–XX вв. для сельского хозяйства России характеризуется нарастающим подавлением традиционных приемов сельскохозяйственного производства, столетиями приспособленного к тем духовным, природно-климатическим и социально-экономическим условиям, которые сложились на тот момент в стране. Ведение сельского хозяйства в России как нельзя более соответствовало основному системному экологическому принципу – «устойчивость в многообразии». Однако уже тогда начинается экспансия западного опыта и технологий ведения сельского хозяйства. И это несмотря на то, что Россия дала миру целую плеяду великих ученых-агрономов и почвоведов. Русский почвовед В. В. Докучаев так оценивал сложившуюся тенденцию: «препятствием к развитию нашего сельского хозяйства является наблюдаемое ненормальное явление... Наша агрономическая наука питается исключительно зарубежной агрономической наукой, главным образом немецкой. При этом упускается из виду, что зарубежная агрономия выросла и расцвела на почвах и под небом, отличающихся от наших, а также что природные условия и условия, созданные иной цивилизацией, там совершенно другие, чем у нас».

Гармоничное сочетание разнообразных форм сельского хозяйства – от полеводства до животноводства в едином хозяйстве русского крестьянина в советский период было окончательно заменено созданием агроиндустрии с упором на крупные животноводческие комплексы, птичьи дворы заменили на птицефабрики; произошли отмена содержания земель «в запасе» и «в пару», уменьшение зерно-кормовых, зерно-овощных севооборотов или полная их отмена, замена естественных агротехнологий технологиями «индустриальными», в основном на монокультурах, что резко снизило устойчивость агроэкосистем. В непригодных почвенно-климатических условиях внедряли чужеродные культуры – кукурузу, рис, сою и другие в ущерб исконным: ржи, бобовым, гречихе, льну, луку.

«Индустриализация», как и во всем остальном, требовала серьезных изменений в технологиях: интенсивной химизации, масштабной водной мелиорации, нового (в основном тяжелого) парка машин, пренебрежения севооборотами. Результатом стало не только масштабнейшее попадание в почву и воду пестицидов, удобрений, отходов бытовой сферы и промышленности, а также их метаболитов (продуктов распада, обмена веществ), но и не менее значительное загрязнение окружающей природной среды от деятельности отраслей производства этих соединений – химической и агрохимической отраслей промышленности: комбинаты по производству азотных, фосфорных и калийных удобрений, заводы по производству (по своей технологии сравнимому с производством боевых отравляющих веществ) химических средств защиты растений.

Основные сельскохозяйственные угодья России находятся на равнинных территориях и характеризуются большими размерами. Это предопределило крупномасштабное использование авиации, с помощью которой проводят весенние подкормки удобрениями и большинство химических обработок растений на полях; при этом избежать попадания ядовитых веществ на естественные ценозы, на реки и в леса практически невозможно. Таким образом, разрушительные процессы в агросистемах коснулись и естественных экосистем, что привело к гибели и вырождению многих видов животного и растительного мира.

Экстенсивное использование земельных, водных и лесных ресурсов, не обеспеченное адекватными мерами по их воспроизводству и охране, привело к быстрой деградации, снижению их защитных и средообразующих функций. Концентрированным выражением ухудшения эколого-экономической ситуации являются падение плодородия почв, снижение продуктивности угодий на фоне увеличения производственных затрат, загрязнение продукции и питьевой воды и, как следствие, заболеваемость населения.

Такой путь решения проблем «развития» сельского хозяйства привел землепользование к той грани, за которой

неминуемо следует эколого-социальная катастрофа. Землепользование и сельское хозяйство оказались в противоречии со многими процессами жизнедеятельности биосферы. Практика планирования землеохранной деятельности по размерам выделяемых капитальных вложений и наличию производственных мощностей, занятых в том или ином виде работ, оказалась совершенно экологически необоснованной и экономически неэффективной [34].

К концу XX в. от докучаевских лесозащитных полос мало что осталось. В советское время лесные полосы посчитали рассадниками сорняков на полях. «Пропашная» система истощила землю, химизация привела к еще большему загрязнению окружающей среды.

* * *

В школьных учебниках важное место отводилось, в частности, стихам С. Я. Маршака «Война с Днепром» и отрывку «Наступление на тайгу» из романа В. Н. Ажаева «Далеко от Москвы» с выразительными призывами к сокрушению дальневосточной тайги со всеми ее обитателями. Уровень литературных произведений снизился даже по сравнению с тридцатыми годами; так, М. Ильин публикует в 1950 г. трудночитаемую повесть «Покорение природы», прославляя Вильямса, Лысенко и Сталина: «Смотрите, говорит советский народ, вот та война, которую должны вести люди, – война за господство над силами природы» ([38], М. Ильин. Преобразование планеты (Рассказы о покорении природы). М., 1951. С. 404).

Уклониться от этого направления не могли даже М. М. Пришвин, И. С. Соколов-Микитов и К. Г. Паустовский, продолжая на деле оставаться в оппозиции к покорению природы: «Повесть о лесах» К. Г. Паустовского, очерки «В защиту друга» Л. М. Леонова; в 1948 г. М. М. Пришвин, выступая на слете юных туристов, говорил, что охранять природу – значит охранять родину, но призывы эти были поистине гласом вопиющего в пустыне. Даже очень острые выступления

главы советских писателей М. А. Шолохова с трибун партийных съездов в защиту Байкала и Дона не принесли никаких реальных результатов...

Однако в те же годы Географгиз переиздавал книги знаменитых русских путешественников: Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, В. К. Арсеньева, уделявших в своих трудах много внимания живой природе. Выходили в свет полезные издания писателей-натуралистов (А. Н. Формозова, Е. П. Спангенберга, С. С. Турова и др.), а также писателей охотничьей тематики (И. Арамилева, В. Перегудова, В. Матова и др.), которые сейчас интересны более всего тем, что позволяют увидеть, насколько богатыми еще недавно были наши опустевшие ныне уголья...

Выходят в свет первые советские книжные издания «Охрана природы в СССР» (1947 и 1949) автора В. Н. Макарова; созданный при его же участии двухтомник «Заповедники СССР» был издан в 1951 г., когда большинство описываемых заповедников уже оказались ликвидированными. В СССР существовало до 1963 г. 120 заповедников и заповедных территорий. На короткий период времени их число уменьшилось, но потом большая часть была восстановлена. Ныне действует, по разным сведениям, от 78 до 86 заповедных территорий, число которых имеет тенденцию к увеличению [43].

Смерть И. В. Сталина и приход к власти Н. С. Хрущева коренным образом изменили ситуацию в еще более худшую сторону. Совершив благое дело реабилитации части невинно осужденных, Хрущев вернулся к антиправославной, а следовательно, и к еще более антиэкологичной политике. Так называемая «оттепель» была явлением чисто троцкистско-либеральным. В 1955 г. Н. С. Хрущев заявил французской правительственной делегации: «Мы продолжаем быть атеистами. И мы будем стараться освободить от религиозного дурмана большее количество народа...» На Покров, 14 октября 1958 г., началась всесоюзная кампания против религии. Секретные постановления ЦК КПСС имели целью фактическое ограбление Церкви; важнейшее среди них: постанов-

ление от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В нем всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось «...развернуть наступление на религиозные пережитки в сознании и быту советских людей». И уже 16 октября Совмин СССР принял первые антицерковные постановления: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений и доходов монастырей». В первом из них монастырям запрещалось применять наемный труд, предусматривалось трехкратное уменьшение земельных наделов и числа обитателей. Вновь вводились отмененные в марте 1945 г. налог со строений и земельная рента; как минимум вдвое, в сравнении с 1945–1955 гг., повышались ставки налога с земельных церковных участков, включая даже кладбища. Вдвое увеличился налог на доход свечных мастерских. В беседе с медиа-магнатом В. Херстом в ходе своего визита в США в сентябре 1959 г. Хрущев отметил, что «народное просвещение, распространение научных знаний и изучение законов природы не оставят места для веры в Бога». В 1961 г. Хрущев, выступая по телевидению, заявил: «...Обещаю, что вскоре мы покажем последнего попа по телевизору!» (именно попа, а не ксендза, пастора, муллу или раввина). Из всех закрытых религиозных объектов в 1958–1964 гг. свыше 60% были православными.

В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. был вновь запрещен колокольный звон, храмы отключали от водопроводной сети и даже от канализации, запрещали ремонты. В ноябре 1958 – марте 1959 гг. прошла массовая «чистка» гражданских библиотек от литературы религиозной тематики. А 28 ноября 1958-го ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”». Причем, чтобы прекратить доступ верующих к 700 учтенным властями святым местам в СССР, применялись и кощунственные методы: на местах паломничества или вблизи них устраивались свинарники, отхожие

места, свалки мусора; святые источники «выкачивались», засыпались чем угодно и т.п.

Повторяются антинаучные и утопичные эксперименты предшествующих лет: распашка целины привела к уничтожению защитного дерна и «черным бурям» (было «освоено» 30 млн га целинных земель), культивация кукурузы как важнейшей сельскохозяйственной культуры независимо от конкретных экологических условий.

Была осуществлена реформа сельского хозяйства: колхозники стали получать гарантированную денежную оплату за труд, им выдали паспорта, разрешили переходить в другие колхозы и уезжать в город. Однако антиправославная нацеленность усиливалась политикой ликвидации так называемых «неперспективных деревень», проводившейся с 1958 г. в русском нечерноземье. Русские деревни, лишённые не только кадров и сельхозтехники, но даже посевного материала, кормов и большинства объектов соцкультбыта (из-за «перекачки» всего этого в целинные и «кукурузные» регионы), упразднялись вместе с храмами и другими православными объектами. С 1963 г. начались регулярные закупки зерна за рубежом.

Происходила дерусификация регионов, куда возвращали прежде депортированные оттуда за сотрудничество с гитлеровцами народы (калмыков, балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, крымских татар, галичан – западных украинцев); одновременно с этим передача Крыма Украине и ряда русскоязычных территорий – Казахстану постепенно и неизбежно вели к развалу государства. Попытки навязать коренным народам Севера оседлый образ жизни, когда эти люди испокон веков мирно сосуществовали с природой, получая от нее все необходимое, привели к их моральной и физической деградации.

Всего за период 1958–1964 гг. было закрыто свыше 4000 православных храмов, в том числе до 70% тех, что были вновь открыты в 1941–1954 гг. При этом почти 70% закрытых православных объектов были расположены именно в РСФСР. В этой связи небезосновательно мнение украинского историка и этнографа В. Палецкого: «Основной хрущевский удар по

Православию был нанесен в России, потому что прежде всего русские были недовольны его политикой. В то же самое время мало обращалось внимания на “неофициальное” возрождение униато-католической конфессии в Западной Украине, баптизма и иудаизма, а энергичные протесты мусульман вынудили власти почти прекратить, во избежание реставрации басмачества, закрытие мечетей в Средней Азии и Поволжье. Зато в тех же регионах чуть ли не массовым образом закрывались учреждения православного, в том числе старообрядческого культа». Были возобновлены (как в 1920-х – первой половине 1930-х гг.) изъятие у церковью колоколов, ряда высокоценных предметов культа и увольнения с гражданской работы не только верующих, но и членов их семей [44].

В хрущевскую «оттепель» с экологической гласностью стало как бы немного легче. Но когда дело касалось крупных экологических катастроф – типа атомного взрыва в 1957 г. на химкомбинате «Маяк» под Челябинском, цензура не пропускала и косвенного упоминания о катастрофе. В ЦК КПСС принимались решения, вначале ограничивающие экологическую информацию. В частности, ограничения по Байкалу – первое в конце 1963 г. по личному приказу Хрущева, второе – в конце 1960-х, третье – в 1975 г., распространявшееся уже на всю природоохранную информацию в СССР.

В «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», утвержденный Главлитом СССР в июле 1957 г., вошли – «количество лесных пожаров в стране, их площадь и убытки; степень зараженности радиоактивностью воздуха, почвы, водоемов по всей территории СССР; сведения об авариях и катастрофах в Вооруженных силах СССР; детская смертность; сведения о катастрофах, крупных крушениях, крупных авариях и пожарах в промышленности и на транспорте». В 1961 г. Главлит издал циркуляр № 3 о запрете сведений о добыче китов, крабов, лососевых рыб, состоянии их нерестилищ. Н. С. Хрущев неоднократно открыто насмеялся над охраной памятников культуры, зоологическими исследованиями, а в январе 1961 г. резко

выступил против заповедников: «Что произойдет в лесах, если там не будет заповедников? Ничего. Природу надо, конечно, беречь, охранять, но не путем создания всюду заповедников с большим штатом обслуживающих их людей» [41].

С другой стороны, во второй половине 1950-х гг. почти все союзные республики, вслед за прибалтийскими, принимают законы об охране природы (в РСФСР такой закон был принят в 1960 г., хотя союзный так и не был оформлен), что обусловило выход на новый уровень научно-популярной и учебной литературы такого рода.

Постепенно проявилось творчество советских писателей, активно выступавших за охрану природы: повесть В. А. Солюхина «Владимирские проселки», некоторые рассказы Ю. М. Нагибина, В. П. Астафьева, Ю. П. Казакова. Тематика эта постепенно расширяется, а тенденции «покорения» природы постепенно сходят на нет. В июне 1956 г. в газете «Правда», статьи которой тогда воспринимались как «руководящие указания», появилось «Письмо из Тарусы», в котором К. Г. Паустовский обличал ведомства в надругательстве над живой природой: «Мало того, что берега Оки опустошают с какой-то, я бы сказал, садистской яростью, но и воду ее безнаказанно и систематически отравляют калужские и алексинские заводы. Рыба или уходит (как ушла из Оки стерлядь), или гибнет массами. С некоторых пор пойманная в Оке рыба начала пахнуть одеколоном... и еще какими-то химическими и убийственными запахами. Заводы ведут себя попросту нагло. Очевидно, они почитают себя государством в государстве. Никакие приказы, никакие меры не помогают. Большого наплевательства по отношению к своей стране и народу, большого безразличия к своей стране и ее природным богатствам трудно себе представить» (К. Г. Паустовский. Собрание сочинений, т. 7. М., 1983. С. 358).

* * *

Военно-политическое могущество СССР как геополитического преемника России после Второй мировой войны

возросло до невиданных размеров (что подтверждает предположение Д. И. Менделеева о дальнейшем росте могущества Российской империи). Образовавшаяся «мировая социалистическая система» оказалась мощнейшим противодействием Западной цивилизации в ее стремлении к мировому господству. Чтобы обеспечить экономическую и политическую независимость, необходимую для противостояния с Западом, СССР вынужден был, являясь преемником Российской империи в геополитическом плане, продолжать ее политику – защиту слабых от сильных [26].

Опираясь на «авторитет» вооруженных сил и коммунистические движения некоторых стран, СССР удалось объединить ряд государств в политико-экономический альянс, образовавший своеобразный «второй мир», слабо интегрированный в мировой капиталистический рынок, имевший в рамках СЭВ (Совета экономической взаимопомощи) собственную валюту, объединявшийся идеологией, во многом близкой идеологии России (провозглашение примата духовных ценностей, вторичности материальных благ, коллективности и взаимопомощи).

В отношениях со странами СЭВ и развивающимися странами, находившимися в орбите советских интересов, Россия выступала донором их экономик, о чем свидетельствуют колоссальные долги последних СССР. По важнейшему показателю – обеспеченности энергоресурсами многие страны СЭВ находились в полной зависимости от России, предоставлявшей эти ресурсы своим союзникам по внутренним ценам, которые составляли 13% по нефти, 9% по бензину и дизельному топливу и 3% по природному газу от мировых.

Это позволяло сохранять государственную целостность и суверенитет членов «второго мира» от политической, военной, экономической и культурной экспансии энергетически более мощного «первого мира». Экономика стран СЭВ и некоторых других государств «мировой социалистической системы» ориентировалась не на рыночные механизмы стоимости, а представляла собой обмен натуральными продуктами

ми, необходимыми для той или иной страны, для их общего существования.

Геополитическая стратегия СССР, ориентированная на экономическую и военно-политическую интеграцию со странами «второго» и «третьего мира», позволила существенно отодвинуть границы с враждебным блоком НАТО от СССР, противопоставить людские и экономические ресурсы этих стран экспансионистской политике Запада, обеспечив тем самым полувековой мир в Европе и время для определенного улучшения условий жизни собственного народа.

Благодаря плановому регулированию экономика «второго мира» позволила сосредоточить значительную долю производства предметов народного потребления и продовольствия в странах с эффективными территориями, где их себестоимость была значительно ниже, чем в России, последняя же специализировалась главным образом на обеспечении содружества средствами производства, сырьем и энергией и взвалила на себя бремя разработки и производства вооружений, содержание армии, фактически обеспечивавшей военный паритет с Западом. В результате страны-сателлиты получили дополнительные сырьевые и энергетические ресурсы на развитие собственной экономики, инфраструктуры и т.п. Их продукция стала постепенно приближаться по своим показателям к стандартам ведущих стран мира. Россия же, даже в масштабах СССР, практически весь прирост энергоресурсов по-прежнему направляла в самую энергоемкую сферу милитаризации, в добывающие отрасли, финансируя по остаточному принципу другие сферы. Это позволяло сохранять баланс сил, но западные страны, из-за более благоприятных природных условий и меньших затрат на поддержание биогенных условий существования людей, постепенно наращивали отрыв в уровне благосостояния своих граждан, делая более привлекательной свою модель цивилизационного развития. Издержки на оборону снижали возможности обустройства России, но справедливости ради надо сказать, что благодаря этой геополитической

стратегии в последние пятьдесят лет в СССР были созданы материально-техническая база и научный потенциал, необходимые для рывка, способного на основании достижений НТР существенно изменить конкурентные возможности нашего государства по сравнению со странами, находящимися в лучших природных условиях. К сожалению, по ряду причин шанс этот был упущен [24].

Аналогично обстояли дела и в самом СССР, где единственным донором для союзных республик выступала именно Россия, имевшая положительное сальдо торгового баланса. Все республики, кроме Туркмении с нулевым сальдо, дотировались Россией в размере 11,5% ее ВВП. Дифференциация субсидий по абсолютным показателям характеризовалась цифрами от \$11 млрд (Казахстану) до \$0,84 млрд (Азербайджану). Еще значительней она была при пересчете субсидий на душу населения при определении их доли в ВВП. По первому показателю различия составляли от \$1,654 и \$1,356 на душу населения (в Литве и Эстонии соответственно) до \$94 и \$120 (на Украине и в Азербайджане). Размер субсидий Литве доходил почти до 60% ее ВВП, для Молдавии он составлял 48,69%, Эстонии – 45,72%.

За счет собственных мощностей Узбекистан и Туркмения удовлетворяли 85% своих потребностей, а Украина, Киргизия и Таджикистан – 50%, Белоруссия – 10%, Армения – 4%, Молдавия – 1% [24] (расчет на основе: European Commission of the European Communities. 1990. № 5. December. P. 79, 479).

На международной арене в этот период начинается «холодная война», поскольку бурное развитие техносферы предусматривало и изменение форм ведения войны, не доводя ее до дорогостоящей и разрушительной термоядерной.

Враждебность Западной цивилизации к России русские мыслители отмечали еще в XIX в.: «Не надо себя обманывать. Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или другого государственного мужа, а в самых основных ее интересах» (Н. Я. Данилевский).

И. А. Ильин уже в XX в. писал: «Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас: и для самоуспокоения внушают себе <...>, что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к несправедливости и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов...

Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы “цивилизовать” ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать, завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно несостоятельная, чтобы претендовать на ее “неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии».

Это противостояние вынуждало руководство СССР вести политику, во многом аналогичную политике Российской империи. В этом контексте роль И. В. Сталина представляется весьма специфичной. Угадав в наиболее трагический момент русской истории необходимость переориентации идеологического курса на патриотизм и исконные русские духовные ценности, он, однако, не смог или не успел довести начатое до логического завершения.

Антиэкологичный характер духовной жизни не изменился – ведь в этом суть советской власти: «Дым фабрик и заводов – дыхание советской республики», подобные лозунги, наряду с плакатами и прославлениями Сталина, можно было видеть повсюду. Проводимая лесо- и агромелиорация, являясь делом важным и нужным, на рубеже 1940–1950-х гг.

стала осуществляться парадно и официозно, подчас с огромными расходами без реальных результатов. Экологический кризис в России нарастает, становясь важной частью глобального кризиса.

Так называемый **«застойный» период** советской истории являл собой закономерную деградацию режима. Период от 1970-х гг. до 1985 г. представляется довольно противоречивым и сложным. В связи с ростом кризисных явлений в политике и экономике усиливается идеологическое давление, обостряется борьба государства против нарастающего диссидентства, что заметно сказывается и на природоохранном движении, которое получает «поддержку» свыше. Официально вопросы охраны природы и меры для ее рационального использования нашли отражение в Программе КПСС, а также Директивах XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. Еще более отчетливо и широко меры улучшения охраны природных богатств и их использования были рассмотрены на XXIV съезде КПСС. В Отчетном докладе ЦК КПСС, сделанном на XXIV съезде КПСС, генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Принимая меры для ускорения научно-технического прогресса, необходимо сделать все, чтобы он сочетался с хозяйским отношением к природным ресурсам, не служил источником опасного загрязнения воздуха и воды, истощения земли. Партия повышает требовательность к плановым, хозяйственным органам и проектным организациям, ко всем нашим кадрам за дело проектирования и строительства новых и улучшения работы действующих предприятий под углом зрения охраны природы. Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины. Мы готовы участвовать и в коллективных международных мероприятиях по охране природы и рациональному использованию ее ресурсов». В 1972 г. на четвертой сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва были рассмотрены меры по дальней-

шему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов и принято соответствующее постановление. Во всех этих документах подчеркивается мысль о том, что природные богатства – важнейшая составная часть материально-технической базы коммунистического строительства, ибо построение коммунизма немислимо без повседневной заботы о сохранности и приумножении природных ресурсов. Поэтому охрана природы является важнейшей государственной задачей и делом всего народа. Опыт свидетельствует, что при комплексном подходе к использованию природных ресурсов интенсивное развитие промышленности и сельского хозяйства не должно привести к катастрофическому оскудению флоры и фауны, если все установленные правила будут точно соблюдены. Слова, слова, слова... На практике же торговля сырьем – невыгодная в принципе – была сочтена советским руководством единственным способом поддержать малоэффективную советскую экономику.

Нельзя не отметить произведения русской литературы 1970-х гг.: «Царь-рыба» В. П. Астафьева, повести «Прощание с Матерой» и «Пожар» В. Г. Распутина, роман «Плаха» Ч. Айтматова и его же повесть «Белый пароход», рассказы В. М. Шукшина и А. В. Скалона. Очевидно столкновение человеческой духовности с аморальностью, правды с ложью, причем «экология человека» поистине слита здесь с глобальными земными проблемами [38].

Строительство Байкало-Амурской магистрали и другие «стройки века» вновь возрождают угаснувший было пафос «борьбы с природой», опять на страницах печати появляется военная фразеология: «наступление на таежную глушь», «таежные десанты», «даешь БАМ». Попытки экологов – ученых и публицистов (В. Н. Скалон, Ф. Р. Штильмарк) – противостоять этому малоуспешны; например, очерк Ф. Р. Штильмарка «БАМ глазами эколога» был набран в типографиях Москвы, Улан-Удэ и Хабаровска, но так и не вышел в свет. Главлит вводит официальные ограничения на тематику охраны при-

роды (особые правила действовали, в частности, для публикаций по регионам Байкала и БАМа), которые соблюдались довольно строго (при подготовке в начале 1970-х гг. книги «Таежные дали» автор – Ф. Р. Штильмарк – получил от издательства «Мысль» (Москва) письмо с требованием убрать со страниц рукописи какую бы то ни было критику в адрес ведомств, связанных с охраной природы [37, 38].

Для советской природоохранной тематики в целом характерно преобладание публицистики над беллетристической. Писатели не стояли в стороне от актуальных вопросов природопользования, хотя им подчас приходилось преодолевать редакционные и цензурные барьеры: борьба против Нижне-Обской ГЭС и за сохранение Байкала (С. П. Залыгин, Ф. Н. Таурин), хотя она и не остановила строительство байкальских целлюлозных комбинатов, очерки В. А. Чивилихина о кедровых лесах Алтая. Но сколько-нибудь серьезного влияния на реальное положение дел ни публицистика, ни художественная литература оказать не могли; состояние природной среды в СССР продолжало неизменно ухудшаться.

Многие ученые-экологи: Г. П. Дементьев, Н. А. Гладков, А. Г. Банников, В. В. Флинт, В. Е. Соколов, Н. Н. Дроздов – обратились к охране природы. Однако усилия их были также разрознены, а творчество ограничивалось либо узкими рамками специальной отраслевой тематики, либо носило характер сугубой популяризации. Оставаясь на сугубо материалистических, а порой и на прагматических позициях, эти ученые приводили в защиту животных, как правило, лишь общие доводы или лозунги умозрительного характера [38].

В 1978 г. выходит первое издание «Красной книги СССР». Подобная просветительская деятельность не достигала своей цели, ибо она оставалась холодна и рассудочна, обращалась к разуму, а не к душе читателя, оставляя его если не равнодушным, то вполне спокойным. Это не означает отказа от самой идеи «Красной книги», но такое издание должно быть строго научным и изначально предназначаться для ограниченного пользования [38].

Более серьезны и действенны научные и научно-популярные издания по экологической тематике академиков Н. Н. Моисеева, И. В. Петрянова-Соколова, С. С. Шварца, члена-корреспондента АН СССР А. В. Яблокова, доктора биологических наук Н. Ф. Реймерса, приложивших немало реальных усилий для подлинного укрепления экологических знаний. Необходимо упомянуть в таком же контексте труды выдающегося ученого Л. Н. Гумилева. Академик Д. С. Лихачев вводит в широкий обиход термин «экология культуры».

Однако прямые антиэкологические представления сохранились не только в гуще народных масс, но и в сознании некоторых официальных экологов. Так, главный редактор всесоюзного журнала «Охота и охотничье хозяйство» О. К. Гусев писал в 1980 г.: «Утверждение, что человек не должен господствовать над природой, – глубокое недоразумение. Это одно из самых массовых самовнушений последнего десятилетия. Будущее обещает человеку все большее освобождение от террора враждебных ему природных сил, и тем самым он будет все шире проявлять свое господство над ними» (О. Гусев. Оптимальное в оптимальном // В мире книг, 1980).

Учение В. И. Вернадского о ноосфере разрабатывалось в СССР в качестве ответа на глобальный экологический вызов, и под давлением официальной идеологии «сферу разума» стремились представить как аналог коммунистического будущего, когда общество сможет реально управлять природой в своих целях.

Тем временем гибельность исторического пути, основанного на либерализме и вере в научно-технический прогресс, начинают осознать и многие мыслители Запада. Основатель масонского Римского клуба А. Печчеи в 1960-х гг. писал следующее: «Дальнейшее развитие технологической цивилизации, экономический рост, возрастающая мобильность людей, чьи поселения занимают большую часть твердой поверхности планеты, расширение средств массовой информации – все это сулит в будущем исполнение мрачных пророчеств окончательного и безжалостного исчезновения с лица земли

львиной доли того, что еще осталось от свидетельств веры, любви, эмоций, гордости, чувства прекрасного и стремления к добру прошлых поколений».

По заказу Римского клуба американский профессор Д. Медоуз с сотрудниками, базируясь на методах системной динамики, разработанных его учителем, профессором Дж. В. Форрестером, осуществил анализ современного состояния и перспектив развития современной цивилизации (1971). Методы системной динамики, как и любые научные методы, не в состоянии полностью описать поведение природных и социальных систем, однако они позволяют с достаточной степенью точности оценить основные тенденции развития цивилизации и прогнозировать дальнейший ход событий. Правильность выбранной методологии подтвердилась всеми последующими историческими событиями [7, 21].

По нашему мнению, единственно реальный вариант моделей Медоуза – «Модель развития цивилизации **при неизменности существующих тенденций**»: экспоненциальный рост населения сопровождается ростом энергетических затрат техносферы на жизнеобеспечение цивилизации (выпуск промышленной продукции, продуктов питания, социальные услуги); рост потребления при этом обуславливается не только и не столько ростом численности населения, но в первую очередь – ростом самих потребностей, о чем уже неоднократно говорилось выше; эти процессы естественным образом сопровождаются сокращением невозобновимых природных ресурсов и, как следствие, – ростом загрязнения окружающей природной среды, поскольку до 90% ресурсов попадает в отходы, при дополнительном огромном количестве бытовых отходов. Сам Д. Медоуз весьма непосредственно пытается найти выход: «Если мы, каждый из нас чуть-чуть изменит свое поведение, привычки, умерит аппетит, то, я убежден, большинство проблем можно будет решить». Высказывание сродни мыслям о «светлом будущем», налицо конвергенция либерализма и коммунизма, что мы и наблюдаем в настоящее время. Главная же причина экологических

проблем видится авторами моделей в чрезмерном росте народонаселения, но не в росте потребностей этого населения (вспомним мысль о «постоянно растущих потребностях» в известной работе И. В. Сталина).

В СССР работы Д. Медоуза были справедливо причислены к неомальтузианским и находились под запретом, поскольку противоречили стратегии построения «светлого будущего». По сравнению со странами Запада развитие процессов экологизации мышления шло со значительным отставанием. Экологический бум, начавшийся на Западе уже в конце 1950-х гг. «зеленой революцией», в СССР, советской науке и советских общественных движениях остался практически незамеченным. В сфере естественных наук в 1960-е гг. экологию еще продолжали по инерции рассматривать как периферийную и не слишком актуальную науку по сравнению с такими новыми экспериментальными областями, как биохимия и биофизика. Проникновению же экологических идей и представлений в гуманитарные науки и общественное сознание препятствовал целый ряд социально-политических факторов и идеологических догм. Немаловажную роль играло и отсутствие строгой и достоверной научной информации о реальном состоянии окружающей среды, уровнях загрязнения, экологических катастрофах и пр. [10].

Мировое сообщество тем временем получает практические доказательства правильности основных прогнозов Д. Медоуза и его сторонников. Первый глобальный форум по окружающей среде состоялся в Стокгольме в 1972 г. В 1983 г. ООН создала Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию, которая опубликовала Доклад Гру Харлем Брутланд «Наше общее будущее». Однако это не меняет общей потребительской направленности цивилизации Запада. Д. Медоуза обвиняют в попытке с помощью слишком «грубой» математической модели оценить современную цивилизацию. Данный факт вполне закономерен, поскольку Медоуз предполагает рост *энтропии* (неупорядоченности, меры хаоса) в процессе нарастающего промышленного про-

изводства, что весьма неприятно слышать людям с потребительским складом ума.

В нашей стране ситуация резко изменилась в конце 1980-х гг. с началом эпохи так называемых «перестройки» и «гласности». Информация о состоянии окружающей среды в отдельных регионах стала более доступной, а трагические события в Чернобыле стимулировали бурное развитие общественного интереса к проблемам экологии. Чернобыльская катастрофа вызвала к жизни поток публикаций, хотя будущее атомной энергетики по-прежнему остается неясным.

Создавались экологические союзы и экологические партии, кандидаты в депутаты советов различных уровней обязательно включали в свои программы экологические обещания. В этот же период были сделаны первые важные шаги на пути экологизации гуманитарного знания. В вышедшей в 1988 г. книге «Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества» И. В. Круть и И. М. Забелин предприняли попытку дать общую картину взаимодействия общества и природы и осмысления этого процесса на различных исторических этапах и в различных культурных контекстах. Они также первыми ввели в отечественную литературу представление об «экологической истории», определив ее как широкую междисциплинарную науку, которая «призвана реконструировать, отобразить, воспроизвести в научном знании эволюцию материального взаимодействия природы и человечества» [11, с. 12]. По справедливому мнению этих авторов, без экологического понимания истории невозможно получить полноценной экологической теории, а если такая теория не будет создана и если она не сможет установить полноценный контроль над экологической практикой, то положение как природы, так и человечества может оказаться критическим. В более поздних работах И. В. Круть развил свои представления об экологической истории на конкретном историческом материале, однако его идеи были восприняты лишь в их естественнонаучной части, и принципы экологической истории применялись лишь при рассмотрении досоциальной стадии развития человечества.

8.4. От атеизма к сатанизму — развал государства

Неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь искренен сердцем и умом гениален. Это помните.

Ф. М. Достоевский

Все усилия Запада в «холодной войне» были направлены на разрушение СССР изнутри, на то, чтобы не допустить возвращения России к исконным духовным началам. Еще Гитлер и Розенберг ставили задачу уничтожения Православия и нравственного разложения русского народа. План А. Даллеса против СССР был ориентирован на полную деградацию русского суперэтноса: «мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить <...> Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство

и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать <...>

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем» (А. Даллес. Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР, 1945 г. Цит. по [28, с. 357–358]).

Вожди Западной цивилизации не понимали и не понимают безумия идеи мирового господства ради материальных благ, не хотят видеть, что физическая гибель России означает также и их гибель, не видят, что их собственное общество само морально разложилось в гораздо большей степени, чем русское.

О. А. Платоновым справедливо отмечено: «В результате исторических катаклизмов XX века погибли самые лучшие и самые активные представители русского народа. Оставшаяся более слабая его часть уже не выдерживала гигантского напряжения духовного и державного служения, у многих ощущались усталость и апатия. <...> Те, кто стояли у власти, были далеки от выражения интересов строительства русского государства... обрекали его на медленное умирание... Потеряв способность к развитию, партия и советский аппарат стали разлагаться, постепенно преобразуясь во враждебное России космополитическое стадо безнравственных людей...» [29, с. 237, сл.].

Постепенная, закономерная идеологическая деградация СССР переходит затем и в экономическую с тяжелыми экологическими последствиями, заставив советскую власть лихорадочно искать выход...

На эту ранее совершенно неприкасаемую тему обращают внимание наиболее смелые из экологов и публицистов (М. Я. Лемешев, В. А. Ярошенко, Ф. Я. Шипунов).

Нельзя не согласиться и с чисто материалистической позицией СЕИ: корреляция численности популяции определенного вида живых организмов определяется состоянием продовольственной базы в местах обитания последнего. Это естественная закономерность. В обществе подобная закономерность также имеет место, хотя и проявляется не столь отчетливо по причине ряда упреждающих мер, предпринимаемых человеком (заготовка продовольствия впрок и т.п.). Индустриализация, под знаком которой прошел период советской власти, оказалась не в состоянии радикально изменить ситуацию. Причина этого видится в том, что, переняв только технологический фактор развития Западной цивилизации, СССР обратил его главным образом на укрепление государственной системы, материальных производительных сил и на цели милитаризации. Индустриальная технология, внедренная в военное производство, перемалывала природные ресурсы страны, ухудшая экологическую ситуацию. Изменив структуру сельского хозяйства, она вытеснила крестьянина в город, но не обеспечила существенное улучшение продовольственной ситуации. С помощью трактора были распаханы громадные массивы земли, вовлечение которых в сельскохозяйственный оборот не поспевало за ростом потребностей населения. В результате страна с самыми большими площадями сельскохозяйственных угодий оказалась перед необходимостью импорта продовольствия, тогда как в Российской империи имела место обратная картина. В послевоенные годы положение с продовольствием несколько смягчилось благоприятной конъюнктурой на нефть и нефтепродукты на мировом рынке. СССР стал одним из основных продавцов нефти и импортером продовольствия.

Вкладывая нефтедоллары в экономику западных стран, СССР в некоторой степени помогал им преодолевать экологические трудности, характерные для индустриального общества, осуществлять модернизацию последнего. К концу 1980-х годов, когда на мировом рынке резко упали цены на нефть, страна оказалась перед фактом отсутствия средств на закупки продовольствия, что явно обозначило технико-экономическое отставание СССР от развитых стран Запада.

Социально-экологические трудности наиболее зримо проявились вначале в обострении продовольственных проблем (очереди, талоны). Затем отвлечение средств на закупки продовольствия обусловило снижение инвестиций в гражданское производство. Его нарастающий спад обострил собственно экологические проблемы, обусловив наряду с чисто социальными трудностями рост заболеваемости людей, сокращение средней продолжительности жизни, увеличение смертности, падение рождаемости, деградацию нравов, рост безработицы и преступности, региональный сепаратизм и межнациональные конфликты [22].

В этой ситуации США как лидер Запада берут курс на окончательный подрыв и политическую и экономическую децентрализацию СССР, что в конечном счете себя и оправдало. Борьба против России велась под личиной борьбы с коммунизмом. На эту «приманку» попала, увы, определенная часть русской интеллигенции. Директор ЦРУ У. Кейси, проанализировав политическое и экономическое положение СССР, отмечает в докладе президенту Р. Рейгану: «Ситуация хуже, чем мы себе представляли... насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. Они застряли в Афганистане, Кубе, Анголе и во Вьетнаме; для них самих империя стала грузом» [29, с. 242–243].

«Собственно, отчего мы умираем?» – спрашивал в 1917 г. ютившийся в Сергиевом Посаде В. В. Розанов (за два года до собственной голодной смерти). Он констатировал удивительную легкость, с которой народ наш признал идеи атеизма и социализма, отбросив («точно в баню сходили!») прежнюю

веру, понятие греха, совесть... «Мы умираем от единственной и основательной причины – неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся... И солнышко не светит на черного человека. Черный человек ему не нужен» [32, с. 395].

Катастрофа советской экономики есть следствие обострения ресурсно-технологического и социокультурного кризиса советского общества. Основная предпосылка кризиса – неспособность общества своевременно отказаться от попыток осуществить коммунистическую идею путем сочетания социального гомеостаза с непрерывным экономическим ростом. Развал всей системы произошел при попытках придать модели большую пластичность, внося в нее элементы материальной заинтересованности субъектов, но не отказываясь от коммунистических организационных принципов. С точки зрения социоестествоведов, нынешнее состояние российского социума, включая и его экономику, есть состояние бифуркации, или катастрофы [1]. С этим выводом нельзя не согласиться.

Экономическое освоение территорий, подчиненное логике индустриализма, согласно которой природа рассматривается исключительно как кладовая ресурсов и вместилище отходов, а не как среда жизни народов, в этнорегиональном плане означало превращение огромных территорий в специализированные цеха «единой социалистической фабрики» (Казахстан – цех по производству зерна, Средняя Азия – хлопка, Башкирия – нефти и газа). Это уродливое однобокое развитие имело своим закономерным следствием деформирование исторически сложившейся системы многосторонних связей этноса со средой обитания.

Все это привело к глубоким нарушениям во взаимоотношениях человека и природы. Этнический компонент усиливает социальную взрывоопасность экологических проблем распадающейся Советской империи. Ведь речь шла не просто о региональном экологическом кризисе, а о разрушении базы жизнеобеспечения целых этносов. Поэтому аральская катастрофа для каракалпаков, кошмар ядерных полигонов для казахов, трагедия калмыцких степей для калмыков означают

непосредственную угрозу возможностям выживания и полноценного развития этих народов.

Не вписанные в окружающую среду гигантские ресурсодобывающие комплексы возникали как «нарывы на природном теле того или иного коренного этноса». Создавалась почва для национальной неудовлетворенности: характерное для этих строев отчуждение человека от природы (с которой каждый человек внутренне соотносит себя как представитель своего народа) приводило к подспудному социальному напряжению, связанному с осознанием потери «естественной подосновы своей национальной идентичности» [33].

Как итог более чем семидесятилетнего господства советской власти – добровольная переориентация на западные духовные ценности, иными словами – добровольное принятие значительной частью населения России проповеди люциферианства (как в неявной, так и в явной форме) в процессе так называемой «перестройки» и после него (см. мысли А. Даллеса в начале раздела)...

Литература:

1. Александров Ю. Г. Российская экономика через призму категорий СЕИ. Человек и природа. Материалы VI научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Париж, 1971.
3. Вайнер (Уинер) Д. Экология в Советской России. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
4. Горький и наука. Сборник статей. М., 1964.
5. Губанов В. Почему старый стиль точнее нового стиля: новые научные подтверждения. М.: Паломник, 2002.
6. Дикарева Т. В. Реки малой Родины (Российское Нечерноземье: вчера, сегодня, завтра). В кн.: VII научная

- конференция «Человек и природа – проблемы СЕИ». М., 2003.
7. Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
 8. Кожин В. В. Россия век XX (1939–1964). М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.
 9. Кульпин Э. С. Путь России (Серия «СЕИ». Выпуск 5). М.: Московский лицей, 1995.
 10. Кривошеина Г. Г. Социоестественная история и экология // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
 11. Круть И. В., Забелин И. М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М.: Наука, 1988.
 12. Куликов И. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера. Справочник. Том 3. Неоязычество. Часть 1. Москва, 2000.
 13. Куницын И., Николаев А. Спираль подвига // Юность, 1990, № 7.
 14. Лапкин В. В., Пантин В. И. Перспективы реинтеграции российского суперэтнуса // В кн.: Социоестественная история. Вып. XII. Ландшафт и этнос. Под редакцией Э. С. Кульпина. М.: Академия городской среды, Центр социоестественных исследований, Институт востоковедения РАН, 1999.
 15. Лемешев М. Я. Православие, семья и земля в русской цивилизации. // В кн.: Православие, экология, нравственность. Сб. тр. VIII конференции. М., 2004. С. 36–48.
 16. Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». ПСС, 5-е издание. Т. 5.
 17. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5. Т. 43. М., Госполитиздат, 1963. С. 174.
 18. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5. Т. 41. М., Госполитиздат, 1963.

19. Лола А. М. Экология городов России: реальности, катарсис (очищение) городской культуры. Будет ли выход из экологического и духовного кризиса? // В кн.: Православие, экология, нравственность. Сб. тр. XII Международных образовательных Рождественских чтений. М., 2004.
20. Материнский плач катакомбной Святой Руси. Автобиография Княгини Наталии Владимировны Урусовой // Русский паломник, 2004, № 30. С. 136.
21. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. За пределами роста. Пер. с англ. под ред. Ягодина Г. А. М.: Прогресс, Пангея, 1994.
22. Олейников Ю. В. Экологический фактор современной социоестественной истории России // В кн.: Социоестественная история. Вып. IX. Билль о правах человека и природы. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
23. Олейников Ю. В. Природный фактор геополитической стратегии России // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
24. Ю. В. Олейников. Колонизирующий социум. Геополитическая стратегия России. Природа и самоорганизация общества // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Московский лицей, 2002.
25. Олейников Ю. В. Природный фактор бытия российского социума. М.: РАН, Институт философии, 2003.
26. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
27. Пантин В. И. Некоторые особенности развития российского суперэтнуса и его системы ценностей // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.

28. Платонов О. А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. Т. II. М.: Родник, 1997.
29. Платонов О. А., Райзеггер Г. Почему погибнет Америка: взгляд с Востока и Запада. М.: Столица-Принт, 2008.
30. Пришвин М. М. Дневники. 1905–1954. Собр. соч. Т. 8. М., 1986.
31. Пришвин М. М. Дневник писателя // Октябрь, № 7, 1990.
32. Розанов В. В. Уединенное. М., 1990.
33. Соя-Серко И. Л. О новых факторах развития экологической ситуации в периферийных районах бывшего Союза. // В кн.: Генетические коды цивилизаций: Материалы Третьей научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» (сентябрь 1994, г. Феодосия, Республика Крым). М.: Московский лицей, 1995.
34. Цитцер О. Ю. Экологическая безопасность в сельском хозяйстве России конца XX века // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
35. Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.
36. Шипунов Ф. Я. Судьба Волги – судьба России // Наше наследие, 1989, № 6.
37. Штильмарк Ф. Р. Таежные дали. Очерки биолога-охотоведа. М.: Мысль, 1976.
38. Штильмарк Ф. Р. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе. Гуманитарный экологический журнал. 1999. Т. 1. Вып. 2. С. 25–37.
39. R. L. Lindeman. The Trophic-Dynamic Aspect of Ecology // Ecology, 1942, v. 23, № 4.
40. Определение понятия неоязычество [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры». – Электрон. дан. – [М.], 24.03.10. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/religii/yazychestvo/3g34-all.shtml>, свободный. – Загл. с экрана.

41. История отечественной мысли и практики природоохранной пропаганды (1850–1965) [Электронный ресурс] // Киевский эколого-культурный центр. – Электрон. дан. – Киев, 12.2010. – Режим доступа: <http://ecoethics.ru/old/b48/200.html>, свободный. – Загл. с экрана.
42. Кульпин Э. Феномен России в системе координат социоестественной истории // В кн.: Иное. Хрестоматия нового российского самосознания [Электронный ресурс] // Русский журнал. – Электрон. дан. – [М.], 11.2010. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kulpin.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
43. Заповедники России и национальные пки [Электронный ресурс] // Ред. Солодов Д. – Электрон. дан. – [М.], 03.2010. – Режим доступа: <http://www.zapovednik.cwx.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
44. Леонов А. «Хрущевский» удар по русскому Православию [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 05.11.2008. – Режим доступа: <http://www.gv.ru/content.php3?id=7704>, свободный. – Загл. с экрана.
45. Вайнер (Уинер) Д. Маленький уголок свободы. Охрана природы в России. От Сталина до Горбачева [Электронный ресурс] // Relga. – Электрон. дан. – [М.], 01.2011. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2669&level1=main&level2=articles>, свободный. – Загл. с экрана.

ГЛАВА 9. ПОСТСОВЕТСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

9.1. Попытка перехода к идеологии радикал-либерализма

Современность можно охарактеризовать двумя важнейшими процессами – глобализацией и глобальным экологическим кризисом.

Глобализация означает интеграцию в политической, технико-экономической, религиозной и культурной областях, формирование так называемой «культуры мира». На основе этого объективного процесса развивается **глобализм** – **антихристианская идеология**, исповедующая утопическую идею создания планетарного государства с единым управляющим наднациональным центром, прообразом которого является Организация Объединенных Наций. Планетарное государство предполагает обеспечение экономического благосостояния своего «населения» (но никак не «народа») и юридической справедливости, что отчасти реализовано в США как основной «модели» такого государства.

Основной вопрос глобализационных процессов – вопрос о власти, о достижении Западной цивилизацией мирового господства с благой целью создания идеального общества материального благополучия и юридической справедливости. Основным препятствием на этом пути была и остается Россия с ее православным миропониманием, отрицающим утопиче-

скую идею построения Царства Божия на земле, – «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36), слова Спасителя являются для нас важнейшим указателем истины.

Важнейший аспект человеческого бытия – необходимость формирования устойчивого миропонимания, мировоззрения на базе традиционной культуры. Без этого человек теряет свою цивилизационную идентичность («народ») и становится безликим элементом глобализационных процессов («население»), начало которых теряется в глубокой древности; наивно было бы предполагать, что эти явления – признак современности (достаточно вспомнить цивилизацию эллинизма).

Исходя из сказанного, **совершенно очевидно, что апофеозом процесса глобализации явится появление антихриста.** Идея Бога здесь реализуется в понимании Его как безликой субстанции, в силу своего всемогущества дающей всем «по потребностям» (каковыми бы они ни были) и предохраняющей «население» от негативных последствий реализации некоторых своих «потребностей».

«Холодная война» фактически явилась Третьей мировой, поскольку бурное развитие техносферы предусматривало и изменение форм ведения войны, не доводя ее до дорогостоящей и разрушительной термоядерной. Война проходила в наиболее опасной для СССР информационной области, где коммунистические идеологи не могли обеспечить адекватный отпор западной идеологии и западному образу жизни. В этой войне СССР закономерно потерпел сокрушительное поражение – в первую очередь в духовной сфере, поскольку коммунисты не смогли дать народу правдивой идеологии, противостоящей западному потребительству, но напротив – сами являли, в лице своей элиты, пример глубочайшего нравственного разложения.

С первых же лет инициированной «сверху» «перестройки» стало очевидным движение коммунистической верхушки по западному либеральному пути, при отрицании тысячелетнего опыта России. Демократы, пришедшие к власти в 1991 г., в подавляющем большинстве своем состояли из партномен-

клатуры, преподавателей марксизма-ленинизма, а также бывших диссидентов, сориентированных на западные духовные ценности. Партийная элита в целом с радостью скинула идеологическое бремя, не позволявшее открыто существовать «на широкую ногу» и обязывавшее сохранять убогие социальные гарантии населению (образование, медицина, социальное обеспечение). Главы союзных республик получили возможность неограниченной власти. Российская государственность испытала сильнейший удар. В результате единое государство оказалось разрушенным, суперэтнос – расчлененным, общество – разлагающимся под воздействием западной безнравственности. За внешней лояльностью «демократической» власти к Православию ясно видна глубочайшая враждебность ему; явная или скрытая государственная поддержка многочисленных сект и оккультных движений, разрушающих личность, общество и государство – тому доказательство.

На месте России образовался, по сути, конгломерат псевдогосударственных образований, ведущих между собой политическую, экономическую, а в ряде случаев – и военную борьбу.

Еще в начале XX в. некоторые территории Российской империи, экономически окрепнув, начали проявлять настроенная сепаратизма. Та же самая причина сработала позднее, когда сателлиты СССР и национальные элиты его республик ввиду изменившегося соотношения сил на мировой арене почувствовали возможность получить «независимость». В настоящее время очевидно, что во многом их расчеты оказались лишь непомерными амбициями, не обусловленными реальным положением дел. При переходе экономической деятельности на мировые цены оказалось, что подлинным донором в СССР выступала именно Россия, которая имела положительное сальдо торгового баланса [61].

Вероятность расчленения России предвидели крупнейшие русские мыслители – Н. С. Трубецкой, П. М. Бицилли, И. А. Ильин. По мысли последнего, расчленение России «явилось бы невиданной еще в истории авантюрой, губительные последствия которой человечество понесло бы на долгие

времена»; он предвидел, что «территория России закипит бесконечными распрями и гражданскими войнами, которые будут перерастать в мировые столкновения». Расчлененная Россия станет «неизлечимой язвой мира». В нее потянутся «все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной».

З. Бжезинский, комментируя поражение и гибель СССР в результате «холодной войны», заявил: «... отныне будут официально имитироваться идеология и характерные черты победившей стороны» [69, с. 253–254]. Тот же Бжезинский совершенно справедливо отметил, что после краха СССР единственным серьезным противником США остается Православие.

С окончанием «холодной войны» и развалом СССР нестабильность современного мира сильно возросла, став причиной роста числа вооруженных конфликтов и их неизбежности в обозримом будущем. СССР как противовес Западу лишь в материальной сфере потерпел свой неизбежный и стремительный крах. Запад же в своем неудержимом стремлении к мировому господству как бы «на радостях потерял голову», утратил чувство реальности, посчитав таковое господство уже достигнутым или, по крайней мере, – быстро и легко достижимым. США фактически объявляют себя безоговорочным планетарным лидером.

Принятая мировым сообществом в 1992 г. «Концепция устойчивого развития» (КУР) выдающимся русским ученым и мыслителем академиком Н. Н. Моисеевым квалифицирована как «опаснейшее заблуждение человечества». Даже с чисто научных позиций очевидно, что никакое развитие устойчивым в принципе быть не может. Доказательством тому – системный кризис современной цивилизации и фактическая нереализованность КУР во всем мире. Однако, втягиваясь в русло политики Запада, новое государственное образование – Российская Федерация (РФ) в области охраны окружающей природной среды пытается (правда, только чисто внешне) реализовать пресловутую «Концепцию». Президент РФ Б. Н. Ельцин 1 апреля 1996 г. подписал Указ № 440

«О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» – программный документ, разработанный в соответствии с рекомендациями международной Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро. На основе «Концепции» якобы будет разработана стратегия перехода России к устойчивому развитию, которое должно обеспечить нормальное существование нынешнего и будущего поколений населения России.

Не иронизируя по поводу даты подписания, отметим, что в «Концепции» нет не только упоминания об исключительной роли религиозного фактора «устойчивого развития», но нет даже упоминания о духовности и нравственности и их значении в гармонизации отношений между человеком и природой и между людьми в обществе. В «Концепции» нет упоминания о семье – основе общества и государства. Нет ни слова о труде – целенаправленном, созидательном, и труде творческом – в особенности. Справедливо замечает М. Я. Лемешев: «Но как же можно перейти к устойчивому социально-экономическому и экологическому развитию, как можно сохранить природу, не преодолев психологии временщика, стремления к наживе любой ценой, в том числе и ценой разрушения и уничтожения природы?! О каком устойчивом развитии общества можно вести речь, если повсеместно господствуют преступность и терроризм, проституция и наркомания, алкоголизм и порнография, сексуальные извращения и нервно-психические расстройства, национальный эгоизм, ложный суверенитет и другие пороки, поразившие современное общество?! Авторы же “Концепции” полагают, что проблему перехода к устойчивому развитию можно решить чисто технократическими мерами и средствами, не пытаясь изменить агрессивное и иждивенческое отношение к природе и человеку, гуманизировать мировоззрение людей. Далеко не безобидное заблуждение.

Можно было бы объяснить это заблуждение тем, что “Концепция” готовилась в недрах чиновничьего правительственного аппарата. Однако, к сожалению, дело обстоит го-

раздо сложнее и даже трагичнее. Пророческие слова святого апостола Павла сбываются и в этом: “Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху”» (2 Тим. 4, 3)» [37, с. 44].

Характерно, что и с позиций либерализма российский вариант КУР подвергается критике [90]: в современных разработках концепции «устойчивого развития» России отразился «ноосферный» подход – официальный вариант концепции декларирует создание ноосферы, «предсказанной Вернадским», в качестве конечной цели. Однако концепция «управления» развитием природы и общества по существу является теологической: это модернизированная традиционалистская концепция «экономии природы», за исключением только замены Божественного управления космоса – человеческим. Она предполагает наличие Верховного разума, внешнего по отношению к природе, и в своем нынешнем, секуляризованном виде является продолжением традиции «преобразования природы».

Другой специфической чертой российской концепции перехода к «устойчивому развитию» является то, что в ее формировании важную роль играет теория «хозяйственной (несущей) емкости биосферы», разработанная В. Г. Горшковым и группой авторов во главе с В. И. Даниловым-Данильяном. В отличие от теории «управления» биосферой она признает сохранение самой биосферы более важным, чем развитие общества, и рассматривает человека всего лишь одним из биологических видов. Эта концепция развивает англо-американские экологические теории (концепции Д. Медоуза, Д. Лавлока). Однако на Западе в экологической политике приоритетную роль продолжает играть потребительский, «ресурсный» подход (т.е. отношение к биосфере как к источнику ресурсов), поэтому названные концепции там не пользуются популярностью. В качестве основного возражения против Медоуза служит мысль, что на практике фактически любое «развитие» нарушает гармонию, а потому

возмущение биосферы не является достаточным поводом, чтобы отказываться от «развития».

Встречаются и откровенные осуждения либералами концепций приоритета биосферы (экоцентризма): «В последние годы страну захлестнул поток экологической и “биоэтической” литературы вопиюще антигуманного содержания. Человек объявляется не более чем одним из зоологических видов, весь смысл существования которого сводится к той или иной “биосферной функции”, а культура – вредоносным фактором, препятствующим выполнению этой самой “функции” и способствующим нежелательному “росту популяции”. Подавляющее большинство современных людей третируются как “распадные особи” в сочетании с призывами сократить население Земли в 6, 10, а то и 600 (!) раз (см., напр., написанное группой авторитетных экологов учебное пособие: Ю. М. Арский, В. И. Данилов-Данильян и др. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? М., 1997)» [1, 57].

Некоторые высказывания либерально ориентированных, но вполне добросовестных ученых нельзя не привести: «Как ни странно может это звучать, но Россия на сегодняшний день имеет значительно более весомый нравственно-этический потенциал, чем и самые развитые страны Запада, и даже весьма консервативный, до недавнего времени, Восток. Сохранение такого “атавизма” в наше время отнюдь не случайно. Огромные территории России и среди них значительное количество не вовлеченных в хозяйственную деятельность плюс природно-географическая изолированность от основных развитых стран мира; особенность и некая обособленность русского национального самосознания, русского менталитета, родившего наизначительнейшую в мире когорту философов-космистов и ученых-биосферщиков; сменяющие друг друга, как в калейдоскопе, революционные периоды и войны, спонтанно задержавшие научно-технический прогресс и не позволившие довести институт материального потребления до абсурда, ставят именно Россию в преи-

мущественное положение выбора нового цивилизационного поворота для себя и всего мира... Первый экологический опыт по “экологизации идеологии”, который был предпринят Минприроды России – как заказчиком, а Институтом философии РАН – как исполнителем и воплотился в “Экологический кодекс России – этику природопользования” (руководитель проекта – Олейников Ю. В.)» [92].

И еще: «России, претерпевающей сегодня не первые в этом веке кардинальные преобразования, конечно, полезно изучать опыт стран Запада, опыт Востока, других стран, но прежде всего необходимо знать собственный опыт и все имеющиеся ресурсы своей страны, в том числе, а может и важнее всего, в сфере духовной» [78].

Этот же автор: «отсутствие духовных, человеческих ориентиров, бескультурие, безнравственность бесплодны. Никакой свободный, а тем более криминализованный, рынок не порождает и не поддерживает творчество в науке и искусстве. Меценатство, спонсорство никогда не возникает из чисто рыночных требований. Оно всегда было итогом духовного начала, духовных исканий предпринимателей» [79].

«В начале было Слово...» Информация стирается... Упрощение и разрушение традиционного миропонимания ведет к разрушению личности отдельного человека и цивилизации в целом. Нарастание хаоса мы видим во всех аспектах современности: философии и идеологии (постмодерн), религии («новое» религиозное движение – возникновение псевдорелигиозных структур, деструктивных по отношению к отдельной личности, обществу в целом и государству), языке – проблемы «экологии слова», загрязнении окружающей природной среды техногенными отходами и истощении невозобновимых природных ресурсов (глобальный экологический кризис), демографический кризис, а по сути – вымирание нации.

Рассмотрим применительно к России ряд названных аспектов по отдельности.

9.2. Постмодерн

Объективные реалии бытия современного мира уже давно говорят о нарастании доминирования цивилизации Запада – в идеологии, культуре, повседневном быте. Идеологической и практической основами нового миропорядка являются соответственно постмодернизм и теории постиндустриального общества, что в результате ведет к возникновению постхристианской цивилизации, целью существования которой снова становятся гедонизм (причем в основном в самой низменной своей форме – физиологической) и попытка в христианском мире обойтись без Христа, создать идеальное общество на земле, обойдя Его искупительную жертву.

Что же представляет собой **постиндустриальное общество**? Данный термин предложен американским социологом Беллом, сформулировавшим основные признаки такого общества: создание экономики услуг, доминирование слоя научно-технических специалистов, центральная роль теоретического знания как источника нововведений и политических решений в обществе, возможность самоподдерживающегося технического роста, создание новой «интеллектуальной» техники. Различные концепции постиндустриального общества разработали, в частности, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, А. Турен [80, 81].

Реальной основой появления теорий постиндустриального общества явилась происшедшая в 1960–1970-е гг. в ряде стран структурная перестройка экономики, выдвинувшая на лидирующие позиции новые наукоемкие отрасли взамен тяжелой промышленности, бурное развитие «индустрии знаний», компьютеризация и появление разветвленных информационных систем, открывающих путь к децентрализации производства. Эти сдвиги вписываются идеологами постиндустриального общества в общую социально-философскую теорию, разбивающую «историческую эволюцию» на **доиндустриальную (традиционную, аграрную), индустриаль-**

ную и постиндустриальную стадии развития общественных систем. На каждой из этих стадий доминирующую роль в социальной организации играют различные институты: церковь и армия в традиционном обществе, промышленно-финансовые корпорации в индустриальном, университеты (как якобы главные места производства и сосредоточения знаний) в постиндустриальном.

В концепции постиндустриального общества происходит **отход от прямолинейного технологического детерминизма**; общество рассматривается как система взаимодействующих факторов – техники, социальной структуры, политики, духовных ценностей. Проводится мысль о необходимости переориентации экономики от погони за чисто количественным ростом производства в сторону улучшения «**качества жизни**», существенного расширения сферы внеэкономических социальных программ. Как следствие – превосходство сферы услуг над сферой производства [20, 26, 82].

Идеологией постиндустриального общества становится **постмодернизм (постмодерн)** – совокупное обозначение наметившихся в 1970–1980-х гг. тенденций в культурном самосознании Западной цивилизации после восстановления европейской экономики, разрушенной в ходе Второй мировой войны. Постмодерн буквально означает то, что после «модерна», или после «современности». Однако понятие «современность» не имеет здесь сколько-нибудь строгого общепризнанного определения: истоки современности усматривают в рационализме Нового времени, в эпохе Просвещения, в литературных экспериментах второй половины XIX в., в авангарде 1910–1920-х гг. – соответственно ведется и отсчет «постсовременности».

Напомним, что под **модернизмом (модерном)** понимается идеология, сложившаяся на рубеже XIX–XX вв. и впервые в истории отдающая предпочтение не традиции (античной и христианской), а ценностям «современности» – «свободе» и «индивидуальности». Модерн претендовал на место либеральной неорелигии, в которой главное место отводилось бы искусству как форме самовыражения человека (отсюда про-

возглашаемое в модерне право художника выбирать сюжет и формальный язык). Модерн руководствуется логикой линейного прогресса; место традиции занимает мода (соответствие своей эпохе), к художнику предъявляется требование быть постоянным новатором.

Термин «постмодернизм» спорадически употреблялся уже с 1917 г., однако широкое хождение получил с конца 1960-х гг., возникнув как обозначение стилевых изменений в архитектуре, затем все чаще применяется для характеристики новаций в литературе и искусстве, а также трансформаций в социально-экономической, технологической и социально-политической сферах. Статус понятия постмодернизм получает в 1980-е гг. – прежде всего благодаря работам Ж.-Ф. Лиотара, распространившего дискуссию о постмодернизме на область философии. Однако философии постмодернизма как таковой не существует – не только по причине отсутствия единства взглядов между относимыми к постмодерну мыслителями, но и, главным образом, по той причине, что постмодерн в философии возник как раз из радикального сомнения в возможности последней обеспечить некое мировоззренческо-теоретическое и жанровое единство [62]. Поэтому уместно вести речь не о «философии постмодернизма», а о «ситуации постмодернизма» в философии и в культуре вообще.

В онтологическом плане феномен постмодернизма связан с осмыслением того обстоятельства, что предмет противится человеческому воздействию, отвечая на него противодействием; что порядок вещей «мстит» нашим попыткам его переделывать, обрекая на неизбежный крах любые преобразовательные проекты. Здесь явственно прослеживается аналогия с учением дао, иными словами – имеет место естественная конвергенция идей протестантизма и восточных философий.

Постмодернизм, таким образом, возникает в результате продолжающегося кризиса христианской культуры Запада в целом – «осознания» исчерпанности онтологии, в рамках которой реальность могла подвергаться разумному объяснению. Квалификация такой онтологии как «модернистской» и исто-

рически исчерпавшей себя есть вместе с тем провозглашение новой эпохи – постмодернизма. Скептическое отстранение от установки на преобразование мира (как результат глобального экологического кризиса) влечет за собой отказ от попыток его систематизации: мир не только не поддается человеческим усилиям его переделать, но и не умещается ни в какие теоретические схемы. Событие всегда опережает теорию.

Как естественное следствие, характерной чертой постмодерна становится **антисистематичность**. Деградация западного христианства закономерно привела к отказу от притязаний на целостность и полноту теоретического охвата реальности, к «осознанию» объективной невозможности зафиксировать наличие жестких, самозамкнутых систем – в сфере экономики, политики, искусства. В результате возникает мышление вне традиционных понятийных оппозиций – субъект–объект, целое–часть, внутреннее–внешнее, реальное–воображаемое, мышление, не оперирующее какими-либо устойчивыми целостностями, – Восток–Запад, мужское–женское и т.п.

Таким образом, постмодерн становится идеологией, направлением в культуре, где представления об истине базируются не на рациональном, но эмоциональном восприятии окружающей действительности [62, с. 390]. Однако при этом нельзя смешивать постмодерн и эмоциональное восприятие мира на основе христианской идеологии, где вера и знание (при доминировании первой с православных позиций) друг другу никоим образом не противоречат. Постмодерн по сути явился пересмотром познавательных принципов, характерных для западной культуры XIX–XX вв., его специфика определяется исключительным вниманием к динамике: движению, ускорению, **неопределенности, переходности**.

Наиболее ярко постмодернизм проявился в сфере искусства и в массовой культуре. К середине 1970-х гг. он как культурная ориентация широко распространяется в Европе и Америке. К началу 1980-х гг. категория «постмодерна» занимает ведущее место в социологии и теории культуры, а Ф. Джейм-

сон и Ж.-Ф. Лиотар вообще назвали условия современной жизни постмодернистскими.

Постмодерн становится интернациональным направлением в культуре. Выразитель постмодернистских эстетических принципов У. Эко считает постмодернизм метаисторической категорией, характеризующей любую эпоху: «Ответ постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: *раз его нельзя разрушить* (курсив наш. – А. Е), ведь тогда мы доходим до полного молчания, его нужно пересмотреть иронично, без наивности» [94].

Обобщая сложившееся мнение о сути постмодернизма, один из известных его теоретиков пишет: «Ситуация постмодерна характеризуется тем, что мы противостоям возрастающему многообразию самых различных форм жизни, концепций знания, способов ориентации, что мы обнаружили законность и неоспоримость этой плюральности и что мы безоговорочно все более признаем и оцениваем это многообразие. ..В этой плюральности и согласии с ней лежит фокус постмодерна» (Welsh W. Postmodern – Pluralitet als ethischer und politischer Wert. Köln, 1988. S. 23).

Таким образом, еще одним важнейшим понятием постмодерна становится **плюрализация** – признание множественности принципов и ритмов самоорганизации социокультурной жизни, самоидентификации людей (человек «нашел себя» в буддизме или в Православии, или, что наиболее характерно для нашего времени, – в многочисленных псевдорелигиозных организациях, оправдывающих человеческие пороки и слабости). Иными словами, речь идет о признании многогранности, относительности Истины, что означает окончательный отход от христианских основ европейской цивилизации и слияние с восточными идеологиями. Эта мысль по ходу нашего изложения возникает уже вторично, но в данном случае речь идет скорее о неоиндуизме – то есть налицо интеграция Запада и Востока в самом широком смысле слова.

В более откровенной и доступной форме эту же мысль выразил Ж.-Ф. Лиотар, делая акцент на экономической стороне

вопроса: «Эклектизм является отличительной чертой всей современной культуры: человек слушает РЭГ, смотрит вестерн, ест завтрак у Макдональда и обедает в ресторане с национальной кухней, пользуется парижскими духами в Токио и носит одежду стиля “ретро” в Гонконге; знание становится элементом телевизионных игр. Публика для эклектических произведений находится легко <...> Однако этот реализм “все возможно” на самом деле базируется на деньгах; *при отсутствии эстетических критериев* (курсив наш. – А. Е.) остается возможность – и не бесполезная – оценивать произведения искусства согласно той прибыли, которую они обеспечивают. Такой реализм примиряет все тенденции <...> подразумевая, что направления и запросы имеют покупательную способность» (Lyotar J. F. Answering the question: «What is postmodernism» // *Innovation/Renovation: New Perspectives on the Humanities*. Hassan L., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 334–335).

Постмодерн отказывается от идеи целостности человеческого мира. Следовательно, для постмодерна в историческом плане не существует единого целостного порядка (децентрированность). Изначально утверждается идея множественности несводимых друг к другу порядков; в результате имеем устранение самой возможности изучения культуры и общества как единого целого. Это вполне закономерно в рамках процесса глобализации – ведь всеобщее упрощение и, с другой стороны, объединение ведут к полной разобщенности общества, к превращению народа, этноса в население, массу, когда о едином целом (обществе, народе) говорить уже не приходится. Идеология постмодерна, таким образом, объективно отражает современную реальность.

В такой ситуации меняются познавательные принципы, для постмодерна характерен эклектизм в построении отношений человека с миром. Неопределенность, по мнению видного теоретика постмодерна И. Хассана, есть сложная категория, характеризующая такие понятия, как двусмысленность, непоследовательность, множественность, плюрализм, случайность, перверсия, деформация, разрушение, дезинтеграция, децен-

трализация всего мира. **Через эти понятия автор стремится передать волю к «несозданию».** Иными словами – в то время как последователи классической парадигмы познания (атеисты) ищут, как защитить ее от собственного знания о «реальности» хаоса (синергетика), сторонники постмодерна принимают хаос и ищут способы взаимодействия с ним [62, с. 397].

«Религия и наука, миф и технология, интуиция и разум, популярная и высокая культура, мужские и женские архетипы... начинают модифицировать и информационно насыщать друг друга... Зарождается новый тип сознания» (Hassan I. Ideas of cultural change // Innovation/Renovation: New Perspectives on the Humanities. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 27–28).

В этом случае ни одна интеллектуальная или этическая, моральная система, ни один способ восприятия реальности не могут быть признаны полностью адекватными реальности. Возможными становятся лишь «плодотворные обмены между культурными единицами» [62, с. 398].

Провозглашаемая историческая относительность становится, таким образом, «креативной эволюцией» без какой бы то ни было предустановленной цели и преднамеренности (Calinescu M. From the One the Many: Pluralism in Today's Thought // Innovation/Renovation. Hassan I., Hassan S. (eds.). Madison, 1983. P. 284).

На смену представлению о четко структурированных динамических формах: линейной, эволюционной, циклической – приходит совершенно иное, выражаемое термином «**ризом**». Эта метафора впервые использована Ж. Делезом и Ф. Гуаттари и заимствована из ботаники, где обозначает специфический способ роста корня растения путем возникновения множества разнородных образований, обеспечивающих жизнь растения. Ризом в постструктурализме – это беспорядочное возникновение множественности, движение, не имеющее преобладающего направления, но распространяющееся без регулярности, дающей возможность прогнозировать следующее движение. Как одно из следствий – теряется смысл значимой для структурализма (и не только для него) оппози-

ции «ортодоксия–ересь». Этому состоянию неопределенности сторонники постмодерна не стремятся противопоставить новые организационные принципы. Все элементы культуры, все парадигмы становятся «равноправными». В «ризомном» пространстве культуры постмодерна выявление структуры и границ общества как целого теряет смысл. Все это устраняет идею доминирования государства и авторитета в обществе.

Если, по мысли К. Н. Леонтьева, разнообразие культурных типов гарантирует стабильность цивилизации (что подтверждается и положениями общей теории систем – чем больше разнообразных элементов в естественной системе, тем она стабильнее), то многообразие постмодерна – многообразие типов рациональности, относительность этических и моральных ценностей для современных людей порождают ситуацию, в которой растет ненадежность культурных ориентиров при выборе жизненного пути, растет нестабильность цивилизации в целом.

Нарастание хаоса видим не только в философии, но и в религиозных учениях; «Новое религиозное сознание», известное со второй половины XIX в. и закономерно получившее новый импульс к развитию в 1960-х гг., характеризуется ростом числа деструктивных, псевдорелигиозных направлений, разрушающих личность, семью, общество; разрушающих именно благодаря потаканию наиболее низменным проявлениям человеческой природы.

В своей «Черной библии» лидер американских сатанистов А. Ла Вей заявляет, что сатанизм просто открыто признает то, что уже давно существует в общественном и индивидуальном сознании; это – реальная, хотя пока и непризнанная, религия США: **«Собственно говоря, мы проповедуем то, что уже давным-давно стало американским образом жизни. Просто не все обладают мужеством называть вещи своими именами»** [35].

Возникает особая форма маргинального культурного пространства; социальные единицы (люди) при этом становятся **номадами** – ведущими «кочевой» образ жизни, подвижность для них является доминирующим жизненным про-

цессом, понятие «Отечество» во многом, если не полностью, девальвируется. Это становится стилем жизни, способом существования (в отличие от миграции – перехода из одной точки пространства в другую в силу жизненной необходимости). Динамика номадического пространства только кажущаяся: это движение, не приводящее к изменениям; оно ризомно, и для его характеристики вводятся понятия «поток» и «гладкое пространство» (Ж. Делез и Ф. Гуаттари).

С позиций постмодерна, когда социальная система перестает эффективно функционировать, существование в описанном маргинальном пространстве (условия социокультурной неопределенности) может быть «полезнее» для индивидов и культуры, чем упорядоченное воспроизведение «устаревших» культур. «Номадическая» личность поэтому не должна рассматриваться как социальное зло. Постмодернисты полагают, что культура при этом не разрушается.

С естественнонаучных позиций такая картина полностью укладывается в рамки синергетики – нового научного направления, возникшего практически одновременно с постмодерном и изучающего процессы самоорганизации и саморазвития в сложных, открытых, неравновесных системах. С идеологических позиций синергетика, так же как и постмодерн, полностью смыкается с восточными учениями о дхарме и дао.

В культурно-эстетическом плане постмодерн полностью порывает с характерным для классики пониманием искусства, полностью стирает грань между прежде самостоятельными сферами духовной культуры и уровнями сознания – между «научным» и «обыденным» сознанием, «высоким искусством» и «китчем», окончательно закрепляет переход от «произведения» к «конструкции», от искусства как деятельности по созданию произведений к деятельности по поводу этой деятельности. Постмодернизм в этой связи есть реакция на изменение места культуры в обществе. Если ранее созидающим началом являлся субъект, основным предполагалось оригинальное творческое деяние, то в постиндустриальном обществе эти

условия нарушены, поскольку созданы поистине бесконечные возможности технического воспроизведения. Как следствие, существование искусства в его прежних – классических или модернистских формах – оказалось под вопросом. Постмодернизм сознательно переориентирует эстетическую активность с «творчества» на компиляцию и цитирование, с создания «оригинальных произведений» на коллаж. При этом стратегия постмодернизма состоит не в утверждении деструкции в противовес творчеству, манипуляции и игры с цитатами – серьезному созиданию, а в дистанцировании от самих оппозиций «разрушение–созидание», «серьезность–игра» [62].

Сложность однозначного определения постмодерна как культурного явления (что вполне естественно с учетом плюрализма) побудила одного из известных его идеологов И. Хассана построить таблицу с перечнем характеристик, разделяющих концепции модернизма и постмодернизма, благодаря чему более четко определяется культурное поле постмодерна. Приведем только ряд выдержек из таблицы [62], комментарии к которым считаем излишними:

Модернизм	Постмодернизм
<u>Позиция наблюдателя:</u>	
мастерство	исчерпанность
паранойя	шизофрения
генитальность	полиморфизм
присутствие	отсутствие
центрирование	дисперсность
<u>Интенция:</u>	
цель	игра
созидание	деструкция
определенность	неопределенность
<u>Результат:</u>	
форма	антиформа
произведение	процесс
иерархия	анархия

Некоторые наиболее существенные черты постмодерна, несмотря на туманность и неопределенность этого понятия, все же можно выделить [62]: признание онтологической неопределенности (новый подход в культурантропологии); отказ от онтологизации индивидуальности – размыв границ «эго»; мировоззрение постмодерна не представляет собой согласованной целостности, «абсурдность» мира принимается как данность (еще один новый подход в культурантропологии); отсутствие сожаления о «потере порядка» в ценностях – о порядке говорится в релятивистском духе, и это рассматривается как «освобождение», но от чего и во имя чего?

Как результат, **в настоящее время в культурантропологии уже не ставится задача охарактеризовать культурно-исторический процесс в целом** (что оказалось невозможным для атеистов) и понять путь становления человечества от момента зарождения до настоящего времени. При изучении как локальных, так и глобальных процессов исследование основывается на наиболее значимых (с позиций конкретного исследователя) аспектах (экономические и экологические процессы, эволюционные универсалии и т.п.). По сути, это явление можно охарактеризовать с одной стороны как противодействие глобализации, с другой – как нарастание хаоса в интеллектуальной деятельности. В настоящее время центром исследовательского внимания стали динамические связи человека с его природным и искусственным окружением – биосферой и техносферой, социально-культурные проблемы. Разумеется, обнаружение новых областей исследований ведет к разработке новых гипотез, теорий, методологических моделей – и так до бесконечности. Здесь необходимо напомнить слова Спасителя: «Я есмь путь и истина и жизнь...» (Ин. 14, 6).

Поэтому закономерным следствием развития постмодерна является дальнейшее развитие понятий «этика во времени» и «бери от жизни все», что вошли в нашу жизнь в форме назойливой рекламы, являясь, по сути своей, концентрированным выражением идеологии сатанизма. Цитируя сочинения упомина-

нутаго А. Ла Вея: «Сатана относит человека к животному миру и считает его такой же тварью, как и прочих» [35].

Таким образом, мы видим отказ от «архаики» в пользу «чистой выгоды», переход от бескорыстия к чисто экономическим отношениям, носящим, как известно из естественнонаучной области, энтропийный характер [49, 50]. Социальное дарение превращается в социальное страхование, вид рекламы, бизнес, способ сохранения капиталов путем ухода от налогов. Коммерческий подход имеем даже к материнству как к решению демографических проблем и проблем комплектации армии. От органической целостности цивилизации, спонтанной активности общества мир переходит к изоляции, разобщенности (и это – при росте уровня коммуникации!). Без предварительной экономической стимуляции современные структуры попросту не действуют. Обмен меновыми стоимостями закономерно привел к отрыву от естественного бытия, к потере доверия между людьми. Это не может означать ничего иного, кроме отказа от жизни и добровольного выбора смерти, нарастания неупорядоченности в социоестественных системах, дальнейшего развития кризиса.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: **способна ли такая цивилизация на сколько-нибудь длительное существование?** [63].

Рассмотрение названной проблемы с позиций естественнонаучных дисциплин позволяет прийти точно к такому же выводу, сформулировать точно такой же вопрос. А с позиций математики, на это указывает, в частности, современный российский мыслитель А. С. Панарин: «Попытка бесконечность неформального свести к формальному, представленному в исчерпывающе полных формулировках, гарантирующих “эквивалентность”, – разоблачена австрийским математиком К. Геделем в его теореме о принципиальной неполноте формализованных систем» [63, с. 79]. Можно ли свести движения человеческой души к некоему экономическому эквиваленту?

Способна ли такая цивилизация хоть на сколько-нибудь длительное существование? Повторим снова этот вопрос. Еще

формально не прошло и пятисот лет с момента заложения основ современной цивилизации Запада – 1517 г., официальное начало процесса Реформации в Западной Европе. Но уже во второй половине XX в. происходит осознание Западом реальности глобального экологического кризиса: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16). Учеными-экологами проводятся серьезные исследования, расчеты – сколько времени осталось до разрушения биосферы? Кризис духовный перешел в стадию своего материального воплощения – кризис экологический, поскольку бездумное потребление материальных богатств привело к росту термодинамически обусловленных потерь вещества и энергии – росту загрязнений биосферы.

Самым важным следствием научно-технического прогресса (НТП) стало непрерывное **ускорение темпа жизни**; общий объем информации, накапливаемой человечеством, в настоящее время удваивается примерно каждые 10 лет; моральный срок использования машин, оборудования и предметов быта непрерывно сокращается вследствие увеличения скорости смены технологических эпох – аграрной, индустриальной, постиндустриальной.

Как следствие идеологии постмодерна, мысль о новой морали в современном обществе остается доминирующей; по словам Р. Мюллера, помощника генерального секретаря ООН, «каждое поколение само должно решить, что правильно и что ложно. Нам нужна наука (не религия), чтобы определить, что хорошо и что плохо. Нам нужна “этика во времени”: то, что правильно сегодня, может быть неправильно завтра» [68].

Вследствие нарастания неупорядоченности в социальных системах современное общество можно назвать «массовым», поскольку не народ (этнос – социокультурная единица), а именно «масса» имеет значение в истории XX, а теперь уже и XXI века. Это – **прямое следствие эволюционного развития цивилизации Ренессанса**, «разрыва связи времен», потерянности и одиночества человека, признание примата науки, разума над верой, возобладание либерально-потребительского мировоззрения. Приоритет личности перед

религией, нацией, обществом, государством и окружающей природной средой привел к закономерному и логического финалу – образованию массового общества, общества разобщенных индивидуалистов-потребителей. При имеющихся место тенденциях к объединению (процесс глобализации) важнейшей чертой западного общества является стремление к индивидуализму и плюрализму, ведущее к хаосу. Цивилизация в целом неудержимо движется к созданию некоего «синтетического общества», правители которого возведут свои пороки и пороки общества в ранг морали. **Таким образом, экологический кризис можно охарактеризовать и как разрушение традиционных культур – христианской и восточных (Китай, Япония, Индия), а саму современную цивилизацию – как систему превращения материи в отходы.**

Прямое следствие этого – действие отрицательной обратной связи: чем выше темпы НТП, тем больше экономический ущерб от загрязнения биосферы, тем кровопролитнее и длительнее войны, тем страшнее эпидемии и природные катаклизмы, тем больше вероятность появления новых болезней, защищаться от которых человек еще не научился.

Новому мировому порядку, неизбежно ведущему к катастрофе и в духовной, и в материальной сферах, естественным образом противостоит Россия – и прежде всего – в религиозном, цивилизационном и культурном смысле, а не в геополитическом. Это всегда хорошо понимали мыслители Запада, уже с эпохи Раннего Возрождения призывавшие к уничтожению православной цивилизации (в частности, Петрарка, занимавшийся не только сочинением любовных сонетов [30, 31]) и пытавшиеся это реализовать как путем идеологической экспансии, так и прямой агрессии – IV Крестовый поход 1204 г. и разгром империи Ромеев, блокада славянских государств, «Натиск на Восток» – крестовые походы в Прибалтику и на Русь. Аналогичную картину представляет и современность. Роль и место православной цивилизации в современном мире, сам смысл ее существования обусловлены необходимостью противостояния либеральному, потребительскому обществу

Запада. Это противостояние является для России вполне естественным, органичным, поскольку базируется на православном миропонимании «несобирания» сокровищ на земле.

Завершая рассмотрение данной темы, необходимо отметить, что наиболее правильным взглядом на постмодерн представляется взгляд его важнейшего идеолога Ж.-Ф. Лиотара, считавшего, что переход общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна начался по меньшей мере с конца 50-х гг. XX в., обозначивших в Европе конец ее послевоенного восстановления. Но самое главное здесь – постмодерн для Лиотара не является антитезой модерну, а входит в модерн, представляет собой часть модерна. Такая трактовка дает основание утверждать, что поскольку эпохой Возрождения открывается наша современность, то и о постсовременности можно сказать то же самое. Лиотар, как, впрочем, и многие другие авторы, считал весьма неудачной периодизацию в терминах «пост-», ибо таковая приносит путаницу и затемняет понимание. Постмодернизм, считал он, уже присутствует в модерне, ибо модерн содержит в себе побуждение описать себя, увидеть свои различные положения. Приставка «пост-» обозначает нечто вроде конверсии: новое направление, сменяющее предыдущее. Поэтому постмодернизм – это не конец модернизма, не новая эпоха, а модернизм в стадии очередного «обновления» (деградации с православных позиций). С такой трактовкой невозможно не согласиться. В целом это говорит о продолжающемся духовном кризисе Западной цивилизации, подтверждает истинно христианскую, православную картину мира.

9.3. «Новое религиозное движение» – духовный кризис

9.3.1. Предпосылки возникновения и развития

Важнейшее кризисное явление современной России – интенсивное проникновение на ее территорию «новых» псев-

дорелигиозных учений, пропагандирующих примат знания перед верой, гедонизм, эскапизм, оправдание человеческой греховности во всех ее проявлениях.

Сохранение Россией роли гаранта духовного и экологического равновесия подразумевает сохранение Православия. Еще академик Д. С. Лихачев отмечал: «Сохранение культурной среды, созданной на протяжении многих поколений, для человека задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины» [39, с. 201, 202].

Явления сектантства возникают, как правило, в переломные моменты истории – в результате страха перед будущим, базирующегося на отходе от христианства, атеизме и эгоизме, заставляющих людей искать новые нравственные ориентиры в сложной жизненной ситуации.

Уже в начале XIX в. Игнатий Брянчанинов отмечал: «Мы неуклонно приближаемся к времени, когда откроется широкое поприще для многочисленных ложных чудес, чтобы привлечь к гибели тех несчастных потомков плотского мудрствования, которые будут соблазнены и соращены этими чудесами».

Понятие «новое» ставится нами в кавычки, поскольку ничего нового здесь нет и в принципе быть не может. Все направления «современной религиозной мысли» известны с древнейших времен, начиная с культов человеческих жертвоприношений, религиозных оргий, культов богов зла, известных в Древнем мире и Античности, и кончая ересями первых веков христианства. Все ереси были разоблачены на Вселенских соборах и в трудах Святых отцов Православной Церкви, но не были искоренены: поскольку невозможно уничтожить лежащее в основе падшей природы человека – гордыню и эгоизм, стремление к наслаждениям и поиски этому идеологического оправдания.

В России длительный период воинствующего государственного атеизма привел к возникновению духовной пустоты, которая неизбежно должна была заполниться, поскольку «природа не терпит пустоты». Об этом писал еще в начале XX в. Л. А. Тихомиров: «Атеизм и материализм составляют отступление от Бога, но никак не последнее слово, не вершину его. Высшая степень отступления может состоять лишь в переходе на сторону иного “бога”. Эволюция язычества, как в его дохристианской, так и особенно в его парохристианской форме, разворачивается от многобожия и всебожия через безбожие к человекобожию и, наконец, к сатанобожию» (Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории, 1913–1918 гг. М: Имперское возрождение, 2007. – 808 с.).

Так называемые «классические» направления «нового» движения – псевдохристианские с примесью восточного оккультизма – возникают в XIX в. Географическая последовательность их распространении по планете, как правило, одна и та же: Восток (Индия, Китай) – США (где имеет место огромный успех проповеди) – Западная Европа – Россия. Комментарии здесь очевидно излишни...

На рубеже 1960–1970-х гг. XX в. появляется так называемое «Новое религиозное движение» – НРД. Возникает НРД главным образом в США, откуда постепенно проникает в Европу. В этот период отмечен расцвет медиумизма: «христианская йога», «христианский дзен», трансцендентальная медитация, тантрическая йога [77]. Идет насаждение эскапизма – стремления убежать от действительности. Рассуждения о Боге без упоминания о Христе характеризует наступление постхристианской эры на Западе.

Современные психологи и психиатры полагают здесь важную роль стремления человека к власти ради самой власти, а юристы – склонности к авантюризму как средству обогащения. Весьма часто оба этих аспекта присутствуют одновременно.

Для НРД характерно использование методов психотерапии в отрыве от их изначального назначения, в целях религи-

озной экзальтации. Также имеют место попытки укоренения в политике, экономике, образовании и культуре с целью увеличения своего влияния в обществе; при этом религиозный аспект может все дальше отходить на второй план. Хорошо сказано об этом у представителя Запада: «Стремительное развитие науки, техники и систем информации, с одной стороны, и развитие прагматизма, падение нравственности, духовности, обесценивание вечных истин – с другой, привели к образованию разрыва между уровнем имеющихся возможностей человека и уровнем его духовных ценностей. И в эту брешь... устремились потоки ложных учений» [74, с. 6].

В так называемом «гуманистическом манифесте», выдвинутом НРД, есть следующее заявление: «Мы верим... что традиционное догматическое богословие, или авторитарные религии, которые ставят Откровение, Бога, ритуал или Символ Веры выше человеческих потребностей и опыта, наносят ущерб человеческому роду... мы не видим достаточных оснований для веры в сверхъестественного Бога» [46].

Попытки «пересмотра» христианского вероучения, переориентации его в направлении оправдания собственной греховности находят отражение и в литературе. В романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков проводит мысль о том, что все сказанное Иешуа записано неправильно: «я никогда такого не говорил». Эта же мысль находит свое подтверждение и у западного писателя – Т. Л. Шерред, «Попытка» (фантастический памфлет). Однако ни один из упомянутых авторов – ни русский интеллигент, ни американский прагматик-фантаст – так и не говорит – а что же тогда в действительности содержится в христианском религиозном учении? Что же в действительности говорил тот же Иешуа? Этот факт должен заставить нас задуматься... ведь действительно, сказать оказывается нечего...

Однако реальность экологического кризиса и тенденция его перерастания в катастрофу очевидна для многих мыслящих людей, независимо от их религиозной и идеологической ориентации. В этих условиях, с позиций эволюционизма, необходима «новая» этика, «новая» религия (или переосмыс-

ление старой) и – самое главное – новый тип все той же рациональности, трактуемой теперь как диалог с природой (а не ее покорение, как раньше), т.е. попытка «договориться по-хорошему». Возможность такого диалога эволюционистам видится в комплексе с идеалом открытости сознания к разнообразию подходов – плюрализм, к тесному взаимодействию индивидуальных сознаний («таблица умножения, как я ее понимаю») и менталитетов разных культур. Иными словами – повторение старого на новый лад, при сохранении «несомненных достижений» техногенной цивилизации: идей прогресса, демократии, свободы и личной инициативы.

Известный отечественный биолог В. Е. Соколов отмечает: «Пока наши представления о биосфере не будут закреплены в виде незыблемых (выделено автором. – А. Е.) моральных норм, мы вряд ли сумеем полностью побороть в себе безответственного потребителя. Значит, экологическая мораль нужна, и нужно, чтобы она была сформулирована». Мысль о незыблемости – по сути верная, да только в Православии эта незыблемость поддерживается уже третью тысячу лет...

В противовес этому академик Н. Н. Моисеев, позиционировавший себя как «верующего, но не религиозного» человека, говорит, что все уже сказано в Нагорной проповеди и ничего нового придумывать не надо.

Подводя итоги сказанному, следует констатировать, что НРД характеризуется **псевдорелигиозным** (по отношению к религии) и **деструктивным** (по отношению к личности, обществу и государству) **характером**. Опасность НРД определяется четырьмя важнейшими положениями:

1. Основные духовные и этические ценности были сформулированы цивилизациями изначально и независимо друг от друга и вошли во все мировые религии как достижения человеческого интеллекта («религии ума»); ветхозаветный народ получил Декалог (10 заповедей) путем Божественного Откровения. Эти духовные ценности (особенно Декалог) абсолютно незыблемы, прогресс в этой области в принципе невозможен (то есть количественные и качественные изменения); измене-

ния заповеди «не убий», в частности, ведут к формулировкам типа «убей не такого, как мы». Поэтому адепты «Нового религиозного движения» могут нести людям только ложь;

2. Большинство источников сектантства в России – зарубежные; в основном это ответвления протестантизма (Запад), индуизма (Восток), а также различные синкретические направления; Россия же – страна с более чем тысячелетней православной традицией, резко контрастирующей с традициями равно Востока и Запада (вне зависимости от веры или неверия отдельных членов общества). Вступление в секту, примыкание к новому религиозному направлению ведет новофитов к отчуждению от социального окружения, к непониманию и конфликтам в семье, на работе и т.п. Поэтому при поиске духовных ориентиров разумно обращаться к собственной культуре, а не искать экспортных вариантов;

3. Интерес «Нового религиозного движения» к России в подавляющем большинстве случаев связан не с желанием указать людям путь к спасению, но с желанием сделать их бесплатной рабочей силой по сбору финансовых средств, новыми вербовщиками людей; тоталитарные сектантские структуры не раскрывают своих истинных целей новым членам; кроме того, отмечен интерес функционеров НРД к военно-промышленным объектам в России, что уже связано со шпионажем; некоторые западные проповедники НРД, искренне пытавшиеся в свое время помочь России после краха коммунистического режима, впоследствии в этом раскаивались (название одной из газетных статей на эту тему: «Мы сознательно говорили ложь»);

4. Определение лжепророков во все времена проводили «по плодам их», по практическим результатам их духовной деятельности; планета переживает глобальный экологический кризис, причина которого – кризис духовный, потребительское мировоззрение, приведшее к истощению природных ресурсов и к стойкому загрязнению биосферы; источником духовного кризиса в первую очередь является протестантизм, до сих пор разделяющийся сам в себе и плодящий колоссальное количество сект (только в США – 1

секта в неделю); идейной основой протестантизма является индивидуализм, достижение личного успеха и личного счастья; восточные учения о самосовершенствовании личности также ведут к эгоцентризму, желанию управлять людьми и в результате смыкаются с западными учениями.

Отношение православных к явлению НРД и к его членам однозначно. Определение Архиерейского собора Русской Православной Церкви «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» (декабрь 1994 г.), однако, уточняет: «В то же время Архиерейский собор призывает всех верных чад Русской Православной Церкви широко проповедовать Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, создавать катехизические школы, разъяснять людям пагубность лжеучений, помогать тем, кто временно оступился, поддавшись пропаганде сектантских проповедников. Однако противостояние ложным взглядам не должно сопровождаться нетерпимым отношением к самим носителям несовместимых с христианством учений... Мы призываем всех членов Церкви молиться о просвещении одержимых ложными учениями и твердо хранить переданное нам...».

9.3.2. Неоязычество и секты экологической ориентации

С проблемами экологии так или иначе связано важнейшее направление духовно-религиозного разложения в России – неоязычество. К его основным направлениям относят славянское и прибалтийское; имеют место также кельтское, германское, индейское (индеанисты, в том числе – «православные»), ведическое, с элементами неоиндуизма, а также квазинеоязычество с элементами национал-социалистического оккультизма – скинхеды (бритоголовые).

К славянскому неоязычеству относятся религиозные группы, исповедующие мистико-расистские доктрины, основанные на синтезе славянской языческой мифологии, теософски переосмысленного индуизма и оккультных практик.

Возрождение дохристианских форм мировоззрения его идеологами мыслится как возрождение основы гармоничного взаимодействия личности с природой и обществом, общества и природы. Однако отождествлять неоязычество с древним язычеством ошибочно. Язычество, как было показано выше, изначально являлось попыткой Богопознания (результат деятельности дохристианских мыслителей). После торжества христианства, когда язычество стало просто бессмысленным, неоязычество может иметь исключительно деструктивный характер, как духовный, так и физиологический, учитывая генетический характер наследования православного миропонимания, а в материальной сфере – вплоть до создания военизированных боевых подразделений, проходящих спецподготовку по рукопашному бою (и не только).

Предтечей неоязычества следует считать эпоху Возрождения – эстетическое язычество, культ чувственности и насилия. Неоязычество – часть современного мирового процесса идеологической деградации и является, по сути, негативной реакцией на процесс глобализации, поскольку базируется на абсолютизации (примате) чистоты племенной крови, этнического родства (без учета родства духовного); метод этноунификации, ведущий к самоуничтожению этноса, – как бы пересадка дерева кверху корнями – попытка вернуться к корням. Деятельность неоязычников характеризуется противодействием исламу, цивилизации Запада (потребительству) и экологическому неблагополучию; но главный враг при этом – Православие.

В современном язычестве можно выделить четыре взаимопроникающих течения [73]:

- народно-бытовое (набор суеверий, приметы, гадания, преобладало в сельской местности с последующим распространением в городах – современные образовательные курсы «народной культуры» и т.п., есть характерное проявление неоязычества);
- этническое (политеистические культы, имеющие глубокие исторические корни);

- экологическое (окультизные синкретические культы);
- националистическое.

Характерен ответ идеолога НРД Д. А. Гаврилова на вопрос «Что такое язычество?»: «Язычество – это возвращение к историческим корням, традиционной культуре, это уважение своего рода и племени. ... Язычество – это мифологичное мышление, основанное на обожествлении природы и признании всех вещей во Вселенной живыми (т.е. личностями). <...> Язычество – это магическая система, и, как всякая магия, оно практично.

Язычество – это искусство делать выбор, не ограничивая его (выделено автором. – А. Е.).

Язычество – магическая система формирования личности.

Язычество направлено на формирование особого типа мышления с целью самосовершенствования человека и **восхождения его до уровня бога-вершителя** (выделено автором. – А. Е.). Это учение о гармонии человека с природой. Гармонии уже в том, что язычнику вовсе не обязательно записываться заранее в воинство, ему не нужен противник. **Свобода выбора заключается не в выборе между добром и злом, а в выборе способов осуществления добра** (выделено автором. – А. Е.)...

Язычество – не религия в том смысле этого слова, как у нас понимается, поскольку религия построена на системе догм, а язычество (скажем, из современных – даосизм) оставляет за человеком свободу выбора (раб лишь тот, кто раб Чужого Выбора, – это монистические и монотеистические концепции, а в язычестве, скажем, выбор меняют на каждом шагу – это и есть Свобода Воли).

Язычество не для государства и не для общества. Язычество направлено на самосовершенствование каждого отдельного человека» [35].

Относительно магии интересна статистическая справка: 32% россиян считают, что с ее помощью можно повлиять на судьбу человека, 58% не верят в магию и колдовство, а 10% с ответом затрудняются. В городах и селах жители верят в ма-

гию примерно в равной степени (прогнозируемое в свое время коммунистами стирание грани между городом и деревней) и лишь в Москве 74% опрошенных не верят ни в какие магические силы, кроме денег [99].

Как видим, неоязычники фактически саморазоблачаются, их высказывания говорят сами за себя – ибо на деле речь идет не о возврате к старому (который невозможен и бессмыслен, как было показано), а просто об удовлетворении собственных прихотей. Йормунд Инги, член исландской ассоциации «Асатру», так прямо и говорит: «Мне кажется, что важно делать то, что вы действительно чувствуете, чем просто соблюдать историческую правдивость. Историческая корректность очень хороша, нужно знать старинные традиции и т.п. Но все же ваши традиции – это то, что вы о них думаете»; и далее, там же: «Не следует искать свои традиции в книге, подобные вещи должны жить внутри вас». Таким образом, мы имеем дело с обычным «самовыражением», одной из разновидностей деградации личности. Инги завершает свою мысль такими словами: «Если же вы не в ладах с обществом, самим собой и природой, то вы можете оставаться христианином» [52, с. 200, 207].

Ниже приведем некоторые положения русского неоязычества и их опровержение [35].

1. У нас должна быть своя «русская» вера. Вера должна являться не этнической, а истинной и спасительной; ее нельзя избирать по некоему удобному признаку: своя, приятная, полезная, удобная и т.п. Спаситель говорит ученикам: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин. 15, 16), т.е. Господь избирает человека, который волен либо принять веру и спастись, либо отвергнуть и погибнуть. Без Православия русский суперэтнос попросту не сформировался бы.

2. Православие – жидовская вера. Православие – единственная вера, не имеющая ничего общего с иудаизмом, прямо противопоставляющая себя ему. Весь смысл Ветхого и Нового Завета – обличение евреев за отход от истинной веры, за переход к язычеству, больший даже, чем у иных народов. С по-

зиций христианства богоизбранность еврейского народа – исключительно по духовному (ветхозаветные пророки), а не по этническому принципу. Богоизбранный – отнюдь не значит «лучший», поскольку Бог хочет привести к себе **всех**. «...Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом» (1 Кор. 1, 27–29).

3. Князь Владимир – сын жидовки Малки, с помощью Православия жида поработили Русь. Национальность Малуши и поныне никем достоверно не установлена, «Повесть временных лет» ничего об этом не говорит, а это – единственный заслуживающий доверия источник. Самое главное же здесь – то, что князь Владимир принял именно Православие, а не иную веру. О каком-либо порабощении говорить здесь не приходится. Напротив, до принятия христианства разрозненные племена восточных славян неоднократно порабощались аварами и хазарами (данничество иудеям).

4. Русских насильно загнали в христианство, пролив реки крови (это одновременно и тезис либералов, рассмотрено нами в гл. 3). Имевшее место насилие являлось следствием языческой природы государственной власти Киевской Руси. Насилие по отношению к язычникам имело место, но по своему характеру и масштабам оно не шло ни в какое сравнение с насилием языческим. Христианство распространяли вчерашние язычники, что не могло не накладывать свой отпечаток на характер их действий.

С другой стороны, если бы новая религия оказалась чуждой менталитету восточных славян, то при первой же политической смуте от нее избавились бы в первую очередь (а ведь усобиц в раздробленной после Ярослава Мудрого стране было достаточно). Сами княжеские усобицы имели сугубо языческую природу – стремление к личной власти ради материальных стяжаний. В результате Русь оказалась поработанной монголами, но христианство при этом не только не рухнуло, но

напротив, стало духовной опорой русского народа и символом его единства. Язычники-монголы, вероятно, взяли бы под покровительство славянское язычество, будь оно востребовано народом. Но последнего просто не произошло.

5. Язычество – светлая и высоконравственная религия, христианство же намеренно порочит его. Большинство языческих культов поражало своей безнравственностью. Языческое мировоззрение страсть возводит в культ, потакает наиболее низменным побуждениям человека, заявляя об их естественности. То, что христианство именуется источником страстей и грехом, в язычестве именуется святыней и нормой.

6. Утверждения о человеческих жертвоприношениях и употреблении язычниками человеческой крови – ложь, выдуманная христианами. Подробно об этом говорится в гл. 2. Христианство устранило из жизни общества узаконенные человеческие жертвоприношения. Учащение человеческих жертвоприношений после 988 г. объясняется как ожесточением язычников, так и переходом лучших их представителей в христианство; оставшаяся часть постепенно деградировала в ведьм, колдунов, вампиров и т.п.

7. Христиане принизили женщину, значительно опустив ее статус и положение при язычестве. Многоженство и убийство жены на похоронах мужа – см. гл. 2.

8. В результате христианизации в русском народе возникло двоеверие. Русский народ рождался в ходе христианизации славянских племен. «Двоеверия» в русском народе никогда не было. Неоязычники понимают это таким образом, как будто бы после Крещения в народе существовали на равных две веры или что христианизация была поверхностной, не затронувшей подлинных глубин народного духа, оставшихся полностью языческими. Но это грубое заблуждение. Суть дела в том, что, став христианами, бывшие язычники сохранили лишь остатки прежней веры, которая окрасилась уже новым мировоззрением. После Крещения продолжали верить в леших и домовых, на Масленице пекли блины, на Троице прыгали через костер – но это не означает, что преж-

нее мировоззрение лишь потеснилось, а не рухнуло в своей основе. Это были уже другие люди в религиозном отношении, знавшие истинного Бога и потому не могущие принести человеческие жертвы [91].

9. Христианство – религия слабых и убогих, религия рабов. Этот тезис всегда сводят к словам Христа «подставь другую щеку». Но ведь речь идет только о своей щеке, что означает прощение своего личного врага и неумножение зла. **Христианское смирение – это смирение не перед злом, а перед Богом,** Божиим всемогуществом. Выражение «раб Божий» означает и признание Божьего всемогущества, и готовность отстаивать Его замысел о мире, то есть «раб» превращается в мужественного воина в битве против сил зла.

* * *

В рамках неоязычества или в непосредственной связи с ним существуют многочисленные **секты «экологической ориентации»** и экологические организации, которым присуще оккультное, синкретическое, квазиэтническое политеистическое мировоззрение с идеологией экологизма. Основной идеей здесь является неэкологичность христианства, о чем подробно говорилось выше (см. гл. 1, 2). К таковым относятся общины, входящие в «Круг Языческой Традиции» (КЯТ), которая возникла в 2002 г. и имеет довольно высокие темпы роста. Ее идеологами был предложен план-максимум под названием «Цели природной веры». В нем сформулированы социальные задачи неоязыческого движения на будущее, среди которых «решение основных экологических проблем и создание общества, находящегося в равновесии со своей природной средой обитания» путем возврата к почитанию природы. Экологизм, действительно, – одна из самых главных пропагандистских идей КЯТ, широко эксплуатируемая для вовлечения новых людей. Члены КЯТ принимают участие в конференциях «зеленых», устраивают многочисленные экологические акции по очищению парковых зон Москвы и Под-

московья. Но, без сомнения, муссирование данной темы используется ими с целью привлечь внимание общественности прежде всего к самим себе [17].

К известным организациям такого рода относятся «Хранители радуги», «Хранители фиолетового пламени», ряд других, подчас пользующихся поддержкой властей, организуемых детские и подростковые летние лагеря под личиной формирования экологичного мировоззрения, а по сути формирующих у детей сугубо языческое мировоззрение.

Это затрагивает важнейший вопрос **экологического образования**, подробнее рассматриваемый ниже (разделы 10.6 и 10.7). Однако здесь мы отметим лишь неоязыческие тенденции этого процесса. Через весь наш труд красной нитью проходит идея первичности духовного кризиса с последующим развитием кризиса экологического. Поэтому идеологический аспект образования весьма важен. Этому требованию в наибольшей степени соответствует учебник экологии для старших классов известного либерального философа Н. М. Мамедова с соавторами [47], в наибольшей степени ориентированный на формирование мировоззрения учащихся, однако мировоззрения бывают разные... Серьезные возражения (мягко говоря) вызывает трактовка важнейшего вопроса – «мировоззренческих истоков экологической проблемы» (заглавие соответствующего раздела). Фактически данный учебник в завуалированной форме пропагандирует учащимся идеи неоязычества.

Справедливо указывая на духовную первопричину экологического кризиса, авторы затем допускают искажения при рассмотрении важнейших положений мировых религий (47, с. 229–234). Авторы информируют учащихся, что «...в странах Древнего Востока длительное время обожествляли природу и преклонялись перед ней... Это содействовало бережному отношению к природе, восприятию явлений природы преимущественно как предмета восхищения и художественного освоения». Интересно, какие конкретно цивилизации имеются в виду? Авторы учебника воздерживаются от

конкретики. Уж не Месопотамия или Хараппа, в результате торжества потребительского мировоззрения превратившие цветущие регионы в пустыни, о чем сами авторы упоминают чуть ниже? Где же логика?

Говоря о Древней Греции, авторы справедливо указывают на первоначальное главенство воззрения об «органическом единстве человека и природы» (с. 230), но тут же делают оговорку – «не без сильного восточного влияния», когда именно последнее (в основном – финикийское) способствовало последующему развитию в Элладе все того же потребительского мировоззрения.

Но это только начало. Далее в учебнике говорится об «иудейско-христианской традиции», что является серьезной терминологической ошибкой, к сожалению имеющей место в ряде современных научных работ, как отечественных, так и зарубежных (доходит до утверждения о том, что христианство базируется на иудаизме, который при этом совершенно явно смешивается с ветхозаветной религией, что далеко не одно и то же!). Как можно объединять эти мировоззрения в одно целое?! Не углубляясь в богословские споры, заметим лишь, что подобная трактовка серьезно запутывает и сбивает учащегося с толку.

Дальше – больше. На с. 231 – христианство, оказывается, отвергает «древнее положение, что все сотворенное совершенно и прекрасно... христианство дало возможность человеку противостоять природе». Перед написанием этих фраз авторам неплохо было бы повнимательнее прочесть Книгу Бытия, где несколько раз повторяется: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1, 25). В этой фразе речь идет о созданном Творцом – и оно «хорошо».

Особое внимание следует уделить таблице 4.18 (с. 232–233) «Религии мира об отношении человека к природе», где дано краткое сравнение трех мировых религий, а также иудаизма и язычества. Просмотрев эту таблицу, любой «средний» ученик (и не только он) сделает из представленной информации абсолютно логичный вывод – в глобальном экологическом

кризисе современности повинны исключительно иудеи и христиане, а язычники, мусульмане и буддисты – люди с сугубо «экологическим» мышлением. При этом упускается из виду, что ислам, так же как иудаизм и христианство, имеет ветхозаветную основу, а многие языческие цивилизации потерпели крах именно в результате потребительского отношения к окружающей среде (с чем согласны и сами авторы учебника). Обвинения христианства в «антиэкологичности» в учебнике «стандартные» – они также рассмотрены нами в гл. 1.

В серии учебников для начальной (!) школы профессора А. Т. Зверева [24] приводится еще одна оригинальная «трактовка» христианства: оказывается, Адам и Ева до грехопадения жили в раю как дикие звери и только после грехопадения стали настоящими людьми! То, что православные считают пришествием в мир носителей зла, автором учебников для маленьких детей представляется как сугубо положительное явление. Такое искажение христианского мировоззрения вряд ли послужит делу достойного воспитания школьников. Столь вольная трактовка смысла Книги Бытия и христианства допустима разве что в научной публицистике, в полемике, где, однако, она сразу же встретит серьезный отпор, но никак не в школьном учебнике.

Искажение смысла религиозных догматов способствует только запутыванию учащихся и, хуже того, – разжиганию национальной и конфессиональной розни и нетерпимости, чему все мы и являемся свидетелями. Пиетет же перед язычеством никогда еще не приводил ни к чему хорошему; в частности, и фашистская идеология представляет собой не что иное, как неоязычество в чистом виде.

Наверное, не имеет смысла обвинять авторов учебников в злонамеренной, целенаправленной дезинформации учащихся. Скорее все это – традиционные рассуждения российских интеллигентов, в свое время уже приведшие к катастрофе...

Выше нами была показана и обоснована высочайшая экологичность Православия, поэтому дополнительные комментарии здесь излишни.

Подводя итоги сказанному, отметим основные задачи, реализуемые неоязычеством в России:

- борьба против Православия и ислама;
- отвлечение внимания общества от истинных врагов государства;
- компрометация истинно патриотических идей и организаций и развал патриотического движения;
- внедрение в общество под лозунгами охраны природы и восстановления экологичного миропонимания, якобы утерянного в процессе христианизации.

9.4. Деградация экосистем — экологический кризис

Как следствие распада СССР, страны СНГ, не являясь, по сути, полноценными государственными системами, оказались перед лицом новых исторических реалий: распался некогда единый вмещающий ландшафт, на месте единого хозяйствующего в нем субъекта оказался конгломерат мало связанных друг с другом производственных структур. Единый социоприродный комплекс и система хозяйствования СССР, хотя во многом искусственно поддерживаемые, оказались разрушенными. Новые «государства» утратили былую возможность широкого маневрирования финансами, техникой, людскими ресурсами. Каждый остался один на один со своими социоестественными проблемами в своем замкнутом вмещающем ландшафте, с деформированной структурой производства, создавшейся отнюдь не для удовлетворения потребностей населения. В результате разрыва хозяйственных связей каждая республика с неконкурентоспособной продукцией своего производства, оказавшись перед мощными конкурентами на мировом рынке, не находя сбыта собственных товаров, фактически лишилась средств к существованию. Начался новый виток развития кризиса.

Представители коренных этносов в новых «государствах» нередко видят выход из ситуации в сокращении

«лишних ртов» путем вытеснения «иностранцев» (то есть в первую очередь русских) за пределы своего вмещающего ландшафта. Но этим проблема не решается. С исходом русскоязычного населения промышленные предприятия, коммунальные хозяйства, научные учреждения, учебные заведения, армия республик лишаются квалифицированных кадров. Отдельные республики, будучи не в состоянии даже охранять собственные границы, находятся на грани национальных катастроф. Собственно в России нарастают процессы регионального сепаратизма со всеми вытекающими из этого последствиями [60].

Советская система охраны природы базировалась на довольно жестких (хотя и отнюдь не всегда соблюдавшихся) административно-правовых нормах, множестве запретов, ограничений, штрафов и т.п. В настоящее время наблюдаются признаки отхода от принципов заповедности под активным давлением местных органов власти, ослабления централизации и администрирования.

Экологическое общественное движение с момента распада СССР развилось вплоть до появления партий «зеленых», но тема охраны природы в массовой литературе звучит приглушенно. Само понятие охраны окружающей среды принимает более «практический», защитно-гигиенический (санитарный) аспект при игнорировании духовного смысла проблемы. Экологические вопросы отступают на второй план в связи с как бы более острыми социальными вопросами. Снятие цензурных ограничений с материалов Госкомгидромета о загрязнении среды привело к тому, что уже никого не удивит самой мрачной статистикой – люди фактически привыкают к этому и перестают адекватно реагировать, более того, ищут самоуспокоения [60].

Россия, как отмечалось выше (гл. 4), характеризуется экологической уникальностью со всех точек зрения. В России минимум 65% территории государства не заселены и не включены в индустриальное и сельское хозяйство (кроме охоты); они представляют собой крупные природные эко-

системы Северного полушария планеты и первостепенный экологический ресурс.

Исходя из официальных статистических источников [98], в России лесной фонд в общей сложности занимает около 70% площади всех земель, причем отношение площадей, покрытых лесом, к общей площади земель (лесистость) является самым высоким в мире:

лесистость, %:

- Россия.....45,3
- Канада.....42,0
- Бразилия.....40,0
- США.....32,0
- среднемировой показатель.....27,0

запасы леса на корню, млрд м³:

- Россия.....73,30
- Финляндия.....1,90
- ЕС.....13,42

Однако современное состояние живого покрова только Восточной Европы следует считать кризисным. Осуществленные в период советской власти антропогенные преобразования привели к практическому отсутствию в настоящее время на территории Восточной Европы *климаксовых экосистем*. Последняя понимается как экосистема, включающая популяции видов разных трофических групп, объединенные устойчивыми потоками поколений всех ключевых видов данного региона. Для Восточной Европы ключевыми видами являются темнохвойные и широколиственные деревья, крупные стадные копытные (зубры, туры), бобры. Только полный набор ключевых видов обеспечивает устойчивое существование как теневыносливой, так и светолюбивой флоры и фауны в спонтанно развивающемся живом покрове.

Таким образом, современный живой покров Восточной Европы можно представить как огромную сукцессионную систему, подавляющее большинство процессов в которой инициировано хозяйственной деятельностью человека. Отдельные элементы этой системы в большинстве соответствуют настоя-

щим или бывшим хозяйственным угодьям. Ведущим фактором, определяющим направление смен сообществ, является состояние популяций ключевых видов, а также характер преобразования экотопа, зависящий от множества прошлых воздействий. Скорость сукцессий определяется в первую очередь темпами расселения и скоростью оборота поколений ключевых биологических видов.

Естественное восстановление живого покрова принципиально возможно в заповедниках и национальных парках. Процесс естественного восстановления лесных сообществ происходит довольно медленно, поскольку большинство деревьев распространяется со скоростью нескольких сотен метров за одно поколение, а большинство трав – со скоростью от нескольких сантиметров до нескольких метров [100].

Новый крайне опасный этап освоения долин малых рек наступил в 1980–1990-х гг., когда началось активное создание сначала в ближних, а затем и дальних пригородах садово-огородных товариществ. В большинстве случаев в условиях, когда изъятие для этих целей пахотных и лесопокрытых земель было жестко ограничено, основная часть земельных отводов пришлась на мелколесье, заболоченные непахотные сельхозугодья и другие участки, являющиеся основными источниками формирования стока малых рек [16].

Спад производства в последние годы в России положительно отразился на состоянии малых рек: остановлены или уменьшены мощности многих химических предприятий, простаивают текстильные предприятия. Спад в сельскохозяйственном производстве, с одной стороны, уменьшил сток загрязненных вод с ферм и удобрений с полей в реки, однако, с другой стороны, способствовал деградации пойм и усилению эрозии овражно-балочной сети в долинах рек, так как сельскохозяйственные угодья во многих хозяйствах были заброшены, зарастали мелколесьем и сорняками, а также были прекращены противоэрозионные мероприятия.

Коттеджные и дачные поселки в долинах рек строятся вопреки рекомендациям и даже запретам природоохран-

ных организаций, нарушая экологический баланс в долинах малых рек, разрушая малые притоки, водоохранные леса и почвенный покров. Совершенно бессистемно используются земли пойм под частные огороды. Малые водоемы на реках загрязняются и деградируют [16]. При фактическом вымирании русского народа антропогенная нагрузка на экосистемы растет.

Антропогенное загрязнение атмосферного воздуха, водоемов и почвы продолжается. На экологическую ситуацию негативно влияют еще функционирующие отрасли отечественной промышленности:

- черная и цветная металлургия;
- химическая, нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность;
- электроэнергетика;
- производство промышленных строительных материалов.

При этом объем улавливаемых и утилизируемых выбросов незначителен, а санитарно-защитные зоны вокруг предприятий практически отсутствуют.

Еще одним серьезным источником опасности являются автомобили, количество которых в стране непрерывно увеличивается. Во многих регионах их выбросы превышают выбросы от стационарных источников:

рост количества автомобилей за год30–40%

доля выбросов автотранспорта от общего

количества загрязнений50–80%

В крупных городах доля загрязнений атмосферы автотранспортом составляет порядка 80–85%.

Дополнительно на экологическую обстановку влияет и то, что благодаря высокому мировому спросу на природные ресурсы (нефть, газ, лес) их добыча в России идет высокими темпами и без соблюдения экологических норм. Основными статьями экспорта являются газ и нефть (70%), первичные металлы (15%), круглый лес (10%), все остальное, включая оборудование, вооружение и технологии, – менее 5% [101].

Рубки лесов были наиболее масштабными в XVIII–XIX вв. и привели к более чем двукратному уменьшению лесистости центральных районов. Во многом лесистость была восстановлена в нынешнем веке в результате зарастания сельхозугодий, брошенных вследствие социальных катаклизмов. Аэрокосмический мониторинг только 6% от общей площади лесосек (5 млн га леса) показал, что на некоторых участках площадь незаконной рубки в 2 раза превышает площадь официально выделенной лесосеки. Все вышеперечисленные негативные варианты действия частных предпринимателей в Российской империи и в период НЭПа в настоящее время находятся на вооружении деятелей «альтернативной экономики». К ним добавились весьма эффективные с точки зрения накопления внешнеэкономические операции – вывоз сырьевых ресурсов за рубеж [28].

В целом за период, прошедший с момента распада СССР, уровень загрязнения окружающей природной среды снизился примерно на 20%. Радоваться этому особенно не стоит, поскольку сие произошло вследствие развала промышленности страны. Снижение уровня загрязненности не говорит о наступлении экологического благополучия, поскольку этим в целом не решаются основные экологические проблемы России. В настоящее время специалисты выделяют 14 районов наибольшего экологического неблагополучия с кризисной и катастрофической ситуацией: зона аварии Чернобыльской АЭС, промзона Кольского полуострова, Московский регион, прибрежные зоны Черного и Азовского морей, Калмыкия, Северный Прикаспий, Среднее Поволжье, промзона Урала, нефтегазодобывающие районы севера Западной Сибири, Кузбасс, Приангарье, Норильский промрайон, Байкал. Данные районы в основном приурочены к наиболее освоенной и заселенной части территории страны (европейская часть территории России, Урал, юг Сибири), обладающей большим эколого-ресурсным потенциалом. В результате нерациональной хозяйственной деятельности на этих территориях произошли глубокие, а в некоторых случаях слабообратимые

или практически необратимые изменения природной среды, имеющие следствием существенное ухудшение здоровья населения и истощение природно-ресурсного потенциала [33].

Население РФ и СНГ в целом в массе своей **лишено традиционных продуктов питания**. В настоящее время жители многих сел и деревень практически лишились не только чистой воды (большинство рек загрязнено), но и грибных и ягодных мест, традиционного промысла, то есть основных преимуществ сельской жизни, не получив взамен практически ничего. Не просто происходит деградация экосистем, но разрушается система экологического жизнеобеспечения селян, что имеет высокую вероятность трагических последствий для многих поколений сельских жителей (см., в частности, [72, с. 64–69].

В частности, в средней полосе и на севере России находится множество клюквоносных болот. Во многих селениях клюкву, а также бруснику заготавливали на зиму десятками ведер на семью (сейчас в это трудно поверить). Эти ягоды эффективно предохраняли население от желудочно-кишечных заболеваний, болезней печени, почек и даже рака. От этих недугов особенно страдает нынешнее поколение людей. Прежде все сельское население обеспечивалось черникой – лучшим средством от заболевания и переутомления зрения и земляникой, которая превосходно восстанавливает здоровье ослабленных детей. Лесные ягоды и грибы, а также речная рыба – это наша этническая пища, лишать которой русских так же опасно, как лишать, скажем, нанайцев возможности ловить красную рыбу [32]. Древнее финно-угорское население России (например, меря), используя полноценную этническую пищу, практически не страдало заболеванием зубов. Материалы археологических раскопок показали, что у представителей меря зубы сохранялись здоровыми до 60 лет и более. В этих же местностях, например в долине р. Мерешки Заволжского района (под г. Заволжском), у наших современников зубы начинают выпадать уже к 30 годам, а в целом 95% взрослого населения России нуждается в лечении зубов.

Причина – в неполноценном питании. Известно, что 87% населения СССР страдало от недостатка витаминов. Ныне этот показатель по России, вероятно, еще выше.

Более 40% продуктов, продаваемых в Москве, являются фальсификатом. Чаще всего выявляются подделки растительного и сливочного масла, сгущенного молока, чая, кофе, минеральной воды, тушеной говядины, меда и кондитерских изделий. Лидерами черного списка стали: творог (42,5% не соответствует нормативам), творожные сырки (45,5%), творожная масса (42,1%), развесная сметана (33,3%), шаурма (40%), салаты (20%) и пирожные (18,8%). В настоящее время почти 70% продуктов питания выпускается по ТУ, а не по ГОСТам, что позволяет производить некачественную пищу [99].

* * *

Следующий важнейший вопрос – **экологическая обстановка в городах**. Урбанизация требует к себе самого серьезного внимания потому, что большинство экологических проблем мира порождаются городами: производство, потребление, загрязнение воздуха и воды, твердые и жидкие отходы. Россия имеет 46 промышленных крупногородских агломераций. Их города основаны на системах крупных промышленных комплексов, связанных жесткой технологией. Именно эти города и их агломерации оказались сегодня в наиболее кризисном состоянии [42, 43].

В крупных и средних российских городах с развитой промышленностью под воздействием повышенных (по сравнению с гигиеническими нормативами) концентраций вредных веществ живут почти 30 млн человек. В целом по РФ 60 млн человек живут в зонах, признанных экологически неблагоприятными.

В России города с древних времен были одной из важнейших форм расселения, основой становления государственности и православной цивилизации. Однако в СССР они были лишены достойного их права и даже собственных основ и механизмов городского управления, созданных в XVII–XIX вв.

Все было заменено жестким общегосударственным отраслевым управлением. Утратилось и до сих пор не возрождается само понятие «городское управление». Города продолжают восприниматься как географические адреса и «территории» для размещения производства, а не как феномены, обладающие собственными законами своего существования.

В то же время советская власть, взяв за основу развития индустриализацию страны и использовав законы экономической эффективности размещения производства, превратила Россию в страну больших городов и градосистем. За период с 1926 г. на территории современной Российской Федерации было построено и преобразовано более 2200 городских поселений. Доля городского населения возросла за этот период с 18% до 74%.

Более того, вопреки постоянным декларациям, главными итогами оказались опережающее развитие больших и крупнейших городов, формирование крупногородских агломераций и более обширных и сложных урбосистем – *конурбаций*.

Агломерация – скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединенных в одно целое интенсивными хозяйственными, трудовыми и культурно-бытовыми связями. Для агломерации населенных пунктов характерна общность повседневной жизни их населения, проявляющаяся, в частности, в «маятниковых» поездках на работу в пределах одной агломерации. Агломерация населенных пунктов – наиболее развитая и сложная форма расположения населенных пунктов, преимущественно вокруг крупнейших городов. В западной литературе агломерацию населенных пунктов, состоящую из ряда городов, нередко обозначают термином «конурбация».

На 1.01.1995 г. в России сложились:

- 124 крупногородских агломерации (более 120 000 жителей каждая), в границах которых развиваются или стагнируют:
 - **около 1330 городских поселений, из них все крупнейшие, крупные и почти все большие – с населением более 100 000 жителей;**

- более 36 000 сельских и рекреационных поселений, в которых обитает 10 200 000 человек населения.
- в свою очередь, 36 агломераций сформировали и уже формируют 12 конурбаций, которые диктуют более сложные требования к управлению развитием городов и агломераций.
- в России зарождаются еще более сложные урбосистемы – *мегалополисы*, установление границ и признание которых крайне необходимы для обеспечения существования поселений и государства в целом.

В реальных границах агломераций:

- обитает 98 720 000 человек, или 66% всего населения России;
- общая площадь агломераций – 405 500 км², которые составляют 2,6% всей территории страны, в т.ч. около 6% ее заселенной части;
- в агломерациях сконцентрированы 2/3 промышленного и около 90% научного потенциала государства.

Исследования агломераций и урбосистем в России начались с 1918 г. С 1964 г. ученые 4 раза с помощью общесоюзных резолюций обращались в ЦК КПСС с призывом признать агломерации как объекты регулирования развития больших городов и охраны окружающей среды. Однако предложения отвергались, исследования засекречивались.

В России на сегодняшний момент – около 3000 городов с населением 105,5 млн чел. (3/4 граждан). Градоэкологические процессы глубоко системны и представляют собой еще не осмысленный наукой градоэкологический метаболизм, присутствующий прежде всего агломерациям.

Число граждан России, испытывающих кризисное (10 и более ПДК – предельно допустимая концентрация) и предкризисное воздействие (от 5 до 10 ПДК) загрязняющих веществ, составляет 73 730 000 человек, или почти 50% населения [44, с. 16–30].

Итогом и вершиной экопроцессов градоэкологического метаболизма является так называемый «катарсис культуры», преподносимый как новейшее течение в искусстве. Художественные фильмы, в особенности западные, уже немыслимы без видов заброшенных заводов и урбоструктур; чем уродливее завод и его конструкции, тем «острее» сюжет. Итоги катарсиса – отчуждение человека от естественной среды его обитания («ненавижу природу» – восклицание одного из героев западного фильма, попавшего в красивейший уголок нетронутых горных лесов США), рост преступности и извращений во всех областях жизни.

* * *

В экономической истории Российской империи, СССР и РФ **засуха** 2010 г. была, пожалуй, наиболее долгой и пагубной. Вследствие засухи быстро падает и без того истощенное плодородие почв, гибнет урожай зерновых, плодоовощей, кормовых трав. Во все большем числе регионов РФ имел место забой скота, свиней, домашней птицы (из-за растущего дефицита кормов) и их естественный падеж (из-за голода).

Полагают, что засуха обусловлена, в частности, последствиями «новаций» середины 1950-х – середины 1980-х гг.: экологически и технологически пагубных методов распашки целинно-залежных земель, повсеместного «насаждения» кукурузы, рекордных темпов вырубki лесов, осушения болот и создания оросительных систем, а также последствиями директивного запрещения (в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.) травопольных севооборотов. Эти мероприятия привели к развитию деградации сельхозземель, негативным тенденциям в окружающей среде и, как следствие, к таким изменениям климата, которые способны ликвидировать большинство сельскохозяйственных отраслей (окончательно «добить» русскую деревню).

Такие последствия упомянутых «экспериментов» обозначены в исследованиях 2006–2010 гг., например, Ростовского

государственного аграрного университета, Всероссийского научного института агролесомелиорации (г. Волгоград), Почвенного института РАСХН, Донского зонального НИИ сельского хозяйства. Согласно этим исследованиям, Россия катастрофически быстро теряет плодородие сельхозпочв, что, естественно, усугубляется и засухой.

По данным тех же исследований, а также региональных экологических служб, до 45% площади общероссийской пашни ныне подвержено различным видам деградации. Засуха же увеличит этот показатель до 55%, а то и 60%. Наиболее активно деградация сельхозпочв развивается в Поволжье, Волго-Вятском, Центрально-Черноземном, Уральском и Северокавказском регионах (их совокупная доля в общем производстве растениеводческой и животноводческой продукции в РФ – до 35%).

Основатель почвоведения В. В. Докучаев в середине 1880-х гг. впервые определил содержание гумуса (естественного плодородного слоя) в черноземных почвах Центрально-Европейского региона России: максимальное содержание гумуса достигало 14–16%; к настоящему времени оно в том же регионе едва достигает 8%. Стало обычной практикой сеять пшеницу десятки лет подряд, что противоречит элементарным агрономическим правилам, прежде всего нормам травопольного севооборота. Что, соответственно, ведет к значительному снижению плодородия почв. В России до 40 млн га пахотных земель заброшено, 16 млн га сельхозземель заросло кустарником и деревьями, 58 млн га сельхозземель подвержено эрозии [104].

Вследствие упомянутых причин средняя по РФ урожайность пшеницы существенно ниже, чем во многих других странах.

В СССР была разработана долгосрочная программа, рассчитанная на 1948–1963 гг., по созданию защищающих от засухи лесных полос на сельскохозяйственных и примыкающих к ним землях; по созданию прудов и других водоемов на тех же территориях; по посадке лесонасаждений в засушли-

вых, пустынных и полупустынных землях; по комплексному использованию подземных вод, прежде всего в районах песчаных почв; по повсеместному использованию травопольных севооборотов; разработке и внедрению устойчивых к засухе пород сельскохозяйственных и сельхозрастений. Но реализация такой программы прекратилась через 2 месяца после кончины И. В. Сталина, с мая 1953 года, по распоряжению «послесталинского» Кремля.

Средняя урожайность пшеницы за 2009–2010 гг. составляет (по данным национальных сельскохозяйственных ведомств и Международного совета по зерну), ц/га:

● Россия.....	22
● Белоруссия.....	41
● Украина.....	24
● Казахстан.....	11
● Франция.....	70
● Германия.....	73
● Бельгия.....	82
● Китай.....	41
● Саудовская Аравия.....	47
● Иран.....	27
● Ливия.....	31
● США и Канада (в среднем).....	24
● Австралия и Новая Зеландия (в среднем).....	28

По отчету Госкомстата за 2005 г., в России обрабатывается или используется в сельском хозяйстве 2,2 млн км², из них под пашню всего 1,2 млн, под поселениями всех типов в стране занято 0,2 млн км², под промышленные сооружения и под военные цели 0,2 млн, под прочее 0,1 млн

Водной эрозии в России подвержено 17,8% площади сельскохозяйственных угодий, ветровой эрозии – 8,4%, переувлажненные и заболоченные земли занимают 12,3% площадей, а засоленные, солонцеватые земли – 20,1%. Земель, не подверженных этим напастям, в России всего 0,91 млн км².

Сельскохозяйственный сезон на большей части территории России составляет 2–3 месяца (в Европе и США

8–9 месяцев). Среднегодовая урожайность зерновых в России (на нечерноземах) – около 17 центнеров, в Германии, Франции и Великобритании (на нечерноземах) – 70 центнеров с гектара, в Швеции – 60, в Ирландии – 85, на Украине (на черноземах) – всего 24.

Большая часть из 39 000 брошенных деревень и поселков приходится на Центральный федеральный округ, Северо-Запад, Крайний Север, Сибирь и Дальний Восток. До 75% потребности России в продовольствии покрывается за счет импортных поставок [101]. Данные статистики говорят сами за себя.

9.5. Что впереди?

Русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревней – нельзя не пустить.

А. С. Хомяков

Я верю: то, что произошло в нашей стране, не есть еще «выбор России»!

Моисеев Н. Н. Агония России

Распад СССР и «мировой социалистической системы» привел к новой геополитической ситуации. Страны, находившиеся в зоне влияния России, были вынуждены определяться не только в зависимости от степени своего энергетического и экономического потенциала, но, главное, – в зависимости от интересов «хозяев мира» – транснациональных компаний, «мировой закулисы». Большинство стран при этом лишились каких-либо перспектив на самостоятельное развитие. Это усугубляется еще и тем, что искусственные границы «республик» СССР были проведены довольно произвольно (если вообще изначально не имели целью последующий развал государства) и не совпадали с естествен-

ными природными границами биогеоценозов и расселения отдельных этносов.

Утратив эффективные территории стран-сателлитов из «мировой социалистической системы» и бывших «союзных» республик, Россия оказалась в исключительно тяжелом положении: потеряны 25% территории, половина населения, 40% валового продукта, 50% лучших пахотных земель, значительная часть минеральных ресурсов. По состоянию эффективных территорий Россия оказалась в ситуации границ XVI в.: сейчас их площадь составляет 5,51 млн км² из 17,08 млн км² общей территории. Географический центр страны сместился на северо-восток – произошло катастрофическое перераспределение обитания массы населения в границах наиболее щадящих минусовых температур января от -10° до 0°С: в СССР в пределах этой климатической «ниши» проживало более 150 млн человек (более 50% населения бывшей страны), в то время как в «новой» России (РФ) стало проживать лишь около 40 млн (примерно 30% общей численности населения, или 13% жителей бывшего Союза).

Либерально-демократический курс руководства страны ориентирован на Запад, на разрушение Русской цивилизации. В постперестроечный период либерал-реформаторы связали надежды на возрождение России и скорое повышение уровня благосостояния людей с переходом на западную модель развития с ее духовными ценностями и приоритетами: либеральной рыночной экономикой, индивидуализмом, частной собственностью и высокими стандартами потребления. Для этого пришлось отказаться от государственного планирования экономики, строгого регламентирования всей жизнедеятельности общества, провозгласить политику открытых дверей, отказаться от идеологии коллективного выживания, что фактически явилось устранением фундаментальных основ многовекового бытия российского социума. По историческим меркам практически моментально оказались разрушенными промышленность и сельское хозяйство. РФ фактически существует за счет стратегических запасов,

созданных СССР, и распродажи по демпинговым ценам природных ресурсов.

Положение бывших «союзных» республик, лишившихся обширного российского рынка, катастрофично. Здесь четко обозначился процесс деиндустриализации – снижение уровня потребления энергии на душу населения. Вместо ожидавшегося процветания они вступили в полосу системного социоприродного кризиса – социальной нестабильности, деградации культуры, науки, образования, здравоохранения, ухудшения экологической обстановки, интегральными показателями чего являются снижение продолжительности жизни людей и депопуляция (вымирание).

Для оценки современной обстановки в России обратимся к статистике [99]:

- 20% населения страны считает обстановку в России спокойной и благополучной;
- 51% граждан убеждены, что Россия идет по неверному пути, и только 38% опрошенных говорят, что верят в правильность курса;
- собственное материальное положение назвали хорошим 18%, 54% сочли его тяжелым, но терпимым, 24% заявили, что «больше терпеть невозможно»;
- 14% надеются на улучшение своего материального положения в будущем, 22% полагают, что оно будет только ухудшаться;
- 24% россиян готовы участвовать в массовых выступлениях протеста, 19% готовы участвовать в забастовках;
- **деятельность правительства не одобряют 64% опрошенных, 87% офицеров российской армии открыто и откровенно нелояльны к власти.**

* * *

По ироничному замечанию автора цитируемого сайта, «жизнью в России довольны две категории людей: те, кто не в курсе, и те, кто в доле».

Тем не менее **предпосылки возрождения России остаются**. Основным здесь является общая судьба народов России, значительный научный потенциал, традиционный аскетизм великороссов и еще живая вера в общее спасение, приоритет государственных, коллективных ценностей в сознании народа (православное миропонимание), территориальные масштабы и – тяжелые природные условия бытия, обуславливающие социокультурный архетип России. Последнее есть действие отрицательной обратной связи, стремящейся вернуть систему в состояние равновесия (см. гл. 3). Вмещающий ландшафт российского суперэтноса представляет собой органическую целостность, ограниченную естественными природными рубежами. Это единая сложная экосистема, нарушение отдельных элементов которой способно возбудить цепную реакцию экологических и социальных проблем на громадной территории [60].

Говоря о чисто материальном аспекте бытия, следует подчеркнуть, что даже на текущий момент Россия обладает огромным эколого-ресурсным потенциалом, в частности, по топливно-энергетическим ресурсам ее доля составляет, % (08.11.10, РАЕН, Плакиткин Ю. А., журнал «Личность и культура»):

Россия.....	27
Азия и Океания.....	26
Северная Америка.....	21
Западная Европа.....	7
Ближний и Средний Восток.....	7
Африка.....	7
Восточная Европа и СНГ.....	3
Центральная и Южная Америк.....	2

Даже в условиях усиливающегося риска в период 2011–2019 гг. и ожидаемого перехода всего мира на неуглеводородный уклад энергетики с 2050 г. (отказ от использования нефти и угля) у России остается огромный потенциал и в неуглеводородной сфере.

Энергетический потенциал и полезные ископаемые России могут обеспечить безбедное существование на ее террито-

рии не только нынешних 150 млн человек – 3% мирового населения, но и гораздо большего числа людей [29].

Эти огромные ресурсы России могут стать предметом раздоров и новой мировой войны, разрушительный потенциал которой определяют теперь абиогенные источники энергии (атомная, химическая), многократно превосходящие по своей мощи биогенный потенциал биосферы, в результате применения которых неизбежна глобальная экологическая катастрофа (например, «ядерная зима»), одинаково смертельная и для Запада, и для остальных стран. В докладе ведущих аналитических центров, размещенном на сайте ЦРУ США, указано, что Россия может распасться на 6–8 государств. Причиной тому станет полный износ промышленного оборудования, электроэнергетики и жилищно-коммунальной сферы, а также падение цен на нефть. Новые государства станут зоной нестабильности и будут разделены на сферы экономического влияния мировых лидеров.

Как и прежде, Россия может выбраться из системного социоприродного кризиса, опираясь только на свои собственные силы [61].

Растущая деградация природных ресурсов в мире все очевиднее выступает как проблема наднациональная и надгосударственная как по своему содержанию, так и по возможностям решения. Это по сути своей – проблема экологическая. Обращаясь к аспекту социоестественной истории, отметим, что с конца XVIII в. сменились пять технологических укладов: первый, основанный на использовании энергии сжигаемого леса, доминировал в 1790–1850-х гг.; второй, основанный на использовании энергии сжигаемого угля и паровом двигателе, – в 1850–1900-х гг.; третий, основанный на использовании также энергии сжигаемого угля и электрическом двигателе, доминировал в 1900–1950-х гг.; четвертый, основанный на использовании энергии сжигаемых нефтепродуктов в двигателе внутреннего сгорания, – в 1950–1990-х гг.; пятый, основанный на использовании энергии сжигаемого газа и ядерной энергии, согласно прогнозам, будет домини-

ровать вплоть до 2030-х гг., после чего возможна переориентация на энергоресурсы чисто биосферного происхождения (солнечная энергия, энергия ветра и морских приливов, растительные масла).

Таким образом, смена технологических укладов представляет собой своего рода волны взаимодействия человека и природы с периодичностью в среднем около полувека и с тенденцией к постепенному сокращению этого периода при нарастании негативного антропогенного воздействия.

Наиболее заметные сдвиги в воздействии человека на природу, существенно повлиявшие на круговорот углерода, произошли при переходе ко второму, четвертому и пятому технологическим укладам. В то же время для пятого технологического уклада, в отличие от всех прочих (стимулировавших развитие в основном энергоемких производств – металлургии, химии, тяжелого машиностроения), характерно прежде всего развитие информационных технологий, телекоммуникаций и новых средств связи. В связи с этим впервые со времен промышленной революции как будто возникают принципиальные возможности для того, чтобы затормозить рост воздействия человека на природу и направить его в русло создания менее энергоемких, более интенсивных и экофильных технологий [66, 67].

Однако, основываясь на внутренних закономерностях развития технологических укладов, можно прогнозировать, что реально экономические и политические условия для этого могут сформироваться лишь после ряда глубоких социально-политических и экономических кризисов. Кроме того, в первую очередь необходимо нравственное возрождение человека, что представляется утопией.

* * *

С естественнонаучных позиций российскими учеными разработаны «биосферная концепция» (работы В. Г. Горшкова по устойчивости биосферы и группы авторов во главе с

В. И. Даниловым-Данильяном) и «социоэволюционная концепция» устойчивого развития, базирующаяся на термодинамической теории эволюции открытых систем с сопряженными процессами (работы В. С. Голубева), согласующаяся с идеями русского космизма и теорией ноосферы [6, 7, 9].

Согласно «биосферной концепции», существует лишь одно равновесное состояние биосферы с человеком и оно отвечает доиндустриальной цивилизации. Вернуться к нему – значит сократить как минимум в 10 раз численность населения Земли. Эта концепция тесно связана с англо-американскими экологическими теориями (концепции Д. Медоуза, Д. Лавлока); однако на Западе, где в экологической политике приоритетную роль играет чисто материалистический, ресурсный подход (т.е. отношение к биосфере как к источнику ресурсов), они занимают более маргинальное положение. В качестве основного возражения против «биосферной концепции» на Западе служит утверждение, что поскольку любое развитие нарушает гармонию, то естественное возмущение биосферы не является достаточным поводом, чтобы отказываться от «развития» в принципе [90].

Согласно «социоэволюционной концепции», надежда возлагается на другое – антропогенно-равновесное состояние, к которому якобы движется биосфера. Это состояние будет поддерживаться самим человеком (биосферная функция человека) на основе «экохозяйствования», основной принцип которого – сколько человек берет у биосферы, столько ей и отдает.

Согласно «биосферной концепции», главным признаком приближающейся экологической катастрофы является рост содержания углекислого газа в атмосфере, начиная с эпохи промышленной революции, что свидетельствует о нарушении в биосфере принципа Ле Шателье – Брауна. В «социоэволюционной концепции» показывается, что рост углекислоты есть всего лишь индикатор того, что человечество ввело в кругооборот новый источник углерода на основе сжигания ископаемого топлива. Нарушения принципа Ле-Шателье – Брауна в современной биосфере нет, хотя, в принципе, возможна ситуа-

ция, при которой он перестает действовать, – если содержание углекислоты в атмосфере возрастет в несколько раз.

В «биосферной концепции» в качестве причины экологического кризиса справедливо рассматривается научно-технический прогресс, экономический рост и рост населения, то есть то, что называется прогрессом цивилизации. Наоборот, «социоэволюционная концепция» считает экологический кризис всего лишь издержкой «развития», которая должна быть преодолена путем перехода цивилизации на «устойчивое развитие». Экологический кризис является следствием эволюционного закона соответствия структуры социума уровню энергопотребления (или закона «техно-гуманитарного баланса», по А. П. Назаретяну). Преодоление кризиса произойдет не уменьшением численности людей, а на основе культурного и согласованного с ним научно-технического прогресса. Проблема развития – не в численности людей, а в качестве человека. Последнее можно признать справедливым, однако «культурный прогресс» в обществе не наблюдается, напротив, при росте обогащенности общества информацией происходит явная духовная деградация.

В «биосферной концепции» выход из кризиса видится в сокращении населения в 10 раз путем «добровольного» перехода к однодетным семьям, отказа от эксплуатации лесов, уменьшения освоенной части суши с 60% до 20%. Тогда биота сможет стабилизировать среду. Участие в этом человека исключается, поскольку биота несравненно более совершенна, чем созданная людьми цивилизация.

Согласно «социоэволюционной концепции», главные события, происходящие в России в XX в., обусловлены чрезвычайно «низким эволюционным качеством человека господствующей элиты» (невозможно не согласиться), не соответствующим сложности современных социально-экологических проблем.

Обе концепции не выдерживают критики с позиций Православия. В одном случае речь идет о принижении роли человека как венца Творения, рассмотрении его всего лишь в качестве одного из биологических видов и о его второстепенной

роли в биосфере, с другой – о «прогнесе» падшего человека, когда налицо его деградация (что, кстати, и констатируется в «социоэволюционной концепции»).

Весьма важно другое, констатируемое добросовестными учеными вне зависимости от их идеологической ориентации. Известно, что нынешний состав живого вещества биосферы, включая человека, может существовать в пределах узкого диапазона изменений биогенных (необходимых для сохранения жизни) планетарных констант: температуры и химического состава атмосферного воздуха, водородного показателя (рН) природных вод, уровня естественного радиационного фона, мощности озонового слоя, при непрерывном условии сохранения дисимметричной структуры органического вещества, и ряда других естественных характеристик природной среды. Сейчас благодаря достижениям естественных наук практическое использование абиогенных источников энергии (ядерная, термоядерная), искусственно созданных химических веществ абиогенного действия человек способен инициировать процессы, превосходящие по своей мощи естественные биосферные и геологические процессы, и тем самым существенно влиять на естественные биосферные константы, что недопустимо, поскольку неизбежно окажет негативное влияние на экологическое состояние биосферы. Словом, **человечество впервые в своей истории достигло пределов свободы материальной деятельности в природе, столкнулось с абсолютными экологическими ограничениями бытия общества**. Раньше люди должны были учитывать факторы относительных экологических ограничений (неблагоприятные климатические условия, низкое плодородие сельскохозяйственных угодий и т.п.), которые преодолевались созданием искусственных сооружений, так называемой «второй природы», совершенствованием производительных сил и т.п., т.е. развитием культуры и цивилизации.

Уроки современного системного социоприродного кризиса в России позволяют сделать обобщающие выводы, которые фактически одинаковы – как с позиций креационизма,

так и эволюционизма, что весьма характерно: **экологический фактор оказывает колоссальное влияние на весь спектр социокультурных процессов** (см., в частности, [60]). **Экологическая компонента социоестественной истории – фактор постоянный.**

Человек не может игнорировать естественные закономерности бытия системы «природа – общество»; он должен предвидеть возможные ее состояния, изменения и их последствия и адекватным образом реагировать на них. В противном случае возможно нарушение социоприродного равновесия, его перерастание в системный социоприродный кризис. Эволюционисты при этом с позиций синергетики говорят о «возникновении бифуркационного состояния системы и возрастании степени неопределенности ее возможной эволюции». С определенной долей иронии с этим нельзя не согласиться, имея в виду, однако, процессы духовной деградации человека как доминирующие и определяющие весь ход истории.

Если общество постоянно имеет в виду экологический аспект существования цивилизации, это может являться причиной стабильности, фактором «обеспечения коэволюции природы и общества», по мысли эволюционистов. Если же проблемы экологии хотя бы на некоторое время предаются забвению, они могут инициировать процессы, ставящие цивилизацию на грань выживания.

Таким образом, **будущее современной цивилизации во многом зависит от возможности или невозможности решения проблем экологии.** При этом еще раз подчеркнем, что кризис экологический есть лишь следствие кризиса духовного и органично входит в общий системный кризис цивилизации, явившийся следствием катастрофы грехопадения.

Каковы же пути выхода из экологического кризиса – выживание в материальной сфере (подход Западной цивилизации, утопическая концепция «устойчивого развития») или спасение в духовной сфере (православный подход)?

Учитывая духовную первопричину экологического кризиса, следует полагать и выход из него в первую очередь в ду-

ховной сфере – **религии, образованию и законодательствах** (последовательность – по мере значимости). Это, по сути, является триединой задачей российского общества. Наша цивилизация уже более тысячи лет несет идеологию Православия. Поэтому наше спасение – исключительно в духовной сфере, для чего необходимо покаяние отдельного человека, этноса и суперэтноса. Вспомним, что в 1613 г. русский народ дал клятву: «Никогда не будем повинны в предательстве, пусть падет проклятие на нас и детей наших»... Это тоже Слово... Покаяние необходимо...

Далее. Попытка изменения миропонимания человека – учителя, инженера и предпринимателя – базируется, после религиозного аспекта, в первую очередь на развитии экологического образования; следующим этапом этого процесса является законотворчество, предусматривающее создание природоохранных законодательств. Понимая утопичность возможности полного и абсолютного решения данной проблемы, необходимо также и понимание, что иного пути просто нет. Опыт цивилизации Запада показывает, что даже в условиях глубокой духовной деградации и при несовершенстве системы образования создание относительно эффективной системы природоохранных законодательств вполне возможно. Однако необходимые технические и технологические меры по предотвращению загрязнений биосферы и ликвидации последствий загрязнения в этом контексте следует считать вторичными.

Таким образом, поиски путей преодоления экологического кризиса выдвигают проблему совершенствования экологического образования при приоритете духовно-нравственных проблем. Такая постановка вопроса определяет целесообразность создания комплексной образовательной системы, включающей в себя предметно-экологическое и духовно-нравственное образование с учетом национальных традиций и особенностей, что в конечном счете способствует экологизации и гуманизации образовательного процесса. Под этим тезисом мы

понимаем преподавание учебных дисциплин в первую очередь с позиций оценки взаимодействия и взаимовлияния общества и окружающей природной среды.

Целостная система экологического образования и воспитания должна охватывать всю жизнь человека. По мысли видного отечественного ученого, академика Н. Н. Моисеева (1917–1999), основными положениями этой пока еще только складывающейся системы должны стать:

«1. Учитель в наступающем веке делается центральной фигурой гражданского общества. Будущность страны, нации будет зависеть от него в большей степени, чем от политика, коммерсанта, предпринимателя.

2. Изменения условий обитания на планете уже в ближайшие годы потребуют не только совершенствования воспитания и образования, но, может быть, и коренной их перестройки.

3. В основе совершенствования образования должны лежать экологическое образование и экологизация остальных образовательных дисциплин.

4. При всей важности внешкольного образования основные усилия должны быть направлены на совершенствование массовой школы и формирование на основе экологизации образования новых принципов нравственности» [53].

Здесь можно не согласиться лишь с последней мыслью о «новой нравственности», тем более что сам Н. Н. Моисеев отмечает: «...я совсем не убежден, что надо изобретать какие-либо новые принципы взаимоотношения людей. Необходимое уже сказано – это принципы Нагорной Проповеди».

Экологическое образование должно иметь целью формирование мировоззрения, основанного на представлении о единстве человека и биосферы. Такой подход предполагает всемерное развитие межпредметных связей, преодоление разобщенности гуманитарных, естественнонаучных и технических областей знания. Одна из важнейших проблем – стыковка среднего и высшего образования, обеспечение его непрерывности. Важнейшая задача здесь – объединение усилий ведомств высшего образования и охраны окружающей среды.

Учитывая единство воспитательного и образовательного процессов, представляется, что экологическое воспитание должно начинаться с самого раннего возраста (детский сад), постепенно переходя в экологическое образование (школа–ВУЗ–послевузовское образование). Эта тенденция должна распространяться на весь образовательный процесс, ничего не оставляя в стороне. Только при этом условии можно будет говорить о постепенной переориентации современного менталитета технической (да и не только технической) интеллигенции, постепенном преодолении отчужденности между гуманитарной и естественнонаучной культурами.

Естественно, что предложить какую-либо универсальную систему образования не представляется возможным. Но некоторые основные положения являются общими для любой системы. В настоящее время поэтому приоритет следует отдать детальной разработке концептуальных положений. Однако во главу угла необходимо ставить именно духовно-нравственное образование, базирующееся на этнообразующей религии – поэтому так важен для современной школы курс «Основы православной культуры».

Однако на практике вопрос этот «решается» современными структурами образования уже с 1990-х гг. и органично входит в общую направленность развала образовательного процесса в стране. Несмотря на то что ведущими учеными России (Н. Ф. Реймерс, Н. Н. Моисеев) давно разработан план образовательного процесса, на практике мы видим лишь его дальнейший распад.

Необходимость дошкольного, школьного, вузовского и послевузовского экологического образования в настоящее время у подавляющего большинства специалистов не вызывает сомнений. При этом четко прослеживаются две основные тенденции:

1. желание представить современную экологию как часть естественнонаучной области знаний и не более того;
2. ориентация на мировоззренческий характер экологических проблем, понимание того, что экологический кризис

есть лишь следствие, внешнее проявление кризиса духовного; в этом случае акценты в образовательном процессе смещаются в сторону духовно-нравственных аспектов.

Последнее направление представляется единственно правильным, поскольку в противном случае усилия направляются на лечение следствия, а не причины.

Существующие школьные (да и для высшей школы) учебники экологии ориентированы большей частью на первое направление, перегружая учащихся излишними подробностями экологии животных и растений. Кроме того, все учебники излагают материал с позиций универсального эволюционизма, преподносящего учащимся как истина в последней инстанции, а не как всего лишь одна из двух научно-мировоззренческих систем. Известный учебник Н. М. Черновой с соавторами [93], кроме рассказов о «древних гоминидах» (с повторением известной фальсификации «синантропа»), дает учащимся ложное представление о возможности выхода из глобального экологического кризиса исключительно путем дальнейшего развития науки и совершенствования технологий, полностью игнорируя духовно-нравственный аспект.

Учебник Н. М. Мамедова с соавторами [47] в большей степени ориентирован на формирование мировоззрения учащихся, однако фактически данный учебник в завуалированной форме пропагандирует учащимся идеи неоязычества, о чем уже говорилось выше, в разделе 10.3.

Каким же духовным содержанием наполнять российские учебники по экологии? Ответ здесь очень прост – нашим национальным мировоззрением: разумный аскетизм и нестяжательство – гаранты духовного, а следовательно, и экологического равновесия между цивилизацией и биосферой. Но этот истинно христианский взгляд на экологический кризис во всех учебниках не представлен вообще, а в отрыве науки и образования от религии решать экологические проблемы просто невозможно.

Но наше общество, отвернув свои традиционные духовные ценности, пока находится на перепутье; состояние дел в российском образовании – тому доказательство.

В свою очередь законотворчество, ориентированное на охрану окружающей природной среды, должно базироваться на мировоззрении, сформированном в процессе получения образования. Законодательства в современном мире становятся и правовой, и экономической основой природоохранительной деятельности, поскольку последняя, как правило, не является прибыльной [18].

При рассмотрении проблемы следует в первую очередь иметь в виду изначальный антагонизм экологии и экономики. Интересы промышленного производства и всего современного общества в целом практически всегда находятся в противоречии с интересами охраны природы. Развитие товарного производства сопровождается интенсивным и порою варварским истреблением природных ресурсов. Всегда, в том числе и в настоящее время, производители товаров не были заинтересованы в нейтрализации и обезвреживании загрязнений, не мешающих самому производству, поскольку эти мероприятия требуют дополнительных затрат и, следовательно, уменьшают прибыль.

В такой ситуации охрана окружающей среды возможна лишь при наличии жестких экологических законодательств. Поэтому во всех промышленно развитых странах рано или поздно наступает время государственного регулирования экономики в направлении ее экологизации.

Наиболее эффективно государственное регулирование с помощью штрафных санкций – принцип, предложенный еще Платоном: «Платит тот, кто пачкает». Размеры штрафов должны быть достаточно велики, чтобы экономическим оказывалось только производство, соответствующее строгим санитарным нормативам.

Важнейшим аспектом законодательного регулирования вопросов охраны окружающей среды следует считать использование экологической экспертизы. Особую роль приобретает предварительная оценка степени риска конкретных установок и производств, результаты которой используются страховыми агентствами при расчете страховых выплат. Для стандартиза-

ции такой оценки разработаны классификация по степени экологической опасности и модель расчета.

К сожалению, ни в обществе, ни в верхах нет осознания подлинных причин современного социоприродного кризиса. Меры, предпринимаемые правительствами «государств» СНГ, поощряя социальную дифференциацию, чреватую обострением всего комплекса социальных противоречий, реально усугубляют положение. Страны теряют материально-технический потенциал, на базе которого возможна структурная перестройка, создание технологического базиса материального производства и всей системы хозяйства, способной обеспечить выживание и процветание в условиях данного вмещающего ландшафта.

Что необходимо предпринять для преодоления современного социоприродного кризиса? Ответ во многом будет зависеть от состояния российского суперэтнуса [60]. Если продолжится процесс его распада и, следовательно, дробление единого прежде вмещающего ландшафта, то говорить о возрождении России бессмысленно. При возобладании тенденции к консолидации, новой интеграции государств СНГ, а по сути – Российской империи, ситуация будет иной. Тенденции к такому развитию событий уже четко прослеживаются: «Несмотря на огромные потери, наша страна выстояла. Хотя все и произошло не так, как хотелось русским патриотам-государственникам, но все же и не так, как того желали враги России. Сегодня мы ощутимо ближе к национальным началам, чем были в середине 1980-х годов. Реальный сдвиг в самосознании общества произошел в нашу сторону. Да, еще сильны позиции западно-ориентированных политиков и банкиров, но они уже не полностью контролируют политические процессы. В России появился национальный капитал и связанные с ним политики, отстаивающие национальные интересы. **Патриотические идеи стали ресурсом государственной власти** (выделено автором. – *А. Е.*). Еще предстоит сделать очень много в возрождении русской идеологии, исторических духовных ценностей России, очистить власть

от духа наживы, потребительства и либерализма. И это тоже часть нашей борьбы за Россию. Она происходит в наших душах и затрагивает всех жителей страны» [70]. По словам Дж. МакКейна, кандидата в президенты США в 2008 г., **очевидно, что целью сегодняшней России является восстановление Российской империи; не Советского Союза, а именно Российской империи.**

* * *

В материальной сфере речь идет о процессах деиндустриализации. Оздоровление экологически неблагополучных районов с помощью традиционных подходов современного индустриального общества предполагает большие организационные, материальные и финансовые усилия и не имеет больших перспектив. Новейшие технологии (инновационные процессы) в индустриальном обществе приводят к появлению острых социально-экологических проблем, к духовно-нравственному кризису (бездуховности). Машинная техника и технология индустриального общества являются большой бедой для человечества. Они как будто создаются для блага людей, но незаметно подчиняют их себе и ставят человека в зависимость от машин, уничтожая природную среду его обитания (это говорят эволюционисты!). Прежде всего, эти инициативы должны распространяться на «зоны экологического неблагополучия». Инновационные процессы способны превратить эти «зоны» экологического и духовного бедствия в ценные потенциальные ресурсы. Именно в этих «зонах» накоплены громадный интеллектуальный потенциал и разнообразные ресурсы (материальные, энергетические и др.), которые ждут своего применения, и этим нельзя пренебрегать. Эти ресурсы представляют собой базис преобразования индустриального общества в информационное (ничто на пустом месте не возникает), где общественно-технологический уклад можно выразить как «человек–природа–машина» с преобладанием гео- и биотехнологий [33].

Весьма важны сформулированные М. Я. Лемешевым идеи создания современной «экологической деревни», в форме которой можно было бы возродить традиционное монастырское хозяйство, основы которого были заложены преподобным Иосифом Волоцким. Хозяйство даже не монастырское, а традиционное сельское поселение, характерное для центральной России XVIII–XIX вв. Современность задуманной «экологической деревни» состоит лишь в том, что в ее жизни допускается использование электричества и вместо традиционной церковно-приходской школы предполагается наличие средней общеобразовательной школы. В остальном же должен быть воспроизведен традиционный уклад сельской жизни и быта ее обитателей. По замыслу М. Я. Лемешева, в деревне должно быть построено порядка 50 благоустроенных деревянных домов усадебного типа, обязательно с русской печью, с подворьями, при каждом из которых должен быть личный земельный участок размером 30 соток (0,3 га) для ведения огородного хозяйства, возделывания плодового и декоративного садоводства, цветоводства, создания (при желании владельца) зарыбленных прудов, газонных площадок, беседок и прочих благ с учетом фантазии каждой семьи.

Важным требованием устройства такой деревни должно быть обеспечение работой всего ее трудоспособного населения. Основной хозяйственной деятельностью должно быть коллективное сельскохозяйственное производство: полеводство – возделывание ржи, овса, клеверов, льна-долгунца, гречихи, посевной конопли; животноводство – разведение рабочих и спортивных лошадей, молочных коров, овец, птицы (по выбору – кур яйценосной или мясной породы, гусей или уток); пчеловодство; высокоорганизованное навозное хозяйство – основа повышения плодородия почв.

В сельскохозяйственном производстве не должна использоваться тяжелая техника – тракторы, комбайны, а также минеральные удобрения, ядохимикаты. Полевые и транспортные работы должны выполняться только на конной тяге. Въезд в жилую зону деревни на личных легковых автомоби-

лях также недопустим. Коллективный гараж должен располагаться за ее пределами.

В структуре хозяйства должны иметься разнообразные мастерские: деревообрабатывающие, включая плотницкие и столярные, кирпичные, льнообрабатывающие, прядильные, ткацкие, швейные, сапожные и другие.

Из объектов соцкультбыта обязательно должны быть современно оборудованная школа, поликлиника, библиотека, клуб, стадион, банно-прачечный комбинат, почта, пекарня, сельмаг.

Для организации деревни необходимо иметь порядка 300 га земли. Основным принципом хозяйственной деятельности «экологической деревни» предполагается общественный характер производства и артельная организация труда.

Создание «экологической деревни» одобрял покойный митрополит Питирим (Нечаев). Осуществление данного проекта затормозили неодолимые трудности с получением земельных угодий. Остается надеяться, что идея создания «экологических деревень» в наше трагическое время найдет своих сторонников в России [103].

До недавнего времени попытки сохранения исчезающих остатков естественных сообществ, с одной стороны, и необходимость удовлетворения «растущих» потребностей человека в природных ресурсах, с другой, оценивались как взаимоисключающие либо независимые друг от друга подходы в отношениях человека с природой. Сейчас проявляется тенденция сближения этих подходов. Необходимым условием сохранения биологического разнообразия признается система экологически грамотного природопользования, построенная на учете и использовании природных закономерностей. Для разработки таких систем природопользования необходим не только поиск путей решения прикладных задач, но и общее понимание закономерностей организации и развития живого покрова. Это – в теории, на практике же деятельность властей естественным образом остается глубоко антиэкологичной. И это вполне закономерно – власть, базирующаяся не на Православии (при

внешней лицемерной лояльности к нему), но на либеральных ценностях, экологичной быть не может.

В настоящее время наступает, возможно, самый решающий момент в истории России. Повторим, подводя итоги изложенному, что человек может по-разному верить, но не верить ни во что он не может, пока остается человеком. И здесь нельзя забывать: в духовно-нравственном отношении определяющее значение имеет вера, в лоне которой возникла культура народа. В России это – Православие. Без этого для России нет перспектив. Наше руководство к действию: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. **Кто будет веровать** и креститься, спасен будет; **а кто не будет веровать**, осужден будет» (Мк. 16, 15–16).

9.6. Экология и вопрос о власти

Демократия – в аду, а на Небе – Царство.

Святой Праведный Иоанн Кронштадтский

Вопрос о государственной власти в условиях тяжелейшего кризиса, переживаемого Россией, представляется не только весьма важным, но и, по-видимому, определяющим. Исходя из этого, полагаем необходимым детальное теоретическое рассмотрение проблемы, аналогично тому, как это сделано в вопросе «экологии слова».

Креационный подход к социоестественной истории предполагает, как было показано выше (см. гл. 1), понимание исторического процесса как деградации, постепенного нарастания хаоса во всех областях бытия, как духовного, так и материального. Процессы духовной деградации вызывают отклик в материальном мире и неотделимы от него, являясь причиной экологического кризиса.

Отмеченный выше духовный кризис цивилизации обусловлен катастрофой грехопадения человека и, начиная с древнейших времен, все в большей степени охватывает все сторо-

ны нашего бытия – мировоззрение, науку, технику, культуру и искусство, образование, быт и семью, **проблемы власти и государственного устройства.**

Биосфера и созданная человечеством техносфера изначально находятся в состоянии антагонизма, непримиримого противоречия, поскольку результирующая всех природных процессов направлена в сторону упорядочения системы, в сторону снижения степени хаоса (энтропии), а в случае цивилизации очевидно обратное направление – рост хаоса, как в мировоззрениях, так и материальной деятельности: рост потребления энергии и, как следствие, – рост загрязнения биосферы и истощение природных ресурсов [19].

Эволюционный подход, утверждающий о вторичности монархии как государственного устройства, рассматривающий различные идеи – от «первобытного коммунизма» до «военной демократии» у кочевых народов и гипотезы «раннего комплексного общества», фактически подтверждает креационную идею деградации как результирующего направления исторического процесса. Поясним эту мысль.

Наряду с цивилизациями истории выделяют так называемые «культуры» земледельческо-скотоводческих племен («культуры археологические») – Трипольскую, Фатьяновскую, Скифскую, Мадленскую, ряд других. Если цивилизация идет по пути развития городов (урбанизация) и политогенеза (государство, бюрократия), то «культуру» характеризуют простые управленческие структуры, фактическое отсутствие имущественного расслоения, политических лидеров, военных структур, несовершенство оружия и фортификаций (или даже их отсутствие). «Культуры» возникают практически одновременно с цивилизациями (4–3 тыс до Р.Х.), но их отличают неустойчивость и сравнительно быстрая гибель. Известна концепция «раннего комплексного общества» (В. М. Массон), согласно которой такие простые структуры, достигнув гомеостаза, попадали в стадию стагнации и регресса и, как следствие, – либо деградировали и исчезали, либо (наиболее часто) попадали под власть соседних цивилизаций.

Совершенно очевидно создание «культур» этносами с явно выраженным образно-интуитивным, эмоциональным (правополушарным) типом мышления (кельты, славяне, финно-угры, этносы Великой Степи); как следствие – их гибель в результате захвата «цивилизованными» завоевателями, которым они оказывались не в состоянии дать отпор. Последствием завоевания являлось привнесение новой генетической информации, способствовавшей образованию цивилизации, то есть происходила победа логико-аналитического, рационалистического (левополушарного) типа мышления.

Существование «культур», с позиций атеистической мировоззренческой системы, есть стагнация и регресс, исчерпание социо-психологических ресурсов популяции, теистической – меньшая в сравнении с цивилизациями духовная деградация, существование в равновесии с биосферой как следствие минимального развития потребительского мировоззрения. Двигателем прогресса, повышающего сложность и стабильность цивилизации, ее выживаемость в падшем мире, таким образом, является зло. Последующий ход истории подтверждает данный вывод.

Наглядный пример этому находим **на примере ветхозаветной истории**. В патриархальный период (от Авраама до Иосифа) мы видим непосредственное общение патриархов с Богом, управление ими народом на основании нравственных правил, это – опыт Отческого управления в его лучшей и простейшей форме, вытекает из естественного положения Отца, обязанного заботиться о защите и благосостоянии своего рода. Причем Бог не только Авраама, Исаака и Иакова, но «Бог всемогущий», «Судия всей земли» [48, с. 71].

Декалог, Синайское законодательство, ложится в основу **всемирной нравственной системы**, дается как руководство всему человечеству, на все последующие времена. Как результат Откровения, народ возрождается нравственно и политически: имеет место теократия – Моисей и совет из 70 старейшин, представителей колен (12) и племен (58). Это – Царство во главе с Богом. Гражданское равенство обуславливается равенством

перед законом; законодателем является Бог, перед которым все равны, поэтому и законы Его одинаковы для всех, в том числе и для пришельцев: «Закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Исх. 12, 49; Лев. 24, 22).

Впервые появляется мысль, отсутствующая в языческих религиях: «люби ближнего твоего как самого себя» (Лев. 19, 18). Но с другой стороны: «око за око, зуб за зуб» (Исх. 21, 24) – исходя из общего низкого культурного и нравственного уровня «жестоковыйного» народа; это проявляется главным образом в бытовой части Закона и говорит о временном характере синайского законодательства, назначение которого – подготовка народа к принятию религии благодати.

Земледелие устанавливается как экономическая основа, поскольку речь в Откровении шла именно о «Земле обетованной»; это обеспечивало привязанность к земле, развивало чувство патриотизма. Земля разделяется между коленами поровну (кроме колена Левиина), при обеспечении всех мужчин – глав семей одинаковыми земельными наделами. В случае неизбежного нарушения этого изначального равенства, как следствия различий в трудолюбии и бережливости, а также разного рода случайностей (болезнь и смерть кормильца), были предусмотрены особые меры – закон неотчуждаемости земли (запрет продажи навечно), субботный год, когда пользование плодами предоставлялось исключительно бедным, позволение бедным собирать колосья на ниве богатых, прощение долгов в седьмой год, «оставление угла при жатве».

Настоящим («вечным») рабом мог быть только чужеземец. Порабощение соплеменника (обычно за долги) ограничивалось определенными сроками. Господин, жестоко обращавшийся с рабом, терял всякое право на него и должен был отпустить его на свободу. Власть отца в семье также регулируется законодательством; присутствует равноправие полов. Деление на сословия отсутствует, кроме сословия священников и левитов. Но последнее не имело господствующего положения, в материальном плане находясь в прямой зависимости от народа.

Поскольку все люди здесь участвовали в договоре с Богом, общество состояло из равных землевладельцев, что представляло принципиальное отличие от цивилизаций, где существует государство, а общество законодательно делится на сословия, вплоть до жесткого деления на касты. Такое общественное устройство представляется исключительно результатом Откровения.

Кроме равенства прав – равенство и обязанностей. Воинская повинность: кроме только что обзаведшихся хозяйством, новобранных, «боязливых и малодушных» (здесь безусловное равенство с другими было бы несправедливостью) и левитов. Обязанность уплаты налогов (подходных, то есть сообразованных с количеством дохода), причем специального учреждения для этого не было даже при судьях – налоги собирались в Скинии состоявшими при ней священнослужителями. Таким образом, **как права, так и обязанности носили религиозный характер.**

Однако, как следствие падшей природы человека, вся история периода судей есть история постоянных заблуждений, беззаконий и уклонений в идолопоклонство; даже в жизни самих судей пороки часто берут верх над добродетелями – Самсон как бы является отражением, зеркалом своего народа. В результате развивается внутреннее безначалие и всеобщее самоуправство: «Тогда не было царя у Израиля. Каждый делал то, что ему казалось справедливым». За время судей вся жизнь народа – духовная и политическая – пришла в полное расстройство.

Израильтяне просят Самуила поставить над ними царя, как и у прочих народов. Желание это было вызвано осознанием полной неспособности к самоуправлению на началах, данных в Декалоге. Возможность такого перехода была заложена еще Моисеем, предвидевшим неизбежное разложение своего народа. Самуил неблагоприятно отнесся к этой просьбе, но был вынужден испросить волю Божию. Характерен ответ Господа Самуилу: «Не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар. 8, 7). Ослаблялось

существеннейшее начало народной жизни, поскольку народ стал в большей степени уповать на царя, чем на Бога. Произошло ограничение непосредственного Богоуправления.

Иными словами, еврейский народ, имея судей, то есть – «культуру», просит у Бога дать им царя, что в данном случае есть проявление деградации – евреи хотят, чтобы было «как у других народов». Совершенно очевидна деградация от исполнения Божественных законов (Декалог) к нежеланию и невозможности их исполнять, и, как следствие, – к возникновению государства.

Именно так возникает государство – это не есть развитие, совершенствование, но явная деградация, далее продолжающаяся уже в рамках политогенеза – от монархии к демократии.

Отличительными признаками государства обычно принято считать три черты, присущие социальному организму на конечном этапе политогенеза:

- наличие публичной власти, отделенной от основной массы народа;
- налогообложение для содержания этой власти;
- размещение народа не по родоплеменному, но по территориальному признаку [3, с. 19].

Если в патриархальный период мы видим Царство во главе с Богом, то при начавшемся политогенезе возникает понятие власти человеческой, в которой либо продолжают почитать Божественный характер (самодержавная монархия), либо начинают усматривать результат «общественного договора» (абсолютная монархия, конституционная монархия, республика). Это ли не дальнейшая деградация?

Пожалуй, лучшее православное определение власти находим у К. П. Победоносцева: «Власть – не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек. Отсюда и безграничная, страшная сила власти, и безграничная, страшная тягость ее». Таким образом, власть – понятие священное, и цель власти – забота о подданных, что и отражено в Книге Бытия, где власть человека над биосферой трактуется как обязанность «хранить и возделывать».

В цивилизациях консервативного характера человек слит со своей культурой воедино. Обычаи, верования, привычные общественные формы представляются единственно возможными и единственно верными, поскольку они не отличаются от самой жизни. Это на определенное время предохраняет от деградации. Структура и ориентация древних (в первую очередь – восточных) цивилизаций коренным образом отличается от современной. Главные характеристики древних цивилизаций – традиционализм и ретроспективность, то есть обращенность в прошлое. Эти цивилизации и культуры стремились сохранить сведения о порядке, а не об отклонениях от него, о том, что должно быть, а не о том, что нарушает установленное обычаями и традициями течение жизни. Нарастание степени неупорядоченности в современной цивилизации подтверждает ее противоположность Древнему миру, где справедливо считалось, что чем древнее, тем подлиннее, а значит, и лучше. Поэтому и в образе жизни, и в поведении нужно следовать освященной веками традиции, завещанной предками, а не разрушать все, что они оставили.

Деградация человечества продолжается, проявляясь в различного рода кризисах – негативных изменениях существования.

Указанный выше антагонизм биосферы и техносферы, поначалу проявляясь весьма незаметно, неуклонно вел и продолжает вести ко все более усиливающемуся, ускоряющемуся противопоставлению, отдалению и отчуждению цивилизации от биосферы. Этот процесс охватывает, как уже говорилось, все стороны нашей жизни. При полной невозможности отказаться от своей биологической природы человек вынужден существовать в условиях конфликта с биосферой.

В чем же конкретно проявляется этот конфликт? Знание, полученное человеком в результате грехопадения, оказалось, по словам святителя Игнатия Брянчанинова, знанием «лжеименным», дающим лишь иллюзию господства над природой и неминуемо ведущим к деградации и гибели. Во всех аспектах нашей жизни мы видим постепенный отход от естественно-

го к противоестественному: загрязнение окружающей среды, перерасход и истощение энергоресурсов вместо гармоничных взаимоотношений всех составляющих биосферы; разложение нравственности и института семьи, деградация искусства (особенно в музыке и живописи), потеря ученым миром ответственности за свои действия и последствия этого.

Изначально существовавшая во всех древних формах цивилизации монархическая власть, как было показано выше, сама явилась результатом деградации: власть от Бога перешла к человеку. Однако, при соединении духовной и светской функций, такая власть являлась гарантом стабильности общества и его взаимоотношений с окружающей средой вследствие своей естественности, близости к биосфере, в которой мы при всем желании не найдем даже намека на «демократическое» устройство. Но если монархический строй естественен, то, значит, он – от Бога!

Демократическое устройство общества не являет собой образец справедливости и, следовательно, не является самоценностью – это ясно даже на основе элементарной логики. Голосование по принципу большинство/меньшинство абсурдно, поскольку никто не даст гарантии, что именно это «большинство» является носителем истины. Как известно, «нет пророков в своем отечестве» – они всегда остаются в меньшинстве (вспомним хотя бы снова ветхозаветную историю). Стремиться к власти, являющейся тяжелейшим бременем для ее носителей, могут только люди, изначально понимающие власть совсем по-другому, сугубо в потребительском смысле («пожил бы я всласть, ведь на то и власть» – слова из известной оперы А. П. Бородина), и имеющие явно завышенную самооценку – иными словами, наихудшие представители общества, потому демократия и деградирует дальше, по Аристотелю, в охлократию, то есть – власть черни, подонков. Глубокое понимание сути власти вообще видим в высказывании римского императора Александра Севера: «...на государственные должности нужно ставить тех, кто избегает их, а не тех, кто их домогается».

Само понятие «демократия» весьма относительно – кого именно подразумевать под термином «народ – демос»? Демократический строй в большинстве полисов античной Греции классического периода предполагал счастье гражданина, по Аристотелю, имеющего не менее трех рабов... Даже в этот «классический» период многие мыслители скептически относились к демократии, считая, что эта форма государственного устройства не способна обеспечить нормальное существование общества (Платон, Аристофан). Характерно иронично-циничное высказывание У. Черчиля: «демократия есть худшая система государственного управления за исключением всех остальных». Несколько ранее того А. И. Герцен, познакомившись на практике с западноевропейской демократией, говорит то же самое.

В Книге Бытия обосновано главное положение о смысле человеческой власти – «обладание» и «владычество» (Быт. 1, 28) как необходимость «хранить и возделывать» все, находящееся под попечительством человека (Быт. 2, 15). Только в этом – истинный смысл понятия «человек – царь природы». Обеспечивать «хранение и возделывание» возможно только при монархическом строе, гарантирующем долговременность и стабильность существования цивилизации. Подтверждения естественному происхождению монархической власти во множестве находим в Священном Писании и Предании; убедительное толкование их дано у святого Василия Великого: «...Господь поставляет цари и преставляет (Дан. 2, 21), и несть власть, аще не от Бога учинена (Рим. 13, 1). Посему спасается царь не многою силою, но Божию благодатию <...> царская власть есть законное господство, или начальство над всеми, не подлежащее греху» [75]. Вот это «неподлежание греху» и говорит убедительнее всего о Божественном, естественном происхождении монархической власти. Речь, разумеется, идет о природе самой власти, а не о чисто человеческих качествах отдельного монарха, остающегося человеком. Эта мысль, хотя зачастую и искаженная, красной нитью проходит через всю историю Древнего мира.

Шумерская цивилизация, представлявшая устройство Вселенной тождественным государству, не мыслила упорядоченный мир без верховной власти: «Приказ дворца, подобно приказу Ану (верховное божество. – А. Е.), не может быть изменен. Слово царя правильно, его высказывание, подобно высказыванию бога, не может быть изменено!» [19].

Принципы естественного монархического устройства общества сформулированы в Древнем Египте – единство светской и духовной властей, жесткий контроль над развитием научных знаний и их распространением в обществе, подчинение законам природы в вопросах хозяйственного устройства страны, противостояние чуждым мировоззрениям (Древнее царство, период ~3000–2000 гг. до Р.Х.) [21]. Из периода Среднего царства до нас дошло «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» – первое известное нам дидактическое сочинение, составленное от имени царя. Особый акцент делается на нравственных основах власти; призыв к Мерикара с беспощадностью расправляться с мятежниками и остерегаться черни; совет приближать к себе человека за его заслуги, не наказывать несправедливо, заботиться не только о своих вельможах, но и обо всех подданных, ибо все люди – «стадо бога», они – «подобия, вышедшие из его плоти». Увещевая сына следовать мудрым писаниям предков, царь говорит об особой ответственности, которую налагает на царя его сан, и указывает ему, что именно благие поступки правителя – лучшая память о нем среди людей и залог оправдания на суде богов в загробном царстве, где добродетель ценится выше, чем пожертвованный «бык злодея».

У Гомера читаем: «Нет в многовластии блага, да будет единый властитель».

В произведении видного государственного и научного деятеля империи Магадха, брахмана Каутильи «Артхашастра» (около 300 г. до Р.Х.), сформулирован важнейший принцип монархического правления: «Счастье царя – в счастье подданных, в пользе подданных – его польза...» [58].

В «идеальном государстве» Платона, весьма напоминающем кастовый строй Индии, общество должно состоять из

трех численно весьма неравных и строго разобщенных между собою слоев: правителей-философов, воинов – «стражей безопасности» и людей физического труда – земледельцев и ремесленников (Платон, диалог «Государство»).

Во всех случаях мы видим доминирование идеального, не потребительского понимания власти, отношения к обществу, к биосфере. Факт длительного, до 3000 лет (Египет) сосуществования названных цивилизаций в относительном равновесии с биосферой, без региональных экологических кризисов при среднем времени существования цивилизации порядка 1000 лет [36], говорит сам за себя.

Ослабление и децентрализация монархий, вкупе с развитием ложных, потребительских мировоззрений (духовный кризис), привели ряд древнейших цивилизаций к краху в результате экологических и вызванных ими социально-экономических и политических кризисов (Шумеро-Аккад, Нововавилонское и Сабейское царства, Эллада, Китай), а в ряде случаев и экологических катастроф (Хараппа, Крито-Миной).

Возникновение в Афинах в V в. до Р.Х. политических партий и демократического строя ознаменовало собой дальнейший отход от естественных условий бытия. Эллыны в этом плане далеко обогнали своих учителей – финикийцев, прививших древнегреческому мировоззрению потребительский, торгашеский характер. О губительности разделения на партии говорит святитель Филарет (Дроздов): «Нельзя не обратить внимания на печальный образ народа и общества, разделенного на толки и соумышления. Разделяя народ и общество на отдельные соединения, они повреждают единство целого – первое условие общественной жизни; уменьшают общую силу, рассекая ее на частные, взаимно противоборные силы».

Результат не замедлил сказаться – духовное разложение общества, хищническое отношение к природе, сведение лесов, торжество иноземцев (Македония), создавших эллинистический мир – образец нравственной деградации.

Но даже в наиболее духовно разложившихся обществах демократия никогда не являлась самоценностью. Всемирная

история свидетельствует, что на всех ее этапах демократические общественные институты были не только вредны, создавая ложную иллюзию «равных возможностей», но зачастую вели к анархии и распаду государств. В этом плане характерен пример Древнего Рима – вынужденный возврат к фактически монархической власти, лишь слегка закамouflированной демократическими институтами; но это – прекращение «многочалия человекoв», возврат к стабильности. Римляне не без основания полагали, что люди в своих отношениях должны руководствоваться природными нормами, то есть тем, что соответствует естеству человека. Цицерон отмечал, что человеку природой дано различать добро и зло, природой же определяется и право собственности, делающей человека независимым от других. По мнению Цицерона, к врожденным установлениям относился и империй – полнота власти магистратов, ибо без власти народ превращается в дикую толпу. Характерно высказывание Юлия Цезаря: «Республика – ничто, пустое имя без тела и облика».

Изменение формы государственности Рима, возврат к монархическому правлению повлекли за собой и изменение характера содержания права. Человек превращался из «гражданина» в «подданного». Однако именно в императорскую эпоху римское право обретает свои классические формы, становится стройной системой. Возрождается изначально естественное для римлян утверждение, что повиновение земному владыке лежит в природе смертных, как и поклонение богам, то есть так же естественно, как и религия.

Однако изначально верная идея о Божественной природе власти начинает постепенно деградировать. Для римлян совершенно естественным стало объявлять «божественными» самих императоров (впоследствии над этим они сами же начинают иронизировать). При Диоклетиане обожествление приобретает особую пышность и ритуальную сложность.

Грехопадение человека, означавшее противопоставление себя Богу и Его творению, являло собой грандиозное нарушение равновесия в системе мироздания (вселенская катастрофа). Восстановить равновесие, связь человека с Богом, спасти чело-

вечество от неминуемой духовной гибели могло только пришествие Иисуса Христа и Искупление Им первородного греха мученической смертью на кресте. В Святом Евангелии фактически изложены нормы и правила существования человека в условиях конфликта с биосферой. Земное государственное устройство при этом должно являться отражением устройства Небесного, по русской пословице: «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится».

Принятие святым равноапостольным Константином христианства в качестве государственной религии и перенос столицы Империи в Константинополь, а затем и гибель Западной Римской империи выдвигают на первый план Восточную Римскую империю как носителя истинного христианства и гаранта экологического равновесия на планете. Крещение Руси в 988 г. приобщает ее к противостоянию процессам деградации и нарастания хаоса (см. материал гл. 6).

В правление святого императора Юстиниана Великого (VI в.) создается православная доктрина о гармонических отношениях между священством и государством. Византийские мыслители разрабатывают духовные основы монархической власти. Понятие царя и Бога как соответственно «тленного» и «нетленного» царей рассматривается в сочинении византийского писателя VI в. Агапита, которое было широко распространено в древнерусской письменности. В 21-й главе этой работы говорится о том, что царь тленным естеством подобен всем людям, властью же – подобен Богу. Из этого уподобления власти царя власти Бога делается вывод о том, что власть царя не автономна, но дана от Бога и потому должна подчиняться от Бога же данному нравственному закону [89]. Здесь уместно вспомнить предостережение: «Не прикасайтесь к помазанным Моим» (Пс. 104, 15).

Позднее святой преподобный Феодор Студит (IX в.) пишет: «...один царь, один полководец, один капитан на корабле. И если б во всем этом не управляла всем воля одного, то ни в чем не было бы строя и порядка, и не на добро бы это было: ибо разнволие разрушает все».

Патриарх Константинопольский Фотий (IX в.) оформляет учение о взаимоотношении церковных и государственных властей, нашедшее отражение в Эпанагоге – византийском законодательном сборнике; основы общественного строя Византии здесь видятся следующим образом: «Так как государство наподобие человека состоит из частей и членов, то важнейшими и необходимейшими членами являются Царь и Патриарх, почему мир и благоденствие подданных и зависят от единомыслия и согласия Царской и Патриаршей власти». Речь, таким образом, идет о Симфонии между Вселенским Царем и Вселенским Патриархом.

Профессор В. Сокольский, исследовавший Эпанагогу (1894), пишет: «...Царь есть законодатель, высший правитель и судия людям, а по отношению к Церкви хранитель благочестия и правоверия. Царь по отношению к подданным пользуется неограниченной властью, но власть эта находит предел в религиозном и нравственном законе, установленном Верховным Законодателем и Судиею, Христом...» Профессор М. В. Зызыкин (1934) отмечал: «Симфонией предполагается достижение согласия между представителями власти духовной и светской во всех вопросах, но она не устраняет обязанности для представителя каждой власти подчиняться другой в сфере этой другой власти» [75].

«Защита правоверия и благочестия» – это защита мировоззрения, единственно способного удержать этот мир от духовного саморазрушения. Поэтому положение Вселенского Патриарха Нового (Второго) Рима по Эпанагоге весьма высоко: Византия является церковно-государственным телом с двумя главами – Вселенским Патриархом и Вселенским Царем; это церковно-государственное тело постепенно должно охватить собою весь православный мир: «Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя» (патриарх Константинопольский Антоний IV, 1393).

В период Раннего Средневековья Запад и Восток Европы остаются еще достаточно близкими в духовной области; это подтверждается, в частности, династическими связями Визан-

тии и Киевской Руси с ведущими государствами Европы. И в Византии, и на Руси царю и князю усваивалась по преимуществу сакральная функция соединителя миров земного и небесного, предстателя перед Богом за свою землю и народ.

Языческому, варварскому отношению к месту человека в этом мире, в биосфере, могло противостоять только истинное христианство, но западные страны отходили от него все дальше и дальше. Происшедшее в 1054 г. отделение римо-католической Церкви лишь юридически оформило уже явно обозначившееся размежевание двух мировоззрений – православного и еретического, сбалансированного с биосферой и потребительского. Это обусловило более быстрый прогресс Запада, то есть количественное и качественное изменение и развитие всех аспектов существования цивилизации в сторону «улучшения» (естественно, в области гедонизма), несущее в себе по самой своей природе нестабильность, деградацию и конечную гибель – изначально в духовной, а затем и в физической сферах.

С православной позиции правление есть жизненная задача князя – жить не для себя, но со всеми и для всех. Не случайно более 60-ти православных святых – русские князья; этот факт, как правило, остается незамеченным на фоне княжеских междоусобиц, являвшихся проявлением человеческой слабости и трагического несовершенства падшего мира.

Католичество, отделившись от Православия, заявляет претензии не только на духовную, но и на светскую власть. Длительный конфликт римских пап и германских императоров хорошо известен в истории. «Справедливо считается свободным тот, кто подчинен королевской власти», – пишет император Фридрих II Гогенштауфен; в его письме к кардиналам вскоре после отлучения папой говорится о равноправии обеих властей: «При сотворении мира... невыразимая мудрость Бога установила на небесном своде два светила: большее и меньшее, большее – для того, чтобы оно управляло днем, меньшее – чтобы оно правило ночью. Оба эти светила... мирно описывают свои пути таким образом, что одно не задевает другого... Подобным образом вечное Провидение хотело, чтобы землей

управляли две власти: папство и империя, первая – для защиты душ, вторая – для охраны тел, чтобы человек, влекомый в две стороны, удерживался двойными поводьями. Однако какое неслыханное новое чудо! Солнце стремится затемнить луну и лишит ее света, а именно: папа нападает на императора, и апостольское Высочество пытается скрыть блеск нашего Величества, в то время как мы получили императорское достоинство от Бога». Характерно, что император, при всей своей гордыне и фактическом атеизме, папу уподобляет солнцу, а императора – луне. В следующих манифестах императора повторяется мысль о том, что Бог дал папе духовный, а императору – светский меч, а папа претендует на пользование последним (этот спор был начат еще папой Григорием VII в его борьбе с Генрихом IV). Фридрих II обвиняет папу в том, что он притязает на мировое господство [83, с. 272–274].

Крупный представитель католического богословия, Фома Аквинский, свои политические взгляды изложил, в частности, в работе «О правлении государей» (1265–1266) и в комментариях к «Политике» и «Этике» Аристотеля. Государство, согласно учению Аквината, берет свое начало от Бога. Правитель в государстве, как считает Фома, занимает такое же место, как Бог во Вселенной [11, с. 199]. В своем труде «О правлении государей» он пишет: «Если же несправедливое правление осуществляется многими лицами, то это называется демократией; господство народа имеет место именно тогда, когда широкие массы благодаря своей силе и численному превосходству подавляют богатых. Тогда весь народ выступает как один единый тиран» [4, с. 122].

Вместе с тем, обосновывая генезис государства, Фома не ограничивался теологическими аргументами, а апеллировал и к рациональным посылкам. Наилучшую форму власти, по мнению Аквината, представляет государство, в котором сочетаются элементы монархические, аристократические и демократические. Проблема заключалась в том, чтобы обосновать превосходство церковной власти над светской и доказать, что вмешательство церкви в политические дела государ-

ства, в том числе и свержение монархов, вполне оправдано. Отсюда необходимость в обосновании того, что народ имеет право выступать против тирана, т.е. того правителя, который был неугоден церковной власти.

Вопрос о соотношении духовной и светской власти рассматривается Фомой Аквинским в комментариях к «Сентенциям» Петра Ломбардского, где он пишет следующее. «Так как духовная власть и светская обе производятся от власти Божией, то светская власть настолько находится под духовной, насколько она ей Богом подчинена, а именно в делах, которые касаются спасения души; вследствие этого в таких делах следует скорее повиноваться церковной власти, а не светской. В том же, что касается гражданских благ, следует более повиноваться светской власти, чем церковной, в соответствии с поучением “отдайте кесарево кесарю”. Разве случайно и та и другая власть соединяются в лице папы, который стоит на вершине обеих властей» [12, с. 201–202]. Учение Фомы Аквинского о государстве, в сущности, выражает интересы церкви, стремящейся к верховенству духовной власти над светской.

По мысли Ф. И. Тютчева: «Это-то устройство, привязав церковь к праху земных интересов, и создало ей, так сказать, смертную судьбу: воплотив Божественное начало в немощном и преходящем теле, оно привило к нему все немощи и похоти плоти. Из этого устройства роковым образом вытекла из римской церкви необходимость войны, войны вещественной, – необходимость, которая для такого учреждения, как церковь, равносильна была безусловному осуждению. Из этого устройства родились та борьба притязаний и то соперничество интересов, которые необходимо должны были привести к ожесточенной схватке между первосвященником и империей, к этому поистине безбожному и святотатственному поединку, который, продолжаясь во все Средние века, **нанес на Западе смертельный удар самому началу власти** (выделено автором. – А. Е). Отсюда все эти излишества и насилия, нагромождаемые в продолжение веков, чтобы подпереть ту вещественную власть, без которой, по мнению Рима, нельзя

ему было обойтись для охранения единства Церкви и которая, однако же, в конце концов, как и следовало ожидать, разбила вдребезги это воображаемое единство: ибо нельзя отрицать, что взрыв реформы в XVI веке в основании своем был лишь реакцией христианского чувства, слишком долго накопившего против власти Церкви, которая уже во многих отношениях была таковою лишь по имени» [87].

Этот конфликт, а также безнравственное поведение папства и его окружения подрывают у народов Запада веру в духовную власть. Возникает идея о необходимости повиноваться не папе, а светскому главе государства, поскольку последний является «уполномоченным» народа, осуществляющим его чаяния и стремления. Эта принципиально новая мысль высказывается в трудах Марсилия Падуанского, Уильяма Оккама и Жана Жандена уже в XIV в. Упоминается также о «новом суверене», каковым является народ (Марсилиус Падуанский, Данте).

К одному из основоположников светской, буржуазной геополитики относят Н. Макиавелли (1469–1527) [95, с. 153–155]. Политические взгляды Макиавелли нашли освещение в его трудах, таких как «Государь» (1513), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513–1516), «История Флоренции» (1520–1525). Отвергая средневековую концепцию Божественного предопределения, Макиавелли в соответствии с гуманистическими принципами Возрождения отстаивает образ человека-борца, творца и созидателя, идущего наперекор судьбе. В результате разрыва с религиозным мировоззрением он обосновывает подход к политике как к опытной науке. В связи с этим задачу политической науки Макиавелли видит в объяснении действительного положения вещей, основанном на анализе фактического материала, исторического опыта, а не в «построении утопических теорий и догм».

В центре политических взглядов Макиавелли – учение о государстве. Важным компонентом государства в концепции Макиавелли является политическая власть, которая предопределяет форму самого государства. Смену форм правления

Макиавелли связывает не с Божественной волей, а с закономерными повторениями определенных ситуаций и соотношений борющихся сил, которые обуславливают приход к власти то монарха, то аристократии, то народа. Симпатии Макиавелли склоняются к «умеренному» республиканизму как политическому идеалу. Однако наилучшей формой правления, по Макиавелли, является смешанная, составленная из трех – монархической, аристократической и народной, что отвечало материальным интересам торгово-промышленной буржуазии.

Как неизбежное следствие – в политической борьбе Макиавелли считал допустимым во имя великих целей пренебрегать законами морали и применять любые средства, оправдывал жестокость и вероломство правителей в их борьбе за власть. Государь, по его мнению, должен стремиться к тому, чтобы его считали добродетельным, милостивым, честным, заботливым, щедрым, а не жестоким, скупым, вероломным и злобным. Но государь не должен опасаться быть коварным и лицемерным, если честность и прочие добродетели оборачиваются против него, мешают сохранить единство страны и верность подданных. В числе средств и способов достижения этой цели – военная сила, дипломатическая ловкость, проницательность, оправданная жестокость.

В этот же период в мусульманской цивилизации утверждается абсолютное преобладание государства над обществом. Наиболее полно это проявилось в период «золотого века» Османской империи – XVI–XVII вв. Власть, по всеобщему убеждению, даровалась свыше и служила орудием в руках Божественного Промысла. Султан полностью распоряжался жизнью и имуществом всех своих подданных, его личность считалась священной и неприкосновенной. Одновременно с этим уже при Сулеймане I (1495–1566) существенно возросла роль лица, считавшегося высшим духовным авторитетом в государстве, – столичного муфтия – шейх-уль-ислама. Практика испрашивания у главного муфтия фетвы (решения) по важнейшим решениям, принимаемым султанским правительством, – своеобразная симфония властей [18, с. 85–87].

Православную Церковь по иронии судьбы на Западе называют «ортодоксальной», как бы подтверждая ее неразрывную связь с истинным учением Спасителя. Самоизоляция Руси в период Средневековья – прямое следствие идеологического размежевания. Весь Запад стал считаться «поганым», и это емкое понятие полностью осмысливается только сейчас. В результате изменения политической ситуации московский царь занимает место царя Византии. «В 1561 году, – пишет В. Сокольский, – венчавшийся еще в 1547 году на Царство Великий Князь Московский Иоанн IV был утвержден в сане царя соборною грамотою Вселенского патриарха Иоасафа и духовенства Восточной Церкви. В этой грамоте Царь Московский рассматривается как состоящий в том же отношении к Церкви, в котором состояли прежде Греческие Цари. Замечательно, что Патриарх и Собор называют Иоанна своим царем» [75]. В своей деятельности царь ориентируется на Евангелие: «Какая власть вообще надеется на любовь? Любви от нас Господь требует! А царь требует порядочности: “Хочешь не бояться власти – делай добро, а делаешь зло – бойся, ибо царь не напрасно меч носит, но для устрашения злодеев и ободрения добродетельных”» (1-е послание Грозного Курбскому).

Различие в менталитете Востока и Запада явственно чувствуется в понимании проблемы власти. На Западе формируются два направления: понятие о монархе как «первом среди равных» (Англия, Германия) и абсолютизм во Франции, а значительно позже – в Пруссии, традиции которого последовательно вырабатываются в XV–XVII вв. Карлом VII, Людовиком XI, Ришелье и Людовиком XIV; фраза последнего: «Государство – это я» – стала крылатой, так же как и афоризм придворных юристов: «Что угодно государю, то имеет силу закона».

Людовик XVI в своих «Размышлениях» формулирует принципиальное положение абсолютизма: «Основание всякого рода власти покоится только на личности короля. Никакой частный человек, никакое сообщество людей не могут быть независимы от его авторитета» [38, с. 165]. Абсолютизм в понимании власти дорого стоил королю впоследствии...

Первое направление весьма «демократично», хотя речь и идет о первенстве всего лишь среди высших аристократов государства, второе – совершенно противоположно, но оба движимы исключительно человеческой гордыней. В истории западноевропейских государств, таким образом, можно выделить четыре основные формы:

- раннефеодальная монархия (империя Каролингов, государство Кнута Великого, Германское королевство, переросшее в «Священную Римскую империю германской нации»);
- «иерархические монархии» периода феодальной раздробленности (королевства, княжества, герцогства, графства);
- сословно-представительные монархии, сложившиеся в XIII–XIV вв. и просуществовавшие до конца XV – начала XVI вв. (генеральные штаты во Франции, ландтаги в Германии, парламент в Англии, кортесы в Испании);
- абсолютные монархии – классический пример во Франции с XVI в.

Весьма важно то, что идеи абсолютизма окончательно оформляются и реализуются на практике в результате губительных процессов Реформации и Ренессанса. Эта мысль блестяще выражена у либерального историка XIX в. Оскара Йегера: «Вестфальский мир, заключенный в 1648 г., существенно знаменует собою, что европейские державы, – то есть их государи и руководящие люди, словом, все, несшие на себе непосредственную политическую ответственность, а не укрывавшиеся за облаками фимиама, как римские пастыри и подобные им лица, – признали *совершившийся факт прочного разрыва с Церковью*. Стыдно подумать, что для усвоения посредственностью (которая и составляет большинство) понятий, кажущихся столь простыми нам, позднейшим, потребовалось так много времени и так много крови: лишь теперь, через 100 лет по смерти Лютера, после тридцатилетней, свыше всякой меры губительной войны, это понятие получи-

ло право гражданства и было засвидетельствовано многими европейскими договорами. В тот же момент в Англии восторжествовало направление, начертавшее на своем знамени свободу совести, притом из побуждений более высоких, нежели извне навязанная необходимость. Для верующего и для богослова, для христианского или вероисповедного идеализма, Церковь продолжала существовать, и этот достойный уважения идеализм, как и бессмысленная политическая фразеология, говорит и поныне о “Церкви” не просто как об известном понятии, но как о действительности. В сущности, теперь были лишь «разные» Церкви: римско-католическая, греко-восточная, несколько евангелических различных оттенков, как лютеранская, кальвинистская, англиканская и пр. Религиозные идеи не утратили вполне своей силы, ни в ближайшем периоде времени, ни в позднейшую эпоху; если это и бывало, то в ограниченных пределах и на короткий срок; но дело было в том, что эти идеи не владели уже миром преимущественно или исключительно, и это составляло огромный прогресс. Вместо церковной идеи выступала теперь *идея государственная*. Она заявляла свои верховные права даже в гугенотской войне, и в “тридцатилетней”, и в английской революции, проводимая с настойчивостью такими могучими личностями, как, напр., кардинал Ришелье. Сословно-аристократический элемент склонился перед нею, и так как всякая идея ищет органа, видимого образа, в который может воплотиться, то она нашла себе этот исход в сильной монархической власти. Поэтому полтора века, протекшие со времени подписания Мюнстерского мира до нового созвания французских *Etats generaux* (Генеральных штатов. – А. Е.), после 200-летнего покоя, – 1648–1789 (начало Французской революции. – А. Е.), – называют справедливо *веком абсолютизма*. <...> Самым первым в ряду блестящих деятелей этого периода стоит французский король, Людовик XIV; последним – король Прусский, Фридрих II. Они выражают собою успех, сделанный человечеством в течение четырех или пяти поколений...» [25, т. 3, с. 357–358].

Однако этот «успех» выглядит весьма сомнительным даже в изложении самого О. Йегера, описывающего казнь Карла I в Англии: «...когда палач поднял вверх окровавленную голову, со всех сторон раздался крик, в котором смешивались разнородные чувства. Совершилось нечто новое, неслыханное, ужасное: открыто, перед лицом неба и земли, подданные исполнили смертный приговор над своим государем...» [25, т. 3, с. 356].

Среди славянских народов выделяется государственное устройство Польши, явившееся по сути республиканским с сильнейшим аристократическим элементом. Демократические институты здесь оказались не только вредны, но и вели к анархии и распаду государства. Хорошо об этом сказано у Н. В. Гоголя: «Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление» («Тарас Бульба»). Чем окончилось правление такого рода, хорошо известно...

Наиболее полно различие православного и западного менталитета в отношении власти, очевидно, сформулировано схииеромандритом Варсонофием (Плиханковым) Оптинским (1890-е гг.): «Преданность Православного русского народа к Царям своим совсем не то что преданность западных народов к их государям. По современным западным понятиям, государь есть не что иное, как представитель своего народа, — и народы западные любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют свое назначение или когда силою своего гения увлекают народ за собою и ослепляют его блеском славы и могущества государственного, как Наполеон во Франции и Фридрих в Пруссии; но это любовь своекорыстная и эгоистичная. На Западе в своих государях народы любят лишь самих себя. Если король по личному своему характеру не в состоянии быть верным отражением, представителем своего народа и господствующих в нем стремлений, идей и страстей,

то ограничивают и сжимают его волю посредством конституционных тисков. Если же король не поддается этим усилиям и не в силах поддаваться под вкус и характер подданных, то лишается не только любви народной, но и престола, как это было с Карлом X и с Людовиком-Филиппом и с сардинским королем Альбертом.

Совсем не то у нас в России: наш Царь есть представитель воли Божией, а не народной. Его воля священная для нас, как воля Помазанника Божия; мы любим его потому, что любим Бога. Славу же и благоденствие дарует нам Царь, мы принимаем это от него как Милость Божию. Постигает ли нас безславию и бедствия, мы переносим их с кротостию и смирением, как казнь небесную за наши беззакония, и никогда не изменим в любви и преданности Царю, пока они будут проистекать из наших православно-религиозных убеждений, из нашей любви и преданности Богу» [75].

Идея самодержавия, пожалуй, точнее всего изложена Л. А. Тихомировым: «В монархии нация ищет освящения всех проявлений своей сложной жизни подчинением правде. Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность несет ответ перед Богом. Нужна власть неограниченная, ибо всякое ограничение власти Царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе».

Классическим считают определение монархической, самодержавной власти, данное о. Павлом Флоренским (1882–1937): «В сознании русского народа Самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, – милость Божия, а не человеческая условность, так что Самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную и государственную пользу» [75].

Православное мировоззрение, как мы видим, признает естественный характер монархической власти. На Западе же

постепенно оформляется мысль о том, что государственная власть есть результат «общественного договора», заключенного между народом и избранными им правителями, поэтому неправедных правителей можно свергать. Развившись в период первых революций XVI–XVII вв., эта идея в XVIII в. была поддержана и распространена французскими просветителями. Ш. Монтескье в своем сочинении «Дух законов» (1748) рассматривает бесчисленное многообразие законов как результат различных природных и исторических условий, в которых формировались разные типы государственного устройства; осуждая систему сословных привилегий, погубивших, по его мнению, французскую монархию, Монтескье выступает за конституционную форму правления. Д. Дидро полагал, что «общество избирает себе государей только ради более надежной охраны своего счастья и ради самосохранения». Насилие против монархической власти поэтому полагалось вполне правомерным. Ж.-Ж. Руссо в своем трактате «Об общественном договоре» (1762) противопоставлял современное общество «естественному» первобытному, при котором все люди якобы были равны [25, т. 3]. В основе лежит мысль Руссо о том, что насилие не может быть источником права. Но православная мысль, напротив, и содержит идею о насилии, но самодержавный государь несет ответственность перед Богом, как помазанник получает право на насилие для блага остальных.

Авторы идеологий, базирующихся на ложно толкуемых понятиях «свободы, равенства и братства», не видели их противоестественности, не замечали отсутствия какого-либо «равенства» в биосфере, не учитывали, что однородность общества, упрощая его структуру, неминуемо приведет к разложению и гибели. Последующие исторические события хорошо это подтвердили. Русская же идеология «для западноевропейского ума кажется мистической, не земною, труднопонятною...» (М. К. Дитерихс).

Весьма оригинальны рассуждения Марка Твена в предисловии к роману «Янки при дворе короля Артура»: «Вопрос о том, есть ли на свете вещь, именуемая божественным пра-

вом королей, не ставится в предлагаемой книге. Это было бы слишком затруднительно. Очевидно и неоспоримо, что глава исполнительной власти должен быть человеком возвышенного характера и необыкновенного ума; столь же очевидно и неоспоримо, что никто, кроме самого Бога, не может избрать такого человека, не впадая в неизбежные ошибки; равным образом очевидно и неоспоримо, что само божество должно было бы делать этот выбор. Отсюда, в качестве необходимого вывода, следует, что божество действительно совершает его. Так, по крайней мере, представлялось автору этой книги, пока он не встретил в истории госпожу Помпадур и нескольких других глав исполнительной власти того же сорта. После этого автору показалось столь трудным работать, исходя из вышеизложенной теории, что он предпочел, – как это говорится, – повернуть свою книгу на другой галс и затем, подумавшись немного, поставить на рассмотрение тот же вопрос в другой книге» (имеется в виду роман «Принц и нищий») [48]. Отталкиваясь от изначально правильных рассуждений, Марк Твен затем впадает в явно либеральный тон, ссылаясь на заведомо неверную трактовку исторических событий, в частности, маркиза Помпадур, во-первых, никогда не являлась главой исполнительной власти, а во-вторых – вся ее подлинная жизнь, хорошо известная по историческим документам, способна внушить только жалость [38].

В России в результате пресечения династии Рюриковичей возникла проблема воссоздания монархической власти. Бытующее расхожее мнение о «выборах» царя в 1613 г. никак не совпадает с изложенным выше православным пониманием происхождения и сущности власти. По мысли генерала М. К. Дитерихса, «... те действия, которые имели место на Земском Соборе 1613 г., совершенно не подходят к понятиям о “выборах”, устраиваемых правилами и тенденциями современных “гражданских идей”. На Земском Соборе речь шла не о том, “кого избрать”, а о том, “кто может быть Царем на Руси”» – только человек православного вероисповедания. Исследовавший чин венчания русских царей и императоров П. П. Пятниц-

кий писал (1896): «Цари издревле называются “Помазанниками Божиими”. Самое это название свидетельствует о том, что Цари не есть ставленники народные, но что Сам Бог облакает их властью на земле и повелевает им повиноваться...» [75].

Известный русский мыслитель И. С. Аксаков как историк много сделал для развития идеи симфонии властей, которая отличала, по его мнению, все стороны жизни допетровской Руси. В работах Аксакова, посвященных этому времени, встречаются картины единения (симфонии) Царя и земли, состоявшей из самоуправляющихся общин, Земских Соборов и Боярской Думы, единения, единственной целью которого была служба Богу и людям. Симфонию Аксаков противопоставлял западному парламентаризму, в котором он видел выражение крайнего индивидуализма и погони «за благами мира дольнего, а не горнего». Аксаков утверждал, что в допетровское время «земля советная была беспрекословно покорна велениям государственной власти, которая была самой свободной, в то время как земское местное самоуправление было самым широким». Современники Ивана Сергеевича – «западники» и «разночинцы» – упрекали его в «политическом бесплодии» и «анахронизме» [14, 76].

На естественное происхождение симфонии властей указывал патриарх Никон: «Господь Бог, когда сотворил землю, повелел двум светилам светить ей – солнцу и месяцу – и через них показал нам власть архиерейскую и царскую». Однако, пытаясь сдержать секуляризационную тенденцию, Никон оказался в конфликте с царем. Пагубное развитие конфликта между светской и духовной властью привело к упразднению патриаршества Петром I, разрушившим симфонию и превратившим Церковь в бюрократическое подразделение государства, а священника – в государственного чиновника. Последующие исторические события подтвердили правоту патриарха Никона: «яко где же Церковь под мирскую власть снидется, нести Церковь, но дом человеческий, вертеп разбойникам».

Протоиерей Лев Лебедев (1989) так пишет об этом: «Семнадцатый век в истории России является эпохой того корен-

ного, глубинного перелома, который с поразительно прямой закономерностью приводит к семнадцатому году <...> а через него – к настоящему и возможному будущему» [75].

Однако естественноисторический процесс обладает колоссальной инерцией – Россия еще долгое время остается гарантом духовного и экологического равновесия во всем мире. Большой вклад в развитие идеи самодержавия вносит митрополит Московский Филарет (Дроздов, 1782–1868): «В семействе должно искать начатков и первого образца власти и подчинения, раскрывшихся потом в большом семействе государстве. Именно: отец есть <...> первый властитель <...> но как власть отца не сотворена самим отцем и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то и открывается, что глубочайший источник и высочайшее начало первой власти, а следственно и всякой последующей между человеками власти, есть в Боге – Творце человека».

Характеризуя современное ему общество, митрополит пишет: «не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти Царя, принуждены раболепствовать пред дикою силой своевольных скопищ».

Хорошо понимая роль России в мировой истории, Филарет ясно указывал на дальнейший отход человечества от естественного устройства бытия и, как следствие, направленность сил мирового зла: «Из тайных скопищ <...> безбожных исторгся вихрь мятежа и безначалия, и против державы Российской особенно дышит яростно с шумом и воплями, как против сильной и ревностной защитницы законной власти, порядка и мира...» В 1867 г., за два месяца до кончины, владыка Филарет на вопрос, что он видит в будущем, ответил: «Ужасную бурю, которая к нам идет с Запада».

Весьма современно звучат сейчас слова святого праведного Иоанна Кронштадтского (09.05.1908): «Будьте единомысленны: плохо будет, если каждый из вас, каждая народность, будет тянуть в свою сторону <...> Правые стоят за монархию, левые за конституцию. Запомните, если не будет монархии, не

будет и России; только монархический строй дает прочность России. При конституции она вся разделится по частям...»

Характерно, что даже люди, не разделявшие монархических убеждений, как, например, адмирал А. В. Колчак, основываясь на элементарном здравом смысле, были ярыми противниками политических партий и демократии в принципе.

Восстановление патриаршества, восстановление симфонии властей планировалось императором Николаем II; 27.12.1905 он обратился с рескриптом к митрополиту Антонию (Вадковскому): «Ныне я признаю вполне благовременным проинвестировать некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви <...> Предлагаю вам определить время созыва <...> собора» [75].

Предсоборное Совещание, приступившее к работе 06.03.1906, завершилось Собором 1917–18 гг. и восстановлением патриаршества.

Суть катастрофы 1917 г. коротко и ясно выражена Святейшим Патриархом Тихоном: «Как быстро и детски доверчиво было падение народа русского, развращаемого много лет несвойственной нашей христианской стране жизнью и учениями» (1920). «Монархия была свергнута вовсе не поднявшимся из глубины бурным валом, как об этом говорили; наоборот, ее крушение подняло такую страшную волну, которая поглотила Россию и едва не затопила соседние государства» (Пьер Жильяр. Из воспоминаний об Императоре Николае II и его семье).

Злодеяние цареубийства, совершенное большевиками, открыло путь в направлении полного отчуждения человечества от биосферы, от естественного бытия, что сразу, резко и ярко проявилось во всех аспектах жизни. Но чудесное обретение 2/15.03.1917 иконы Божией Матери «Державная» (в день отречения Царя-Мученика) – знак принятия Богоматерью на себя миссии «Удерживающего», царские регалии в Ее руках – тому подтверждение. Подтверждает это и весь последующий ход истории – противостояние русского народа Западу, противостояние, несмотря на духовную катастрофу,

уничтожение богоборческой властью генетического фонда нации и видимую уже деградацию всего общества. Противостояние – несмотря ни на что! Разгром объединенных оккультно-фашистских сил Запада в Великой Отечественной войне – разве не доказательство тому?!

Что же дальше? Какова перспектива цивилизации после известных исторических событий? Доминирование эволюционной мировоззренческой модели привело к тому, что исторический процесс начинает сейчас рассматриваться на базе синергетики как хаотическое чередование случайностей, поэтому рациональное познание истории признается невозможным. В настоящее время в культурантропологии уже не ставится задача охарактеризовать культурно-исторический процесс в целом (что оказалось невозможным для атеистической мировоззренческой системы) и понять путь становления человечества от момента зарождения до настоящего времени. На этой почве происходит и отказ от построения глобальных прогнозов будущего [62]. Весьма удобный выход при очевидности ускоряющейся деградации падшего человечества!

Примат личности перед государством, преподносимый Западной цивилизацией в качестве одной из «общечеловеческих» ценностей, в конечном счете ведет (и уже во многом привел) к разрушению социума («атомизированный социум», не «народ», а «население») и потере цивилизацией элементарной стабильности. Так называемое «открытое общество» есть образец подлинно демократического устройства общества в целом. Огромная роль в этом процессе отводится научно-техническому прогрессу как движущей силе цивилизационного развития, распространению образования, повышению культурного уровня, превращению рациональности в доминирующую ценность.

Понятие «открытое общество» используется в ряде западных социально-философских учений для обозначения демократических обществ, характеризуемых плюрализмом в экономике, политике, культуре, развитыми структурами «гражданского общества» и «правового государства». От-

крытое общество обычно противопоставляется «докапиталистическим» обществам.

В элитарной трактовке открытого общества (А. Бергсон, 1859–1941) предполагается, что открытое общество есть идеал общественного устройства, в основе которого лежит международная, лишенная антагонизмов человеческая общность (царство антихриста, наверно), общечеловеческая, антиутилитарная мораль, культивирование свободы личности и творчества, своеобразный аскетический гуманизм. Работа «Два источника морали и религии» (*Les deux sources de la morale et de la religion*. P., 1932), якобы базирующаяся на христианстве, основана на противопоставлении двух типов общества – «закрытого» и «открытого», а также соответствующих им типов морали и религии – «статической» и «динамической». Главная цель закрытых обществ – поддержание целого, сохранение рода, что возможно лишь путем обеспечения постоянного порядка, подчинения части целому, строгой дисциплины и почти автоматического выполнения долга, борьбы с возможностью диспропорций. Все социальные институты, нормы, ценности закрытого общества направлены к достижению этой цели, в том числе – мораль и религия. Одна из функций статической морали – борьба с попытками интеллекта, ориентированного на индивидуальную пользу, разрушить общественную солидарность, по природе близкую к инстинктивной. Соответственно, и статическая религия, выполняя мифотворческую функцию, препятствует реализации эгоистических стремлений интеллекта. С этими утверждениями трудно не согласиться, тем более что они называются здесь «естественными», при низведении, однако, до уровня инстинктов.

Основной принцип открытого общества, динамических морали и религии – любовь к человечеству. Динамическая мораль воплощена в избранных личностях, способных к утопичному «бесконечному совершенствованию»; среди них лицемерно выделяются и смешиваются древнегреческие мудрецы, ветхозаветные пророки, христианские мистики. Новая мораль есть область свободы, непрерывного развития, ее принципы

постигаются с помощью мистической эмоции. Моральная личность постоянно преодолевает себя, переходя к новым границам, и в этом – одновременно и путь к трансценденции, к Божественному, и возможность дальнейшего развития человечества в так называемом «жизненном порыве».

«Естественным», замкнутым обществам, по Бергсону, наиболее соответствуют такие формы правления, как монархия и почему-то *олигархия*, с их принципами устойчивости, иерархии, абсолютной власти вождя. **Демократия же «наиболее удалена от природы»** (блестящая мысль, ее ценность усугубляется изложением именно западного мыслителя!), так как превосходит условия и возможности закрытых обществ (но непонятно, в чем?). Демократия имеет «евангельскую сущность» и выступает, в конечном счете, в виде идеала, по существу, неопределимого. Единственно возможный путь возрождения человечества, борьбы с войнами, с обезличиванием и стандартизацией человеческих отношений Бергсон видит в пропаганде норм евангельской морали, в частности аскетизма, – утопическая попытка возврата к обществу, базирующемуся на духовных ценностях Декалога, о чем говорилось в начале статьи. Иррационализм, смешанный с идеями демократии, – характерная черта западного общества.

Эгалитарная трактовка (К. Р. Поппер, 1902–1994) изложена в книге «Открытое общество и его враги» (1945), автор исходит из реального противостояния открытого и закрытого обществ, утверждая, что западная демократия в основном завершила переход к открытому обществу. Для членов открытого общества типична рационально-критическая установка, возможность целесообразно и сознательно «управлять» социальным развитием и постепенно формировать государственные институты сообразно «реальным потребностям людей».

Идеи «открытого общества», таким образом, закономерно способствуют развитию процессов глобализации на антихристианской основе.

Возникает естественный вопрос: возможно ли в России, после катастрофы 1917 г. и длительного господства богобор-

ческой, противоестественной власти, после переориентации значительной части общества на либеральные духовные ценности, восстановление естественного порядка вещей? Ответ на это содержится у того же М. К. Дитерихса, с которым трудно не согласиться: «Издревле же существовала и борьба Монархов, охранителей идеологии народной, с посягателями на целостность и неизменность власти, и в конечных фазисах этой исторической борьбы народные массы “вся земля” оказывались всегда на стороне “охранителей” власти в историческом нравственно-религиозном понятии ее, а не на стороне новаторов и узурпаторов этой власти. Свою идеологию русский народ хранил, лелеял и носил более внутренне, в глубине своей натуры, в недрах своей сущности, часто даже не сознавая себя ее носителем, но выявляя ее из своего сердца и духа в периоды высоких национальных подъемов, порой даже непосредственно вслед за поступками и деяниями как бы совершенно противоположных побуждений. Историческая идеология и Православная вера тесно объединены в существе русского народа; обеими он гордится, обеим он предан бесконечно, обеим он способен служить до самопожертвования, до полного своего обезличения во имя общего блага и против обеих грешил и грешит в периоды пробуждения в нем материальных, земных желаний и стремлений, руководимых внешними свойствами его натуры, обратными глубоким внутренне-духовным, и вытекающих из его некультурности, неразвитости и духовно-психологической потребности унижать себя до действительного ничтожества, преступности и падения» [75].

Более чем тысячелетние традиции истинного христианства не могли не наложить глубокого отпечатка на русский народ, его мировоззрение. Современные данные социологических опросов показывают, что около 20% населения считают, что Россия вновь должна стать монархией; к этому следует добавить еще значительное число высказывающихся за авторитарные формы власти. Аналогичные цифры получаем и при опросе молодежи в возрасте от 18 до 29 лет, не обре-

мененной «пережитками прошлого». Эксперты Фонда исследований монархической государственности называют этот феномен «спящим монархизмом», что хорошо согласуется со всем вышеизложенным [40, 56]. Совершенно очевидным на сегодняшний момент является и тот факт, что демократия в России не прижилась.

И в данный момент мы должны ожидать духовного воскресения нации, как чуда воскрешения Лазаря, несмотря на тот факт, что «уже смердит; ибо четыре дня как он во гробе» (Ин. 11, 39).

В земной же жизни искать Царствие Божие нужно не в государственном устройстве, а внутри себя: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 20–21).

Литература:

1. Арский Ю. М. Данилов-Данильян В. И., Залиханов К. Я. и др. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват, и что делать? Учебное пособие. М.: МНЭПУ, 1997.
2. Архимандрит Софроний (Сахаров). Богослужебный язык Русской Церкви. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1999.
3. Большаков А. А. Древняя Русь IX–XIII вв. **Очерки истории и антропоэкологии.** М.: МНЭПУ, 1997.
4. Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975.
5. Будагов Р. А. Язык – реальность – язык. М., 1993.
6. Бушуев В. В. Голубев В. С. Основы эргодинамики. М.: Энергия, 2003.
7. Бушуев В. В., Голубев В. С. Социоприродное развитие. М.: Энергия, 2007.
8. Гаряев П. П. Волновой генетический код. М.: Институт проблем управления РАН, 1997.

9. Голубев В. С., Шаповалова Н. С. Человек в биосфере. М.: ЛА «Варяг», 1995.
10. Горшков В. В., Горшков В. Г., Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Макарьева А. М. Информация в живой и неживой природе // Экология, 2002, № 3. С. 163–169.
11. Графский В. Г., Нерсесянц В. С. **Фома Аквинский. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение.** М., 1986.
12. Грацианский П. С. Фома Аквинский. Политические учения: история и современность: домарксистская политическая мысль. М., 1976.
13. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В кн.: Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
14. Гурин А. Иван Сергеевич Аксаков. К 180-й годовщине со дня рождения // Православная Тверь, 2003, № 10.
15. Дигесты Юстиниана. Кн. первая. Титул I. М., 1984.
16. Дикарева Т. В. Реки малой Родины (Российское Нечерноземье: вчера, сегодня, завтра) // В кн.: VII научная конференция «Человек и природа – проблемы СЕИ». М., 2003.
17. Дорошенко М. С. Неоязычество // В кн.: **Тоталитарные секты и методы противодействия им. Сб. тр. XI** Международных образовательных Рождественских чтений. М., 2003. С. 37.
18. Евдокимов А. Ю., Фукс И. Г., Шабалина Т. Н. и др. Смазочные материалы и проблемы экологии. М.: Нефть и газ, 2000.
19. Емельянов В. В. Древний Шумер. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
20. Емельянов Ю. Н. Введение в культурантропологию. СПб., 1992.
21. Жак К. Египет великих фараонов. М.: Наука, 1992.
22. Журавлев В. К. Экологический кризис русского языка и культуры // В кн.: Сборник докладов V Международ-

- ных образовательных Рождественских чтений. М., 1997. С. 77–94.
23. Зверев А. Т., Зверева Е. Г. Экология, учебник для 7-9 классов, М., Дом педагогики, 1999.
 24. Зверев И. Д. Введение в экологические системы. Учебное пособие для школьников. М.: Тобол, 1995.
 25. Йегер О. Всеобщая история. СПб.: Изд. Товарищества А. Ф. Маркс, 1906.
 26. Каган С. М. Введение в историю мировой культуры: в 2 тт. СПб.: Петрополис, 2003.
 27. Карташев А. В. Св. Великий князь Владимир – отец русской культуры // В кн.: Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996.
 28. Килин А. П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох (опыт социально-психологического анализа // В кн.: Социоестественная история. Вып. IX. Билль о правах человека и природы. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
 29. Клименко В. В. Энергия, климат и историческая перспектива России // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 100–105.
 30. Кожин В. В. История Руси и русского слова. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
 31. Кожин В. В. Победы и беды России. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.
 32. Козлов А. И. Экология питания. М.: МНЭПУ, 2002.
 33. Кочуров Б. И. От «зон» экологического неблагополучия к очагам духовного возрождения. // В кн.: VII научная конференция «Человек и природа – проблемы СЕИ». М., 2003.
 34. Крупенио Н. Н. Информационное загрязнение окружающей среды России // В кн.: Христианство и проблемы экологии. IX Международные образовательные Рождественские чтения. Сборник докладов конференции. М., 2000. С. 96–108.

35. Куликов И. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера. Справочник: в 3 тт. М., 1999–2000.
36. Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М., 1996.
37. Лемешев М. Я. Православие, семья и земля в русской цивилизации. // В кн.: Православие, экология, нравственность. Сб. тр. XII Международных образовательных Рождественских чтений. М., 2004. С. 36–48.
38. Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. М.: Молодая гвардия, 2003.
39. Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991.
40. Лобанов П. Страна спящих монархистов // Дворянский Вестник, 2001, № 3–4. С. 7.
41. Лозинский С. Г. История папства. М.: Издательство политической литературы, 1986.
42. Лола А. М. Россия – страна непризнанных урбосистем. М.: ЭКОС-ИНФОРМ, 1996, № 1–2.
43. Лола А. М. Основы градovedения и теории города. М.: КомКнига, 2005.
44. Лола А. М. Экология городов России: реальности, катарсис (очищение) городской культуры. Будет ли выход из экологического и духовного кризиса? XII Международные Рождественские образовательные чтения. Православие, экология, нравственность (сб. трудов VIII конференции). М., 2004. С. 16–30.
45. Лопухин А. П. Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986.
46. Макдауэлл Д., Стюард Д. Обманщики. Культ Нового времени. М., 1994.
47. Мамедов Н. М., Суравегина И. Т., Глазачев С. Н. Основы общей экологии. Учебник для старших классов общеобразовательной школы. М.: МДС, 1998.
48. Марк Твен. Собрание сочинений, том V. М.–Л.: Государственное издательство, 1929.

49. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. За пределами роста / Пер. с англ. под ред. Ягодина Г. А. М.: Прогресс, Пангея, 1994.
50. Миллер Т. Жизнь в окружающей среде / Пер. с англ. под ред. Ягодина Г. А. М.: Галактика, 1996.
51. Миловатский В. С. Об экологии слова. М.: Просветитель, 2001.
52. Мифы и магия индоевропейцев. Альманах. Вып. 10. М.: София, ИД «Гелиос», 2002.
53. Моисеев Н. Н. Экология и образование. М.: Юнисам, 1996.
54. Моисеев Н. Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. М.: ЭКОПРЕСС – ЗМ, 1996.
55. Моисеев Н. Н. Размышления о современной политологии. М.: МНЭПУ, 1999.
56. Монархический ликбез // Русский вестник, 2000, № 11–13.
57. Назаретян А. П. Гуманизм vs биоцентризм. Человек и природа. Материалы VI научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
58. Нефедов С. А. История древнего мира. Екатеринбург: Екатеринбургский колледж предпринимательства и социального управления, 1994.
59. Нечепуренко Р. В. Вопросы истории древних цивилизаций и средневековья: Материалы Четвертых Дзагуровских чтений. Сборник трудов кафедры истории Древнего мира и Средних веков ДГУ. Выпуск IV. Махачкала, 2005.
60. Олейников Ю. В. Экологический фактор современной социоестественной истории России // В кн.: Социоестественная история. Вып. IX. Билль о правах человека и природы. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.

61. Олейников Ю. Колонизирующий социум. Геополитическая стратегия России. Природа и самоорганизация общества // В кн.: Социоестественная история. Вып. XXII. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Московский лицей, 2002.
62. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2004.
63. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
64. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: ЭСКМО–Алгоритм, 2003.
65. Панкеев И. А. Экология языка, речи и информации // Городъ, 2005, № 8. С. 12–17.
66. Пантин В. И. Смена технологических укладов как фактор взаимодействия человека и природы в эпоху индустриального общества. Человек и природа. Материалы VI научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» // В кн.: Социоестественная история. Вып. X. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Кульпина Э. С. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
67. Пантин В. И. VII конф. СЕИ, 2003. Развитие технологических укладов в России в XX в.: роль системы ценностей и вмещающего ландшафта.
68. Платонов О. А. Глобализация и христианство // Русский Вестник, 2002, № 5–6. С. 8–10 (Доклад на Международной конференции по глобальным проблемам всемирной истории. Москва, 26–27.01.02).
69. Платонов О. А., Райзеггер Г. Почему погибнет Америка: взгляд с Востока и Запада. М.: Столица-Принт, 2008.
70. Платонов О. А. Битва за Россию. М.: Алгоритм, 2010.
71. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
72. Мелконян Р. Г. Продовольственная безопасность как фактор устойчивого развития России // В кн.: Православие, экология, нравственность. Сб. тр. XII Между-

- народных образовательных Рождественских чтений. М., 2004.
73. Религиозные новообразования России. М., 2000.
 74. Родес Рон. Вразрез со Священным Писанием. М., 2001.
 75. Россия перед Вторым Пришествием (материалы к очерку Русской эсхатологии). Издание второе. М.: Родник, 1994.
 76. Русский Вестник, 2003, № 23. С. 5.
 77. Серафим (Роуз). Православие и религия будущего. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1996.
 78. Смирнов Л. М. К проблеме эмпирического изучения базовых ценностей российского суперэтнуса // В кн.: Социоестественная история. Вып. IX. Билль о правах человека и природы. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
 79. Смирнов Л. М. Государственная политика и средний класс в постперестроечной России. Поиск истоков // В кн.: Социоестественная история. Вып. XV. Генезис кризисов природы и общества в России. Под ред. Э. С. Кульпина. М.: Институт востоковедения РАН, 2000.
 80. Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
 81. Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1991.
 82. Соколов Э. В. Культурология. Очерки теорий культуры. Пособие для учащихся. М.: Интерпакс, 1994.
 83. Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть вторая. Европейский мир X–XV вв. М.: Интерпакс, 1994. С. 272–274.
 84. Троицкий В. Ю. Сражение за русское слово // Русский Вестник, 2003, № 19. С. 20.
 85. Троицкий В. Ю. Духовно-нравственный потенциал молодежи – основа жизни и безопасности России // Русский Вестник, 2004, № 14. С. 14.
 86. Трущенко И. А. Вводная лекция к курсу английского языка. М.: Просвещение, 1973.

87. Тютчев Ф. И. Папство и римский вопрос с русской точки зрения. СПб., 1–13.10.1849 (цит. по: Русский Вестник, 2003, № 24. С. 10).
88. Ужанков А. Н. Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI, 2005, № 5. С. 134–161.
89. Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
90. Шабад Л. В. Окружающая среда и развитие в русской традиции // В кн.: Социоестественная история. Вып. XII. Ландшафт и этнос. Под ред. Э. С. Кульпина. М., 1999.
91. Шиманов Г. М. О чем помалкивают язычники // Велико-росс, 1999, № 14. С. 21–41.
92. Цитцер О. Ю. Культурное и духовное наследие России и экологическое мировоззрение. // В кн.: Генетические коды цивилизаций: Материалы Третьей научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории» (сентябрь 1994, г. Феодосия, Республика Крым). М.: Московский лицей, 1995.
93. Чернова Н. М., Галушин В. М., Константинов В. М. Основы экологии. Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, АО «Московские учебники», 1998.
94. Эко У. Из заметок к роману «Имя розы» // В кн.: Называть вещи своими. М., 1986.
95. Эфендиева Д. А. Вопросы истории древних цивилизаций и средневековья: Материалы Третьих Дзагуровских чтений. Сборник трудов кафедры истории Древнего мира и Средних веков ДГУ. Выпуск III. Махачкала, 2004.
96. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 159–162.
97. www.NEWSru.com (06.01.03).
98. Россия. Экологическая обстановка – негативна [Электронный ресурс] // ОптИнфо. Сайт для оптовика. – Электрон. дан. – [М.], 2005. – Режим доступа: <http://optinfo.ru/digestid/133301.html>, свободный. – Загл. с экрана.

99. Без иллюзий [Электронный ресурс] // Русское небо – Электрон. дан. – [М.], 2009. – Режим доступа: http://www.rus-sky.com/cgi-bin/publisher/show.pl?s=news&a=show_news&n=006729&m=1&y=2009, свободны. – Загл. с экрана.
100. Проблемы сохранения биоразнообразия и принципы организации экологически грамотного лесопользования. Реконструкция истории биоценотического покрова Восточной Европы и проблема поддержания биологического разнообразия [Электронный ресурс] // Лесной бюллетень. – Электрон. дан. – М., 08.1999. – Режим доступа: <http://www.forest.ru/rus/bulletin/11/1.html>, свободный. – Загл. с экрана.
101. Население России. Статистика, факты, комментарии, прогнозы [Электронный ресурс] // Агентство РиФ. – Электрон. дан. – [М.], 2010. – Режим доступа: http://www.rf-agency.ru/acn/stat_ru, свободный. – Загл. с экрана..
102. Федоров А. В. К 90-летию декрета о введении новой орфографии [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 05.11.2008. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=7698>, свободный. – Загл. с экрана.
103. Лемешев М. Я. Слово признательности владыке Питириму [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 19.02.2010. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=8339>, свободный. – Загл. с экрана.
104. Балиев А. А. Засуху России давно заказали... [Электронный ресурс] / Русский Вестник. – Электрон. дан. – М., 25.07.2010. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=8599>, свободный. – Загл. с экрана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РОССИЯ – ГАРАНТ ДУХОВНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ НА ПЛАНЕТЕ

Да проглянет древняя мудрость и
сила, которая вела наших предков и
строила нашу Священную Русь.

И. А. Ильин

Существование биосферы характеризуется антиэнтропийной (негэнтропийной) направленностью энергетических процессов – за счет действия автотрофных организмов (прежде всего – зеленых растений), переводящих энергию космоса из рассеянного в концентрированное состояние. Под действием антропогенных факторов (падшей цивилизации гедонизма) энергетический процесс приобрел энтропийную направленность, ведущую к нарастанию хаоса в окружающей среде.

Иными словами – биосфера способствует поддержанию упорядоченности и жизни, цивилизация с созданной ею техносферой ведет к росту неупорядоченности и приближает собственную гибель. Причина кроется во вселенской катастрофе грехопадения, развитии цивилизации с либерально-потребительской идеологией.

Для христианского сознания все бедственные состояния природы, так или иначе связанные с научно-технической

и хозяйственной деятельностью человека и поражающие его самого, имеют своей глубинной причиной искажение нравственной основы изначально данного человеку господства над природой.

Аскетическое направление монастырского хозяйства, не мешая улучшению его методов, способствовало господству духа над плотью, над поврежденной грехом природой самого человека. А господство над собой давало ему власть и над внешней природой, и это была не власть эгоистического произвола, а власть любви, примерами которой полны жития христианских подвижников, любви, располагающей всякое создание к покорности человеку.

Одновременное обеспечение непрерывного экономического роста и улучшения состояния окружающей среды невозможно, поскольку противоречит основным законам природы. Изменение менталитета современного общества (навязанного миру Западной цивилизацией под видом «общечеловеческих» ценностей) в сторону отказа от потребительства невозможно и является полной утопией. Весь исторический процесс – тому доказательство.

Критерием истинности любого мировоззрения, как известно, является практика («По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16)). Моральная деградация современной гедонистической цивилизации и ее следствие – физическая деградация окружающей среды – лишь подтверждают законы сохранения и превращения, согласно которым материя и энергия не возникают из ничего и не исчезают бесследно.

Вот почему будущее общество Земли ждут лишь дальнейшая духовная деградация, рост однородности (глобализация), нестабильности и конечный крах – как моральный, так и физический.

Гибельно было бы каким-либо образом противостоять развитию кризиса. Об этом еще в XIX в. писал святитель Игнатий Брянчанинов: «Не тщись немощною своею рукою...» Ответ *алармистам* и им подобным дан и современным греческим богословом: «Ныне все мы превратились в экологов и защит-

ников природы, перестав быть богословами. Нас должно бы заботить загрязнение духовной среды, духовная катастрофа, гибель и опустошение душ, грех, который есть единое зло (*нет зла, кроме греха*). Но вместо этого мы беремся спасти мир, все творение, тем самым возлагая на себя дело, которое принадлежит лишь только Богу» [3, с. 22–23].

Существует и другой взгляд на ситуацию. В атеистической мировоззренческой системе превалирует мнение о примате науки, техники и технологии в решении экологических проблем; человечество накапливает энергию, а не рассеивает ее и потому, согласно В. И. Вернадскому, является огромной геологической силой. Однако, как показывает практика, все улучшения экологической ситуации в результате принимаемых природоохранных мер носят лишь локальный характер и не меняют общей ситуации на планете.

Выход из кризиса должен иметь в своей основе исключительно духовное начало, базирующееся на коренном изменении основного следствия грехопадения – современного миропонимания: отношения к Богу, к природе, к обществу, к власти; осуществление этого в рамках современной Западной цивилизации представляется полностью утопичным и невозможно вне Православия.

Практически все современные западные мыслители, даже наиболее трезвомыслящие, не предлагают, да и не могут предложить, никаких спасительных рецептов спасения от надвигающейся катастрофы, кроме самых банальных направлений в материальной сфере – борьбы с загрязнением окружающей природной среды и попытки решения демографических проблем. Иными словами – **современная наука развивается вслед за экологическим кризисом, но никак его не опережает.**

На базе этого возникает так называемый экологический социализм – синтез либерализма, коммунизма (лишь в период слабости становящегося «патриотической» идеологией) и учения В. И. Вернадского о ноосфере. Сюда же следует отнести и

«Концепцию устойчивого развития». Воистину: «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1 Кор. 1, 20).

Важнейшая мысль, высказанная, что характерно, представителем Запада: «Лишь отдавая себе отчет в неспособности экологической науки как прежде, так и теперь с полной достоверностью объяснить, как устроены природные системы вокруг нас, можно осознать, что мы избираем в качестве эталона такую природу, какой нам самим хочется ее видеть» [2, с. 18].

Апостасия, материальным выражением которой является разнонаправленность биосферных и техносферных процессов, ведет к упрощению техносферы, обеспечиваемому стремлением мировой закулисы к мировому господству. Предельное упрощение техносферы есть создание мирового правительствa под руководством антихриста. Но главный элемент техносферы – человек – есть существо биосоциальное, то есть принадлежащее одновременно и биосфере, залогом стабильности которой является высочайший уровень сложности. Поэтому, чтобы такая крайне неустойчивая в силу своей простоты система просуществовала сколько-нибудь длительное время, необходим сильнейший противовес в духовной сфере («Удерживающий»). Кто может взять на себя эту роль? Только Россия – в силу своего истинно христианского менталитета, сформировавшегося в течение более чем тысячелетнего срока на генетическом уровне и не разрушенного даже в результате трагических событий XX в. Этот вывод с очевидностью говорит о неизбежном возрождении России, что утверждается и во многих пророчествах русских святых: «Перед концом будет расцвет».

По мысли русского историка А. В. Карташева: «Русская земля, а с нею и русская Церковь не могут не быть носителями “великой совести”». Нынешняя тирания бессовестности – лишь временное наваждение. Существующие типы рас и культур сложились еще в доисторические тысячелетия и до сих пор остаются в главном неизменными. 20 лет извращенческого перевоспитания не изменят духовной глубины русского гения». Это написано в 1938 году.

А. В. Карташеву принадлежат и следующие слова: «Русь навсегда устояла в Православии»; «Не оторвалась Русь от восточного типа христианства под ударом монгольского нашествия, как ни заигрывали галицко-волынские князья с латинским Западом.

Не пошла она и за своей водительницей Византией в XV веке в унию с Римом, когда великий князь Московский Василий Васильевич в 1441 г., предвосхищая и выражая общественное мнение своей страны, арестовал и изгнал принесшего унию митрополита грека Исидора».

Мысли же некоторых православных мыслителей о возможном переходе роли России к Китаю или даже африканским народам представляются несостоятельными, поскольку, при всей «экологичности» и непотребительстве мировоззрений указанных суперэтноса и этносов, они кроме того имеют на том же генетическом уровне сформированную в течение тысячелетий сугубо языческую природу, отрицающую роль Творца, а следовательно, ориентирующуюся в первую очередь на материальные ценности.

Экология и культура – понятия связанные между собой теснейшим образом. Экология – наука о связях в окружающей среде, о связях цивилизации и биосферы, мировоззренческая основа современного знания; культура – все созданное разумом и руками человека, сложная устойчивая система; иными словами, культура – общее состояние народа в материальном и духовном отношениях. Как и экология, культура делает упор на идеальные моменты существования, материальные блага для нее лишь средства, а не цель, поэтому овладение любой культурой предполагает знакомство с религией, на основе которой эта культура создавалась. Поэтому **культура всегда экологична, если подлинна**. В связи с этим возникает и понятие «экологическая культура», неотделимое от общего понятия «культура».

Главное отличие современной культуры, в том числе и экологической, от древних – обращенность не в прошлое (чем древнее, тем подлиннее, а значит, и лучше), а в будущее.

Древние цивилизации и культуры в большинстве своем стремились сохранить сведения о порядке, а не об отклонениях от него, о том, что должно быть, а не о том, что нарушает установленное обычаями и традициями течение жизни. Как следствие, мы видим нарастание степени неупорядоченности в современной цивилизации.

Поэтому для сохранения экологической культуры и в образе жизни, и в поведении нужно следовать освященной веками традиции, завещанной предками, а не разрушать все, что они оставили.

Стабилизация современного мирового сообщества к настоящему времени отчасти достигается с помощью процесса глобализации, означающей интеграцию в политической, экономической и культурной областях, формирование так называемых «**массовой культуры**» и «**культуры мира**», навязывающих людям стандарты потребительского существования, что, однако, ведет к необоснованному перерасходу природных ресурсов и к росту загрязнения биосферы.

XXI век – век постиндустриальной цивилизации, информационного оружия и новых технологий управления массовым сознанием. Россия продолжает двигаться по пути «управляемой катастрофы». Те, кого русский мыслитель И. А. Ильин назвал «мировой закулисой», меняют режимы – коммунистический на демократический, как наиболее эффективно уничтожающие Россию.

Смешение сословий и национальностей, объединение государств, смешение всего и всех в некое среднее «нечто», массовое общество, при росте разобщенности знаний и дифференциации наук (аналог Вавилонской башни после смешения языков) – есть упрощение социоестественной системы, а всякое упрощение в естественных системах есть потеря стабильности и признак приближения катастрофы и гибели («предсмертное смешение», по К. Н. Леонтьеву). Это приближение гибели может даже показаться (и не только показаться!) ростом стабильности и могущества общества, ибо в техносфере – чем проще, тем стабильнее. Но превалирует все же биосфера, она – жизнь,

а техносфера – смерть, хаос. При потере антиэнтропийного начала биосферы в обществе начинается превалировать второе начало термодинамики – стремление к равенству и равновесию.

Идея мирового правительства предполагает постепенное сокращение доли национального суверенитета стран мира, создание единой мировой религии. Глава мирового правительства – антихрист – с этих позиций явится защитником «общечеловеческих» ценностей, активным борцом за дело мира, права человека и животных, вероятно – активистом одной из партий «зеленых», симпатизирующим мировому экологическому движению, вегетерианцем, религиозным экуменистом, соответствующим всем современным представлениям об интеллигенте; его власть предполагает полное замирение, социальное благополучие, спокойствие во всем мире.

Вспомним: «Ибо когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба <...> и не избегнут. Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать» (1 Фес. 5, 3–4).

Альтернативой либерализму и универсальному эволюционизму является Православие – вселенская религия с более чем тысячелетней традицией в России. В равновесии с биосферой может находиться лишь то общество, идеалы которого нравственны и аскетичны. Православие генетически сформировало менталитет российского общества, который давал и будет давать всему миру необходимое духовное основание для подлинного самоограничения – то есть выхода из духовного и экологического кризисов.

«Практически всю свою историю Россия духовно опиралась на Православие. Поэтому трудно предполагать, что (если она пройдет через переживаемую сейчас катастрофу) она сможет существовать на какой-то другой духовной основе» [4, с. 17].

Весьма важны для нас мысли митрополита Иоанна (Снычева): «Пора научиться жить, надеясь лишь на Бога да на себя, тяжелую, но жизненно необходимую работу по возрождению России Бог сделает за нас... Дай нам Бог понять,

наконец, всю меру нашей сегодняшней ответственности, всю важность момента, весь ужас катастрофы, ожидающей нас, если мы не найдем в себе сил противостоять яростным порывам зла, терзающим страну. Молюсь об этом крепко и крепко верю – Россия воспрянет от сна!»

Он же предупреждает: «Лишенное религиозно-нравственных опор национальное самосознание либо рухнет под напором космополитической нечисти, либо выродится в неоправданную национальную спесь. И то и другое для России – гибель. Не видеть этой опасности может лишь слепой» (Митрополит Иоанн (Снычев), из статьи «Державное строительство»).

Изложенное следует завершить словами И. А. Ильина о Святой Руси, сказанными в 1939 г.: «Русь именуется святою не потому, что в других странах нет святости: это не гордыня наша и не самопревознесение...

Русь именуется Святою и не потому, что в ней “нет” греха и порока или что в ней “все” люди – святые... нет.

Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не утощающаяся, а по греховности людской и не *утоляющаяся жажда праведности*, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, *художественно отождествиться с ней*, стать хотя бы слабым отблеском ее <...> – и для этого оставить земное и обыденное, царство заботы и мелочей и уйти в богомолье. И в этой *жажде праведности человек прав и свят* при всей своей обыденной греховности.

Только немногие, совсем немногие люди на земле могут стать праведными, до глубины переродиться, целостно преобразиться. И когда мы говорим о Святой Руси, то не для того, чтобы закрыть себе глаза на эти пределы человеческого естества и наивно и горделиво идеализировать свой народ <...> но для того, чтобы утвердить <...> что рядом с окаянной Русью (и даже в той же самой душе!) всегда стояла Святая Русь, молитвенно домогавшаяся ко Господу и достигавшая Его лицезрения – то в слепом покаянии, то в «томлении духовной жажды», то в молитвенном богомолии. И Россия жила, росла

и цвела потому, что *Святая Русь вела несвятую Русь*, обуздывала и учила *окаянную Русь*...

И так шло до тех пор, пока *окаянная Нерусь* не развязала наши несвятыя силы, наши грешные, бурные страсти и не отстранила временно – да, конечно, временно – Святую Русь от учения и водительства. А когда Святая Русь была мученически отстранена от водительства и *окаянная Нерусь* водворилась у руля, тогда Святая Русь ушла в новое, таинственное богомолье душевных и лесных пещер, вослед за уведшим ее Сергием Преподобным: там она и пребывает донныне).

Спасти Россию в настоящий момент может только чудо, и надо верить в это чудо: «Бог всегда предпочитает веру мудрости» (святитель Иоанн Златоуст). Характерны слова Н. А. Бердяева: ««Все чаще и чаще слышатся голоса... что “только чудо может спасти Россию”. Верно слово и всякого приятия достойно, что силен Бог спасти погибающую Родину нашу. Но достойны ли мы этой милости Божией, того, чтобы над нами было сотворено чудо? Из Святого Евангелия мы знаем, что Христос Спаситель в иных местах не творил чудес за неверствие жителей...» [1, с. 206].

Россия – гарант духовного и экологического равновесия на планете. Подтверждения этому – в самом факте существования нашего государства, главного противника цивилизации Запада.

Надежду на будущее выразил русский писатель Владимир Алексеевич Солоухин:

Держитесь, копите силы,
Нам уходить нельзя.
Россия еще не погибла,
Пока мы живы, друзья.

Преподобный Серафим Вырицкий говорил: «Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога, и погибнет куда больше душ, чем во времена открытого богоборчества. С одной стороны будут

возводить кресты и золотить купола, а с другой настанет царство лжи и зла...» Весьма похоже на современность...

Но тот же Серафим Вырицкий говорил, что «спасение миру от России». Главное для православных – прозреть Промысл Божий! И – не стать Его противником в страшной информационной войне, которая происходит сегодня на наших глазах.

Литература:

1. Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. Париж, 1971.
2. Вайнер (Уинер) Д. *Экология в Советской России*. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
3. Зисис. Ф. *Благотворное и очистительное цунами. Виноват ли Бог в стихийных бедствиях?* М.: Святая Гора, 2005.
4. Шафаревич И. Р. *Христианство и экологический кризис*. Фрязино: Содружество «Православный паломник», 1993.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

АГРОЭКОСИСТЕМА, АГРОБИОГЕОЦЕНОЗ – созданное человеком и им же искусственно поддерживаемое сообщество организмов с повышенной продуктивностью (урожайностью) одного или нескольких избранных видов растений или животных; как система отличается неустойчивостью, без поддержки человека существовать не может.

АЛАРМИЗМ (англ. alarm – сигнал тревоги, настороженность) – научное и общественное течение, представители которого концентрируют внимание на катастрофичности последствий воздействия человека на природу и необходимости принятия немедленных решительных мер для ее спасения.

АНТРОПОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ (ВЛИЯНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) – воздействие на окружающую среду созданной человеком техносферы, обусловленное необходимостью постоянного увеличения энергетических и сырьевых затрат для обеспечения потребностей численно растущего человечества. А. в. выделяют в отдельную группу т.н. антропогенных экологических факторов.

А. в. проявляется в изменении режима множества экологических факторов, связанных с животным и растительным миром (биотические факторы), а также климатом и почвой (абиотические факторы). Такое изменение зачастую выходит

за пределы устойчивости (толерантности) живых организмов и самого человека в том числе.

Производственная деятельность человека к середине XX в. приобрела масштабы, сравнимые с геологическими преобразованиями. В настоящее время объем жидких и твердых веществ, перерабатываемых человечеством, соизмерим с объемом биомассы, воспроизводимой растительным и животным миром на суше и в океане. В этой связи все защитные мероприятия по предотвращению экологических катастроф могут оказаться бесполезными, поскольку время их «срабатывания» может быть существенно больше времени разрушения природной среды при А. в.

В принципе, любое А. в. может привести к частичной или полной деградации *экосистем* (см.) и их последующей гибели.

АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ – см. *Антропогенное воздействие*.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ – воззрение на человека как на центр Вселенной и конечную цель мироздания, противопоставляет себя христианскому теоцентризму; как идеологическое направление сформировался в основном в эпоху Ренессанса.

АРЕАЛ (лат. *area* – область) – область распространения биологического вида. Одно из основных понятий в биологических дисциплинах, изучающих географическое распространение организмов, – географии растений и зоогеографии. Ареал вида является суммированным эффектом современных и предшествовавших экологических условий. Для большинства видов ареал является географически сплошным, но у многих видов он разорван, часто из-за глобальных естественных процессов, коренным образом поменявших условия среды.

АРИДИЗАЦИЯ (лат. *aridus* – сухой) – комплекс процессов снижения влажности территорий, вызывающий сокраще-

ние биологической продуктивности экосистем за счет уменьшения разницы между осадками и испарением. Со временем испарения начинают преобладать над осадками. Существенная аридизация суши произошла во время бурного развития сельского хозяйства за счет вырубки лесов и снижения в результате суммарного испарения. Причины аридизации могут быть как природными, так и антропогенными. К природным можно отнести циклические изменения климата. Антропогенными являются уничтожение растительности, откачка подземных вод, эрозия, пыльные бури.

БИОГЕОЦЕНОЗ – простейшая наземная *экосистема* (см.).

БИОМ – совокупность экосистем одной природно-климатической зоны.

БИОПРОДУКТИВНОСТЬ – способность биогеоценоза на основе использования вещества и энергии к воспроизводству органического вещества. Обычно оценивается как прирост биомассы на единицу площади в единицу времени (обычно за год).

БИОСФЕРА (др.-греч. βίος – жизнь и σφαῖρα – сфера, шар) – оболочка Земли, заселенная живыми организмами, находящаяся под их воздействием и занятая продуктами их жизнедеятельности; «пленка жизни»; глобальная экосистема Земли.

Термин «биосфера» был введен в биологии Ж.-Б. Ламарком в начале XIX в., а в геологии предложен австрийским геологом Э. Зюссом в 1875 г.

Целостное учение о биосфере создал русский биогеохимик и философ В. И. Вернадский в 1920-х гг. Он впервые отвел живым организмам роль главнейшей преобразующей силы планеты Земля, учитывая их деятельность не только в настоящее время, но и в прошлом.

БИОТА (др.-греч. βιοτή – жизнь) – исторически сложившаяся совокупность всех биологических видов в биосфере. В состав биоты входят как представители клеточных организмов (растения, животные, грибы, бактерии, протисты и пр.), так и бесклеточные организмы (например, вирусы). Биота является важной составной частью экосистем и биосферы. Биота активно участвует в биогеохимических процессах. Изучение биоты – предмет многих наук, в том числе биологии, экологии, гидробиологии, палеонтологии, биогеохимии и других.

БИОЦЕНТРИЗМ – идеология и научный подход в природоохранном деле, ставящие превыше всего интересы живой природы в том виде, в каком они представляются человеку. Биоцентризм противопоставляется антропоцентризму и является одним из ответвлений экоцентризма – течения биоэтики, исходящего из представлений о заведомом приоритете сохранности экологической сферы планеты (включая и ее неживые элементы) над удовлетворением текущих нужд. Основное отличие биоцентризма от собственно экоцентризма – наделение первичным приоритетом важности все живые организмы (то есть представителей биосферы), не акцентируя при этом особого внимания на проблемах сохранения абиотической компоненты природы.

Одно из ответвлений – левый биоцентризм, имеющий антикапиталистическую, антииндустриальную и анархическую направленность, близкий идеологии антиглобализма, появившийся в середине 1980-х гг. в Великобритании. Ряд сторонников идеологии биоцентризма в борьбе за свои идеи осуществляют на практике противоправную деятельность, расцениваемую в США как экологический терроризм.

ВМЕЩАЮЩИЙ ЛАНДШАФТ – жизненное пространство конкретной цивилизации, фундаментальное понятие в социоестественной истории, ее географическая компонента.

ГАУЗЕ ПРИНЦИП («принцип конкурентного исключения»), по имени Георгия Францевича Гаузе, советского ученого,

эколога) – важнейший закон экологии, согласно которому два биологических вида не могут устойчиво существовать в ограниченном пространстве, если численность обоих лимитирована одним жизненно важным ресурсом, – два вида не могут занимать одну экологическую нишу. Следствиями закона являются высочайшие сложность и стабильность биосферы в целом.

ГЕДОНИЗМ (лат. *hedone* – наслаждение, удовольствие) – этическое учение о наслаждении как высшей цели жизни, главной добродетели и высшем благе; развито в Древней Греции; в Новое время – учение, противоположное аскетизму. Стремление к наслаждению в гедонизме рассматривается как основное движущее начало человека, заложенное в него природой и предопределяющее все его действия.

ГИДРОЛОГИЯ – наука, занимающаяся изучением природных вод, явлений и процессов, в них протекающих. В связи со специфическими особенностями водных объектов и методов их изучения разделяется на океанологию, гидрологию поверхностных вод суши, гидрогеологию (подземных вод).

ГЛЯЦИОЛОГИЯ (лат. *glacies* – лед) – наука о природных системах, свойства и динамика которых определяется льдом. Объектами изучения гляциологии являются: природные льды на поверхности Земли, в атмосфере, гидросфере, литосфере; режим и динамика их развития; взаимодействие с окружающей средой; роль льда в истории планеты Земля.

ГОМЕОСТАЗ (др.-греч. *ομοιοστάσις* от *ομοιος* – одинаковый, подобный и *στάσις* – стояние, неподвижность) – саморегуляция, способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Экологический гомеостаз наблюдается в климатических сообществах с максимально возможным биоразнообразием при благоприятных условиях среды.

ДЕНДРОЛОГИЯ – раздел ботаники, изучающий древесные растения (деревья, кустарники и кустарнички), которые являются главной составной частью лесных биогеоценозов.

ДЕТЕРМИНИЗМ (лат. *determinare* – определять) – признание всеобщей объективной закономерности и причинной обусловленности всех явлений природы и общества. Отрицание детерминизма – индетерминизм.

ЗАГРЯЗНЕНИЕ – принесение в какую-либо среду или возникновение в ней новых, не характерных для нее физических, химических или биотических компонентов или превышение в рассматриваемое время естественного среднесного уровня (в пределах его крайних колебаний) концентрации перечисленных компонентов в среде.

ЗАКОН¹ ВНУТРЕННЕГО ДИНАМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ – один из фундаментальных экологических законов: всякая природная система обладает внутренней энергией, веществом, информацией и динамическими качествами, связанными настолько, что любое изменение одного из этих показателей вызывает в другом или том же, но в другое время, изменения, сохраняющие всю сумму перечисленных показателей. Следствия этого закона: 1) любое изменение среды неизбежно приводит к развитию природных цепных реакций, идущих в сторону нейтрализации произведенного изменения или формирования новых природных систем; 2) взаимодействие энергетических, вещественных и информационных компонентов экосистемы не линейно, то есть слабое воздействие или изменение одного из показателей может вызвать сильные отклонения в других и всей системе в целом; 3) производимые в крупных экосистемах изменения относительно необратимы; 4) любое местное пре-

¹ Экологические законы, правила и закономерности даны по В. И. Вернадскому, Н. Ф. Реймерсу и Н. Н. Моисееву в креационной трактовке.

образование природы вызывает в глобальной совокупности биосферы ответные реакции, приводящие к относительной неизменности эколого-экономического потенциала, увеличение которого возможно лишь путем значительного возрастания энергетических вложений («правило Тришкина кафтана») (см. *Закон снижения энергетической эффективности природопользования*).

ЗАКОН РАЗВИТИЯ ПРИРОДНОЙ СИСТЕМЫ ЗА СЧЕТ ОКРУЖАЮЩЕЙ ЕЕ СРЕДЫ – любая природная система может развиваться только за счет использования материальных, энергетических и информационных возможностей окружающей ее среды. Этот закон вытекает из начал термодинамики. Следствия из этого закона: 1) абсолютно безотходное производство невозможно, оно равнозначно созданию «вечного двигателя»; 2) любая более организованная биотическая система, используя и видоизменяя среду жизни, представляет собой потенциальную угрозу для более низкоорганизованных систем.

ЗАКОН СНИЖЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ – с течением времени при получении полезной продукции из природных систем на ее единицу затрачивается все большее количество энергии. Например, с начала XX в. до сегодняшних дней количество энергии, затрачиваемое на производство единицы сельхозпродукции, возросло в 8–10 раз, промышленной продукции – в 10–12 раз с одновременным уменьшением доли более экологически чистой мускульной энергии.

ЗАКОН ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА В. И. ВЕРНАДСКОГО – все живое вещество Земли физико-химически едино. Отсюда следствие: вредное для одной части живого вещества не может быть безразлично для другой его части – иными словами, вредное для одних видов существ вредно и для других.

ЗАКОН ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕЛЯЦИИ – в экосистеме все входящие в нее живые (биотические) и неживые (абиотические) экологические компоненты соответствуют друг другу. Поэтому выпадение одной части системы, например уничтожение вида, неминуемо ведет к изменению всей системы в рамках закона внутреннего динамического равновесия.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СНИЖЕНИЯ ПРИРОДОЕМКОСТИ ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ – удельное содержание природного вещества в усредненной единице общественно-го продукта неуклонно снижается. Это, однако, не означает, что в процесс производства вовлекается меньше природного вещества, наоборот, его количество увеличивается, при этом выбрасывается до 95–98% потребляемого в производстве природного вещества. Снижение же природоемкости конечной продукции объясняется миниатюризацией изделий, заменой естественных материалов синтетическими, сменой вещественных отношений информационными (например, безбумажный обмен информацией по телефону, ЭВМ и т.п.).

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ УВЕЛИЧЕНИЯ ОБОРОТА ВОВЛЕКАЕМЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ – в процессе исторического развития мирового хозяйства быстрота оборачиваемости вовлеченных природных ресурсов (как первичных, так и вторичных) непрерывно возрастает, при этом энергоемкость производства повышается.

ЗАКОНЫ ЭКОЛОГИИ БАРРИ КОММОНЕРА – «законы», сформулированные американским экологом Б. Коммонером в 1974 г. в иронической форме: 1) все связано со всем; 2) все должно куда-то деваться; 3) природа знает лучше; 4) ничто не дается даром. Согласно этим «законам», «глобальная экосистема представляет собой единое целое, в рамках которого ничего не может быть выиграно или потеряно и которое не может явиться объектом всеобщего улучшения;

все, что было извлечено из него человеческим трудом, должно быть возмещено».

«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» – процесс развертывания научно-технической революции в сельском хозяйстве, представленный массовым внедрением новых агротехнических технологий, машин, оборудования, удобрений, средств защиты растений. Проходил в основном в развивающихся странах в период 1940–1970-х и привел к значительному увеличению мировой сельскохозяйственной продукции.

Признавая успехи «зеленой революции», ряд ученых высказывают сомнения в том, что она сможет устойчиво обеспечивать будущие потребности, поскольку вмешательство человека в круговорот азота не может продолжаться бесконечно. Вследствие широкого применения минеральных удобрений и пестицидов возникли проблемы экологического характера. Интенсификация земледелия нарушила водный режим почв, что вызвало масштабное засоление и опустынивание. Соединения меди и серы, вызывающие загрязнение почвы, к середине XX в. были заменены ароматическими, гетероциклическими, хлор- и фосфорорганическими соединениями. В отличие от старых препаратов эти вещества действуют в более низкой концентрации, что позволило снизить расходы на химическую обработку. Многие из этих веществ оказались устойчивыми и плохо биоразлагаются.

«Зеленая революция» способствовала глобализации и захвату рынков семян, удобрений, пестицидов и сельхозтехники развивающихся стран американскими компаниями.

КАЧЕСТВО СРЕДЫ ОБИТАНИЯ – совокупность параметров среды, всецело удовлетворяющая как экологическую нишу человека, так и научно-технический прогресс общества. Совершенно очевиден антагонизм этих двух аспектов.

КИБЕРНЕТИКА (др.-греч. κυβερνητική – искусство управления) – наука об общих закономерностях процессов

управления и передачи информации в различных системах, будь то машины, живые организмы или общество.

КЛИМАКС ЭКОСИСТЕМЫ (греч. κλίμαξ – высшая точка, кульминация) – стабильное состояние экосистемы, в котором климаксовое сообщество (экосистема) поддерживает само себя неопределенно долго, все внутренние его компоненты уравновешены друг с другом.

КОНУРБАЦИЯ (лат. con (cum) – вместе, заодно и urbs – город) – группа сближенных и тесно связанных между собой самостоятельных городов, образующих единство благодаря интенсивным экономическим и культурно-бытовым связям, общим крупным инженерным сооружениям (транспорт, водоснабжение). Конурбация рассматривается как один из элементов или видов агломерации населенных пунктов.

КОСМОПОЛИТИЗМ (греч. κοσμοπολίτης – гражданин мира) – отрицание патриотизма под фальшивым лозунгом «человек – гражданин мира», расширение идеи Отечества на весь мир; в основе лежит сознание единства человеческого рода. К. выдвигает требования создания всемирного рынка, правительства и т.п. Отождествление К. и христианства неправомерно, поскольку последнее подразумевает любовь к Отечеству и его защиту от врагов. В настоящее время К. является идеологией морального разоружения народов перед притязаниями «мировой закулисы» на мировое господство.

КОЭВОЛЮЦИЯ – в эволюционной теории – совместная эволюция видов, взаимодействующих в экосистеме. Изменения, затрагивающие какие-либо признаки особей одного вида, приводят к изменениям у другого или других видов. В приложении к системе «человек – окружающая среда» термин впервые использован в 1960-х гг.; полагают, что выход из критического состояния общества лежит в области смены технологий и опоры на новые виды ресурсов.

КРЕАЦИОНИЗМ (лат. creation – создание, сотворение) – религиозное и естественнонаучное учение о сотворении Вселенной и жизни Богом из ничего в процессе шестидневного творческого акта; основано на буквальном понимании Книги Бытия с привлечением данных естественных наук. На протяжении всей истории христианских цивилизаций креационизм являлся и продолжает являться важнейшей частью как теологических и философских, так и естественнонаучных систем. Важнейшие положения креационизма были обоснованы Святыми отцами Православной Церкви (Василий Великий, Ефрем Сирийский, Афанасий Великий, Иоанн Златоуст и др.). В настоящее время большой вклад в развитие креационизма внесен протестантскими и православными учеными. В мировоззренческом плане креационизм противостоит эволюционизму, утверждающему мысль о самовозникновении и саморазвитии Вселенной и жизни в течение миллиардов лет.

КРИЗИС ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИЙ – спонтанное (энтропийное) разрушение природных систем в ходе деятельности человека в связи с тем, что любая система развивается за счет окружающей ее среды.

КСЕРОФИТЫ (др.-греч. ξηρός – сухой и φυτόν – растение) – растения сухих местообитаний, способные переносить продолжительную засуху («засухоустойчивые»); составляют типичную флору пустынь и полупустынь, обычны на морском побережье и на песчаных дюнах.

КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЯ (культурная, социальная антропология) – наука о культуре как совокупности материальных объектов, идей, ценностей, представлений и моделей поведения во всех формах ее проявления и на всех исторических этапах ее развития. В упрощенном понимании культурная антропология занимается изучением поведения человека и результатов его деятельности. Культурная антропология усма-

тривает свою задачу в построении теории человека как творца и носителя культуры, требует учитывать изменчивость его сущности в конкретном историческом многообразии культур, стремится в анализе человека опираться не только на биологию и психологию, но и на филологию, искусствоведение, историю, социологию и теологию.

ЛАНДШАФТНАЯ ЭКОЛОГИЯ – раздел экологии и географии, изучающий пространственное разнообразие и элементы ландшафта (например, поля, живые изгороди, группы деревьев, реки или города) и то, как их расположение воздействует на распределение и поток энергии и индивидуумов в окружающей среде.

ЛИМНОЛОГИЯ, озероведение (греч. λίμνη – пруд, озеро и λόγος – учение) – наука о континентальных водоемах с замедленным водообменом (озерах, водохранилищах), изучающая весь комплекс взаимосвязанных физических, химических и биологических процессов, протекающих в них; относится к географическим наукам.

ЛИТОРАЛЬ, литоральная зона, или приливо-отливная зона, – участок берега, который затопляется морской водой во время прилива и осушается во время отлива. Располагается между участками с самым высоким уровнем воды в прилив и самым низким в отлив. Затопление и осушение литорали происходит 2 раза в сутки.

МЕГАЛОПОЛИС (греч. μέγας, род. падеж μέγαλου – большой, и πόλις – город), редко – **СВЕРХАГЛОМЕРАЦИЯ (СУПЕРАГЛОМЕРАЦИЯ)** – наиболее крупная форма расселения, образующаяся при срастании большого количества соседних городских агломераций. Мегалополис – крайне урбанизированная, стихийно складывающаяся форма городского расселения в ряде высокоразвитых стран. Термин происходит от названия древнегреческого города Мегалополь, возникше-

го в результате слияния более 35 поселений Аркадии. Более распространенное определение: **МЕГАПОЛИС** – единое городское пространство, объединяющее множество разросшихся мелких городов.

Основные черты мегалополиса: линейный характер застройки, вытянутой в основном вдоль транспортных магистралей; общая полицентрическая структура, обусловленная взаимодействием относительно близко расположенных друг к другу крупных городов; нарушение экологического равновесия между деятельностью человека и природной средой.

Впервые термин был применен для обозначения сплошной городской застройки (протяженностью свыше 1000 км и шириной местами до 200 км) вдоль атлантического побережья США – связанных между собой агломераций Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона (население 40 млн человек).

МЕЛИОРАЦИЯ (лат. *melioratio* – улучшение) – комплекс организационно-хозяйственных и технических мероприятий по улучшению гидрологических, почвенных и агроклиматических условий с целью повышения эффективности использования земельных и водных ресурсов для получения высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур. Мелиорация отличается от обычных агротехнических приемов длительным и более интенсивным воздействием на объекты мелиорации.

НООСФЕРА (греч. *νόος* – разум и *σφαίρα* – шар); по В. И. Вернадскому – сфера разума, высшая стадия эволюции биосферы, связанная с возникновением и развитием в ней мыслящего человечества; сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ – понятие, по сути сформировавшее кибернетику; воздействие с выхода на вход системы.

Отрицательная обратная связь – тип обратной связи, при которой выходной сигнал передается обратно на вход для погашения части входного сигнала. Отрицательная обратная связь делает систему более устойчивой к случайному изменению параметров. Отрицательная обратная связь широко используется живыми системами разных уровней организации – от клетки до экосистем и социоестественных систем для поддержания гомеостаза.

Положительная обратная связь – тип обратной связи, при которой изменение выходного сигнала системы приводит к такому изменению входного сигнала, которое способствует дальнейшему отклонению выходного сигнала от первоначального значения. Положительная обратная связь приводит к неустойчивости системы.

Положительная обратная связь – это тип обратной связи, при котором выходной сигнал усиливает действие входного сигнала. Положительная обратная связь рассогласует систему, и в конечном счете существующая система трансформируется в другую систему, которая оказывается более устойчивой (то есть в ней начинают действовать отрицательные обратные связи).

Действие механизма нелинейной положительной обратной связи ведет к тому, что система начинает развиваться в режиме с обострением. Режим с обострением – динамический закон, при котором одна или несколько моделируемых величин обращается в бесконечность за конечный промежуток времени. В реальности вместо ухода в бесконечность в этом случае наблюдается обычно фазовый переход. Формируется в результате действия механизма нелинейной положительной обратной связи. Режимы с обострением подробно изучались в течение многих лет в Институте прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН.

ОККУЛЬТИЗМ (лат. *occultus* – тайный, сокровенный) – общее наименование учений об использовании сверхразумных методов познания через непосредственное мистическое обще-

ние с «божеством» в состоянии экстаза или медитации. Входит в состав большинства языческих религий.

ОКРУЖАЮЩАЯ ПРИРОДНАЯ СРЕДА – в экологическом праве: естественная среда обитания человека, биосфера, служащая условием, средством и местом жизни человека и других живых организмов.

ОЛИГАРХИЯ (греч. *ολιγαρχία* – власть немногих) – политическое и экономическое господство, правление небольшой группы аристократов или крупных капиталистов.

ПАЛИНОЛОГИЯ (греч. *παλύνε* – тонкая пыль и *λόγος* – учение) – комплекс отраслей наук (в первую очередь ботаники), связанных с изучением пыльцевых зерен и спор. Используется, в частности, в археологии – анализ пыльцы древних растений.

ПЕРЕЛОЖНАЯ СИСТЕМА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ – система земледелия; после снятия нескольких урожаев поле (перелог) оставляли без обработки на 8–15 лет для восстановления плодородия почвы.

ПИРОГЕННЫЙ ЛАНДШАФТ – ландшафт, возникающий в результате неэкологичного отношения человека к природе (выжигание лесов, растительности при охоте на животных и т.д.).

«КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» («ПОВЕСТКА ДНЯ НА XXI ВЕК») – один из документов, принятых Международной конференцией ООН по окружающей среде и развитию 1992 года в Рио-де-Жанейро, в котором охарактеризованы экологические проблемы мира, возможности международного сотрудничества на путях их решения.

ПОДЗОЛИСТЫЕ ПОЧВЫ – большая группа кислых почв, формирующихся под хвойными и смешанными лесами

в условиях промывного водного режима. Для вовлечения подзолистых почв в сельскохозяйственное использование необходимо известкование, внесение больших доз органических и минеральных удобрений, регулирование водного режима, создание мощного пахотного слоя.

ПОССИБИЛИЗМ (лат. *possibilis* – возможный, фр. *possible* – возможный) – направление в географии; теория поссибилизма утверждает, что географическое пространство не предопределяет историю, но лишь предрасполагает к тому или иному ее течению (в противоположность географическому детерминизму).

ПРИНЦИП ЛЕ ШАТЕЛЬЕ – БРАУНА – важнейший закон природы. На термодинамическую систему, находящуюся в состоянии устойчивого равновесия, могут воздействовать внешние факторы, выводящие ее из этого состояния. Реакцию системы на эти воздействия можно качественно определить на основе принципа Ле Шателье – Брауна, предложенного в 1884 французским химиком Анри Луи Ле Шателье (1850–1936) и теоретически обоснованного в 1887 немецким физиком Карлом Фердинандом Брауном (1850–1918): внешние воздействия, выводящие термодинамическую систему из состояния устойчивого равновесия, вызывают в ней протекание процессов, которые уменьшают влияние этих внешних возмущений.

СИСТЕМА – одно из ключевых понятий в постнеклассической науке: целеустремленная совокупность не случайно оказавшихся вместе, взаимосвязанных, взаимовлияющих и взаимозависимых элементов, имеющая свойства, отсутствующие у любого из них, и связанная с внешней средой; специфические свойства системы обусловлены наличием связей между ее элементами. Характерной чертой любой системы является наличие цели ее существования.

СОЦИОБИОЛОГИЯ – представляет собой гибридную дисциплину, включающую в себя знания из области этологии, экологии и генетики с целью выяснения общих принципов, отражающих биологические свойства целых социальных систем.

Социобиология как предмет во многом основана на сравнении разных социальных видов живого. Она исходит из современного варианта дарвинизма (синтетической теории эволюции), но объясняет и такие процессы, которые с трудом могут быть согласованы с дарвинизмом в его классическом понимании, например, явления самопожертвования особей (альтруизм). Многие биополитики одновременно являются социобиологами, полагая «социобиологию человека» пригодной для объяснения ряда политических явлений и процессов.

С исторической точки зрения биополитика предвосхитила развитие социобиологии. Если биополитика ведет отсчет с 1964 г. (первая статья Л. Колдуэлла с таким заглавием), то первые работы Э. О. Уилсона по социобиологии появились в конце 1960-х, за ними последовала книга «Социобиология: новый синтез» (Wilson, 1975). Хотя работы по биополитике появились на несколько лет раньше первых публикаций по социобиологии, социобиология успела оказать такое сильное влияние на биополитику и связи между этими двумя дисциплинами столь тесны, что многие биополитические исследования могут рассматриваться одновременно как исследования по социобиологии.

СУКЦЕССИЯ (лат. *successio* – преемственность, наследование) – последовательная необратимая и закономерная смена одного биоценоза (фитоценоза, микробного сообщества, биогеоценоза и т.д.) другим на определенном участке среды во времени.

Классическим примером природной сукцессии является «старение» озерных экосистем, выражающееся в зарастании озер растениями от берегов к центру. В конечном счете озе-

ро превращается в торфяное болото, представляющее собой устойчивую экосистему климаксного типа. Но и она не вечна – на ее месте постепенно может возникнуть лесная экосистема уже благодаря наземной сукцессионной серии в соответствии с климатическими условиями местности.

СУПЕРЭТНОС (лат. *super* – сверх, и греч. *ἔθνος* – народ) – в пассионарной теории этногенеза и социоестественной истории этническая система, высшее звено этнической иерархии, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением и проявляющихся в истории как мозаичная целостность.

Всего на планете насчитывается около десятка суперэтносов, в частности Западная Европа, Китай, Индия, Россия, мусульманский мир.

ТЕРМОДИНАМИКА – наука о закономерностях теплового движения; основывается на небольшом числе законов, или «начал», термодинамики, установленных в результате обобщения огромного экспериментального материала. Начала термодинамики имеют весьма общий характер, описывая общие закономерности превращений энергии в макросистемах, т.е. телах, состоящих из большого числа частиц – атомов или молекул. Простое распространение законов термодинамики на микросистемы или космические системы (Вселенная в целом) может привести к серьезным ошибкам.

ТЕХНОСФЕРА – область технической деятельности человека на Земле и в космосе, а также сама техника.

ФАУНА (лат. *fauna*, от имени римской богини лесов и полей, покровительницы стад животных) – исторически сложившаяся совокупность видов животных, обитающих в данной области и входящих во все ее биогеоценозы. Домашние животные, животные в зоопарках и т.п. не входят в состав фауны.

ФЕНОЛОГИЯ (греч. φαῖνομαι – появление и λόγος – учение) – система знаний о сезонных явлениях природы, сроках их наступления и причинах, определяющих эти сроки, а также наука о пространственно-временных закономерностях циклических изменений природных объектов и их комплексов, связанных с годичным движением Земли вокруг Солнца.

ФИТОМАССА (греч. φυτόν – растение) – общее количество живого органического вещества растений (как высших, так и низших), накопленное к данному моменту в надземной и подземной сфере фитоценоза суши (участка леса, луга и т.п.) или водного пространства.

ФИТОЦЕНОЛОГИЯ – учение о фитоценозах (растительных сообществах); раздел геоботаники и биогеоценологии. Фитоценология – теоретическая основа охраны, правильного использования и повышения продуктивности природных и созданных человеком фитоценозов. Результаты фитоценологических исследований используются для планирования и рационального использования лесных, кормовых и прочих угодий, в геологических и гидрогеологических исследованиях.

ФЛОРА (лат. flora, от имени римской богини цветов и весеннего цветения Флоры) – исторически сложившаяся совокупность видов растений, распространенных на определенной территории в настоящее время или в прошедшие геологические эпохи. Комнатные растения, растения в оранжереях и т.п. не входят в состав флоры.

ФЛУКТУАЦИЯ (лат. fluctuatio – колебание) – в физике – временное, «случайное» отклонение от равномерного распределения молекул в газе или жидкости, возникающее в результате теплового движения. В более широком смысле слова – отклонение от среднего значения чего-либо, временное изменение, колебания около равновесного значения.

ХОЛИЗМ (греч. ὅλος – целый, весь) – «философия целостности». Термин введен Я. Смэтсом в книге «Holism and evolution» (1926). Согласно холизму, миром управляет процесс творческой эволюции – процесс создания новых целостностей. В ходе эволюции формы материи преобразуются и обновляются, никогда не оставаясь постоянными; холистический процесс отвергает закон сохранения материи. Носителем всех органических свойств объявляется чувственно не воспринимаемое, нематериальное поле, остающееся постоянным при всех изменениях организма. Целое (целостность) трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное; оно провозглашается «последней реальностью универсума»; высшая конкретная форма органической целостности – человеческая личность. Придавая мистический характер «фактору целостности», холизм считает его нематериальным и непознаваемым. В современной западной литературе термин «холизм» иногда используется для обозначения принципа целостности.

В применении к биологическим объектам холистический подход называют витализмом.

Весь мир, с точки зрения холизма, – это единое целое, а выделяемые нами отдельные явления и объекты имеют смысл только как часть общности. Соответственно, развитие мира должна направлять некая внешняя по отношению к нему сила.

Холизм господствовал в европейском мышлении с древности и до XVII в. Пример холистического утверждения из трудов Гиппократата: «человек есть универсальная и единая часть от окружающего мира», или же «микрокосм в макрокосме».

Массовый интерес к идеям холизма возродился в XX в. Основоположником современного холизма является Я. Смэтс, которому принадлежит ставшая сакраментальной фраза «целое больше, чем сумма его частей».

ШПИЛЬМАН (нем. Spielmann, от spielen – играть и Mann – человек) – странствующий певец-музыкант в средне-

вековой Германии и Австрии (родствен жоглеру во Франции, скомороху на Руси). Шпильманы были одновременно поэтами, актерами, певцами, акробатами, танцорами; исполняли произведения героического народного эпоса, новеллы и шванки (сатирические сказки) собственного сочинения; выступали на ярмарках, народных празднествах, а также во время придворных торжеств. Искусство шпильманов часто носило антихристианский характер.

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ – учение об эволюции, необратимом, самопроизвольном историческом развитии природы и общества от низших стадий к высшим, лишенном целенаправляющего начала.

ЭВТРОФИКАЦИЯ (греч. εὐτροφία – хорошее питание) – обогащение рек, озер и морей биогенами, сопровождающееся повышением продуктивности растительности в водоемах. Эвтрофикация может быть результатом как естественного старения водоема, так и антропогенных воздействий – загрязнений. Основные химические элементы, способствующие эвтрофикации, – фосфор и азот. Заращение водоемов ведет к обеднению воды кислородом и к массовой гибели рыбы.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА (вариант определения) – необратимое природное явление или аномалия, крупная техногенная авария, а также изменения параметров биосферы, приводящие к крайне неблагоприятным изменениям в окружающей среде, массовой гибели населения, животного и растительного мира и крупному экологическому ущербу.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НИША – функциональная роль биологического вида в сообществе (род его занятий), а также условия и место существования вида; характеризуется множеством параметров, изменение которых под действием антропогенных факторов ведет к ее постепенному разрушению.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПИРАМИДА (пирамида Элтона) – графические изображения соотношения между продуцентами и консументами всех уровней (травоядных, хищников, видов, питающихся другими хищниками) в экосистеме. Эффект пирамид в виде графических моделей разработан в 1927 г. Ч. Элтоном. Выражается: в единицах массы (пирамида биомасс), в числе особей (пирамида чисел Элтона), в заключенной в особях энергии (пирамида энергий).

Правило экологической пирамиды: количество растительного вещества, служащего основой цепи питания, примерно в 10 раз больше, чем масса растительоядных животных, и каждый последующий пищевой уровень также имеет массу, в 10 раз меньшую.

Цепь питания (пищевая, трофическая цепь) – цепь взаимосвязанных видов, последовательно извлекающих органическое вещество и энергию из исходного пищевого вещества. Каждое предыдущее звено цепи питания является пищей для следующего звена.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС (вариант определения) – напряженность отношений между техно- и биосферой, вызванная несоответствием между потребностями человечества и способами их удовлетворения, с одной стороны, ресурсными возможностями биосферы – с другой. В отличие от *экологической катастрофы* (см.), кризис – состояние обратимое.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ РИСК – в экологическом праве – допущение вероятности причинения вреда природной среде ради достижения экологического или экономического эффекта. Нормальный экологический риск – основанное на познании и правильном использовании законов природы допущение вероятности причинения вреда при условии отсутствия серьезных необратимых последствий, реальной возможности воспроизводства потерянных природных ресурсов.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ – рассмотрение явлений с учетом воздействия человека и человечества на природную среду, то же, что «подход экологический»; иногда экологическое мышление противопоставляют экономическому мышлению, которое ставит во главу угла увеличение производства несмотря ни на какие затраты природных и других ресурсов.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО – совокупность правовых норм и правоотношений, регулирующих общественные отношения в сфере взаимодействия общества и природы.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ – динамическое равенство притока и оттока энергии, вещества и информации, поддерживающее экосистему в определенном состоянии, или ведущее к закономерной сукцессионной (см. *сукцессия*) замене одной экосистемы другой.

ЭКОЛОГИЯ – 1) в классическом понимании: биоэкология; 2) в узком понимании: наука о законах жизни экосистем; 3) в широком понимании: наука о биосфере планеты и положении человека и человеческого общества в ней (экология глобальная, мегаэкология, метаэкология); 4) в техническом понимании: область знаний, рассматривающая некую совокупность предметов и явлений с точки зрения субъекта или объекта (как правило, живого или с участием живого), принимаемого за центральный в этой совокупности (это может быть и промышленное предприятие); 5) наука о причинной связи между прошлым и будущим, о динамике в отношениях и процессах, происходящих в геобиосфере.

ЭКОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНАЯ – 1) в узком смысле: наука о взаимодействии человеческого общества с окружающей природной средой; 2) в широком смысле: наука о взаимодействии отдельного человека и человеческого общества с природной, социальной и культурной средами.

ЭКОСИСТЕМА (экологическая система) – совокупность совместно обитающих живых организмов, условий и пространства их обитания, находящихся в закономерной взаимосвязи друг с другом. Термин предложен в 1935 г. А. Г. Тенсли, определившим экосистему как безразмерную устойчивую систему живых и неживых компонентов, в которой совершается внешний и внутренний круговорот вещества и энергии. К экосистемам относят отдельные лес, поле, луг, водоем и т.п. и одновременно каплю воды с микроорганизмами, горшок с цветком, пилотируемый космический корабль и т.п.

Различают следующие виды экосистем: открытые, т.е. способные к свободному обмену веществом, энергией и информацией с окружающей средой, частично открытые и закрытые, т.е. полностью зависящие от человека. Последний в этом случае берет на себя функции управления экосистемой и поддержания ее жизнедеятельности (например, агроценозы, аэротэнки с микроорганизмами в системах биологической очистки сточных вод).

На Земле экосистемой высшего порядка является биосфера, включающая в себя отдельные экосистемы (биогеоценозы). Понятие «экосистема» шире, чем биогеоценоз (термин академика В. Н. Сукачева), поскольку последний является сугубо наземным образованием, имеющим свои четкие границы.

Важнейшее условие существования любой экосистемы – ее гомеостатичность (гомеостаз) – состояние динамического равновесия и способность поддерживать это равновесие. Наряду с этим экосистема испытывает медленные, постоянные изменения во времени, имеющие последовательный характер; такая смена одной экосистемы другой носит название сукцессии.

Антропогенная деятельность всегда направлена на экосистемы, вне которых нет жизни на Земле. В противоположность техногенным объектам стабильность экосистемы и ее устойчивость при внешнем воздействии увеличиваются с ростом ее сложности и наоборот. Обеднение видového раз-

нообразия флоры и фауны при антропогенном воздействии понижает стабильность экосистемы. Структурно упрощенные экосистемы, в частности – природные деградирующие или созданные человеком (например, сельскохозяйственные угодья), становятся весьма уязвимыми даже к слабому воздействию абиотических (климатических) факторов. Поэтому любой процесс антропогенного воздействия на экосистему ведет к ее изменениям, экологическому кризису, частичной или полной деградации и гибели.

ЭКОСИСТЕМА ТЕХНОГЕННАЯ – экосистема, возникающая или изменившаяся в результате технического воздействия человека (например: вырубки, заболоченные в результате образования водохранилища земли и т.д.).

ЭКОТОП (греч. οἶκος – жилище и τόπος – место) – совокупность абиотических факторов, характерных для конкретной экосистемы. Подразделяется на почвенную (эдафотоп) и наземную (аэротоп, климатоп) среды.

ЭКОЦЕНТРИЗМ – идеология охраны окружающей среды, рассматривающая сохранность дикой природы как самостоятельную ценность, вне зависимости от любых человеческих критериев пользы, и предполагающая приоритет этой ценности над целями и потребностями человечества. Сторонникам экоцентризма свойственно преклонение перед природой, близкое к религиозному, и восприятие природы как субъекта действия, имеющего собственные цели и обладающего моральными правами.

В рамках экоцентризма защита дикой природы проводится не для достижения каких-либо целей, имеющих ценность с точки зрения человечества, а ради самой природы. Таким образом, создание охраняемых природных территорий предполагает отсутствие научного, рекреационного или какого-либо другого контроля и использования этих территорий и предоставления природным процессам полной свободы.

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ (англ. emergence – возникновение, появление нового) – в теории систем: наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих ее подсистемам и блокам. В биологии и экологии понятие эмерджентности можно выразить так: одно дерево – не лес, скопление отдельных клеток – не организм.

ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ (англ. environmental – относящийся к окружающей среде) – теория управления, исходящая из понимания человека и человечества как составной части биосферы и необходимости преобразования и сохранения биосферы в интересах человека; 2) общественное движение в защиту окружающей среды.

ЭНЕРГИЯ – общая количественная мера различных видов движения, взаимодействия и превращения материи; ее главные разновидности, или формы: механическая, тепловая, электромагнитная, химическая, гравитационная, ядерная; одни виды энергии могут превращаться в другие в строго определенных количественных соотношениях; при всех превращениях энергии общее количество ее не изменяется; закон сохранения энергии – один из основных законов естествознания.

ЭНТРОПИЯ – функция состояния; 1) в физике: одна из величин, характеризующих тепловое состояние тела или системы тел; энергия, необратимо рассеивающаяся в тепловой форме в окружающую среду с невозможностью повторного использования; в более широком смысле: мера неупорядоченности *системы* (см.), степень хаоса; при всех процессах, происходящих в замкнутой системе, энтропия или возрастает (необратимые процессы), или остается постоянной (обратимые процессы); функционирование *техносферы* (см.) имеет прямым следствием рост энтропии; 2) в теории информации: мера неопределенности ситуации с конечным или четным числом исходов, например, опыт, до проведения которого результат в точности неизвестен.

ЭРОЗИЯ (лат. *erosio* – разъедание) – разрушение горных пород и почв поверхностными водными потоками и ветром, включающее в себя отрыв и вынос обломков материала и сопровождающееся их отложением.

Эрозия почвы – разрушение и снос верхних, наиболее плодородных горизонтов почвы в результате действия воды и ветра.

По скорости развития эрозию делят на нормальную и ускоренную. Нормальная имеет место всегда при наличии сколько-либо выраженного стока, протекает медленнее почвообразования и не приводит к заметным изменениям уровня и формы земной поверхности. Ускоренная идет быстрее почвообразования, приводит к деградации почв и сопровождается заметным изменением рельефа.

По причинам выделяют естественную и антропогенную эрозию. Следует отметить, что антропогенная эрозия не всегда является ускоренной, и наоборот.

ЭСКАПИЗМ (англ. *escape* – убежать, сбежать, исчезнуть, спастись) – индивидуалистическо-примиренческое стремление человека уйти от мрачной действительности в мир иллюзий; мировоззрение или стиль жизни, подменяющий реальные отношения с миром на воображаемые, часто почерпнутые из научной фантастики, фэнтези или модернистских религиозных установок. Ярчайшим примером эскапизма является увлечение компьютерными играми.

ЭТНОС (греч. *ἔθνος* – народ) – группа людей, объединенная общими признаками, объективными либо субъективными. Различные направления в этнологии включают в эти признаки происхождение, язык, культуру, территорию проживания, самосознание и др. В русском языке аналогом термина долгое время было понятие «народ». В научный оборот понятие «этнос» было введено в 1923 г. русским ученым-эмигрантом С. М. Широкогоровым.

ЭТОЛОГИЯ – дисциплина, изучающая поведение животных (изначально – людей); термин введен в 1859 г. французским зоологом И. Жоффруа Сент-Илером; основоположник – К. Лоренц; тесно связана с зоологией, физиологией, генетикой и сравнительной психологией.

Литература:

1. Розенберг Г. С. Анализ определений понятия «экология» // Экология, 1999, № 2. С. 89–98.
2. Толковый словарь по охране природы. М.: Экология, 1995.
3. Чулков П. В., Чулков И. П. Краткий словарь-справочник по нефтепереработке. М.: Политехника, 1997.
4. Шабанов В. В. Словарь по прикладной экологии, рациональному природопользованию и природообустройству. М.: МГУП, 2003.
5. Экологический словарь. М.: Конкорд Лтд-ЭКОПРОМ, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Литература.....	8
ГЛАВА 1. ХРИСТИАНСТВО, ЭКОЛОГИЯ И СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ	10
1.1. Вера и знание.....	11
1.2. Гуманитарный аспект экологического знания	20
1.3. Креационный и эволюционный подходы к истории цивилизаций	32
1.4. Проблема «экологичности» религий	59
1.4.1. Сравнительный анализ религий с позиций экологии.....	59
1.4.2. Православие и экология	76
1.4.3. Католичество и экология	80
1.4.4. Протестантизм и экология.....	86
Литература.....	91
ГЛАВА 2. ЯЗЫЧЕСТВО ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	96
2.1. Историко-географический аспект	96
2.2. Экологичность язычества восточных славян.....	103
2.3. Язычество как следствие грехопадения	111
Литература.....	120

ГЛАВА 3. РОЛЬ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ С ПОЗИЦИЙ ЭКОЛОГИИ	123
3.1. Духовный аспект	123
3.2. Материальный аспект.....	137
3.2.1. Механизм поддержания экологического равновесия.....	137
3.2.2. Эколога-ресурсный потенциал России	142
Литература.....	171
ГЛАВА 4. ОТ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ	176
4.1. Сохранение единства государства	176
4.2. Экономика Киевской Руси	180
4.3. Поэтическое восприятие природы на Руси.....	200
4.4. Раздробленность государства и ее последствия.....	207
4.5. Монгольское нашествие – отрицательная обратная связь	215
Литература.....	237
ГЛАВА 5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ – ОБРАЗЕЦ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ С БИОСФЕРОЙ	240
5.1. Смысл монашеского жизненного пути	242
5.2. Культура хозяйствования православных монастырей в XI–XIII вв. (пещерный период).....	245
5.3. Культура хозяйствования православных монастырей в XIV–XVII вв. (общежительный период).....	254
5.4. Культура хозяйствования православных монастырей в XVIII–XIX вв. (поздний период)	285
5.5. Сравнение характера деятельности христианских монастырей Востока и Запада Европы.....	289

5.6. Возрождение монастырей в постсоветский период....	297
Литература.....	302
ГЛАВА 6. МОСКВА – III РИМ	305
6.1. Предпосылки формирования доктрины.....	305
6.1.1. Духовный аспект.....	305
6.1.2. Материальный аспект.....	316
6.2. Иоанн Грозный и самодержавная власть.....	335
6.3. Смутное время – «момент истины» или «отодвигание времени».....	349
6.4. «Тишайший» царь Алексей Михайлович и его реформы.....	354
Литература.....	364
ГЛАВА 7. ОТ ПЕТРА I ДО КАТАСТРОФЫ 1917 ГОДА	367
7.1. Удар по миропониманию русского народа.....	367
7.2. Расширение сферы влияния России.....	380
7.3. XIX в. – либерализм и атеизм, деградация экосистем.....	386
7.4. Наука, литература, законодательство.....	397
7.5. Геополитика и предпринимательство.....	421
Литература.....	431
ГЛАВА 8. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	436
8.1. Суть советской власти с православных позиций.....	436
8.2. Проблемы экологии и роль интеллигенции.....	449
8.3. Реальность глобального экологического кризиса.....	480
8.4. От атеизма к сатанизму – развал государства.....	501
Литература.....	506

ГЛАВА 9. ПОСТСОВЕТСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ	511
9.1. Попытка перехода к идеологии радикал- либерализма	511
9.2. Постмодерн	519
9.3. «Новое религиозное движение» – духовный кризис ...	533
9.3.1. Предпосылки возникновения и развития	533
9.3.2. Неоязычество и секты экологической ориентации	539
9.4. Деградация экосистем – экологический кризис	549
9.5. Что впереди?	562
9.6. Экология и вопрос о власти	581
Литература.....	614
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РОССИЯ – ГАРАНТ ДУХОВНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ НА ПЛАНЕТЕ	623
Литература	632
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ	633
Литература.....	660

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 80 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор З. Н. Скобелкина
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 12.04.2012 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 30,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.

Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

- Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)